

ДАНА АРНАУТОВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА

КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ

Грани безумия

ТОМ 1
КНИГА 3

ИДДК

Annotation

«Грани безумия» – фантастический роман Даны Арнаутовой и Евгении Соловьевой, первый том третьей книги цикла «Королева Теней», жанр романтическое фэнтези, приключенческое фэнтези, эпическое фэнтези.

Правление нового короля постепенно вытаскивает Дорвенант из пучины бедствий, но счастлив ли сам Аластор? Грегор Бастельеро готов на все ради Айлин, но почему она все реже улыбается? В Академии появилась крайне подозрительная личность, и Совет Магистров то и дело противодействует своему главе...

Ради редкого счастья настоящей дружбы Лучано решил поторговаться с родной Гильдией за свою свободу, но на его сердце по-прежнему лежит проклятие...

-
- - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)

Дана Арнаутова, Евгения Соловьева
Королева Теней. Книга 3

Грани безумия. Том 1

Содержание цикла «Королева Теней»:

Книга 1. Двойная звезда. Том 1

Книга 1. Двойная звезда. Том 2

Книга 2. Клинком и сердцем. Том 1

Книга 2. Клинком и сердцем. Том 2

Книга 2. Клинком и сердцем. Том 3

Книга 3. Грани безумия. Том 1

© Арнаутова Дана, Соловьева Евгения

© ИДДК

Глава 1

Незванные гости

– Нет, – процедил Грегор, переводя взгляд с посетителя на барготову грудку бумаг, меньшую часть которых следовало подписать еще вчера, а большую – неделю назад. – Фиолетовый факультет не нуждается в услугах кладбищенского мастера-профана. Не знаю, от кого вы услышали столь неуместную шутку, сударь...

– Витольс, – напомнил этот самый профан, высокий худощавый незнакомец лет сорока, о котором Грегор никогда ранее не слышал. – Возможно, милорд Великий Магистр, вы все же спросите у магистра Фиолетовой Гильдии? Вдруг мои услуги все-таки пригодятся? Поверьте, у меня весьма богатый опыт в том, что касается нежити.

– Разговор окончен, сударь Витольс, – отрезал Грегор, изрядно устав и от этой беседы, и от не менее странного профана, одетого как состоятельный простолюдин, очень прилично, хотя старомодно. Никакого титула гость не назвал, рекомендаций не предоставил, но держался при этом так, словно был переодетым королем, никак не меньше. Между прочим, кто его вообще впустил в кабинет Архимага? Нужно непременно выяснить и принять меры. – Если это все, чего вы хотели...

– Не все, – без малейшего почтения хмыкнул наглец, рассматривая Грегора, как редкую, но непонятно к чему предназначенную диковинку. – Но, разумеется, не смею навязывать свое общество. Разрешите откланяться, милорд.

И в самом деле склонился в безукоризненно изящном, но слишком неглубоком для простолюдина поклоне, а затем невозмутимо покинул кабинет.

Грегор вздохнул, потер невесть с чего занывшие виски и снова с отвращением взглянул на бумаги. Видит Претемнейшая, до занятий еще три недели, а документов, требующих внимательнейшего прочтения и подписей, уже столько, словно их не разбирали год! Если бы только Грегор мог по-прежнему доверять Райнгартену... Передал бы ему половину, не задумываясь!

Впрочем, можно ведь взять бумаги домой и разобрать их там?

При мысли о доме Грегор ощутил уже привычное нетерпеливое ожидание и поймал себя на том, что понимает Райнгартена, который всегда так спешит домой или во дворец – в зависимости от того, где именно проводит время его драгоценная женушка. Было бы к кому спешить! Впрочем, если Райнгартен любит жену хотя бы вполовину так, как сам Грегор...

Не поехать ли домой прямо сейчас? В конце концов, обед уже давно прошел, а занятий все равно нет, и даже те из преподавателей, кто занят подготовкой к новому учебному году, не засиживаются в Академии так поздно! Старого Кастельмаро, прошлого Архимага, вовсе невозможно было застать на службе летом.

Грегор бросил взгляд на огромные фраганские часы, присланные в подарок новым королем, те самые, что раньше стояли в спальне Малкольма, и от которых бастард поспешил избавиться как можно скорее, словно торопился вытравить саму память о прежнем короле. Право, лучше бы избавился от кота, следующего за ним везде с такой надменной важностью, словно король тут он! Или от Беатрис! В конце концов, Малкольм любил эти часы. Впрочем, теперь они напоминали Грегору о покойном друге. Стоит, пожалуй, поблагодарить короля не только по требованиям этикета, что Грегор сделал сразу, а про себя, зато от души.

Погрузившись в приятные размышления, он не сразу понял, что за дверью в приемной больше не правит безмятежная тишина. Чьи-то голоса сливались в негромкий неразборчивый гул, заставивший Грегора поморщиться. Кстати, следует выйти и объяснить господам секретарям и насчет недопустимости визитов неизвестных профанов, и насчет соблюдения надлежащего этикета! И сделать это немедленно, а то в последнее время он стал недопустимо благодушен.

Все пятеро секретарей, к величайшему изумлению Грегора, были тихи и благонравны, как только что упокоенные умертвия. Сидя за своими столами, они занимались работой, а голоса принадлежали наглому профану, который, как оказалось, никуда не ушел, и... Ну разумеется, разве мог Роверстан упустить такой случай испортить Грегору настроение? Интересно, чего ему-то здесь понадобилось? До этого дня разумник не утомлял Грегора визитами и, кажется, даже его избегал...

– Доброго дня, магистр, – бросил Грегор и перевел взгляд на профана, который с интересом рассматривал книжные шкафы со справочниками. – Могу я узнать, почему вы все еще здесь?

– Доброго дня, милорд Великий магистр, – склонил голову Роверстан. – Вижу, вы уже познакомились с нашим новым преподавателем? Позвольте выразить вам свое восхищение – вы узнаете обо всем так быстро, словно вашей разведкой по-прежнему руководит командор Райнгартен.

– Преподаватель? – холодно уточнил Грегор, в очередной раз дав себе слово не обращать внимания на учтивую издевку разумника. – Должен вас огорчить, Роверстан. Этот сударь ввел вас в заблуждение. Только что я лично отказал ему в месте кладбищенского мастера.

– Какое дивное совпадение! – удивился Роверстан. – А я только что принял достойного сударя Витольса на должность преподавателя истории. В моей гильдии острая нехватка наставников, милорд Архимаг, а сударь Витольс предоставил мне самые убедительные рекомендации от человека, которого я давно знаю и чьему мнению полностью доверяю.

– Вы приняли на должность? – переспросил Грегор так тихо, что едва сам себя услышал. – Не интересуюсь моим мнением на этот счет? Профана, которому... попросту не место в Академии?

– Магистр имеет право нанимать преподавателей для своей гильдии по собственному разумению, – с безукоризненной любезностью процитировал Роверстан Устав Ордена. – Что же до того, что профанам не место в Академии... Значит ли это, что в самом скором времени нам потребуются новые берейторы, фехтмейстеры, преподаватели танцев и изящных искусств? Не смею оспаривать ваше решение, но должен признать, мне будет весьма жаль расставаться с мэтром де Берже. Право, у него основы поэзии удастся освоить даже тем из адептов, кто совершенно не склонен к литературной деятельности! Да что там обычные адепты, я сам слышал, как на его уроке Саймон Эддерли сложил безупречно правильный и весьма оригинальный катрен, посвященный радостям жизни! Ушам бы своим не поверил, но катрен при этом был неприличным в той же мере, что и правильным, так что сомнений в авторстве у меня не возникло. А вы хотите лишить нашу Академию такого замечательного преподавателя!

– Роверстан! – не выдержал Грегор и тут же поправился: – Что вы несете, милорд магистр?! Причем тут мэтр де Берже и прочие преподаватели?! Они учат дисциплинам, которые не требуют магии. А этот... сударь... – глянул он в сторону безмятежно спокойного гостя. – Он, извольте знать, желал преподавать нежитеведение! И, между прочим, не предоставил мне никаких рекомендаций!

– Может быть, потому что вы не знаете лицо, которое ему их дало? – очень учтиво поинтересовался разумник. – Что касается меня, то я совершенно уверен, что дон Раэн ди Арлезе – прекрасный знаток истории в целом и истории магии в частности, так что полностью доверяю его мнению о нашем новом мэтре. Но если у вас, милорд Великий Магистр, имеется другой кандидат, готовый вести историю у пяти младших курсов, включая боевиков и иллюзорников, я с радостью познакомлюсь с этим восхитительно отважным человеком! Жду его прямо сейчас со списком лекций, планом контрольных работ и, разумеется, рекомендациями!

Грегор невольно тряхнул снова заболевшей головой и закусил изнутри губу. В раскрытое окно дул теплый летний ветер, шевеля занавеси, все пять секретарей старательно и монотонно скрипели перьями, уткнувшись в документы, и было件нятно, что завтра же содержание этого бредового разговора станет известно всей Академии. Погодите-ка!

Уставший разум выхватил смутно знакомое имя.

– Дон Раэн? – вскинулся Грегор, пропуская мимо ушей требование насчет кандидата в мэтры. – Уж не тот ли самый, который...

Он вовремя остановился, не желая напоминать при посторонних об аркане, сплетенном Айлин. Особенно при посторонних, чьи глаза и уши принадлежат Райнгартену! Но Роверстан, конечно, его понял.

– Именно, – снова поклонился он и поправил зеленый шелковый платок, который неизменно носил в последнее время с форменной мантией. – Тот самый дон Раэн. Прекрасный специалист по древней истории и знаток редких языков. Если не ошибаюсь, мэтр Витольс – тоже.

– Совершенно верно, милорды, – тоже с непонятно где отточенным изяществом поклонился наглый простолюдин. – Я весьма недурно знаю чинский и вендийский, не считая самых

распространенных наречий Султаната. Могу преподавать их желающим в свободное от основных занятий время.

– Чинский и вендийский... – обреченно повторил Грегор. – Великолепно. Крайне нужные нам дисциплины.

– Желаете меня проэкзаменовать? – любезно осведомился сударь Витольс, которого Грегор уже совершенно точно терпеть не мог.

– Благодарю, обойдусь, – сухо ответил он и снова не удержался: – Вы их на кладбищах изучали? Вместе с нежитеведением? О ваших познаниях в истории предоставляю судить магистру Роверстану, но извольте не забивать головы адептам ничем, якобы относящимся к некромантии. Уж лучше учите их чинскому, если найдутся охотники так странно проводить время!

Витольс опять поклонился, на этот раз молча, и Грегора окатило холодное неприятное чувство, что появление этого человека – не просто досадная странность, но и признак грядущих неприятностей. Впрочем, если пройдоха вздумает мутить воду, то мгновенно вылетит из Академии, а заодно можно будет поставить на место Роверстана, который за него поручился. Право, в последнее время в Академии слишком много простолюдинов среди преподавателей!

Между прочим, дед рассказывал Грегору, что в его бытность адептом простолюдином разрешалось преподавать далеко не все предметы, а лишь те, для которых не находилось наставников-дворян, которым безусловно отдавалось предпочтение. Потому и школа прежних мастеров была непревзойденно сильной! Грегор до сих пор бился с проклятием Фарелла, не слишком продвинувшись в его изучении за почти три месяца. А сейчас разве может кто-то из учеников Денвера сплести проклятие такого уровня? Уходят старые традиции!

– Не смею больше вас задерживать, господа, – так же сдержанно и прохладно сказал он, твердо решив, что теперь уж точно поедет домой.

Велит накрыть обед, Впрочем, уже ужин, не в столовой, а в садовой беседке, как это иногда делалось в его детстве – Айлин полезен свежий воздух. И нужно заехать по дороге в ее любимую кондитерскую за теми конфетами, которые обычно привозит Аранвен...

При мысли о Дарре Аранвене настроение испортилось еще сильнее. Пока Роверстан и Витольс покидали приемную, а секретари

изображали чрезвычайную занятость и усердие, он отошел к окну и заставил себя вдохнуть неприятно душный воздух, пропитанный навязчивым ароматом каких-то цветов. Аранвен и Эддерли... Эти двое являлись к ним в дом, пользуясь свободой летних вакаций, едва ли не каждый день! Ну хорошо, два-три дня в неделю уж точно. Исключительно потому, что большего не позволяли элементарные приличия. Привозили то цветы и сладости, то книги из домашних библиотек, словно в особняке Бастельеро не хватало редчайших фолиантов, то какие-то безделушки... Ничего предосудительного в этом не было, но прежний покой дома Бастельеро исчез.

Вместе с Эддерли и Аранвеном с визитами зачастили Кэдоган и Галлахер, которым вздумалось брать уроки живописи у лорда Аларика. И ведь король выполнил обещание, выписав им из Фраганы наставника, но этого двум Оуэнам оказалось мало, и они старательно, как на службу, являлись в особняк Бастельеро, чтобы ставить свои рамы с холстами то в саду, то в каком-нибудь зале, то вообще в странных местах наподобие конюшни. Ну что можно рисовать на конюшне?! Лошадей? Так ведь нет!

Грегор видел эту мазню, вместо лошадей – между прочим, чистокровных итлийских кобыл, которых и нарисовать не стыдно! – там красовались какие-то деревянные стены, бочки для воды и зерновые ящики. А лорд Аларик тогда на его удивление пожал плечами и заявил, что это необходимый этап воспитания живописца. Теперь Грегор был точно уверен, что все эти годы отец не скучал. Уж бочек и ящиков, чтобы их рисовать, в поместье наверняка предостаточно.

И вся эта суматоха невероятно раздражала, но Грегор терпел, потому что Айлин при появлении Воронов оживлялась, ее бледность если не проходила, то становилась менее заметной, и ей иногда удавалось целый день провести без обычных приступов тошноты, которыми она постоянно мучилась. Леди Эддерли, которая приезжала раз в неделю для осмотра, уверяла, что ничего страшного нет, просто течение беременности сложное. Она привозила травяные настойки и обязательно напоминала каждый раз, что здоровье женщины и будущего ребенка зависит от настроения, так что Грегор готов был приглашать в дом хоть толпу живописцев, хоть Дарру Аранвена, хоть

джунгарский табор с самим Барготом во главе, лишь бы на лице жены почаще мелькала улыбка...

Отойдя от окна, он попрощался с секретарями и покинул Академию, предвкушая скорую встречу с Айлин. Нашествие любителей искусства было вчера, значит, сегодня никто не придет, и они с Айлин смогут побыть вместе. Он узнает, какую книгу она сейчас читает... Впрочем, пару последних недель, приезжая домой, он видел Айлин не с очередным трудом по некромантии, а с рукоделием, какой-то вышивкой, привезенной Иоландой Донован.

Вид Айлин, сосредоточенно перебирающей цветные нитки или неумело тыкающей иглой в натянутую ткань, был так умиротелен и уютен, что Грегор почти радовался шумной девице-иллюзорнице, которая появлялась с какими-то модными журналами, корзинкой шелковых и бархатных лоскутов, которые называла образцами, и неизменными пирожками или печеньем. Всеблагая Мать, как будто в доме Бастельеро хозяйку этого самого дома морят голодом! Но пусть привозит что угодно, главное, что вечерами Айлин сидит с этой самой вышивкой, а не скитается по лесам, не упокаивает кадавров, не палит демонов, не... Не рискует собой – вот что единственно важно! А вышивает, читает или гуляет в саду с этим своим умертвием, которое старательно прикидывается обычной собакой.

Пройдя по двору к конюшне, он велел седлать итлийскую кобылу, на которой ездил в Академию. Айлин леди Эддерли строго запретила верховую езду, а карету его отважная боевичка терпеть не могла, и совместные прогулки пришлось отложить. Хотя Грегор клятвенно пообещал жене, что в будущем году они съезжат к теплему морю в Арлезу или Итлию. Говорят, это очень помогает оправиться после родов! Жаль, что беременным нельзя использовать порталы, он бы взял отпуск и отвез Айлин туда прямо сейчас, когда на юге уже не так жарко...

Привычные мысли, полные нежности, занимали его всю дорогу, и когда Грегор, заехав в кондитерскую, вернулся домой, его головная боль исчезла, а настроение совсем исправилось. Увы, ровно до того момента, как на конюшне он увидел в деннике фраганского жеребца Саймона Эддерли и еще трех лошадей.

– У нас гости? – поинтересовался Грегор у камердинера, который встретил его в холле.

– Их светлости Аранвен-младший и Эддерли-младший, – правильно понял камердинер, что Грегор интересуется составом гостей, а не самим их очевидным наличием. Тем более что из большой гостиной слышалась громкая беседа, в которой выделялся звенящий голос Саймона. – Приехали навестить миледи. А их светлости Кэдоган и Галлахер приехали к лорду Аларику. Сначала пообедали, потом изволили поставить в большой гостиной моль... берты... – с трудом выговорил он непривычное слово. – Рисуют собаку миледи.

– Миледи тоже пообедала? – спросил Грегор единственное, что его действительно волновало.

Бесцеремонность юных Воронов, что стали являться сюда как к себе домой, раздражала, но уже привычно. Лишь бы Айлин было веселее...

– У миледи сегодня был хороший аппетит, – доложил камердинер. – Она изволила съесть перепелку в молочном соусе и немного спаржи, а потом велела подать в гостиную шамьет и выпила две чашки с печеньем.

– Хвала Всеблагой! – с чувством сказал Грегор. – Она не говорила, что желает на ужин?

– Нет, милорд, – ответил камердинер, принимая у него трость. – Осмелюсь спросить, юные лорды останутся к ужину?

– Мне тоже весьма любопытно это знать, – рассеянно отозвался Грегор и посмотрел в окно на солнце, явно клонившееся к закату. – Ничего не имею против гостей за ужином, но неплохо бы предупредить о столь длительных визитах... В любом случае пусть накрывают на стол.

Он прошел в гостиную, и стоило переступить порог комнаты, как раздражение мгновенно вернулось, приведя с собой и головную боль. В его уютной, всегда безупречно чистой и аккуратной гостиной царил чудовищный беспорядок! На обитом темным шелком диване, который небрежно накрыли какой-то тряпкой, развалилось умертвие со всей его огромной копной длинного белого меха. При появлении Грегора тварь лениво приоткрыла голубые огни глаз, шевельнула ухом и опять сделала вид, что дремлет. А перед диваном стояли три деревянные рамы на высоких ножках, как же их там назвал камердинер... Неважно, главное, что за ними с кистью в руках торчали оба Оуэна и

лорд Аларик, полностью сосредоточившись на своем занятии и не оторвавшись от него ради появления Грегора.

Действительно, подумаешь, мелочь какая – хозяин дома вернулся!

Грегор досадливо дернул углом рта, все еще уговаривая себя не злиться, но получалось плохо. В гостиной невыносимо воняло красками и еще какой-то резкой мерзостью вроде той, которой слуги в Академии оттирали лабораторные столы и шкафы. Баночки со всем этим стояли на столике, тоже предусмотрительно накрытом, но запах! От него потом и за несколько дней не избавишься! А если обивка мебели впитает, то гораздо дольше. Как бы не пришлось менять диван!

За вторым столиком, накрытым шамьетом и закусками, сидели Айлин и, разумеется, Эддерли с Аранвеном. Саймон развалился в кресле, умудряясь непрерывно болтать и одновременно поглощать сладости, запивая их шамьетом, а его, Грегора, жена внимала этому юному пустозвону с горящими глазами и порозовевшим лицом, за которое Грегор простил бы мальчишке любую бесцеремонность, если бы не странный укол в сердце. Наедине с ним, собственным супругом, ее глаза так не горели...

Грегора в дверях эти двое тоже не заметили, конечно. И только Аранвен, как всегда невозмутимый и чопорно-бесстрастный, повел себя как положено. Первым увидев хозяина дома, он встал и отвесил поклон, а следом встрепенулась Айлин, замолчал Саймон, и художники с явной неохотой отвлеклись от своей мазни. Рисовать умертвие! Нет, может, отец все-таки выжил из ума? Конечно, если думать, что это обычный пес, то выглядит он весьма пристойно. Да что там, роскошно даже! Но все равно в этой твари есть что-то пугающее. Грегор ни на миг не верил в ее показное дружелюбие и якобы собачьи повадки. Если бы умертвия обладали разумом, он бы поклялся, что именно у этого экземпляра имеется особое коварство. С чего бы еще оно так пыталось выглядеть собакой? Может, бессознательно боится некромантов и потому прикидывается милым?

– Милорд супруг!

Айлин приподнялась из кресла, и Грегор поспешно ее остановил:

– Прошу, сидите, миледи!

– Леди Эддерли говорит, что мне нужно двигаться, – возразила она и отвела взгляд, как всегда смутившись при упоминании своего положения. – Как прошел ваш день, милорд?

– Благодарю, хорошо. Милорды? Рад вас видеть!

Он подошел и поцеловал жене руку, стоящие Вороны по очереди выразили почтение, и Грегор расстроено понял, что тихий семейный вечер снова не состоится. Ну не гнать же этих юнцов, забывших о приличиях! Он бы, конечно, им напомнил, но если Айлин действительно хорошо пообедала, и ей не стало плохо, вдруг ужин в компании бывших соучеников окажется таким же удачным?! На кухне, конечно, наверняка готовы к подобной неожиданности, которая уже вовсе и не неожиданность. Грегор велел повару всегда держать наготове несколько блюд, которые может пожелать миледи, так что в любой момент особняк Бастельеро готов принять короля со свитой, не то что четверку адептов...

– Вы ведь останетесь на ужин, милорды? – осведомился он, не сомневаясь, что приглашение будет принято.

И Эддерли, и Кэдоган с Галлахером посмотрели на Аранвена, который, как всегда, был среди Воронов предводителем. А еще, что снова царапнуло Грегора, на него же посмотрела и Айлин, причем с надеждой.

– Благодарю за приглашение, милорд. – Дарра склонил голову, и его волосы в закатном свете, льющемся в окно из сада, блеснули не обычным бледным золотом, а темным, почти красным. – Но мы и так уже злоупотребили вашим гостеприимством.

– Не думаю, что это злоупотребление, – негромко отозвался лорд Аларик, и раздражение Грегора вспыхнуло еще сильнее. – Ваши визиты исключительно благотворно действуют на мою невестку. Не так ли, дорогое дитя?

– Вы правы, батюшка, – улыбнулась ему Айлин с такой почтительной нежностью, что Грегора снова переполнили благодарность и восхищение ее чудесным характером. – Я всегда рада видеть своих соучеников. Может быть...

Она запнулась, и Грегор вздохнул, а потом попросил, прекрасно понимая, что решает за этих четверых Аранвен:

– Право, милорды, останьтесь. Ужин сейчас подадут, не позорьте мой дом пренебрежением к нашему гостеприимству.

– Не смеем отказать вам, милорд. – Помедлив пару мгновений, Аранвен поклонился, и остальные трое с радостью последовали его примеру, а лицо Айлин снова просияло изнутри.

Умертвие соскочило с дивана и потрусило к выходу из гостиной, явно намереваясь сопровождать всех в столовую. Грегор с очередным вздохом подумал о домашнем наряде, в который собирался переодеться. Теперь придется остаться в камзоле ради гостей... И никакой садовой беседки, там просто не хватит места. А завтра снова на службу...

«Не поеду, – мелькнула у него соблазнительная мысль. – Останусь дома и велю говорить, что хозяева не принимают! Пусть хоть сам король приедет, могу я побыть с собственной женой?! Тем более что их величество изволил нанести визит всего-то две недели назад и своего итлийца притащил. С енотом! Эта тварь погрызла ножку стола, а когда его вывели в сад, выкопала какие-то лилии, над которыми садовник рыдал, как безутешный вдовец. Фарелл, конечно, просил прощения, но я бы все равно проклял этот наглый кусок меха, если бы Айлин потом целый день не улыбалась. Ну и Баргот с ними, с лилиями!»

Слуги, появившись словно ниоткуда, как положено в приличном доме, подали влажные полотенца освежить лицо и руки. Два Оуэна почтительно попросили вымыть руки по-настоящему, чтобы оттереть краску, и лорд Аларик ушел вместе с ними. Из покинутой гостиной все так же резко воняло, умертвие бродило вокруг, цокая когтями и царапая паркет... Грегор глубоко вдохнул, а потом выдохнул, прося Претемнейшую о терпении. Ну ничего, скоро вакации закончатся! И ожидать набегов соучеников Айлин придется только в выходные. Жаль, она расстроится, наверное, но ведь покой ей тоже нужен? И чем дальше, тем более будет необходим. Они смогут больше времени уделять друг другу, и он постарается возместить ей все внимание, которого она была лишена.

– Вы прекрасно выглядите, моя дорогая, – улыбнулся он ей. – Как же я рад наконец-то оказаться дома!

* * *

– Я тоже рада вас видеть, милорд, – откликнулась Айлин и вздрогнула, увидев, как просиял лорд Бастельеро.

Вот к чему ей никак не удавалось привыкнуть!

За эти месяцы она почти свыклась с огромным домом, полутемным и мрачным даже в самые ясные дни, с хриплым вороньим граем, нередко будившим ее по ночам, с чопорностью слуг... О, они

были столь безукоризненно почтительны, что Айлин было не на что пожаловаться, даже захоти она это сделать! И все же она ощущала их неодобрение, которое выражалось именно в этом холодном послушании, никогда не выходящем за рамки этикета. «Да, миледи, нет, миледи, как скажете, миледи...» Вот странно, у Ревенгаров слуги были не менее старательными и умелыми, но там никто не боялся обронить при ней лишнее слово или улыбнуться, рассказывая новости.

А здесь прислуга казалась ей чем-то средним между призраками и анимированными трупами, взятыми под жесткий контроль. Всегда молчаливые, они появлялись ниоткуда, делали все, что нужно, и снова мгновенно скрывались из вида. Больше того, когда в первый день она стала выяснять, как зовут приставленных к ее покоям горничных, оказалось, что у них одно имя на всех! Как церемонно пояснил дворецкий, представляя ей прислугу, в особняке Бастельеро любую горничную зовут Тильдой, чтобы милордам и миледи не приходилось помнить разные имена.

– Но мне совсем несложно запомнить, как их зовут! – растерянно возразила Айлин.

– Их зовут Тильда, миледи, – все с той же почтительной бесстрастностью повторил дворецкий. – Так повелось еще со времен лорда Стефана. – И добавил с едва заметной тенью неодобрения: – Но миледи может звать их, как ей угодно.

Айлин обвела взглядом замерших перед ней женщин в длинных коричневых платьях и наглаженных белоснежных передниках, и... сдалась. Тильда так Тильда, хотя это ведь ужас какой-то – лишать людей, пусть даже прислугу, собственных имен!

Впрочем, вечером за ужином она сделала еще одну попытку, спросив лорда Бастельеро, как зовут его дворецкого. Ведь хотя бы у такой важной для дома персоны должно быть имя?!

– Как зовут? – с легким удивлением переспросил лорд Бастельеро. – Колокольчиком, моя дорогая. Разве вам не показали звонки для прислуги в ваших покоях?

– Показали, милорд... супруг, – склонила Айлин голову и больше ни о чем не стала спрашивать.

Наверное, ее муж просто привык, что горничных здесь зовут Тильдами, а дворецкого – с помощью колокольчика. В каждом дворянском особняке или поместье свои порядки. А она никак не

чувствовала себя здесь хозяйкой, чтобы их менять. Да и зачем? С этим вполне можно смириться. Оказалось, что в ее новом положении это самое легкое и правильное – попытаться привыкнуть. Просто привыкнуть ко всему.

В конце концов, даже еженедельные визиты лорда Бастельеро в ее спальню стали всего лишь тягостно-утомительными, и только его благоговейная нежность и стремление ей угодить по-прежнему вызывали в Айлин мучительный стыд и чувство вины. Эта любовь должна была принадлежать совсем другой женщине! Той, которая могла бы ответить на нее, сделав лорда Бастельеро счастливым...

Однажды Айлин почти удалось убедить себя сказать мужу, что она тоже его любит – ведь эта ложь никому не повредила бы? Этикет иногда прямо предписывает лгать! Например, при встрече с неприятной особой полагается заверить ее в своей радости от этой самой встречи, даже если приятнее было бы увидеться с толпой стригоев. Так что всего несколько слов о любви – это сущий пустяк, верно? Зато, возможно, лорд Бастельеро перестал бы ловить ее взгляды с таким напряженным ожиданием и щедро расточать собственные признания.

Но Айлин не смогла. Нужные слова словно замерзли на языке, и ей удалось только пролепетать благодарность за все, что супруг для нее делает. Впрочем, хватило и этого – лорд Бастельеро весь вечер был удивительно благодушен и доволен...

Она вздохнула, привычно скрывая вину за то, что не может от души обрадоваться возвращению мужа, и подала ему руку, позволяя отвести себя в столовую. Что ж, благодаря Саймону с Даррой и обоим Оуэнам это был прекрасный день, да и на ужин грех жаловаться – такая редкая возможность провести с друзьями еще немного времени!

Столовая, отделанная, как и остальные комнаты в особняке, панелями из темного дерева, привычно сияла множеством зажженных свечей, сверкала белоснежной скатертью и начищенными до блеска приборами. К ужину стол накрыли роскошным золотым сервизом – свадебным подарком ее величества, точнее, частью ее подарка. Уже на следующий день после венчания лорд Бастельеро передал Айлин подробный перечень всех сделанных подарков с указанием, кто из гостей что подарил. Больше всего было тканей, дорогой посуды и всякой домашней утвари, особенно от ее величества.

Айлин, конечно, знала, что это приданое «нитки и ложки», по обычаю принадлежащее женщине даже в случае вдовства или разорения супруга. Всем, что можно сшить, надеть или поставить на стол, жена вольна распоряжаться по своему усмотрению, так повелось еще со времен Дорве Великого. И королева оказала лично ей большую милость, подарив на свадьбу именно это, но... Айлин все равно терпеть не могла красивый чеканный сервиз, напоминавший о благодарности ее величества Беатрис, больше похожей на попытку откупиться.

«Вот выйдет Иоланда замуж, подарю его ей, – решила Айлин. – Иоланде сервиз точно понравится! А до этого придется потерпеть. Жаль, свадьба у нее нескоро, еще два года учиться... И даже Лу неизвестно, о ком она вздыхает, хотя обещал разузнать...»

Айлин проводила взглядом Пушка, нырнувшего под стол возле ее кресла, и поспешно села, не желая задерживать ни наверняка проголодавшегося супруга, ни милорда Аларика, ни братьев Воронов. Лорд Бастельеро тут же опустился в кресло рядом с ней – хотя лорд и леди должны сидеть друг напротив друга, разделенные столом, но этим правилом этикета ее муж почему-то постоянно пренебрегал.

По левую руку Айлин сел Дарра, за ним Саймон, а оба Оуэна окружили милорда Аларика, устроившегося на противоположном конце стола, и Айлин уже в который раз отметила, с каким обожанием они взирают на ее свекра. На лорда Бастельеро они никогда не смотрели с таким трепетом и явной готовностью ловить каждое слово! Правда, наверное, это не странно – лорд Аларик такой добрый и внимательный, он уделяет им столько времени!

Она тут же одернула себя, строго напомнив, что лорду Аларiku проще – Оуэнов всего двое, а у лорда Грегора было целых десять учеников, да и к живописи Оуэны относятся прилежнее, чем к наложению проклятий! Ничего странного, что мэтр Бастельеро уделял куда больше внимания другим ученикам.

Неслышная как тень горничная – Тильда, конечно! – появилась из-за спины Айлин и поправила чуть покосившуюся салфетку. Айлин только вздохнула. Все должно быть безупречно – и никак иначе. Белоснежные и хрустящие от крахмала скатерть и салфетки, приборы не то что без единого пятнышка – не дай Благие им сиять не в полную силу! Стебли свежих цветов, украшающих стол, – сегодня это были

лилии – аккуратно подрезаны, чтобы не мешать хозяевам и гостям видеть друг друга. Кушанья уложены на блюдо с таким искусством, что страшно положить себе кусочек – нарушится симметричный узор!

Она с тоской вспомнила оставшийся в гостиной чинский сервиз – точно такой же, как у тетушки Элоизы, яркий, расписанный сказочно красивыми птицами и цветами. Из этих чашек даже шамьет казался вкуснее! Но когда Айлин спросила, почему его никогда не подают в столовой, лорд Бастельеро поморщился и нехотя ответил, что в сервизе не хватает одной чашки, заменить которую, к сожалению, невозможно. Нельзя же накрывать на стол неполноценным прибором.

Почему нельзя, если в сервизе осталось целых семь чашек, а гостей у нее всегда бывает меньше, Айлин не поняла, но попросила разрешения использовать его хотя бы в гостиной, и лорд Бастельеро разрешил. Он вообще ни в чем ей не отказывал, напротив, ловил малейшую возможность исполнить любое ее желание, и от этого было особенно стыдно...

– Надеюсь, вы хорошо провели время с вашими друзьями, дорогая? – спросил супруг с такой невозможной заботой, что Айлин снова внутренне вздохнула: ему ведь не нравятся визиты Воронов, она давно это поняла, но... просто не в силах от них отказаться. А он терпит ради нее!

– Да, милорд, – уронила она. – С их стороны очень любезно навещать меня.

– Действительно, – согласился лорд Аларик с другого конца стола. – Моя дорогая невестка просто оживает их в присутствии. Надо признать, они очень славные и прекрасно воспитанные юноши, а их рассказы об Академии превосходно развеивают скуку. Даже мне очень занимательно слушать, хоть я и не маг.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – с прохладной вежливостью согласился супруг Айлин. – Наверное, вам чрезвычайно нравится преподавать живопись, если ради этого вы отказались от своего обычного уединения в усадьбе.

– Совершенно верно, – безмятежно отозвался лорд Аларик. – Мое уединение было прекрасно, однако я чувствую, что здесь и сейчас могу принести больше пользы, чем там. Поэтому искренне надеюсь, что мое присутствие в столице еще вам не наскучило, милорд.

– Ну что вы, милорд! – в тон ему слишком ровно откликнулся лорд Грегор. – Я очень рад, что вы решили задержаться... в моем доме. Только прошу учитывать, что моей жене вредны слишком резкие запахи. Ведь так, моя дорогая? – обратился он к Айлин. – Эти краски вас не беспокоят?

– Нисколько! – поспешила она заверить, причем совершенно искренне. – Совсем наоборот! Растворители пахнут совсем как наше алхимическое зелье для чистки столов! Я... как будто снова в Академии... Это гораздо лучше, чем цветочные запахи вроде... лилий, – договорила она, смутившись.

– Лилий? – обеспокоенно спросил лорд Бастельеро и глянул на целых три букета, украшающие стол. – А что с ними не так?

– Они прекрасны! – торопливо сообщила Айлин. – Просто... их аромат... Стыдно признаться, но в саду стало гораздо приятнее гулять, когда Перлюрен... то есть енот лорда Фарелла...

– Когда этот забавный зверь сразился с кустом лилий и одержал убедительную победу? – улыбаясь, подсказал лорд Аларик, и Айлин кивнула. – Что ж, как художник я не могу его одобрить – лилии были прекрасны и весьма украшали сад. Но сильные запахи действительно бывают весьма неприятны... в особый период жизни.

– Тильда! – нахмурившись, произнес лорд Бастельеро, и горничная возникла рядом с ним. – Уберите букеты. Больше не ставьте цветы на стол, если только леди этого не прикажет. И передайте садовнику, пусть срежет все лилии. А лучше выкопает.

– Не надо выкапывать! – виновато воскликнула Айлин. – Они ведь и правда очень красивые! Может быть, на следующий год...

Она покраснела от смущения, понимая, что это слышат гости, а леди даже намекать на беременность и рождение детей в присутствии мужчин – непристойно. Однако Вороны как один проявили чудеса такта, даже Саймон сделал вид, что его интересует исключительно земляничное желе со сливками и способы его сочетания с жареным мясом.

– Как скажете, дорогая, – немедленно кивнул лорд Бастельеро, неуловимо смягчив выражение лица. – В этом году их просто срежут, корням это не повредит. – Он проводил взглядом букеты, мгновенно унесенные сразу двумя Тильдами. – Но вы ничего не едите, меня это беспокоит. Вы хорошо себя чувствуете?

А вот теперь все посмотрели на нее, и даже в непроницаемом взгляде Дарры мелькнуло беспокойство. Как назло, аппетит, посетивший ее перед обедом, к ужину куда-то исчез...

– Все в порядке, милорд, – заверила Айлин, заставив себя улыбнуться и положить на тарелку несколько кусочков тушеного кролика.

По крайней мере, его можно долго резать, а если хорошенько размазать по тарелке соус, то покажется, что еды стало куда меньше, чем было! Успокоенные Вороны вернулись к угощению, и Айлин стало легче – она никак не могла привыкнуть, что все вокруг относится к ней так тревожно и бережно, словно она тяжело больна.

– Милорд Великий Магистр, – церемонно обратился Дарра к лорду Бастельеро, дождавшись, пока тот расправится с печеной куропаткой. – Я хотел бы просить у вас позволения досрочно сдать экзамены на звание полного мага, а также пройти испытания на должность младшего преподавателя. Разумеется, это означает, что до самых экзаменов я не потревожу визитами покой вашего дома...

– Не вижу к этому никаких препятствий! – любезно откликнулся лорд Бастельеро, который сначала нахмурился, а потом подозрительно просветлел лицом. – И как скоро вы желаете пройти эти испытания?

– Через семь дней, с вашего позволения.

Дарра учтиво склонил голову, а чрезвычайно оживившийся Саймон подался вперед и взмолился:

– И я! Мэтр, позвольте мне тоже пройти экзамен! Я хочу попробовать!

– Да ради Претемной, Эддерли, – благодушно махнул рукой супруг. – Значит ли это, что нам не следует ожидать и ваших визитов?

– Почему? – изумился Саймон, и Дарра утомленно вздохнул, подняв взгляд к потолку.

– Саймон, ты недогадлив. Лорд Бастельеро имел в виду, что если ты желаешь сдать экзамен, то должен подготовиться к нему должным образом...

– Зачем?! – поразился Саймон, хлопая ресницами.

Лицо лорда Бастельеро приобрело озадаченное выражение, и Айлин тихо хихикнула в салфетку. В самом деле, Дарра всегда готовился к экзаменам, хотя уж ему-то этого точно не требовалось! Саймон, напротив, никогда этого не делал, полагая, что всему

положенному он научился за год, а если и нет, то неделя подготовки его не спасет...

– Действительно, – вздохнул лорд Бастельеро. – Как вам угодно, Эддерли. Хотя я бы рекомендовал все-таки подготовиться. На экзамене будет материал за все двенадцать лет обучения, и хотя вы опережаете программу по проклятиям и вызову призраков, теория может вызвать у вас затруднения. Мне бы не хотелось, чтобы на экзамене вы предстали не в лучшем свете.

О том, что это опозорит и самого лорда Бастельеро, и лорда Эддерли-старшего, он умолчал, но Айлин прекрасно уловила несказанное. И даже Саймон в кои-то веки понял намек так ясно, что искренне возмутился:

– Неужели вы в меня не верите, милорд?! Не вы ли говорили, что по боевым проклятиям я лучший?! Могу поспорить, если дойдет до драки, я только вам уступлю!

– Боюсь, достоинства некроманта не ограничиваются умением драться на дуэлях, – скупой улыбнулся лорд Бастельеро. – Если вы претендуете на перстень орденового мага, то должны понимать, что это не только привилегии, но и ответственность. Взрослый человек обязан вести себя совсем иначе, чем позволено юному адепту.

– Вот поэтому я и не претендую пока на перстень! – заверил его Саймон. – Мне просто хочется попробовать силы... Экзамен – это ведь так интересно!

Он мечтательно закатил глаза, и оба Оуэна тихонько фыркнули, а потом Кэдоган словно про себя уронил:

– Удивительно, почему на гербе Эддерли – сова? Некоторым представителям этого рода больше подошел бы павлин.

– С очень красивым и пышным хвостом, – поддержал его Галлахер, и даже тонкие губы Дарры тронула едва заметная улыбка.

– Надеюсь, вы, молодые люди, не собираетесь сдавать экзамены раньше срока? – спросил лорд Аларик с шутливой напускной строгостью обоих Оуэнов. – Вам ведь еще далеко до окончания курса?

– Очень далеко, милорд! – заверил его Кэдоган. – Но мы надеемся и после начала занятий пользоваться вашим великодушием. Конечно, если милорд Великий Магистр позволит навещать его дом.

И он бросил умоляющий взгляд на супруга Айлин. Она закусила губу, борясь с желанием попросить у мужа того же самого. Пусть

Дарра и Саймон будут заняты подготовкой к экзамену, но ведь Оуэны могут сюда приезжать?! Ее беременность пока еще не настолько заметна, чтобы такие визиты выглядели скандально, да и ездят Кэдоган с Галлахером к лорду Аларику, а вовсе не к ней! Во всяком случае, так это выглядит для окружающих. А что она присутствует на уроках, так принимать гостей – это долг хозяйки дома...

Но смутное чувство, что лорд Бастельеро не будет рад такому заступничеству, заставило ее промолчать. Ее муж сначала снова нахмурился, потом обреченно вздохнул и отошел.

– Если леди Эддерли не пропишет моей жене полный покой, то... не вижу препятствий для ваших визитов.

Айлин вспыхнула радостью так, что губы сами собой растянулись в улыбке. Леди Эддерли не запретит ей видаться с друзьями, в этом можно быть уверенной! Матушка Саймона в каждый визит повторяет, что женщине в положении следует радовать свой разум и сердце, как только возможно. И что лучшее лекарство – это приятные мысли и любимые занятия. Она чудесная женщина и замечательная целительница, какое счастье, что именно она помогает Айлин переносить беременность!

– Вы позволите мне проводить гостей, милорд супруг? – умоляюще попросила Айлин, когда ужин закончился и все встали из-за стола. Лорд Бастельеро, снова вздохнув, кивнул.

– Надеюсь, вы не задержитесь, дорогая.

Теплое чувство виноватой благодарности затопило ее изнутри. Все же лорд Бастельеро к ней так снисходителен! Видно, что ему очень хочется остаться с ней наедине, но он терпеливо ждет... И все-таки отказаться еще от нескольких минут с друзьями, будто от последней капли целебного зелья, она не смогла. По пути к выходу оба Оуэнна упоенно рассуждали об очередном уроке лорда Аларика, Саймон бурчал, что ни один экзамен не стоит переживаний по его поводу, а Дарра, улыбаясь одними губами, но сохраняя взгляд серьезным, попросил позволения приехать с визитом после экзамена.

– Только я один, милая Айлин, – уточнил он, посмотрев на нее с обычной ласковостью. – Если мне не откажут в месте младшего преподавателя, то я хотел бы преподавать несколько уроков вам, прежде чем выходить с ними к другим адептам. Вы ведь не откажете мне в этой услуге?

– Я буду рада! – заверила Айлин. – Я собираюсь вернуться в Академию, как только с меня снимут браслеты, но ведь учиться теории можно и с ними!

Ей показалось, что Дарра хотел сказать что-то еще, но тут они вышли на крыльцо, перед которым уже ожидали лошади.

Ох, надо бы навестить Луну! Раньше Айлин каждый день каталась верхом, но теперь леди Эддерли запретила верховую езду, и Луну приходилось навещать в конюшне или просто гулять с ней по саду... Арлезийцы и так чахнут без внимания хозяев, а Луна к тому же тоскует по Дону Торнадо!

Когда приезжал Аластор, Огонек проявил к Луне явный интерес, но капризная арлезийка на него и не взглянула. Обиженный таким пренебрежением жеребец попытался цапнуть ее за круп, и Луна, яростно взвизгнув, ударила его копытами так сильно, что Огонек шарахнулся в сторону и больше даже не смотрел в ее сторону...

«Погуляем завтра!» – решила Айлин, с завистью глядя, как лихо взлетает в седло Саймон, с каким изяществом садится Дарра, и как Оуэнны едва не перепутали своих кобыл.

Конюх поспешно отворил ворота, и лошади стремительно понесли своих хозяев по вымощенной черными плитами дорожке. Какой-то мальчишка, остановившийся у ворот со стороны улицы, шарахнулся прочь, и Айлин невольно улыбнулась, но тут же нахмурилась.

Мальчишка... Почему его не окликнул конюх? И Вороны его не замечают, иначе Дарра непременно придержал бы коня!

Она прищурилась, пытаясь рассмотреть мальчишку, вернувшегося к воротам так же поспешно, как отскакивал, и едва не вскрикнула.

Он был одет в черную мантию с фиолетовой отделкой! Но куда важнее было другое – Айлин готова была поклясться, что уже видела его, только... только очень давно!

– Морстен! – прошептала она одними губами и тут же поняла, что не ошиблась.

Адепт Морстен, бывший с Воронами всего пару месяцев до первых зимних вакаций! После них он не вернулся в Академию, а лорд Бастельеро сообщил, что семья Морстена переехала, и поэтому он не будет продолжать обучение. А сейчас он смотрел на Айлин через

путья ворот, вот только ему по-прежнему было не больше пятнадцати лет...

– Морстен? – снова шепнула Айлин, и бывший соученик наконец встрепенулся, словно только что ее услышал.

– Миледи! – крикнул он, и в его голосе Айлин ясно расслышала безумную смесь надежды и отчаяния. – Миледи, вы меня видите?!

– Шон Морстен, – повторила Айлин одними губами, но мальчишка ожесточенно замотал головой.

– Нет, госпожа! Не Шон! Я Кайл Морстен, и я молю о справедливости! Накажите моего убийцу, госпожа!

– Кто твой убийца? – выдавила Айлин, чувствуя, как вдруг закружилась голова и ослабели ноги.

– Мой брат, – выплюнул призрак, и от ворот пронесся по саду порыв ледяного ветра. – Мой брат Шон! Это он убил меня...

Глава 2

Странное прошение

Аластор отложил очередной прочитанный и подписанный лист в увесистую стопку, которая неуклонно росла на краю стола, сплел пальцы перед собой и сладко потянулся всем телом. Время близилось к обеду, и вполне можно было прерваться хотя бы на чашку шамьета. А может, и на две. Из еще не изученных бумаг, требующих незамедлительного внимания короля, остался всего один документ. Он состоял из нескольких аккуратно сшитых листов, на верхнем из которых жирно чернели сразу три печати разных королевских департаментов. Узнав ту, что принадлежала судебному ведомству, Аластор вздохнул – наверное, снова прошение о помиловании, самое нелюбимое из дел, которыми приходится заниматься.

Каждый раз, когда ему нужно было решить судьбу человека, он боялся, что не сможет вынести верный приговор. Что-то не поймет, не учтет, оценит неправильно и погубит невиновного или даст виноватому уйти от наказания. Иногда дела были простыми и понятными, иногда – весьма запутанными, и тогда он, скрепя сердце, полагался на совет лорда Аранвена, Лу или магистра Дункана. Однако всегда понимал, что последнее слово принадлежит ему и ответственность за решение, каким бы оно ни было, тоже на его совести...

Эх, а ведь этот день начинался так славно!

Аластор мечтательно улыбнулся, глядя в открытое окно и невольно оттягивая момент очередного погружения в грязь человеческих преступлений. Чудесный день! Сегодня Беатрис призналась ему, что ждет ребенка.

«Я стану отцом, – подумал он в никак не проходящем восторженном изумлении. – Подумать только! Меньше, чем через год, я смогу взять на руки своего малыша... Интересно, сын это будет или дочь? И на кого похож? Хотя что это я, на меня, разумеется! Законы крови... Даже немного жаль. Девочке лучше было бы пойти в мать, выросла бы такой же красавицей. Ну, ничего, у нас есть Алиенора с Береникой... Зато девочку я смогу назвать Джанет. Или Айлин?

Сложный выбор, надо признать! С мальчиком проще, мой сын будет Себастьяном, тут и думать нечего. Хорошо бы еще одного – Жозефа в честь месьора д'Альбрэ, но...»

Он с сожалением осадил уже полетевшие вскачь мечты о нескольких детях. Надо смотреть правде в глаза, Беа вряд ли сможет подарить ему их столько, сколько хочется. Лейб-медик, который подтвердил ее слова, сказал, что каждая беременность и роды дорого стоят женскому телу, так что сейчас королеве придется особенно беречь себя. Наверное, не стоит рассчитывать даже на второго ребенка, хотя если это случится...

Аластор блаженно зажмурился, представив крепкого светловолосого мальчишку, как две капли воды похожего на его собственный детский портрет. А рядом с ним такую же светловолосую девочку с глазами матушки и ее улыбкой. Сморгнул затянувшую вдруг глаза пелену и смущенно, хотя в кабинете никого не было, встряхнул головой. Целых девять месяцев! Ну хорошо, пусть даже чуть меньше... Лейб-медик сказал, что Беатрис понесла дитя вскоре после брачной ночи, значит, полтора-два месяца уже прошло.

А еще говорят, что опытный целитель может определить пол ребенка задолго до появления на свет. «Всеблагая, пусть это будет мальчик! – от всей души попросил Аластор, глядя на толстую бархатную пчелу, важно ползущую по подоконнику. – Ты сама знаешь, я буду любить дочь ничуть не меньше, но когда-нибудь моему ребенку придется править Дорвенантом, а мужчине это куда проще. Поэтому лучше бы мальчик. Сын... Хотя все в воле твоей, не прими мою просьбу за дерзость или неблагодарность!» – спохватился он.

Пчела – любимое создание Всеблагой – словно услышала его, потому что доползла до края подоконника, взлетела и сделала круг по кабинету, а потом умчалась куда-то в благоухающий за окном сад. Может быть, понесла его просьбу великой богине?

Аластор снова вздохнул и с неохотой потянул к себе последний на сегодня документ, понимая, что дела нужно закончить. А потом он обязательно выпьет шамьета с Лу и выслушает последние придворные новости.

Внутри тревожно кольнуло напоминание, что шесть месяцев сравнительной свободы, отпущенные другу, тоже утекают, как песок в хронометре. Минуты сливаются в часы, часы – в дни, а те – в месяцы.

Может, конечно, гильдия убийц без возражений продлит контракт, но что если нет?

Лу, когда с ним об этом говоришь, только улыбается и заверяет, что беспокоиться не о чем. Но эти улыбки у него отличаются от настоящих, как фальшивая монета от полновесной, Аластор давно уже научился понимать их подлинную цену. Лучано страшно. Иногда Аластор чувствовал это глухим отголоском даже через блоки, поставленные целителями, какова же должна быть истинная сила этого страха?

Но Лу все так же улыбается и целыми днями пропадает то в городе, то во дворце, однако непонятно как всякий раз оказывается рядом, когда нужен. Всегда веселый, всегда почтительный на людях и ласково-насмешливый наедине, умеющий вовремя уронить едва слышную подсказку или молча сварить шамьет, когда дела наваливаются вовсе беспросветно. Настоящий друг и помощник, без которого новоиспеченному неопытному королю пришлось бы куда тяжелее.

Отогнув первый лист с печатями, Аластор вчитался в докладную записку, составленную, судя по подписи, одним из секретарей канцлера. Мгновенно заинтересовавшись, принялся читать вторую бумагу из подшитых к первой. Потом – третью и все остальные. Дойдя до конца, вернулся к началу и перечитал еще раз. Мда, таких прошений о помиловании у него еще не было! Похоже, и правда пора навестить Лу. Пусть этот итлийский кот, как Фарелла открыто зовут при дворе, выслушает суть дела – Аластору это всегда прекрасно помогало привести в порядок собственные мысли. А может, и подскажет что-нибудь...

Прихватив документ, он вышел из кабинета и бросил вскочившему при его появлении секретарю:

– Можете забрать готовые бумаги с моего стола. И если меня будут искать, я у лорда Фарелла. Вернусь после обеда.

– Как прикажете, ваше величество, – поклонился мэтр Вильмон, тот самый молодой разумник, который раньше служил у канцлера.

Лорд Аранвен расстался с ним с большой неохотой, но вынужден был признать, что королю без толкового секретаря тоже не обойтись. Аластор думал завести еще двоих-троих секретарей, но пока не нашел

таких, чтобы справлялись с работой, были полностью достойны доверия и не раздражали своим присутствием.

Последний, которого он взял на испытательный срок две недели назад, вернулся на прежнее место службы, потому что втихомолку пнул Флориморда, когда был уверен, что король этого не видит. Аластор признавал за любым человеком право не любить котов, особенно таких обнаглевших, но тот, кто пакостит собаке, коту или лошади своего хозяина, и самому хозяину вряд ли будет верен.

Он вышел из приемной и поинтересовался у пажа, который дежурил в коридоре, ожидая королевских поручений:

– Лорд Фарелл у себя?

Мальчишка, привыкший, что король в любое время может потребовать фаворита к себе, а то и сам зайти к нему, поклонился и торопливо ответил:

– Его светлость вернулся из города час назад. Прикажете позвать?

– Сам схожу, – решил Аластор. – А ты сбегай к садовнику. Отнеси от меня ее величеству букет ее любимых лилий и передай, что я прошу позволения ужинать с ней.

– Да, ваше величество! – просиял паж и умчался.

Аластор неторопливо прошел по дворцу, кивая в ответ на почтительные поклоны и реверансы встреченных придворных. Настроение снова стремительно улучшалось, его не могло испортить даже странное прошение о помиловании, хотя подпись на одной из бумаг Аластору очень не нравилась. Ох уж эти дражайшие родственники... Ну почему родню нельзя выбирать так же, как друзей?

Не замедляя шага, он кивнул гвардейскому караулу и напомнил себе, что вечером очередная тренировка с месьором д'Альбрэ. Фехтовать каждый день, как в поместье, теперь не получалось, но уж три-четыре раза в неделю Аластор все равно выкраивал. А еще месяц назад на одну из тренировок явился ярл Ольвар и с удивительной для вольфгардца деликатностью заявил, что местные зубочистки, конечно, тоже оружие, особенно для тех, кто давно не носит доспехов. Но славному воину не следует забывать оружие предков, посему не хочет ли конунг размяться с доброй секирой и щитом? Как не умеет?! А говорят, что секиры бросает, словно вырос на Севере!

Аластор сконфуженно признался, что бросать секиру его учил Долгий Мартин, но щитовым боем кузнец то ли не владел, то ли не

видел необходимости его показывать, так что... Ольвар подозрительно возразился, кликнул своих людей, чтобы сбегали за оружием на постоянный двор, где остановилось посольство, и теперь не реже раза в неделю Аластор потел с тяжелым щитом и секирой, словно вернувшись во времена учебы у месьора д'Альбрэ. Только теперь вместо язвительных утонченных южных остроумий его гоняли не менее язвительными северными похвалами, больше смахивавшими на оскорбления.

Надо сказать, что разум, уставший от бесконечных государственных дел, это прочищало отлично, к тому же Аластор помнил слова магистра Бреннана и меньше всего хотел быть похожим на Малкольма, который последние годы не поднимал ничего тяжелее бутылки. Вот и стал больше похож на борова, чем на человека – Аластор видел тело погибшего короля перед похоронами.

Что интересно, месьор к смене оружия и партнеров для тренировок отнесся более чем благосклонно, согласившись, что предела в быстроте и гибкости его ученик уже достиг, а силу и выносливость секира поддерживает ничуть не хуже рапиры. От предложения самому попробовать бой на топорах фраганец отказался с величайшей учтивостью, зато милорд магистр Дункан, тоже зачавший на фехтовальную площадку, однажды принес туда тяжелые арлезийские сабли и взял у месьора д'Альбрэ реванш за бретерскую беседу, что тот перенес чуть ли не с восторгом.

Аластору осталось только завистливо вздыхать, понимая, что такого мастерства ему никогда не достичь ни в одном виде фехтования. Он никогда не научится драться на рапирах как фраганец, на саблях – как арлезиец и на секирах – как вольфгардец. Не сможет он ни бросать ножи как Лучано, ни метать Молот Пресветлого как маги-боевики. Тут уже ничего не поделать. Но ведь это не мешает получать удовольствие от силы и здоровья собственного тела, когда после тренировки каждая мышца приятно гудит, и любая мысль кажется удивительно ясной...

Он постучал в дверь кабинета Лучано и толкнул ее, едва дождавшись разрешения войти. Лу, стоявший у жаровни, просиял и заулыбался, а Саграсс, который сидел в кресле, немедленно вскочил и поклонился.

– Садитесь, милорд, – благодушно махнул Аластор рукой и сам упал в любимое кресло у окна. – Лу, шамьета, умоляю!

Кот, подкравшийся незаметно, как опытный лазутчик, прыгнул к нему на колени и с урчанием принялся топтаться по ним, запуская когти. Аластор уронил ладонь на мохнатый загривок, чуть прижал, и Флориморд, замурчав еще восторженнее, вывернулся из-под его руки и боднул ее головой. Боевик послушно вернулся в кресло, но присел на самый край, выпрямившись и всем видом показывая, что готов вскочить в любой момент.

– Шамьет сейчас будет, – кивнул Лу и покосился на прошение, которое Аластор бросил на столик рядом с собой. – Вы принесли что-то интересное, монсиньор?

– Интересное – не то слово! – фыркнул Аластор, вытягивая ноги и рассеянно глядя Флориморда. – Вообрази только! Некие господа капитаны егерского полка в количестве четырех человек просят о помиловании своего товарища, пятого капитана этого же самого полка. А в случае, если их прошение останется без ответа, требуют права разделить его участь. У меня! Требуют! Отправить их на плаху! Ты представляешь?! О, кстати, милорд! – повернулся он к Саграссу. – Послушайте, дело прошлое, но мне ужасно любопытно! Почему вы не решились отбывать каторгу в егерском полку? Ведь хотели же в армию, насколько я знаю.

– Но не в егерский же полк, ваше величество! – растерянно отозвался Саграсс. – Конечно, если пошлете... Буду вам служить, где прикажете, – добавил он с таким обреченным лицом, что Аластор почуял азарт, будто вставшая на след собака.

– А что не так с егерями? – поинтересовался он, в ожидании шамьета цапая печенье с блюда на столе. – Не считите за обиду, милорд, но право... у вас такое лицо, словно вы их... опасаетесь.

– Опасаюсь? – неловко усмехнулся боевик. – Ваше величество, да я их боюсь! И даже не стыдно, представьте себе. Они же бешеные! – добавил он убежденно.

Лучано длинно и мелодично присвистнул.

– Ничего себе! – восхитился он. – Если уж вы, Лионель, так думаете об этих синьорах... Кстати, а почему?

– Потому что в егеря обычно как раз и идут вместо каторги, – объяснил ему Саграсс. – В солдаты отправляют пойманных браконьеров или мятежников, если есть причины их не вешать. Такое редко, но бывает. Голод, например, на чьих-то землях, а лорд вместо

помощи крестьянам последнее у них выгреб, вот целые деревни, случается, в леса и бегут. Переловят их, кого-то вернут хозяину, кого-то повесят, если крови успели много пролить. А крепкими здоровыми мужчинами лорд может заплатить часть королевских податей. Работников у него, конечно, убавится, зато в деревнях станет потише – некому будет бунтовать. Вот этими парнями полки королевских егерей и пополняют. Они там все смертники, за малейшее неповиновение – виселица. Ну и офицеры у них – сами понимаете, милорд. Кого из рода изгнали, кто в карты проигрался так, что заплатить не может, кого в нечестной дуэли уличили – в егеря берут всех, позволяют смыть позор кровью. Самая горячая драка всегда достается им, и егеря в ней хороши, но если драки долго нет...

– Синьорам егерям становится скучно, – понимающе кивнул Лучано. – Ну да, если привык то и дело приглашать Претемнейшую на танцы, обычные развлечения кровь уже не горячат. И что же натворил этот... пятый капитан? – повернулся он к Аластору.

– Вызвал на дуэль своего полковника, – мрачно сказал Аластор. – И проткнул его к барготовой бабушке одним ударом прямо в сердце.

– О-о-о... – протянул Лучано, не переставая отмерять специи для шамьета с виртуозной быстротой и точностью. – Но если это была честная дуэль... Или нечестная, м?

– Неважно, милорд, – отозвался первым понявший все Саграсс. – Это обычные дуэли – дело чести и королевскому суду не подлежат. А в армии они строжайше запрещены уставом. Тем более между начальником и подчиненным. Если бы подралась пара офицеров одного ранга, на это еще могли бы посмотреть сквозь пальцы. Всякое бывает! Но капитану вызвать полковника, да еще не на квартирах, а во время военных действий... Это же случилось в первом егерском, ваше величество? С молодым полковником Райнгартеном?

– О, так я про это слышал! – оживился Лу, снимая дурманно пахнущий шамьет и вливая туда немного жидкого меда. – Лейтенант Минц рассказывал. И правда, презанятная история!

– Вот! – с показной сварливостью проворчал Аластор, алчно глядя на шамьет. – Все вокруг про это знают, кроме меня! Безобразие!

– Монсиньор слишком занят важнейшими делами, – мурлыкнул итлиеэ, ставя перед ним дымящуюся чашку. – И не имеет привычки

пару раз в неделю заглядывать в гвардейскую караулку с кувшином шамьета.

– Гвардейцы любят шамьет? – поразился Аластор, подвигая ближе блюдо с печеньем, чтобы не тянуться за каждой штучкой.

– Так ведь карвейн им на службе нельзя, – лукаво заулыбался Лу. – А если немного сдобрить шамьет амарильей – это совсем другое дело, м? – Он снова поставил шэнье на горелку, вернул обратно на полку баночки, из которых заправлял шамьет для Аластора, и взял пару других. – Значит, дело интереснее, чем кажется на первый взгляд? И кстати, а что грозит синьору капитану, который знаком с рапирой лучше, чем с армейским уставом?

– Плаха или виселица, смотря какова его настоящая вина, – хмуро отозвался Аластор. – Мой дражайший родственник командор Райнгартен утверждает, что это было убийство. Что дуэль была подстроена капитаном... Гартингом, – вспомнил он имя из бумаг. – Он клянется, что его племянник ничем не оскорбил капитана, а тот не дал ему возможности ни извиниться за якобы нанесенное оскорбление, ни отложить дуэль до возвращения в столицу, как это следовало сделать. Если он прав, то капитана следует повесить.

– А если дуэль была честной – отрубить голову? – понятно уточнил Лу. – Беллиссимо! И в самом деле, очень любопытно... Кому-то подчиненные носят в тюрьму пирожки, – покосился он на Саграсса, – а кого-то вызывают на поединок, зная, что в любом случае поплатятся жизнью. Ведь это же капитан вызвал полковника, а не наоборот, верно? А теперь его сослуживцы просят правосудия?

– Требуют, – поправил его Аластор и нетерпеливо подул на шамьет. – Ни больше, ни меньше! И прямо-таки рвутся следом за ним на виселицу или на плаху!

– Идиотти! – радостно восхитился Лу. – Вот теперь, Лионель, я вас понимаю в полной мере. Синьоры егеря и вправду бешеные! Людям вроде меня лучше держаться от них подальше, вдруг это чрезмерное благородство заразно?

– У меня здесь куча бумаг, – вздохнул Аластор, хлопая свободной ладонью по принесенному документу. – Запись военно-полевого суда, который разбирал дело капитана Гартинга. Суд решил, что дуэль была честной, с соблюдением всех необходимых формальностей и в присутствии секундантов. И что капитан, конечно, злостно пренебрег

уставом, но за подобную вину обычных офицеров как раз отправляют служить в егеря, так что...

– Не бросить ли нам эту щуку в воду, пусть утонет! – ехидно подхватил Лу.

– Именно, – кивнул Аластор. – Только вот командор Райнгартен с решением суда не согласился и назначил дополнительное расследование. Сначала капитана попытались проверить обычным артефактом, определяющим ложь, а когда Гартинг уперся, будто баран, и отказался отвечать на вопросы, Райнгартен привел к нему разумника, мастера допросов из орденой службы безопасности.

Аластор осторожно сделал глоток горячего шамьета и зажмурился от удовольствия. В меру крепко, в меру сладко и пряно. Беллиссимо, как говорит Лу.

– Я его знаю, – подал голос боевик. – Не Роверстан, конечно, однако в своем деле и правда хорош. Меня он тоже допрашивал, – нехотя добавил Саграсс, поморщившись.

– И что говорит синьор разумник?

Лучано снял шэнье и разлил шамьет еще по двум чашкам. Одну поставил перед боевиком, вторую забрал и присел на подоконник. Флориморд, муркнув напоследок, прыгнул с коленей Аластора и, примерившись, взлетел на окно, усевшись рядом с итлийцем.

– Разумник утверждает, что капитан Гартинг шел на дуэль с твердым намерением убить полковника, что и сделал. И вызывал он Райнгартена с тем же самым намерением, ясным, четким и недвусмысленным. А вот что было до этого и какова причина дуэли, он сказать не может, потому что капитан что-то такое сделал со своим разумом, что не позволяет проникнуть в его память достаточно глубоко. Лорд Саграсс, а такое разве возможно?

– Да, ваше величество, – уверенно кивнул боевик. – Если знать – как, можно защитить память и разум от чтения. Во-первых, есть особые защитные артефакты. Ну, их у Гартинга наверняка не было. Во-вторых, можно выпить специальное зелье, которое определенным способом мутит сознание. Только принимать его надо во время тех событий, которые хочешь скрыть. И в крови оно сохраняется надолго, а потом легко определяется алхимическим анализом. И в-третьих...

Он чуть замялся, и Лучано подхватил:

– Да-да, в-третьих?

– Пить не просыхая, – честно признался боевик. – До беспамятства. А уж это егеря точно умеют. Если Гартинг перед дуэлью налкался от души, причем карвейна, у него рисунок мыслей сильно исказился, и последние события не стерлись из памяти, но как бы... потускнели. Сам он их наверняка помнит, а вот разумнику прочитывать затруднительно.

– Понятно... – протянул Аластор. – Ну что ж, милорды, мое величество желает разобраться в этой истории. Опять же, родственник умоляет! Вон, прошение о продолжении расследования с применением пыток. А у меня, признаться, душа не лежит пытать человека, который честно дрался с демонами и вообще ни в чем плохом, по мнению людей лорда Аранвена, не замечен. Ну, кроме этой несчастной дуэли.

– Желаете сами с ним поговорить, монсиньор? – проницательно спросил Лу.

– Желаю! – кивнул Аластор, отпив еще шамьета. – Лу, отправь за ним людей в королевскую тюрьму. И за этими четырьмя – тоже. Я, правда, не знаю, где их искать...

– Найдем, – сверкнул итлиец улыбкой.

– Первый егерский вернулся в столицу, – почтительно подсказал Саграсс. – Офицеры либо в казармах, либо в «Красных Панталонах», самое известное сейчас место. Если ваше величество позволит...

Он вскочил, вопросительно посмотрев сначала на Аластора, потом на Лу.

– Действуйте, Саграсс, – разрешил Аластор. – Лу, а ты вызови во дворец магистра Дункана. Разумник нам не помешает. Нет, ну надо же, карвейн – средство от чтения мыслей!

Откинувшись на спинку кресла, он проводил взглядом выскочившего за дверь боевика и с наслаждением допил шамьет. Лучано соскочил с подоконника, но вместо того, чтобы исполнять приказ, обошел кресло Аластора, положил руки ему на плечи и принялся умело разминать мышцы. Аластор едва не застонал от удовольствия! Проклятое сидение за бумагами! Хуже, чем дрова рубить!

– Магистр Дункан во дворце, – тихо сказал Лу. – У них с месьором вашим наставником тренировка через час после полудня. Я попрошу его задержаться... Кстати, дворец гудит от восхитительной новости. Тебя можно поздравить, Альс?

– Поздравишь, когда ребенок родится, – блаженно закрыв глаза, проговорил Аластор. – Что, правда все уже знают?

– Ее величество светится от счастья, – бесстрастно прозвучал голос друга. – И все, кто шептался, будто она не сможет тебе родить, прикусили языки. Теперь у Риккарди нет причин для отсрочки кредита.

– Они все равно обещали первую выплату только через месяц, – с досадой вздохнул Аластор, совершенно расслабившись под сильными чуткими пальцами, мнущими ему плечи. – Говорят, что не рассчитывали на такую сумму и отправят деньги после осеннего сбора налогов. А лорд Аранвен считает, что они просто выжидали и смотрели, удержусь ли я на троне. Ну и наверное, хотели посмотреть, как я буду обращаться с Беатрис...

«Беатрис...» Даже не произнесенное, имя привычно отозвалось где-то внутри теплой волной. Его Беатрис, милая, желанная! Сейчас, после двух месяцев семейной жизни, наваждение первых дней супружества схлынуло, и Аластор понимал, что женат не на богине, а на живой женщине.

У Беатрис бывали приступы дурного настроения, которое она пыталась скрывать, но было видно, что ее терзают сомнения и страхи. Она отчаянно хотела как можно скорее забеременеть, хотя Аластор заверял, что все понимает и готов ждать, сколько нужно. Порой она бывала резка со слугами и фрейлинами, ее раздражали Флориморд, Перлюрен и даже лошади, на которых Аластор учил ездить Алиенору и Беренику. Беатрис будто ревновала его к каждому живому существу, которое оказывалось рядом! Кажется, по-настоящему она была счастлива и спокойна только с ним наедине, разве что дочерям позволяя делить с ней внимание мужа.

Иногда это начинало раздражать, но Аластор всякий раз напоминал себе, что Беатрис годами чувствовала себя брошенной и униженной, неудивительно, что сейчас она хочет возместить себе всю не полученную от прежнего супруга любовь. Но теперь, когда она носит их ребенка, ее страхи должны исчезнуть, а сомнения – развеяться.

– Ты прекрасно с ней обращаешься, – так же тихо сказал Лу. – Но Риккарди давали кредиты даже Малкольму, хотя все говорят, что от

него королева натерпелась. Думаю, они действительно хотели посмотреть, насколько крепко ты сидишь на троне.

– Всей задницей, и еще руками в подлокотники вцепился, – усмехнулся Аластор и услышал, как Лу тихонько фыркнул. – А из Итлии нет вестей? От твоего... мастера?

– Я отправил уже три донесения, – отозвался Лу. – Мастер несомненно их получил. Если он молчит, причин для беспокойства нет. Иначе я бы уже знал о его неудовольствии.

– Понятно, – вздохнул Аластор. – Есть еще новости?

– Я посоветовал начальнику твоей охраны перевести четверых гвардейцев куда-нибудь подальше от дворца, – так же негромко и размеренно уронил Лу. – Двое – заядлые игроки по уши в долгах. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь оплатил им эти долги, взамен попросив пару незначительных услуг...

– Тебе виднее, – согласился Аластор. – А еще двое?

– Третий неумеренно пьет и позволяет себе даже на службу являться навеселе, – тихо плыл по комнате голос итлийца. – Помнишь, я говорил про шамьет с амарильей? Так вот, люди делятся на тех, кто выпивает чашку шамьета с каплей горячительного, а потом спокойно идет на пост, и на тех, кто принимается искать, где достать еще. Кухня, припрятанная в караулке бутылка, паж, которого можно послать за выпивкой... Такой охранник тебе точно не нужен, Альс. А четвертый... Признаюсь, он мне просто не нравится. Парень из тех, кто молча ненавидит весь мир, а такими людьми слишком легко управлять, и верными они быть не умеют. Я объяснил это грандсиньору Аранвену, и он меня поддержал.

– Тебе виднее, – повторил Аластор. – Спасибо, Лу.

– Рад быть полезным, Альс. – Итлиец, судя по голосу, улыбался. – Ну, мелкие сплетни тебе вряд ли интересны... Или рассказать? Лорд Астер, уволенный с должности хранителя постельного белья, недавно в дружеской компании болтал, что твоя любовь к итлийской красоте заходит несколько дальше спальни ее величества. Мол, неважно, кто там у короля в постели, лишь бы при этом болтал по-итлийски, так что не зря фаворит ночует рядом со спальней его величества...

– Что?! – Осознав сказанное, Аластор мгновенно очнулся, но Лу надавил ему на плечи ладонями, не позволяя встать. – Он с ума сошел?

– Нисколько, – отозвался Лучано. – Просто таким образом выразил обиду. Ну неужели ты думал, что избежишь грязных слухов? Сиди, не дергайся. Лорда Астера уже отправили в поместье, канцлер об этом позаботился. Но на каждый болтливый рот кляпов не хватит. Особенно теперь, когда статут придворных должностей ты сократил на две трети, зато ввел новые. Будь уверен, вскоре тебе начнут приписывать не только меня, но и этих двух маэстрино, которым ты выписал наставника, и северное посольство, и даже Перлюрена.

Голос Лу звучал так шутливо и спокойно, что Аластор возмущенно засопел, но все-таки усидел в кресле. Правильно он выгнал этого Астера, которого даже в лицо не знал! А знал бы – сопровождал бы пинком! Грязь какая... Мерзость!

– Прости, – буркнул он, помолчав. – Представляю, каково тебе было это слышать.

– Мне было лестно, – тихо рассмеялся Лучано. – Альс, ты забыл, что я... принимаю от Всеблагой любые дары? И будь это правдой, поверь, я бы себя оскорбленным не почувствовал. Вниманием такого мужчины, как ты, следует гордиться. – Его руки ни на миг не замедлились, продолжая разминать, тереть и гладить. Шея и плечи Аластора приятно горели, а теперь краска бросилась еще и в уши. А Лу задумчиво продолжил: – Пожалуй, вне подозрений разве что грандсиньор Дункан. Зато про него ходит другой забавный слух, никак с тобой не связанный.

– Какой? – поспешно спросил Аластор, желая уйти от скользкой темы.

– О, видишь ли, грандсиньор продолжает носить помолвочное кольцо... То самое, да. И господа придворные жаждут узнать, с кем и почему магистр Белой гильдии заключил тайную помолвку. Они даже догадались, что платок из ярко-зеленого шелка грандсиньор носит в честь чьих-то прекрасных глаз. Такой романтический арлезийский обычай! Но чьи это глаза, пока никому не пришло в голову.

– И очень хорошо, – пробормотал Аластор.

К стыду своему, он понятия не имел про значение зеленого платка и вообще не замечал его на Роверстане. Ну, носит разумник шейный платок – что в этом такого? Может, ему белоснежные мантии и светлые камзолы надоели, вот и добавил к ним яркое пятно! А язык

цветов и веера, запахи, букеты и всякие прочие глупости – это для придворных пустозвонов, не знающих, чем заняться!

Но если Роверстан носит зеленый платок, чтобы помнить об Айлин... Аластору до боли в сердце было жаль этого сильного, умного, верного человека, который получил от судьбы такой удар!

– Еще как хорошо, – согласился Лу, который теперь просто гладил ему плечи от основания шеи до ключиц. – Но, видишь ли, при дворе имеется одна зеленоглазая дама. Совершенно одинокая! И весьма... горячая. Она, правда, долго не выезжала, тоскуя о погибшем муже, но недавно они случайно встретились в чьем-то доме, и грандсиньор... мм-м... недостаточно быстро ускользнул от ее внимания. – В голосе итлийца снова послышалась лукавая усмешка. – Дама решила, что это знак судьбы, и начала искать новой встречи, а когда ей это удалось, она увидела на грандсиньоре Роверстане платок, в точности повторяющий цвет ее глаз. На самом деле, конечно, не ее! Но как объяснить это женщине? В общем, она снова стала появляться при дворе, и бедный грандсиньор одарен женским вниманием немного больше, чем ему хотелось бы. Во всяком случае, от этой женщины.

– Да кто она такая? – не выдержал Аластор. – Лу, говори уже!

Итлиец наклонился к самому его уху и прошептал:

– Не поверишь... Матушка нашей синьорины!

– Леди Ревенгар?! – и вправду не поверил Аластор. – Но... как? Почему? Всего лишь из-за какого-то платка?! Лу, скажи, что это шутка!

– Да если бы, – фыркнул итлиец. – Насколько я понял, грандсиньор в юности ухаживал за этой дамой, но она предпочла отца синьорины Айлин. А теперь, после нескольких лет траура, разглядела, какого мужчину когда-то потеряла, и решила вернуть воду в сухой колодец, как у нас говорят. Вот только грандсиньор не слишком счастлив. Я его понимаю, дама роскошная, но после нашей синьорины...

– Бедный Роверстан! – с чувством отозвался Аластор, потягиваясь и с наслаждением ощущая, как по разогретым мышцам плеч и спины бежит кровь. – Кстати, сходи за ним все-таки!

– Будет исполнено!

Выскользнув из-за кресла, Лу шутовски поклонился, приложив руку к груди. Присев на подоконник, лихо крутанулся на нем, перекинув ноги через Флориморда, и спрыгнул в сад. Аластор только

хмыкнул: и это – серьезный человек! Бывший наемный убийца, а ныне дворянин, правая рука короля и глава тайной службы, хоть и состоящей всего из одного мага-боевика. Да еще енота! Впрочем, даже с такими небольшими силами Лу как-то умудряется знать все, что происходит во дворце и в городе, а если ему больше людей дать?!

* * *

До возвращения Саграсса Аластор успел вернуться в кабинет и обнаружить, что канцлер только что прислал список лордов, просящих отсрочку по налогам. После каждой фамилии в этом перечне Аранвен пунктуально и бесстрастно комментировал, насколько обоснованы просьбы и в какой мере их можно исполнить.

Получалось, что у некоторых аристократов даже из Трех Дюжин задолженности накапливались из года в год, потому что лорды расплачивались с казной частично или не в срок, на просрочки набегала пеня, и в конце концов род оказывался должен больше, чем стоило все его имущество, как было, например, с Эдаланами. Новый глава, которого Аластор лично выбрал по совету канцлера, получил в наследство не только разоренные поместья, но и огромные долги, так что род оказался на грани назначения королевской опеки и конфискации изрядной части этих самых поместий.

Аластор поморщился, понимая, что драть с бедолаги последнюю шкуру просто бесчеловечно, однако и полностью простить недоимки нельзя, это станет опасным примером для остальных, что примут подобный поступок короля за слабость и глупость.

Он вчитался в рекомендации Аранвена, который советовал на три года освободить поместья лорда Эдалана от налогов, но взамен обязать его предоставить работников для новых королевских мануфактур, которые уже начали возводить на землях короны. По расчетам канцлера за это время новоиспеченный глава рода сможет восстановить поголовье скота и вернуть в оборот пахотные земли, которые обнищавшие крестьяне перестали обрабатывать лет десять, а то и двадцать назад. Конечно, забирать у Эдалана слишком много людей тоже нельзя, но лорд в любом случае не сможет сейчас прокормить всех, а для работы на мануфактурах годятся и женщины, и подростки, и немолодые уже мужчины, так что пусть сам выбирает, кого на эти три года отдаст короне. А основную сумму долга,

замороженную на это время, Эдалан сможет выплатить позже в рассрочку.

Согласившись с канцлером и сделав нужную пометку в документе, Аластор принялся читать дальше, невольно выглядывая знакомые имена. Среди должников не было ни Бастельеро, ни Ревенгаров, ни Кастельмаро, ни дражайших родственников Райнгартенов, ни, разумеется, Аранвенов – о последнем странно было даже подумать. Зато в нем ожидаемо нашлись Сазерленд и Логрейн.

Первого канцлер сухо посоветовал проверить при помощи королевских налоговых эмиссаров – была, оказывается, в его ведомстве такая служба, имеющая широкие полномочия, но только по личному приказу короля.

Второй должен был в этом году передать права главы рода племяннице, и требовать уплаты задолженности следовало уже с нее, но только после отчета лорда Логрейна Опекунскому Совету. До этого момента вопрос налогов повисал в воздухе, потому что по бумагам геральдической коллегии девица считалась уже совершеннолетней, но в наследство официально не вступила, а будучи профанкой, и вовсе не могла распоряжаться родовым имуществом в полной мере.

До замужества юной леди следовало найти управляющего, которым мог остаться ее дядя, но только после тщательной проверки на должное исполнение обязанностей опекуна. После замужества имущественные права переходили к супругу леди, но, опять же, с ограничением, касавшимся земель майората. Насколько понял Аластор, если Опекунский Совет решит, что Логрейн управлял имуществом племянницы недобросовестно, опека над юной леди переходила к короне.

Он вспомнил, что канцлер уже говорил об этом и настаивал на скорейшем визите леди Логрейн ко двору. Кстати, а самого Логрейна что-то давно не видно. Может, как раз вернулся в Озерный край за племянницей? Надо будет уточнить...

Дальше пошли должники помельче. У кого-то демоны разорили деревню или поместье, кто-то пострадал от непогоды, три семьи лишились главы, а новый по каким-то причинам еще не вступил в права... Дочитав бумагу, Аластор сделал пометки там, где был полностью согласен с Аранвеном, а там, где сомневался, подчеркнул

имена и велел Вильмону переписать их на отдельный лист, сохранив рекомендации канцлера.

Секретарь поклонился, забрал документ и сообщил, что мэтр Саграсс вернулся из города и просит передать, что приказ его величества исполнен. Люди, которых он желает видеть, ожидают в караулке под охраной.

— Прекрасно! — возрадовался Аластор. — Вильмон, пошлите за лордом Фареллом, пусть немедленно подойдет в большой королевский кабинет. И Саграсса с егерями зовите туда же!

Он вскочил, снова потянулся и решил, что сегодня точно больше никаких дел. Вот последнее разберет — и все! В конце концов, у него праздник! До ужина еще несколько часов, можно взять Огонька и съездить к родителям, они наверняка еще не знают прекрасную новость. А вечер провести с женой...

Глава 3

Заговор капитанов

Большой королевский кабинет был придуман для так называемых малых приемов. То есть случаев, когда король должен сидеть в тронном кресле и при регалиях, но много людей протоколом не предусмотрено. С утра здесь по обыкновению распахнули окна, чтобы проветрить, и тяжелые, шитые золотом бордовые шторы колыхались от ветра, гуляющего в дворцовом саду.

Кроме тронного кресла – массивного, с высокой спинкой, украшенной гербом Дорвенанта, с подлокотниками и толстыми ножками-лапами – в кабинете стоял у стены небольшой стол для секретаря и пара стульев на случай, если король пожелает оказать кому-то милость, разрешив сидеть в своем присутствии. Ковровая дорожка в цвет шторам багряным росчерком пересекала начищенный паркет от тронного кресла к двери, позолоченные деревянные гербы Трех Дюжин на стенах сияли в солнечном свете, и, хотя Аластор не любил тяжелую вызывающую роскошь большого кабинета, но признавал, что в такой обстановке королевская персона вызывает куда больше почтения, чем в спальне своего фаворита или малой гостиной.

Он упрямо прошагал по дорожке, подавив мгновенное желание обойти ее по паркету, опустился в кресло и поправил обруч древней короны, прихваченной из собственного кабинета, небольшого, обжитого и уютного. Корона Дорве сидела отлично, не давила, и даже ее тяжесть казалась какой-то правильной, придающей спокойствия.

Следом в кабинет тенью скользнул мэтр Вильмон, заняв место за столом, а потом в дверях изволили показаться господа советники, они же королевские фавориты, и они же «эти обнаглевшие южане», как недавно выразился кто-то из придворных дармоедов, не подозревая, какой хороший у Аластора слух. А потом посетовал, что урожденному дорвенантцу хорошей крови и больших талантов никак не пробиться в придворной службе, пока место приличных людей рядом с королем занимают всякие выскочки то итлийского, то арлезийского, то фраганского происхождения.

Ну что ж, Аластор оценил такое горячее желание послужить короне и нашел говоруну дело – отправил на северную границу комендантом в крепость Драконий Зуб. Там лорд вряд ли встретит столь нелюбимых им южан, зато пользу королевству принесет немалую.

– Опаздываете, господа, – шутливо упрекнул он.

Разумник молча склонил голову, приложив руку к груди в знак извинения, а Лу откликнулся:

– Простите, монсиньор! Видит небо, у нас и в мыслях не было заставлять ваше величество ждать. Ах, эти непредвиденные обстоятельства! Увы, наш дорогой грандсиньор Дункан едва не пал жертвой собственной любезности, пытаясь объяснить одной настойчивой даме, что занят и не может сопровождать ее в прогулке по саду. Если бы не мое своевременное появление...

– Это та самая дама? – заинтересовался Аластор, и разумник с легким вздохом кивнул, а потом добавил с непроницаемым лицом:

– Лорд Фарелл был весьма любезен, позволив мне удалиться, не оскорбив... почтенную леди.

Аластор хмыкнул, понимая, что мать Айлин едва ли старше самого Дункана, если не моложе и звать ее «почтенной» больше похоже на оскорбление, чем на любезность. Наверное, леди Ревенгар изрядно досадила магистру своими преследованиями. И куда только смотрит ее сын? Это ведь он должен хранить семейную честь. Впрочем, если молодой Ревенгар снова уехал в полк, не зная, как ведет себя его матушка, ему можно лишь посочувствовать.

Он украдкой глянул на зеленый платок, о котором шла речь. И правда в точности того же цвета, что глаза Айлин. Как свежая летняя трава...

В коридоре слышалось звяканье амуниции и негромкий голос Саграсса. Секретарь встрепнулся, вопросительно посмотрев на короля, и Аластор кивнул.

– Зовите, – распорядился он. – А вас, господа, прошу! Магистр, можете взять стул.

– Благодарю, ваше величество, – улыбнулся Дункан. – Мне будет удобнее последовать примеру лорда Фарелла.

И он встал за тронным креслом с правой стороны, потому что левую уже занял быстро скользнувший туда итлиец. В дверях

показались Вильмон и Саграсс, а за ними – несколько человек в темно-сером. Аластор, который никогда не видел егерей, с интересом к ним присмотрелся, пока пятерка строилась у входа в кабинет.

Вот этот, самый потрепанный и небритый, наверняка Гартинг. Ну, трудно его осудить, в тюрьме не очень-то удобно следить за собой. На выцветшем и потертом грязно-сером сукне капитанской формы темнеют пятна сорванных нашивок, лицо хмурое, с упрямым, заросшим щетиной подбородком и льдисто-голубыми глазами. Коротко подстриженные черные волосы с проседью не скрывают, что правое ухо капитана срезано наискосок, а шею над воротником пересекли несколько жутких поперечных шрамов. Гартинг напомнил Аластору матерого пса, побывавшего во множестве драк, и остальные четверо неуловимым сходством подтвердили это ощущение. Шрамов и отметин хватало у всех, а главное – взгляды.

Молча пройдя половину пути до тронного кресла и остановившись посреди кабинета, капитаны смотрели исподлобья, без всякой лихости, которую Аластор невольно представлял по рассказам Саграсса. В отличие от Гартинга, они успели переодеться, потому что были в такой же серой форме, однако новой, не успевшей обтрепаться, и капитанские нашивки цвета крови ярко выделялись на ней, видные издали. Блестящие ремни портупей, начищенные сапоги – вполне приличный вид, хотя с гвардейцами не сравнить, конечно.

Аластор про себя хмыкнул и подумал, что в такой невзрачной одежде егерям, пожалуй, удобно прятаться в лесу. Им бы еще зеленых пятен на нее добавить – и в листве вообще не разглядеть. Что там Саграсс говорил про бывших браконьеров? Пожалуй, сторожевого пса напоминает как раз боевик, а эти пятеро скорее похожи на матерых волков, которые стаяй и медведя взять не побоятся.

– Капитан Гартинг? – отрывисто спросил он, вернувшись взглядом к первому егерю, за которым бдительно следил вставший у стены Саграсс.

– Так точно, ваше величество! – отозвался провинившийся егерь, отдав честь.

– Я ознакомился с вашим делом, – сообщил Аластор. – Командор Райнгартен уверяет, что в нем очень много непонятного, и я склонен с ним согласиться. Скажите, вы ведь знали, что за дуэль с командиром пойдете под суд, а затем, возможно, на плаху?

– Так точно, ваше величество!

Поймать взгляд капитана никак не получалось, Гартинг упорно смотрел поверх головы Аластора куда-то на спинку кресла, и это неимоверно раздражало.

– А зачем тогда его вызвали? – хмуро поинтересовался он, чувствуя, как портится настроение. – Что, хотя бы до возвращения в столицу потерпеть не могли?

– Никак нет, ваше величество! – пролаял капитан.

Аластору вспомнились резные солдатики, которыми он любил играть в детстве. Форма у них, правда, была поярче, обычная рейтарская форма, зато лица такие же... деревянные.

– Что было причиной дуэли? – еще мрачнее поинтересовался он, обводя взглядом всех пятерых.

Ну точно болванчики – даже не смотрят на него! И что там интересного за его креслом? Не Лучано же с магистром они разглядывают.

– Не могу сказать, ваше величество, – отбарабанил капитан, и Аластор холодно уточнил:

– Даже по моему приказу? И если речь идет о вашей дальнейшей судьбе? Кстати, капитан, вы знаете, что ваши товарищи всемерно рвутся разделить вашу участь? Неужели вам хочется утащить их за собой даже не на плаху, а на виселицу?

Все-таки он пробил броню Гартинга! Взгляд егеря дрогнул и на миг метнулся к стоящей по другую сторону ковровой дорожки четверке, а потом капитан еще сильнее выпрямился и с отчетливой тоскливой ноткой, но по-прежнему браво отрапортовал:

– Болваны, ваше величество! Не извольте их слушать, сами не знают, что несут!

– Ах, во-от как... – протянул Аластор и злорадно покосился на четверых. – Не знают? Вот так просто взяли и решили попросить о помиловании государственному преступнику? А если не выйдет – прогуляться вместе с ним в петлю? Потому что знаете, капитан, если я не услышу от вас достойную и внятную причину дуэли, мне придется согласиться, что лорд Райнгартен прав и это все-таки было убийством. Вы бы хоть придумали что-нибудь, Гартинг! Например, что речь идет о чести дамы...

На него волной накатывало мрачное веселье, природу которого Аластор сам не очень-то понимал. Он бы никогда не позволил себе издеваться над чьей-то жизнью и смертью, но эти пятеро... Что-то с ними не так!

– Никак не могу, ваше величество! – выдохнул капитан и пояснил, опустив глаза почти застенчиво: – Врать королю? Увольте, лучше на плаху. Если будет на то ваша милость. А если нет, можно и на виселицу. Только эти болваны ни при чем, я вам честью клянусь...

Голос Гартинга дрогнул, и Аластор вздохнул, понимая, что комедия затянулась. Признаваться по-хорошему егеря не собирается, магистр молчит, а значит, нет ни одной причины отказывать Райнгартену в продолжении следствия. И допрос с пристрастием кажется вполне логичным. Мало ли что душа не лежит... Может, капитан только выглядит простодушным честным воякой, а на деле и вправду убил злосчастного полковника из-за какой-нибудь... трактирщицы! Что, кстати, одно другому не противоречит!

И тут его осенило.

– Ну что ж, – зловеще протянул он, немного подаваясь вперед. – Не желаете говорить своему королю правду – как угодно. Тогда и я не вижу никаких причин для помилования. Вам, капитан Гартинг, отрубят голову. После допроса с пристрастием, как требует командор Райнгартен. А этим господам, – глянул он на угрюмо молчащую четверку, – дорога обратно в полк. Ни у меня, ни у командора к ним претензий нет...

– Ваше величество! – не выдержал, как и рассчитывал Аластор, один из четверых, здоровенный вояка со шрамом через все лицо. – Дозвольте сказать...

– Заткнись, Руди! – рявкнул обернувшийся к нему Гартинг.

– Сам заткнись! – огрызнулся тот. – Тебе хорошо, казнят – и все! А нам потом жить с этим?!

«Вот это у них понимание “хорошего”! – молча восхитился Аластор. – И как тут не согласиться с Лу насчет “идиотти”?»

А капитаны продолжали рычать друг на друга, в пылу перепалки напрочь забыв о короле.

– Договорились же! – яростно выплюнул Гартинг. – Какого вы теперь за мной на плаху лезете? Ур-роды тупые!

– На себя посмотри! – не остался в долгу Руди, которого Аластору не представили полным именем. – Отрубили бы тебе башку – и Баргот с тобой! А про дыбу и кнут ни разговора, ни уговора не было! И вообще, не тебе за нас решать, барготово дерьмо тебе в глотку!

– Руди дело говорит, – поддержал его коренастый и совершенно седой усач-егерь. – Уговор был про другое! Ты свою часть выполнил, а остальное – наша забота!.. Не лезь поперек всего капитанства, Сэмми!

Лицо Гартинга побагровело, а глаза, напротив, выцвели, став почти белыми. Он сжал кулаки... Между капитаном и тронным креслом вдруг возникла почти прозрачная дымка – Саграсс бросил магический щит. Не обращая на это внимания, Гартинг шагнул к набычившемуся Руди...

«Обнаглели! – изумился про себя Аластор. – Будто меня здесь и нету!»

Остро жалея, что не озаботился принести с собой секиру, – что ни говори, аргумент в любой беседе весомый! – он чуть привстал с кресла, опираясь ладонями о подлокотники, и во весь голос рявкнул:

– Ма-алчать! Смир-рно!

Вздрогнув, капитаны рывком вытянулись, одновременно поворачиваясь к нему. Во взглядах всех пятерых вспыхнул непритворный ужас.

– Простите, ваше величество! – опомнился Гартинг. – Забылись...

– Ты! – ткнул пальцем Аластор в Руди и велел тем же голосом. – Быстро говори, что собирался. Ну!

– Так точно, ваше величество! – Капитан выпрямился еще сильнее, прямо в струнку вытянулся, и выдохнул: – Ваше величество, это мы все вместе придумали! Всем капитанством полка, значит... Когда поняли, что полковник рехнулся и всех погубит. А Гартингу просто жребий выпал. Он всегда везучий был. А может, и передернул колоду...

– Сам ты шельмуешь, стер-рвец... – прошептал злобно Гартинг и осекся под взглядом Аластора.

– Дальше! – велел Аластор, с тем же темным азартом понимая, что след наконец-то начал распутываться. – Что сделал полковник?

– Так трясину велел штурмовать! – едва ли не взвыл Руди. – Рольфстокскую трясину, куда большую часть года вообще хода нет! Разве что летом в самую жару, да и то по краю! Местные крестьяне

там деревянную гать положили, чтобы за ягодами ходить, и то постоянно люди топнут, хотя каждую кочку помнят. А полковник велел от этой гати новую стелить и всем полком по ней в болото, значит. За демонами, которые там окопались! Потому что иначе до них не добраться, а истребить-то надо! Они же, стервецы, днем в болоте прячутся, а как ночь – лезут из него и прут в ближние деревни, скотину и людей режут. Вот полковник, поймей его Баргот, и придумал этакое... дивное... Настелить тропу и демонячью лежку разыскать. Мол, раз они там живут, и болото их держит, значит, удержит и людей. Ну и вот... Созвал он нас вечером на совет, а сам сияет, как яйца у кота... Простите, ваше величество!

– Ничего, – кивнул Аластор, и сконфуженный капитан пылко продолжил:

– Говорит, мол, кто-то ему сказал, что посреди болота сухое место имеется, заповедное, только до него добраться надо! Видать, там демоны и прячутся. Разлом, который возле Мервиля открылся, стихийники-то закрыли, новые демоны оттуда больше не полезут, а истребить старых, которые тут остались, это наш святой воинский долг. Оно, конечно, никто не спорит, что долг! Но ведь их истребить, а не самим при этом в болоте потопнуть! Гать эта даже не гвоздями сбита – откуда у крестьян столько гвоздей? Где веревками связана, где – ремнями, где просто на столбах внахлест срублена. Гуляет над болотом, а под ней бездонная трясина. Ступишь – и где по щиколотку в воде, а где и по колено провалиться можно. Ну, полезли бы мы по ней, допустим. Сказать по правде, и не в такие места лазили, служба у нас всякая бывает... Но демонам нас на этой гати подловить – как хвостом вильнуть! На ней же драться толком не выйдет ни оружием, ни магией, а эти твари верткие, как... как...

– Я знаю, – буркнул Аластор. – Встречался. Не на болоте, правда, в лесу. Но тоже приятного мало.

Капитан поглядел на него с уважением и кивнул.

– Ну вот, – безнадежно выдохнул он. – Сами, значит, понимаете, ваше величество. Это даже не драка вышла бы, а просто... как самим себе глотку взять да перерезать.

Аластор это понимал и был полностью согласен с егерем. Чего он не понимал – так это о чем думал Райнгартен, отдавая такой нелепый, безумный, самоубийственный приказ! Ну не полный же он дурак был,

раз дослужился до полковника! Должен был сообразить, что посреди болота на неустойчивом деревянном помосте с кучей щелей и провалов демоны перебьют беспомощных людей, не позволив даже добраться до своей лежки, которая то ли есть, то ли ее вообще нет.

– Вы ему-то сказали? – спросил он, и егеря вздохнули все разом.

– Говорили, ваше величество, – отозвался Руди, а остальные так же одновременно кивнули. – Честно пытались объяснить, что не получится ничего. Только людей положим и сами ляжем, причем без всякой пользы. Ну пару-тройку тварей каждый прихватит, конечно... Только мы даже не знаем, сколько их там. А маги, которых Орден прислал, тоже руками развели. Чтобы осушить болото, их не полдюжины нужно было, а несколько десятков – и не один год работы, так они сказали. Да и то неизвестно, получится ли. А если получится, то в окрестностях земля родить перестанет и людям уходить придется, потому что болото не осушить, пока водяные жилы в земле не перекроешь... Ну вот, а если болото не осушать, то от магии не так уж много толку. Что Молотом Пресветлого эту тварь на лету сбить, что из арбалета – разница невелика. Огнем, опять же, кидаться нельзя, гать хоть и мокрая, но местами может загореться, а главное, драка будет вповалку, магам там не развернуться.

Аластор понимающе кивнул, вспомнив стену огня, которую Айлин пустила на демонов. На болоте ничего не вышло бы! Но если это понимает он, профан и совершенно не военный, то... Неужели полковник действительно сошел с ума?!

– Мы его все уговаривали, – подал голос седой егерь в мрачном молчании остальных. – Но у полковника был приказ от командора истребить нечисть как можно быстрее. Потому что новый король вот-вот начнет в должность вступать и захочет узнать, как оно там обстоит, в болоте этом, Бар-р-ргот его...

– Так и было, – подтвердил Руди. – Полковник сказал, что если мы отказываемся исполнять долг, то мы все – трусы и подлежим трибуналу. А он сам поведет полк и покажет, как надо служить королю...

Он отвел взгляд, полный безнадежности, и Аластора передернуло. Это что же получается?! Райнгартен даже не болван! Он... преступник! Это его следовало отдать под трибунал, погуби полковник

столько людей! Но командор наверняка встал бы на сторону родственника... Или нет?

– И тогда вы решили его... убить, – медленно продолжил он, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться. – Гартинг, ответьте мне на один вопрос! Почему вы потом на допросе у командора не рассказали правду?! Племянника ему бы это не вернуло, но Райнгартен – разумный человек! Он хотя бы о допросе с пристрастием просить не стал бы. Зачем вообще было затевать эти... дурацкие тайны?

Капитан обреченно опустил взгляд, понурился, но Аластор успел заметить, как на скулах у него заходили желваки. Ну и что теперь делать с этим упрямцем?! Сам ведь буквально рвется на плаху!

– Потому что господа капитаны, все пятеро, договорились вызывать полковника Райнгартена по очереди, если у первого или второго не получится задуманное, – прозвучал спокойный голос Роверстана, и Аластору стоило огромных усилий не обернуться. А вот капитан вздрогнул, подтверждая правоту разумника. – И, узнай об этом суд, речь шла бы уже не просто об убийстве, а о заговоре. Капитан попросту выгораживал сослуживцев.

– Милорд магистр, вы уверены? – поинтересовался Аластор. – Мэтр-разумник из службы безопасности этого не понял.

– Мэтр Овайн читал капитана Гартинга, – пояснил Роверстан. – Который заранее принял против этого меры, грубые, но вполне действенные. А я прислушался к мыслям его сослуживцев. Кстати, прошу за это прощения, господа. Дело и вправду государственной важности, я действовал по желанию его величества.

Егеря мрачно посмотрели в его сторону, но ничего не сказали.

– Это правда? – переспросил Аластор. – Насчет заговора?

– Так точно, ваше величество, – снова отозвался седой. – Вы Сэмми, то есть капитана Гартинга, не извольте слушать. Мы все вместе это решили, когда вышли с того совета. Полковник велел завтра же с утра выдвигаться к окраине болота. Времени не было, порталы не работали. Да если бы и работали, кто бы нас послушал? Мы же егеря, висельники. А он самому командору родня! Нас ведь и правда следовало за неисполнение прямого приказа под суд отдать. Только людей бы это не спасло. Все пять рот в том болоте остались бы, а может, и рейтары, которые следом за нами должны были идти. Там же еще второй рейтарский с нами рядом стоял... Ну вот, вышли мы с того

совета и разыграли, кому, значит, полковника вызвать... Потянули карты из колоды, Сэмми самую старшую и вытащил. Архимага... – добавил он зачем-то и с явным подозрением покосился на Гартинга, который ответил ему негодующим взглядом.

– А напиться перед дуэлью предложил я, – сказал один из двух молчащих егерей, самый молодой, рыжеватый и скуластый. Отдал короткий офицерский поклон и представился по всей форме, даже с некоторой щеголеватостью: – Мэтр-капитан Юлиус Бомгард, Желтая гильдия. К услугам вашего величества! – А потом добавил без вызова, но с откровенной простотой: – Мы, иллюзорники, тоже кое-что в этом понимаем. Напиться было проще всего, чтобы потом никто ничего на допросе не понял. И ведь не понял же! Если бы не м-магистр...

Он неприязненно глянул на Роверстана, который преспокойно сообщил:

– Непременно передам мэтру Овайну, что он теряет хватку.

– Так! – в который раз повторил Аластор, и все смолкли. – Так...

Теперь ему все было ясно, но этого стало ничуть не легче. Дурак полковник сам выкопал себе могилу, если бы он остался в живых, погубив полк егерей и, возможно, еще рейтар, Аластор точно отдал бы его под трибунал. И даже если бы до этого не дошло, за подобную идею Райнгартена следовало разжаловать – и плевать, кто у него дядюшка! Дядюшке следовало вложить в пустую голову племянника побольше ума или хотя бы научить его слушаться тех, кто понимает в своем деле!

Но с Гартингом-то что теперь делать? Просто помиловать капитана, вернув его и остальную лихую братию обратно в полк? А возможно ли это? Допустим, рассказать Райнгартену, что едва не натворил его племянник, просто необходимо. Допустим даже, командор поймет, почему егеря решились на такое... Поймет, но вряд ли простит! Разве что согласится казнить Гартинга без пыток...

Притихнув, егеря рассматривали бордовый ковер у себя под ногами так внимательно, словно видели вместо него ту самую смертельно опасную трясину. Замер у стены Саграсс, который так и держал между ними и Аластором пленку щита, хотя в этом уже не было необходимости. Молчали магистр Роверстан и Лучано. Их, конечно, можно было спросить, но... решать ему. Как обычно.

– Капитан Гартинг... – начал Аластор, и егерь поднял голову. – Скажите сами, чего вы заслуживаете, если судить по армейскому уставу?

– Казни, ваше величество, – просто и ясно ответил Гартинг, не отведя взгляда и не дрогнув.

– Казни, – тяжело вздохнув, согласился Аластор. – А вы, господа? – глянул он на егерей.

Седой ответил за всех, мрачно и так же ровно отозвавшись:

– Казни, ваше величество. – И перечислил: – Неподчинение приказу, заговор, сокрытие преступления... А если бы у Сэмми не получилось, то мы снова карты тянули бы. Так что хоть по уставу, хоть по справедливости, а что ему, то и нам причитается.

– Это почему же у меня не получилось бы? – возмущенно буркнул Гартинг, но Аластор бросил:

– Молчать.

И егерь мгновенно смолк. Да и вообще королевский кабинет разом заполнила такая вязкая плотная тишина, что Аластору на несколько мгновений стало тяжело дышать. Он смотрел на пятерых человек, жизнь которых не просто зависела от его воли – он и сделать-то ничего не мог, чтобы эту жизнь им подарить. Как с Лионелем Саграссом... Но тогда удалось вывернуться, найдя лазейку в законе о наказаниях. А что делать сейчас? Нельзя же просто приказать Райнгартену забыть смерть своего племянника?! Обоим лордам Райнгартенам, кстати... И дело вовсе не в том, что погибший был золотой крови, хотя именно это возмутит лордов, когда история выплывет наружу. Дело в том, что эти пятеро заслужили справедливость. Да, они убили одного человека. Но спасли гораздо больше жизней, которые этот... честолубивый дурак непременно погубил бы! По закону они были преступниками, но... будь полковник Райнгартен его родным братом, Аластор не смог бы осудить капитанов. Оплакивал бы его, но их понял! Потому что эти пятеро спасали не только себя, но и тех, за кого отвечали.

Он потер лоб, который вдруг сдавила увесистая корона. Обруч показался неудобным, хотя всегда был точно впору, обычно Аластор его и не замечал на себе. Это неудобство показалось важным, словно должно было навести на какую-то мысль... Аластор вздохнул. Хорошо было Дорве! Тогда законы были проще, а воля короля ценилась куда

выше. Теперь все не так. Не будешь ведь кидаться секирой каждый раз, когда ты понимаешь свою правоту, а окружающие – нет!

Еще и капитаны эти... Злость на неприятное решение, которое придется принимать, вернулась в полной мере. Аластор знал, что нужно кликнуть стражу, велеть увести их, а дальше... Дальше ему просто придется поставить подпись на документе – и он даже не увидит смерть егерей. Их просто не станет ни в его жизни, где они появились всего на какой-то час, ни в мире, который вряд ли заметит отсутствие пятерых «висельников».

Ну и чего так плохо-то?! Почему злость рвется наружу, причем не простая, а смешанная с холодным весельем? Почему вместо правильного приговора, который одобряют и поймут решительно все, ему хочется вызвать сюда лорда Райнгартена и совершенно не королевски вмазать ему по холеной учтивой физиономии? За дурака-племянника! За пару полков, которые едва не утопили в болоте и не скормили демонам, потому что командор торопился отчитаться королю о победе! За то, что Аластору сейчас нужно срочно придумать, как напугать эту пятерку матерых волчар до того, чтобы у них в мыслях не появилось, будто они избежали наказания! А ведь их не наказывать, их награждать надо! Вот как Лионеля Саграсса...

Хм. Хм... Хм!

– Все верно, господа... – вкрадчиво сказал Аластор, немного отпуская поводья этого злого веселья, которое не давало просто отбросить его. – И казнь – это еще самое малое, чего вы заслуживаете.

Из-за левого плеча послышался быстрый удивленный вздох Лучано. Магистр молчал, и Аластор не стал задумываться, читает ли разумник сейчас его собственные мысли. Плевать! Эти двое в любом случае не расскажут никому ничего лишнего, да и Саграсс, пожалуй, тоже. Еще есть секретарь, но... Все потом!

– И знаете почему? – уронил он, оглядывая застывших с каменными лицами егерей и постепенно повышая голос. – За глупость, господа! За невероятную глупость и позорное... разгильдяйство! – Немного помолчал и продолжил, с наслаждением чеканя каждое слово из той чуши, что сама лезла на язык и почему-то была сейчас правильнее любых умных речей: – Вы что же думаете, господа, у короля столько полковников, что можно безнаказанно прибить одного-другого? Ну достался вам в полковники дурак, бывает! Что же его

теперь, убивать?! Да вы его беречь должны были! Ясно вам?! Охранять как величайшую ценность!

Егеря смотрели на него с вытаращенными глазами. И седой, который у этой пятерки явно был за главного. И щеголеватый иллюзорник Бомгард. И Руди, который подозревал Гартинга в том, что тот передергивает, но не хотел видеть его на дыбе. И сам Гартинг. И пятый, что так и не сказал ни одного слова, но все равно Аластор был уверен, что до конца жизни не забудет эту мрачную разбойничью физиономию с раскосыми глазами. Они молчали и слушали, как его несет лихое дурное вдохновение сродни тому чувству, которое Аластор испытал в коридоре лазарета, когда бил Артура Ревенгара. Только тогда гнев управлял его кулаками, а теперь – языком!

– Вы, мерзавцы! – загремел голос Аластора на весь кабинет, и егеря на глазах начали бледнеть. – Енотьи дети! – добавил он в порыве вдохновения. – Если видели, что полковник рехнулся, так надо было не убивать его, а довести до лекарей живым... Кто вас вообще заставлял этого болвана слушаться?! Ваше дело – следить, чтобы господин полковник был жив и невредим! Дали бы ему по башке и сунули в обоз куда-нибудь! В ковер бы закатали для сохранности! И еще этой пересыпали... как ее... от моли...

Он пошевелил пальцами в воздухе, пытаясь вспомнить слово, и егеря следили за его рукой в священном ужасе.

– Лавандой, ваше величество, – с почтительным восторгом прошелестел из-за кресла Лучано.

– Точно, лавандой! – искренне обрадовался Аластор. – Лавандой надо было его пересыпать, вот! Я бы взошел на трон и спросил у вас: «Где полковник, мерзавцы?! Куда вы его дели?!» А вы бы достали полковника, отряхнули – вот! Молью не трачен и пахнет приятно! А сейчас что?! Я вас, енотьи дети, спрашиваю, что сейчас? Я что должен командору Райнгартену сказать?! Что его племянник – дурак? Болван, которого пришиб на дуэли другой болван?! Молчите?! Правильно делаете, господа! За такую тупость вы даже казни не заслуживаете! Я вас хуже накажу... Вы у меня до конца жизни позорное клеймо носить будете... И вы, весь полк, который вы опозорили! Когда вам, болванам, целого полковника доверили, а вы его не уберегли!

Пожалуй, следовало переходить к следующему пункту, пока егеря не опомнились. Какой-то частью рассудка, который сохранял остатки

здравомыслия, Аластор отлично это понимал. Сейчас они растеряны, потому что ожидали чего угодно: казни, допроса под пытками, но только не этого... балагана. Вот и отлично! Вот и беллиссимо, как Лу говорит!

– Мэтр Вильмон! – громыхнул Аластор, и секретарь подскочил на стуле, едва не сбив локтем чернильницу. – Пишите указ! По всей форме! Я, Аластор Кеннет Лоренс Ульв, урожденный Дорвенн! Повелеваю отныне и впредь! Первому егерскому полку моего величества полковников никогда не назначать! Не заслужили! И всем королям, что будут на троне после меня, оставляю мой строжайший приказ и завещание. Быть первому егерскому полку без полковников! Записали?

– Д-да, ваше величество, – дрожащим голосом заверил Вильмон. – А как же... они будут управляться?

– А вот так и будут, – с ехидным наслаждением заявил Аластор и ткнул пальцем куда-то между Гартингом и четверкой остальных. – Господа капитаны остаются на своих постах! Я бы их, конечно, казнил, но это слишком милостиво! Пусть живут и мучаются! Вы, Гартинг, станете первым! Принимаете командование полком и только попробуйте мне натворить каких-нибудь глупостей! Учтите, я теперь глаз не спущу ни с вас, ни с остального капитанства! А через год передадите пост кому-то из ваших бравых сослуживцев... Или его преемнику, если того убьют. По старшинству или по жребию – сами решайте. Но никакого звания полковника! Больше никогда, ясно вам? Ясно, я спрашиваю?!

– Да, ваше величество, – выдавил оторопевший Гартинг. – Но как же... А приговор? Командор Райнгартен...

– С командором я сам побеседую, – заявил Аластор, наконец-то вольготно разваливаясь на тронном кресле. – А с остальными извольте мои приказы не обсуждать! Приговариваю вас всех к пожизненному капитанству в егерях без права на помилование! Мэтр Вильмон, записали?

– Да, ваше величество! – отозвался лихорадочно строчащий секретарь. – Жалованье сохраняется?

– С надбавкой, – пару мгновений подумав, согласился Аластор. – Одна пятая полковничьего жалования каждому. Но на все время исполнения обязанностей командира полка – полнейшая трезвость,

никаких азартных игр и дуэлей! Узнаю, что нарушили, Гартинг, я вас не на каторгу отправлю, не надейтесь. Я вас во дворец переведу! И не гвардейцем, а фрейлиной! Слово даю! Ясно вам?

– Да, ваше величество, – обреченно выдохнул бледный егерь и умоляюще попросил: – По праздникам хотя бы можно? За ваше королевское здоровье?

– За мое здоровье можно, – милостиво позволил Аластор. – По праздникам и не больше одной бутылки. А теперь свободны, господа! Гартинг, ваша служба начинается завтра!

«Скажу Райнгартену, что дал зарок Всеблагой, – промелькнуло у него в мыслях. – Ни одного смертного приговора, пока моя жена не родит. Он должен понять... А чтобы понял еще лучше, объясню, что только ради его семейной чести я эту историю вообще похороню. Иначе мне пришлось бы задуматься, какой дурак назначил другого дурака на пост, где тот едва не утопил в болоте два полка! Райнгартен у меня все поймет... Родственничек!»

Пятерка егерей слаженно отдала честь, развернулась и вышла, нестройно чеканя шаг. Аластор ни на миг не сомневался, что лихое капитанство первого егерского сегодня напьется до полусмерти. Собственно, для того и обронил про завтрашнюю службу. Но пусть их. За помилование – можно. А что это именно помилование, господа капитаны сообразят очень быстро...

– Вы тоже свободны, мэтр Вильмон, – сообщил он, едва сдерживая смех, и понятливый секретарь быстро выскочил за дверь, плотно прикрыв ее за собой.

Почти в то же самое мгновение из-за тронного кресла с непристойным ржанием, достойным пары жеребцов, вывалились господа советники. Дункан упал на освободившийся стул секретаря, а Лу сел прямо на ковровую дорожку у ног Аластора, подвывая от восторга и утирая проступившие на глазах слезы.

– Лаванда! – почти рыдал он. – Завернуть в ковер и лавандой... пересыпать... Беллиссимо... Монсиньор, я вас обожаю! Альс, ми амо-о-ор!

– Бедный егерский полк! – вторил ему Роверстан. – Ваше величество, вы... тиран! И деспот! Я это заявляю... как историк!

– Вот и не роняйте мою репутацию тирана! – сварливо заявил Аластор и посмотрел на Саграсса в надежде, что хотя бы боевик

сохраняет свою обычную серьезность.

Но у того губы тоже тянулись в улыбке, и Аластор, вздохнув, махнул рукой и наконец-то рассмеялся.

– Двор будет в ужасе, – предположил он, удобнее устраиваясь в кресле. – Они только-только начали считать меня приличным королем. А я...

– А вы, ваше величество, не обязаны оправдывать их ожидания, – продолжая улыбаться, но с очень серьезными глазами сказал магистр. – Позвольте мне продолжить как историку. Во все времена люди прощали своим королям и жестокость, и разврат, и даже откровенную глупость. Непростительна была только слабость и неуверенность в своих решениях. Не подумайте, что я оправдываю тиранию и беззаконие, но что важнее? Жизнь одного человека, который оказался не на своем месте и не смог это понять? Или множество жизней, которые он неминуемо погубил бы?

Роверстан смотрел на него очень внимательно, и Аластор тоже ответил с полной серьезностью:

– Конечно, второе, магистр. Я только надеюсь, что сам никогда не окажусь на месте, для которого... непригоден.

– О, вам этого не стоит опасаться, монсиньор, – со смехом заверил его Лу. – Клянусь Всеблагоей, вы великолепы! Лаванда! И пожизненное посменное капитанство! Саграсс, как вы думаете, скоро ли первому егерскому полку станут завидовать все остальные?

– Полагаю, что начнут уже сегодня вечером, – отозвался боевик, по обыкновению сдержанно улыбаясь. – Ваше величество, позвольте спросить, а всем остальным тоже запрещено обсуждать этот случай? Вы же понимаете, стоит мне или лорду Фареллу показаться в караулке...

– Обсуждайте на здоровье, – великодушно махнул рукой Аластор. – Но, надеюсь, в ваших рассказах я буду грозен и деспотичен!

– Грозен как сам Дорве! – заверил его Роверстан.

– И деспотичен как Перлюрен, – добавил Лучано. – Кстати, никто не видел Перлюрена? Утром я поручил его нашему бамбино и теперь не могу найти обоих.

– Поищи на кухне, – все еще смеясь, предложил Аластор. – Рано или поздно кто-то из двоих проголодается, а дорогу туда знают оба.

– Отличная мысль, монсиньор! – мурлыкнул итлиец, одним упругим движением вскакивая на ноги. – Лионель, не вздумайте зайти в караулку без меня! Я должен это слышать! Грандсиньор, вы идете с нами?

– Пожалуй, загляну в дворцовую библиотеку, – отозвался разумник. – Вы позволите, ваше величество?

– Сколько угодно, – снова махнул рукой Аластор. – Милорд, я вам давно сказал, что весь дворец в вашем распоряжении. Это меньшее, чем я могу отплатить за вашу дружбу.

– Всегда к вашим услугам, – с улыбкой поклонился Дункан и вышел, на ходу поправляя немного сбившийся от смеха зеленый платок.

Вслед за ним вышли Лу с боевиком. Аластор проводил их взглядом и блаженно улыбнулся. Превосходное настроение снова вернулось, и на сей раз испортить его вряд ли что-то могло. Неприятное дело решено, дела на сегодня закончены, а его ждет прекрасный вечер и Беатрис! Все-таки жизнь порой бывает удивительно прекрасна!

Глава 4

Очень разные визиты

Лаванда! Благие Семеро, Альс великолепен! Как ему вообще в голову такое пришло?!

Когда Лучано с Саграссом вышли из королевского кабинета, торопливо исчезнувших егерей уже и след простыл. Грандсиньор Роверстан, раскланявшись, отправился в сторону королевской библиотеки, и Лучано с сожалением проводил его взглядом: в редкие свободные минуты разумник неизменно оказывался восхитительным собеседником. Впрочем, давно известно, что именно занятые люди интереснее всего, не то что бездельники.

– Вы в самом деле пойдете в караулку, милорд? – серьезно поинтересовался Саграсс, пряча улыбку в уголках губ, что так и подрагивали.

Лучано подумал...

– Пожалуй, не сегодня, – решил он. – И вам советую с этим подождать. Пусть по дворцу разнесется побольше разных слухов, а мы будем выразительно молчать. Чтобы сварить правильный шамьет, жаровню следует хорошенько раскалить!

– Да, милорд, – поклонился Саграсс, все-таки позволив себе тень понимающей усмешки и тут же вернувшись к обычной серьезности. – У вас есть для меня распоряжения?

– Сегодня? – Лучано снова задумался. – Пожалуй, нет. Можете отправляться домой или куда угодно. Право, Лионель, день такой прекрасный, почему бы вам не пригласить на прогулку какую-нибудь милую синьорину? На площади Фиалок открыли новую ресторацию с итлийской кухней, там весьма недурной повар, и даже варят правильный шамьет!

– На прогулку? Милорд, но это будет означать, что у меня серьезные намерения! – Боевик настолько растерялся, что Лучано даже стало на пару мгновений стыдно. – Вы полагаете, я могу так поступить с девушкой, не имея намерений жениться? Да и какая приличная девица...

Он разом помрачнел, и Лучано подхватил, желая загладить неловкость, а заодно выяснить вопрос, который давно его интересовал:

– Действительно, какая девица обратит внимание на благородного бравого синьора с магическим талантом и должностью при дворе?

– Вы хотели сказать «местом на каторге»? – не без ехидства уточнил Саграсс. – Милорд, мы же оба понимаем, что своим нынешним положением я обязан только великодушию его величества и вашему. Что я могу предложить порядочной девушке? Сомнительную честь стать женой осужденного преступника? Связать свою жизнь с человеком, который не волен в своем будущем?

– А кто из нас в нем волен, Лионель? – непритворно удивился Лучано. – Разве кто-нибудь знает отмеренный ему срок жизни? Право, вы меня удивляете! Ваше положение имеет одно изумительное достоинство! Вы можете быть уверены, что девушка, которая отдаст вам сердце, предпочла именно вас, а не вашу карьеру или богатство. Это все дело наживное, и я уверен, что ваша семья вскоре восстановит свое положение и состояние. А вот искренние чувства – их найти труднее. Да что я вас уговариваю?! Неужели отважный боевик опасается женского отказа?

– Отказа? Нет, милорд, – вымученно снова усмехнулся Саграсс, то ли не заметив подначки, то ли пренебрегая ею. – Я опасюсь как раз противоположного. Если вдруг эта девушка... – Он осекся, и Лучано показалось, что боевик подумал не о любой девице, а о какой-то совершенно конкретной. – Если какая-нибудь девушка, – торопливо поправился Саграсс, – примет мое предложение, то... что дальше? Привести ее к нам домой?

Его лицо окончательно помрачнело, и Лучано про себя согласился. Пьющий глава семейства – это не только расходы, в таком доме на редкость неприятно живется. Постоянная тревога, стыд за происходящее, неуверенность в будущем... Не то, что пожелаешь любимой женщине и своим детям, которые рано или поздно появятся. А Лионель Саграсс – прекрасный сын, если за столько мучительных лет не столкнул пьяного папеньку с лестницы или не капнул ему в карвейн какое-нибудь зелье. Да просто не попросил об услуге знакомого некроманта, чтобы самому не пачкаться!

А ведь это, кстати, интересная мысль... Домой к Саграссам его еще ни разу не приглашали, похоже, Лионель стыдится неустроенного

обедневшего жилья или того, что может выкинуть его отец при госте. Но кто мешает Лучано как-нибудь заглянуть в кабак, где синьор Саграсс-старший проводит вечера? Семье этих бедолаг будет только лучше без такого папаши! А Лионелю совершенно не обязательно об этом знать, не то еще надумает мучиться совестью...

Мысль об этом была яркой и соблазнительной, однако Лучано отбросил ее, хотя не без сожаления. Да, Шипы постоянно убивают, но лишь тех, о чьей смерти кто-то недвусмысленно просит. Вдруг все не совсем так, как ему представляется, и Лионель питает какие-то добрые чувства к своему несчастному родителю? В это сложно поверить, но... Во всяком случае, не получится облагодетельствовать всех хороших людей на свете, просто истребив негодяев, безнадежных пьяниц и вообще тех, кто живет неправильно – по твоему мнению. А то ведь может получиться, что в рядах, подлежащих истреблению, одним из первых окажешься ты.

– Не берите в голову, Лионель, – чуть виновато улыбнулся он боевику. – Кажется, сегодня я исключительно бестактен. И все-таки, знаете, иногда нужно довериться собственным чувствам. Грандсиньора судьба любит, когда ее приглашают на танец от чистого сердца. Еще полгода назад я понятия не имел, что окажусь в Дорвенанте, и моя жизнь переменится так сильно. Попробуйте и вы принять ее дары!

– Я над этим подумаю, милорд, – склонил голову Саграсс, явно пряча взгляд, и щелкнул каблуками. – Разрешите идти?

– Идите, Лионель, – вздохнул Лучано. – И передайте мой поклон вашей почтенной матушке.

Он снова проводил взглядом теперь уже боевика и подумал, что неплохо бы поинтересоваться, о ком вздыхает Саграсс. Вдруг все не так безнадежно, как предполагает его единственный, не считая Перлюрена, подчиненный?

Кстати, а где Перлюрен? Утром Лучано вывел его погулять в саду, где енот распугал стайку мелких собачек, принадлежащих какой-то даме, виртуозно снял драгоценную пряжку с туфли ее кавалера – пришлось возвращать с поклонами и извинениями! – залез в кусты и долго там хрустел и чавкал – Лучано предпочел не знать, чем именно, – а потом плюхнулся в чашу фонтана и наотрез отказался вылезать, пока вволю не накупался. Чуть не лишившийся пряжки синьор, оказавшийся магом-стихийником, предложил хорошенько

подогреть воду, мол, тогда ошалевший зверек, не желая свариться, быстро вылезет, но понятиливо смолк под укориженным взглядом Лучано и как-то быстро убрался подальше. Возможно, задумался, что покойнику не нужны даже самые модные и дорогие туфли – в Претемные сады, как известно, пускают даже босиком.

Но хорошего, как известно, понемногу, и как только Перлюрена удалось подманить печеньем, коварно вытащить за шкурку и слегка просушить на солнышке, Лучано унес его из сада и вручил изрядно подростшего за последние недели зверька маленькому Дани – тому самому, который встретился им в мертвой деревне и так запал Альсу в душу. Среди бесчисленных государственных дел его монсиньор нашел время узнать о судьбе старухи с малышами, которых отправил во владения Вальдеронов. Новости оказались хорошими и печальными одновременно.

Старая синьора Грета провела осиротевших ребятишек через половину Дорвенанта, миновав и демонов, и лихих людей. Успела поручить их заботам старосты в одной из вальдероновских деревень, а потом, словно решив, что исполнила последнее важнейшее дело в своей жизни, ушла в Сады, где наверняка ее встретили и собственные родные, и благодарные родственники спасенных малышей.

Двух мальчишек постарше, которые оказались родными братьями, приютила бездетная семья мельника, и Альса заверили, что люди это хорошие, воспитают парнишек не как дармовых работников, а как собственных детей, о которых долго просили Всеблагу. Что касается Дани, его тоже пристроили в семью, но что-то там не заладилось, и мальчика сначала отдали кому-то еще, потом снова передали, будто приبلудившегося и не слишком нужного щенка... Выслушав это, Альс нахмурился и... через пару часов спешно отправленный порталом управляющий вернулся с мальчишкой. Одетый в отрепья с чужого плеча, плохо вымытый и явно оголодавший, мальчик съежился, как испуганный зверек, и даже не сразу узнал их с Альсом. Все-таки пара месяцев прошла, да и те усталые, просто одетые путники сильно отличались от нынешних Аластора и Лучано.

И только услышав, как Альс дрогнувшим голосом зовет его по имени, Дани вскинулся и бросился к нему, вцепившись так, что Аластору самому пришлось нести его в ванную, которую приготовил

спешно вызванный Джастин, мыть, кормить, а потом уговаривать пойти с камердинером, который тоже не смог удержать слез.

– Как ты представишь его людям? – спросил Лучано, когда чистого и осоловевшего от сытной еды мальчишку уложили спать. – Альс, он так похож на тебя! Ты ведь понимаешь, какие пойдут слухи?

– Никаких, – сумрачно ответил Аластор, сидя в его спальне и ожидая, пока Лу сварит шамьет. – Я попрошу лорда Аранвена провести церемонию распознавания крови на нашем родовом камне. Пусть ни у кого даже мысли не мелькнет, что это мой бастард. Особенно... ну, ты понимаешь!

– Понимаю, – согласился Лучано и не удержался от мысли, что это стало бы дивной шуткой судьбы над ее величеством Беатрис.

Подумать только! Много лет назад избавиться от бастарда первого мужа, чтобы, овдовев, заполучить его вторым мужем и тут же – в придачу! – увидеть во дворце теперь уже его собственного бастарда! И это при том, что Беатрис пока не родила нового наследника, да и Аластор меньше всего похож в этом на собственного родного отца – ребенка, пусть и незаконнорожденного, он никогда не бросит и не отошлет. О, какая это была бы дивная шутка! Даже жаль, что не случится.

Волна слухов по дворцу, разумеется, прокатилась, и Лучано пришлось рассказывать королеве, где, когда и как Аластор встретил мальчика. Но к тому времени грандсиньор Аранвен уже заткнул болтливые рты результатами проверки, и двор сошелся на том, что такого милосердного короля Дорвенант еще не знал. Беатрис выслушала историю о мертвой деревне, сосредоточенно постукивая по ковру носком изящной туфельки, а потом пытливо посмотрела на Лучано.

– Говоришь, мой муж просто пожалел этого мальчика?

– Да, моя прекрасная королева, – поклонился Лучано, отгоняя нехорошие предчувствия о судьбе малыша Дани. – У него доброе сердце.

– Это верно, – все так же сосредоточенно согласилась Беатрис. – Что ж, если простой народ станет звать его Аластором Великодушным, это не худшее прозвище. А еще один маленький придворный паж никому не навредит. Если мальчик окажется умным и послушным, возможно, я разрешу моим девочкам с ним играть.

– Я уверен, его величество оценит ваше милосердие, – снова поклонился Лучано и попал в точку – взгляд Беатрис потеплел, а на губах королевы появилась улыбка.

– О да... – тихо сказала она, отведя взгляд. – Кто бы мог подумать, что мне будет столь важно мнение мужчины из рода Дорвеннов. Судьба так причудливо сдает карты для игры... Иди, мастер Шип, служи моему супругу так, чтобы он был доволен твоей службой. Но никогда не забывай, кому принадлежишь на самом деле.

– Я всегда это помню, моя королева, – поклонился Лучано еще почтительнее – ниже и дольше.

Так, чтобы ни в коем случае не встретиться с ее величеством взглядом!

Дани остался при дворе. Ее величество милостиво пожаловала ему звание товарища по играм юных принцесс, а попросту – живой куклы, которую девчонки с восторгом воспитывали и таскали с собой то в сад, то на уроки. Дани прекрасно усваивал хорошие манеры, да и где вы видели трехлетнего мальчишку, который не ловил бы все на лету? Камердинер Альса присматривал за мальчиком и утверждал, что тот весьма смышлен, так что со временем сможет стать лакеем или даже, чем Благие не шутят, следующим королевским камердинером. Сам Альс под настроение с удовольствием возился с мальчишкой, который больше не звал его папой, но с уморительной серьезностью и старанием выговаривал «ваше величество» звонким ясным голосом, так что все, кто это слышал, не могли удержаться от улыбки.

Лучано же смотрел на это и тихо удивлялся: кто бы мог подумать, что стольким людям будет дело до осиротевшего ребенка из крестьянской семьи. А все Аластор, это он меняет к лучшему жизнь тех, с кем соприкасается. Как и синьорина Айлин... Два солнца, тепло которых Лучано чувствовал всегда, если даже их не было рядом. Два сердца, с которыми его навсегда соединила чернильная вязь магического браслета, собственная память и странное чувство, которому Лучано впервые дал название в ночь перед закрытием Разлома...

Вынырнув из мыслей, он встряхнул головой и глубоко вздохнул. Перлюрен наверняка где-то с Дани! Мальчишка привязался к нему и на удивление ловко управлялся с хитрым строптивым зверьком. Наверное, крестьянская кровь помогала. Уже весь двор знал, что если

где-то мелькнула черно-серая мохнатая молния, а фаворита его величества рядом нет, значит, вместо него за Перлюреном приглядывает Дани, «мальчик для енота», как прозвали его слуги. Дани относился к этой службе куда старательнее, чем можно было ожидать в его возрасте, а Лучано честно платил ему по серебряному флорину в неделю – недурные деньги для такого крохи. Тратить их во дворце было некуда, и Дани завел копилку...

– Точно на кухне, – пробормотал Лучано. – Где же им еще быть? У их высочеств сегодня до полудня уроки танцев и пения, бамбино там делать нечего. Ну и пусть погуляют... Уверен, синьора Катрина приставит к делу обоих.

Он представил мокрого, чумазого и совершенно счастливого Перлюрена, который увлеченно полощет в бадье морковку с репой, и безнадежно махнул рукой. Какой смысл быть енотом, если тебе не дают ничего стирать?

Посмеиваясь, он вернулся в ту часть дворца, где располагались их с Альсом покои, с улыбкой кивнул мэтр-лейтенанту Эдлю, сменщику Минца, в ответ на приглашение заглянуть вечером в караулку, если милорду будет угодно. Жадный любопытный блеск в глазах Эдля подтвердил, что новость о суде над капитанами егерского полка стремительно разлетается по дворцу. Свернул в закоулок, из которого можно было напрямую пройти в его спальню, и остановился. В воздухе плыл аромат шамьета. Прекрасно сваренного по классическому рецепту «Летний вечер», который Лучано готовил тысячу раз, не меньше, и мог бы приготовить даже одной рукой и вслепую.

И не было ничего удивительного, что в коридоре рядом с его спальней пахнет шамьетом, если бы не сущая мелочь – именно «Летний вечер» он сегодня не варил.

Сердце замолотило, словно копыта лошади, пущенной в галоп. Остановившись перед самой дверью, Лучано усилием воли заставил себя успокоиться, несколько раз вдохнул и выдохнул: заманчивый пряный запах так и струился изнутри. И это посреди дворца, полного охраны!

Толкнув дверь, он вошел и прикрыл ее за собой. Небольшую комнату, служившую ему и спальней, и личным кабинетом, заливал золотой послеполуденный свет, струящийся через тонкие занавеси на

окне, выходящем в сад. В столбе этого света плясали пылинки, и Лучано рассеянно подумал, что Перлюрен опять натащил грязи на лапах, да и шерсти от двух мохнатых зверюг немало, пора звать горничную. Мысли текли удивительно ясные и прозрачные, но совершенно не в ту сторону, в какую следовало. Человек, стоящий у окна спиной к Лучано, обернулся и протянул ему чашку, которую держал в руках.

– А, мальчик мой, ты как раз вовремя! Шамьет еще горячий, но уже не обжигает. Будешь?

– С удовольствием, мастер, – улыбнулся Лучано и взял чашку.

Вдохнул пряный сладкий аромат и задумчиво сказал:

– Кажется, я очень плохо перебрал дворцовую охрану. Меня даже не предупредили.

– Не ругай их, мальчик, – улыбнулся в ответ мастер Ларци и, взяв еще одну чашку, сел в любимое кресло Альса. – Я пришел за несколько минут до смены караула. Славный лейтенант гуардо чрезвычайно порадовался, что к лорду Фареллу приехал его почтенный батюшка, воспитавший такого прекрасного сына. Не мог же он держать меня в коридоре!

– А сейчас на том посту стоит уже другой гуардо, – понимающе кивнул Лучано. – Который вас попросту не видел.

Знакомый прием, Лучано сам часто им пользовался. Когда охранники меняются, они редко предупреждают, кто мимо них проходил. Батюшка, значит?

– Лорд Фарелл... – повторил Ларци, с удовольствием покатав эти два слова на языке, словно леденец, и Лучано будто увидел себя его глазами.

Нарядный камзол и бриджи из тончайшего арлезийского бархата цвета спелой вишни, белоснежная рубашка и чулки, дворянская парадная рапира на боку. Отросшие волосы перехвачены лентой в тон камзолу, на туфлях – пряжки, за которыми давным-давно охотится Перлюрен, так что пришлось завести особый шкафчик для обуви. На руках – перстни. Рубиновый – подарок ее величества, аметистовый – трофеем от недоброй памяти синьора Денвера, и третий – черный морион с гербовыми щитками по бокам: на золотом поле черный эмалевый кот с золотыми же глазами. А еще несколько перстней, подаренных желающими подольститься, он принял, но не носил. Вон

на туалетном столике шкатулка, заполненная драгоценными побрякушками, в том числе дворянской цепью, которую Лучано, несмотря на требования этикета, во дворце упрямо не надевал.

Да, лорд. Благородный дорвенантский синьор, фаворит и Рука короля!

Мастер Ларци хмыкнул, и Лучано под его взглядом вмиг почувствовал себя обычным оборвышем на улице родной Вероккьи, которого почтенные люди близко не подпустят, чтобы кошелек не стянул.

– Пей шамьет, а то остынет, – мягко посоветовал Ларци и пригубил свой.

Лучано обреченно поднес чашку к губам. Вдохнул аромат, еще раз и третий. Пахло только знакомыми специями, смешанными в строгом соответствии с рецептом. Он набрал чуть шамьета в рот, понежил на языке... Ничего! Ничего, кроме самого шамьета и пряностей!

Впрочем, если сам Ларци Тысяча Ядов снизошел до того, чтобы сварить шамьет, кто же откажется? Уж точно не его ученик, который лучше всех знает, что личные яды мастера невозможно распознать. И потому выбор всего один: пить или не пить.

Почти наслаждаясь бесстрастным и безнадежным спокойствием, охватившим его, Лучано медленно выцедил половину. Опустился во второе кресло и поставил чашку рядом на подлокотник. Отменный шамьет! Если даже отравленный, на вкусе и запахе это никак не сказалось. Стоит получить хотя бы это последнее удовольствие от маленького шедевра своего мастера.

Ларци, посмотрел на него, встал, подошел и... отвесил быстрый тяжелый подзатыльник, так что у Лучано голова качнулась вперед.

– За что? – изумленно выдохнул он, выпрямляясь.

– Идиотто, – уронил мастер, словно это было объяснением. Вернувшись в кресло, снова поглядел на Лучано, вздохнул и пояснил: – Если ты мне доверяешь, нечего пить хороший шамьет с такой рожей, будто тебя сейчас от него скрючит. А если не доверяешь, то зачем пьешь, идиотто?!

Лучано несколько мгновений смотрел на него, пытаясь найти нужные слова и не находя ни одного. Потом уронил голову, прикрыв лицо ладонями, и... рассмеялся. Претемная Госпожа, с чего он вообще решил, что Ларци собирается его отравить? Может, потому что

чувствовал за собой вину? Он ведь хочет уйти из гильдии, оставить мастера, который посвятил ему столько лет, без наследника! Вот и подумал на миг, что Ларци все знает и предпочитает убить неверного ученика, чем отпустить. Благие и Баргот, какой бред! Лучано убрал руки и выдохнул, изнемогая от невероятной смеси облегчения, вины, счастья и благодарности:

– Простите, мастер. Вы же знаете, я бы все равно выпил.

Сколько лет прошло с того их разговора, когда Ларци пообещал сам отравить глупого мальчишку, если тот совершит что-то непростительное? Иногда Лучано казалось, что вечность, иногда – что это было вчера. Но в одном он был уверен твердо: оба они помнят этот разговор и знают, что случись такое, Лучано послушно примет свою смерть из рук единственного человека, который имеет на это право.

«Единственного? – спросил он сам себя растерянно. – А как же Альс и Айлин? Разве ты не обязан им подаренной жизнью, клятвой верности, дружбой и... любовью? Разве ты не принадлежишь теперь еще и им?»

Он взял чашку и в несколько глотков равнодушно допил шамьет – вкусный и совершенно обычный. А потом подумал, что когда искал следы яда, напиток ему казался гораздо вкуснее. Такой букет чувствовался!

– Все равно охрану следует гнать садовой метлой, – вздохнул он и пояснил, указав глазами: – Вон за той дверью – спальня короля.

Брови мастера взлетели на самый лоб, а потом Ларци хмыкнул и, вернув обычное выражение лица, согласился:

– Тогда гони, конечно. А то пускают всяких, не дворец, а проходной двор! – Помолчал и небрежно добавил: – Кстати, мне действительно тебя хвалили, пока провожали сюда. Лорд Фарелл – это, лорд Фарелл – то! Их послушать, так ты славный парень, хоть и странный, как все итлийцы.

– Гуардо меня любят, – улыбнулся Лучано. – Точнее, они любят короля, а я – приложение к нему. Итлийский Кот его величества, мастер шамьета и сплетен.

– Рука короля, – сказал Ларци, не спрашивая, а утверждая, и Лучано кивнул.

– А также глаза и уши, – сказал он спокойно. – При дворе уже все об этом знают, но я не зарываюсь, лишнего не придумываю, взятки не

требую, а если беру подарки, то с разбором и только ради репутации. Нельзя же быть рядом с колодцем и даже не отхлебнуть? На меня бы смотрели как на безумца. Или как на идиотто, с которым невозможно вести дела.

Мастер одобрительно кивнул, мелкими глотками отпивая шамьет. Хотел что-то сказать, и тут за окном зашуршало, Ларци неуловимо напрягся, быстро глянул на Лучано – и тут же уголки его губ дрогнули в удивленной улыбке. Через подоконник, пыхтя и сопя, перевалился Перлюрен. Деловито спустился вниз, осторожно приблизился и обнюхал ноги Ларци, а потом подбежал к Лучано и заскулил, просясь на руки.

– Ну и где ты был? – обреченно поинтересовался Лучано, поднимая зверьку за шкурку и сажая на колени. – Опять кого-то ограбил? Перед кем мне в этот раз придется извиняться?

Щека Перлюрена предательски оттопыривалась. Лучано привычно и умело разжал ему пасть, запустил туда пальцы и вытащил три серебряных флорина. Енот возмущенно взвизгнул и потянулся лапой за утраченным сокровищем.

– Но-но, – погрозил ему Лучано. – Зачем тебе серебро, бандитто? Ты же его не ешь, и в лавки, хвала Всеблагоей, бегать еще не научился. Вот, возьми лучше.

Он сунул Перлюрену несладкое жесткое печенье с орехами и ягодами, которое по его просьбе специально для енота пек дворцовый повар, и зверек, удовлетворенный обменом, блаженно захрустел лакомством.

– Енот? – пробормотал Ларци. – Ты это серьезно, мальчик мой?

Лучано почувствовал, что краснеет. Конечно, он знал, что совершает немыслимую глупость, заведя на задании домашнюю зверюшку, да еще такую хлопотную, но понятия не имел, как объяснить, что для него значит Перлюрен. Разве можно просто сказать, что енот – это как кусочек собственного дома, которого у Лучано никогда не было и вряд ли появится?

– Это... – попробовал он начать и увидел, что Ларци смотрит на Перлюрена с восхищением.

– Это гениально, – с полным убеждением сказал грандмастер. – Беллиссимо! Ты ведь можешь искать его где угодно, в любом Барготом проклятом уголке от кухни до королевского кабинета, и никто ничего

не заподозрит! Да что там кабинет, ты хоть под кровать к Беатрис Риккарди можешь залезть! И будешь выглядеть всего лишь идиотом, а их все любят, особенно веселых. Енот! Мальчик мой, как ты до этого додумался?

– Случайно, – отозвался Лучано, с облегчением понимая, что можно, слава Всеблагое, теперь ничего не объяснять.

Но неужели мастер всерьез думает, что завести енота было продуманным коварным планом?! Ох, кажется, да. И в полном восторге!

– Прекрасный зверь, – все так же убежденно сказал Ларци и, взяв еще одно печенье, предложил его Перлюрену.

Енот отнесся к щедрому дару с неожиданной осторожностью. Обнюхал руки Ларци, сморщился и громко чихнул, а потом обиженно потер морду лапами и отвернулся.

– Хорошее чутье, – одобрил мастер, ничуть не обидевшись. – Я вчера варил «Безмолвную песню», до сих пор пахну, наверное.

«Не повезло же кому-то, – равнодушно подумал Лучано. – От этой дряни умирают нехорошо. В удушье человек может лишь беспомощно открывать рот, отсюда и название, а сама агония длится долго».

– Зачем вы приехали, мастер? – спросил он, словно это напоминание о привычной жизни Шипа что-то сдвинуло в мыслях. – Это большая честь, но... разве я не справляюсь?

О том, что Альс хочет его выкупить, Лучано никогда не писал, хотя подробные донесения обо всем, что с ним происходило, отправлял каждую неделю. Ну хорошо, почти обо всем. Кое-что он оставлял только для себя.

Запах волос синьорины Айлин, который прекрасно помнил во сне и наяву. Хрипловатый спросонья голос Альса, когда друг и монсиньор с утра пораньше заваливался к нему в комнату и просил шамьет. Редкие минуты, когда они оставались наедине и просто молчали... Иногда вечером Лучано разминал Альсу плечи и спину, старательно сдерживая себя, чтобы полезная процедура не перешла в откровенную ласку, как бы ему ни хотелось просто погладить горячую и удивительно гладкую для такого большого мужчины кожу. Иногда они вспоминали Айлин и то, что было в походе, Лучано будто чувствовал пальцами шелковистую буйную роскошь ее волос, а хмурый после

целого дня утомительных обязанностей взгляд Альса смягчался и теплел.

Это принадлежало только ему! Как и резкое, острое до боли желание, которое он неизменно ощущал при взгляде на Дункана Роверстана. Совершенно иное, чем то упоительно нежное и трепетное чувство, которое Лучано испытывал к своим синьорине и монсиньору. Эту почти мучительную страсть он отлично научился скрывать за шутливыми признаниями, которые никто, разумеется, не воспринимал всерьез. Просто Фарелл – итлиец, вот и разыгрывает развратного красавчика, королевского кота...

Лучано прекрасно знал, что сам Роверстан понимает всю меру его искренности, но... слишком много опасных и горьких тайн их связывало, чтобы грандсиньор разумник возмущался этой почти-игре. Забавлялся – да. Держал Лучано на тщательно рассчитанном расстоянии – безусловно. Не давал ему никаких надежд – о, разумеется! Но не оскорблялся, как тигр не может оскорбиться поведением кота, пробравшегося к нему в клетку и с упоением ловящего кончик огромного черно-золотого хвоста. И уж конечно, это было совсем не так, как с Альсом и Айлин...

Все это он и в мыслях не имел объяснять мастеру, а вот теперь получалось, что Ларци все-таки увидел в его письмах нечто, потребовавшее не просто вызвать Лучано в Итлию для личного доклада, но визита сюда, в Дорвенант. И хотя разговора про разрыв с гильдией все равно было не избежать, Лучано все откладывал его, малодушно отодвигая решение до самого конца отведенного ему срока... Теперь эта трусость обернулась против него самого!

– Хотел посмотреть тебе в глаза, – с преувеличенной серьезностью подтвердил его опасения мастер. – Зрачки оценить, а то пишешь такое, что у меня волосы дыбом встают. Добрый король, честный и справедливый канцлер... А еще зеленая зима и твердая вода!

– Про воду и зиму – это была шутка! – запротестовал Лучано. – Мастер!

– А про короля и его главного министра – нет? – усмехнулся Ларци. – Вот я и говорю: пугаешь ты меня, мальчик. Но зрачки хорошие, правильные зрачки. Дурью, значит, никакой не увлекся.

– Издеваетесь... – протянул Лучано, понимая, что мастер по обыкновению шутит.

А вот то, что звучат эти шутки как-то невесело, уже против всякого обыкновения!

– Пытаюсь понять, – сказал Ларци голосом мягким и теплым, словно камзол из арлезийского бархата, который Лучано расстегнул – ему вдруг стало жарко. Зато глаза мастера блеснули остро и холодно, будто две голубые льдинки. – Видишь, даже бросил все дела, чтобы посмотреть, как тут живет мой Фортунато. Ты же все еще мой, не так ли? Или уже нет?

На несколько мгновений в комнате повисла оглушительная тишина. Не опуская взгляда, Лучано рассеянно погладил Перлюрена, запустив пальцы в мягкую серую шерсть, а потом сказал без улыбки, которая точно вышла бы фальшивой:

– А вы сомневаетесь, мастер? Я все еще пью шамьет из ваших рук.

Ему показалось, что тишина сгустилась еще сильнее, как только стихло последнее слово. Ларци задумчиво посмотрел на него и бесстрастно уронил:

– Верно, мальчик. Но почему-то с таким лицом, словно и правда ожидаешь в нем порцию отравы. Вот я и задумался, с чего бы это мой Фортунато вдруг начал меня бояться? Чего я не знаю о том, что здесь происходит? Конечно, не все стоит доверять письмам, но ты здесь уже почти полгода, мальчик мой. Порталы работают месяца четыре, не так ли? И за все это время ты не выбрал денек, чтобы навестить старого Ларци. Странно, не находишь?

Он замолчал и опять поднес чашку ко рту. Лучано, медленно глядя Перлюрена, с холодной отстраненностью подумал, что это и в самом деле было огромной глупостью. Хотя бы разок стоило наведаться в Вероккью, успокоить мастера своим появлением, рассказать пару забавных баек о том походе и нынешней придворной жизни... В общем, вести себя точно как прежний Фортунато!

Но он слишком привык, что мастер видит его насквозь, а теперь в его жизни было слишком много тайн, и своих, и чужих. А еще преследовал глупый страх, что стоит вернуться в Вероккью, как мастер почует неладное и больше не отпустит его. Найдет для исполнения контракта другого Шипа, и... все.

Он прикрыл глаза под испытующим взглядом мастера и глубоко вдохнул. Пальцы сами собой остановились на холке Перлюрена, и Лучано, снова подняв веки, осторожно ссадил зверька на пол. В упор посмотрел на своего мастера и в этот раз даже смог улыбнуться – едва заметно, зато от души. Так, словно время вдруг вернулось на несколько лет назад, и его, тогда еще простого Шипа, снова ожидал экзамен, который можно было либо выдержать, либо навсегда остаться в том гробу, куда он сам согласился лечь. Лучано усмехнулся про себя – очень уместное сравнение именно сейчас.

– Это будет очень долгая история, мастер, – мягко сказал он.

– Что ж, тогда хорошо, что у меня по чистой случайности совершенно свободный вечер, – невозмутимо отозвался Ларци. – Может, сварить еще порцию шамьета, мой мальчик?

Лучано покачал головой.

– Нет, мастер. Думаю, шамьет сварите вы. После моего рассказа. И я его выпью – в любом случае, как обычно.

– Даже так? – Не отводя от него встречного взгляда, Ларци вздохнул, будто отец, перед которым держит ответ непутевый сын. – Что ты на сей раз натворил, идиотто?

И Лучано рассказал.

Первые слова дались ему с трудом и болью, даже удивительно, как сложно это было. Он рассказал, как приехал в Дорвенант и получил задание от Беатрис Риккарди, но ни слова не проронил о рубиновом проклятии. Потому что сейчас, глядя на Ларци, который по глоточку цедил шамьет, обострившимся чутьем даже лучше, чем рассудком, понял: мастер убьет эту тварь. Неважно, из любви к нему, своему единственному ученику, или из принципа не оставлять в живых клиента, вздумавшего вести с гильдией нечестную игру. Ларци Смерть с Улыбкой не простит подобного, и Беатрис умрет. А она беременна от Альса. Не будь этого, пожалуй, Лучано сдал бы ее мастеру с наслаждением. Да, ему до сих пор мучительно стыдно за то, что он попался, как ученик-первогодок. Но что он мог противопоставить такой заказчице? Ничего!

А перед глазами стояло счастливое лицо Аластора, узнавшего, что у него будет ребенок. И кредит от Риккарди все еще не получен... И вряд ли удастся убедить мастера подождать с возмездием, потому что беременная женщина еще более непредсказуема, чем обычно. Беатрис

вполне может отдать роковой приказ просто в раздражении, решив, что именно этот Шип ей больше не нужен или даже опасен – ему слишком многое известно. Она ведь разыгрывает перед Альсом кроткую овечку, а узнай он о приказе убить Айлин – и неизвестно, чем это обернется... Лучано для Беатрис опасен, и сам он на месте мастера Ларци непременно решил бы, что нет человека – нет и сложностей от него.

Значит, нужно молчать... Изображать всемерное почтение и полную покорность королеве. А там или грандсиньор Бастельеро найдет способ снять проклятие, или Беатрис родит Альсу наследника – а уж тогда...

Поэтому о проклятии он не сказал. Как и о предсказании Минри, которое с течением времени не забылось, но как-то поблекло, отодвинулось в списке самых важных и страшных вещей. В конце концов, никакого точного срока чинская гадалка не назвала, мало ли что в ее понимании «скоро»?

Он рассказывал о походе то же самое, что писал в донесениях, которые аккуратно отсылал каждую неделю, но теперь обычные слова странным образом наполнялись горечью и болью, страхом и восхищением, надеждой и отчаянием. Как можно объяснить, что он почувствовал, когда рыжеволосая синьорина поила его бульоном, а потом преспокойно заявила, что ей все известно? Как передать хотя бы тень ледяного темного ужаса, от которого его спас Альс? И тепло ночевки в палатке, и азарт боя, и кошмар той деревни, где он таскал трупы вместе с принцем... Принцем, который не погнушался водить его до уборной и звать по имени. Как объяснить, что в путь из Дорвенны отправился Шип Фортунато, а вернулся Лу, побратим и друг этих двоих, самых невероятных и невозможных людей на свете?!

Он говорил и говорил, и Ларци слушал, как умел он один, впитывая каждое слово, интонацию, взгляд и вздох. Иногда мастер хмурился, словно пытался читать в его сердце, как раньше, но знакомые письма обернулись загадкой. И Лучано понимал, почему так случилось. Мастер знал его прежнего, а этот новый ученик был ему непонятен. Но он больше не мог молчать. Если Ларци, узнав все, решит, что гильдия обойдется без Шипа Фортунато... Если Ларци подумает, что ученик его предал... Ну что ж, тогда сопротивляться попросту бессмысленно.

Если Лучано и понял что-то за годы жизни с мастером, так это то, что Сады Претемной ждут всех. Можно лишь надеяться, что смерть будет быстрой и безболезненной, но в этом Лучано был уверен: мастер никогда не мучил жертву, если на то не было особых требований в контракте. И уж ему, идиотто Фортунато, Ларци наверняка окажет последнее милосердие. Может быть, даже против воли гильдии.

Договорив, он замолчал и облизал пересохшие губы. Ларци так же молча сунул ему в руки чашку, где еще осталась пара глотков остывшего шамьета, и Лучано жадно их выпил. А Ларци посмотрел на него и покачал головой.

– Мальчик мой, да ты влюбился, – сказал он с безмерным удивлением. – По уши влюбился в этих двоих и свою новую жизнь! Ну да, здесь ты герой, аристократ, любимец короля... Ты завел енота, и у тебя новая лютня... Отличная лютня, кстати, наконец-то у тебя появился вкус на хороший инструмент.

Он покосился на Ласточку, которая лежала в изножье кровати. Вчера Лучано перед сном подбирал на ней песню и забыл убрать в футляр. Простое темное дерево словно светилось изнутри глубоким янтарным сиянием, но ни одного украшения – по сравнению с той лютней, что осталась в Вероккье, Ласточка выглядела нищенкой рядом с принцессой, и все-таки Ларци увидел разницу.

– Ты влюбился, – повторил он. – В них и в себя самого – такого, каким они тебя видят. И думаешь, что так будет всегда? Фортунато, мальчик мой, благородные синьоры требуют верности, но сами верными быть не умеют. Пока ты полезен и забавен, тебя будут ласкать. Но стоит щелкнуть зубами возле руки, которая тебя гладит и кормит – и эта же рука возьмет хлыст. А ты даже сопротивляться не сможешь.

– Нет, мастер, – прошептал Лучано и опять улыбнулся – но почему-то улыбка резанула его глубоко внутри острой болью.

Странно, ведь Шипу положено улыбаться. Когда идешь на заказ, когда уходишь после заказа, когда тратишь полученные деньги и когда берешь последнюю кружку воды из рук палача в тюрьме. Шип должен быть лихим, веселым и бессердечным, удача таких любит. Им слаще жить и не страшно умирать. Так почему же сейчас улыбаться так больно?

– Нет, мастер, – повторил он. – Я люблю их, это правда. Но я не хочу быть таким, каким они меня видят. Потому что они видят меня лучше, чем я есть. Они думают, что я честный, благородный и великодушный. Но мы с вами знаем, что все это чушь. Благородные умирают первыми, честных топят в грязи, великодушными пользуются. А мне нельзя сдохнуть, словно какому-нибудь благородному идиоту. Потому что тогда эти двое останутся без меня – и без моей защиты. Да, синьорина уже великая магесса и станет еще сильнее, но она же совсем ребенок... И Альс...

Он понял, что проговорился, назвав короля по имени, еще и так вольно. По губам Ларци скользнула тонкая змеиная усмешка.

– Альс? – переспросил он и метнул быстрый взгляд на дверь королевской спальни. – Так дело только в этом? Фортунато, мальчик, у тебя всегда была горячая кровь. Я тебя не осуждаю! Но стелить свою жизнь под ноги любовнику...

– Мастер! Ничего такого!

В щеки бросилась краска, словно ему было лет четырнадцать, и мастер застал его за улаживанием себя. Лучано даже приложил к пылающему лицу ладони и повторил:

– Ничего такого, клянусь. О, я бы не против... Еще как не против! Но его величество Аластор... Нет, мастер, у меня никогда ничего не будет ни с ним, ни с синьориной Айлин. Легче совратить нашу мраморную «Весну», чем кого-то из этих двоих. Я даже не мечтаю!

– Тогда я тем более не понимаю, – нахмурился Ларци. – Ты же не из тех, кого можно купить толстым кошельком и титулом. Почему, Фортунато?

– Потому что я хочу, чтобы они были живы, – тихо и с ужасающей, наизнанку выворачивающей откровенностью сказал Лучано. – Живы, здоровы, благополучны и в безопасности. Это все, что я могу сделать для них, но ничего иного я и не хочу. Понимаете, мастер... Я всегда готов был умереть по приказу гильдии. По вашему приказу я бы умер с радостью и гордостью. Но ради этих двоих я хочу жить. Как можно дольше и непременно рядом с ними, чтобы уберечь их... от чего угодно. И мне ничего не нужно взамен. Да, его величество Аластор пожаловал мне титул... поместье, придворное звание... Но это все пустяки. Это нужно, чтобы я мог лучше делать свою работу, чтобы при дворе был своим, и благородные синьоры не

фыркали мне вслед или в лицо. А моя работа – быть Рукой короля. Его голосом, ушами и глазами, его кинжалом и его щитом. Я никогда не говорил этого ни Аластору, ни Айлин, но если мне придется вернуться в Вероккью... Мастер, помните, что вы сказали про Тино Темный омут? Это убьет мою душу... Убьет меня настоящего, все, что делает меня – мной. Пожалуйста, мастер... – Он сбился, и голос позорно зазвенел, а потом сразу охрип, и Лучано мучительно выдавил: – Аластор хочет выкупить меня у гильдии... Оставить в Дорвенанте навсегда... Не Шипом, не ручным убийцей, а свободным человеком. Своим другом, понимаете? Я прошу, мастер... Зачем вам ученик, который станет вторым Тино?

– Выкупить? – переспросил Ларци странным голосом, который Лучано никогда у него не слышал и, пожалуй, был этому рад. – И ты думаешь...

Быстрый нетерпеливый стук в дверь прервал его, и Лучано вскинулся, разом испугавшись так, что сердце упало куда-то вниз. Альс обязательно предупреждал о своем появлении, но иногда влетал, не дожидаясь отклика.

Вот и сейчас он вломился, распахнув дверь и громогласно заявив с порога:

– Лу, я еду к родителям! Соскучился, да и новости прекрасные! Ты со мной? Они всегда рады тебя видеть! О, прости... У тебя гость?

Пару бесконечно долгих мгновений он разглядывал Ларци, который встал и почтительно поклонился. Ровно так, как положено простолюдину, вдруг оказавшемуся в присутствии короля. Выпрямился и замер, склонив голову.

– Да, монсиньор, – безнадежно сказал Лучано. – Позвольте представить вам синьора Ларци Фарелли, почтенного мастера зелий и снадобий.

Мастер Ларци поклонился снова. Глаза Альса сузились так хищно, словно он глядел поверх арбалетного прицела, а потом дорогой друг и король с тягучей холодной угрозой проговорил:

– Неужели сам синьор Фарелли? Грандмастер, так это называется, да? И вправду почтенный гость. Он собирается тебя забрать?

– Ну что вы, ваше величество, – почтительно улыбнулся Ларци одними губами. – Всего лишь приехал навестить приемного сына. Фортунато сделал прекрасную карьеру, я им горжусь.

– У вас есть на это все основания, – так же холодно согласился Аластор. – Лу, ты уже сказал синьору Фарелли о моем предложении?

– Мы как раз говорили об этом, ваше величество, – ясно улыбнулся Ларци, не давая Лучано и слова вставить. – Признаться, для меня это большая неожиданность. Я рассчитывал, что Фортунато продолжит... наше семейное дело.

Крохотная пауза не обманула никого. Аластор продолжал разглядывать мастера с таким лицом, словно сожалел о том, что оставил секиры вне досягаемости. Ларци отвечал ему безмятежной вежливой улыбкой, а Лучано с трудом сдержал подступающую панику. Альс просто не понимает, что нельзя так разговаривать с грандмастером Шипов! И смотреть на него так – тоже нельзя!

Ему захотелось встать между этими двумя, причем спиной к Альсу, заслоняя его от Ларци. Грандмастер бросил на него неожиданно насмешливый и понимающий взгляд, а потом размеренно повторил, выговаривая слова с легким итлийским акцентом:

– О да, большая неожиданность... Возможно, я ужасно разочарован. – Он помолчал несколько мгновений, за которые сердце Лучано успело упасть куда-то очень глубоко, а потом задумчиво добавил: – Но, может быть, и нет. Ваше величество, вы собирались что-то сказать моему мальчику?

– Да, – нахмурился Аластор. – Я хотел позвать его в гости к моим родителям. Они не живут во дворце. Но...

– Это огромная честь, ваше величество! – отозвался Ларци. – И все-таки позвольте Фортунато провести вечер со мной. Мы давно не виделись, и нам есть, о чем поговорить. Уверен, он будет счастлив исполнить любую вашу волю в другое время.

Учтивые слова, пышные обороты... Лучано замутило, он беспомощно переводил взгляд с одного на другого, прикусив изнутри губу до боли. Напряжение недавнего признания отпускало медленно, и на его место пришел страх, причем не за себя. Нет, конечно, грандмастер не такой идиотто, чтобы взять и убить короля Дорвенанта. Но... доводы рассудка терялись перед осознанием того, что Альс может что-то натворить первым, и Ларци придется ответить. Это неправильно! Из них двоих это Лучано должен защищать своего монсиньора любой ценой, а не наоборот!

– Да, но...

Аластор наконец отвел от грандмастера тяжелый мрачный взгляд и посмотрел на Лучано.

– Что скажешь? – бросил он.

– Простите, монсиньор. – Лучано склонил голову. – Передайте мой поклон вашим почтенным родителям...

– О, мальчик мой, я уверен, никто тебя не осудит за то, что ты исполняешь долг перед собственным приемным отцом!

Ларци, похоже, искренне наслаждался происходящим, а вот Аластор вспыхнул гневом так, что на его скулах расцвели пятна румянца.

– Отцом? – ядовито уточнил он. – Что ж, тогда вы наверняка хотите для приемного сына лучшего будущего, не так ли?

– Именно поэтому я здесь, – мягко согласился Ларци, весело блестя глазами. – Ваше величество окажет мне милость, позволив задержаться в вашей прекрасной стране подольше?

– Да, разумеется...

Аластор продолжал хмуриться, но хотя бы перестал смотреть так, словно готов был броситься на грандмастера. Лучано немного перевел дух. Альс так наивен... Сейчас он решит, что Ларци действительно собирается пожить здесь, и успокоится. Даст мастеру время все оценить и принять решение... Ну и хорошо! Пусть Альс уйдет со спокойной душой и оставит их наедине.

– Я распоряжусь, чтобы вам выделили покои во дворце, – сказал наконец друг и король. – Лу, ты можешь пока быть свободен от службы.

– Это очень великодушно, ваше величество.

Последовал еще один легкий поклон. Все еще хмурясь, Альс медленно проговорил:

– Надеюсь, мастер, вы не уедете прежде, чем мы поговорим еще раз. И помните, что я жду этого разговора в любое время, как вам будет удобно. До встречи!

Коротко кивнув, он вышел. У Лу аж в глазах потемнело от облегчения, первая встреча состоялась, и никто никого не убил. Беллиссимо!

– Тяжелая кость, но легкое тело, – с едва уловимым одобрением сказал мастер, когда за Альсом закрылась дверь королевской спальни, а потом вдали приглушенно хлопнула еще одна – в коридор. –

Мальчикам Лоренцо пришлось бы с ним повозиться. – И добавил совершенно без перехода, не глядя на безмолвно вздрогнувшего от последних слов Лучано: – Ты плохо держишь лицо, Фортунато. Это север на тебя так влияет или королевские милости?

– Я помню про зеркало у двери, мастер, – одними губами улыбнулся Лучано. – Если бы в него смотрели не вы, я бы держал лицо.

– Вот как? – усмехнулся мастер Ларци, наконец поворачиваясь к нему. – Что ж, приятно это слышать. Кстати, что там у тебя с рукой? Покажи.

Лучано послушно закатал рукав рубашки до самого плеча, обнажая магическую татуировку. Мастер цепко взял его руку, осторожно провел кончиками пальцев по чернильной вязи, выступающей над кожей. Проследил ногтем крупный завиток, нажал и отпустил, оценивая, как ведет себя клеймо. Лучано, который сотню раз делал то же самое, терпеливо ждал.

– Свести можно? – деловито поинтересовался Ларци.

– Нет, – вздохнул Лучано. – Нож и кислота не берут, я пробовал. Даже шрама не остается. А местный грандсиньор целителей сказал, чтобы я не маялся дурью. Разве что руку, мол, отрезать, да и то, скорее всего, просто переползет на другое место. Я ему верю.

– Руку жалко, – задумчиво согласился Ларци и отпустил ее. – Неудачно получилось. Или нет?

– Я уже и сам не знаю, – пожал плечами Лучано, опуская рукав и застегивая манжету. – Если бы я этого не сделал, король умер бы. А у меня был заказ на его охрану.

– Заказов много, – сухо бросил мастер. – А ученик у меня один. Если гильдия узнает про это клеймо, сам понимаешь, что будет.

– Понимаю, – безразлично согласился Лучано, встал и подошел к шэнье. – Хотите еще шамьета, мастер? Или, может, горячего шоколада? Меня тут научили новому рецепту – с чинским лотосом.

– Лотос в шоколад? – Мастер Ларци поднял брови. – Любопытно... Я так понимаю, ты наконец решил вспомнить о приличиях и угостить своего старого батюшку, проделавшего такой путь?

Ехидства в его голосе хватило бы перетравить всех крыс Вероккьи и еще осталось бы. Но Лучано просто равнодушно пожал

плечами и уронил:

– Думаю, в случае чего вам не обязательно поить меня шамьетом.

– Идиотто, – фыркнул Ларци и почесал за ухом все-таки подобравшегося к нему Перлюрена. – Брал бы пример хоть со своего зверя, у него чутье лучше твоего.

– Особенно на пряжки с туфель, – согласился Лучано. – Перлюрен, нельзя!

Енот, якобы млеющий от почесывания, обиженно взвизгнул и отдернул цепкую лапу от нарядной замшевой туфли грандмастера. Ларци глянул на него – и весело рассмеялся.

– Прекрасный зверь, – повторил он с явным удовольствием и погладил енота. – То что нужно, чтобы не расслабляться. – Пару мгновений помолчал и добавил с тем же веселым удивлением: – Значит, в гости к родителям? Интересно, мне показалось или этот славный юноша готов был вцепиться мне в глотку? Он же... он тебя защищал! От меня...

– Аластор не грызет глотки, – буркнул Лучано. – У него две здоровенных северных секиры, и он ими кидается. Не как Лоренцо – ножами, но весьма прилично. На местных грандсиньоров действует отменно. Это у них наследственное, только прежний король швырялся чернильницами.

– Секиры убедительнее, – согласился Ларци, как всегда безупречно уловив суть. – Что ж, здесь и вправду есть, во что влюбиться. Роскошный экземпляр мужчины.

Лу поставил заправленную ингредиентами шэнье на огонь и невольно поморщился. Легкомысленный тон Ларци был откровенно неприятен. Да что с ним вообще творится?! Он никогда особо не посвящал мастера в свои сердечные и постельные дела, но нельзя жить в одном доме и не упоминать хотя бы некоторые вещи. Мастер знал и о Фелипе, и о других его связях, случайных, очень быстро надоедавших. И Лучано всегда относился к этому точно так же, как Ларци – легко, спокойно и равнодушно. Пошутить на тему ночных отлучек? Почему бы и нет? Ему в голову не приходило обидеться... Так почему же сейчас внутри что-то протестует против такого вольного тона? словно Альса могут оскорбить слова, о которых он никогда не узнает...

– Какие новости дома? – спросил он, откровенно переводя разговор. – Вы действительно можете позволить себе отлучку?

– Почему бы и нет? – Ларци небрежно пожал плечами. – Дела идут превосходно. Представь себе, принцы Джанталья заказали друг друга! Один заказ взял Тино, другой – Лоренцо. Представляю, как они повеселятся, стараясь выполнить их одновременно, чтобы эти идиоты встретились у врат Садов.

– Джанталья? – непритворно изумился Лу. – Но их ведь осталось только двое! Да еще старик, который едва дышит. И эти недоумки наняли Шипов?! Это же полная гибель семьи! Если последний Джанталья переживет известие о смерти внуков, его все равно скоро убьет возраст. Семья просто исчезнет! И что тогда будет?!

– О, да то же самое, – усмехнулся Ларци. – Только без Джанталья. Славный город Лавалью приберут к рукам либо Пьячченца, либо Риккарди, либо наш славный дож. Ожидаются интересные времена, мой мальчик. Много прибыльных заказов, расцвет гильдии. Ты точно не хочешь вернуться? Думаю, никто в круге грандмастеров не станет возражать, если я предложу повесить тебя до старшего мастера.

Мастер остро глянул на Лучано, который сосредоточенно сыпал в густую ароматную жидкость порошок лотоса – грандсиньор Дункан все-таки поделился рецептом. Добавив еще пару крупинок амбраксуса – это Лучано уже придумал от себя! – он уменьшил огонь в жаровне, теперь шоколаду предстояло потомиться, но не кипеть, чтобы с паром не ушел запах и вкус. Закончив с этим этапом варки, Лучано пожал плечами в точности, как мастер.

– Старший мастер в двадцать шесть? То есть уже в двадцать семь, конечно...

Он попытался вспомнить, что делал в свой день рождения, о котором попросту забыл. Это был первый месяц лета, синьорина вышла за Бастельеро, нечисть его побери, Альс метался между королевскими обязанностями и своей драгоценной Беатрис, а Лучано... Точно, он тогда перестраивал особняк.

Потом грандсиньор канцлер попросил оказать ему услугу, и Лучано очень достоверно изобразил наживку для шайки бандитов, которые грабили загулявших благородных синьоров. Наводчицей оказалась хозяйка приличного борделя, не «Страстоцвет», но вполне милое местечко, и Лучано приятно провел там время, пока хищная рыбешка принималась к наживке.

К счастью, тогда еще не вся Дорвенна знала королевского фаворита в лицо, и на третий вечер его все-таки попытались раздеть в темном переулке. Очень весело получилось! Только Саграсс ворчал, что милорду не по чину самому резать каких-то грабителей, на это у него есть подчиненный. Завидовал, разумеется! Ему пришлось только приложить заклятием главаря, которого грандсиньор канцлер попросил оставить в живых для беседы. Вот как раз на день рождения это все и случилось.

– Лоренцо тебе все равно не переплюнуть, – то ли утешил, то ли съехидничал Ларци. – Он стал грандмастером в двадцать пять.

– И вы сами говорили, что это был поступок идиотто, – парировал Лучано. – И что у мастера Лоренцо просто не было выбора, иначе он бы не стал так торопиться. Нет уж, мне гораздо спокойнее и приятнее, когда это я опасаясь пить шамьет из ваших рук, а не наоборот.

Ларци усмехнулся то ли насмешливо, то ли одобрительно.

По традициям гильдии, грандмастера не торопились поднимать своих учеников до звания старшего мастера, потому что с этого момента тех отделяла от вершины всего одна ступень – жизнь их наставника. Которую следовало отобрать собственноручно и со всем уважением. Не поощрялась грязная, болезненная или порочащая смерть, будущий грандмастер даже в этом должен был выказать благодарность за долгие годы покровительства и учебы. Хорошим тоном считалось подождать несколько лет, пока учитель не одряхлеет телом или разумом. Ведь позволить ему сохранить достоинство – это тоже услуга!

Но все-таки с того момента, когда ученик переставал быть учеником и становился претендентом на место своего наставника, что-то неизбежно менялось даже в самых теплых и искренних отношениях. Ложась спать, грандмастер не был уверен, что сможет проснуться, поэтому старший мастер обычно покидал его дом... Лучано давно знал, что если он до этого доживет, то же самое ждет и их с Ларци, но думать об этом ему не хотелось. Еще одна прекрасная причина остаться в Дорвенанте! Грандмастера, как и старшие мастера, покидают гильдию только мертвыми.

– Наглец, – проворчал Ларци. – Что ж, думаю, гильдия будет только рада избавиться от меня на пару недель. Не могу же я

пренебречь любезностью аж целого короля и не посмотреть, как тебе здесь живется.

Он усмехнулся, а у Лучано снова потянуло внутри тревогой. Не помилование, всего лишь отсрочка. И что делать, если мастеру не понравится увиденное? Альсу нельзя ссориться с Шипами... Пожалуй, эти две недели будут очень похожи на бег по незнакомым крышам в темноте. Но он ведь и не рассчитывал на спокойную жизнь?

Глава 5

О друзьях детства

Огонек шел под седлом ровно, словно красуясь размеренным и размашистым шагом, унаследованным от отца-арлезийца. Природная арлезийская иноходь ему, к сожалению, не досталась, и Аластор в свое время не стал переучивать жеребца, а теперь уже поздно. Четверо гвардейцев – самый небольшой постоянный эскорт, на который он согласился, почтительно держались в нескольких шагах позади, а впереди то и дело мелькали двое людей из особого ведомства лорда-канцлера. С их наличием Аластор тоже смирился, хотя временами накатывало мальчишеское желание сорваться в галоп, затеряться в лабиринте дорвеннских улочек и хоть на несколько мгновений почувствовать себя свободным.

Полнейшая глупость, разумеется, которой король просто не имеет права дать волю.

Радовало только то, что дорогие подданные наконец-то привыкли к его прихоти выезжать из дворца верхом и с крошечной свитой, так что никто не тарасился, не падал на колени, встретившись с ним взглядом, не орал про силу и славу Дорве... Кланялись, конечно, как без этого, но не со страхом, а с искренним почтением.

На выезде с дворцовой площади какой-то провинциал в потертом немодном камзоле, но с гордо сверкающей дворянской цепью вовсе не понял, кого видит, и остановился на самой дороге, не собираясь уступить ее всадникам. Но тут же подлетел один из людей Аранвена и оттеснил невежу, одновременно уронив пару слов. Сорвав шляпу, тот низко поклонился, а затем проводил маленькую процессию восторженным взглядом – как же, самого короля увидел! Раньше Аластора это забавляло, потом стало утомлять и раздражать, а теперь он все чаще ловил себя на мысли, что ему все равно. Людей не переделаешь, они всегда будут в первую очередь видеть его титул, а уж потом – его самого. К счастью, такой избирательной слепотой страдают не все в его окружении, тем дороже каждый из них.

«Нужно обязательно поговорить с Аранвеном о визите этого... грандмастера, – пришла мысль. – Мало ли что он говорит о своих

намерениях. Если в дом заползла ядовитая змея, которую нельзя ни убить, ни выгнать, следует хотя бы присматривать за ней. Бедняга Лу, он, кажется, перепугался, когда мы встретились. А этот итлиец выглядит таким безобидным и благообразным, что это само по себе наводит на подозрения! Встретил бы я его где-нибудь в городе, ни за что не поверил бы, что это опытный убийца. Впрочем, я ведь и в Лучано ничего такого не заподозрил... Надевать маски господ Шипы умеют!»

Он вспомнил, как безмятежно смотрел на него мастер Фарелли, как почтительно разговаривал, как убедительно выглядел в своем желании повидаться с приемным сыном... Очень опасная гадина! И лучше бы Лу держаться от него подальше, но... похоже, неродных отцов тоже иногда не выбирают.

«Аранвен должен знать, что с этим делать, – решил наконец Аластор. – И как мой канцлер, и как глава тайной службы королевства. Обязательно зайду к нему перед ужином с Беа...»

Он вспомнил, что собирается завершить этот день самым приятным образом, и мечтательно улыбнулся. Огонек, словно почувствовав, что хмурое настроение всадника исчезло, фыркнул и чуть потянул повод, как будто предлагая: «А давай побыстрее?»

– Не сейчас, хороший мой, – со вздохом сказал Аластор. – По городу не очень-то разгонишься. На охоту выбраться, что ли?

Конь снова фыркнул, явно одобряя. Застоялся, нужно сказать конюхам, чтобы разминали его почаще. В поместье Аластор столько ездил верхом, что Искра никогда не оставалась без прогулок, а теперь... Он с привычной уже грустной нежностью вспомнил о любимой кобыле и свернул к лотку с яблоками, который ушлый торговец поставил у самой мостовой, нарушая приказ об уличной торговле. Бдительный охранник оказался там раньше Аластора, заглянул торговцу в лицо, провел над лотком рукой – целый набор артефактных перстней блеснул на жарком летнем солнце.

Аластор только молча вздохнул – раньше он бы сам придирчиво пересчитывал налитые краснобокие плоды, выбрав самые спелые и сочные, а теперь их сначала надо проверить на яд и проклятье, будто кто-то мог заранее угадать, что король остановится именно у этого лотка.

«Зная, что ты любишь красные яблоки? – услышал он в мыслях голос Лучано. – И какой дорогой обычно едешь из дворца к своим родителям? Дай подумать... О, конечно, это было бы очень сложно! Я уже говорил, что ломаного флорина не взял бы за твое убийство, м?»

«Захотят – все равно убьют, – упрямо возразил он другу тоже в мыслях. – Вон, Малкольм, как мне сказали, никогда не покидал дворец без нескольких дюжин охраны, всю еду для него постоянно проверяли – и что, помогло? Заговорщики самого Баргота подергали за хвост, чтобы надежно погубить короля со всеми наследниками. А я не собираюсь всю жизнь провести под замком!»

Он показал человеку канцлера два пальца, и тот понятиливо кивнул. Выбрал пару яблок и, приблизившись, подал с поклоном. Огонек тут же потянулся мордой, зная, что одно точно причитается ему. Взял с ладони мягкими бархатистыми губами, захрупал... Аластор запустил руку в поясной кошелек, нащупал монетку и бросил ее торговцу. Тот ловко поймал медный флорин на лету и принялся кланяться, прижимая кулак с монеткой к сердцу.

Проехав мимо, Аластор придирчиво оглядел оставшееся яблоко, протер чуть запылившийся бок манжетом камзола и с наслаждением запустил зубы в сочную хрустящую мякоть. Вот так! Счастье-то какое... И плевать на этикет, согласно которому яблоко надо вымыть душистой водой, очистить, разрезать на ломтики, удалив сердцевинку, и подать на серебряной тарелочке с гербом Дорвеннов, причем сделать это должен определенный лакей, закрепленный за королевскими закусками... Пока дождешься, уже и не захочется!

Хрустя немислимо вкусным яблоком, он ехал по Дорвенне, стараясь замечать каждую мелочь на своем пути. Уличных торговцев точно стало больше, вкусные запахи так и плыли со всех сторон. Это хорошо, значит, у людей появились деньги не только на миску каши, сваренную дома, но и на нехитрые лакомства вроде пирожков с ягодами или требухой, свежих и моченых яблок, жареной рыбы и лепешек.

А еще канцлер три дня назад сказал, что сейчас, пока летняя сушь, по всей столице углубят сточные канавы, засыплют ямы, мешающие проехать повозкам, и почистят колодцы, выкопанные еще при Кристофе Тучном лет сто пятьдесят назад и почти переставшие давать воду. Это значит, беднякам станет полегче, потому что не всякий может

позволить себе купить у водовоза целую бочку, многие семьи обходятся парой кувшинов только для приготовления еды. А грязь порождает болезни.

«Получим итлийские деньги, поговорю с орденскими магами, нельзя ли выкопать колодцев побольше, – решил Аластор. – На водопровод, как в Итлии, не хватит, разумеется, но нельзя же вечно держать Дорвенну немытой!»

Свернув к особняку родителей, он приветливо кивнул посту городской стражи, который теперь всегда дежурил у въезда в переулок. Сержант в начищенных доспехах и пара стражников вытянулись, отдавая честь, Аластору же вспомнилось, как несколько месяцев назад на этом месте стояли такие же солдаты, только уставшие, измученные, готовые защищать жителей и от демонов, и от мародеров. А ведь полугодя еще не прошло! И одновременно – словно целая жизнь...

«Надо больше караулов, – сделал он заметку в памяти. – Здесь кварталы тихие, а вот на окраинах народ без всяких демонов режет кошельки и друг друга. И страдают, как обычно, самые беззащитные, порядочные и работающие. Я пока не могу осветить все улицы и пустить стражу по каждому переулку, но еще хотя бы дюжина-две постоянных патрулей нагонит страху на самых наглых. А пойманных воров – не в тюрьму, а в дорожное ведомство. Пусть дороги ровняют и чистят проклятые канавы, из-за которых каждую осень и весну Дорвенну заливают грязной жижей! Деньги... Ах, если бы мне побольше денег! Ну, не все сразу... Будет и у нас когда-нибудь водопровод... И даже фонтаны, о которых вздыхает Лу, поставим. Жеребенка – и того за год не вырастишь в боевого коня, а уж целую страну...»

Ворота родительского особняка распахнулись, пропуская его и охрану. Гвардейцы проехали внутрь, люди канцлера, как всегда в таких случаях, остались наблюдать за улицей. Аластор спрыгнул с Огонька, отдал его повод подбежавшему конюху и с недоумением посмотрел на чужую карету, стоящую во дворе. Позолоченный герб сверкал на солнце, мешая себя рассмотреть, но было видно, что это не зелено-золотой леопард Райнгартенов. Значит, приехали не сестры. В любом случае, очень досадно!

Он-то рассчитывал побыть с родителями без посторонних, они и так слишком редко видятся, а теперь придется терпеть за семейным

обедом... кстати, кого?

– Добрый день, матушка! – воскликнул он, входя в гостиную. – Здоровы ли вы? Как отец?

– Аластор, мальчик мой дорогой! Как славно, что ты решил нас навестить! Жаль, я не знала, велела бы испечь твой любимый мясной пирог!

Матушка, сидящая в кресле, протянула руку, и Аластор, склонившись, поцеловал ее.

– У нас гости, ты уже видел, наверное. Мерилин Хольтвер приехала, – улыбнулась матушка, и досада Аластора сменилась чувством вины.

У матушки не так уж много подруг, и леди Хольтвер, пожалуй, ближайшая из тех, кто живет в столице.

– С мужем и сыном, – добавила матушка, и досада вмиг вернулась.

Это же сколько лет он не видел развязного хлыща Брайана? Даже странно, что у такой милой дамы, как леди Мерилин, могло родиться и вырасти подобное сокровище. Нет, возможно, конечно, что за эти лет... пять? Шесть? В общем, что Брайан повзрослел и поумнел. Но верилось в это слабо.

– Ты ведь не против, если они останутся на обед? – мягко уточнила матушка, словно почувствовав его настроение. – Знаю, ты почему-то не любишь Брайана...

– И у меня есть на это некоторые причины, – буркнул Аластор, а потом вздохнул: – Ну что вы, миледи матушка, разумеется, я не могу лишиться вас общества леди Мерилин. А батюшка еще не вернулся?

– Они с лордом Бастельеро уехали на рыбалку.

Нежная теплая улыбка тронула губы матушки. Аластор вдруг понял, что именно это он хотел бы всегда видеть на лице собственной жены или хотя бы знать, что Беатрис думает о нем так же, как матушка, когда говорит об отце. Он даже не сразу осознал услышанное имя, но тут же изумленно вскинулся:

– Батюшка?! С лордом Бастельеро?!

Скажи матушка, что отец уехал с визитом к Барготу, Аластор бы удивился меньше.

– О нет, не с тем! – торопливо поправилась матушка, верно поняв его изумление. – С лордом Алариком! Оказывается, старший лорд

Бастельеро такой же любитель рыбалки, как твой отец. Кто бы мог подумать? Наверное, это жизнь в усадьбе так на него повлияла. Они с Себастьяном раз в неделю ездят на какую-то речушку в окрестностях Дорвенны и соревнуются, кто больше наловит рыбы.

– И кто побеждает? – ревниво поинтересовался Аластор, пытаясь мысленно соотнести образ лорда Аларика Бастельеро, такого представительного и величественного, с удочками, наживкой, бдениями у воды и рыбацким азартом.

Состязания! Нет, подумать только! И отец никогда не упоминал... Может, к слову не пришлось, а может, он решил, что само имя Бастельеро способно испортить Аластору настроение. И был бы не так уж неправ, кстати!

– В прошлый раз выиграл твой отец, – просияла матушка очередной улыбкой. – Мы отметили эту победу запеченной в сливках красноперкой, самой лучшей из его улова. Как жаль, что тебя не было, мальчик мой...

– Мне тоже жаль, – искренне отозвался Аластор и снова взял руку матушки, но не поднес ее к губам, а по-детски прижался щекой, как всегда любил. – Я бы очень хотел, чтобы вы жили со мной...

– Но нам с Себастьяном там не место, – спокойно закончила за него матушка. – Ты и сам это прекрасно понимаешь, не так ли? Я слишком отвыкла от придворной жизни, да и твоему отцу она будет в тягость. Бесчисленные визиты, постоянное внимание двора, просьбы о протекции и попытки повлиять на тебя через нас... Боюсь, в лучшем случае это было бы ужасно утомительно, а в худшем – еще и противно. Знаешь... – Она вздохнула и погладила его по щеке. – Нам с твоим отцом пришлось пересмотреть круг знакомств. Многие люди, с которыми мы прежде дружили, не смогли простить нам твоего возвышения. Другие, напротив, решили, что это знакомство дает им какие-то особенные привилегии и возможности... Это было вполне ожидаемо и все-таки чуточку печально.

– Матушка... – растерянно сказал Аластор, которому никогда прежде не приходило в голову, как изменится жизнь его родителей.

Конечно, они сразу после его коронации сказали, что предпочтут остаться в своем небольшом уютном особняке подальше от дворцовой суматохи, а большую часть года и вовсе станут по-прежнему проводить в усадьбе. Аластор принял это с пониманием – его родители

и правда были слишком хороши для двора, не стоило портить им жизнь ради его собственного спокойствия и удобства. Но такое... Действительно, как он мог не подумать, что на них обрушится чужая зависть и алчность? Прав Лучано, для короля Аластор слишком наивен!

– Мне так жаль... – выдавил он, опуская взгляд.

– Какие глупости, мальчик мой, – вздохнула матушка. – Я сказала об этом только затем, чтобы ты не почувствовал себя неловко, если лорд Хольтвер вдруг поведет себя бестактно. В Мерилин я вполне уверена, но сам Хольтвер почему-то вбил себе в голову, что Брайан мог бы теперь сделать карьеру при дворе. Как будто, если бы ты хотел подружиться с его сыном, то не сделал бы этого раньше!

– Я понял, матушка, – усмехнулся Аластор, выпуская ее руку и напоследок вдыхая тонкий знакомый аромат благовоний – всегда одних и тех же, не меняющихся, на его памяти, никогда. – И постараюсь быть учтивым – ради уважения к леди Мерилин.

– Не сомневаюсь в твоей деликатности, милый, – улыбнулась матушка и встала с кресла, едва слышно зашелестев юбкой домашнего платья цвета темной бирюзы. – Идем, гости попросили позволения освежиться перед обедом, но уже время идти в столовую.

За окном вдруг послышался шум, Аластор выглянул туда и увидел, что во двор въезжают два всадника на статных гнедых. С удовольствием отметил, что отец, несмотря на возраст, великолепно держится в седле своей любимой Корицы. Впрочем, лорд Бастельеро тоже выглядел неплохо. И кобыла у него отменная, причем дорвенантской породы, а не итлийка, на которой ездит Грегор Бастельеро. Но это как раз понятный выбор для деревенской жизни, которую лорд Аларик вел в последнее время. Итлийки слишком нежные, боятся холодной росы, да и копыта у них слабоваты. Городская лошадь для теплых конюшен и красивых выездов на прогулки, не то что выносливые умные красавцы из вальдероновских табунов!

За окном два лорда оживленно обсуждали сегодняшний клев. Аластор прислушался и ревниво понял, что на этот раз Бастельеро-старший взял реванш! Ну ничего, это наверняка ненадолго, если он, Аластор, хоть немного знает характер собственного отца. Вальдероны

так легко не сдаются! Ага, вон отец как раз назначает условия следующего состязания! Хм, ночная рыбалка?!

Ему вдруг смертельно захотелось бросить все и напроситься третьим. Пусть к рыбной ловле он равнодушен, зато ночной лес и река, костер, кипящий над углями котелок с ухой – свежайшей, из только что пойманной рыбы! И никаких придворных слухов, никаких государственных забот! Вот было бы счастье...

– Надеюсь, лорд Аларик не похож в общении на своего сына, – пробормотал он. – Иначе, боюсь, обед выйдет не слишком приятным.

– О, ничего общего! – заверила его матушка. – Лорд Аларик очень любезен! И я так рада, что они сошлись с твоим отцом. Ты ведь знаешь, он скучает в городе, а наш дорогой месьор Жозеф всегда готов его сопровождать, но совершенно ничего не понимает в рыбалке.

Аластор согласно хмыкнул, вспомнив, как обычно выглядели совместные поездки отца с месьором д'Альбрэ на рыбалку. Фраганец брал с собой очередной исторический роман или фехтбук, пару фляг вина и теплое одеяло, на котором укладывался у костра читать книгу, пока отец ловил рыбу. Оба при этом молчали, часами не обмениваясь ни одним словом, но по возвращении домой утверждали, что прекрасно провели время! Аластор всегда удивлялся этому, пока не осознал недавно, что им с Лу тоже не обязательно разговаривать. Иногда хорошо просто помолчать рядом с тем, кто тебя понимает...

И все-таки прекрасно, что у отца появился еще один хороший знакомый и соперник в любимом деле!

Они с матушкой вышли из гостиной и прошли в столовую, где как раз накрывали на стол. Через несколько минут появились и гости.

– Ваше величество!

Оба Хольтвера низко склонились перед Аластором, а леди Мерилин присела в реверансе.

– Ваше величество...

– Прошу без церемоний, миледи, милорды. Здесь, в доме моих родителей, я всего лишь их сын!

Аластор поклонился в ответ лорду Хольтверу и Брайану, который маячил за его спиной, а леди Мерилин поцеловал руку и заметил:

– Миледи, мы не виделись, кажется, год, и вы за это время стали еще прекраснее. Как вам это удается?

– О, благодарю...

Зарумянившись, леди снова присела, придерживая подол изумрудного платья, и тут в коридоре раздался бодрый голос отца:

– У нас гости? Прекрасно! Прошу в столовую! Признаться, мы с лордом Алариком голодны, как волки зимой!

– Неужели рыбалка была неудачной? – поддел Аластор отца, с любопытством разглядывая старшего лорда Бастельеро, которого на свадьбе Айлин видел лишь мельком. – Матушка рассказывала, что вы не возвращаетесь без добычи.

– Мы так увлеклись, что даже не собрались ее приготовить, – махнул рукой отец. – А припасы закончились еще вчера.

– Так вы ночевали в лесу? – чуть нахмурился Аластор, пропуская дам в столовую. – Батюшка, вы уверены, что в вашем возрасте это благоразумно?

Отец, только рассмеявшись, потрепал его по голове, и Аластор снова почувствовал себя мальчишкой и любимым сыном – такое прекрасное ощущение!

– Жаль, что месьор Жозеф к нам не присоединится, – сказал отец с сожалением, когда слуги подали первую перемену блюд. – У него сегодня важная встреча с кем-то из соотечественников.

– В самом деле?

Аластор наострил уши, но не стал расспрашивать о наставнике в присутствии чужих, да и отец тут же сменил тему, начав беседу о делах в поместье. Лорд Хольтвер подхватил ее и пожаловался на неурожай, который случился, несмотря на все усилия мага-погодника.

– Это так печально, ваше величество, – посетовал он, втыкая вилку в жаркое из ягненка. – Я просто не представляю, чем стану платить налоги в этом году! Жизнь в столице обходится так дорого!

– Вы совершенно правы, – невозмутимо согласился Аластор, краем глаза приметив, что отец еле заметно поморщился. – Но ведь можно часть года проводить в поместье. Это обойдется гораздо дешевле, да и делами удобнее заниматься, не полагаясь на управляющих.

– Да-да, конечно... – немного растерянно отозвался Хольтвер и несколько минут усердно жевал ягнятину, пока матушка Аластора и леди Мерилин обсуждали помолвку дочери какой-то леди Бадмур.

Аластор тем временем поймал себя на желчном желании дать почтенному аристократу еще пару советов. Например, тратить немного

меньше денег на ненужную роскошь. Понятное дело, женщины нуждаются в красивых платьях, и он бы в жизни не посмел упрекнуть почтенную леди Мерилин в желании принарядиться, но ради Всеблагой, зачем Брайан увешался золотыми пряжками с эмалевыми вставками, которые недавно вошли в моду во Фрагане?! Недешевые побрякушки, между прочим! А Брайан их нацепил не только на туфли, но и на пояс, и даже ворот нарядного атласного камзола сколол аж двумя!

Помнится, в той компании, в которую сам Аластор мечтал войти в шестнадцать лет, Брайан по праву считался самым большим щеголем, но ему давно стоило задуматься, каких средств родителям стоит баловать великовозрастного бездельника. Леди Мерилин, между прочим, приехала в платье, которое Аластор видел на ней уже года три-четыре подряд. Конечно, сшито оно с большим вкусом, подчеркивая все еще прекрасную фигуру леди, но если присмотреться – золотой галун отделки уже истерся, а шелк пережил не одну чистку. И Брайану не стыдно одеваться лучше матери?!

Он перевел взгляд на старшего Бастельеро, который с безупречным изяществом разделявал свою порцию ягненка и подумал, что матушка права, сын и отец на удивление не схожи. От бывшего командора, а ныне Архимага, всегда веет холодом, и даже ярость у него ледяная, похожая на удар морозного ветра в лицо. А вот лорд Аларик неуволимо напоминает его, Аластора, отца, особенно когда тепло улыбается обеим леди и негромко рассказывает, как у него в поместье выращивают раннюю клубнику. Причем с явным знанием дела рассказывает! Пожалуй, неудивительно, что они с батюшкой сошлись.

– О, Себастьян, дорогой, почему бы нам не завести и у себя такие теплицы? – оживилась матушка. – Если лорд Аларик поможет советом...

– Разумеется, миледи, – кивнул Бастельеро-старший. – С радостью пришлю вам плотника, который их строил. А мой садовник поучит вашего, и в следующем году у вас уже будут ранние ягоды.

– Благодарю, Аларик, вы очень любезны, – улыбнулся отец, и по этой обмолвке с простым именем вместо положенного по этикету обращения, Аластор понял, что эти двое и в самом деле близки.

Когда только успели!

Впрочем, с месьором д'Альбрэ отец тоже сошелся легко и сразу, но больше Аластор не помнил у него ни с кем такой близости. Вот лорд Хольтвер, несмотря на давнее знакомство, до сих пор исключительно «милорд»! Что ж, два друга за столько лет – это о чем-то говорит, хотя все равно удивительно, что одним из них оказался Бастельеро!

– Почему бы вам тоже не попробовать разводить клубнику? – предложил он второму гостю, решив, что молчит уже слишком долго, и учтивость требует что-нибудь сказать. – Ягода дорогая, а земли для нее, кажется, нужно не особенно много. Главное – побольше навоза, верно, милорд?

– Вы совершенно правы, ваше величество, – склонил голову лорд Бастельеро, и его глаза весело блеснули. – Без удобрений даже самая щедрая земля быстро истощается. Я использую конский, он лучше всего, особенно хорошо перепревший. Мы с вашим отцом уже договорились к зиме поменяться: он мне – сотню телег навоза, а я по весне расплачусь ягодами и свежей зеленью.

Аластор одобрительно кивнул и с удовлетворением подумал, что отец не ошибается в людях. Этот лорд Бастельеро – знакомство не только полезное, но и приятное!

– Боюсь, ваше величество, я... совсем не разбираюсь... в навозе... – промямлил лорд Хольтвер, с трудом выговорив последнее слово. – Это дело простонародья...

Лорд Бастельеро улыбнулся чуть шире, и Хольтвер бросил на него затравленный взгляд. Кажется, осознал, что только что причислил к простонародью лорда из Трех Дюжин, королевского отчима и самого короля. Высокий, благородной формы лоб Хольтвера покрылся бисеринками пота, лорд уткнулся взглядом в тарелку, и только тогда Бастельеро тоже отвел от него в свою очередь взгляд.

– О, милорд, простите, – улыбнулась матушка. – Таковы уж мы, деревенские жители – все сводим к разговорам об урожае! Надеюсь, мы не испортили вам аппетит. Мерилин, еще кусочек?

– Разве что немного спаржи, милая, – непринужденно улыбнулась леди Хольтвер. – Ваша кухарка прекрасно готовит! И, пожалуй, я тоже подумаю о теплицах. Правда, боюсь, что заниматься ими придется мне. Мой дорогой Адельстан предпочитает городскую жизнь...

– Может быть, Брайан вам поможет? – любезно предположил Аластор, которому разговор наконец-то начал нравиться.

Брайан, до сих пор не сказавший ни слова, вздрогнул и едва не подавился куском ягнятины, но мужественно проглотил его и проямлил:

– Простите, ваше величество, боюсь... я тоже... не разбираюсь...

– Ничего, научитесь, – великодушно утешил его Аластор. – Какие ваши годы! Я помогал отцу лет с четырнадцати, а вам ведь куда больше!

– Ваше величество изволит шутить, – старательно улыбнулся лорд Хольтвер. – Мы с Мерилин как раз думали, что Брайану пора делать карьеру при дворе... Возможно, вы нам что-нибудь посоветуете... с высоты вашей мудрости... Не по годам... э-э-э...

– Не по годам мудрой, – преувеличенно серьезно подсказал лорд Бастельеро, и Хольтвер с облегчением кивнул.

– Да-да, не по годам! – с напором повторил он. – Брайан мечтает служить вашему величеству!

– Разве я против? – удивился Аластор. – Служение государству – дело благое. Дорвенанту отчаянно нужны умелые честные чиновники. Брайан, мы с вами давно не виделись, и я, признаться, понятия не имею, к какому роду занятий вы тяготеете? Землеустройство? Финансы? Архитектура, может быть?

– Простите, ваше величество, я...

Брайан порозовел сначала скулами, потом всем лицом и шеей, что очень странно выглядело с его зелено-золотым камзолом.

– Не любите науки? – понимающе уточнил Аластор. – Ну ничего, в армии люди тоже нужны. Во втором рейтарском полку, что недавно вернулся от Мервиля, недостает офицеров. Как раз успеете получить чин лейтенанта, прежде чем полк отправят куда-нибудь еще.

– Брайан не чувствует призвания к военной службе! – выпалил лорд Хольтвер. – Ваше величество, мы думали... мы надеялись... Брайан мог бы служить лично вам! Вы ведь так прекрасно ладите... то есть ладили... при прежних встречах...

– Особенно при самой последней, – согласился Аластор с холодной ласковой учтивостью. – Правда, Брайан? При той самой, когда вы отправили меня ночевать на кладбище.

Да, он обещал матушке, что будет любезен с гостями! И не собиравшись мстить за давнюю чужую глупость, которая чудом не обошлась ему слишком дорого. В конце концов, сам виноват, что пошел, не устояв перед насмешками! Но и забыть ту историю не мог.

– Кладбище? – нахмурилась леди Мерилин. – Брайан?..

– Это была шутка! – выпалил парень, который вдруг показался Аластору гораздо младше его самого, хоть это было вовсе не так. – Шутка, ваше... ваше величество!

– Отменная шутка, – улыбнулся Аластор одними губами. – Достойная юных дворян, верно? Отправить мальчишку шестнадцати лет, самого младшего в вашей компании, на беспокойное кладбище, известное всей Дорвенне, представив это испытанием храбрости. Дело прошлое, но скажите, Брайан, вам не пришло в голову хотя бы побеспокоиться, когда утром я не вернулся?

– Но... вы ведь появились потом... – пролепетал Брайан, краснея еще сильнее. – И мы подумали...

– Что испытания я не выдержал, – кивнул Аластор. – И даже были столь любезны, что не стали над этим подшучивать. Жаль вас разочаровывать, но это не совсем так. Я честно просидел на этом Барготом проклятом кладбище до рассвета. К счастью, склеп Корсонов оказался достаточно высоким, и та дюжина с лишним упырей до меня не добралась.

Тишина, повисшая в столовой, была достойна того самого кладбища. Аластор с мысленным вздохом признал, что быть любезным с гостями у него получилось не очень хорошо, и одобряюще сказал побледневшей Мерилин Хольтвер:

– Ничего страшного не случилось, миледи. И я не держу на Брайана зла. В конце концов, этой шутке я обязан знакомством с одной прекрасной и храброй девушкой, которая появилась как раз вовремя, чтобы меня спасти. Вы с ней близко знакомы, милорд, – глянул он на лорда Бастельеро. – Как и мои батюшка с матушкой.

– Так это в ту ночь... – начал отец, и Аластор коротко кивнул.

– Именно, – уронил он и пояснил для всех: – Когда молодой лорд Хольтвер и его друзья предложили мне доказать свою храбрость таким дурацким способом, я действительно едва не стал обедом для упырей. К счастью, у леди Айлин была... какая-то домашняя работа по некромантии именно на этом кладбище. И я несколько не стыжусь

признаться, что ей, девочке двенадцати лет, пришлось отбивать меня у нечисти с помощью собаки и своего несравненного магического дара. Именно так мы и познакомились.

– Наша семья обязана этой отважной леди слишком многим, – вздохнул отец. – Вальдеронам никогда не вернуть этого долга.

– Мой сын сделал прекрасный выбор, – задумчиво согласился лорд Бастельеро, и все за столом, не сговариваясь, посмотрели на Брайана и его отца.

– Знаете, лорд Хольтвер, – сказал Аластор. – Я действительно не собираюсь вспоминать эту историю. Но ваша жена – подруга моей дорогой матушки, и мне бы не хотелось, чтобы вы затаили обиду на моих родителей за исключительно мое решение. Видят Благие, я не держу на Брайана зла. Многие делают глупости, особенно в юности. Хотя это было бы плохим утешением для моих родителей, растерзай меня нежить... Ладно, это все в прошлом. И если Брайан пожелает сделать карьеру при дворе, я ему мешать не собираюсь. Вдруг он и в самом деле окажется полезен Дорвенанту. Но я вряд ли когда-нибудь забуду, что эти достойные молодые люди, отправив мальчишку в лапы к упырям – ради шутки, разумеется! – даже не побеспокоились потом о его судьбе. В семнадцать-двадцать лет им стоило иметь побольше разума и ответственности, я уж не говорю о чести. Мои родители никогда не выбирали мне друзей, с этим я справляюсь сам, и в друзьях предпочитаю видеть тех, кто может прикрыть спину, а не... Ладно, достаточно, я полагаю. Миледи матушка, миледи Мерилин, мои самые искренние извинения!

Он с досадой поглядел на обоих лордов Хольтверов, старшего и младшего. Брайан был красным, как рак, его отец, напротив, побледнел и прятал взгляд. Понял, наверное, что все надежды на блестящую карьеру сына рухнули даже не сейчас, а пять лет назад. И правда, обидная случайность! Вот так пошутишь над соседским мальчишкой-провинциалом, а он возьми – и окажись королем! Впору пожалеть беднягу Брайана!

Совершенно успокоившись от этой вспышки холодного гнева, которая прошла так же быстро, как разгорелась, он уже виновато улыбнулся матушке и отцу.

– Обед сегодня просто отменный. – И пошутил: – Пожалуй, мне стоит почаще вас навещать. Вдруг выпадет случай все-таки

попробовать вашу с лордом Бастельеро добычу.

– О, если дело только за этим, – шутливо парировал отец, – то можешь остаться. К ужину ее уже приготовят.

– Это было бы прекрасно, – вздохнул Аластор, чувствуя вину еще сильнее. – Увы, я обещал жене, что вечер проведу с ней.

– Такие обещания нарушать нельзя, – улыбнулась матушка. – Не так ли, Мерилин?

Леди Хольтвер торопливо закивала, и обед закончился совсем мирно.

Дождавшись, пока гости уедут – последним особняк покинул лорд Бастельеро, пообещав передать своей милой невестке тысячу поклонов, благодарностей и лучших пожеланий от семьи Вальдеронов, – Аластор попросил подать шамьет в гостиную и уже там рассказал новость, которая то и дело вспыхивала в его душе теплым нежным осознанием своего счастья.

– Поздравляю, мальчик мой, – сказал отец. – Ты должен теперь быть особенно бережным с женой, понимаешь?

– Конечно, – удивился Аластор. – Как же иначе! Я... так на это надеялся! Но даже не думал, что все случится так скоро.

– Поздравляю, дорогой мой, – эхом отозвалась матушка, и в уголках ее прекрасных глаз Аластор увидел блеснувшие слезы. – О, милый... как я за тебя рада! Ты будешь прекрасным отцом, я уверена!

– Обязательно буду, – пообещал Аластор. – Если только у меня получится хоть немного быть похожим на вас, милорд.

И он, встав, с величайшим почтением и искренностью поклонился отцу.

На миг вспомнился Лу, который сегодня тоже увиделся с отцом – и тоже с приемным. Как странно отражаются друг в друге их судьбы! Сравнить лорда Себастьяна, доброго, великодушного, благородного! – и коварного убийцу? Немыслимо! Но Лу, как отлично помнил Аластор, говорил о своем мастере с таким же уважением и нежностью, как сам Аластор – о лорде Себастьяне. Вдруг этого Ларци действительно удастся уговорить, и грандмастер Шипов отпустит Лучано? Тогда все станет совсем хорошо! «Ну, почти хорошо, – признал Аластор, вспомнив Айлин. – Я все равно не понимаю, почему она выбрала Бастельеро, и вряд ли когда-нибудь пойму. Но пусть она будет счастлива – с кем ей угодно! Пусть будут счастливы все, кого я люблю,

а об остальном я позабочусь. Ведь именно об этом я тогда просил то ли богов, то ли судьбу, то ли самого Странника, отвечая на вопрос арлезийского друга Роверстана. Я хотел исполнять свой долг – и судьба была так щедра, что отмерила мне этого долга полной мерой. Так чего же я теперь жалуюсь?»

– Ни один отец не гордился сыном больше, чем я – тобой, – серьезно ответил лорд Себастьян и, тоже встав, крепко его обнял, а потом, не отпуская, шепнул:

– Сколько бы у тебя ни было сыновей, обещаю, что передашь родовое имя Вальдеронов одному из них. Пусть в твоих жилах ни капли моей крови, зато в твоём сердце и разуме – предостаточно того, что заложил я. Обещай!

– Клянусь, отец, – проговорил Аластор, чувствуя, как в горле стоит ком от волнения. – Вальдероны не исчезнут, пока стоит Дорвенна, и Всеблагая не лишила нас милости.

Глава 6

Семейные вечера

Пушок, лежавший возле ее кресла, шевельнул ухом, и Айлин глянула на дверь гостиной, уже зная, кто в нее сейчас войдет. Шесть часов пополудни – время возвращения супруга со службы. Последний месяц лорд Бастельеро почти никогда не задерживался, иногда приезжал даже раньше, и Айлин смутно удивлялась этому, ведь когда она была адепткой, встретить мэтра Бастельеро в Академии можно было в любое время дня, а иногда и ночи. Теперь он торопился домой, к ней, и рассудком Айлин понимала, что именно так должен вести себя любящий заботливый муж. Только приходилось отгонять подлую мысль, что сейчас она могла бы ждать совсем другого человека, причем с радостью и нетерпением!

Дверь открылась, на пороге появилась знакомая фигура – и Айлин спрятала взгляд, притворившись, что старательно разглядывает вышивку. У нее только что запуталась нитка, значит, придется развязывать коварный узелок скользкого шелка... Как вообще другие женщины умудряются получать удовольствие от вышивания?! Легче сплести самый замысловатый аркан, соединив его с дюжиной других, чем выполнить правильный переход от одного цвета к другому. Но это занятие приличествует леди. Оно успокаивает... Очень хорошо успокаивает – все так говорят!

– Миледи, как я рад вас видеть!

Что ж, нельзя ведь прятаться вечно, не так ли? Айлин подняла голову от вышивки и улыбнулась мужу. Она благовоспитанная леди, а леди радуются возвращению супруга... Если бы еще ей не было так стыдно! Лорд Бастельеро так счастлив ее видеть... Ну почему она не может ответить ему такой же искренностью?!

– Простите, милорд, – сказала она, стыдась еще и этой лжи. – Я увлеклась и не заметила, как вы вошли.

– О, ничего страшного! Прекрасно, что вы нашли занятие по душе. И так чудесно вышиваете, моя дорогая!

Подойдя, он присел рядом с ней на диван и посмотрел на большие пальцы с натянутой канвой с таким восхищением, что у Айлин язык не

повернулся признаться, как ей надоела проклятая вышивка. Куда сильнее, чем домашние задания по теории проклятий на первом курсе. А ведь закончена лишь центральная фигура рисунка – и это за несколько недель! Ох, наверное, всю вышивку получится завершить только к родам.

С другой стороны, ничего сложнее центральной фигуры на полотне уже не будет: Фарнельское озеро представляло собой широкую полосу нескольких оттенков синего и голубого, а обе армии на его берегу – и дорвенантская, и фраганская – множество смутных силуэтов без излишних деталей, и только изображение главнокомандующего... На один лишь мундир у Айлин ушла целая неделя, прошедшая с последнего визита друзей! Какое счастье, что мундир был хотя бы не парадным! Обычный черно-фиолетовый, в котором только золотые наплечники (десяток мотков золотистого шелка разных оттенков, как и саму вышивку, привезла Иоланда) выдавали одеяние командора. А уж каких усилий стоило вышить лицо!..

Но лорду Бастельеро, кажется, действительно нравился его шелковый портрет – он разглядывал ее работу с такой гордостью! Что ж, если так, Айлин попросту подарит ему вышивку, как только ее закончит. Кажется, леди пристало делать мужьям подобные подарки. Во всяком случае, леди Гвенивер дарила отцу то лично вышитый платок, то ленту...

– Вам правда нравится, милорд? – уточнила она осторожно.

– Восхитительно! – заверил ее супруг и добавил, с восторгом разглядывая своего вышитого двойника: – Этот демон поразительно похож на настоящего! Так могли вышить его только вы, видевшая их живыми... И какая остроумная идея – сделать его чешую черно-фиолетовой! Вы ведь думали об армейской форме, когда вышивали, я прав?

Из кресла у окна, где батюшка Аларик читал книгу, послышалось едва заметное хмыканье. Онемев, Айлин кивнула, а лорд Бастельеро перевел на нее умиленный взгляд.

– Прекрасная мысль, – снова похвалил он с полной убежденностью. – Признаюсь, мне и самому порой казалось, что демоны скорее напоминают армию, чем свору, что бы там ни говорил магистр Ладецки... Я буду с нетерпением ждать, когда вы закончите! А

знаете! – торопливо добавил он вдруг. – У меня тоже есть чем вас порадовать!

И откинулся на спинку дивана, негромко бросив куда-то в пространство:

– Шамьет и пирожных для леди и бокал вина! Простите, что отвлекся, дорогая. Вы ведь помните, что сегодня Аранвен и Эддерли должны были сдавать выпускной экзамен?

– А разве... – растерянно начала Айлин и тут же спохватилась, что ведь прошла ровно неделя. Разумеется, экзамен был именно сегодня, а она даже не спросила о друзьях, бессовестная! – Простите, милорд! Они... они ведь его сдали? Правда?!

– Аранвен, как и ожидалось, с блеском, – отозвался лорд Бастельеро с понятным удовлетворением. Конечно, он должен гордиться Даррой, как же иначе! – А вот Эддерли... Вообразите только, пока Аранвен готовился к ответу, этот юный разгильдяй схватил первый попавшийся билет! Особенности общения с призраками... Не сходя с места, ответил по нему все, что знал, даже сверх того, что ему положено было бы знать, удивился, что билет такой легкий, и попросил разрешения взять еще один. В общем, все время подготовки Аранвена младший Эддерли развлекал нас своими ответами! Успел билетов пять или шесть... А когда закончил, магистр Эддерли заявил, что экзамен завершен, и... подписал ему диплом. Видели бы вы лицо вашего друга! Он-то собирался продолжать учебу! А тут такая неожиданность, да еще и от родного отца!

Айлин представила себе озадаченно-возмущенное лицо Саймона и невольно хихикнула. Да уж, милорд магистр Эддерли умеет быть неожиданным!

– Как я рад, что эта история вас позабавила, дорогая! – просиял лорд Бастельеро, заглядывая ей в лицо.

– О да, милорд, – заверила его Айлин. – А что ответил Саймон на первый вопрос? О призраках...

– Перечислил пятнадцать возможных способов действовать при встрече с ними, – усмехнулся лорд Бастельеро. – В учебниках, как вы... ах нет, пока не знаете! В общем, в обычной учебной литературе дается всего восемь. Но лорд Эддерли-старший специализируется именно на призраках, полагаю, Саймон научился у него...

– Пятнадцать? – поразила Айлин, невольно подумав, как удачно разговор зашел о призраках сам собой. – А... каких? Вот если бы поблизости оказался призрак, что вы сделали бы?

– Упокоил бы его, разумеется, – удивился супруг. – Я всегда полагал это единственно верным по отношению к подобным... созданиям. Разумеется, можно попытаться узнать, нет ли у призрака незаконченного дела, но поверьте, это всегда ненужный риск. Даже если призрак притворяется доброжелательным... Впрочем, если у некроманта не хватает сил для упокоения, все-таки можно попробовать что-то иное. Но ко мне... и к вашему курсу, моя дорогая, это, к счастью, не относится. У каждого из вас более чем достаточно сил. А почему вас это заинтересовало?

– Просто любопытно, милорд, – пролепетала Айлин, опять опуская взгляд и принимаясь старательно развязывать узелок на фиолетовой нитке, которой вышивала манжет форменного мундира.

Внутри что-то разочарованно екнуло и потянуло уже привычной тоской. Конечно, она помнила, как лорд Бастельеро несколько лет назад поступил с мэтром Кираном, но надеялась – вдруг за это время он изменил мнение о потусторонних существах, смягчился... Потому и спросила, не решаясь признаться в причинах такого интереса. И получила ожидаемый ответ, именно тот, которого опасалась.

Нет, у супруга она точно не найдет понимания! Как и Кайл Морстен, а он совсем не заслужил принудительного упокоения... Ну что ж, она ведь и не рассчитывала всерьез на помощь лорда Бастельеро, а значит, искать ее следует в другом месте.

«Дарра, – уверенно подумала Айлин. – Мне очень, очень нужен Дарра! Он самый умный из Воронов, он умеет хранить тайны и точно никому не расскажет, что я вижу призраков, хотя и не должна. Вот только... не могу же я говорить с ним здесь, мы ведь никогда не остаемся наедине, а если кто-то услышит, о чем мы говорим, непременно донесет лорду Бастельеро. Ох, но что же делать?»

В двери проскользнула самая старшая из Тильд с подносом и принялась быстро накрывать на стол, а еще через несколько мгновений на пороге возникла другая Тильда, которая выполняла обязанности камеристки Айлин, и бесстрастно произнесла:

– Милорд, миледи, приехала сударыня Донован.

– Просите! – откликнулся супруг и встал. – Простите, дорогая, я вас ненадолго покину. Переоденусь перед ужином.

– Да-да, милорд... – рассеянно кивнула Айлин, старательно скрывая ликование.

Иоланда! Милая, дорогая, прекрасная Иоланда! Как же вовремя!

Она едва не забыла, что в гостиной еще кто-то есть, но батюшка Аларик невозмутимо произнес из кресла:

– Моя дорогая девочка, вы непременно должны закончить вашу прелестную вышивку! – И добавил с легкой усмешкой: – Предводитель демонов, ну надо же!

– А вдруг милорд мой муж узнает правду и обидится? – робко поинтересовалась Айлин.

– Кто, Грегор? Узнает себя в демоне? Уверяю вас, дорогая, мой сын всегда был склонен переоценивать свои... достоинства. Впрочем, как и недостатки. Боюсь, если даже кто-нибудь укажет ему на сходство, Грегор отмахнется. Впрочем, возможно, оно ему даже польстит. Все-таки предводитель демонов, а не обычная бессмысленная тварь, – закончил лорд Аларик с тем же ироническим смешком и поднялся: – Думаю, моя милая девочка, вы захотите поболтать с подругой наедине, чтобы не стесняться мужского присутствия.

– Благодарю, батюшка Аларик! – искренне выдохнула Айлин и обернулась к стремительно входящей в гостиную Иоланде.

– Доброго вечера, милая леди, – мягко пожелал ей отец лорда Грегора и, пока Иоланда приседала в реверансе, вышел из гостиной.

– Иоланда! – торопливо воскликнула Айлин. – Как я рада!

Отбросив пальцы, она вскочила, подбежала к подруге и заключила ее в объятия, шепнув на ухо:

– Мне нужно срочно увидеться с Даррой! Потихоньку! Иоланда, пожалуйста...

– С ума сошла, Ревенгар? – возмутилась Иоланда таким же шепотом, потому что за ее спиной в нескольких шагах так и торчала услужливая, но очень бдительная Тильда, наострив уши. – Ладно-ладно... – И добавила уже громче: – Я тоже тебе рада, только не души меня! И ужасно хочу шамьета, а еще лучше – чего-нибудь холодненького! На улице до сих пор жара...

– Да-да, конечно, – спохватилась Айлин. – Тильда, будьте любезны ягодного морса и фруктов со льдом!

– Да, миледи, – присела горничная и улетучилась, будто призрак.

– Ревенгар, я должна немедленно показать тебе эту новую лавку! – громко заявила Иоланда, падая в кресло и обмахиваясь веером. – Там настоящие фраганские духи и благовония! А мастер-парфюмер составляет уникальные ароматы на заказ. Ни у кого таких духов не будет, представляешь?

Она подмигнула, и Айлин, сообразив, торопливо обернулась к вошедшему в гостиную Грегору:

– Милорд супруг! Вы позволите мне завтра прогуляться с Иоландой? Прошу вас! Я так... скучаю... пока вас нет дома...

– Прогуляться?

Лорд Бастельеро едва заметно нахмурился.

– Ну что ж, если сударыня Донован согласна сопровождать вас... Куда вы намерены поехать? Надеюсь, это ненадолго?

– О, милорд Бастельеро! – пропела Иоланда, вскакивая и приседая в реверансе. – Вы так добры... Конечно, мы ненадолго! Айлин хочет новые духи!

– И мне нужно купить подарок тетушке! – добавила Айлин сначала по наитию, а потом тут же решив, что это сделает в любом случае. – Она любит фраганские духи с ароматом жасмина, я как раз думала, где их заказать...

– Разумеется, моя дорогая, – улыбнулся лорд Бастельеро, окончательно успокоившись. – Духи? Прекрасно! Порадуйте себя и тетушку! И сударыню Донован, разумеется!

Он перевел благосклонный и явно потеплевший взгляд на Иоланду, которая выглядела воплощением кротости и благопристойности, особенно с этими тщательно завитыми волосами и в новом голубом платье с кружевами по манжетам и лифу. Идеальная компаньонка для благородной леди!

Айлин снова укололо чувство вины. Супруг так радуется любым ее желаниям! Наверное, захоти она купить всю фраганскую лавку – он и этому не удивился бы! Только спросил, как именно ей угодно получить подарок – вместе с парфюмерами или без них...

– Может быть, мы еще заедем в новые сады на королевской набережной, – с тщательно рассчитанной небрежностью добавила

Иоланда. – Айлин полезно смотреть на красивое, а там сейчас так пышно цветут розы! Не беспокойтесь, милорд, у меня экипаж с рессорами, папенька подарил! Такой мягкий плавный ход – мостовую и не чувствуешь!

– Я очень надеюсь на ваше благоразумие, – кивнул лорд Бастельеро, и вина принялась грызть Айлин уже всерьез. – Прошу, не позволяйте ей устать и при первом же признаке недомогания возвращайтесь!

– Все будет хорошо, милорд! – заверила Айлин чуть дрогнувшим голосом. – Я... просто прогуляюсь.

«И помогу одной несчастной душе, которой больше не на кого надеяться, – добавила она про себя. – Если бы вы знали, как ему тяжело и больно... Я бы с радостью вам рассказала, если бы только вы могли поверить, что призраки не всегда злобные коварные твари! Они такие же, какими были при жизни, и не дай нам Претемная оказаться на их месте. Простите, милорд, я не могу отказать этому бедняге, а вы... Если бы только вы могли меня понять...»

* * *

Остаток дня пролетел так быстро, что Аластор, переодеваясь к ужину, только вздохнул – ну почему нельзя растягивать время, словно хорошо выделанную кожу? Или как проволоку на том волочильном станке, который неделю назад показывал фраганский мастер, за большие деньги выписанный из Люрьеzy. Опять соседи – вечно они впереди! Право, иногда задумаешься, а такое ли благо – магия, если она приучает полагаться на божественный дар вместо собственного разума?

Аластор поспешно отогнал эти мысли, а то ведь так можно додуматься и до того, что Баргот хочет людям добра! Нет-нет, разум – это прекрасно, и все-таки есть более важные вещи! Например, честь и милосердие, благодарность и долг... Только Падший, великий враг рода человеческого, может утверждать, что главным для человека является собственное благо, ради которого можно пожертвовать чем угодно. Но как же обидно, что нельзя взять лучшее из всех божественных и человеческих законов, сотворив единый и совершенный закон! Такой, который укажет верный путь всегда и везде!

Если бы существовал такой закон, было бы понятно, как жить, как обустроить государство и вести дела с кем угодно. Этот закон наверняка исправил бы людей, и мир перестал быть странным местом, где самая прекрасная и добрая девушка на свете оставляет возлюбленного и выходит за человека, рядом с которым ее даже представить невозможно! И ладно бы она была счастлива, но при кратких встречах Аластор безуспешно искал во взгляде Айлин хоть отблеск того счастья, который загорался в нем самом рядом с Беатрис. Подруга же в ответ на его осторожные вопросы улыбалась тенью своей прежней улыбки и утверждала, что лорд Бастельеро – прекрасный супруг! С этим Аластор не спорил, Грегор Бастельеро и вправду боготворит жену – это видно, и все-таки... Только реки текут в одну сторону, а человеку для счастья мало, чтобы его любили, нужно обязательно любить в ответ.

А еще в этом правильном совершенном мире умный, талантливый и верный Лучано никогда не стал бы убийцей, который наверняка принес людям немало горя. Или хотя бы с легкостью и радостью оставил это грязное ремесло, не боясь прежних собратьев.

В этом мире Беатрис не мучилась бы столько лет с мужем-пьяницей, став залогом расчетов между государствами. Да и сам король Малкольм был бы справедливым и усердным хозяином своей страны...

Не устроил бы Денвер заговор, который погубил столько жизней, не пришлось бы егерским капитанам выбирать между предательством своего полка и убийством полковника, не сидел бы канцлер Аранвен иногда до самой ночи, изучая документы о казнокрадстве, убийствах, шпионаже... Как было бы хорошо жить в таком замечательном мире! Но раз Благие его не создали, значит, либо даже им это не под силу, либо они ждут, чтобы люди сами позаботились о себе и о месте, в котором обитают.

Снова вздохнув, Аластор застегнул самый нарядный из своих камзолов – плотного небесно-голубого арлезийского шелка, расшитого тоненькими золотыми веточками. Лу каждый раз, когда его видел, восхищенно мурлыкал, мол, именно этот камзол так подчеркивает глаза и волосы, что «монсиньор-р-р в нем выглядит пр-р-росто беллиссимо!»

Аластору и самому нравилось то, что он видел в большом зеркале своей спальни, хотя смущала откровенная роскошь – стоил камзол столько, что можно было бы хорошего жеребца купить! Да, он, конечно, король, но... Если в стране не хватает денег, королю не стыдно одеваться попроще. К тому же в одежде из добротного сукна удобнее и спокойнее, чем в шелке и бархате. Не нужно опасаться, что капнешь чернилами, к примеру... И он бы непременно велел королевским портным шить то, к чему привык, но Беатрис!

Ей нравится на него смотреть, в ее прекрасных темных глазах светится нежность и желание. И ради нее Аластор готов был наряжаться, словно павлин, только бы она улыбалась и шептала «ми амор-ре...» своим чудесным бархатным голосом...

Он последний раз окинул себя взглядом, поправил непослушную прядь, выбившуюся из-под бархатной ленты в тон камзолу, и вышел из спальни. Дела, разумеется, бесконечны, но все, что не терпит отлагательства, решено. Кроме, пожалуй, самого важного и неожиданного.

Аранвен, к которому Аластор заглянул по дороге, заверил, что знает о визите итлийского батюшки лорда Фарелла и уже велел оказать гостю достойный прием. Нет-нет, никаких соглядатаев, только охрана! Исключительно в знак уважения, чтобы почтенного немолодого мастера случайно не толкнули или еще как не обидели, приняв за обычного простолюдина. К тому же сударь Фарелли наверняка пожелает осмотреть Дорвенну, и сопровождение пригодится, чтобы гость не заплутал или не лишился кошелька на одной из торговых площадей.

Аластор усомнился, что итлийцу понравится охрана, следующая за ним по пятам, но Ангус Аранвен, едва заметно улыбнувшись, пояснил, что ничего иного человек, подобный Ларци Фарелли, и не ожидает. Правила игры в учтивость грандмастер Шипов знает не хуже королевского посла и скорее обидится, если его посчитают совершенно безопасным и не заслуживающим особого внимания. К тому же бывают нелепые глупейшие случайности вроде сорвавшейся с крыши черепицы, понесшей лошади или пьяного болвана, что пристаёт к прохожим... А так всем будет гораздо спокойнее!

– Ну, если вы так считаете, милорд Ангус... – поморщился Аластор. – И если уверены, что он здесь ничего такого...

Как всегда, Аранвен понял его даже не с полуслова, а с полувзгляда.

– Грандмастеру лично исполнять заказы не по чину, – спокойно уронил он. – Все равно что полковнику стоять на часах, или мне – еще одна быстрая тонкая улыбка – переписывать бумаги словно простому секретарю. А если вы по-прежнему намерены получить лорда Фарелла в полное свое распоряжение, то визит его опекуна следует считать немалой удачей.

Согласившись с этим, Аластор ушел, оставив лорда Аранвена его обычным заботам и чувству себя слегка виноватым. Его, в отличие от канцлера, снова засидевшегося над бумагами, ждал прекрасный вечер! Просто изумительный!

Пройдя галерей, он кивнул гвардейцам у покоев королевы, улыбнулся стайке фрейлин, при его появлении присевших в глубоком реверансе, и попросил передать Беатрис, что ждет встречи.

– Ее величество приказала сразу проводить вас в ее малую гостиную! – отозвалась юная леди Сазерленд, самая бойкая из девушек. – Она ожидает в нетерпении! Прошу ваше величество следовать за мной.

Под шелест темного траурного платья Аластор проследовал в ту самую гостиную, которая стала для них с Беатрис любимым местом встречи. Ну, кроме спальни, разумеется!

Последняя мысль наполнила его сладким предвкушением, но Аластор тут же спохватился – надо спросить целителей, можно ли?

Распахнув перед ним дверь, оповестив королеву и сделав низкий реверанс, фрейлина ускользнула. Аластор шагнул через порог, и Беатрис поднялась ему навстречу из мягкого кресла возле уже накрытого стола. Присела в реверансе, выпрямилась...

– Садитесь, любовь моя! – воскликнул Аластор. – Я же просил вас! Ну к чему этот этикет?..

– Я это делаю не ради этикета, дорогой мой супруг. – Беатрис лукаво и ласково улыбнулась. – Мне просто приятно приветствовать вас, как полагается жене.

Она протянула ему обе руки, и Аластор, склонившись, поцеловал сначала одно, потом другое запястье.

– А мне – вас, – признался он, бережно поднося ее ладони к своим щекам. – О, Беа... каким долгим был этот день... А без тебя он казался

еще дольше!

Он едва заметил, как в очередной раз перешел на ты – их совместное преступление против этикета, маленькое и такое приятное! Беатрис, улыбнувшись, погладила его кончиками пальцев по щеке, и теплая волна нежности захлестнула Аластора.

– Люблю тебя, – шепнул он. – Если бы я мог сделать что-нибудь, достойное тебя...

– Ты это делаешь каждый день, дорогой мой, – шепнула она. – Или ты думаешь, я не вижу? Каждый твой час, каждая минута – все ради меня и нашего ребенка... – Она тронула пока еще плоский живот под складками светло-лилового платья и заглянула Аластору в глаза. – Только поэтому я не умираю в тоске вдаль от тебя... Ми аморе... Потому что ты любишь меня, даже когда тебя нет рядом...

Осторожно уронив ладони ей на плечи, такие хрупкие под его лапищами, Аластор склонился к запрокинутому лицу, огромным сияющим глазам, приоткрытым манящим губам... От Беатрис пахло какими-то цветами, но тонкий аромат не заслонял, а подчеркивал запах ее волос и кожи – безумно притягательный, знакомый каждой ноткой... Аластор знал, что вскоре благоухание духов окончательно померкнет, зато запах женщины, охваченной страстью, разгорится невыносимо ярко. Знал – и предвкушал!

– Беа... – шепнул он умоляюще. – Если тебе можно... Если не повредит... Поужинаем потом?..

– Я думала, мой король голоден! – лукаво возразила она, ярко блестя глазами.

– Очень! – выдохнул Аластор прямо ей в губы. – Умираю от голода!

И не выдержал – стиснул ее плечи, прижался губами к губам. Беатрис подалась ему навстречу, выгнулась в его объятиях – страстная, дерзкая, сильная, несмотря на внешнюю хрупкость и изящество. Закинула руки ему за голову, отвечая на поцелуй...

Странное шуршание едва достигло слуха, но уже через миг Аластор отшатнулся, а Беатрис, взвизгнув, отскочила, подхватывая подол в извечно женском жесте.

– Крыса! – вскрикнула она, глядя на невысокий диванчик у стены. – Там крыса! Позовите охрану!

– Боюсь, они не обучены ловить крыс, – растерянно возразил Аластор, пытаясь свести все к шутке. – Но я прикажу принести Флориморда...

У стены снова прошуршало – еще громче. Ничего опасного там скрываться не могло, и Аластор, хмыкнув, подошел и рывком сдвинул обитый бархатом диванчик. Беатрис вскрикнула, отступая еще дальше...

– Это не крыса! – заверил ее Аластор дрогнувшим от облегчения и смеха голосом. – Не бойтесь, любовь моя!

Наклонившись, он поднял с пола крепко спящего Дани, которого неизвестно как занесло в гостиную. Мальчик открыл сонные глаза, зевнул и с трудом проговорил:

– Ва-а-аше велич-ч-чество? А мы в плятки игла-а-али... Я так холодно спрл-лятался...

– Вижу, – кивнул Аластор. – Замечательно спрятался! Так, что тебя никто не нашел, верно? А потом немножко заснул... Ну вот, видите, дорогая, бояться совершенно нечего! Ни одна крыса не потревожит ваш покой, пока Флориморд на страже...

Он повернулся, держа зевающего мальчика, и осекся, вмиг утратив охоту шутить. Беатрис стояла у накрытого для ужина столика. Побледнев и напряженно выпрямившись, она держала в руках нож для фруктов и сверкала глазами – но уже совсем иначе, чем несколько мгновений назад.

– Беа, это всего лишь Дани, – растерянно проговорил Аластор. – Он играл в прятки и заснул здесь. Ничего страшного, это просто ребенок...

– Ребенок? – проговорила Беатрис странно звонким голосом. – Ну, разумеется! Всего лишь ребенок, которому позволено все! Даже испугать меня... испортить мне вечер... такой редкий вечер с собственным мужем! Я думала... Я так испугалась...

– Я не знал, что вы так боитесь крыс! – еще растеряннее сказал Аластор. – Но все ведь хорошо, правда? Я сейчас отдам мальчика охране, пусть его отнесут к Джастину...

– Вы беспокоитесь о нем?! – так же звонко вскрикнула Беатрис. – О нем, а... не обо мне?! Я всегда... всегда вторая... И ладно бы после государственных дел! Но после этого оборвыша?!

– Беатрис?! Что вы... что ты говоришь?

Ничего не понимая, Аластор опустил сонного ребенка на злосчастный диван, шагнул к жене, но она, уронив нож на пол, прижала руки к груди и замотала головой.

– Ты готов проводить время с кем угодно... С кем угодно! С канцлером! Со своим фраганцем! С Шипом! С разумником! С этой... леди Бастельеро...

– Беатрис... – повторил Аластор, хмурясь и не понимая, что происходит. – О чем ты?

– И только ко мне ты приходишь напоследок! Я все понимала... терпела... Но этот мальчишка? Даже он... он тебе дороже? Эта маленькая дрянь?!

– Беатрис, прекрати!

Шагнув к ней, Аластор снова притянул жену за плечи, не понимая, что делать. Что с ней вообще происходит?! Позвать целителей? Фрейлин? Самому успокаивать?!

– Беа... – зашептал он, крепко обнимая дрожащую женщину. – Милая... Любовь моя... Ну что ты говоришь... Ты же знаешь, я люблю тебя! Причем тут все? Причем этот бедный мальчик?

– Притом! – прорыдала Беатрис, утыкаясь в его камзол лицом и обхватывая его за пояс с каким-то отчаянным исступлением. – Я одна... только с дочерьми... но это другое! Аластор... ми аморе-е-е... я не могу... прости меня! Прости! Я говорю глупости! Я... не хотела! Я не хотела тебя обидеть, ми амо-о-оре... Ты целыми днями где-то... мы так редко видимся... О, прости, я такая... такая... идиотта... дура-а-а... Я знаю, что ты занимаешься делами! Что у тебя нет ни одной женщины, кроме... только дела... дела и друзья... Нельзя упрекать мужчину в этом, я знаю! Но я... я... прости...

– Беа... Тш-ш-ш... – Аластор укачивал рыдающую женщину, словно ребенка, не понимая, ужасаться или испытывать облегчение, что эта гроза, кажется, уже пронеслась над головой.

Это все из-за ее беременности! Женщины в положении часто чудят, плачут непонятно от чего, от всяких пустяков... Это он знал по разговорам матушки с ее подругами. Это ничего страшного, верно? Просто Беатрис боится, в ее положении это естественно. Он будет с ней нежным, терпеливым, и она поймет, как он ее любит, успокоится...

– Беа, – проговорил он так мягко, как только мог. – Все хорошо! Любовь моя... моя дорогая... Это пройдет... Ну какие женщины?!

Конечно, только дела... И не могу же я не видеться с канцлером, правда?

Он с раскаянием подумал, что с Аранвеном и правда встречается чаще, чем нужно для этих самых дел. В полдень и вечером Лу варит им шамьет, когда сам не занят чем-то, и они втроем отдыхают от бесконечных забот, просто... разговаривая. О новостях – не важных политических, а обычных дворцовых и городских сплетнях! – о погоде, о всяких пустяках... Наверное, нужно было эти минуты проводить не с канцлером, а с Беатрис, но он не хотел быть навязчивым! К тому же до обеда она занимается своей красотой или гуляет в саду с дочерьми... Он же не знал! Не подумал...

А с остальными, кроме Лучано, и видеться выходит не так уж часто. Ну не будет же он фехтовать с Беа вместо месьора д'Альбрэ?! Или обсуждать с ней реформы, как с Роверстаном?! Да и на обед к родителям ее приглашать не стоит, уж это он успел уяснить. Но что тогда ему делать?!

И во всяком случае, причем здесь бедолага Дани, который так и моргал на диванчике, словно совенок?!

Всхлипнув последний раз, Беатрис оторвалась от его груди и тут же отвернулась, еще и лицо прикрыла рукавом для верности. Но он успел увидеть дорожки слез, прочертившие идеальное лицо, темные круги вокруг глаз и припухшие расплывшиеся губы.

– Оставьте... меня... – попросила она дрожащим голосом. – Я сейчас... сейчас... Нет, погодите! Не уходите, умоляю!

– Я не уйду! – заверил Аластор, и Беатрис, тяжело дыша, выскочила из гостиной.

За дверью послышалось аханье кого-то из фрейлин, цокот каблучков... Через пару минут в гостиную заглянула леди Норвик, сделала реверанс и, потупившись, тихо сказала:

– Ее величество просит дать ей немного времени, чтобы успокоиться. Она умоляет вас ужинать без нее и располагать своим временем, как вам будет угодно.

Поднявшись из реверанса, девица бросила на него быстрый и такой испуганный взгляд, что Аластору стало не по себе. Теперь все подумают, что он обидел и расстроил жену! Да плевать на всех, что с Беа?!

– Она хорошо себя чувствует?! – выпалил он. – Может, позвать целителей? Хотя бы лейб-медика пригласите!

– Все хорошо, ваше величество! – заверила его юная леди. Посмотрела на Аластора и, зябко поежившись, умоляюще повторила: – Правда, все хорошо! Ее величество просто... перенервничала! И ей... нужно умыться... Вы же понимаете...

И это все?! Дело только в том, что у Беа размазалось... ну, что там женщины наносят на лицо?! Она убежала, потому что испугалась показаться ему?!

Аластор вспомнил лицо жены и выдохнул с неопишуемым облегчением. Всеблагая Мать, а он уже решил, что это его ненавидят и не хотят видеть! Только не понял – за что?!

– Я останусь тут и дождусь ее! – твердо сказал он. – Передайте, чтобы она не торопилась, если нужно. И мои извинения за нашу... размолвку.

Снова присев, фрейлина убежала, и Аластор подошел к Дани, который сладко посапывал на диване. Словно почувствовав его взгляд, мальчишка открыл глаза, сонно потянулся...

– Пойдем-ка, дружок, – вздохнул Аластор. – Нечего тебе здесь делать, детям пора спать.

Проходя мимо стола, он взял неочищенный апельсин – здоровенный, яркий, с одуряюще вкусным запахом – и сунул его Дани в руки, а потом, выйдя из гостиной, прошел мимо шушукającychся фрейлин в коридор и бережно вручил мальчика одному из гвардейцев, пояснив:

– Отнеси моему камердинеру.

– Слушаюсь, ваше величество! – умудрился шепотом отчеканить гвардеец, и Аластор мысленно сделал заметку о его сообразительности – никогда не знаешь, что пригодится.

Вернулся в гостиную, пнул на место барготов диванчик и упал в кресло возле столика, блистающего начищенными приборами и хрустальными бокалами. Закуски пахли изумительно и, если подумать, ни в чем не были виноваты, а обед у родителей был так давно...

Немного поколебавшись, Аластор виновато покосился на дверь и... принялся за еду. Если Беатрис не вернется, он сам зайдет к ней пожелать доброй ночи и извиниться еще раз. Но ведь голодным при этом оставаться вовсе не обязательно?

Глава 7

Два морстена

Фраганская лавка, расхваленная Иоландой, и в самом деле оказалась удивительно интересной. Айлин даже немного пожалела, что не посещала прежде таких мест. Конечно, в книжных лавках всегда можно отыскать что-нибудь более увлекательное, но все же... Возможно, и посещение парфюмерных – не совсем бессмысленное занятие, как ей всегда казалось раньше?

Пока Иоланда перечисляла любезному приказчику все, на что они желают взглянуть («Духи с запахом роз. Белых фраганских? О, шармэ! Алых итлийских? Слишком банально, впрочем... покажите и их. О, есть даже аромат золотых арлезийских? Какая благородная роскошь! И жасмин, непременно полуденный жасмин! Пирожные и шамьет, пока ожидаем? Да, благодарю...»), Айлин с интересом оглядывала изысканно обставленное помещение.

Стены приятного бледно-золотистого цвета, потолок расписан нежно-голубым и белым, в точности как весеннее небо с клубящимися пушистыми облачками, и везде расставлены кадки с пышными зелеными деревцами.

Длинный прилавок, за которым стоял щеголеватый приказчик, оказался глубоким ящиком, накрытым таким прозрачным стеклом, что его почти не было видно. За хрупкой преградой, которая придавала товару еще больше заманчивости, на темном сукне сверкали настоящие сокровища! Хрустальные, позолоченные и посеребренные бутылочки духов и ароматных эссенций, коробочки с пудрой и помадой, а еще модные новинки – маленькие, меньше мизинца, изящные флаконы на цепочках, чтобы носить духи с собой... Нужно непременно подарить такой флакончик Иоланде! Например, золотую рыбку, инкрустированную крохотными голубыми топазами. Или очаровательную бутылочку темно-изумрудного стекла, на которую словно присела бирюзово-золотая стрекоза, она прекрасно подчеркнет волосы и глаза подруги. А для тетушки подойдет изящная ракушка-веер, украшенная перламутром...

«Вот бы устроить что-то подобное в модном доме тетушки, – подумала Айлин невольно. – Чтобы можно было прямо там купить духи... или ароматную воду для белья и постели...» Состоятельные дамы, которые приезжают заказать платье, наверняка захотят посмотреть что-нибудь еще и, возможно, приобрести небольшую безделушку, чтобы не возвращаться с пустыми руками, пока наряд шьется.

Она невольно улыбнулась – ничего странного, если бы об этом размышляла Иоланда, но она, Айлин? Наверное, она все-таки не леди, если думает о таких вещах! Впрочем, лорд Бастельеро об этом не узнает, а тетушка наверняка ее одобрила бы! И батюшка Аларик тоже – он и сам так увлечен хозяйственными делами...

И вздрогнула, почувствовав, как Иоланда ущипнула ее за руку.

– Ревенгар! – прошипела подруга, сделав страшные глаза и покосившись в сторону приказчика. – Ох, то есть Бастельеро, конечно. Вечно забываю, что ты... Ладно, неважно! Посмотри же, наконец!

Ой, кажется, Айлин что-то пропустила?

– Простите, месьор, – виновато улыбнулась она. – Я так засмотрелась, что не расслышала ваших слов. Здесь так красиво...

– О, не стоит извиняться, демуазель! – просиял фраганец так, словно получил изысканный комплимент. И тут же, бросив взгляд на ее руку с обручальным перстнем, спохватился. – Еще раз мои извинения, мадам! Ваша восхитительная юная красота затмевает взор! Я всего лишь хотел узнать, какие ароматы вы предпочитаете?

– Боюсь, я не слишком хорошо в этом разбираюсь, – немного смутилась Айлин. – Могу только сказать, что мне нужен аромат жасмина. И... вереска! – добавила она, сама не зная почему, но вдруг отчетливо вспомнив нежные объятия Претемнейшей, ее доброту и участие, ласковую и чуточку насмешливую перебранку с мастером Кереном...

Да, ей определенно нужен запах вереска! Чтобы хоть иногда вдыхать его и надеяться, что приемная матушка о ней помнит и любит ее по-прежнему, несмотря на все совершенные непутевой дочерью глупости.

– О, какой изысканный вкус! – искренне восхитился фраганец, блеснув черными яркими глазами. – У нас есть и то, и другое, а если

мадам пожелает что-либо, чего нет, мы сочтем величайшим удовольствием составить аромат лично для мадам!

– Цветущий каштан! – вырвалось у Айлин невольно, и она испуганно прикрыла рот ладонью.

Лицо приказчика отразило одновременно восхищение, растерянность, досаду...

– Такого аромата у нас прямо сейчас не имеется, – признал он. – Но месьор ди Милье... о, мадам, поверьте, он истинный художник и, несомненно, составит для вас духи... Не согласитесь ли вы обождать несколько минут? Месьор ди Милье непременно пожелает побеседовать с вами! Кстати, вот и шамьет!

Миленькая девица в голубом платье с белоснежным кружевным передником выскользнула с подносом из боковой двери и быстро накрыла столик чуть поодаль от прилавка. Кувшин, исходящий душистым паром, пирожные, белоснежный фарфор с тонкой цветочной росписью...

– Конечно, – растерянно согласилась Айлин и присела на диванчик возле угощения.

Пушок, все это время благовоспитанно сидевший у ее ног, тут же улегся на пол, уткнулся носом в лапы и засопел.

– Цветущий каштан, – повторила подруга, садясь рядом и глядя вслед скрывшемуся за другой неприметной дверкой приказчику. – Какой необычный выбор...

Айлин молча кивнула. В горле встал горячий колючий ком – до того голос Иоланды сейчас был похож на голос тетушки пять лет назад. Тетушка тогда сказала именно эти слова!

«Я не стану ими пользоваться, – молча поклялась Айлин. – Просто... буду иногда вдыхать, вот и все...»

Иоланда покосилась на нее и принялась преувеличенно громко и старательно щебетать о преимуществах запаха фраганских роз над итлийскими. Совершенно другой букет, верно? Шлейф гораздо нежнее, и даже в самый жаркий день уж точно не будешь пахнуть, словно целая клумба, это ведь так вульгаритэ...

– А может, взять лилии? – всерьез задумалась подруга. – Розы слишком модные, у нас в Академии каждая вторая ими пользуется! Еще бы объяснил им кто-нибудь, что не нужно поливать себя духами, словно пирожное – кремом!

И она с аппетитом принялась уплетать корзиночку из песочного теста, полную сваренных в сиропе ягод и взбитых сливок.

Айлин, рассеянно улыбаясь, пригубила шамьет и со вздохом поставила его обратно – слишком сладкий, а пряностей маловато. Как же ей хотелось того шамьета, что варил им в походе Лу! Может, попросить, когда они с Аластором в следующий раз приедут? Конечно, это будет не слишком учтиво... В гости приезжают не для того, чтобы работать на кухне. Но Лу точно не обидится, а супругу она объяснит, что очень хочется... Вот как в тот раз, когда ей просто до невозможности захотелось грибного супа. И не любого, а тоже именно того, который готовил Лучано. С итлийскими травами, запахом дыма от костра и привкусом копченого сыра... Она попыталась объяснить повару в особняке мужа, что именно хочет, и тот постарался, но... Это было совсем не то! Айлин, конечно, поблагодарила и съела целую тарелку, чтобы не расстраивать мужа, но отдала бы любой изысканный ужин в особняке Бастельеро за несколько глотков самого вкусного на свете бульона, сваренного в котелке над углями...

– Мадам, демуазель...

Высокий худощавый фраганец, появившийся в комнате, согнулся в любезном поклоне. Айлин с Иоландой чинно кивнули, и Иоланда, вмиг позабыв про пирожное, с восторгом отозвалась:

– Месьор ди Милье! Как я рада вас видеть!

– Прекрасная демуазель Иоланда... – Фраганец приложил руку к сердцу и с любопытством посмотрел на Айлин, а затем скользнул взглядом к Пушку, настороженно вскинувшему уши и приоткрывшему один глаз. – Могу ли я просить о чести быть представленным вашей спутнице?

Айлин с удивлением поняла, что мастер-парфюмер – дворянин. Родовое имя с фраганской приставкой, тонкая золотая цепь, небрежно накинутая поверх темного камзола – явно в спешке, осанка и манеры... Но на длинных худощавых пальцах ни одного перстня. Значит, не маг и вообще младшая ветвь.

– Айлин, это месьор ди Милье! – Иоланда указала на фраганца умильно-восторженным взглядом. – Великий мастер тонкого искусства парфюмерии!

Ди Милье снова поклонился, и Айлин едва сдержала улыбку. Больше всего фраганец напоминал оживший циркуль – высокий,

тощий, длинноногий и длиннорукий, он казался бы нелепым и смешным, если бы не тонкое лицо с внимательным взглядом умных черных глаз. А еще у месьора ди Милье был просто роскошный нос! Крупный, длинный, тонкий, с прекрасно очерченными ноздрями, которые едва заметно подрагивали, словно месьор постоянно принюхивался ко всему, что его окружало.

– Вы слишком великодушны, демуазель, – улыбнулся фраганец. – Настоящий мастер – мой grandpapa... дедушка! А я его скромный ученик. Но, не боюсь показаться хвастуном, имя ди Милье весьма известно в нашем благородном ремесле!

– Месьор, – церемонно продолжила Иоланда, – моя подруга и соученица – Айлин. Леди Бастельеро, – добавила она, и глаза фраганца на миг расширились.

Он взглянул иначе – остро, пронзительно – и поклонился опять с величайшей почтительностью.

– Мадам, это большая честь, что вы посетили нас. Чем я могу служить прекрасной защитнице нашего мира?

Айлин окончательно смутилась. Конечно, в Дорвенанте про их поход разве что бродячие собаки не знают, но Фрагана... Она не думала, что там следят за новостями настолько, чтобы знать ее имя! А ведь если поразмыслить, то Озерный край как раз на границе, которую демоны вряд ли соблюдали. Значит, фраганцам тоже досталось...

– Мне сказали, вы можете сделать мои любимые духи! – поспешно отозвалась она, чтобы замять неловкую тему. – Цветущий фраганский каштан! Я знаю, что их делают только на заказ и небыстро, но...

– О да, мадам! – Черные, как лужицы расплавленной смолы, глаза фраганца торжествующе блеснули. – Фраганский каштан! Прихотливейший и капризный аромат! Очень требовательный! И к сырью, и к искусству мастера. Крошечная небрежность – и запах неисправимо испортится, утратив свою прелесть. А как он придирчив к той, что будет его носить... Мадам позволит ее руку?

Удивленная Айлин подала руку, и фраганец, резким движением склонившись, обнюхал ее, словно собака. Крылья его носа так и затрепетали, раздуваясь, а кончик почти коснулся запястья.

– Великолепно! – выпрямившись, сообщил парфюмер. – Такая чистая свежесть... Вы совершенно правы, мадам, именно каштан!

Тонкий, пряный, горячий... Мой помощник сказал, что вы заказали еще и вереск? О да, гр-р-рандиозо-о-о... – Он едва не замурлыкал огромным длиннопалым котом, вмиг напомнив Айлин Лучано. – Я сделаю вам аромат, и на вашей коже он будет прекрасен!

Он хлопнул в ладони, и приказчик, вынырнув откуда-то, почтительно поставил на столик три флакона темного стекла.

– Арлезийская золотая и белая фраганская роза для демуазель, – пояснил он. – Вереск для мадам.

Иоланда, схватив свои флаконы, откупорила их разом и втянула воздух сначала над одним, потом над вторым.

– Прелесть какая, – выдохнула она, закрыв глаза от восхищения. – Месьор ди Милье, вы волшебник! А может... Может, еще фрезии? Как вы считаете?!

– Только не для вас, демуазель, – покачал головой парфюмер. – Это слишком яркий запах, он не подойдет вашей нежной красоте и юности. Лет через двадцать – возможно... Да и то... Нет, определенно, это не для вас. Готье, фиалку!

Приказчик испарился и через несколько мгновений вернулся с очередным флаконом. Иоланда осторожно понюхала его и разулыбалась, словно кошка, слопавшая канарейку.

– То, что нужно! – признала она радостно. – Я возьму это и... розы. Оба флакона!

– Прекрасный выбор, демуазель, – чуть склонил голову месьор ди Милье. – А вы, мадам...

Он ловким движением откупорил флакончик и поставил его перед Айлин. Нежный аромат коснулся ее обоняния, и от воспоминаний защипало в глазах и носу. Нежность, ласка, забота... Тихий уютный островок посреди кошмара... Айлин прикрыла глаза и несколько мгновений просто дышала этим родным запахом, а потом нащупала у себя на поясе небольшую сумочку и, не глядя, достала из нее платок. Тонкий кусочек полотна, расшитого веточками вереска... Единственную память о встрече, которой просто не могло случиться – и все-таки она была.

Она открыла глаза и взяла флакон. Прижала платок к его горлышку и осторожно смочила ткань парой капель бесцветной жидкости. Поднесла к лицу, вдохнула... И напряжение, которое

владело ею последние дни, не исчезло, но будто отступило ненадолго, а сил – прибавилось.

– Платок – прекрасное решение, – согласился наблюдающий за ней парфюмер. – Но осмелюсь порекомендовать вам особый миниатюрный флакон...

– Я возьму три, – благодарно улыбнулась Айлин. – Один – себе, и еще два в подарок. Иоланда, какой ты хочешь?

Неприлично, но восторженно взвизгнув, Иоланда кинулась выбирать и через несколько минут мучительных сомнений вернулась именно с тем флаконом-стрекозой, который Айлин для нее присмотрела.

– А вереск тебе подарю я! – заявила подруга. – Любезный Готье, соберите наши покупки! Их мы заберем сейчас, а твой каштан...

– Каштан будет готов через две недели, – подсказал месьор ди Милье. – Увы, не раньше.

– Я знаю, – вздохнула Айлин. – Мне рассказывали...

И прикусила язык, потому что застарелая боль опять уколола сердце. Может, не стоит себя мучить, напоминая о потерянном счастье?

«Но это всего лишь запах... – умоляюще сказала Айлин самой себе. – Это же ничего не значит, правда? Он сам уже наверняка забыл, что дарил эти духи маленькой девочке пять лет назад, и потом, никто не узнает... Правда ведь?»

Услужливый Готье ловко упаковал бутылочку с вереском и два флакона, перламутровую ракушку для тетушки и хрустальное с позолотой яблоко для нее самой. Второй сверток, побольше, с поклоном вручил Иоланде.

– Прикажете прислать счет в особняк Бастельеро? – осведомился он у Айлин.

– Да, – кивнула она и тут же, снова поддавшись порыву, добавила: – А счет за каштан отправьте моему поверенному в торговый дом Арментрот. Вместе с заказом.

Приказчик понимающе кивнул. Айлин же испытала мгновенный мучительный стыд пополам с упрямством. Конечно, супруг ей не откажет, скупи она хоть всю лавку, но заказывать за его счет духи, которые напомнят ей другого мужчину... Это не просто бесстыдство, а откровенная подлость!

«Я не должна была вообще это делать, – подумала она отчаянно, садясь в экипаж Иоланды. – Я же решила быть ему хорошей женой... Но не могу, просто не могу отказаться, пусть даже это растравит и так не зажившую рану. Лорду Бастельеро просто не нужно знать об этом, я ведь не стану менее послушной...»

«Менее? – беспощадно возразила она сама себе. – Я обманываю мужа! Встречаюсь без его позволения с другими мужчинами... Конечно, это всего лишь Дарра и Саймон! Лорд Бастельеро и так не отказывает мне во встречах с ними, однако... Именно эта встреча ему точно не понравилась бы! Но я ведь не виновата, что он так ненавидит призраков? Если бы только я была уверена, что он выслушает Морстена... и поможет ему, не развеяв... если бы могла забыть, как он поступил с мэтром Лоу, и доверить ему чужую тайну... Но я не могу! А то, о чем лорд Бастельеро не знает, его и не расстроит, правда же? Я ведь слушаюсь его во всем остальном... И эти духи... У меня так мало своего в этом огромном, холодном, мрачном особняке... Это не измена, просто воспоминание о времени, когда я была счастлива».

– В сады! – услышала она голос Иоланды, и кучер мягко тронул карету.

До боли прикусив изнутри губу, Айлин глядела в окно, узнавая места, которые видела только ночью. Роскошный парк с клумбами, цветочными арками, дорожками... Нет-нет, только не думать! Сегодня у нее здесь дело! Неприятное, печальное дело! С которым следует закончить как можно быстрее!

Почувствовав ее настроение, Иоланда притихла, не мешая Айлин смотреть в окно, а когда экипаж остановился у маленькой нарядной кондитерской, и кучер распахнул дверцу, вышла первой и заботливо подала руку.

– Выпьем по чашке шамьета и поедem домой! – провозгласила она, открывая дверь. – О, какая неожиданная встреча!

– Миледи!

Дарра, встав из-за столика у окна, поклонился, и Саймон, вскочив с набитыми щеками, последовал его примеру. Торопливо проглотил все, просиял, заулыбался и на всю кондитерскую провозгласил:

– Айлин, Иоланда! И правда, какая встреча! Прошу к нам за столик! Эй, хозяин, еще шамьета и что пожелают леди!

Айлин только вздохнула про себя. Кондитерская была почти пуста, только у противоположной стены пили шамьет две женщины, одна – нарядная и молодая, вторая – в возрасте, одетая в траурное темное платье и бдительно глядящая по сторонам. На Айлин с Иоландой она тоже посмотрела настороженно, но, убедившись, что вошли достойные дамы, успокоилась. Компаньонка, наверное, кто еще будет настолько пристально следить за приличиями?

– Саймон, займи госпожу Донован беседой, – спокойно попросил Дарра и бросил на Иоланду почти просительный взгляд. – Прошу прощения, сударыня...

– О, не беспокойтесь, милорд Аранвен, – усмехнулась Иоланда. – Я как раз хотела узнать, где подают лучшие пирожные в Дорвенне, а моя бывшая соседка в этом совершенно не разбирается, в отличие от милорда Эддерли! Кстати, лорд Эддерли, не присесть ли нам за соседний столик? Здесь немного тесно, он ведь рассчитан на двоих!

Саймон, кивнув, подал Иоланде руку, и подруга чинно проследовала на середину зала, сев так удачно, что почти закрыла Айлин от любопытных взглядов, которые бросали на их компанию соседки. Зная Иоланду, можно было поклясться, что она сделала это нарочно. А еще, что они с Саймоном сейчас отдадут должное всему, что может предложить заведение. Вот уже и хозяин, пожилой дородный итлиец, спешит из кухни...

Айлин невольно улыбнулась. Как же ей повезло с друзьями! Дарра улыбнулся в ответ – как он делал это обычно, одними уголками губ и потеплевшими глазами, – и негромко спросил:

– Итак, милая Айлин? Чем я могу вам помочь? Ведь я не ошибся, вам нужна помощь?

– Нужна, – так же тихо согласилась Айлин, стараясь держаться как можно беззаботнее на случай, если кто-нибудь посмотрит в их сторону. – Правда, не совсем мне... но это неважно. Дарра, ты помнишь Шона Морстена?

Воздух рядом со столиком заколебался, и призрак возник рядом, как они и договорились при прошлой встрече. С опаской покосился на Пушка, сидящего у ног Айлин, а потом умоляюще сложил перед собой руки. Он был все в той же обтрепанной одежде и выглядел совсем живым, но Айлин почувствовала холод и легкий запах сырости, словно от прелых листьев, не столько неприятный, сколько тревожный. Пушок

немного склонил голову, приглядываясь к призраку, но Айлин уронила ему на загривок ладонь, и пес понял, что его защита не требуется.

– Вы мне поможете, миледи? – просительно проговорил юноша, в глазах которого светились такие надежда и отчаяние, словно он был не бесплотной душой, а самым обычным человеком.

И вот этого несчастного паренька, который годами скитался по Дорвенне в поисках некроманта, способного его услышать, лорд Бастельеро собирался безжалостно развеять?! Даже не узнав, что Кайлу нужно?! Конечно, если бы Айлин попросила, то, возможно... А вдруг нет?!

– Пожалуйста, миледи! – умоляюще добавил Кайл и с испугом покосился теперь уже на Дарру, такого величественного, что рядом с ним юный оборвыш выглядел совершенно жалко. – Скажите ему... скажите, что Шон очень плохой! Он убивает людей за деньги!

– Шон Морстен? Милая Айлин, позвольте спросить, почему вы вспомнили это имя?

– Потому что я... Я вижу призраков, – тихо выдохнула Айлин, немного подавшись к Дарре. – Я не знаю, как это получается, – поспешно добавила она, заметив, как друг с недоумением посмотрел на ее запястья. – Браслеты блокируют магию, лорд Эддерли лично их проверил, но я все равно вижу призраков, это единственное, что осталось от моей силы. И... лорд Эддерли сказал, чтобы я никому не говорила, но...

Она запнулась, понимая, что только что нарушила это строжайшее распоряжение. Приказ наставника, магистра гильдии и человека, которого она бесконечно уважала.

– Он совершенно прав, – несколько мгновений помолчав, негромко ответил Дарра, спокойно глядя ей в глаза. – Милая Айлин, в вашем положении крайне неосторожно рассказывать об этом. Я горд вашим доверием, но присоединяюсь к просьбе лорда Эддерли, пусть о вашем особом таланте больше никто не узнает. Кстати, а лорд Бастельеро...

– Я ему не говорила, – виновато отозвалась Айлин. – Он...

– Я понимаю, – ласково сказал Дарра, и по его губам скользнула быстрая улыбка, словно... эти слова его очень порадовали. – Лорд Бастельеро известен своим... особым отношением к тем, кто

переступил черту между жизнью и смертью. Простите, вы начали говорить о Морстене? О погибшем пять лет назад Шоне Морстене?

– Не погибшем! – едва сдерживаясь, чтобы не закричать, выпалила Айлин. – В том-то и дело! Шон Морстен был уверен, что его убьют, и выдал за себя своего брата, профана, который не учился в Академии! А потом сбежал!

Брови Дарры слегка приподнялись, выдавая нешуточное изумление, и Айлин торопливо принялась рассказывать то, что узнала от Кайла. Как пять лет назад Шон, тогда еще юноша пятнадцати лет, вернулся из Академии на зимние вакации мрачным и чем-то озабоченным. Как узнал, что Кайл, все это время живший в трущобах, влюбился в милую девушку-соседку, и как предложил ее разыграть – надеть его, Шона, форменную мантию и, прикинувшись собственным братом-магом, выяснить, как девица к нему относится. Как Шон, переодевшись, ушел из дома, а в комнатуху, которую они снимали, ворвались какие-то страшные люди и сотворили то, о чем Кайл говорил с ужасом и дрожью...

Как появились другие люди, тоже страшные, но один из них позвал Шона Морстена, думая, что тело принадлежит ему. И как хотелось Кайлу ответить на этот призыв, рассказав правду, но звали Шона, не его, и бедняга не смог откликнуться. А больше никто не пытался его призвать, потому что никому во всем мире не было дела до мальчишки-профана, нищего сироты, якобы исчезнувшего после смерти брата.

И Кайл, упрямо отказавшийся уйти в Сады, бродил по Дорвенне призраком, иногда навещая брата. За все эти годы Шону то ли не пришло в голову, что его невинная жертва может остаться в этом мире, то ли он был уверен в собственной безнаказанности, но жил мерзавец преспокойно, зарабатывая всякими темными делами...

– Брат-близнец, – задумчиво повторил Дарра, выслушав ее рассказ, оказавшийся удивительно коротким. – Желаящий отомстить за свою смерть... Что ж, весьма понятное желание. И я готов оказать ему эту услугу. Не удивляйтесь, милая Айлин, но этот юноша не единственная жертва Шона Морстена. Примерно за неделю до своей мнимой гибели Морстен привел в руки убийц еще одного человека. Возможно, вы помните Кирка Донелли?

«Кирк Донелли? Ах да, тихий мальчик с третьего курса, тоже простолудин, как и Морстен, – и тоже пропавший из Академии, причем самым первым!» – вспомнила Айлин и вздрогнула. То, о чем с таким спокойствием говорил Дарра, было совершенно чудовищным. Отдать убийцам родного брата, а перед тем – еще и брата по гильдии, тоже некроманта! Да за такое... за такое выжигают искру и лишают перстня! А иногда даже казнят...

– Кирка Донелли тоже принесли в жертву Барготу, – невозмутимо продолжил Дарра. – За все это Шон Морстен более чем заслуживает смерти по любым законам, как божественным, так и человеческим. Да, я помогу этому юноше, если он подскажет, где искать его брата.

– Я постараюсь! – выпалил призрак так поспешно, словно боялся, что Дарра передумает. – Там... там все говорят не по-нашему! И одеваются тоже!

– Морстен сбежал в другую страну, – обреченно перевела Айлин, подумав, что это и так было понятно. Убив собрата-мага, хоть и адепта, оставаться в Дорвенанте было бы ужасно глупо! – Но, кажется, Кайл не знает, в какую именно.

– Хм... – Глаза Дарры остро блеснули – как обычно, когда ему случалось чем-то заинтересоваться. – А как в этой стране обращаются друг к другу знатные господа?

Призрак закивал так, что Айлин на мгновение испугалась – не потеряет ли он голову.

– Да-да, слышал! Мысь... Мысьёры, вот как!

– Он во Фрагане! – выдохнула Айлин, восхищенно взглянув на Дарру.

Все-таки он самый умный из всех ее друзей!

По губам Дарры скользнула легкая удовлетворенная улыбка.

– Что ж, это несколько облегчит поиски. Однако ненамного... Милая Айлин, возможно, сударь Кайл вспомнит какую-либо особенность места, где живет его брат? Чем необычнее, тем лучше...

– Милорд прямо как в воду смотрит! – восторженно выкрикнул призрак. – Есть, еще как есть необычное! У Шона на доме – девки! – Он перевел взгляд на Айлин и залился краской, с трудом выдавив: – Голые... Каменные девки, миледи, вы не думайте...

– Стены дома украшены статуями обнаженных девушек, – тихо повторила Айлин, тоже почувствовав, что краснеет.

Хотя ведь краснеть совершенно не с чего! Искусство неприличным не бывает!

Дарра едва заметно поморщился.

– Это означает лишь то, что Морстен живет в приличном квартале. Статуи характерны для фраганской архитектуры последних двух столетий... Что-то еще?

Призрак виновато понурился и помотал головой.

– Река там течет прямо по городу, – безнадежно пробормотал он. – Площадь еще есть. Большая. И тоже с девкой, белой и каменной! Она из змеюки торчит, значит. Змеюка тоже каменная, только черная. Кольцами. А из колец – девка. Но раз милорд говорит, что девки – дело обычное...

– В этом городе есть площадь со статуей – мраморная девушка в кольцах черной змеи... – начала Айлин и осеклась, увидев, как вспыхнули глаза Дарры.

– Фонтан Прекрасной Флоры работы мастера дель Арбицци! Дворцовая площадь Люрьезы... Мерзавец неплохо устроился! Но это его и подведет. В таких местах каждый человек на виду.

Дарра хищно улыбнулся, а потом свел перед собой кончики длинных холеных пальцев – признак наивысшего довольства собой, которое Айлин у него замечала.

– Ты pomoжешь? – спросила она умоляюще. – Кайл не обретет покой, пока этот негодяй не получит воздаяние. И вообще... Мы даже не знаем, сколько людей он успел погубить просто ради заработка! Нельзя же так это оставить...

– Разумеется, я помогу, – отозвался Дарра со спокойной уверенностью, снова опуская ладони на белоснежную скатерть перед собой, и Айлин, в порыве благодарности позабыв о приличиях, протянула руку через столик и накрыла его ладонь своей.

Совсем как раньше, когда они были почти братом и сестрой! Когда адептка Айлин могла, не боясь осуждения, позволить себе такую вольность со своим другом-адептом! Когда все было иначе – чисто, открыто, искренне...

Темно-серые глаза Дарры просияли в ответ так, словно он творил заклинание высшего порядка. Или вдруг стал совершенно счастлив... Смутившись, Айлин отдернула руку, молча выругав себя за неосторожность. Со стороны это выглядит... как свидание, вот! Не

хватало еще, чтобы кто-то увидел! Она больше не имеет права вести себя, как безрассудная девчонка!

– Разумеется, я все сделаю, – тихо сказал Дарра, не отрывая от нее взгляда. – Вам не о чем беспокоиться, милая Айлин. И этому юноше – тоже. Полагаю, он сейчас присутствует здесь и слышит нас?

Он проследил за взглядом Айлин, которая невольно покосилась на Морстена, посмотрел на Пушка, повернувшего туда же морду, и на миг понимающе прикрыл глаза.

– Но как? – растерянно спросила Айлин. – Если даже вы его найдете...

– О, пусть вас не тревожат эти мелочи, – безразлично отозвался Дарра, возвращаясь к привычно спокойному тону, и только в его глазах горело темное пламя, непривычное и способное испугать Айлин, если бы это был другой человек. – У службы, которой руководит мой отец, немало возможностей, и я могу воспользоваться ими, не отчитываясь никому, кроме него. А он, я уверен, всецело одобрит торжество правосудия и справедливости. Правильно ли я понимаю, что больше никто не знает?..

– Никто, – покачала головой Айлин. – Я рассказала только тебе...

– Прекрасно, – сказал Дарра, продолжая смотреть на нее лихорадочно горящими глазами, что странно сочетались с его бесстрастным тоном. – Однако мы не убийцы. Шона Морстена ждет суд, и если вы, милая Айлин, согласитесь быть голосом его жертвы... К несчастью, никто из нас не сможет его призвать. Юношу наверняка похоронили в общей могиле для бедных, и найти его останки невозможно, то же касается телесных частиц или личных вещей, а единственный родственник... ну, вы понимаете. Поверьте, если бы я мог, то с радостью избавил бы вас от этого... неприятного дела...

– Нет! – вскрикнула Айлин. – Я... Я должна! Пожалуйста, Дарра! Это и мое дело тоже! Ведь я... Я все еще одна из вас, правда?! Одна из Воронов?! Воронов...

Она осеклась, не в силах выговорить имя мужа, которое столько лет так легко слетало с ее губ, стоило заговорить о Воронах Бастельеро. Она говорила это с гордостью! А теперь... Слишком много всего случилось, что навсегда изменило ее отношение к лорду Бастельеро. Она по-прежнему уважала его! Как прекрасного наставника, как спасителя Дорвенанта, как протектора, заслонившего

Дорвенну от демонов... Но любить больше не могла. Какая странная и жестокая усмешка судьбы, что это случилось как раз теперь, когда ее глупая девичья мечта исполнилась, и Грегор Бастельеро оказался у ее ног, влюбленный и преданный. О, как же верно говорят, что нужно бояться своих желаний, ведь боги любят пошутить, исполняя их!

– Вы всегда будете одной из Воронов, милая Айлин.

Улыбка тронула губы Дарры, и Айлин отстраненно заметила, что имя бывшего наставника он тоже не произнес. А в следующий момент Дарра поднялся и поклонился ей, уронив:

– Прошу прощения, миледи, мы вынуждены вас покинуть. Хозяин, счет!

Айлин покосилась на призрак Морстена, который серьезно кивнул ей и снова растворился где-то в пространстве. Тоже встала, сделала реверанс и протянула Дарре руку, которую он с изящной учтивостью поцеловал на прощание.

– Я так и не поздравила тебя с успешным выпуском, – сказала она растерянно. – Тебя и Саймона... Я знаю, что случилось... Наверное, он очень расстроился?

– Неожиданным окончанием Академии? – Дарра опять улыбнулся одними глазами. – Да, это было весьма забавно. Лорд Эддерли совершенно неумолим к его просьбам и утверждает, что двух Эддерли Академия больше не выдержит, а поскольку он пока не собирается оставлять пост главы гильдии, выходка Саймона с экзаменом пришлась весьма кстати.

– Эй, я все слышу! – возмущенно отозвался Саймон, и Айлин тихонько хихикнула.

Что ж, хоть в этом ничего не меняется. Саймон устраивает шалости, Дарра снисходительно комментирует последствия... Как жаль, что им больше не придется проказничать втроем, но... ведь это было неизбежно, правда? Дети вырастают! И все равно они трое останутся друзьями, что бы ни случилось! Саймон и Дарра ей почти как братья, и ничто этого не изменит.

Глава 8

Дела дней прошедших и настоящих

Всю неделю после того злополучного вечера, о котором придворные шептались по углам, с Альсом творилось неладное. Нет, внешне он был совершенно спокоен! Но как Лучано ни пытался вывести его на откровенность, монсиньор отмалчивался и переводил разговор на дела служебные. При этом о приезде Ларци Альс ни слова больше не сказал, словно присутствие во дворце грандмастера Шипов – дело совершенно естественное. «Батюшку» лорда Фарелла со всей учтивостью устроили аж в королевском крыле, так что Лучано без помех мог навещать его в любое время, а канцлер был так любезен, что выделил гостю сопровождение.

Лучано даже занервничал, как мастер отнесется к такой неприкрытой слежке, но Ларци лишь посмеялся и велел передать грандсиньору канцлеру благодарность за честь, оказанную скромному зельевару. «Честь?» – растерянно уточнил Лучано. «Разумеется, честь, идиотто, – ласково и совсем не обидно хмыкнул мастер. – Грандсиньор прекрасно понимает, что работать на его территории я не стану – не по чину, знаешь ли. Но уважение к моим талантам выказывает... Очень достойный человек! Не упускай момента, мальчик мой, учись у него, чему только можно, раз уж судьба сделала тебе такой роскошный подарок!»

После этой короткой беседы мастер с откровенным удовольствием принялся отдыхать от дел. Вместе с Лучано съездил в особняк, одобрительно поцокал языком, глядя на переделки, сокрушенно повздыхал над садом и дал несколько бесценных советов по устройству новой службы. Затем навестил королевскую библиотеку, с интересом полистал трактаты по медицине и алхимии и небрежно вручил ученику список того, что стоит почитать. На языке мастера это слово означало «выучить так, чтобы в любое время дня и ночи цитировать на память с любого же места и уметь применять на практике».

Лучано осмелев, поинтересовался, значит ли это, что он остается в Дорвенне? Потому что времени его оплаченной службы явно мало

для изучения примерно трех десятков объемных трудов. Мастер лишь пожал плечами и благодушно заверил, что при необходимости раздобудет для «идиотто мио» любой из этих трактатов и дома. Посмотрел на помрачневшего Лучано и язвительно высказался про умение некоторых юнцов, возомнивших себя великими мастерами, держать лицо.

В промежутке между этими важнейшими занятиями мастер осмотрел Дорвенну и королевский дворец, потискал заглянувшего к нему с визитом вежливости Флориморда и провел пару приятнейших вечеров с сударем Джастином и синьорой Катриной, в высшей степени уместно рассказав им про детские шалости своего дорогого Фортунато. И камердинер, и кухарка остались в восторге от его обходительности, в свою очередь расхвалили манеры и учтивость лорда Фарелла, а попутно выболтали столько дворцовых тайн, что у Лучано в глазах потемнело, когда он представил, что скажет канцлер. Между прочим, кое-чего из этого он и сам не знал!

– Славные люди, – немного утомленно уронил мастер, когда Лучано варил ему перед сном шамьет с капелькой успокоительного – с возрастом Ларци Смерть-с-улыбкой стал немного хуже спать. – Добрые, честные, преданные. Впрочем, твоего короля и вправду любят многие. Но не все...

Посмотрел на мигом насторожившегося Лучано и хмыкнул:

– Нет, ничего определенного. Просто некоторые идиотто болтают, что мужчине в самом соку следовало взять жену помоложе, чтобы нарожала пяток детей. А женское время королевы на исходе, хорошо, если успеет родить наследника, но плохо, что вряд ли двоих-троих.

– У прошлого короля было трое, – хмуро возразил Лучано. – И что, помогло ему это? Кстати, не припоминаю, чтобы кто-то хвалил законных принцев. Особо дурного про них тоже не говорят, но один не вылезал из-под любой доступной юбки, второй был упрямее норовистого бычка и ума примерно такого же.

– А еще им прочили девиц из Пьячченца, – снова очень небрежно уронил мастер. – Не думаю, что Риккарди бы это понравилось. Но блистательная Беатрис, как я понял, имела очень мало влияния на первого мужа?

– Меньше, чем мало, – подтвердил Лучано, едва не забыв добавить в шамьет порошок лазурника сонного – разговор становился

все любопытнее. – Я бы сказал, что назови ее величество снег белым, его покойное величество немедленно объявил бы его черным.

Ларци задумчиво кивнул. Немного помолчал и так же негромко и рассеянно сказал:

– Грандсиньор канцлер мне представляется умным человеком, терпеливым и осторожным. Человеком, который много лет ухитрялся вычерпывать воду из дырявого корабля своей страны. Нелегкое дело, когда капитан вечно пьян и спесив, а остальная команда тянет снасти всяк в свою сторону. Канцлер же не только держал Дорвенант на плаву, но и не давал совсем уж загнать его ни на мель, ни на скалы. Возможно ли, чтобы он одобрил брак наследника с принцессой Пьячченца, пока королева из рода Риккарди еще жива? Да и вообще – одобрил Пьячченца?

Перед ответом Лучано очень хорошо подумал, а затем качнул головой.

– Вряд ли, – откровенно сказал он. – Переговоры действительно велись. Во всяком случае, во дворце имелся портрет юной Лоренцы, который показывали королю. Но канцлер был откровенно рад браку короля с Беатрис. Старые надежные партнеры, да и характер королевы уже известен... Нет, грандсиньор канцлер вряд ли стоял за Пьячченца. Я бы скорее поставил на то, что это была изумительная идея покойного короля. Он решил, что если у него две руки, то можно разом доить пару коров, получив и вдвое больше молока. Ну а то, что Пьячченца и Риккарди в принципе не могли ужиться в одном дворце... Так это была не единственная глупость, которую сотворил его величество Малкольм.

Мастер согласно кивнул и вздохнул:

– Как вовремя он погиб в таком случае. Драки Пьячченца с Риккарди Дорвенант мог и не пережить. Гнилое полотно потяни – и оно разлезется на две части! А прогнать из страны обоих – для этого нужно сил и ума побольше, чем нашлось бы у пьяницы. Как же вовремя...

– Вы думаете, мастер?... – медленно начал Лучано.

– Я? – Ларци поднял брови в притворном удивлении. – Да-да, мальчик мой, иногда я думаю и тебе от души это советую. Очень полезное занятие. Опасное, правда, но увлекательное.

Он хмыкнул и перевел разговор на другое. Лучано же не очень понял, к чему все это было сказано, ведь король Малкольм давно мертв, и для Пьячченца дорога в Дорвенант закрыта, но мастер Ларци никогда не тратил время на пустую болтовню, потому и эти его слова Лучано отложил в памяти на полку с пометкой «очень важно!» Но все-таки куда больше прошлых забот его беспокоил Аластор.

Друг и монсиньор вознамерился, кажется, стать самым нежным и заботливым в мире супругом. Намерение похвальное, а вот средства Альс выбрал не самые удачные. Для начала он отменил тренировки с месьором д'Альбрэ и ярлом Ольваром. Следом из привычного распорядка исчезли шамьет в обществе канцлера, и без того недолгие конные прогулки по Дорвенне, занятия верховой ездой с принцессами, не говоря уж о возне с Дани! Аластор со свойственной ему решительностью выбросил из жизни все, что не было совсем уж необходимым, оставив только бесконечные дела и встречи с женой. И королева наверняка поначалу радовалась этому, но дурой Беатрис Риккарди не была и вскоре увидела то, что сразу стало ясно Лучано – долго Аластор так не продержится.

Все эти вроде бы лишние пустяки, необязательные забавы и разговоры были для него слишком важны. Именно они давали Альсу силы нести тяжелейшую ношу, которую он на себя взвалил! Лучано пытался поговорить с ним и объяснить, что отказываться от немногих невинных радостей – очень плохая затея, но Альс упрямо отвергал даже мысль о передышке и метался между работой и Беатрис, которой тоже стало не в радость вынужденное внимание мужа. Внешне она, разумеется, выказывала всемерную радость, но к концу недели сама стала намекать, что не будет против, если супруг посетит фехтовальную площадку или съездит к родителям. Однако теперь уже отказывался Аластор, с истинно королевским упорством выискивая все новые возможности побыть с Беатрис.

И потому когда через неделю во дворце появился грандсиньор Роверстан и, посмотрев на короля, невозмутимо пригласил его на новоселье, Лучано готов был расцеловать разумника без всяких непристойных мыслей! Но Альс, у которого от бесконечной работы аж круги залегли под глазами, заколебался.

– Дункан, я вам очень благодарен за приглашение, – начал он. – Однако...

– Я уверен, ее величество с радостью отпустит вас на один вечер, – добродушно улыбнулся разумник. – Не правда ли?

И он склонился в поклоне перед королевой, которая только что вошла в гостиную мужа – по-домашнему, без доклада.

– О, дорогой, поезжай! – вспыхнула Беатрис, посмотрев на магистра едва ли не с благодарностью. – Право, ты уделяешь мне столько внимания в последние дни!

– А как же вы, моя дорогая? – растерялся Аластор, и Лучано стало его отчаянно жаль – он прямо увидел, как внутренние демоны рвут Альса на части. – Я собирался провести вечер с вами.

– Мне слегка нездоровится, – быстро ответила Беатрис. – Ничего страшного! Я приму ванну, потом почитаю... Поезжайте, ваше величество! Магистр, я буду бесконечно благодарна, если мой дорогой супруг отдохнет как следует.

И она снова милостиво поглядела на Роверстана, протянув ему руку для поцелуя. Почтительно коснувшись губами пальцев Беатрис, разумник выпрямился и уточнил:

– Лорд Фарелл, вас я также прошу о чести. Будет самый близкий круг. Только его величество, вы и наш общий друг месьор Жозеф.

– Месьор д'Альбрэ тоже? – просиял Аластор. – О, конечно, тогда я просто обязан... Только без церемоний, очень вас прошу! – добавил он умоляюще.

– Никаких церемоний, – серьезно согласился Роверстан, и угольно-черные глаза сверкнули загадочно. – Всего лишь маленькая вечеринка в арлезийском стиле! Вино из моего южного поместья, мясо на углях и кальян. Вы любите кальян, ваше величество?

– Никогда не пробовал, – признался Аластор, и лицо у него стало, как у деревенского мальчишки, которого пообещали взять на ярмарку, да еще и полный карман медяков насыпали.

Лучано едва не фыркнул, а потом незаметно взглянул на Беатрис. Вот уж кто умел держать лицо! И все-таки он уловил, как раздражение во взгляде королевы борется с облегчением. Да, Беатрис превосходно знала, что самая крепкая привязь – та, что вяжется из собственных решений, но она же зачастую вызывает гнев, который рождается из слишком тяжелых обязательств.

И все-таки разум и осторожность победили. Беатрис, очаровательно улыбнувшись на прощание, выплыла из гостиной,

магистр тоже откланялся, а Лучано задумался, что подарить на новоселье. Вряд ли грандсиньора порадует набор благовоний или ядов. Артефактная жаровня для варки шамьета? О, ее мастер наверняка завел у себя дома первым делом! Что-нибудь для сада? Для этого нужно время, как и для поисков редкой книги, да и глупо тягаться с библиотекой Ордена и дворца.

– Что ты подаришь, Альс? – спросил он, и друг преспокойно отозвался:

– Выезд, разумеется. Дарить верховую лошадь владельцу такого роскошного арлезийского скакуна попросту глупо. А вот хорошая слаженная четверка с удобным экипажем ни в одном хозяйстве лишними не будут.

Ну еще бы, это же Альс! Для него самое ценное – лошади! Впрочем, подарок и вправду дорогой и практичный.

– Только экипаж надо подобрать в арлезийском вкусе, – задумчиво добавил Аластор. – Там любят все черное... Жаль, Роверстан не пользуется своим гербом, но черный лак с бронзовыми накладками выглядит очень нарядно. А если пожелает, так и герб на дверцы добавить недолго. Хочешь, подарим от нас обоих?

– Благодарю, монсиньор, – улыбнулся Лу, вспомнивший кабинет разумника в Академии. – Но у меня, кажется, появилась другая мысль. Позвольте отлучиться?

Знакомый банкир просьбе ничуть не удивился. Напротив, кажется, был несколько польщен, что его считают способным на любое чудо. Даже добыть за несколько часов марину превосходной работы для истинного знатока. Цена? Ах, ну что вы! Пусть это будет небольшим подарком в знак дружбы между их торговым домом и синьором Фарелли. Ведь синьор так великодушен, что не забывает своих итлийских друзей... Нет-нет, никаких денег! Но если синьор будет так любезен, что намекнет – только намекнет! – о цели визита некоего мастера...

– Это исключительно частный визит, – невозмутимо сообщил Лучано, про себя потешаясь.

В самом деле, не может ведь он сказать, что мастер Ларци здесь на отдыхе! Гладит королевского кота, пробует блюда на королевской кухне и с упоением копается в королевской же библиотеке. Кто ему

поверит?! Всем известно, что грандмастера Шипов слишком страшные люди, чтобы заниматься такими пустяками.

– Да-да... – промямлил банкир и вытер платочком вдруг вспотевшую лысину. – Конечно, благородный синьор! Умоляю, не поймите меня неправильно! Дела всем известной гильдии меня никак не касаются! Но если грядут такие перемены, что сам мастер посетил Дорвенант... Знаете, у нас дела с Риккарди, и если...

– Насколько мне известно, – веско уронил Лучано, – визит мастера не касается Риккарди. Впрочем, как и других столь же важных личностей. Мастер просто навещает своего ученика.

И слегка улыбнулся.

– А-а-а... – протянул банкир, и его взгляд вспыхнул пониманием, а потом огромным облегчением. – Прошу, передайте мастеру мое глубочайшее почтение! Марина, говорите? – И он принялся яростно дергать шнурок вызова прислуги, торопливо пообещав: – Не извольте беспокоиться, благородный синьор! Доставят через пару-тройку часов! Нет-нет, что вы! Никаких денег, умоляю!

Разведя руками, Лучано все-таки пообещал оплатить расходы и покинул банк, а через три часа, когда он собирался, во дворец и правда привезли небольшую картину, тщательно упакованную в мягкую ткань. Сгорая от любопытства, Лучано развернул ее и восхищенно ахнул.

Нежнейший розово-палевый рассвет сиял над морем, озаряя каменистый берег, сонные волны с жемчужно-белыми шапками пены и стройный маяк, что высился на самом конце узкого мыса, далеко выдающегося в море. Казалось – протяни руку, и почувствуешь свежий ветер, а ноздри ощутят запах соли, йода и еще чего-то неуловимого, манящего... На миг Лучано почувствовал острую жалость – картину не хотелось отдавать! Но тут же пристыдил себя: человек, который спас их на том холме, заслуживает много большего! А подарок и вправду хорош, если его хочется оставить себе. Грандсиньор сможет оценить эту красоту, как мало кто другой. И непременно следует расплатиться с банкиром! Такая роскошь достойна королевского дворца! Где вообще можно было найти подобную прелесть за столько времени?

– О, какая знакомая вещица, – одобрительно сказал мастер, входя в комнату. – «Маяк на мысе Фольгау» кисти Джакомо Рольдиани.

Превосходная копия! – Присмотрелся и с удивлением добавил: – Хотя нет, кажется, не копия. Но я всегда полагал, что эта картина висит в галерее Джанталья.

– Ну, видимо, уже не висит, – пробормотал Лучано. – Вряд ли Джанталья теперь до нее есть дело. Мастер, простите, я оставлю вас сегодня вечером? Меня пригласили на вечеринку.

– Развлекайся, мальчик, – снисходительно позволил мастер Ларци. – Надеюсь, там будет интересное общество?

– Его величество, – бесстрастно перечислил Лучано, понимая, что именно этого от него и ждут. – Грандмастер гильдии разумников. Некий бретер, личный наставник короля. И... я.

– И вправду, общество самое изысканное, – медленно сказал Ларци, и его глаза понимающе блеснули. – Что ж, повеселись на славу. Давай-ка помогу завернуть картину, это ведь подарок?

* * *

К дому они подъехали часов в шесть пополудни, причем в том самом экипаже, который Альс решил подарить магистру. Карета, покрытая черным лаком, с блестящими бронзовыми накладками, как и хотел Альс, оказалась удивительно мягкой на ходу. Огонька и Донну вел в поводу лейтенант Минц, который в этот раз командовал королевским сопровождением, а где-то поблизости привычно скользила пара теней из ведомства канцлера. И все-таки Аластор, сбросив гнет постоянных требований этикета, на глазах воспрянул духом. Он даже оделся проще, чем обычно, в мягкий темно-синий камзол свободного покроя и такие же бриджи без обычных для придворного наряда пряжек, шнурков, строгих выточек и сложных складок. А Лучано только вздохнул про себя с сожалением о тех временах, когда Альс носил кожаную дорожную куртку и штаны, куда лучше подходившие к его бородке и северной прическе из пары заплетенных от висков кос.

Выйдя из остановившейся у ворот кареты, он с интересом окинул взглядом особняк магистра. Точнее, высокий каменный забор, за которым в глубине сада среди деревьев скорее угадывалась, чем виднелась черепичная крыша.

– Кому этот дом принадлежал раньше? – спросил он, помня, что их позвали на новоселье, и видя, что забор не выглядит недавно построенным.

Аластор, тоже покинув экипаж, с интересом оглядывал улочку с выщербленной, но чистой мостовой и тянущиеся с обеих сторон заборы старинных особняков.

– Магистру Морхальту, милорд! – отрапортовал лейтенант Минц. Помрачнел и добавил: – Тому самому...

– О! – отозвался Лучано, припомнив то, что узнал за эти месяцы. – Ну что ж, ему он уже точно без надобности. Хорошо, что дом попал в достойные руки... Грандсиньор!

Ворота распахнулись, и дюжий конюх с рожей арлезийского разбойника вскочил на козлы, указывая кучеру дорогу. Экипаж свернул куда-то вбок, зацокали, отдаляясь, копыта, а магистр, стоя у начала садовой дорожки, поклонился гостям.

– Милорд Роверстан! – улыбнулся ему Аластор. – Это был мой подарок, а вы даже не взглянули!

– О, какое упущение, – развел руками разумник. – Ну ничего, у меня еще будет время рассмотреть его не второпях. Вы ведь наверняка захотите посмотреть мои конюшни... милорд?

Глаза Аластора счастливо блеснули, и он кивнул, принимая обращение, а Лучано едва сдержал восхищенный вздох. Дункан Роверстан не зря говорил про арлезийскую вечеринку! Он даже одет был как арлезиец! Никакого камзола и бриджей, но и форменная белая мантия сегодня оказалась в опале. Вместо этого разумник красовался в свободных черных штанах длиной до щиколоток, белой рубашке и черном жилете с тонкой цветной вышивкой. На его мощной статной фигуре выглядело это так, что у Лучано пересохло во рту, и он поспешно отвел взгляд. Лучше на сад посмотреть – очень интересное зрелище! Главное, безопасное...

– О, а я дома так ходил! – радостно заявил Аластор. – Только без жилета. Это в Арлезе так носят?

– Совершенно верно, милорд, – улыбнулся Роверстан. – Это традиционный костюм и для дворян, и для простонародья, разница только в ткани и отделке. Еще положен кушак, но это уже будет слишком официально. Все-таки, у нас тут не свадьба, не похороны и даже не дуэль чести. Прошу в дом, милорды! Месьор Жозеф уже приехал.

– Мой подарок! – спохватился Лучано. – Он в карете!

– Я велю принести, – кивнул магистр и повел их по извилистой дорожке, уходящей вглубь сада.

Лучано беззастенчиво вертел головой по сторонам и тихо удивлялся, потому что сад оказался странным. Очень старые деревья чередовались с молодыми, недавно посаженными деревцами, и видно было, что первым много лет не уделяли должного внимания, а недавно подпилили, очистили от мха и омелы, замазали дупла, но все равно через несколько лет придется спилить их целиком, полностью заменив. То же самое и с кустами. Возле дорожки – недавно посаженные, ровно подстриженные, а чем дальше – тем больше диких зарослей, которые не потерпел бы ни один уважающий себя садовник.

– Вас удивляет разница в растениях? – глянув на него, проницательно заметил магистр. – Тому есть свои причины. Во-первых, я купил этот дом совсем недавно, и сад был ужасно запущенным. Садовник сделал, что мог, но потребуются еще не один год, чтобы привести в порядок все, а не только центральную дорожку. К тому же я собираюсь оставить окраины сада в их первозданном, диком, так сказать, состоянии.

– Почему? – удивился Лучано. – Если в саду оставить нетронутые островки, там вырастут сорняки и могут завестись змеи.

– О, к сорнякам я равнодушен, – махнул рукой магистр. – А змеи меня и подавно не пугают. Буду очень удивлен, если хоть одна появится.

И усмехнулся в усы так лукаво, что Лучано принялся немедленно умирать от любопытства. Почему? Может, грандсиньор держит охотничьих собак? Бывают такие, что специально натасканы на крыс и змей.

Дорожка тем временем вывела их к небольшому ручью, пересекающему сад. Пологие берега спускались к руслу, выложенному плоскими камушками, прозрачная вода блестела и журчала на мелких перекатах, и Лучано заметил в ней быстрые золотистые росчерки, мелькающие на глубине меньше колена. Дойдя до ручья, дорожка превратилась в мостик, легкий и такой же очаровательный на вид. Полированные поперечные доски настила, ажурные кованые перила, четыре толстых столбика с плоской вершиной, и на одном из них, левом ближнем... Лучано поморгал.

Статуэтка?! И притом изумительной работы! Черно-серый мех прямо как настоящий, каждая полоска и пятнышко выписаны с превосходной тщательностью... Что это, дерево? Крашеный с величайшей искусностью мрамор? Ну не чучело же! В саду чучело неминуемо испортится от первого же дождя, да и стыдно подозревать магистра в подобном... вульгаритэ. К тому же живых котов такого размера просто не бывает. Лучано сделал еще пару шагов и присмотрелся. Статуэтка огромного кота, украшающая столбик, идеально гармонировала с изогнутым мостиком и округлостью головы, и очертаниями тела... Сидящий кот словно смотрел на воду, где плавали рыбки... Прелесть! Шедевр!

Он сделал еще шаг, и тут статуэтка словно нехотя дернула ухом, повернула голову и глянула на него презрительно-злыми желтыми огнями глаз. Все-таки живой?! Да быть того не может!

В полном ошеломлении Лучано протянул руку... Огромный, черно-серый, пятнисто-полосатый котище предупреждающе оскалился и зашипел.

– Осторожнее, юноша, – хмыкнул магистр. – Мы с Доном Леоном соотечественники. Должно быть, вам известно, что арлезийцы не терпят фамильярности? Понимаю ваши нежные чувства и законный восторг, но поверьте, с моим котом вам повезет еще меньше, чем со мной.

– Туше! – признал Лучано, действительно с восторгом разглядывая кота размером с некрупную собаку. – Но... как? Дон Леон, говорите?! Откуда?! Разве такие вообще бывают?

– Это лесной кот, – чуть снисходительно объяснил магистр. – Точнее, помесь. Полагаю, мать Дона Леона была обычной домашней кошкой, просто очень крупной. А вот отец из благородного племени диких арлезийских котов, которые водятся в горах. Как Дон Леон попал ко мне, это долгая и весьма грустная история, но теперь вы понимаете, почему я не боюсь ни змей, ни крыс в саду?

– Еще бы, – восхищенно отозвался Лучано, все-таки не оставляя попыток подобраться к невероятному коту. – С таким-то стражем... А рыбок он не ловит?

– Еще как ловит, – кивнул магистр. – И птичек тоже. И вообще, Дон Леон считает законной добычей все, что не может поймать и съесть его самого. Домашнюю еду он презирает, разве что иногда

соглашается выпить немного молока, поэтому я кормлю его живыми цыплятами и кроликами. Просто выпускаю их в сад, а Дон Леон уже сам охотится по необходимости.

– Вот это котище! – с уважением признал Аластор и поклонился вышедшему к ним навстречу фраганцу. – Месьор д'Альбрэ, мое почтение! А вы это видели? – кивнул он на кота, который, не смущаясь всеобщим вниманием, задрал лапу и начал вылизываться. – Знаете, я начинаю завидовать! Арлезийский кот! Арлезийский жеребец! И оба такие... такие...

– Ну, ваше величество! – посмеиваясь, отозвался Роверстан. – Зато у вас имеется арлезийский советник! И, пожалуй, не меньшего размера. Хотя, поверьте мне как разумнику, размер не всегда главное.

Переглянувшись, они с Аластором хохотнули, а Лучано, подхватывая этот общий восхитительно шуточный тон, возразил:

– Знаете, грандсиньор, хорошо вам с его величеством рассуждать насчет размеров. Когда лично у вас они такие, как-то легче смириться, что не в росте и ширине плеч счастье!

Аластор снова польщенно заулыбался, а фраганец с ехидством откликнулся в свою очередь:

– Ну не знаю, милорд Фарелл. Мне лично рост никогда не мешал дотянуться куда угодно. Может, дело не только в нем?..

Лучано не ответил. Он уже почти подобрался к коту, азартно намереваясь его погладить, пока тот занят наведением чистоты. Но кот в последнее мгновение тугой пружиной развернулся, рванул когтистой лапой воздух прямо рядом с его рукой и, пока Лучано отшатнулся, черно-серой молнией соскочил со столбика. Длинным прыжком слетел на песчаный берег, так же быстро сунул лапу в воду. Миг – на когтях затрепыхалась рыбешка в два пальца длиной! Со снисходительным презрением глянув на людей, Дон Леон цапнул ее зубами и метнулся в кусты.

– Я же говорил, – укоризненно покачал головой магистр. – Могли так легко и не отделаться.

Лучано, восхищенно провожая кота взглядом, про себя согласился. Зверюга такого размера способна когтями горло распороть! Но каков красавец! Вот бы завести!

– Даже не думай, – вполголоса насмешливо предупредил его Аластор. – У тебя на лице все написано! Хватит нам енота! И

Флориморда!

– К тому же лесных котов дома не держат, – добавил разумник. – Дон Леон – редкое исключение из этого правила.

Продолжая разговаривать, они перешли мостик, прошли по саду, где Лучано мельком оценил изумительные золотые арлезийские розы, и вышли к особняку. Большой двухэтажный дом так же, как сад, нес следы недавнего капитального ремонта, но это его не портило. Напротив, старинная кладка массивных стен приятно сочеталась со свежей черепицей и краской на новых оконных рамах и дверях.

– За домом есть терраса, – сказал магистр. – Она выходит в ухоженную часть сада, но ее я покажу чуть позже. А пока не угодно ли проследовать в гостиную?

Он первым по праву хозяина поднялся на нарядное крыльцо с широкими перилами и ажурными столбиками работы явно того же мастера, который делал мостик. Словно по волшебству, дверь распахнулась, и вышколенный дворецкий, поклонившись, повел их через холл. Вслед за остальными Лучано прошел в просторную гостиную, обставленную тоже по-арлезийски. Низкие диваны у стен, столики с гнутыми ножками, на полу – великолепный ковер самых разных оттенков шамьета – от очень темных, до почти молочных, на стенах развешано оружие. Лучано заметил знакомые сабли, которые покинули кабинет в Академии... Кальян, книжная полка с потертой позолотой корешков... А вот в тот проем между окнами чудно впишется принесенная им марина, если хозяин пожелает!

Он заметил, что Альс тоже с восторгом разглядывает обстановку, и искренне порадовался: другу давно пора отвлечься!

– Как у вас уютно, – одобрительно заметил фраганец. – Хм, а вон те рапиры довольно старые, не так ли?

– Начало прошлого века, – подтвердил разумник. – Лезвие тогда делали шире и тяжелее. Ваш подарок, дорогой Жозеф, займет на этой стене достойное место, – кивнул он на небольшую, но тщательно подобранную коллекцию оружия, висящую над диваном.

Ага, значит, синьор бретер подарил рапиры? Или сабли? В любом случае, Лучано не отказался бы посмотреть на них поближе, но тут дверь распахнулась, и в комнату, держа перед собой поднос, уставленный какими-то лакомствами, скользнула смуглая черноволосая женщина, при виде которой Лучано замер от изумления.

Высокая – не как грандсиньора Немайн, но не ниже его самого! – она несла тяжелый поднос так, словно тот вовсе ничего не весил, и двигалась с плавной хищной грацией – в точности как кошка, что подкрадывается к зазевавшейся птичке. Одета женщина была самым странным образом – в рубаху из алого шелка, богато расшитую золотой канителью и мелкими стеклянными бусинами, золотыми и черными. Длинной рубаха была до середины лодыжек, без пояса, зато с широченными рукавами. При каждом шаге женщины подол рубахи колыхался, показывая черные нижние... штаны? Точно, штаны! Тоже широкие, но схваченные у щиколоток алыми же шелковыми ленточками.

Поразившись причудливому наряду, Лучано перевел взгляд на лицо женщины и в этот раз не сдержал восхищенного вздоха, таким неистовым огнем горели ее глаза – бездонные и темные, как ночь, огромные и кажущиеся еще больше от обводящей их черной краски. Интересно, что это? О, в Итлии дамы часто подкрашивают ресницы, а порой и брови, особенно если природа не озаботилась подарить им достаточно темноты, но краску для обведения глаз Лучано видел впервые!

«Она должна быть необыкновенно стойкой, – мелькнула у него поразительно неуместная сейчас мысль. – Ни одна женщина не нанесет на себя краску, которая может растечься в самый неподходящий момент! Стало быть, эта не растекается? Что угодно за рецепт!»

Кожа женщины была куда темнее, чем у грандсиньора Дункана – словно дягилевый мед, любимый мастером Ларци за исключительную душистость. Две длинные смоляные косы струились по плечам, и Лучано оценил ухоженный блеск волос.

Женщина скользнула ближе и тем же плавным движением опустилась на колени. При этом ни одно блюдо на подносе даже не вздрогнуло, и Лучано молча восхитился.

– Доброго дня, Амина, – невозмутимо сказал магистр в полном молчании. – Познакомься с моими гостями. Господа, это Амина, моя экономка.

Женщина подняла глаза, которые полыхнули возмущенным огнем. Чуть вскинула широкие густые брови, красиво изогнутые, но почти сросшиеся на переносице, и обиженно сказала:

— Зачем такое обидное слово? Амина — ваша рабыня, мой господин.

Глава 9

Особенности арлезийских вечеринок

– Рабыня? – растерянно повторил Альс, пока Лучано, чуть прикусив изнутри губу, чтобы не ляпнуть ничего лишнего, разглядывал красавицу. – Но в Дорвенанте нет рабства! Магистр?!

Он изумленно и возмущенно посмотрел на Роверстана, который лишь усмехнулся и пожал плечами.

– Поверьте, милорд, я пытался ей это объяснить, – весело сказал разумник, пока экономка, бросая на них любопытные взгляды из-под роскошных ресниц, накрывала на стол. – И даже дать свободу. Но...

Он развел руками. Лучано про себя тоже усмехнулся. Какая женщина по доброй воле уйдет от такого господина? Уж на кого-кого, а на забитую бесправную рабыню Амина точно не похожа. Экономка?! Да на ней золота больше, чем наберется у иной дворянской семьи! И до чего хороша... Как бы все-таки узнать у нее рецепт этой краски? Или адрес торговца – с ним бы он точно договорился.

Тем временем Амина грациозно поднялась с пустым подносом и что-то спросила у магистра на совершенно незнакомом Лучано языке, гортанном, тягучем, с раскатистыми рычащими звуками. На миг задумавшись, разумник ответил легким кивком, и женщина просияв улыбкой, торопливо выскочила за дверь.

– Она спросила, можно ли ей танцевать перед гостями, – так же добродушно усмехаясь, перевел Роверстан. – Надеюсь, вы не против, милорды? Поверьте, мауритские танцы стоит посмотреть, и Амина в них очень искусна.

Мауритка! Так вот почему она такая... странная! Лучано только слышал об этом загадочном народе, живущем в Арлезийской пустыне, но никогда их не видел, и сейчас жгучее любопытство захлестнуло его с головой. Похоже, и Альс разволновался, его глаза сверкнули азартом. Только фраганец остался совершенно невозмутим, но его, похоже, вообще трудно было удивить.

– Мауритка? – повторил друг и монсиньор то, что Лучано лишь подумал. – А как... Откуда?..

– О, это не очень приятная история, – вздохнул разумник и потянулся за вином. – Белое, красное?

– Мне того, что послаще, – попросил Аластор, и магистр наполнил его бокал густым рубиновым тоскаро, действительно сладким, но не очень крепким, как раз во вкусе Альса.

– Вам, Жозеф, как обычно? – уточнил он.

Фраганец кивнул, и Роверстан взял другую бутылку. Лучано гордился своим умением по запаху распознать любое вино, будь оно итлийским, фраганским или арлезийским, но это встретил впервые. Светло-золотистая прозрачная жидкость превратила бокал в огромный топаз, а запах... Начальные ноты повеяли апельсином, оттененным бархатной сладостью ванили и тонкой нежностью лимонной травы. На их фоне богато и ярко раскрылся собственный аромат роскошной белой лозы с едва заметным ореховым привкусом.

– Какой букет! – восхищенно произнес Лучано. – Откуда эта прелесть?

– Не можете определить? – понимающе улыбнулся разумник. – Должно быть, прежде оно вам не попадалось. Это «Золотая вуаль», один из трех сортов, которые делают в моем арлезийском поместье. Собственно, само поместье и называется Вуалью, а вино уже зовется «Золотой», «Черной» и «Рубиновой вуалью», смотря по сорту винограда. Лозы для красного растут в горах, а белое с равнин. Я недавно велел заложить еще один сорт – «Белую вуаль», и примерно через год мы ее попробуем.

– Позволишь? – Альс попробовал вино из бокала Лучано и с некоторым сомнением протянул: – Вку-у-усно... только все равно кислое. Может, в него меду положить?

Лучано едва не поперхнулся от такого чудовищного предложения, а фраганец горестно вздохнул и сообщил:

– Все-таки вы варвар, юноша. Портить такой шедевр медом?! Пейте свое тоскаро, не покушайтесь на святое.

– Ну и ладно, мне больше достанется, – ухмыльнулся ничуть не обиженный Альс. – Ваше здоровье, милорды! – Он отсалютовал всем бокалом, немного отпил и с интересом пригляделся к сладостям и закускам. – Хм... это что?

– Сушеные абрикосы, – пояснил Роверстан. – Попробуйте, вам должно понравиться. Хотя лично я предпочитаю вино с фраганским

сыром.

– Сыр? Он же...

Прекрасно воспитанный Альс проглотил рвущееся возмущение и только поднял на магистра ошалелый взгляд. Лучано едва удержался, чтобы не хихикнуть, и подцепил серебряной вилочкой ломтик великолепного козьего сыра с прожилками голубой плесени. Точно – варвар! Хотя и король. Положил в рот, на миг прикрыл глаза от наслаждения, смакуя легкую изысканную горечь... Глянул на Альса и сочувственно предложил:

– Попробуй хотя бы, это очень вкусно!

– Нет-нет, и не упрашивай! – Друг с ужасом замотал головой. – Наверное, для этого надо родиться на юге! Я лучше вот – колбаски! И сыра, только приличного, не этого вашего!

Лучано только вздохнул, а еще два южанина обменялись веселыми понимающими взглядами, наблюдая, как Альс уплетает рулетики из ветчины, буженину и ломтики самого обычного сыра. Абрикосы, впрочем, ему тоже понравились. Первый Альс брал не без опаски, но потом распробовал. Роверстан с фраганцем невозмутимо отдали должное сыру с плесенью, потом копченым мидиям, на которые алчно посматривал и сам Лучано...

– А все-таки, милорд Роверстан, простите за нескромность, но Амина...

Аластор посмотрел на дверь, за которой скрылась мауритка, и разумник понимающе кивнул.

– Ее племя воевало с другим, – уронил он. – Им не повезло. Мужчин перебили, женщин и детей отправили на рабский рынок. На границе с пустыней это обычное явление, увы. В то время я всего пару лет как вступил в должность магистра и занимался... Пожалуй, это можно назвать очищением. В каждой гильдии время от времени заводятся мерзавцы, которые используют магию преступным образом. К сожалению, разумники не исключение. – Он вздохнул и пожал плечами, а потом снова заговорил: – Один из них как раз прижился в Арлезе и занимался тем, что делал строптивых рабов покорными. Больше того – искренне преданными, живущими только хозяйской волей. Эта магия строжайше запрещена, но мерзавец был уверен, что Орден слишком далеко, а гильдия не станет проверять, чем он зарабатывает на жизнь, пока налоги исправно поступают ее казначею.

– Насколько я понимаю, друг мой, он ошибся? – уронил фраганец, когда разумник в очередной раз умолк.

Роверстан опять кивнул.

– Именно. Один раз – когда решил, что новому магистру не будет дела до судьбы мауритских рабов. А второй раз – когда предложил мне взятку за покровительство. Мне – за эту... мерзость.

Магистр поморщился, и Аластор выдохнул:

– И Амина – тоже?!

– Увы, – с сожалением отозвался разумник. – Из нее не сделали безвольную куклу, как из других жертв, но личность все-таки изменили. Теперь в жизни Амины есть только одна цель и один вид счастья – служить хозяевам, кем бы они ни были. Я бы с радостью отпустил ее на свободу, но это все равно что выпустить птицу, лишенную крыльев. Да и куда она пойдет? Ни одно племя мауритов ее не примет. Ремесла, которым можно прокормиться, Амина не знает, не танцами же ей зарабатывать. Сами понимаете...

Лучано согласно кивнул вместе с остальными. Даже в свободно мыслящей Итлии мало кто видит отличие между танцовщицей и продажной девкой. Конечно, такая красавица без труда найдет покровителя, но что с ней будет потом, когда женщина утратит свежесть или попросту ему надоест?

– Бедняжка! Так она у вас давно? – с искренней жалостью спросил Альс.

– Уже лет восемь, – отозвался разумник. – Не забывайте, Амина – дитя пустыни, она думает и поступает не как обычные люди, и рабство ее не пугает. Напротив, для нее это гарантия защиты и заботы хозяина. И, кстати, экономка она превосходная. – Роверстан улыбнулся и чуть понизил голос: – Видели, какие у нее туфли?

Альс недоуменно вскинул брови, фраганец тоже глянул удивленно.

– Мягкие? – откликнулся Лучано, который отлично рассмотрел красные замшевые башмачки с гибкой кожаной подошвой.

– И бесшумные, – продолжал улыбаться разумник. – Амина ходит по дому тихо, словно кошка, и не дает слугам ни малейшего спуска. Лучшей домоправительницы я и представить не могу.

Его глаза блеснули, и Лучано словно Баргот за язык потянул:

– О, разве в этом могут быть сомнения, грандсиньор? Такая экономка – мечта любого мужчины...

Он и сам не знал, откуда взялся в голосе этот ехидный намек. Ну в самом-то деле, что такого? Магистр так и не женился! И пусть он до сих пор носит помолвочное кольцо, но тело же требует своего. Какой идиотто поверит, что настолько роскошный мужчина будет хранить целомудрие? А мауритка и вправду соблазнительна, как леденец в глазах сластены.

Нет, Лучано не осуждал магистра. И, пожалуй, дело было не в ревности, хотя одна мысль о том, чтобы оказаться на месте Амины, мгновенно опалила сладкой истомой. Нет-нет-нет! Просто... Синьорина при их последней встрече, когда Альс и Лучано навестили ее в особняке Бастельеро, выглядела печальной и уставшей. Погасшей... Ничего общего с красавицей мауриткой, которая просто лучилась жизненной силой. И так подходила Роверстану! Оба – смуглые, хоть и по-разному, черноволосые и черноглазые, высокие, полные внутреннего жара и яркой силы. Какая красивая пара получилась бы! Что ж так обидно-то... и больно... непонятно за кого, но больно...

– Нет, – уронил Роверстан, в упор посмотрев на Лучано, у которого сердце словно ухнуло куда-то в немыслимую пропасть. – Не любого. Безусловно, не моя.

И почему-то Лучано ему мгновенно поверил. И сам устыдился того, что подумал, хотя мысль была совершенно естественная! Это же как сидеть у колодца, изнывая от жажды, и даже не отхлебнуть! Такое вообще возможно?! Разум кричал, что не бывает настолько прекраснотушных идиотто, а душа одновременно болела и ликовала, яростно споря, что бывают, и тело, оказывается, не всегда берет верх над всем остальным.

Роверстан молча понимающе улыбнулся ему, и Лучано со стыдом отвел глаза, но тут же посмотрел на разумника с безмолвной благодарностью и сочувствием. Все-таки ждет и верит? Непонятно, правда, чего, но... Если бы сейчас ему, Лучано, явилась сама Всеблагая и пообещала грандсиньора Дункана в полное распоряжение, причем по любви и взаимному согласию, то... Наверное, он бы кинулся к ногам богини и умолял отдать все счастье, что причитается ему, этим двоим. Только бы они были вместе! Да что же это за

безумие?! Нельзя же так... наизнанку... Еще и перед тем, кто читает его дурацкие святотатственные мысли...

Он вздрогнул и опять устался в бокал, мечтая провалиться сквозь землю, словно заглянул туда, куда ему совершенно не стоило совать любопытный нос. Альс, к счастью, вряд ли заметил этот быстрый обмен фразами, а может, просто не подал виду. Иногда монсиньор бывает удивительно чутким, несмотря на всю свою наивность. Ну а бретер... Он-то знает достаточно, чтобы щадить чувства своего друга...

И тут, на счастье Лучано, дверь отворилась, и гибкая фигура, закутанная в ало-золотое тонкое покрывало, скользнула в гостиную. Босые ступни семенили по ковру быстрыми легкими шагами, тонкие золотые браслеты на щиколотках и запястьях звенели крошечными колокольчиками... Что-то звякнуло – это Альс уронил блюдо и даже не заметил, завороченно уставившись на мауритку. Судорожно вдохнул всей грудью, выдохнул... И Лучано его понимал!

Изящное смуглое тело просвечивало сквозь тонкий шелк, словно фигуру женщины окружили языки пламени. А под покрывалом на мауритке были только те самые штаны, низко сидящие на бедрах, и плотный лиф без рукавов. Плечи, руки, шея и грудь, стройная талия и чуть округлый животик, линия бедер... Лучано сглотнул вдруг ставшую вязкой слюну.

Тело вроде бы прикрыто, но так, что это выглядит откровеннее полной наготы! А лицо... Вот почему Амина вернулась далеко не сразу. Черная краска вокруг ее глаз осталась, но линии стали намного тоньше, зато к ним добавилось яростно сверкающее золото на веках. Губы свежо и влажно алели кармином, брови изогнулись чуть сильнее... Массивные золотые серьги подчеркнули скулы и шею, спускаясь почти на плечи, а в распущенных волосах засверкали крупные золотые бусины.

И запах! Она поменяла благовония! Раньше от мауритки пахло розовым маслом, теперь к нему добавилась еще густая струя амбры и мускуса, разом наполнившая гостиную страстной истомой. В руках у женщины были маленький металлический бубен и подсвечник с пятью зажженными свечами, который она одним гибким движением поставила в центре гостиной между собой и зрителями, а потом замерла, глядя куда-то вдаль, поверх голов, словно видела там что-то

свое, недоступное больше никому. Шелковое покрывало огромным лепестком соскользнуло с ее плеч и плавно упало на ковер...

Через несколько томительных ударов сердца бубен дрогнул – и тихо зазвенел. Словно отзываясь ему, полные алые губы тронула улыбка, а глаза женщины хищно загорелись. Еще звон – Амина шагнула вбок, одновременно выгибаясь всем телом. Лучано с трудом перевел дыхание, и вовремя – потому что бубен звенел все чаще, а движения мауритки становились все быстрее, оставаясь грациозными и плавными, словно у смертельно опасной и все-таки прекрасной змеи.

Вон она вытянула руку с бубном в сторону, тот затрепетал, и по телу женщины тоже прокатилась томная мелкая дрожь.

«Всеблагая, как она эта делает? – подумал Лучано с восхищенным ужасом в полной тишине, которую нарушал только звякающий бубен, вторящие ему колокольчики на браслетах, и дыхание сидящих рядом мужчин. – Какое владение телом! Она же управляет каждым мускулом...»

Ему стоило невероятного труда оторваться от зрелища, чтобы мельком глянуть на лица остальных. Магистр любовался танцем совершенно спокойно. Ну, понятно, ему-то не привыкать. Фраганец восхищенно замер, чуть подавшись вперед, и в его черных глазах светилось радостное изумление мастера, увидевшего чужое искусство. Аластор же смотрел на мауритку, приоткрыв рот, широко распахнув глаза... Хм, пожалуй, знай Беатрис, чем разумник станет развлекать гостей, не отпустила бы супруга так легко.

На миг Лучано испытал острое, почти болезненное удовольствие, глядя, как Альс наконец-то любит другую женщину, а не прекрасной гадюкой, которая его будто завороживала. А мауритка вдруг уронила жалобно звякнувший бубен себе под ноги и подхватила подсвечник. Поставила его широкое, чуть выгнутое основание себе на голову, а еще через мгновение в ее руках блеснули два небольших, чуть изогнутых ножа. Где они прятались до этого, Лучано со всем его опытом попросту не заметил! Разве что в поясе? Точно, золотые рукояти казались частью пряжки! Умно...

Вспыхнуло беспокойство от вида чужого оружия рядом с Альсом и тут же погасло. Мауритка скрестила кинжалы перед собой, а потом закружилась, удерживая подсвечник на голове. Поворот, еще один, и еще... Остановившись, она медленно провела лезвиями вдоль тела,

повторяя каждый изгиб. И снова по гибкому смуглому телу прошла волна, только теперь крупная. Грудь, талия, бедра – плавный изгиб обрисовал их с безжалостной красотой. Достигнув ступней, волна остановилась и... прокатилась обратно.

Кажется, Лучано забыл, как дышать, и весь превратился в сплошные слух и зрение. Ритм танца теперь поддерживали только колокольчики на браслетах и движения самой мауритки. Изогнувшись в поясе, она отклонилась далеко назад, каким-то чудом не уронив подсвечник, и тут же выпрямилась. Жадно заглядевшись на ее грудь, Лучано не успел увидеть, куда и когда исчезли ножи. Он – не успел! Сорвавшись с места стремительным вихрем, мауритка закружилась по комнате, изгибаясь, будто в экстазе, но как бы ни билось ее тело, свечи над головой не упали и не потухли, только язычки плясали, словно вторя танцу.

«Она сама как пламень, – мелькнула мысль. – Пламя и нож...»

И в тот же миг Амина остановилась, замерев с тем же несравненным искусством, с которым танцевала. Ее грудь вздымалась, на лице и обнаженных плечах блестели капельки пота... «Кое-кто из итлийских грандсиньоров отдал бы состояние, чтобы собрать их губами, – подумалось Лучано. – Да я бы и сам... только состояния, к счастью, лишнего нет».

Рядом восхищенно выдохнул Аластор. Мауритка, прекрасно понимая, как действует на мужчин, лениво и довольно улыбнулась, будто сытая львица. Опустила подсвечник на пол, подхватила вместо него бубен и, подойдя, протянула его гостям, перевернув обратной стороной. Вот этот жест Лучано узнал сразу! Джунгарские плясуньи так обходят зрителей, собирая в полый бубен плату за представление! Точно, у них и танец похож! Только разница, как между мастерством самого мастера Ларци и какого-нибудь бродячего изготовителя крысомора!

Амина продолжала улыбаться, глядя на гостей, и Лучано поспешно сорвал серебряную брошь с хризолитом, которая скрепляла ворот его камзола. Драгоценная безделушка упала в бубен, заставив тот зазвенеть, и Лучано получил томный благодарный взгляд с восхитительной лукавинкой. Месьор д'Альбрэ попросту сыпанул горсть монет откуда-то из кармана... Альс тоже схватился за пояс, понял, что оставил кошель дома, порозовел и принялся стягивать один

из перстней. Не обручальный, разумеется! Просто массивное золотое кольцо с крупным голубым опалом. Глаза Амины загорелись... И тут разумник что-то резко бросил на том же гортанном языке.

Мауритка повернулась к нему, ее глаза вспыхнули еще ярче, а в голосе прозвучало искреннее изумление:

– Зачем Амине скромность?! Амине почти подарили перстень!

Лучано едва не прыснул от такого восхитительно практичного подхода к добродетели, по губам фраганца тоже скользнула улыбка. Действительно, дорогой перстень украшает гораздо лучше скромности! Аластор покраснел еще сильнее, пытаясь снять застрявшее кольцо. Разумник снова неодобрительно сказал что-то, но хитрая мауритка возразила по-дорвенантски, хоть и с ярким акцентом:

– Амина не позорит! Щедрость украшает мужчину, мой господин!

И воззрилась почти влюбленно, но не на Аластора, а на все-таки снятое им кольцо.

– Нет-нет, магистр! – запротестовал тот. – Я с удовольствием порадуя эту... леди?

Он запнулся, понимая, что женщину, танцующую перед мужчинами в таком наряде и подобные танцы, вряд ли можно звать «леди». Но все-таки упрямо добавил:

– Прошу вас, милая дама, принять это в знак моего искреннего восхищения.

И, не бросая кольцо в бубен, протянул его на ладони. «Единственный из нас, кто был настолько вежлив, – с уже привычной нежностью подумал Лучано. – И вправду паладин...» Восторженно взвизгнув, Амина схватила перстень, прижала его к груди и умоляюще посмотрела на магистра, который развел руками и со вздохом произнес:

– Вы ее избалуете, господа. Право, если бы я вовремя подумал...

Мауритка же, приняв необыкновенно чинный и скромный вид, насколько можно было в ее наряде, подхватила покрывало, низко поклонилась и выскользнула из комнаты, оставив подсвечник, который оказался весьма кстати – за окном почти стемнело.

– Как она танцевала! – восхищенно выдохнул Альс. – Я... даже не представлял... А ножи! А подсвечник! Он не падал! Как?! Ну как это вообще возможно?!

Он махом осушил бокал, и Лучано тоже смочил пересохшее горло. Магистр тут же подлил обоим, исполняя долг хозяина.

– Выдающееся мастерство, – одобрительно согласился фраганец. – В молодости я видел мауритские танцы, но те девушки были куда менее искусны. Подсвечник на голове ни одна из них не удерживала. Хм... жаль, что я не знал этого раньше. Лет этак пять назад.

И он очень выразительно покосился на Аластора, снова глотнувшего тоскаро. Альс поперхнулся и ответил взглядом, полным ужаса.

– Что? Подсвечники? – прохрипел он, откашлявшись. – Нет-нет, месьор д'Альбрэ, с меня хватило и тех чурбачков! Благодарю покорно, до сих пор иногда снится, как я удираю по ним от демонов, и ни один нельзя уронить!

– У бретеров тоже так учат? – приятно удивился Лучано. – Это было мое любимое упражнение! Хотя да...

Он не без сочувствия глянул на массивную фигуру Альса. Вот кому приходилось нелегко держать равновесие! Силы через край, а вот гибкость и быстрота...

– Мое почтение, синьор, – уронил он фраганцу. – Когда ученик так не похож на учителя, это... сложно! Грандсиньор магистр, а бывают мужские мауритские танцы?

– Разумеется, – подтвердил тот. – Мужчины обычно танцуют с посохом или тоже с ножами, но иначе, чем женщины, конечно. Их пляски напоминают наш любимый арлезийский танец с саблями.

– С саблями? – оживился фраганец. – Дорогой друг...

– Да-да, умею, – улыбнулся разумник. – Но если позволите, не сегодня. Сейчас нас ожидает купальня. Вода уже должна была нагреться.

– Неужели настоящая арлезийская купальня? – приподнял бровь д'Альбрэ. – Ваш дом полон сюрпризов!

– Кстати, магистр, а почему вы купили именно его? – оживился Аластор, когда разумник взял подсвечник и жестом пригласил гостей следовать за собой. – Место хорошее, но дом старый. Сами говорите, что пришлось чистить сад. Неужели чего-то поновее не нашлось?

– О, дом вполне крепок, – отозвался Роверстан, ведя их по коридору к лестнице, а затем куда-то вниз. – Мой отец уверен, что он

простоит еще пару столетий, а ремонт – это в любом случае неизбежное зло. Конечно, пришлось очень много здесь переделать. Сад вы и сами видели, а подвал я полностью отвел под купальню. К счастью, подземные источники и мощный артефакторный насос это позволяют. Согласитесь, хорошо быть сыном королевского архитектора и братом еще двух мастеров этого ремесла, – лукаво улыбнулся он. – Мой дом – это, конечно, не собор Семи Благих, но все равно братцы постарались на славу.

– Собор? – Лучано вспомнил фреску, что так сильно врезалась ему в душу. – Простите за нескромность, грандсиньор, а портрет Баргота на стене храма...

– А, вы его видели? – рассмеялся Роверстан и махнул рукой. – Только такой балбес, как мой младший братец, мог просить меня, разумника, позировать для фрески с Барготом. Но разве родне откажешь? Эту фреску писал арлезийский художник, друг моего брата. Я предлагал ему изобразить Баргота в маске, ибо зло не имеет лица, но... – Он пожал плечами, вздохнул и заговорил снова: – Не знаю, известно ли вам, но раньше в этом доме жил печально знаменитый магистр Морхальт. – Лучано вспомнил разговор у ворот и кивнул. – В юности я изучал медицину, и Морхальт был моим наставником, – невозмутимо продолжал разумник и поморщился. – Это был человек огромного ума, величайшего таланта и полного отсутствия морали, к сожалению. Всю жизнь он посвятил работе, в которой продвинулся очень далеко, но при этом отвратительно обращался с собственной семьей. Сыновей у него не было, о чем магистр чрезвычайно сожалел, а дочери, как только вошли в возраст, поспешили выйти замуж, чтобы убраться от батюшки как можно дальше. Одна из них, небезызвестная вам леди Гвенивер, стала женой Дориана Ревенгара... – Роверстан помрачнел, но тут же продолжил: – Морхальт считал дочерей не заслужившими его любви и внимания пустышками, ведь они родились без магического таланта. Внуки его тоже не порадовали за исключением леди Айлин, но ее дар проявился в двенадцать, а до этого магистр не поддерживал никаких связей ни с кем из родственников. После он тяжело заболел, ушел с поста и, по всеобщему мнению, стал отшельником. Ну а потом... Вам не хуже меня известно, какое великое преступление он совершил.

Аластор мрачно кивнул, а Лучано, вспомнив их славный, но жуткий поход, передернулся. Благие Семеро, храните нас от умных негодяев, ибо они гораздо опаснее тупых мерзавцев. Бедная синьорина! Иметь такого деда!

– Но вы все-таки купили его дом? – решил он подать голос, когда лестница закончилась, и они вчетвером вышли в небольшую комнату, служившую для раздевания.

Здесь было тепло и немного сыро, вдоль стены стояла пара длинных широких скамеек, а над ними на стенах висели кованые крючки с приготовленными свежими полотенцами и длинными халатами. Освещал комнату магический шар, и Роверстан поставил подсвечник на скамью, а потом первым принялся раздеваться, показывая пример остальным. Когда разумник снял жилетку и стал расстегивать рубашу, Лучано сглотнул слюну и поспешно отвел взгляд. Кажется, эта арлезийская вечеринка будет куда большим испытанием, чем ему представлялось. Хоть бы не опозориться!

– Да, и у меня были на это важные причины, помимо воспоминаний о годах ученичества, – усмехнулся Роверстан. – Весьма неприятных воспоминаний, к слову... Своим ученикам магистр Морхальт благоволил чуть больше, чем семье, но не настолько, чтобы обходиться с ними достойно. Впрочем, это мелочи... Важнее то, что Служба безопасности Ордена так и не смогла найти тайную лабораторию Морхальта и его записи.

– Как не смогла? – поразился Аластор, с явным удовольствием скидывая камзол и расстегивая ремень.

Лучано, мысленно простонав очень выразительную благодарность Всеблагой за такую милость, отвернулся снова. Единственным, кто в этой комнате не вызывал у него решительно никаких желаний, был фраганец, но тарашиться на него невежливо... лучше вовсе смотреть в пол!

– Вот так и не смогла, – отозвался разумник, шурша рубашкой и прочим бельем.

Раздевшись полностью, он, к счастью, набросил халат, и Лучано смог дышать чуть свободнее, даже рискнул поглядеть на Роверстана, ответившего ему непроницаемым взглядом с едва уловимой тенью насмешки. Да уж, и правда, сам виноват, если принял приглашение, не подумав... Знал ведь, что в Арлезе совместное купание с гостями –

обычная и очень приятная часть званого вечера. Хозяин ведет освежиться гостей-мужчин, хозяйка, разумеется, женщин. Там и подумать не могут, что кто-то из этих самых гостей способен возмечтать о неприличном...

— Господа из этой службы, надо отдать им должное, перевернули дом вверх дном и разве что по камешку не разобрали, — задумчиво и с долей досады продолжил Роверстан. — Просмотрели все книги в библиотеке, простучали стены в поисках тайников и разобрали мебель. Но ничего действительно важного не нашли.

— А может, лаборатория была совсем в другом месте? — азартно предположил Лучано, радуясь возможности отвлечься.

Вдруг вспомнились слова мастера, что заговор барготопоклонников случился как-то очень уж вовремя для Дорвенанта.

— Вряд ли. — Роверстан подал каждому из гостей по халату, предусмотрительно подобранному по росту, и Лучано закутался в мягкую шелковую ткань. Все-таки арлезийцы знают толк в удобстве! — В саду Морхальт устроил могильник, где скрывал тела жертв и результаты своих экспериментов. Не думаю, что он привозил их откуда-то. Строение, что служило ему лазаретом, срыли до основания и даже землю под ним проверили, но ничего не нашли. А ведь опыты Морхальта требовали очень хорошо обустроенной лаборатории! К сожалению, мне не позволили участвовать в допросе его слуг, и от них тоже ничего не удалось добиться, а потом эти несчастные почти обезумели. Тех троих, что пережили допрос, я забрал и поселил в маленькой сторожке в глубине сада. Пытался вылечить и расспросить, но, боюсь, этот след тоже оборван. И все-таки я не теряю надежды найти записи своего бывшего наставника. Или... — Магистр запнулся и закончил: — Хотя бы помешать кому-нибудь другому их найти. Страшно представить, что может случиться, если открытия Морхальта попадут в нечистые руки.

Лучано с этим полностью согласился. Ему бы тоже не хотелось, чтобы какой-нибудь алхимик завладел личной рабочей книгой Ларци. Той самой, которую мастер когда-нибудь в виде великой милости позволит ему скопировать. Или не позволит, если решит, что его «идиотто» недостойн. Но вот если секреты сотен ядов утекут на сторону... Ой, что тут может случиться!

Вслед за Роверстаном и остальными он прошел в большую купальню, действительно устроенную в совершенно арлезийском стиле. Два длинных глубоких бассейна были выложены расписными изразцами, один – бело-голубыми, второй – желто-зелеными. Над первым курился чуть заметный парок, и комната была наполнена влажным жаром. В прозрачной воде виднелись широкие ступени, чтобы сесть, если не хочешь погрузиться целиком, а между бассейнами стоял поднос, на котором дожидались фрукты и сангретта со льдом. Со льдом!

Лучано преисполнился благоговейного восхищения к тому, как магистр ведет дом. Прозрачные осколки, плавающие в стеклянном кувшине, означали, что сангретту приготовили совсем недавно и принесли, пока хозяин с гостями спускался в подвал. А заботливо почищенные апельсины! А разломленные гранаты, багровеющие сочным рубиновым нутром! Тонкие дольки лимона, при виде которых рот сразу наполнился слюной! И персики, которые наверняка порадуют сластену Альса. Поздние персики с бархатистой янтарной шкуркой, такие спелые, что вонзи в них зубы – сок брызнет, наполняя рот...

– Думаю, здесь мы обойдемся легким угощением, – весело сказал Роверстан, поймав его взгляд. – В саду уже развели костер, и ягненок томится в вине с приправами. Освежимся и перейдем на террасу, я ведь обещал вам кальян и мясо на углях.

– Милорд магистр, вы волшебник! – простонал Аластор, сбрасывая халат и прыгая в воду прямо с бортика так, что брызги полетели во все стороны. – Ух, горячо!

– Ну, кто же так входит в горячую купальню, юноша? – покровительственно фыркнул фраганец и величественно сошел по ступеням, останавливаясь на каждой. – Вода должна обнимать тело постепенно, иначе кровь может ударить в голову.

«Лучше бы в голову, – уныло подумал Лучано, провожая взглядом разумника. – Боюсь, еще немного, и в моей голове не останется ни одной лишней капли, все отхлынет в другое место».

Призвав на помощь все самообладание тренированного Шипа, он тоже скинул халат, сбегал по ступеням и сразу поплыл к подносу с сангреттой. Вино со льдом – как раз то, что нужно! А может, просто следовало начать с холодной воды?

Налив пару бокалов, он вернулся и подал один Альсу, из второго жадно отпил и поставил на бортик. Ледяная кисловатая сангретта оказалась просто даром небес, и Лучано уже спокойно посмотрел, как фраганец разнеженно плавает у бортика, а магистр с Аластором присели на верхнюю ступень, отдыхая от жара.

Лучано невольно удивился – до чего же они похожи! Не лицами, конечно, глупо и сравнивать северянина с южанином, но тела! Хотя и видно, что Альс не вошел еще в полную статью, а все-таки их с Роверстаном как в одной форме отливали! Широкие плечи, мощная грудь, крупные, тяжелые и все же удивительно правильные кисти рук, стройный стан, длинные сильные ноги... Вот только тело Альса, как Лучано помнил еще с ночевки в трактире любезного мастера Витольса и снова убедился сейчас, было покрыто короткими золотистыми волосками, а у разумника оказалось гладким, как у благородной дамы. Ни волоска на могучем торсе! Лучано попытался представить, что грандсиньор Дункан пользуется средством для удаления волос, и не смог, насколько это показалось неестественным. Впрочем, Альс тоже уставился на разумника с явным интересом. Даже рот открыл, подбирая слова, и Лучано позволил себе его опередить.

– Молю простить мое бестактное любопытство, грандсиньор, – мурлыкнул он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более легкомысленно. – Вы придерживаетесь традиций вашей второй родины?

– Вы путаете арлезийцев с мауритами, юноша, – фыркнул Дункан в точности как разморенный теплом огромный кот. – Гладкостью кожи озабочены именно они. А меня, раз уж вам так любопытно, всего лишь проклинали много лет назад. Довольно необычным образом, следует признать.

– За что? – поразился Альс и даже соскользнул от удивления на ступеньку ниже. – То есть... если, конечно, вам не слишком неприятно об этом вспоминать...

– Пожалуй, теперь даже забавно, – усмехнулся Дункан. – Извольте, я расскажу. Однажды – мне тогда было лет семнадцать – очаровательная целительница устроила турнир поцелуев, от участия в котором я отказался и сделал это весьма язвительно, сейчас проявил бы больше такта. В любом случае, участники турнира справедливо

сочли себя оскорбленными; я получил два или три вызова на дуэль, от которой также отказался...

– Отказались от дуэли? – растерянно переспросил Альс, и Лучано мысленно с ним согласился.

Отказаться от поединка, да еще в этом варварски пристойном Дорвенанте?! Даже месьор д'Альбрэ приподнял бровь, и разумник развел руками.

– Вам это, конечно, неизвестно, друзья мои. Но, видите ли... дуэли на оружии строжайше запрещены для адептов – страшно представить, сколько горячих юношей погибло бы в стенах Академии. По неосторожности, без малейшего желания на самом деле убить соперника. Конечно, порой это правило нарушают... – Он поморщился, словно вспомнил что-то неприятное, и решительно закончил: – Но я не мог себе этого позволить. Нарушителя отчисляют из Академии без возможности продолжить образование...

«И если для дворянина в этом нет ничего особенно страшного, то для простолюдина Академия – единственный способ подняться, – закончил про себя Лучано. – Стать дворянином, пусть это дворянство и личное, а не родовое. Завести связи... И в самом деле, невысказанно глупо потерять все ради пустой прихоти!»

Он еще раз сплавал к подносу и набрал фруктов. Как и ожидалось, Альс выбрал персик, а они с месьором д'Альбрэ предпочли апельсины.

– А как же мажеские дуэли? – подал голос фраганец, и Дункан кивнул.

– Они допустимы, но разумники в них не участвуют. Особенность нашего дара не позволяет нам накапливать магическую силу в нужном количестве, а использование артефактов дуэлянтам запрещено. Таким образом, формально меня не могли принудить к дуэли, чем я и воспользовался. Конечно, пришлось выслушать обвинения в трусости и изворотливости, но разумникам к этому не привыкать.

Он хмыкнул, и Лучано, вспомнив бой на холме, ответил усмешкой. Трусость, ага!

– Я понял, – быстро откликнулся Аластор, виновато опустив глаза. – Спасибо, что объяснили. И что же тогда случилось?

– Обычная шутка адептов, – усмехнулся Роверстан. – Один юный некромант, обидевшись за друга – участника турнира, пожелал

отомстить за него, и как-то раз я проснулся полностью... хм... лишенным волос.

– Полностью? – ужаснулся Лучано, попытавшись сначала представить эту картину, а затем как можно скорее отогнать ее прочь.

В казармах провинившихся иногда брили наголо, и это считалось куда позорнее порки, ведь даже простолюдинам разрешено носить волосы до подбородка! А взрослые Шипы позволяли себе еще больше, как и вольные наемники.

– Именно так, включая брови и ресницы. Признаю, месть получилась отменной! Я и в самом деле гордился своим обликом, и особенно волосами, куда больше, чем пристало мужчине. Потому и отрастил их гораздо длиннее, чем позволялось адептам недворянского происхождения. Конечно, через несколько лет я бы получил перстень и мог бы позволить себе любую прическу, но тогда... В общем, тот юноша – он, кстати, был очень знатен – ударил по больному месту – моему самолюбию. И принять эту месть с должным достоинством мне не удалось. Очень уж нелепо я выглядел... – Роверстан вздохнул и добавил: – К счастью, милорд тогда еще мэтр Эддерли позаботился, чтобы тот адепт снял проклятие. Волосы на голове вернулись, но снимать его полностью он наотрез отказался, потребовав извинений, которые уже отказался принести я. Пока мы спорили, проклятие преодолело некий рубеж, став неснимаемым, и мое тело осталось вот в таком виде.

– Вы ему тоже отомстили? – не выдержал Лучано, и разумник прищурил искрящиеся от смеха глаза.

– Разумеется. И самым страшным образом! Я поблагодарил его и сообщил, что обнаружил в новом облике массу преимуществ. Полагаю, он еще долго ждал от меня подвоха! К слову, именно после того случая я отпустил усы и бороду и не собираюсь с ними расставаться.

– И над вами совсем не смеялись? – с недоверчивым любопытством спросил Альс.

Дункан отмахнулся с таким ленивым благодушием, что Лучано снова явственно представился огромный кот, вроде дона Леона, растянувшийся на теплых плитах террасы, разомлевший под солнцем и разве что иногда сонно взмуркивающий.

– О, еще как потешались. Особенно в первое время. Забавно вспомнить, каким позором мне тогда это казалось... Впрочем, я притворялся, что насмешки меня не задевают, и кажется, довольно успешно. Во всяком случае, всем скоро надоело – и месяца не прошло.

– Почему же вы не обратились к иллюзорникам? – не выдержал Лучано. – Разве они не смогли бы помочь?

– Несомненно, смогли бы, – согласился разумник. – Но любая иллюзия рано или поздно развеивается. Подобная попытка вызвала бы еще большее веселье среди адептов, и, вот этого, боюсь, мое самолюбие могло бы не выдержать.

– Значит, вы отказали тому юнцу в дуэли? – подытожил фраганец. – Заставили его ожидать вашей мести, а потом попросту пренебрегли ею, пока он оглядывался на любой шорох, ожидая опасности? О, друг мой, это было весьма коварно!

– И даже весело, – согласился Роверстан. – Потом, когда я достаточно поумнел, чтобы это осознать.

– И вы не держите на него зла? – уточнил Лучано. – Совсем?

Он попытался представить, что бы сотворил с тем, кто так его опозорил. Убивать, может, и не стал бы, но уж точно превратил бы его жизнь в пытку, причем надолго.

– Он погиб, – очень просто сказал магистр. – Через несколько лет после этого случая, едва выпустившись из Академии. Сложил голову на войне с фраганцами, и я, признаться, искренне жалею об этом. Друзьями мы вряд ли стали бы, но он был не самым плохим человеком. Упрямым, но по-своему великодушным и неглупым. Еще хуже, что его молодая жена, безумно в него влюбленная, покончила с собой. Две семьи разом лишились любимых сына и дочери, брата и сестры... Он вздохнул и с извиняющейся улыбкой сказал: – Право, не будем о грустном! Еще вина, милорды? Или окунемся в прохладную воду и перейдем в сад?

– Я, кажется, опять голоден, – сконфуженно сказал Аластор. – Эта купальня так разгоняет кровь! Хочу завести у себя во дворце что-нибудь похожее. Или комнату в арлезийском стиле. Таковую, с диванчиками!

Он мечтательно прикрыл глаза и повел рукой в воздухе над водой. Лучано заподозрил, что в этот момент Альс вспоминает не столько

диванчики, сколько прекрасную мауритку, но разве этот паладин признается?

– Что же вам мешает? – удивился Роверстан. – Поверьте мне как разумнику, нельзя жить одной работой. Удовольствия нужны и телу, и разуму. Отвлекитесь немного, устройте, ну, скажем, арлезийскую гостиную! Если желаете, я пришлю мастеров! Может быть, ее величество тоже развлечется, женщины любят подобные заботы.

– Вы думаете? – оживился Аластор. – Благодарю, милорд! И охотно принимаю ваше предложение!

Проплыв напоследок по всему бассейну, он вылез и с не меньшим удовольствием ухнул в прохладную воду. Роверстан и д'Альбрэ последовали его примеру, Лучано же замотал головой.

– Премного благодарен, грандсиньор, – заявил он. – Но в этой прекрасной стране так мало случаев погреться и почувствовать себя как дома! Я, конечно, покину купальню, но не ради холодной воды, а исключительно ради кальяна и вашего дивного кота!

Сразу три смешка были ему ответом. Гордо их проигнорировав, Лучано с достоинством доплескался в восхитительно горячей купальне и вылез последним. Ну ладно Альс, он северной крови и всю жизнь прожил в Дорвенанте! Грандсиньор Дункан, конечно, арлезиец, но большие мужчины легче переносят холод, а вот фраганец мог бы и поддержать. Наверное, месьор д'Альбрэ к своему возрасту уже сам превратился в подобие любимой рапиры не только душой, но и телом. Эх, вот бы все-таки свести их с Лоренцо Стиллетом! Душу можно продать Барготу за вид подобного поединка!

Одеваясь, Лучано вдруг задумался, что не знает, кого Лоренцо растит себе в преемники, и это странно. В боевой ветви гильдии целых три старших мастера, но всех их Стиллет назначил исключительно по требованию Совета, никого не приблизив к себе и не сделав личным учеником. Среди младших мастеров у него тоже нет любимчиков, насколько известно... Очень, очень странно и любопытно! Надо бы расспросить Фелипе, когда выпадет случай с ним увидаться. Зато у Тино личных учеников целых пять! Но все свеженькие, еще и трех лет не прошло. А те, что были у Темного Омута до этого, как-то быстро закончились...

Следуя за Альсом и остальными, он вышел на большую крытую террасу и восхищенно вдохнул душистую вечернюю прохладу. До

полуночи осталась еще пара часов, и в саду упоительно пахло ночной фиалкой и туберозой. Отличный садовник у грандсиньора Дункана!

Разумник жестом предложил гостям располагаться на уютных мягких диванчиках, а сам подошел к сложенному из камней очагу, полному раскаленных углей. Снял крышку с большой кастрюли и принялся насаживать на вертел куски мяса, которое запахло так одуряюще, что Лучано тоже вмиг почувствовал себя голодным. Он даже не стал разбирать, из чего состоит маринад – запахи вина и специй сливались в единую симфонию!

– Ну вот, скоро будет готово, – весело сказал магистр, пристроив над очагом четыре больших вертела. – А пока можно вернуться к вину и познакомиться с кальяном!

Он вернулся к столу, накрытому на террасе, и принялся колдовать над большим кальяном из вендийского стекла, добавляя горячих углей и раскуривая ароматную смесь.

Вот к этому зелью Лучано принялся очень придирчиво и с уверенностью назвал четыре травы в составе, но над пятой задумался всерьез и, к своему стыду, признал поражение.

– Можете спросить у магистра Бреннана, – посмеиваясь, сказал Роверстан. – Смесь для кальяна мне делает он и уверяет, что в небольших дозах она исключительно благотворна. Милорды?

Фраганец благодушно отказался, а Лучано с удовольствием вдохнул душистый дым. Альс на кальян поглядел с опаской, но все-таки решился попробовать и принял янтарный мундштук.

– Дыши медленно, – посоветовал ему Лучано. – Не торопись.

Первая попытка заставила Аластора закашляться, но упрямства ему было не занимать, и через пару минут Альс обращался с кальяном уже вполне сносно. Одобрительно покивав, Роверстан вернулся к мясу, а Лучано умильно заулыбался – на перила террасы рядом с ним взлетела огромная серая тень.

– Доброго вечера, благородный Дон Леон, – сам почти мурлыкнул Лучано. – Полагаю, вас интересует мясо? Я бы счел за честь угостить вас...

Кот презрительно покосился янтарным глазом, сверкнувшим в отблесках очага, и сделал вид, что просто проходил мимо.

– Может, все-таки познакомимся поближе? – вкрадчиво продолжил Лучано. – Никогда не видел такого достойного

представителя вашего племени... У вас такие роскошные усы! Такие уши... такие лапы...

Уговаривая кота, он осторожно протянул руку, но Дон Леон коротко и очень выразительно зашипел, а потом приподнял упомянутую лапу, показывая внушительные выпущенные когти. Лучано замер, а сидящий рядом Аластор хохотнул и поинтересовался:

– Что он тебе сказал? Вы как два кота должны друг друга понимать!

– У него слишком сильный арлезийский акцент, – обескураженно отшутился Лучано, а Дон Леон спрятал когти и с независимым видом принялся умываться.

– Хотя я и не имею чести быть ни котом, ни арлезийцем, – заметил бретер, – но могу перевести. Вас, юноша, пообещали распустить на ленточки, если не уйметесь. А учитывая размер когтей и то, с каким искусством этот дон ими пользуется, я бы поставил на него. Дункан, вы не хотите подарить вашему коту бретерскую серьгу? Сдается, он ее заслуживает.

– Ну, меня он пока еще не победил, – улыбнулся разумник, намекая на бретерские традиции. – У нас с Доном Леоном взаимное уважение. Он считает себя полным хозяином в саду, но поскольку я иногда угощаю его молоком, Дон Леон милостиво позволяет почесать себя за ухом. Конечно, когда у него есть настроение. Других прикосновений он не терпит, и я бы вам не советовал испытывать его терпение. Он и так был исключительно великодушен, предупредив вас целых два раза.

– Обязательно устрою арлезийскую гостиную, – решительно сказал Аластор, оставляя кальян и разваливаясь на диване.

Камзол он, несмотря на вечернюю прохладу, надевать не стал, оставшись в штанах и рубашке, которая ярко белела в сумраке сада. Откуда-то тенью выскользнула Амина и поставила на стол подсвечник с зажженными свечами. Улыбнулась и негромко спросила на ломаном дорвенантском:

– Дорогие гости что-то желать? Сыр, апельсин, музыка?

– Вы еще и играете? – восхищенно уточнил Аластор. – Если можно...

– Я играть на зурна! – обрадованно заявила мауритка. – И на аль-удд! Это как ваша лютня... Если гости хотят, Амина им сыграть и

спеть. Гости – хорошо, радость в дом!

После танца она сменила одежду на прежнюю, но накинула на плечи покрывало, сколов его подаренной брошью, а на смуглом пальчике мауритки Лучано заметил перстень Альса, который женщина явно придерживала, чтобы кольцо не спало.

– Ваша экономка – настоящее сокровище, – позавидовал Аластор. – О, простите, кажется, ей не нравится, когда ее так зовут? Но называть такую прекрасную женщину – рабыней?

– Амина не просто рабыня, – обиженно отозвалась мауритка и с гордостью пояснила: – Амина очень дорогая рабыня! Амина ведет дом господина! Господин добрый, он обещал Амине доверить ей госпожу, когда приведет ее в дом! Амина ждет! Она очень-очень ждет госпожу! Мужчине нехорошо быть одному!

Над террасой повисло неловкое молчание. Аластор, вспыхнув, не знал, куда деваться от смущения, а Лучано больно укололо где-то внутри острое сожаление о не случившемся. Сейчас они могли бы сидеть здесь вместе с Айлин. Она бы шутила, смеялась и не казалась тенью себя самой, как в доме Бастельеро.

– Амина, сыграй гостям на аль-удде, – спокойно сказал разумник, и мауритка торопливо упорхнула.

Роверстан вздохнул и разлил по бокалам вино.

– Простите, Дункан... – тихо попросил Аластор.

– За что? – так же ровно отозвался магистр. – Вы же ни в чем не виноваты. Да, я обещал Амине, что сделаю ее камеристкой своей жены. И не вижу причины отказываться от этого обещания. Времена меняются, милорды, и, прошу, больше не будем об этом...

В беседку неподалеку от террасы скользнула гибкая тень, и оттуда послышались нежные звуки незнакомого инструмента. Лучано встрепенулся.

– Какая прелесть, – торопливо произнес он, желая загладить неловкость. – Это... как же его...

– Аль-удд, – подсказал Роверстан. – Он и правда похож на лютню. Если хотите, я привезу вам такой для арлезийской гостини.

Он снял с очага восхитительно пахнущее мясо и положил перед каждым вертел на отдельную тарелку. Лучано вдохнул аромат, но решил подождать, пока угощение остынет.

– А я попробую на нем сыграть, – пообещал он. – Какой необычный звук! Он должен интересно сочетаться с флейтой... Можно устроить музыкальный вечер, как делают у нас в Итлии. Лютня, гитара...

Про то, что разумник превосходно поет, он благоразумно прикусил язык, вспомнив, когда и для кого Роверстан исполнял серенаду.

– Прекрасная мысль! – обрадовался Аластор. – Беатрис будет приятно! Кстати, зачем ждать, пока гостиняя будет готова? Господа, я приглашаю вас на ответный вечер через три дня! И если кто-нибудь решит порадовать нас музыкой или пением... Лу, мясо!

Ошалело обернувшись, Лучано только успел увидеть серую лапу, которая просунулась между столбиков террасы, цапнула его вертел и уволокла в ночную темноту.

Миг он вглядывался в кусты, из которых донеслось предупреждающее урчание, потом расхохотался и махнул рукой.

– Арлеза победила Итлию, – насмешливо прокомментировал месьор д'Альбрэ. – Не печальтесь, Фарелл, я с вами поделюсь.

– Благие с вами, Жозеф, – тоже смеясь, возразил магистр. – Если кому и возмещать нашему другу потерю, так это мне. Пустяки, сейчас просто приготовим еще! А пока мясо жарится, выпьем?

Все, что было потом, слилось в памяти Лучано в бесконечно долгое и очень приятное мгновение. Он помнил, как Роверстан поставил на угли еще порцию ягненка и разлил вино. Как появилась Амина и принесла еще две бутылки. Или три? Нет, третья и четвертая появились потом! Когда они съели по второй порции ягнятины, закусив ее сыром и фруктами.

Потом Лучано, Альс и Дункан снова пустили по кругу кальян, а месьор д'Альбрэ рассказал пару бретерских баек, уморительно смешных для всех, кто понимает толк в хорошей драке. Да, точно, именно потом они пошли смотреть подарки – экипаж, марину и пару старинных рапир! И Дункан улыбался так счастливо, что Лучано хотелось плакать от щемящей тоски и нежности, но он, конечно, не стал... Зато их всех пригласили в Вуаль будущей весной, когда там зацветут апельсины и гранаты! И, конечно, все клятвенно пообещали...

Потом откуда-то появились лютня с гитарой, и Дункан с фраганцем спели дуэтом. Лучано выпросил у появившейся Амины аль-удд, попробовал на нем сыграть, и у него вполне получилось, хотя мауритка закатывалась от смеха. Потом Лучано зачем-то поперся ловить Дона Леона, но подлый котище только глумливо прошипел что-то из кустов и исчез. Потом Амина тихонько играла что-то очень нежное, пока Альс вздыхал и жаловался ей, что его беременная жена сама не знает, чего хочет. То ей надо, чтобы он постоянно был рядом, то наоборот. Мауритка сочувственно отвечала на своем языке, но, удивительно, Аластор прекрасно ее понимал!

Единственный момент, который Лучано запомнил совершенно ясно и пронзительно, как он сел у ограды террасы, сжимая в ладонях опустевший бокал, и подумал, что это подозрительно похоже... нет, не на счастье, а на то, что он давным-давно не испытывал – полный и безмятежный покой. А еще – доверие. Подумать только, он пьет в компании целых трех человек, и к любому из них может спокойно повернуться спиной! Он даже вино за весь вечер ни разу не проверил! Не говоря уж о еде и кальяне. В Итлии он себе такое позволял только в доме мастера Ларци. Да еще у Фелипе, пожалуй... А здесь их четверо – и никакой тревоги! Не-ве-ро-ят-но!

Он поднял платок Амины, который мауритка оставила на перилах, и вдохнул горячий аромат женского тела и благовоний, смешанный со всеми ароматами, что плыли в воздухе – жареного мяса, кальяна, вина, разгоряченных тел... Закрыв глаза и несколько мгновений просто дышал всем этим, пытаясь запомнить. Лучано точно знал, как пахнет смерть и опасность. Как воняют предательство, оскорбление, боль... Но ему никогда в голову не приходило, что у доверия и дружбы тоже есть запах!

А потом они как-то разом почти протрезвели и засобирались домой, хотя магистр уговаривал переночевать в его доме. Фраганец, подумав, согласился, но Альс уперся, хотя Лучано пытался ему объяснить, что в таком виде лучше не показываться на глаза супруге, у которой спился прежний муж. С этим Аластор согласился и пообещал, что во дворце сразу ляжет спать, но ночевать непременно желал у себя. У него, видите ли, завтра Совет! И канцлер ждать будет... И вообще, этих всех только оставь на день, они же одну половину королевства разворуют, вторую – потеряют, а третью – поломают!

– Да-да, – вздохнул Лучано. – Так и будет. И неважно, что половин всего две. Эти – могут!

Поэтому во дворец они все-таки уехали. Там Альса немедленно уложил камердинер, скорбно поджав губы и поглядывая на молодого короля с явной тревогой, а Лучано, которому спать расхотелось безнадежно, увидел под дверью мастера Ларци полоску света и поскребся туда, словно нагулявшийся кот.

– Хоро-о-ош... – насмешливо протянул, впустив его, мастер и потянул воздух носом. – Так, благовония для купальни... жареное мясо, арлезийское белое... хм, отменный букет! Женские духи... Мальчик мой, да я преисполнен зависти! А это зачем?

Он потянул за кончик шелкового платка, который Лучано выпросил у Амины и повязал им шею, как огромным шарфом.

– Это... образец! – истово выдохнул Лучано. – Просто образец!

– Хм... – Ларци опять принялся. – Роза, мускус, амбра. И давно тебе нужен образец из всего трех компонентов? Молчи уж!

– А еще там был кот, – виновато попытался объяснить Лучано то, что почему-то показалось самым важным, и показал руками: – Во-о-от такой кот!

– Прямо вот такой? – уточнил мастер, повторив размах его рук. – Мальчик мой, такие размеры показывают только рыбаки. И подростки. Но чтобы котов?! Между прочим, котом не пахнет.

– Потому что он не дался погладить, – пожаловался Лучано и скорбно добавил: – Вообще никто не дался!

– Трагедия, – посмеиваясь, подтвердил мастер и виртуозно подпихнул его к кровати. – Ложись-ка спать. Завтра все расскажешь. Но я уже понял, что вечеринка удалась.

Стянул с него камзол и ботинки, чем-то укрыл и погладил по голове. Лучано потрясенно замер, боясь шевельнуться, а мастер над его головой сказал очень странным голосом:

– Надо же... За пятнадцать лет это впервые. Я уже думал, что обойдется... Бедный мальчик...

Глава 10

Служебные дела великого магистра

Магистров, занявших свои места за длинным столом, Грегор осмотрел без малейшей приязни. Плохое настроение обыкновенно посещало его каждое утро, а необходимость провести Совет отнюдь не способствовала благодушию – к пророку не ходи, а его проект непременно встретит яростное сопротивление со стороны тех же Роверстана и Бреннана. Как было бы славно, если бы эти двое попросту не явились! Увы, проблемы это не решит, настолько глубокие преобразования Ордена должны быть приняты всеми главами гильдий, иное приведет к расколу.

Грегор поморщился, понимая, что дело не только в Совете. Настроение ему испортили еще вчера, причем лично его величество, безусловно унаследовавший от Малкольма именно этот главный талант. Музыкальный вечер, во имя Претемнейшей! Разумеется, общество собралось вполне достойное. Кроме самого короля и Беатрис, расцветшей в браке и не сводящей с юнца-супруга влюбленных глаз, на вечере присутствовали чета Аранвенов, Эдвин Кастельмаро, сам Грегор и Айлин, Вальдероны... а вот Райнгартены, к смутному удовольствию Грегора, приглашения не получили. Или попросту оным приглашением пренебрегли – но это было куда невероятнее!

Отсутствие сразу двух заместителей, бывшего и нынешнего, а также их болтливых жен помогло Грегору смириться с появлением Фарелла и наглого фраганского месьюра, тем более что эти двое явились с лютнями и вполне могли бы сойти за наемных музыкантов. Но как же невероятно скучно оказалось слушать чувствительные песенки, неважно, фраганские или итлийские! Пусть даже в последнем случае гостей милостиво пожелала развлечь сама Беатрис.

О, ни возраст, ни беременность не повредили ее голосу – глубокому и выразительному, и неудивительно, что король остался в полном восторге от талантов супруги, но у самого Грегора старания итлийки вызвали разве что горькую мысль, что ради Малкольма Беатрис и в голову не приходило петь.

Заклучив, что вечер получился удивительно приятным – с чем Грегор про себя категорически не согласился – король выразил надежду, что гости непременно соберутся снова – в следующий же день Всеблагой, то есть ровно через неделю. Грегор представил еще один такой вечер и отчетливо понял, что не выдержит его даже ради Айлин. Впрочем, возможно, он и сделал бы над собой усилие, если бы его в самом деле хотели видеть, однако лучше кого бы то ни было понимал – приглашение на самом деле адресовалось Айлин, а сопровождать ее могло хоть умертвие!

Между прочим, умертвие их действительно сопровождало! Король не постыдился прислать для лорда Ульва личное приглашение! Злость, кипящую в Грегоре от этой неуместной шутки, смягчило только то, что Айлин она повеселила. Что ж, не стоило удивляться, что дохлую тварь в королевской гостиной встретили с куда большей радостью, чем лорда Бастельеро...

В общем, лично ему вечер показался отвратительным. Но Айлин, хоть и чувствовала себя не очень хорошо, наотрез отказалась уехать, как только это позволили приличия. Она попросила лимонной воды, устроилась на диванчике и слушала песни с такими сияющими глазами, что Грегора замучила вина. Его жена скучает, а беременность очень скоро не позволит ей выезжать. Роды ожидаются на Зимнее Солнцестояние, потом ей нужно будет оправиться... Значит, посещать балы и праздники Айлин сможет не раньше весны. Что ж, глубокий траур по королевской семье как раз кончится, и леди Бастельеро сможет занять при дворе подобающее ей место. Если захочет, разумеется. Она так скромна и чиста, что ей делать среди придворных развратников? О короле, между прочим, ходят отвратительные слухи, что он оказывает своему фавориту слишком много внимания, приблизив его до полного неприличия! Непонятно, как Беатрис это терпит. Неужели действительно оглохла и ослепла от любви?

Грегор попытался присмотреться к Фареллу, не желая верить, что сын Малкольма может запятнать себя такой мерзостью, и пришел к выводу, что на этот раз, пожалуй, сплетники врут. Итлиец держался скромно, почтительно и услужливо, как и подобает бывшему простолыдину, попавшему в такое общество. А еще ему явно благоволили Аранвены, чего не случилось бы, окажись Фарелл дорвавшимся до власти и выгоды негодяем.

И все-таки на следующий вечер Грегор твердо решил не ехать. С другой стороны, если Айлин радуется музыка и приятно это общество, будет жестоко лишить ее такого невинного удовольствия. Ничего неприличного в присутствии королевы и четы Аранвенов произойти не может, а чтобы соблюсти этикет, ему достаточно отправить с женой компаньонку. Конечно, адептка Донован для этого не подойдет, она простолюдинка и не представлена ко двору, к тому же сама – незамужняя девица, но почему не попросить об услуге Элоизу Арментрот?

Да, супружество лишило бедняжку титула, но по рождению она леди и прекрасно воспитана, а раз эти вечера посещает королева в трауре, еще одну вдову общество не осудит. К тому же, Айлин искренне привязана к тетке и наверняка обрадуется возможности проводить с ней больше времени. Решено, он попросит сударыню Арментрот. Грегор вспомнил, чья она дочь, и про себя поморщился, но тут же отбросил эти мысли. Айлин, в конце концов, тоже по крови относится к мерзавцу Морхальту! Ну и что?! Она воплощение благородства! Но как же некстати мысли о ее родстве с покойным магистром именно сегодня... Именно на этом Совете!

– Я изучил материалы службы безопасности по делу Денвера, – медленно проговорил Грегор, обводя взглядом лица магистров.

Очень разные лица. Внимательно доброжелательное у Райнгартена, угодливое – у Валлендорфа, непроницаемое – у Роверстана, задумчивое – у Эддерли... Любопытно, о чем столь важном он размышляет на Совете Ордена! Нужно будет непременно спросить, но... позже.

Грегор скользнул взглядом дальше, к Волански, и молча поразился – иллюзорник смотрел прямо на него, причем оба его глаза застыли в полной неподвижности, а выражение лица было... неприятным. Грегор никогда бы не подумал, что этот шут умеет смотреть так! Подобный взгляд ему прежде доводилось видеть разве что у деда... Впрочем, какая разница, что там пришло в голову безумному иллюзорнику?!

– И эти бумаги, – продолжил он, – подтверждают показания бывшего магистра Морхальта. Не знаю, обратили ли вы внимание, милорды, но Морхальт был единственным дворянином среди заговорщиков. Все прочие – простолюдины. При этом занимающие чрезвычайно высокие посты в Ордене. Не станем говорить о

Денвере, – поморщился Грегор, чувствуя вину, что не распознал мерзавца вовремя. – Но ведь и остальные! Вот, например, мэтр Солиньи, простолюдин и первый заместитель Денвера.

«И разумник, внушивший старику Тернеру мысль об убийстве Дортмундера и уверенность в остальных преступлениях», – едва не добавил он, снова взглянув на запись допроса, но тут же спохватился, что тогда, пожалуй, Роверстан не преминет напомнить, что сам Денвер был некромантом. И не он один! Кроме этого старого мерзавца, в заговор впутались семь некромантов! Какая гнусная насмешка над священным числом!

– Мэтр Кольхаун отвечал за лаборатории артефакторов, я прав?

Валлендорф сморщил лицо, став еще больше похож на крысу, и закивал.

– К чему вы ведете, милорд Великий Магистр? – прогудел Ладецки.

– К тому, что Денвер точно знал, что не получит поддержки урожденного дворянства! – отрезал Грегор. – Уинн и Морхальт не в счет, женщину барготопоклонники могли обмануть или попросту запугать, а что до Морхальта... очевидно, что старый мерзавец попросту обезумел! На это указывают хотя бы жертвоприношения. Ни один целитель в своем уме не станет потрошить на алтарях беременных и младенцев! Но остальные заговорщики были полностью в здравом рассудке и прекрасно понимали, что делали, это подтвердил разумник, который их допрашивал. Да любой дворянин, явись к нему Морхальт или Денвер с подобным... предложением, немедленно обратился бы к магистру Эддерли или к прежнему Архимагу, в крайнем случае – к канцлеру!

– Вы в этом уверены, милорд Архимаг? – так бесстрастно, что это уже походило на издевку, поинтересовался Роверстан.

– Главное, что в этом был уверен Денвер, – отрезал Грегор, указывая взглядом на бумаги перед собой. – Как следует из показаний, мэтры Ривердейл и Солиньи не раз предлагали включить в ряды заговорщиков некоторых дворян из достаточно состоятельных семей, но получили категорический запрет. И закрывать на это глаза – преступная неосмотрительность! Поймите меня правильно, милорды магистры, – добавил Грегор, постаравшись смягчить голос. – Я вовсе не призываю вас отринуть закон Великого Магистра Корсона о приеме

простолюдинов в Академию. В конце концов, Благие Семеро ниспосылают свои дары, не оглядываясь на происхождение... – «А стоило бы!» – невольно подумал он. – И не нам с ними спорить. Но глупо отрицать, что урожденные простолюдины хотя бы в силу происхождения более подвержены соблазнам. Вспомните хотя бы Шона Морстена!

Он уверенно вытащил из стопки бумаг третий сверху лист.

– Здесь показания мэтра Кольхауна. Это он перенастроил сторожевых горгулий академического кладбища. По утверждению мэтра Кольхауна адепт Шон Морстен привел адепта Кирка Донелли в руки барготопоклонников за пятьдесят флоринов серебром. Поступку покойного Морстена нет оправданий! Однако... я побывал в его доме. И должен признать, его стремление вырваться с Северной Окраины вполне понятно. Как и то, что у этого юнца просто не могло быть понятий о чести.

– Скажите, милорд Архимаг, – пробормотал Райнгартен так тихо, что Грегор его едва расслышал. – Простолюдины-заговорщики – единственное, что вас обеспокоило?

– Не единственное, – процедил Грегор все еще раздраженно. – Меня очень беспокоит, что первый разлом открылся во дворце! Ладно еще в башне Архимага, я всегда считал, что старик Кастельмаро пренебрегал должной защитой, но дворец?! Однако, насколько я понимаю, Оранжевая Гильдия пока не нашла причин подобной... странности?

– Надеюсь, вы не имеете в виду, что Оранжевая Гильдия работает недостаточно усердно? – с неприязненной учтивостью осведомился Райнгартен. – Впрочем, простите, должен признать, у вас есть основания для недовольства. Мы и в самом деле не нашли причин этого феномена. Нам удалось установить, что разрыв мог появиться во дворце всего в трех случаях. К примеру, если вместе с Денвером работал стихийник, мастер порталов, способный если не прорвать защиту дворца, то хотя бы проколоть ее. Подобное, разумеется, смешно даже предполагать! – поспешно добавил он, несколько нервно усмехнувшись. – Как установили следователи Службы безопасности, стихийников среди заговорщиков не было. Во втором случае открытие разлома могло сопровождаться дополнительным ритуалом, который направил лишнюю силу к его величеству Малкольму и, возможно,

помог уцелеть Денверу... в качестве побочного эффекта. Этот вариант кажется мне более вероятным. Признаться, я не знаю, в какой области некромантии специализировался Денвер...

– В проклятиях, – рассеянно бросил Грегор, лихорадочно обдумывая сказанное. – Райнгартен, это попросту невозможно! То, о чем вы говорите, требует огромного мастерства в ритуальной некромантии, а Денвер... он был силен и опытен, но совершенно в другом!

– В таком случае, верно третье предположение, и нас подвели охранные плетения дворца, – развел руками Райнгартен, явно не желая спорить. – Вероятно, износились со временем. Если, разумеется, не предположить, что некто умышленно ослабил защиту незадолго до нападения...

«Еще большая чушь, – растерялся Грегор. – Защиту ставил еще дед, и тогда он превзошел самого себя, она попросту не могла изнашиваться за какие-то жалкие двадцать-тридцать лет! Ослабить ее? Пожалуй, это возможно, – с неохотой признал он: мысль об этом была все-таки совершенно дикой. – Изучить изнутри, потратив на это бесчисленное время и множество сил... Но сделать это незаметно для королевского некроманта и прочих магов? Немыслимо!...»

Грегор потер виски, пытаясь отогнать непрошеную мысль: не слишком ли усердно Райнгартен намекает на неизвестного некроманта, оставшегося в тени и не выданного заговорщиками даже под пытками?

«Если об этом некроманте вообще было известно заговорщикам, – тут же возразил он самому себе. – Но уж Денвер прекрасно знал, что единственный способ не проговориться – не знать! И все же – слишком поспешно Райнгартен заявил, что в заговоре не мог участвовать стихийник...»

– Вернемся к этому позже, милорды, – предложил он. – Я согласен, что в деле Денвера и Морхальта очень много неясностей, и все-таки одно можно утверждать с полной уверенностью. Это заговор не дворян, а простолюдинов. Простолюдинов, опозоривших Орден, едва не погубивших королевский род и сам Дорвенант. Простолюдинов, смешавших с грязью великий дар богов – магическую искру!

Он даже подался вперед, вспоминая все слова, что десятки раз приходили ему на ум бесчисленными вечерами, пока Грегор изучал

материалы расследования. Слова, кипящие горечью и болью, безусловно верные и убедительные. Те слова, что должны были дойти до рассудков и сердец людей, отвечающих за Орден!

– Что же вы предлагаете, Великий Магистр? – снова повторил Роверстан с совершенно застывшим лицом, и на миг Грегора посетила глупейшая мысль, что разумник знает о его предложении заранее.

Да нет, это все равно что подозревать Волански в том, что тот – истинный пророк. Говорят, среди иллюзорников они действительно рождаются, но... Какая чушь лезет в голову!

– Я предлагаю, милорды, – сказал Грегор, – очистить кровь и душу Ордена. Запретить магам недворянского происхождения занимать посты магистра и главы службы безопасности. Ограничить им право получения перстня и, соответственно, магического дворянства, оставив в звании, определенном им по рождению. Разумеется, с возможностью исключения для самых талантливых и благонамеренных, за которых поручатся личные наставники-дворяне. Я предлагаю, милорды, вернуть Орден к его истокам, когда маги по праву считались лучшей частью дворянства, ведущей королевство к процветанию. Да, реформы Великого Магистра Корсона имели благородную цель, но подлая кровь не способна оценить доверие и великодушие. Простолюдинам с магическим даром так же нужна узда, как и обычной черни, иначе в следующий раз, упаси нас Благие, последствия могут быть еще хуже!

Он выдохнул и обвел взглядом сидящих перед ним людей. Высших магов Ордена, хранителей его традиций. Растерянных, изумленных, бесстрастных и возмущенных. Людей, которые должны понять его! Грегор был готов к нелегкой битве и знал, что она неминуема, но ведь он прав! И магистры обязаны его поддержать!

– Немыслимо! – выдохнул наконец Бреннан, глядя на Грегора с возмущением и опаской, как... да как на безумца. Грегор, возможно, возмутился бы до глубины души, если бы не был готов именно к этому. Он даже признавал, что Бреннана можно понять! – Двое магистров Совета – простолюдины, а вы, глядя нам в лицо, утверждаете, что не можете нам доверять?! Это... неслыханно!

Он даже задохнулся от гнева, и Грегор торопливо вскинул ладонь.

– Ничего подобного я не утверждал! Бреннан, я вовсе не имел в виду нынешний Совет Ордена...

«Хотя кое-кому из присутствующих я не доверил бы даже умертвие моей жены!» – подумал он невольно, взглянув на Райнгартена, а затем и на Валлендорфа. О Роверстане и говорить нечего.

– Разумеется, закон не будет иметь обратной силы! Все магистры, безусловно, останутся на своих постах, если только гильдии не решат иначе...

– А как же орденское братство?! – возмущенно рявкнул Ладецки, и Грегор медленно выдохнул. Что ж, быть готовым к общему возмущению – означает сносить и подобную... бесцеремонность. – Этот закон уничтожит принципы, которыми мы так гордимся! Как адепты смогут считать друг друга братьями, если мы примем ваше предложение?!

– Как в обычной семье, – процедил Грегор. – Где, кроме старших братьев, есть и младшие! Право, Ладецки, ведь даже главой рода становится старший из детей, а не все вместе. Я ведь не предлагаю вовсе лишить их возможности учиться или даже работать в Академии! А в той же армии простолюдины и вовсе способны сделать блестящую карьеру...

– Поднявшись не выше мэтр-лейтенанта! – бросил Ладецки, яростно сверкнув глазами. – Или мэтр-сержанта, раз уж вы предлагаете ограничить получение дворянства? Нет, милорд Великий Магистр, Алая гильдия против! И если для вас это имеет хоть какое-то значение, Кристоф сказал бы вам то же самое, уж это я знаю точно!

«Легко ему говорить за Кристофа теперь, когда сам Кристоф сказать за себя не может!» – невольно подумал Грегор и, старательно сохраняя спокойствие, предложил:

– Что ж, раз магистр Ладецки изволил начать первым, давайте проведем голосование. Я надеюсь на ваше благоразумие, милорды.

Он перевел взгляд на Фиолетового магистра, истово надеясь на поддержку, ведь Эддерли сам – золотая кровь, должен же он понимать, что Грегор прав!

Мысль о том, что Эддерли – еще и его, Грегора, бывший наставник, он безжалостно отогнал. Именно сейчас это совершенно неважно!

Но старый некромант промолчал, а глубокая задумчивость на его лице сменилась мрачной уверенностью человека, который только что

принял трудное, но необходимое решение. Знать бы еще какое...

– Повторяю, я против, – угрюмо уронил Ладецки. – В таком деле стоит лишь начать! Сегодня мы заберем у простолюдинов перстни, а дальше что? Лишим права учиться, как это было до Архимага Корсона?

– Ладецки! – не выдержал Грегор. – Это слишком! Полагаете, я не понимаю, как опасен необученный маг?

– Полагаю, что вы не о том думаете, милорд! – отрезал боевик. – Спонтанные выплески – далеко не самое страшное, что может случиться. Личный дворянский титул после обучения – это гарантия, что маг-простолюдин не останется во власти своего лорда! Что какой-нибудь самодур не отправит одаренного целителя пахать землю или тачать сапоги! Что девицу-магессу не выдадут замуж за деревенского пастуха или попросту не заставят рожать своему господину одаренных бастардов!

– Вы полагаете, кто-то способен на подобную... мерзость? – растерялся Грегор. – И потом, это же попросту... глупо!

– А вы так верите в человеческий ум? – подал голос Бреннан. – И в то, что все дворяне безупречно честны и великодушны? Что никому из них не придет в голову использовать мага или магессу, которые от них зависят, в корыстных целях? Кстати, милорд Архимаг, а как вы собираетесь в таком случае требовать соблюдения законов Ордена? Если простолюдин останется в собственности своего лорда, как он сможет отказать ему в любом приказе? Например, сварить яд или проклясть соседа своего господина... И кого мы в таком случае будем наказывать? Мага, у которого не было возможности этот приказ не выполнить? Или профана-лорда, который неподсуден Ордену?

На несколько мгновений в зале стало совершенно тихо. Грегор потерял виски, с ужасом понимая, что действительно не предусмотрел таких тонкостей. Но... это же не причина отказаться от реформы! Нужно всего лишь ее... доработать! С учетом сказанного!

– С вашего позволения, милорды, – вкрадчиво произнес Райнгартен. – Предложение милорда Великого Магистра представляется мне весьма благоразумным. Милорд Ладецки, прошу вас не сверкать на меня глазами, я еще не закончил! Без сомнения, в виде, представленном Архимагом, этот проект вызовет недовольство определенной части Ордена, а потому нуждается в некотором

смягчении... К примеру, отнимать личное дворянство и право на перстень я полагаю избыточным. В конце концов, изрядная часть наших адептов учится прилежно, зная, какая награда их ждет! Но высокие посты и впрямь искушают и создают множество возможностей для разнообразных... злоупотреблений, а ведь у магов, рожденных простолюдинами, нередко нет иных источников дохода, кроме службы. Итак, милорды, я голосую за предложение милорда Великого Магистра, но смягченное должным образом! Предлагаю лишить урожденных простолюдинов права занимать пост магистра и должности, приравненные к нему. Например, главы службы безопасности, управляющего орденовыми лабораториями и лазаретом... Полагаю, этот список получится довольно коротким и вызовет гораздо меньше возмущения.

Он слегка улыбнулся, обводя мрачно молчащих глав гильдий вопросительным взглядом. Бреннан откровенно поморщился, а Ладецки мрачно взглянул на стихийника в ответ.

«Вот в его поддержке я даже не сомневался, – съязвил Грегор про себя. – Кто поверит, что милейший Этьен забыл, кого хотели видеть Архимагом?! Прими Совет мое предложение – и пост Великого Магистра превратится для Роверстана в недостижимую мечту, даже если я решу его уступить. Впрочем, теперь я вполне понимаю, почему милорды магистры так не хотели видеть Архимагом Райнгартена – плох тот Великий Магистр, кто всегда преследует только собственные интересы! Честный протест Ладецки можно хотя бы уважать, а подобная поддержка... Впрочем, сейчас важно каждое согласие, что бы за ним ни стояло!»

Ему пришло в голову, что для начала, пожалуй, и такая реформа вполне годится. Главное, сделать первый шаг! Пусть Орден постепенно привыкнет к мысли, что разделение на «старших» и «младших» неизбежно и правильно. Корсон ведь тоже не сразу воплотил в жизнь безумные идеи полного равенства магов! Между прочим, а как до этого решались те сложности, о которых сказали Бреннан и Ладецки? Надо бы поднять архивы Ордена и поинтересоваться.

Вздохнув, Грегор со стыдом признался себе, что сам виноват. Нужно было продумать все гораздо лучше, а он попер в атаку, словно юный горячий лейтенант! Не проведя разведку, не выяснив

досконально, какими силами располагает противник. То есть аргументами, разумеется. Ну ничего, не все еще потеряно! В следующий раз он подготовится намного лучше. И все-таки, как обидно, что первым в его поддержку выступил Этьен, для которого это просто возможность устранить соперника на будущих выборах Архимага!

– Милорды Совет, прошу голосовать за мое предложение с уточнением магистра Райнгартена, – сухо сказал он.

– Я против, – уже в третий раз упрямо прогудел Ладецки и пояснил: – Милорды, все знают, что красные маги – основа нашей армии, щит и меч королевства. Я не простолюдин, но здесь, в Дорвенанте, мой титул подтвержден только орденом перстнем, сам по себе он мало что значит. И я понимаю тех, кто согласен идти в бой и умирать ради своей страны и братьев по Ордену. Но братьев, а не хозяев! Отнимите у Ордена равенство, и вы погубите его. Я все сказал.

– Мы вас услышали, милорд, – процедил Грегор и посмотрел на Райнгартена.

– Ну как я могу не проголосовать за собственное предложение, – развел тот руками и снова с беспокойством обвел всех глазами. – Милорды, я считаю, что такие поправки совершенно разумны! В конце концов, мы можем найти решение, которое устроит всех! Например, можно не жаловать простолюдином дворянство Ордена, но при этом позаботиться об их личной свободе. Горожане низкого сословия и так свободны, а магов из крестьян ничтожное количество! Можно, скажем, выкупать их у лордов по фиксированной цене...

– Чтобы они всю жизнь выплачивали Ордену еще и этот долг, – едко подсказал Бреннан, и Райнгартен так сконфуженно смолк, что сразу стало ясно – именно это он и хотел предложить другими словами. – Великолепно придумано, милорд. Буду очень благодарен, если вы сумеете объяснить, чем рабство у магистра собственной гильдии отличается от рабства у лорда! Простите, но я против этого предложения в любом его виде. Можете считать, что во мне говорит кровь простолюдина! Я даже отрицать не стану. – Фыркнув, целитель выпрямился и заговорил громче: – Мои родители – булочники из предместья, моя жена – белошвейка. Мои дети не имеют магического дара и никогда не станут дворянами, но внук получил искру от Милосердной Сестры. Он гораздо талантливее меня, этот мальчик. В

битве за Академию он работал в лазарете как проклятый и спас немало жизней! Если вам интересно, милорд Архимаг, это он придумал, как очистить кровь наших спасителей от яда демонов! Конечно, я не заглядываю вперед настолько далеко, чтобы пророчить ему пост магистра! Ничего, на кусок хлеба с ветчиной и без того заработает. И уж его-то я всегда возьму личным учеником, если, конечно, вы милостиво оставите за мной это право. Но что я скажу его друзьям-простолюдинам? Тем, кто рядом с ним падал от усталости, но зашивал раны и вливал в раненых последние капли своего резерва? Для этого их подлая кровь была достаточно хороша, а для того, чтобы в Ордене стоять наравне с дворянами – нет?!

Раздувая крылья носа и побагровев лицом, – впервые на памяти Грегора! – Бреннан откинулся на спинку кресла и уставился куда-то поверх спинки кресла Архимага.

– Полагаю, вы голосуете «против», – еще холоднее сказал Грегор и кивнул. – Ваше право. Милорд Волански?

Он ждал, что иллюзорник по обыкновению выдаст очередную туманную фразу, но тот поморщился, вздохнул и словно нехотя сказал:

– Корсон был не так уж и не прав. – Помолчал и добавил: – Но Корсон мертв.

– Да-да, – нетерпеливо согласился Райнгартен. – Милорд Волански, разумеется, Архимаг Корсон уже давно упокоился с миром! И нам теперь нужно решить этот вопрос здесь и сейчас. Вы бы не могли высказаться более определенно? Желательно «да» или «нет»!

– Корсон мертв, – повторил Волански. Вздохнул и сообщил: – Воздерживаюсь.

Ну, этого и следовало ожидать! Грегора снова окатило раздражением. Кто только выбрал старого шута на пост магистра?! Их бы самих сюда, чтобы не отлынивали от важных решений, прячась то ли за безумцем, то ли за нелепым лицемером, изображающим глубокомыслие!

Ему вдруг вспомнился совсем другой Корсон. Тоже мертвый, кстати. А вот если бы он внимательно выслушал план Грегора о наступлении при Фарнеле и согласился... Нет, глупости. Командор Корсон все равно не был способен закончить войну. Его дурацкие идеи, что наступательная сила фраганцев рано или поздно истощится, обходились армии Дорвенанта слишком дорого! И вообще, в Бездну

всех этих Корсонов с их идеями! Обоих! Их время давным-давно прошло!

– Магистр Девериан? – спросил он вслух, стараясь отвлечься от неприятных и очень несвоевременных воспоминаний.

– Поддерживаю, – задумчиво сказал артефактор и пояснил в свою очередь: – Милорды, я против лишения простолюдинов дворянства и перстня. Но в нынешнем виде предложение кажется мне разумным и полезным. Список должностей, куда им следует закрыть доступ, очень короткий, едва ли два десятка наберется. Будем откровенны, человеку без состояния и связей пост магистра и так почти недоступен, если нет особых обстоятельств. Так что простолюдины в общей массе почти ничего не теряют. Зато урожденные дворяне с детства воспитываются по канонам чести и знают, что любым проступком опозорят свой род. Да, милорды, я тоже помню, что это не остановило недоброй памяти магистра Морхальта. Но ведь многих могло остановить, что признал сам Денвер! Право, лишение малой части и без того недостижимых привилегий – небольшая цена, чтобы сохранить Орден единым.

– Благодарю, милорд, – признательно склонил голову Грегор, с огромным удовольствием слушая этот голос разума. – Милорд Валлендорф?

В том, как проголосует алхимик, он не сомневался. И не ошибся. Валлендорф поспешно сообщил, что согласен с предложением, и преданно поглядел на Райнгартена, словно собака, ожидающая похвалы за хорошо исполненный трюк. Раздражение вернулось вновь. Лучше бы с ним согласился Ладецки или Бреннан! Это точно было бы от души!

– А я против, – спокойно и ровно сказал Роверстан. – Исключительно по соображениям, высказанным милордами Ладецки и Бреннаном.

Что ж, и это было ожидаемо. Грегор оглядел магистров и понял, что выиграл. Ну, почти! Три голоса против и три – за. И один воздержавшийся. Дело за Эддерли, но странно представить, чтобы лорд из Трех Дюжин встал на сторону простолюдинов, да еще и против своего ученика! Конечно, старому некроманту сейчас нелегко... Бреннан его друг, да и Ладецки с Роверстаном, кажется, с Эддерли в недурных отношениях. Но есть же и такие вещи, как беспристрастность! Эддерли – это не Валлендорф!..

– Я против, – тихо, но твердо прозвучал голос некроманта, и Грегор пораженно замер на середине ликующей мысли.

То есть как против?!

– Вы?! – озвучил его изумление Райнгартен. – Милорд Эддерли, я не ослышался?

– Милорд Райнгартен, если у вас нехорошо со слухом, советую обратиться к целителям, – холодно посоветовал Эддерли и повторил с явным раздражением: – Да, я против. Наши коллеги уже сказали достаточно, я могу лишь присоединиться. И напомнить то, о чем иногда забывают. Перед Претемной Госпожой все равны, и золотая кровь, и подлая. Недавние события напомнили об этом даже слишком хорошо. Но каждый, разумеется, вправе видеть свое. Милорд Бастельеро, мне жаль.

– Вам... жаль... – повторил Грегор, едва сдерживая гнев. – Итак, милорды, Совет против моего предложения?! Четверо против троих при одном воздержавшемся, – проговорил он с отвращением.

Глупо злиться на иллюзорника, но проголосуй он «за»... Что ж, тогда было четверо против четверых, а в этом случае Архимаг может голосовать за собственное предложение! Хотя... Тогда не меньше причин злиться на Эддерли и Ладецки! С Бреннаном и Роверстаном-то все было понятно...

– Милорды, я вас услышал! – Он вскочил, и магистры, следуя этикету, принялись подниматься. – Благодарю всех, больше у меня к вам нет вопросов!

Кланаясь, главы гильдий один за одним выходили из зала. Грегор подошел к окну и бездумно уставился на тренировочные площадки, где два мэтра Алого факультета гоняли малышей первого года обучения. Неужели Ладецки прав и предложенная реформа действительно повредит Ордену? Да нет, боевик напрасно беспокоится! Нужно всего лишь хорошо все продумать! Райнгартен говорил дельные вещи...

– Милорд? – послышался из-за спины голос стихийника, и Грегор вздрогнул – надо же, как вовремя. – Грегор, мне так жаль! – с чувством произнес Райнгартен, и Грегор нехотя обернулся. – Ну, не расстраивайтесь, это всего лишь первое голосование! Старик Корсон вообще шел по стопам Дариуса Аранвена, и то у них это заняло лет двадцать!

– Благодарю, Этьен, но поверьте, в утешениях я не нуждаюсь, – процедил Грегор. И с чувством добавил: – Умоляю, больше ни слова о Корсоне!

«Обречен я, что ли, вечно идти по стопам этого рода? – мелькнула злая мысль. – Ну, ничего, когда-нибудь и на меня будут ссылаться...»

– Как скажете! – согласился Райнгартен и жизнерадостно предложил: – Почему бы нам не выпить по чашке шамьета в общей преподавательской гостинной? Лично у меня горло просто пересохло! А наши друзья магистры поняли бы, что эта размолвка ничего не значит, и Орден по-прежнему един!

«Пить шамьет со всеми? Сейчас?» Даже думать об этом было неприятно! С другой стороны, отказ очень уж похож на трусость.

– Идемте, – согласился Грегор и заставил себя вспомнить о вежливости. – Кстати, благодарю за поддержку.

– О, пустое! – махнул рукой явно обрадованный его согласием Райнгартен и немного понизил голос, доверительно сказав: – Я полностью разделяю ваши мысли. Простолюдинов... чересчур много! Неудивительно, что они противостоят нам, истинной опоре Ордена и королевства.

Они вместе вышли из зала Совета, и Грегор мрачно спросил, злясь теперь на себя за провал. – Этьен, вы думаете, это можно изменить?

– Почему нет? – Райнгартен пожал плечами. – Бреннана и Роверстана вы на свою сторону вряд ли склоните. Да и Ладецки упрям, как сотня ослов. Но при всем уважении к лорду Эддерли, он уже в преклонном возрасте. Следующий глава некромантов может оказаться более разумен и сговорчив. Кстати, кто это будет?

– Понятия не имею, – несколько растерялся Грегор. – Всегда полагал, что я. Но теперь...

– Да уж, – хохотнул Райнгартен, – не спускаться же вам по этой лестнице обратно! Впрочем, если следующий Архимаг будет разделять эти идеи...

И он со значением поглядел на Грегора, который сделал вид, что не понимает намека. Великолепно придумано – влезть в кресло Великого Магистра, а ему, Грегору, отдать звезду магистра. Очень в духе Райнгартена!

– Саймон слишком молод, – бросил он. – Да и какой из него магистр? Дарра Аранвен сменит отца на посту канцлера. Денвер...

Чтоб ему сам Баргот угли под котел подкладывал! И тем негодяям, которых он втянул в свой заговор, тоже!

Он с досадой понял, что действительно не представляет, кто бы мог сменить Эддерли на посту магистра. Бедняга Ирвинг погиб очень некстати! Может, стоит поискать среди тех, кто практикует вне Академии?

Устыдившись собственных мыслей, Грегор попытался отогнать их. Лорд Эддерли еще крепок! А ждать, пока твой наставник одряхлеет или умрет, это омерзительно! Кстати, следует поговорить с ним о Саймоне. Талантливый шалопай закончил курс, но может продолжить занятия теперь уже как чей-то личный ученик. Бывает, конечно, что мага учит кто-то из родственников, Грегора и самого учил дед, но чаще традицией брать личного ученика пользуются, чтобы укрепить дружеские связи между семьями. Это же почти родственная близость! Эддерли наверняка захотят видеть в этой роли Грегора, и приглашения следует ожидать вот-вот, с этим не принято тянуть.

– Почему бы нам не сменить Волански? – предложил он. – Неужели в Желтой гильдии нет разумных людей, готовых взять на себя ответственность за ее судьбу?

– Это... сложно, – неожиданно признал Райнгартен. – Разумники и иллюзорники обладают... странным мышлением. Вы, наверное, не знаете, но когда прежний магистр Белых покинул пост, не нашлось ни одного претендента, кроме Роверстана! Остальные отказались просто наотрез! И у иллюзорников сейчас то же самое. Я пытался с ними беседовать, но... все они то ли искренне преданы своему главе, то ли ненавидят любые хлопоты, то ли я просто не понимаю, чего они хотят и как с ними разговаривать! Боюсь, тут я ничем не могу помочь!

– Благодарю и за это, – вздохнул Грегор. – Что ж, подождем...

Они вошли в преподавательскую гостиную, и Райнгартен потянул воздух, так же жизнерадостно провозгласив:

– Чувствую восхитительный аромат! Дорогие коллеги, вы позволите присоединиться к вашему обществу?

– О, конечно! Прошу, милорды! – радушно отозвался Девериан, разливающий напиток по чашкам. – Коллега Роверстан был так любезен, что сварил целый кувшин прямо здесь. Признаться, мне уже несколько надоело пить холодный шамьет, а кухня слишком далеко.

– Я давно предлагал поставить здесь жаровню, – заметил разумник, развалившийся в любимом кресле в углу гостиной. – В Академии не хватает некоторых удобств.

– О да, вы, арлезийцы, знаете толк в удобствах, – весело поддел его Девериан, и Роверстан, усмехнувшись, кивнул. – Говорят, его величество велел обставить одну из гостиных в арлезийском стиле. Это вы ему посоветовали?

– Он сам так пожелал, – пожал плечами разумник. – Я всего лишь показал некоторые образцы. Думаю, дворцу не помешает немного измениться.

«Как будто остальных изменений мало, – желчно подумал Грегор. – Фавориты-южане, отмена большинства придворных должностей... Хотя этих дармоедов и вправду стоило разогнать! Но чем королю не угодила прежняя обстановка?! Арлезийский стиль – что это, вообще, такое?!»

– Вы совершенно правы, – согласился Райнгартен. – Сестра моей жены... Вы же знаете, что они обе фрейлины ее величества? Так вот она говорит, что любовь между их величествами все крепче, и королева с удовольствием принимает участие во всем, что затевает король. Новая гостиная, музыкальные вечера... Хотя насчет вечеров...

Он поморщился, и Грегор немедленно поинтересовался из чувства противоречия:

– А чем вам не нравятся музыкальные вечера? Вполне пристойное развлечение даже в трауре. Не маскарады же! Лично я не против, чтобы моя жена туда ездила. Хотя в будущем намерен отпускать ее с компаньонкой. Не люблю музыку, особенно итлийскую.

– Видите ли, дорогой Грегор... – продолжал морщиться стихийник. – Конечно, общество на музыкальном вечере его величества было самое изысканное, но в целом... Боюсь, атмосфера там будет такова, что лично я не стал бы отпускать туда свою молодую супругу! Не уверен, что это вполне безопасно для семейного счастья.

Что?! Вскинувшись от оскорбительного намека, Грегор тут же себя осадил. Да Райнгартен попросту завидует! Конечно, его жена уже не выезжает, зато ее сестру брат-король вполне мог бы пригласить вместе с мужем. Однако почему-то не пожелал! Неудивительно, что Райнгартены обиделись. Но это не причина болтать лишнее!

– Дорогой Этьен! – лязгнул Грегор, едва сдерживаясь. – Не сомневаюсь, что вы как стихийник прекрасно разбираетесь в вопросах атмосферы. Но я полностью доверяю целомудрию своей жены и без опаски могу отпустить ее в любое общество. А если вы в своей супруге не уверены, могу только посоветовать уделять ей больше внимания.

– Милорд Бастельеро! – раздался из угла голос Роверстана. – Едва ли не впервые в жизни я готов аплодировать вашей рассудительности и... чувству такта. А вам, милорд Райнгартен, могу только напомнить, что на этих вечерах будет присутствовать общество не только изысканное, но и добродетельное. Лорд-канцлер Аранвен, к примеру, тоже не намерен посещать их слишком слишком часто, но совершенно не беспокоится, отпуская свою супругу.

Ну вот, не хватало еще, чтобы Роверстан его поддерживал! Грегор немедленно усомнился в собственной правоте, раз уж этот... новый советник короля точно такого же мнения. Накопившееся раздражение рвалось наружу... Какое вообще право имеют эти двое рассуждать о благопристойности там, где Грегор не увидел даже намека на обратное!

– Может быть, канцлер не опасается потому, – ядовито уронил Грегор. – Что его супруга старше моей на пять десятков лет?

И осекся, поймав странно застывшие взгляды Роверстана с Райнгартеном и услышав характерное сдержанное хмыканье за спиной. Немайн Аранвен?! Здесь, в Академии?! Претемнейшая, как же неловко получилось!

– Прошу прощения, – повернувшись, извинился Грегор и низко поклонился леди Аранвен. – Я всего лишь имел в виду, что ваша добродетель не может подвергаться ни малейшим сомнениям и вне всяких подозрений.

Ему показалось, что леди Немайн это в высшей степени учтивое высказывание несколько не удовлетворило. Еще более странно, что холодный гнев в ее взгляде почему-то сменился непонятной обидной жалостью.

За его спиной послышался странный звук – нечто среднее между стоном и покашливанием. А потом Роверстан самым сладким и бархатным голосом, какой только слышал у него Грегор, произнес:

– Дорогая леди Немайн! Да простит меня ваш супруг, но я счел бы за честь и удовольствие скомпрометировать вашу добродетель любым способом, который вы мне позволите!

Грегор пружиной развернулся к нему, онемев от такой наглости, ожидая возмущения Райнгартена и, безусловно, самой леди Аранвен. Однако жена канцлера проплыла мимо него, шурша шелком серебристо-серого платья, очаровательно улыбнулась Роверстану, вставшему при ее появлении, развернула неизменный веер и, коснувшись его краешком щеки разумника, пропела:

– Ах, гадкий мальчик! Вы умеете сделать даме комплимент. – И добавила, вздохнув: – Повезет же вашей избраннице.

Перехватив изящную, украшенную перстнями руку, Роверстан коснулся ее губами, и Немайн, продолжая благосклонно улыбаться, опустила в кресло рядом. На Грегора она при этом подчеркнуто не смотрела. Зато с тем же отвратительным состраданием на него посмотрели оба мерзавца – Роверстан и Райнгартен. И когда только спеться успели?!

– Рад видеть вас, миледи, – выдавил он, чувствуя себя полным болваном. – Вы решили навестить сына? Занятия еще не начались, но Дарра очень старательно готовится к должности преподавателя. Я сейчас же прикажу его позвать!

– О, не беспокойтесь, милорд! – Немайн Аранвен одарила его легкой любезной улыбкой – бледной тенью той улыбки, что досталась Роверстану! – и сообщила: – Я уверена, что Дарра весьма прилежен. Не будем его отвлекать, тем более что я здесь по другой причине. Очень приятной, но требующей всего моего внимания. Лорд Эддерли оказал мне огромную честь, попросив стать личным наставником юного Саймона.

Наставником? Эддерли?!

Грегору показалось, что ему отвесили оглушительную пощечину – он едва удержался, чтобы не помотать головой. Может, что-то неправильно услышал?! Эддерли-старший отдает Саймона в ученики Немайн Аранвен?! Но... почему?!

Оскорбительность этого заявления меркла только перед его же непонятностью!

Саймон был практически его личным учеником шесть лет! Грегор, конечно, относился ко всему курсу Воронов одинаково справедливо и

учил их с равной старательностью, но Саймона невольно выделял. Сын его собственного наставника, брат его погибшего друга... И Саймон платил ему чуть ли не восторженным почитанием! Почему же...

Ему показалось, что все в гостиной смотрят на него. Кто с насмешкой, кто с фальшивым сочувствием, кто с удивлением... Ну разумеется! Все же знают, кто был любимым преподавателем Саймона! Вот именно – был... Но все-таки – почему?! За что?!

– Поздравляю, миледи, – с трудом выговорил он, кожей ощущая эти взгляды как ожоги. – Эддерли-младший очень талантлив. Думаю, вам будет интересно с ним заниматься...

«Только вот чем?! – вопило оскорбленное самолюбие. – Чему эта... почтенная дама может научить моего лучшего адепта?! Ну, лучшего, не считая Дарры Аранвена... Ах вот оно что! Немайн, наверное, занималась с сыном и решила, что его успехи... Но как Эддерли-старший на это согласился?! Разве он не понимает, что Саймон достоин совсем иного наставника? Учил бы его сам – я бы слова против не сказал! Хотя магистр великолепен в работе с призраками, а Саймон – универсал! Редчайший случай, когда талант развивается сразу в нескольких направлениях! Но мальчишка всегда с упоением занимался именно проклятиями... Что ему способна дать Немайн?! Эддерли, правда, упоминал, что она теоретик, да и Дарра силен именно в теории, но... Проклятье, этого просто не может быть! Она вот так запросто взяла – и забрала моего ученика?!»

– Благодарю, милорд Бастельеро, – чуть склонила голову Немайн, изучая его взглядом, в котором Грегор тщетно искал хотя бы тень злорадства. – Мне известно, что он прекрасно подготовлен. Уверена, во многом это именно ваша заслуга.

Учтивые слова, которые должны были смягчить обиду, показались маслом, которое плеснули в огонь. Грегор закусил изнутри губу, чтобы не сказать лишнего, и коротко поклонился. Шамьет, остывающий для него на столе, сейчас точно встал бы поперек горла, а Немайн, невозмутимо поигрывая веером, отвернулась к Девериану и заговорила с ним о дочерях. Кажется, старшая из них собралась замуж... Кажется, у Немайн Аранвен имелся подходящий жених – кто-то из боковой ветви Аранвенов... Грегор с омерзением отвернулся от радостно вскинувшегося артефактора и любезной супруги канцлера. Уязвленная

гордость немедленно требовала сделать хоть что-нибудь, но что?! Не на дуэль же вызывать леди в полтора раза старше него самого! Некромантку-теоретика! Лучше бы действительно браки устраивала!

Снова поклонившись, он вышел из гостиной, едва сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью. Да что за день! Сплошной позор...

Все-таки встряхнув головой, Грегор несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, пытаясь успокоиться. Прошел по коридору несколько шагов, свернул за угол и едва не столкнулся с Эддерли-старшим. Проклятье! Этого не хватало! Ну что ж, зато хотя бы можно спросить о причинах этого... унижения!

– Милорд Архимаг? – Пожилой некромант посмотрел на него несколько виновато и мягко поправился: – Грегор? Прошу, уделите мне несколько минут.

– С удовольствием, – процедил Грегор, не испытывая ни капли этого чувства. – Изволите зайти ко мне? Или пройдем к вам в кабинет?

– Ко мне ближе, – отозвался его бывший наставник. – Если не возражаете...

В полном молчании они дошли до кабинета магистра Фиолетовой гильдии. Повинуясь многозначительному взгляду Эддерли-старшего его секретарь торопливо покинул приемную, и пожилой некромант сам распахнул перед Грегором дверь.

– Умоляю, только не надо предлагать мне шамьет, – зло попросил Грегор. – Давайте сразу о деле. Милорд, я понимаю, что выбор наставника для сына – ваше святое право. Но я рассчитывал... Я его шесть лет учил! – Он с отвращением услышал собственный дрогнувший голос. – Ради Претемной, милорд Эддерли, неужели я хотя бы не заслужил узнать это от вас?!

«Я чувствую себя женихом, которому невеста не просто отказала, а предпочла другого, – с омерзением подумал он. – Впрочем, когда мне в самом деле отказали, это было не так... Тогда я сам был виноват и сумел исправить ошибку. А сейчас-то что случилось?! Эддерли ни разу не дал понять, что ему не нравится моя манера преподавания или мои принципы...»

– Простите, Грегор, – вздохнул магистр, садясь в кресло и жестом предлагая гостю второе. – Конечно, мне следовало с вами поговорить. Но вы всегда так заняты... Признаться, я не думал, что Немайн

откликнется так быстро, и рассчитывал, что успею вас предупредить. Мне действительно жаль...

– И все-таки в качестве наставника вашего сына я вам решительно неугоден, – процедил Грегор, оставаясь стоять. – Не собираюсь набиваться, но можно хотя бы узнать, почему вы изменили мнение? Мне казалось, что мы с Саймоном неплохо ладим. Я бы счел честью отдать вам свой долг ученика таким образом! Право, неужели я должен усомниться в своем мастерстве некроманта?!

– Нет, Грегор, – покачал головой Эддерли, глядя на него со странным чувством, которое можно было бы назвать жалостью, но с чего? – Ну что вы... Ваше мастерство несомненно и непревзойденно. Думаю, мы оба понимаем, что я вам значительно уступаю.

– А Немайн Аранвен – нет? – язвительно поинтересовался Грегор, успокоившись ровно настолько, чтобы все-таки сесть в кресло.

– Она безусловно уступает вам в силе, – невозмутимо откликнулся магистр. – Хотя в теории изумительно хороша. Вы ведь так и не нашли время ознакомиться с ее работами, верно? А они таковы, что могли бы послужить основанием для новой ветви некромантии, сочетающей... Впрочем, дело не в этом. – Он тяжело вздохнул, сплел пальцы перед собой на столе и посмотрел на Грегора с прежней жалостью, к которой теперь добавилась еще и вина. – Грегор, вы отличный преподаватель и очень многому научили моего сына. Но теперь пришло время, когда ему нужна совсем другая наука...

Он замолчал, вздыхая и явно не зная, как продолжить разговор.

– Выражайтесь яснее, милорд, – раздраженно попросил Грегор. – Чему, вы полагаете, я не могу научить Саймона?

– Извольте, – еще глубже, почти горестно вздохнул Эддерли-старший. – Вы не сможете научить его великодушию.

– Что?! – поразился Грегор.

– Великодушию, – негромко повторил магистр. – Справедливости. Милосердию. Уважению к врагам и друзьям... Грегор, вы великий человек! Великий, но... страшный. Мне, вашему наставнику, повидавшему в жизни всякое, порой становится страшно рядом с вами. – Он помолчал и еще тише продолжил, глядя поверх плеча онемевшего от изумления Грегора: – Саймон многому научился у вас, но... далеко не все из этого многого мне нравится. Дилан был другим, он не шел за вами так бездумно, но даже его поведение меня

беспокоило. Вы умеете увлечь, Грегор. Умеете влюбить в себя. Особенно восторженных юнцов, млеющих от вашей силы и вечной уверенности в своей правоте. И все-таки Дилан был сильнее и великодушнее от природы, он не всегда поддавался вам, а Саймон... Боюсь, у него нет шанса устоять даже с якорем в виде Аранвена. Он поверит вам безраздельно и постарается стать вашей копией, а этого я боюсь... просто смертельно. Странное слово для некроманта, верно?

Он попытался улыбнуться, и Грегор смог потрясенно спросить, едва осознавая, что слышит:

– Но почему? Разве я могу научить его чему-то плохому? Бесчестному?!

– Вы научите его быть таким же, как вы, – едва заметно поморщился Эддерли-старший. – Беспощадным ко всем, кто думает иначе и смеет жить по своей воле, а не по вашей. Это во многом и моя вина. Я не смог стать для него такой же путеводной звездой, как вы. У отцов это редко получается, мы слишком близки со всеми нашими слабостями. Наставники в этом отношении более везучи, особенно герои. Помните, я вам когда-то сказал, что Вороны поставили вас на пьедестал? Для Саймона это особенно правдиво. Простите, Грегор, но я не хочу, чтобы моего сына лепил по своему подобию человек, неспособный справиться с собственными страстями. Вы же чем дальше, тем сильнее становитесь похожи на собственного деда. Стефан был великим некромантом! Но его ненавидели и боялись. А любил, его, пожалуй, единственный человек на свете. Понимаете, о ком я?

– Обо мне... – еле слышно уронил Грегор. – Но... Эддерли, вы не правы! Меня любят ученики. И жена... И...

– Вы отдали своих учеников Дарре, выбрав между ними и обязанностями Архимага, – мягко напомнил ему Эддерли. – Я вас не осуждаю, но они... несколько обижены. Ваша жена... Нет-нет, я не лезу в вашу семью, конечно же! Но Мариан говорит, что новая жизнь дается девочке очень нелегко. Надеюсь, ее вы сможете уберечь...

Он посмотрел на Грегора с возмущительным сомнением и опять вздохнул, продолжая:

– Я попросил Немайн стать наставницей моего сына не только потому, что ему полезно подтянуть теорию. Она единственная, у кого хватит не только знаний, чтобы его учить, но и силы воли, чтобы хоть

немного затмить в его сознании вас. Чтобы заново привить на дерево его души те ветви, которые уже почти засохли. Научить его, что слабых можно и должно жалеть, что знатность не всегда означает благородство, и что все люди заслуживают справедливости. Между нами говоря, Аранвены очень далеки от милосердия! Но они считают себя настолько выше прочих, что с этой высоты нет особой разницы между дворянами и простолюдинами. Поэтому Аранвенам доступна великая роскошь оценивать людей не по происхождению, а по иным достоинствам.

– Эддерли, подождите! – осенило Грегора. – Так вы из-за того, что случилось сегодня?! Из-за моего проекта?!

Что-то не сходилось! Немайн прибыла в Академию сразу после Совета, магистр не успел бы сделать ей предложение! Но...

– Сегодня я только убедился в правильности этого решения, – очень печально сказал пожилой некромант. – Если бы вам удалось задуманное, Орден шагнул бы на страшную дорогу! Не лучше той, по которой нас хотел потащить Денвер. Они с Морхальтом тоже беспокоились о чистоте крови, хоть и иначе...

– Ну, знаете! – Грегор вскочил с кресла. – Сравнивать меня и этих!.. Милорд, я не держу зла! Просто не ожидал... И если вы передумаете, – добавил он в порыве великодушия, напомнив себе, что у стариков бывают странные мысли, – я всегда буду рад принять Саймона в ученики!

– Очень любезно с вашей стороны, милорд Архимаг, – церемонно проговорил Эддерли и вдруг... закрылся.

Словно улитка, что втянула рогатое тельце в раковину и еще створку изнутри выставила. Маленький Грегор видел таких в саду...

А теперь бывший наставник, отец его друга и его ученика смотрел на него непроницаемым взглядом, в котором читалась разве что усталость.

– Прощайте!

Поклонившись, Грегор стремительно вышел из кабинета и торопливо зашагал к выходу на улицу. Домой! К Барготу дела – ему нужно домой! Окунуться в чистую нежность взгляда Айлин, словно в сказочный источник Милосердной Сестры, который излечивает любые болезни. Там, наверное, такая же зеленая вода... Прохладная, свежая, животворная... И хотя сейчас день, можно просить ее распустить

волосы и зарыться туда лицом. Айлин ему никогда не отказывает в такой милости! Оставить за порогом все неудачи, набраться сил в аромате ее локонов, чтобы потом выйти к миру во всеоружии! Всеблагая, как же ему повезло с женой! По сравнению с ее любовью что значат все эти глупые мелкие обиды?!

Совет магистров не принял его предложение? Они еще изменяют свое мнение! Бастельеро умеют добиваться своего! Лорд Эддерли отдал сына в ученики не ему? Да, это оскорбительно, но еще посмотрим, что скажет сам Саймон. Мальчишка упрям и дерзок, Немайн Аранвен сто раз пожалеет, что приняла приглашение в его учителя. А все то, что говорил Эддерли-старший... Благие Семеро, да он, возможно, уже просто заговаривается! Не дайте дожить до таких лет, чтобы нести подобную чушь с самым серьезным видом! Великодушие, милосердие... Еще немного – и они с Волански прекрасно найдут общий язык! Вот тогда и появится повод сменить магистра гильдии.

Испорченное настроение стремительно улучшалось. Грегор даже улыбнулся, предвкушая, как Айлин обрадуется его раннему возвращению. Можно будет повезти ее гулять, погода сегодня прекрасная! Например, нанести визит Элоизе Арментрот и попросить ее сопровождать Айлин на следующий музыкальный вечер. И пусть Райнгартены хоть изведутся! Его жена должна получить все, что пожелает, будь это приглашение в королевский дворец или вечер с собственным мужем. Тем более что вскоре она перестанет выезжать и...

Грегор представил, сколько счастья их ждет вдвоем! Никаких докучливых визитов, никаких поездок... Все, что она пожелает, разумеется, ей привезут! Книги, вышивки, украшения и духи... Может быть, она захочет заново отделать детскую?! Да, точно, нужно ей предложить! А может, подарить ей милую собачку? Ведь не будет она держать в доме умертвие, когда родится ребенок. Это опасно! Пусть эта тварь и прикидывается живым волкодавом, но рисковать малышом нельзя!

А Райнгартен, кстати, говорил, что сейчас все дамы, которые могут себе это позволить, обзаводятся крошечными пушистыми собачками из Фраганы! Очень милые зверюшки за совершенно непристойные даже по меркам Райнгартенов деньги. И, к тому же, не

размножаются, потому что хитрые фраганцы как-то лишают их этой возможности. Райнгартен как раз очень сокрушался, потому что приобрел для жены пару и рассчитывал вернуть затраты потомством... Айлин любит собак, можно купить ей хоть целую стаю этих пушистиков! Что угодно, лишь бы она улыбалась...

Глава 11

Музыкальный вечер его величества

Дверь арлезийской гостиной, окончательно обставленной всего три дня назад, распахнулась, впуская шелест шелкового платья и дивный запах. В комнате повеяло тонким, нежным, одновременно горьким и сладким и таким щемяще знакомым, что Лучано на миг показалось, будто он очутился дома, в палаццо мастера Ларци у распахнутого в сад окна. А за окном этим середина весны, но никак не конец лета. Цветущий фраганский каштан! Семеро Благих, какая прелесть!

Он поднял взгляд от лютни и восхищенно улыбнулся замершим на пороге женщинам. Одной – совсем юной, рыжеволосой, одетой в темно-лиловое платье, прихваченное в талии широким мягким поясом без всякого корсета. И второй – высокой, белокурой, затянутой в черное и уже немолодой, но все равно изумительно красивой. Лучано потянул носом – да, тоже фраганский аромат, но жасмин. Какое прекрасное сочетание с каштаном! Сложные итлийские духи Беатрис, которыми успела пропахнуть гостиная, в сравнении кажутся слишком тяжелыми и сладкими даже для вечера.

– Ее светлость леди Бастельеро и сударыня Арментрот! – провозгласил мажордом, и все мужчины встали, включая Альса, который упорно следовал в этом этикету обычного дворянина.

Обе дамы прошли в гостиную, а за ними, бесшумно ступая по синему с бежевым узором арлезийскому ковру, важно прошествовал синьор Собака, он же лорд Ульв, про которого мажордом, похоже, не решился доложить. Ну и зря, к лорду Ульву король благоволит посильнее, чем к некоторым грандсиньорам из Трех Дюжин.

– Добрый вечер, миледи! – радостно сказал Аластор, а королева всего на миг поджала губы и тут же милостиво улыбнулась. – Дорогая Айлин, а лорд Бастельеро... занят?

– Да, ваше величество, – отозвалась синьорина, приседая в реверансе, и восхитительная синьора Элоиза грациозно сделала то же самое. – Он просил передать глубочайшие извинения, что не мог принять ваше приглашение. Он очень сожалеет! Но моя тетушка была

так добра, что согласилась меня сопровождать. Позвольте представить вам госпожу Элоизу Арментрот, урожденную леди Морхальт.

– Да-да, я тоже... сожалею! – еще радостнее отозвался Альс и ухитрился даже не покраснеть от такого наглого вранья. – Но как славно, что вы смогли приехать! Госпожа Арментрот, благодарю вас! В моем доме вы желанная гостя! Айлин, прошу, не нужно реверансов. Тебе нельзя, наверное...

Он все-таки покраснел, и королева тут же отозвалась голосом сладким, как вишневый ликер на меду:

– О, не беспокойтесь, дорогой супруг. Наша милая леди Бастельеро прекрасно переносит тяготы своего положения, это видно по цвету лица и блеску глаз!

Альс растерянно и вопросительно посмотрел на Айлин, та мужественно заверила, что действительно себя отлично чувствует, а Лучано, снова занявший любимое кресло, с трудом подавил жгучее желание сыпануть в бокал ее величества хотя бы слабительного. Вдруг ей вовсе не повредит?! Конечно, лишний гадючий яд таким путем не выйдет, но остаток вечера королева провела бы в уборной, а не здесь...

Он позволил себе помечтать об этом, но, увы, зелья, которое может уговорить беременную, не повредив при этом плоду, не знал, наверное, даже сам мастер Ларци.

А синьорина – Лучано по-прежнему не мог заставить себя называть ее синьорой – и вправду выглядела нехорошо. Точнее, не лучше, чем в прошлый раз. Медно-золотые волосы потускнели, личико побледнело и осунулось. По сравнению с Беатрис, которая носила беременность легко и красиво, Айлин свою переживала тяжело и откровенно подурнела. Разве что глаза казались огромными и лихорадочно блестящими, но любому, кто хоть сколько-нибудь смыслил в медицине, было ясно, что блеск это нездоровый. Королеве же непременно нужно было подчеркнуть разницу! Гадюка...

– Присаживайтесь, миледи!

Альс предложил Айлин руку и провел к свободному диванчику, синьора Элоиза помогла ей сесть и сама опустилась рядом – изящная, тонкая, идеально прямая и тоже слегка осунувшаяся. Глухое траурное платье сидело на ней безупречно, золотисто-белокурые волосы синьора убрала в строгую прическу, а единственным украшением, что она себе позволила, оказался небольшой серебряный медальон на

цепочке. Лучано поставил бы свой дворянский перстень, что там скрывается портрет покойного мужа или локон его волос. В общем, что-то такое... последняя память об ушедшем.

Он заметил, что королева смотрит на Элоизу с явной неприязнью, и поспешно тронул струны лютни, извлекая из них тихую легкую мелодию. Хитрость удалась – ее величество отвела взгляд и нежно улыбнулась супругу. Месьор д'Альбрэ неслышно переместился на пару шагов от кресла, из которого поднялся, и встал у диванчика так, чтобы видеть Айлин и ее спутницу. С другой стороны зеркальным отражением фраганца к дивану шагнул лорд Кастельмаро. Пушок, что улегся у ног Айлин, приоткрыл один глаз, лениво шевельнул ушами, но решил, что его бдительность не требуется, и снова сделал вид, что спит.

– Беатрис, дорогая, вы нам что-нибудь споете? – поинтересовался Альс, но королева, продолжая улыбаться, покачала головой.

– Увы, я сегодня не в голосе, – отозвалась она. – Может быть, леди Бастельеро нас порадует?

И она опять взглянула на Айлин с притворной благосклонностью. Лучано показалось, что запах духов королевы стал сильнее, словно пытаясь преодолеть фраганский дуэт жасмина и каштана. Глупость, конечно, у ароматов нет разума. А вот у тела, в котором отчего-то быстрее побежала кровь, еще как есть, и этот телесный запах, смешиваясь с духами, заставляет их пахнуть иначе. Сильнее, резче, тревожнее. Лучано вряд ли смог бы объяснить, что он сейчас чувствует, но скажи он мастеру, что в гостиной вдруг повеяло неприятностями, Ларци бы его отлично понял. И как Шип, и как парфюмер.

– Простите, я вряд ли осмелюсь, – с мягким достоинством негромко отозвалась Айлин. – Не с моими скромными талантами выступать в столь блестящем обществе. Может, лорд Фарелл?..

И она просительно улыбнулась ему.

– С радостью! – торопливо откликнулся Лучано. – Я разучил пару новых песен к сегодняшнему вечеру.

Что угодно, лишь бы отвлечь внимание королевской гадюки от синьорины! Королева, будто прочитав его мысли, нахмурилась, но Лучано сделал вид, что не замечает ее недовольства, и снова пробежался по струнам Ласточки. Про новые песни он солгал, но и

старых вполне хватит. На ум почему-то лез «Шиповник», но вот это сейчас и вовсе будет не к месту. Или... напротив? Мелодия, которую он слышал всего раз, но запомнил так, словно она отпечаталась на сердце, сама собой полилась из-под пальцев. Ласточка звучала сегодня с особенной теплотой и глубиной, и Альс, услышав знакомые звуки, тут же вскинулся.

– А это даже я могу! – обрадовался он. – Лу, позволишь?

– Сочту за честь аккомпанировать, монсиньор, – скрыл усмешку Лучано. – Или могу подпеть вам вторым голосом, если хотите...

Он продолжал негромко наигрывать вступление, пока Альс объяснял гостям:

– Мы пели эту песню возле Разлома! В самую последнюю ночь... Айлин, может быть, ты все-таки?..

– Я... попробую, – тихо сказала Айлин, и королева опять поджала губы.

Синьора Элоиза взяла руку племянницы и легонько сжала, ободряя, а потом посмотрела на королеву. Взгляды женщин скрестились, и Лучано послышалось лязганье, словно столкнулись две рапиры. Почти сразу Беатрис опустила ресницы, пряча злой огонек, и Элоиза тоже отвела взгляд с полнейшим равнодушием. Всеблагая Мать, какая женщина! Хоть бы у бретера с гуардо и правда не дошло до дуэли – поубивают же друг друга!

– Цветущей порою девицу я встретил... – начал Альс, вплетая голос в незатейливую мелодию.

Несколько мгновений, и Айлин негромко поддержала его, вторя с удивительной простотой и нежностью. Их голоса переплелись, идеально сочетаясь и словно отражая друг друга. На несколько ударов сердца Лучано показалось, что вокруг снова ночной лес, он будто слышал те же шорохи и запахи, задохнулся от прежней тоски, но... сморгнул предательски наплывший на глаза туман и глубоко вздохнул. Это ничего, это просто ветерок подул в распахнутое окно и принес цветочную пыльцу из сада...

– Колечко на палец надел моей милой,
Когда унесло лепестки ветерком.

Голос Аластора плыл по комнате ровно и спокойно, несмотря на печальный сюжет песни. Айлин уверенно вторила ему, но тут дверь гостиной снова открылась, и синьорина запнулась. Распахнула глаза. Беспомощно и медленно, как во сне, подняла руку и схватилась за маленький флакончик, что висел у нее на шее. Очаровательная вещица – золотисто-коричневая круглая бутылочка в виде плода каштана и бело-золотая крышка-цветок. С тем самым восхитительным ароматом, похоже... Во взгляде Айлин мелькнуло что-то, чему Лучано не смог подобрать названия.

– Поклялся, что буду я с ней до могилы, женой молодою введу к себе в дом... – допел в одиночку Аластор, и тут же мажордом церемонно объявил, пропуская знакомую фигуру в камзоле цвета топленого молока:

– Магистр гильдии разума Дункан Роверстан!

«Он... мой жених... Он такой внимательный и заботливый! – вспыхнуло в памяти Лучано. – Это он подарил мне нож. А еще – настоящие фраганские духи. Сам выбрал для меня аромат, представляешь? Они пахли цветами каштана...»

Ох, как же больно! Это отголоски того, что сейчас чувствует Айлин?! Или его, Лучано, собственные чувства?

Пальцы дрогнули, и мотив сбился, как голос синьорины только что. Почти сразу Лучано продолжил, но Альс уже замолчал. Нахмурился, обеспокоенно глянув на Айлин, перевел взгляд на Лучано, потом – на Роверстана, застывшего в дверях, будто что-то мешало ему войти.

– Какая прекрасная баллада! – громко сказала синьора Элоиза. – Айлин, бедная моя девочка... Простите, ваше величество, я боюсь, что моей племяннице тяжело вспоминать об этом походе.

– Да-да, конечно! – выдохнул сообразивший что-то Альс и посмотрел на Элоизу с глубокой благодарностью. – Айлин, прости, на тебе лица нет! Я не хотел...

– О, ничего, – выдавила еще сильнее побледневшая синьорина и с трудом отвела взгляд от двери. – Это я должна просить прощения, что испортила песню.

– Ничего ты не испортила! – поспешно возразил Аластор. – Дункан, входите же! Я так рад, что вы наконец пришли! Теперь... теперь все мои друзья в сборе!

Альс обвел комнату удивленным взглядом, наверняка лишь сейчас заметив, что они с Беатрис остались одни, остальные гости собрались у противоположной стены. Лучано, оказавшийся посередине и на отшибе, сам с удовольствием перебрался бы поближе к синьорине, но это уже получится слишком вызывающе. Такого Беатрис ему не простит.

Ей, к сожалению, хватает ума понять, что королевские фавориты принадлежат исключительно королю, а не ей. Королю – и леди Бастельеро, судя по тому, с каким почтением синьоры д'Альбрэ и Кагельмаро ухаживали за Айлин на прошлом вечере. И, кстати, Аранвены, которых сегодня нет, тоже были с ней исключительно любезны, с королевой перемолвившись разве что парой слов из вежливости. А если к этой дивной компании добавится еще и единственный здесь итлиец... Вдобавок именно тот, кого Беатрис считает своей собственностью... Нет уж, не стоит наступать на хвост гадюке, у которой все зубы целы и полны яда!

Все это пронеслось у него в мыслях, пока Роверстан пересекал просторную гостиную, подходя к королевской чете.

– Ваше величество... – уронил он, кланяясь королю.

– Без церемоний, магистр, – широко улыбаясь, попросил Альс. – Мы все здесь просто хорошие друзья! Жаль, что вы не смогли прийти в прошлый раз, было так весело!

Беатрис, тоже улыбнувшись, протянула руку, которую разумник почтительно поцеловал и с полным равнодушием сообщил:

– Ваше величество сегодня прекрасны как всегда.

Лучано старательно сдержал ухмылку. Такой плоский комплимент от арлезийца?! Право, это хуже оскорбления! Беатрис тоже это поняла, и ее улыбка несколько поблекла, но разумник уже направился к диванчику.

– Элоиза... – Низко поклонившись, он коснулся губами пальцев синьоры Арментрот. – Очень рад вас видеть. Леди Бастельеро, здравствуйте, – добавил Роверстан, выпрямляясь и ожидая.

Лучано, со своего места прекрасно видевший эту сцену, невольно затаил дыхание, и только пальцы послушно перебирали струны. Плох

тот Шип, что не сможет скрыть волнение, а лютня – прекрасная маскировка. Позволяет спрятать выражение глаз и держать лицо. Да-да, он так поглощен сложной мелодией, что не может ни что отвлечься. Не видит, как фраганец и боевик обмениваются многозначительными взглядами, словно пробуя друг друга в поединке. Как Беатрис склоняется к Альсу, улыбаясь... Не слышит, как Аластор послушно отвечает на какой-то кокетливый вопрос, заданный воркующим голоском... Что-то про успехи юных принцесс в верховой езде, так мило...

– Доброго вечера, милорд магистр, – сказала Айлин каким-то чужим голосом и... поглубже спрятала руки в складках темно-лилового траурного платья.

Так же молча склонив перед ней голову, магистр отошел, и Лучано незаметно перевел дух. Пожалуй, грандсиньору Дункану с лихвой хватит запаха этих самых духов, что наверняка воскрешают в его памяти слишком многое. Целовать руку любимой женщины с чужим обручальным кольцом – уже чересчур. Конечно, синьорина просто не знала, кого здесь может встретить, иначе воспользовалась бы другим ароматом, как в прошлый раз. Вот Беатрис, напротив, не упустила бы случая напомнить, но Айлин... В ней, бедняжке, ни следа женской хитрости и коварства. От этого смотреть на ее мучения еще больнее!

– Миледи Элоиза? – Благородный синьор Кастельмаро явно решил, что наступил удачный момент. Щелкнув каблуками, он приосанился, сделал четкий шаг вперед и поклонился. – Дориан представлял нас когда-то, но я опасаюсь, что та встреча стерлась из вашей памяти за столько лет.

– Ничуть, милорд, – склонила голову восхитительная синьора и внимательно глянула на блестящего, как новенький флорин, боевика в ало-золотом мундире. – Я очень уважала Дориана Ревенгара и всегда с особенным вниманием относилась к обществу, которое он рекомендовал. Хотя сударыни вполне достаточно, я больше не принадлежу к дворянству.

– И все же благородная кровь всегда остается благородной! – пылко заверил Кастельмаро. – Могу ли я рассчитывать на возобновление знакомства?

Лучано про себя поморщился. Ох уж эти гвардо с их лихим наскоком. Кажется, кого-то сейчас щелкнут по носу, и не помогут

бедняге ни роскошные усы, ни золотые позументы, ни титул. Одно хорошо, теперь всеобщее внимание приковано к этой троице.

Он глянул на Дункана, который отошел и, отвернувшись, внимательно рассматривал небольшую картину в простенке между окнами. Недурной пейзаж кисти какого-то арлезийского маэстро прислал один из шуринов Аластора. И, разумеется, почти сразу второй шурин прислал еще одну картину – для другого оконного простенка. Ох уж эти королевские родственники, стараются, словно два призовых жеребца, чтобы ни один не обошел другого в изъятии родственной любви! Хотя картины и вправду хороши. Стоят того, чтобы их рассмотреть, отвернувшись от всех. Ну что ж, способ не хуже лютни.

– Я в трауре, милорд. – Учтивый тон синьоры Элоизы остался таким же учтивым, но стал заметно прохладнее. – И всего лишь исполняю родственный долг, сопровождая племянницу. Буду крайне благодарна, если вы отнесетесь к этому с должным уважением.

– О, конечно! – растерялся Кастельмаро. – Я никоим образом не хотел вас оскорбить! Траур – это святое. Однако он не вечен. Я уверен, вскоре вы займете при дворе новое положение, достойное вашей красоты и благородной крови...

– Чтобы занять новое положение, мне следовало иметь хоть какое-то прежнее, – заметила синьора Элоиза еще холоднее. – Я не была представлена ко двору его величества Малкольма, мой отец полагал это излишним. А сейчас, несмотря на все великодушные его величества, и вовсе не стремлюсь к этой высокой чести. Мои извинения, милорд!

Наткнувшись на ледяной взгляд, гуардо сконфуженно отошел. Лучано бы его пожалел, но в этом соперничестве его симпатии были на стороне второго претендента. Который как раз решил, что наступила его очередь. Очень разумно, сразу видно, у кого из этих двоих лучше с тактикой. Предоставить сопернику первый ход, чтобы учесть его ошибки и выглядеть лучше! О да, не зря же любовь сравнивают с войной, говоря о выборе средств.

– Мои искренние соболезнования, мадам, – раздался негромкий голос фраганца. – Уверен, ваш муж был прекрасным человеком, если вы так по нему скорбите. Жаль, что я не имел чести его знать.

Губы синьоры Элоизы тронула тень улыбки.

– Благодарю, милорд, – ответила она. – Тимоти был купцом, вряд ли у вас имелась возможность свести с ним знакомство.

– Он также был другом моего друга, – возразил ей бретер. – А дружба месьора Роверстана для меня лучшая из возможных рекомендаций. Простите, я не представился. Миледи Айлин, смею ли просить?..

Он поклонился обеим дамам, приложив руку к груди, и Лучано по достоинству оценил гибкость уже немолодого, но отменно тренированного тела. Забавно, как они похожи с синьором Кастельмаро, не считая цвета глаз, и как при этом отличаются! Черное против красно-золотого, смертельно опасная змеиная гибкость против четкой военной выправки. Пожалуй, синьоре Элоизе будет непросто выбрать! «Право, жаль, что она не фраганка, – мелькнула фривольная мысль. – Могла бы взять обоих! Одного в мужа, второго – в друзья дома, так это, кажется, называется у наших дорогих фраганских соседей! Мм-м, какое трио получилось бы! Грандиозо!»

– Месьор д'Альбрэ – наставник его величества Аластора, – с готовностью отозвалась Айлин. – И человек, чья преданность и мужество помогли нам добраться до Разлома.

– В таком случае, я ваша вечная должница, милорд, – Элоиза опять улыбнулась, причем гораздо теплее. – Вы учили его величество фехтованию?

– Месьор д'Альбрэ учил меня всему! – вмешался Альс. – Если бы не его уроки, я бы не вернулся из того похода живым.

– Неправда, ваше величество, – невозмутимо возразил фраганец, на людях всегда строго соблюдавший этикет и именовавший Альса как положено. – Я определенно не учил вас двум вещам. Метать секиры и... добавлять мед в благородное вино.

На несколько мгновений в гостиной повисла тишина. Потом Альс расхохотался первым, следом рассмеялись остальные, даже Айлин звонко хихикнула, показавшись совсем прежней. Только синьор Кастельмаро раздосадовано покрутил ус, потому что по губам Элоизы снова скользнула улыбка, а лед во взгляде растаял.

– Что поделать, вот такой я варвар, – со смехом признался Аластор. – Кстати, о вине! Милорды, миледи, прошу угощаться!

В гостиную тенью скользнули три лакея, обнося гостей бокалами с вином и легкими закусками. Лучано заметил, что Айлин взяла бокал со светлым фраганским, но, едва пригубив, поставила на столик. Очень разумно со стороны синьорины! Пока что королеве вроде бы

незачем ее травить, но во взглядах и голосе Беатрис, когда она смотрит на Айлин, сквозит все больше раздражения.

Бедняга Альс даже не подозревает об истинном характере своей благоверной... Да, определенно, синьорине не стоит слишком усердно угощаться чем-то во дворце. Беатрис ведь может не удержаться. Два дня назад молоденькую фрейлину Береники и Алиеноры, дворяночку из захудалого рода, отправили домой только потому, что Альс, когда возился с принцессами, мимоходом обратил на нее внимание и уронил, что улыбка у девицы в точности как у его матушки. Благо девчонка оказалась умненькой и все правильно поняла, после разговора с ее величеством исчезнув из дворца быстрее, чем аванс из кармана наемника. Но леди Бастельеро – это не фрейлинка, от нее так легко избавиться не выйдет.

Словно нарочно, Аластор присел на диван рядом с Айлин и принялся гладить синьора Собаку, который охотно подставлял ему голову, прядал ушами и улыбался, вывалив язык, совершенно как живой пес. Синьорина тоже запустила пальцы в роскошную белую шерсть, и неудивительно, что их с Альсом руки в какой-то момент встретились. Беатрис, не сводившая глаз с обоих, вздрогнула, но Аластор тут же преспокойно убрал руку, словно ничего не случилось, и спросил:

– Айлин, почему ты не пьешь вино? Ты ведь любишь белое. Может, принести другой сорт?

– О, не надо! – заверила она. – Я просто... что-то не хочу...

– Тогда, может быть, шамьет? – Аластор старался изо всех сил, и Лучано его понимал!

Синьорина выглядела такой несчастной... так старательно не смотрела в сторону магистра, застывшего у окна... Разумник владел собой гораздо лучше, но даже в его ровной спине Лучано чудилось напряжение, а уж что творится в душе бедной девочки, увидевшей возлюбленного после столь долгой разлуки, и представить страшно!

Не переставая наигрывать, он от всей души пожалел, что отравить бокал Беатрис прямо сейчас не выйдет. Плевать на возможные последствия! Все остальные, кроме грандсиньора Кастельмаро и королевы, посвящены в тайну, но гуардо, если даже что-то поймет, вряд ли побежит докладывать Архимагу. Честь для него не пустой звук, да и последнюю надежду на милость синьоры Элоизы боевик

вряд ли решится утратить. А вот королева... Как же неудачно получилось! Лучше бы Айлин спокойно протянула руку для поцелуя. Лучше бы она сейчас улыбалась и шутила, прикрыв маской этикета боль измученной души... Но разве тогда это была бы она?!

– Ах, но мы ведь в арлезийской гостинной, а не в обычной! – снова сладко пропела королева. – Кажется, в Арлезе чаще пьют шоколад. Не так ли, милорд Роверстан?

– Совершенно верно, ваше величество.

Обернувшись, разумник слегка поклонился.

– А эта жаровня, она для шоколада тоже годится? – не унималась Беатрис. – Мой дорогой супруг рассказывал, что вы превосходно варите этот напиток.

Точно, на той вечеринке разумник варил не только шамьет... Угораздило же Альса ляпнуть! Впрочем, он же не видел в этом ничего плохого, да и кто бы мог предположить?!

– Милорд магистр вряд ли знает эти специи, – вмешался Лучано, старательно изображая услужливого идиотто. – К тому же прибор для шамьета собирал я и, боюсь, не принес шоколад. Если ваше величество позволит, я сейчас же пошлю за ним и сварю сам!

Он не понимал, почему Роверстан попросту не попросит прощения и не откланяется. Ну не ради же итлийских песенок магистр сюда пришел! «Вот потому и не уходит, – горько оборвал сам себя Лучано. – Для него это тоже первое свидание за несколько месяцев! Такая редкая возможность увидеть ее... побыть с ней хотя бы пару часов, пусть и в компании... Какое счастье, что грандсиньор Бастельеро не смог приехать! Как плохо, что королева здесь...»

– Нет-нет! – Беатрис покачала головой, лукаво улыбаясь. – Мой дорогой Лучано, вы варили шамьет в прошлый раз. Он великолепен, и все же мне хотелось бы чего-то нового. Милорд магистр, неужели вы откажете дамам в просьбе? Мой целитель говорит, что шоколад очень полезен!

– Как я могу, ваше величество?

Глаза разумника опасно блеснули, но улыбка была вполне любезной. А что у Лучано мурашки пробежали по спине, так это из окна подуло ветерком, наверное. Ага, знакомым таким ветерком... Когда он чуял этот ветерок дома на задании, то готовился к большим неприятностям!

Все так же не глядя на синьорину, которая отчаянно вцепилась в Пушка, не переставая его наглаживать и шептать какие-то нежности, Дункан прошел к небольшой жаровне, возле которой Лучано любовно устроил уголок, достойный самого взыскательного мастера шамьета. Деревянные полочки были заставлены самыми разными шэнье, чашками, баночками и коробочками для специй... И, разумеется, шоколад там тоже был. Самого лучшего сорта!

«Идиотто! – обругал себя Лучано. – Не мог придумать что-то другое! Но что толку, если магистр делает вид, что не понимает намеков? Однако он-то человек умный, значит... Значит, это имеет какую-то цель?! Он же разумник и наверняка читает мысли! Да, обычно он этого не делает, но сейчас рядом женщина, которая нанимала Шипа убить синьорину Айлин. Тут уж не до принципов... Да я бы сам, пожалуй, заложил Барготу собственное посмертие, лишь бы знать мысли королевы. Только вряд ли грандсиньор Падший примет в заклад то, на что и так имеет недурные права...»

– Боюсь, разом сварить такую порцию шоколада не получится, – заметил Роверстан, снимая с полки самую большую шэнье, которой все равно не хватило бы на восемь человек. – Но, полагаю, мужчины уступят дамам?

– Разумеется, – подтвердил Аластор. – К тому же лично я люблю послаще, а моя дорогая Беатрис предпочитает без меда, как и Айлин. Госпожа Элоиза?

– У меня с племянницей одинаковые вкусы, – улыбнулась та. – Очень приятно узнать, что мы их разделяем с ее величеством.

– Значит, первая порция для леди, – заключил магистр. – А вам, господа, придется немного подождать.

– О, на меня можете не рассчитывать, – буркнул Кастельмаро. – Признаюсь честно, не понимаю этих южных штучек. Вино – тут ничего не скажешь, на юге оно отменное. Но шоколад? Пробовал я его, ничего особенного!

– Да, южные штучки не всегда удастся оценить с первого раза, – невозмутимо согласился магистр, и Лучано снова спрятал усмешку. – А шамьет вы тоже не любите, милорд?

– Шамьет? – искренне удивился гуардо и, осознав, промашку, смутился. – Никогда не задумывался... А он ведь тоже с юга! Хм...

– Тогда позвольте мне все-таки подобрать для вас рецепт, – предложил разумник. – Даже такой мастер, как наш лорд Фарелл, признает, что я в этом кое-что смыслю.

Не переставая говорить, он отмерил в шэнье нужное количество шоколада и принялся добавлять специи. Лучано, ревниво следивший, как магистр открывает подписанные баночки и придирчиво их нюхает, старательно запоминал использованные компоненты. Ну да, в этот раз никакого корня лотоса – беременным он как раз не рекомендуется. Перец магистр тоже не удостоил вниманием, зато добавил к шоколаду треть меры тертого миндаля, потом смелотой в тонкий порошок апельсиновой цедры, а вот нос защекотал нежный аромат ванили...

Соединив эту смесь и теплые сливки, тоже припасенные Лучано загодя – в шамьет Альсу – Роверстан опять поставил шэнье на жаровню, почти довел до кипения, всыпал чуточку рисового крахмала для густоты, тщательно и умело размешал... Уже через несколько мгновений по гостинной поплыл густой и богатый, дразнящий нос аромат готового напитка, где шоколад и специи соединились в единую мелодию, словно партии разных инструментов. Разумник снял шэнье с жаровни и разлил дымящийся шоколад по белоснежным чинским чашкам. Чуть присыпал сверху корицей...

– Позвольте, я помогу! – вскочил Лучано.

Ни к чему, совершенно ни к чему, чтобы грандсиньор Дункан и синьорина Айлин снова оказались рядом! Это же как добавить катализатор к уже смешанным реагентам!

Он переставил чашки на поднос и быстро разнес их по столикам. Первую, разумеется, поставил перед Беатрис, еще две отнес к диванчику.

– Премного вам благодарен, Фарелл, – слегка кивнул разумник, и у Лучано сладко кольнуло сердце.

Пусть не по имени, но уже без титула. В чопорном Дорвенанте такая фамильярность – определенный шаг навстречу. Наверное, это после той вечеринки...

А Роверстан тем временем принялся за вторую порцию, ближе подвинув баночку с медом. Сломал пополам пару стручков перца и стручок ванили, бросил их в молоко и добавил коричную палочку. Прогрел почти до закипания, всыпал в исходящее паром молоко шоколадный порошок и убавил огонь до едва заметного...

– Какая прелесть, – томно выдохнула Беатрис, пригубив шоколад, и кончиком языка быстро облизала нижнюю губу, заблестевшую от благородного напитка. Помаду цвета вишни ее величеству поставлял какой-то другой парфюмерный дом, не Скрабацца. Лучано об этом почти пожалел, но вовремя подумал, что уж помаду травить точно нельзя – из-за Аластора. – Магистр, вы волшебник! Надеюсь, вы угощаете таким шоколадом свою невесту? Кстати, нам-то вы откроете ее имя?

Едва заметно улыбнувшись, Роверстан качнул головой, но Беатрис не унималась.

– Ну же, дорогой магистр! Мы никому не скажем!

– Беатрис, дорогая...

Аластор нахмурился, но Роверстан спокойно сказал, не прекращая помешивать шамьет размеренными точными движениями, так что ложечка ни разу не стукнула о край шэнье:

– Я охотно исполнил бы желание вашего величества, но этот секрет принадлежит не мне. Женщины не прощают, когда кто-то раскрывает их тайну, не так ли? Разве я могу не оправдать доверие своей невесты?

– О, как благородно! – почти пропела Беатрис, и у Лучано по спине пробежали мурашки.

Он старательно не смотрел в сторону диванчика. Ему и не нужно было. Магия, что связала их с Айлин и Аластором, в последнее время присмирела и почти не проявляла себя, но сейчас Лучано без всяких чар чувствовал мучительную боль синьорины. «Наверное, так и бывает, если любишь? – мелькнула дурацкая несвоевременная мысль. – Когда хочется встать между любимым человеком и любой болью, принять ее на себя, только бы... Но как?!

– Беатрис, милая, полагаю, это не наше дело, – негромко, но очень твердо сказал Аластор. – Магистр имеет полное право скрывать свою помолвку.

– Как скажете, дорогой супруг, – со вздохом согласилась королева, опуская роскошные густые ресницы, так что их тень легла на золото смуглых щек.

Дункан влил в шэнье изрядную порцию амарильи и быстро, чтобы хмель не испарился, снял шоколад с огня. Держа на весу, наклонил над чашкой...

– И все-таки не понимаю, зачем скрывать секрет, который давно перестал быть таковым, – вздохнула Беатрис тоном обиженной девочки. – Тем более здесь, среди ваших друзей и родственников счастливой невесты.

– Невесты? – растерялся Аластор.

К счастью, в сторону Айлин он не посмотрел. Удержался и Лучано, лихорадочно пытаюсь понять, что может знать Беатрис. Неужели... Да нет. Быть не может! О помолвке знали четверо, включая жениха и невесту! Не мог же Альс настолько ошалеть от любви, чтобы...

– Ну да! – радостно отозвалась Беатрис, пока дымящаяся густая жидкость плотной струей лилась в чашку. – Ах, дорогой магистр Роверстан! Неужели вы надеялись скрыть это от всех в Дорвенне? Я так счастлива, что истинная верность в любви все-таки существует! Вы ждали так долго... Нет-нет, я вовсе не рада, что отец леди Бастельеро оставил ее матушку вдовой, но ведь несправедливо, что прекрасная цветущая женщина губит свою молодость в одиночестве. Вы ведь тоже рады за матушку, дитя мое? – Она обратила к Айлин такой ласковый торжествующий взор, что Лучано отдернул руки от Ласточки – испугался, что порвет струны. – Ой, простите, я забыла, что вы не общаетесь.

– Беатрис! – гневно выдохнул Аластор.

Пушок, смирно лежавший у ног синьорины, приподнял голову и глухо, низко зарычал.

– Я... – начала Айлин и смертельно побледнела, а потом снова схватила кулон с духами, словно цепочка ее душила. – Я...

Ее глаза расширились, сверкнув безумной колдовской зеленью. Айлин взглянула на Роверстана, но Лучано не был уверен, что она видит разумника. Миг, один, второй...

– Айлин, девочка моя! – Элоиза торопливо обняла племянницу, пытаюсь прикрыть собой, заставить ее отвести взгляд.

А Роверстан посмотрел девушке в лицо и медленно, тягуче от едва сдерживаемого бешенства – о, уж его-то Лучано мог распознать не хуже, чем перец в шоколаде! – сказал:

– Не знаю, кто принес ее величеству такой... пустой слух. Леди Гвенивер не является предметом моих чувств. Я люблю другую женщину и собираюсь жениться именно на ней.

Боль, надежда, счастье и вина разом – Лучано прочитал их во взгляде Айлин и тут же, переведя взгляд, увидел в глазах Дункана их отражение. Ему показалось, что воздух в комнате застыл, будто старый мед или янтарь. Золотой летний воздух, теплый, пропитанный сиропной сладостью летнего вечера. И в этом янтаре все они, словно мошки.

– Дункан, проклятье! – крикнул Альс, разрушая жуткое волшебство этого мига. – Рука!

Рука? Лучано глянул ниже, с невероятным трудом оторвав взгляд от лица магистра, который так и смотрел на Айлин.

– Что? Ах да, как неловко вышло... – поморщился разумник.

Шэнье в его правой руке наклонилась, и почти кипящий шоколад залил левую кисть от запястья до пальцев.

– Неловко?! – поразился Аластор. – Вы же обожглись! Эй, лекаря!

– О, пустяки, ваше величество, – одними губами усмехнулся Роверстан и аккуратно вылил остаток шоколада в другую чашку. – Ничего страшного, поверьте мне как медику. Жаль, получилось всего две порции. Зато действительно острые, я ведь не успел вытащить перец. Лорд Кастельмаро, вы просто обязаны попробовать.

– Да, конечно, – растерянно отозвался гуардо. – Но руку вам все-таки надо перевязать. Только сначала в холодную воду суньте и подольше подержите.

– Очень дельный совет, – кивнул Дункан. – Сразу видно, что боевики часто имеют дело с огнем. Простите, я вас оставлю.

– Да идите же быстрее! И сразу к лекарю!

На Альсе лица не было. Он виновато глядел на Дункана, чудовищно спокойного, словно побагровевший ожог, что вот-вот должен был пойти пузырями, не доставляя разумнику ни малейшего неудобства. Может, один шоколад и не натворил бы такого, но вот крепкая амарилья... И тут же от разумника он переводил взгляд на изжелта-бледную Айлин, комкающую в руках платочек. Синьора Элоиза все так же обнимала племянницу за плечи, а Кастельмаро с д'Альбрэ, спохватившись, принялись наперебой предлагать воды, вина, позвать лекаря...

– Мне так жаль... – тихо сказала Беатрис, но ее, разумеется, слышали все.

Альс гневно сверкнул глазами, и Лучано, у которого не было ни сил, ни желания на злорадство, отстраненно подумал, что королева вогнала первый гвоздь в крышку гроба своей супружеской любви. Только вот не слишком ли дорогой ценой это далось?

Роверстан вышел из гостиной, и Айлин глубоко вздохнула, а потом старательно улыбнулась.

– Благодарю... Мне уже легче, – прошептала она, все так же опустив взгляд. – Простите, я не хотела доставить столько беспокойства.

– Нет-нет, моя дорогая, – заторопилась Беатрис, просто излучая сочувствие.

На рынке Верокки Лучано попадались карты сокровищ по флорину за штуку, более правдивые, чем сожаление на лице королевы.

– Аластор... Простите, ваше величество... – Айлин снова вымученно улыбнулась. – Позвольте мне откланяться. Я не очень хорошо... себя...

– Айлин, ты не можешь уехать в таком состоянии! – Отодвинув Пушка, Аластор встал перед диваном на одно колено, взял руки Айлин в свои и заглянул ей в лицо. – Прошу, пусть лекарь тебя осмотрит! Вдруг это что-то серьезное! Прости! Это я виноват! Сначала напомнил тебе о походе, потом...

Он осекся. Может быть, сообразил, что в остальном как раз его вины нет? Лучано от всей души понадеялся, что так. А еще он понадеялся, что когда-нибудь все-таки увидит смерть Беатрис. Желательно, не очень хорошую смерть. Там уж пусть Претемнейшая разбирается, какое место в ее садах заслужила итлийская гадюка, но Шипам точно известно, что справедливость лучше творить в этом мире, так оно надежнее.

– Нет-нет, я поеду! – отчаянно замотала головой синьорина. – Ничего страшного, правда! Мне так жаль, что я испортила вечер! Пожалуйста, не обращайтесь внимания и... повеселитесь все-таки!

Виновато улыбаясь, она забрала у Альса свои ладошки, которые почти потерялись в его огромных лапищах, и монсиньор нехотя встал.

– Все-таки лекарь поедет с тобой, – хмуро сказал он. – На всякий случай. А если нужно, пусть останется у вас. Месьор, милорд Кастельмаро, вы ведь не откажетесь проводить дам до кареты?

Лучано вспомнил нынешнего королевского лекаря, добродушного старичка и дамского угодника, и про себя согласился, что это хороший выбор. Мэтр, конечно, всю дорогу будет рассказывать байки про своих пятерых внуков, зато Айлин отвлечется.

– Хорошо, как скажешь... скажете... – уже немного увереннее согласилась синьорина и поднялась.

Пушок тут же подставил ей голову под руку, предупреждая, глянув на всех, с другой стороны Айлин поддержала тетушка, и они вышли из гостиной. Фраганец и гуардо поспешили следом.

– Ох уж эти причуды беременных, – пожав плечами, вздохнула Беатрис и опять пригубила уже остывший шоколад. – Право, родственные отношения бывают всякие, но если бы я знала, что бедная девочка так нервничает при имени своей матушки, я бы, разумеется, промолчала. Надеюсь, магистр Роверстан не сильно обжегся и вскоре вернется к нам, как и остальные гости. Вечер такой дивный, эта маленькая неприятность не должна его испортить!

– Я тоже... надеюсь, – процедил Аластор, не уточняя, на что именно.

А Лучано подумал, что Беатрис определенно чего-то добилась. Вот только того ли, чего хотела? И как она это использует?

Глава 12

Праздник в доме Аранвенов

– Почта для милорда и миледи! – торжественно объявил дворецкий, появляясь в дверях столовой, и Айлин едва удержалась от желания помотать головой – так это было похоже на одно из лучших воспоминаний ее детства!

Когда все Ревенгары были одной семьей, и все были живы...

Отец любил просматривать письма прямо за завтраком, а Артур так гордился, вскрывая их. Айлин рассказала об этом лорду Бастельеро несколько дней назад, как раз тоже за завтраком – и ее супруг, с утра обычно мрачный и задумчивый, вдруг встрепнулся, улыбнулся и уронил, что Дориан всегда знал толк в удобстве. Конечно же, просматривать почту удобнее с утра, причем вместе с ней, Айлин – ведь совсем скоро им будут приходить общие письма!

– А когда подрастет мой внук, он будет вскрывать ваши письма, а некоторые даже читать вслух, – добавил лорд Аларик, улыбаясь. – И конечно, гордиться таким доверием, как все мальчишки...

Они с лордом Грегором переглянулись с непривычной теплотой, и Айлин даже затаила дыхание. Вот бы так было и дальше! Ни батюшка Аларик, ни лорд Грегор так и не рассказали ей, отчего их отношения далеки от родственной любви, но, может быть, рождение ребенка их помирит? Ведь они оба так его ждут!

Айлин все-таки встряхнула головой, взглянула на стопку писем на серебряном подносе. И замерла – верхний конверт был надписан безукоризненно каллиграфическим почерком Дарры.

– Письмо для леди Бастельеро, – пробормотал лорд Грегор, нахмурившись, поднял конверт так, словно тот мог его укусить, и протянул его Айлин вместе с ножом для писем. – Прошу вас, дорогая.

– Благодарю, милорд! – благодарно и виновато выдохнула Айлин. Муж так ей доверяет! А она... Ох, как же хочется надеяться, что в письме нет ничего тайного! – Вы позволите мне прочесть письмо вслух?

Глаза супруга просияли так, что Айлин снова укололо чувством вины.

– Дарра, младший лорд Аранвен, – громко и отчетливо прочитала она, – приглашает леди Бастельеро на домашний праздник по случаю окончания Академии. К приглашению присоединяется также Саймон, младший лорд Эддерли. Ждем леди Бастельеро в семь часов пополудни в особняке рода Аранвен. Будем польщены, если лорд Бастельеро сочтет возможным присоединиться. С глубочайшим почтением, Дарра, младший лорд Аранвен...

Больше в письме не было ни строчки. Айлин опустила лист и взглянула на супруга – тот нахмурился, глаза потемнели...

«Он меня не отпустит, – осознала она с нахлынувшей вдруг горечью и тут же строго возразила сама себе: – И не должен! Он и так небывало снисходителен, когда разрешает мне ездить во дворец в сопровождении одной лишь тетушки! А уж на праздник к толпе юношей... Как Дарра этого не понимает?! Но если лорд Бастельеро поедет вместе со мной, это совсем другое дело. И потом, как он может не поехать?! Да, в последнее время между ним и Даррой была заметна некоторая холодность... Дарра даже не прислал ему личного приглашения. Зато Саймон его любимый ученик! Вот он бы наверняка пригласил дорогого наставника лично, если бы имел на это право по этикету, ведь праздник будет у Аранвен, Эддерли там только родственник и первый гость. Ох, как же все это сложно! А я всего лишь хочу снова увидеться с Вороными, почувствовать себя просто Айлин, а не леди Бастельеро... Только бы милорд супруг разрешил мне сопровождать его!..»

Сердце зачастило от мысли, что муж вовсе не обязан везти ее в гости именно в этот раз. Одно дело – приглашение короля, от которого нельзя отказаться без веской причины, и совсем другое – домашний праздник, на котором не очень-то прилично присутствовать даме в положении, если она не родственница хозяев дома. И неважно, что Саймон и Дарра ей как братья, в некоторых случаях этикет весьма строг.

Она вздохнула и поднесла к губам чашку шамьета, но сладкий пряный напиток не смог смыть горечь, стоящую во рту. Ей показалось, что лорд Аларик взглянул сочувственно, однако вмешиваться, конечно, не стал.

– Вы так хотите отправиться на этот праздник, дорогая? Мне сообщили, что вчера вы вернулись из дворца расстроенной и

утомленной, – помолчав, спросил лорд Грегор и взгляделся в ее лицо так пристально, словно хотел разглядеть на нем что-то... что-то очень важное.

Айлин, внутренне замерев, кивнула, и супруг тяжело вздохнул.

– Тогда поезжайте, – позволил он явно нехотя. – В доме Аранвенов ни вам, ни вашей репутации ничего не угрожает. В ближайшее время я найму для вас компаньонку, а пока возьмите с собой Тильду. Увы, но я не смогу поехать с вами – дела Ордена... Вы ведь простите меня за это, дорогая?

– О да, милорд! – выдохнула Айлин, не веря собственным ушам и едва сдерживаясь, чтобы не взвизгнуть от восторга.

Целый вечер вместе с Воронами, совсем как раньше, в Академии! И никакой королевы...

Мысль о королеве словно отомкнула дверь, за которой Айлин старательно прятала от самой себя воспоминания о вчерашнем вечере. О ласковой улыбке коронованной... м-мантукоры, с которой та говорила о леди Гвенивер, об оглушительной боли, что обрушилась, стоило только представить леди Гвенивер рядом... рядом с... Ох, даже думать об этом невыносимо! А куда хуже – невыразимое счастье, что Кармель по-прежнему любит именно ее! Какая же она скверная! Лучше бы Кармель – нет, милорд Роверстан! – повстречал другую женщину, что смогла бы сделать его счастливым. Да пусть хоть леди Гвенивер... Что угодно лучше, чем хранить верность той, с кем он никогда не будет вместе, и которая никакой верности не заслуживает!

– Благодарю за терпение и понимание, моя дорогая, – улыбнулся лорд Грегор. – Вы лучшая из женщин! Я обязательно постараюсь быть вашим спутником в другой раз. Прошу передать мои извинения и лучшие пожелания хозяевам дома.

– Это я должна вас благодарить, милорд супруг! – поспешно отозвалась Айлин. – Вы так великодушны! Надеюсь... надеюсь, вы не будете скучать... Вы так много работаете!

Ох, Саймон наверняка расстроится. Он до сих пор смотрит на лорда Бастельеро с таким обожанием! А ему даже не передали особого привета... Ничего, уж это она может исправить. Это даже не ложь, ведь этикет действительно требует любезности и ради этого позволяет маленькие отступления от истины.

– Скучать? О, нисколько. – Ее муж пожал плечами и пояснил: – Мне нужно выяснить некоторые правовые вопросы из древней истории Ордена. Той, что была до Архимага Корсона... А еще я собирался попробовать новый метод снятия проклятий. Возможно, это окажется ключом к задаче, которую я вам обещал решить. Относительно лорда Фарелла... Вы ведь не думаете, что я забыл о вашей просьбе?

Он опять улыбнулся, и синие глаза блеснули азартным предвкушением, напомнив Айлин того лорда Грегора, который пришел в Академию... всего пять лет назад? А кажется, что целую вечность!

Ее снова укололо уже привычное чувство вины. Муж так старается ее порадовать. Она просила спасти Лучано от проклятия – и вот он готов потратить на это свободный вечер, отказавшись от визита к Аранвенам! А она даже не стыдится признаться самой себе, как рада этому. И подумать только, что когда-то она любила этого мужчину и мечтала провести с ним рядом всю жизнь.

А теперь она радуется вечеру вдали от него, словно пойманная птица, которой вдруг отворили дверцу клетки и позволили полетать по саду. И пусть этот сад окружают невидимые стены долга, пусть птица привязана прочной и тяжелой цепью этикета, а выпустили ее ненадолго... Тем драгоценнее каждый миг этого подобия свободы! Ведь если птица хотя бы иногда не сможет разминать крылья, в конце концов однажды она не сумеет подняться в небо...

Вечера Айлин ждала с томительным предвкушением. Тщательно выбрала скромное темно-синее платье, стараясь, чтобы оно как можно лучше скрывало ее положение – вовсе незачем смущать бывших соучеников. Королевский траур обязателен для любых праздников, даже таких небольших, поэтому танцев наверняка не будет. И потом, с кем танцевать? Из дам она, скорее всего, единственная гостья, разве что Аранвены пригласят кого-то из родственников, своих или Эддерли. В любом случае, танцы она себе точно позволить не может! Просто посидит с друзьями, узнает последние новости.

Кстати, о новостях! Дарра и Саймон наверняка захотят продолжить обучение, они же такие талантливые! Саймон точно попросит лорда Бастельеро быть его наставником, а Дарра... Леди Немайн сама очень знающая некромантка, Дарра часто приносил ее записи, объясняя Воронам какой-нибудь непонятный вопрос. Айлин

очень жалела, что леди Немайн у них не преподает, ее конспекты были такими интересными и понятными! Ну да, она вполне может учить сына, а ведь есть еще и лорд Эддерли... Ах, если бы мэтр Ирвинг не погиб! Кто же теперь станет вести у адептов нежитеведение?

Минуты сливались в часы, и когда наступило время ехать, Айлин уже изнывала от нетерпения. Тильда-камеристка сделала ей простую изящную прическу, свернув косы в узел и заколов их на затылке, украшений к траурному платью тоже не полагалось, а тонкие золотые цепочки артефакторных браслетов скрылись под манжетами. Как же Айлин от них устала! Хоть на несколько мгновений вернуть бы сладкий жар текущей по телу магии! Снова почувствовать обретенную когда-то силу, увидеть мир внутренним зрением...

Камеристка, предупрежденная, что едет с леди, мышкой выскользнула из комнаты и вскоре вернулась в глухом темном платье, сжимая небольшую сумочку со всеми мелочами, которые могут понадобиться леди. Платки, салфетки, булавки, зеркальце и пастилки для освежения дыхания... И снова Айлин вспомнила свой самый первый визит в дом Эддерли, который закончился ссорой с Артуром. Все-таки жаль, что брату не досталось ни капли магии, может, они бы тогда лучше понимали друг друга?

Она поймала себя на том, что в мыслях по-прежнему зовет Артура братом. Как же нехорошо тогда получилось... Артур пытался с ней поговорить, и она почти убедила его, что не хочет замуж за лорда Бастельеро, но тут вмешалась леди Гвенивер и все испортила – как всегда! А теперь Артур, наверное, считает ее истеричной дурой! Сумасшедшей, которая устроила безобразный скандал, отреклась от рода, чтобы не выходить замуж, и... тут же приняла предложение того самого мужчины, о котором кричала, что ни в коем случае за него не выйдет. Ну не дура ли?! И ведь ничего теперь не объяснить.

Слишком поздно они встретились, слишком много непонимания между ними легло... Что ж, пусть у него все будет хорошо, только об этом и остается просить богов. Да, на свадьбе Артур сказал, что по-прежнему считает ее своей сестрой. И, наверное, он искренен... Но что они еще могут сказать друг другу теперь? Что оба ошиблись? Что натворили и наговорили сгоряча непоправимого, и теперь неизвестно, как снова перекинуть через эту пропасть разрушенные однажды мосты?

«Я подумаю об этом потом, – решила Айлин, сидя в карете, которая везла ее в дом Аранвенов. – Может быть, приглашу его в гости по случаю рождения ребенка... Конечно, через несколько недель, когда этикет это позволит. Артур очень строго соблюдает этикет...»

Она глянула в окно – величественный особняк из белого камня вырос в конце улицы, ведущей от королевского дворца. Распахнулись ворота, экипаж въехал внутрь...

– Ревенгар! Милорд Бастельеро! – воскликнул Саймон, оттесняя лакея и распахивая дверцу кареты с такой радостью, словно они с Айлин не виделись несколько лет. – Как я рад, что вы... Ой, а милорд не приехал? – добавил он мгновенно упавшим тоном, оглядывая экипаж изнутри.

– Мне так жаль, – виновато улыбнулась Айлин. – Ему пришлось остаться дома из-за очень важных дел. Но он передавал извинения, привет и самые лучшие пожелания...

Она вздохнула, понимая, что никакие приветы не заменят другу присутствия обожаемого наставника. Может быть, все-таки стоило попросить мужа отложить дела? Конечно, проклятие, лежащее на Лучано, это очень важно! И все-таки один день вряд ли что-то решит... А Саймон так ждал!

Опираясь на руку Саймона, она вышла из кареты, следом выскользнула горничная, и кучер снова тронул лошадей, увозя экипаж вглубь огромного двора Аравенов. А Дарра, ожидающий своей очереди рядом, церемонно поклонился, и его губы тронула едва заметная, но искренняя улыбка, когда он тихо уронил:

– Милая Айлин, я так рад...

Еще через мгновение он глянул на горничную, которая наострила уши, но вряд ли услышала то, что было рассчитано на тонкий слух некромантки, и учтиво произнес гораздо громче:

– Миледи Бастельеро, счастлив приветствовать вас в своем доме.

– Милорд Аранвен, милорд Эддерли...

Айлин присела в неглубоком реверансе, взглядом попросив извинения, что не может обращаться к друзьям с прежней вольностью.

– Прошу в дом, – на правах хозяина Дарра предложил ей руку и повел к парадному крыльцу особняка.

Дворецкий Аранвенов распахнул двери, Айлин вошла в холл и восхищенно огляделась. Она не впервые была в этом доме, но каждый

раз поражалась его строгой красоте, такой же холодной, как в особняке Бастельеро, и все-таки неуловимо иной, изящной, словно невесомой. В доме Бастельеро предпочитали темную отделку, из-за чего комнаты порой выглядели как склеп, хоть и очень нарядный. А родовое гнездо Аранвенов напоминало ей зимний лес – очень много света и воздуха, заливающих дом через огромные стрельчатые окна, всюду белизна и серебро, тонкие вертикальные линии и сплошной простор. Здесь неизменно царила прохлада, но при этом легко дышалось, а глаз отдыхал на простых ясных формах.

А еще здесь всегда было поразительно тихо, не то что в особняке Эддерли. Никаких бегающих по дому охотничьих собак, только слуги скользят неуловимыми тенями, да хозяева... Кстати, а где остальные хозяева? Конечно, несовершеннолетних адептов, пусть и дворян, леди и лорд Аранвен встречать не станут, но с ней они обязаны поздороваться по этикету, который здесь тоже соблюдают очень строго. Она замужняя женщина, супруга главы рода Бастельеро...

– Милорд отец и миледи матушка передавали вам поклон, – произнес Дарра, заметив ее удивление. – Они решили не смущать моих гостей своим присутствием и уехали с визитом к Эддерли.

Уехали? С визитом? То есть ни леди и лорда Аранвенов, ни леди и лорда Эддерли в особняке нет?!

По спине Айлин пробежал пока еще легкий холодок. Отправляя ее сюда, дорогой супруг рассчитывал на присутствие лорда Ангуса и леди Немайн, а то и четы Эддерли. Это была бы безупречно приличная компания для замужней женщины, пусть и приехавшей без мужа. А теперь получается, что Айлин наедине с десятком молодых людей, хоть и своих соучеников... И она уже не девица-адептка, а здесь не Академия... Если лорд Бастельеро узнает... Если вообще кто-то узнает!

«Не если, а когда! – поправила она себя с поразительной отрешенностью, хотя холодок, бегущий по коже, превратился уже в мороз. – Что ж, когда узнает, вот тогда и буду об этом думать! Но развернуться и уехать, потому что в доме больше нет женщин, кроме прислуги... Не дождутся! Никто! Ведь та прежняя Айлин, которой я была, ни за что бы не уехала».

– Ваша компаньонка постоянно будет при вас. – Дарра, конечно, все понял правильно. – И если желаете, я пошлю за нашей экономкой,

чтобы она лично прислуживала вам за столом.

– Ну что вы, милорд, – улыбнулась Айлин. – Не стоит беспокоить почтенную женщину. Мой супруг, отправляя меня сюда, сам сказал, что в доме Аранвенов моей репутации ничто не может угрожать.

Она покосилась на горничную, потом – на Дарру, и друг ответил быстрым понимающим взглядом. Совсем как в былые времена, когда им хватало нескольких слов, чтобы сговориться на какую-нибудь шалость прямо под носом у преподавателей. Айлин даже почувствовала тень прежнего лихого азарта...

– Лорд Бастельеро исключительно любезен, – с непроницаемым лицом согласился Дарра. – Прошу в столовую, миледи!

Вороны встретили ее появление восторженными возгласами. Вскочив из-за стола, они кланялись один за другим, и Айлин легко приседала в ответных реверансах, с каждой новой улыбкой, с каждым восхищенным и радостным взглядом наполняясь чистым искристым счастьем.

– Миледи Айлин!

– Ревенгар!

– Леди Бастельеро! – сыпалось со всех сторон.

Кэдоган и Галлахер, неразлучные друзья-художники Оуэны, с которыми она виделась чаще других – спасибо лорду Аларiku!

Застенчивый Тимоти Сэвендиш, всегда красневший при общении с любой девушкой, но на Айлин глядевший легко и просто, как на сестру.

Эдгар Гринхилл, будущий кладбищенский мастер, которому она так и не успела рассказать про кадавра, надо это наконец-то сделать, вдруг ему пригодится.

Обманчиво неуклюжий Колин Хавард, умеющий начертить по памяти любую звезду и мгновенно сделать сложнейшие вычисления, второй после Саймона в их компании любитель сладкого.

Брайан Лохланн – тихий скромник, в прошлом году вдруг завоевавший внимание самой красивой алхимички и подравшийся за нее с признанным предводителем боевиков, после чего Брайана зауважали даже сами боевики.

Мрачный Драммонд, хвостом везде таскающийся за Даррой и ловящий любое его желание даже не по слову, а по взгляду...

Все они были ее братьями-Воронами, и глаза Айлин наполнились слезами счастья и смущения, а с губ не сходила улыбка, когда она смотрела на парней, неуловимо выросших за эту нелегкую и страшную для всех весну, а потом и за непростое лето. Дарре, самому старшему из них, в этом году исполнится двадцать четыре – он родился как раз на Зимнее Солнцестояние. Драммонд и Лохланн всего на год старше нее самой. Но все они, улыбчивые и хмурые, застенчивые и нахальные, мечтательные и строгие – все они уже мужчины, пусть и не получили пока полные перстни мага. Некроманты, воины, защитники Академии и Дорвенанта... Она так сильно гордилась ими сейчас, будто была им настоящей сестрой, а они – ее родными братьями!

– Милорды, миледи, прошу всех к ужину! – объявил Дарра, и особый курс лорда Бастельеро принялся рассаживаться за длинным столом.

Белоснежная скатерть, сияющее серебро и жемчужно-белый чинский фарфор, хрусталь и позолота бокалов... Вышколенные горничные принялись разносить первую перемену блюд, и Айлин, которую торжественно усадили во главе стола между Даррой и Саймоном, поняла, что смертельно голодна! Дарра наполнил ее бокал игристым фраганским, а Саймон принялся щедро накладывать в тарелку себе и Айлин всего понемногу.

– Хватит! – улыбаясь, запротестовала она, видя, что гора еды растет с угрожающей скоростью. – Я столько не съем, честное слово.

– Правда? – Саймон глянул на ее тарелку с явным сомнением. – А я думал, что ты сейчас ешь за двоих.

– Саймон, ты... – начал Дарра и осекся.

– Да-да, я бестактен, – ухмыльнулся Эддерли-младший. – Дарра, хоть сегодня не будь занудой! У нашей Айлин и лорда Бастельеро скоро появится малыш, разве это не чудесно? Жалко, что он не будет рыжим, как Айлин, правда? Кстати, вы уже решили, кого позовете в воспитанники?

Айлин, смущенно улыбнувшись, покачала головой. Благие Семеро, Саймон такой болтун! И ведь он прекрасно знает правила этикета, которые требуют не упоминать беременность женщины в обществе, просто не следует им, как и любым правилам. И на него даже обидеться невозможно! Как обидеться на того, кто смотрит на

тебя с такой веселой братской нежностью, и только разреши – пожалуй, чего доброго, потянется пощупать живот.

А вот Дарра отчего-то неуловимо помрачнел и нахмурился, но тут же улыбнулся через силу и почему-то посмотрел в угол столовой – там тихонько замерла Тильда, зорко следя за госпожой то ли в ожидании приказаний, то ли подмечая каждое слово и жест ее сотрапезников.

Айлин же, несмотря на эту слежку, упрямо почувствовала себя такой счастливой и безмятежной! Словно не было ни Разлома, ни ее замужества, ни экзамена Дарры и Саймона, словно все они вдруг вернулись на год назад – и теперь дурачатся и перешучиваются совсем как раньше. До чего чудесно!

Она даже прикрыла глаза, наслаждаясь этим радостным покоем и позволив себе не вслушиваться в беседу, но почти тут же встрепенулась, услышав знакомое имя... или ей просто показалось?

– Витольс? – переспросила она, растерянно обводя взглядом Воронов. Кто же о нем сказал? Ох, надо же было так замечтаться, а теперь она даже не уверена, что имя действительно прозвучало, а не пригрезилось! Но отступать уже поздно, наверное... – Мастер Витольс в Дорвенне?

– Мэтр Витольс, да, – подтвердил Эдгар Гринхилл, сидевший напротив нее. – Ревенгар, ты что, его знаешь?! То есть Айлин, прости!

– Да, – пролепетала она, отмахнувшись от извинений – кажется, для братьев-Воронов и Иоланды она навсегда останется Ревенгар, так какая разница? А вот мастер Витольс... зачем он приехал в Дорвенну?! Если, конечно, это тот самый мастер Витольс! – Мы познакомились... в том походе...

Вороны понимающе переглянулись, а Гринхилл уставился на нее в точности как Саймон – на любимые конфеты в чужих руках.

– Как же тебе повезло! Мэтр Витольс такой... Такой... Он – самый лучший кладбищенский мастер на свете! То есть историк... – Смутившись, он осекся, но почти сразу взял себя в руки и продолжил: – Его приняли преподавателем истории, он же профан... А несколько дней назад он в одиночку уничтожил целое гнездо стригоев на Северной окраине. В одиночку, представляешь?!

Айлин невольно кивнула. Если кто-то и сомневался, что стригои окажутся мастеру Витольсу на один зуб, то точно не она! Даже если это очень старые и матерые стригои. Так вот зачем он приехал?!

Отомстить за мэтра Кирана?! И, наверное, он решил остаться в Дорвенне, раз стал преподавателем? Может, теперь в Дорвенанте появится парадокс Дорвенны.

Она едва удержалась, чтобы не рассмеяться, и тут же по спине снова пробежал холодок. Витольс – аккару! А в Академии полно совершенно беззащитных перед его чарами адептов. Да что там адепты, с мастером Витольсом, наверное, и преподаватели не справятся?

«Прекрати! – сердито сказала она самой себе. – Вас мастер не тронул, хотя распрекрасно мог бы! Ты же сама раскаивалась, что была к нему несправедлива! И он говорил, что убивает лишь разбойников и негодяев, а уж едва ли в Дорвенне их меньше, чем в Керуа. Да и что ты можешь сделать? Рассказать, что он аккару? Даже если тебе поверят – плохая же это будет благодарность тому, кто так вас выручил! А мастер – умный человек... Ладно, пусть не человек, но он ни за что не позволит себе пить кровь прямо в Академии, полной некромантов. И, между прочим, в Уставе Академии нет запрета для преподавателей быть нежитью!»

– ...Это логово потом осмотрели магистр Эддерли и магистр Ладецки, – продолжил Гринхилл с благоговейным восторгом. – И предложили мэтру Витольсу факультативные занятия. Я обязательно запишусь! Вот бы понять, как он это делает, ведь не магией же! А как вы познакомились?

– Мы... гостили у него по дороге к Разлому, – сказала Айлин чистую правду. – Мастер Витольс очень хорошо нас принял. У него была таверна... возле Керуа...

Она запнулась, не зная, что еще рассказать про гостеприимного аккару, но Гринхилл покивал, словно ожидал услышать именно это, и радостно заявил:

– А он и здесь живет в таверне! Только странной такой, ни прислуги, ни толпы гостей, как это обычно бывает. Как будто простой дом, только таверна, даже вывеска есть. Такое смешное название, как же его...

– «Веселый упырь»! – радостно подсказал Саймон. – А я тоже хочу на эти занятия! И чинским заниматься не брошу! Никогда бы не подумал, что это такой интересный язык. На нем так можно ругаться!

– То есть дорвенантского тебе для этих целей не хватает? – невозмутимо уточнил Дарра. – Однако должен признать, что мэтр Витольс действительно интересно преподает. Магистр Роверстан его весьма ценит и даже отказался отдать мэтра в штат Фиолетовой гильдии...

И снова он осекся, бросив на Айлин очень странный взгляд – быстрый и виноватый, словно знал, что она и Кармель...

На том конце стола, где сидел Гринхилл, загомонили, но тут прислуга исчезла из зала, и Айлин поняла, что тарелки почти опустели. Приятная тяжесть в животе расслабила ее и потянула в дремоту. Однако Дарра вдруг встал и, выйдя из-за стола, подошел к Тильде под удивленными взглядами Воронов и Айлин. Горничная вскочила, присев в реверансе и непонимающе глядя на Дарру, а он щелкнул пальцами перед самым ее лицом и уронил несколько слов, в которых Айлин узнала заклятие быстрого сна.

Покачнувшись, горничная снова опустилась на стул и безвольно откинулась на мягкую высокую спинку.

– Прошу прощения, милая Айлин, – учтиво сказал Дарра в наступившей тишине. – Но ваша прислуга могла бы помешать. К тому же дело, о котором пойдет речь, касается только нас – тех, кто именует себя Воронами.

Айлин поставила на стол бокал, из которого пила, продолжая ошеломленно смотреть на Дарру. Он имеет в виду Морстена?! Шона Морстена, о наказании которого просил его несчастный брат?! Но... при чем тут Вороны? Да, она просила помощи Дарры, но если Морстена отыскиали, его делом должны заниматься совсем другие люди. Взрослые! Обученные этому! Имеющие право судить и карать!

– Милорды собратья, – заговорил снова Дарра, по обыкновению четко и ясно выговаривая каждое слово. – Сегодня я собрал вас не только затем, чтобы отпраздновать наше с Саймоном окончание Академии. Есть куда более важное и печальное дело, которому я прошу вас уделить внимание. Дело, которое вызывает к нашей чести. Чести дворян Дорвенанта. Чести некромантов. Чести... братьев-Воронов.

Он не назвал имя лорда Бастельеро, как обычно это делали все, говоря про особый курс, и Айлин это неприятно царапнуло. А потом она неожиданно поняла, что из всех Воронов про ее мужа – их

наставника! – спросил только Саймон. Остальные как должное приняли то, что лорд Бастельеро не появился на празднике.

– Все вы знаете, что наш долг некромантов – хранить людей от нежити, – размеренно продолжил Дарра. – А также давать справедливость тем, кто попросит о ней, находясь на грани между миром живых и миром мертвых. И тем более это наш святой долг, если совершенное преступление напрямую касается нашей гильдии и ее доброго имени. Нашего доброго имени, милорды собратья, – уточнил он. – Помните ли вы клятву, принесенную пять лет назад, когда мы приняли имя Воронов?

Некоторые из соучеников Айлин переглянулись, некоторые не отрывали взгляда от говорящего Дарры, но все закивали, и Айлин, поддавшись происходящему, словно каким-то могущественным чарам, кивнула тоже.

– Мы клялись быть друг другу верными, – заволашевающе спокойным голосом снова заговорил Дарра. – Однако эта клятва была нарушена, причем самым подлым и отвратительным образом. Помните ли вы Шона Морстена и Кирка Донелли, наших соучеников, которые нас почти сразу покинули?

– Они были моими однокурсниками, – хмуро сказал Колин Хавард, как-то неуловимо подбравшись и разом перестав выглядеть неуклюжим увальнем. – Оба пропали... Нам сказали, что Кирк уехал, но я узнавал... Его семья уехала без него. А о Морстене мы так ничего и не узнали.

– Кирк Донелли был убит, – холодно и жестко сказал Дарра. – Предан своим же соучеником, братом-адептом, и убит при его прямом участии. Как и многие другие люди, пострадавшие от этого мерзавца. Их кровь взывает к мести. Преступник, виновный в смерти Донелли, это Шон Морстен.

Имя упало в тишину зала, как тяжелый камень в воду – прозвучало, и опять наступила тишина.

А потом раздался неуверенный голос Саймона, и Айлин удивилась, почему Дарра не посвятил их лучшего друга в происходящее. Ведь Саймон был с ними в той кондитерской! Правда, он больше болтал с Иоландой, но получается, что Дарра и потом не объяснил ему, в чем дело? И все это время не говорил... И сейчас всех собрал, не предупредив Саймона... Почему?!

«Потому что Саймон мог бы проговориться отцу, – поняла она. – Он почтительный сын и доверяет лорду Эддерли, а лорд Эддерли наверняка не позволил бы Дарре заниматься всем этим в одиночку. Он же глава гильдии, его напрямую это касается! Но тогда получается, что и лорд Аранвен ничего не знает?! Ни как отец Дарры, ни как лорд-канцлер?!»

– Дарра, но Шон Морстен мертв, – сказал Саймон, пока Айлин лихорадочно пыталась сообразить, что задумал их общий и самый умный друг. – Я точно знаю! Отец велел молчать, но я... услышал, как он говорил об этом с магом из службы безопасности. Морстена убили в трущобах, где он жил. Жаль, конечно... Если бы я знал, что он живет в таком месте, я бы что-нибудь сделал... Но Морстен мертв.

– Ошибаешься, Саймон, – бесстрастно отозвался Дарра. – Для покойника наш дорогой соученик ведет слишком насыщенную жизнь. Точнее, вел до недавнего времени. Еще неделю назад он жил в столице Фраганы, причем в очень приличном месте неподалеку от королевского дворца. Ни в чем себе не отказывал, посещал дорогие златные заведения, а на жизнь зарабатывал смертельными проклятиями. Ничуть не удивительно, если знать, что эту блестящую карьеру он начал не только с убийства несчастного Донелли, но и с предательства и убийства собственного брата-близнеца. Вместо Шона Морстена, адепта Фиолетовой гильдии, в трущобах был убит профан Кайл Морстен, и его кровь тоже требует справедливости, как и кровь Донелли. Более того, милорды, именно призрак Кайла Морстена обратился ко мне с просьбой о правосудии.

– Немыслимо! – выдохнул кто-то, кажется, Гринхилл. – Аранвен, вы точно не ошибаетесь?

– Если я ошибаюсь, милорды, – невозмутимо пожал плечами Дарра, – почему бы нам не спросить самого Шона Морстена, как получилось, что его объявили убитым? Наш бывший соученик ожидает встречи с нами в подвале моего дома. И я приглашаю вас, милорды и миледи, пройти туда со мной и наконец разобраться в этом деле.

Он посмотрел на Айлин, словно предупреждая, и она мгновенно поняла этот молчаливый намек. Лорд Эддерли тоже предупреждал, что о ее таланте видеть призраков даже с артефактными браслетами на руках никто не должен знать. И Дарра с ним согласился... Поэтому

сейчас он берет все на себя, оставляя ее в тени. Но... она должна последовать за ним! Кайл Морстен откликнется только на ее зов! А еще ей нестерпимо хочется взглянуть в глаза его убийце. Увидеть чудовище хуже трупа и аккару, тварь, не пожалевшую родного брата.

– Дарра, ты уверен, что Айлин следует туда идти? – с сомнением спросил Саймон. – Она же это... ну...

– Я пойду! – выпалила Айлин. – Я тоже из Воронов! Саймон, я... должна! Да и что там такого страшного? Подумаешь, какой-то Морстен!

Про то, что она в путешествии к Разлому видела куда более ужасные вещи, Айлин не напомнила, но Саймон об этом знал. А Дарра пожал плечами и спокойно заметил:

– Саймон, неужели ты думаешь, что девять не самых слабых некромантов Дорвенанта не смогут обеспечить безопасность одной леди? Разумеется, милой Айлин ничто не угрожает, я об этом позаботился и продолжу это делать. Но если желаешь, в подвале мы все поставим на нее щиты, это тебя успокоит?

Младший Эддерли что-то буркнул неопределенно, однако Айлин решительно поднялась со своего места и напомнила:

– Клятва, Саймон! Мы все ее давали. Разве я больше не ваша сестра?

Ее голос все-таки жалобно дрогнул, и, возможно, это убедило Саймона больше слов.

– Хорошо, – сдался он. – Но щиты поставим. И ты, Айлин, к этому мерзавцу близко не подойдешь. Дарра, надеюсь, он в браслетах?

– Разумеется, – кивнул Дарра и первым направился к выходу из столовой.

Глава 13

Справедливость немилосердна

Путь в подвал оказался совсем недалеко, стоило лишь выйти из столовой и проследовать за Даррой по коридору, который кончился небольшой дверью. Айлин показалось, что даже Саймон, бывавший у Аранвенов почти как дома, взглянул на эту дверь с удивлением.

– Она что, под иллюзией была? – пробормотал идущий рядом друг, подтверждая мысли Айлин.

– В любом старом доме есть свои секреты, – заметил Хавард у них из-за спины. – Можно подумать, Эддерли, у вас не так.

– А... ну да, – согласился Саймон и первым шагнул в узкий коридор, освещенный магическими шарами.

– Позвольте вашу руку, милая Айлин, – попросил Дарра. – Там дальше лестница.

Айлин молча оперлась на его руку, чувствуя себя очень странно. Рассудком она понимала, что эту отвратительную историю, которая тянется столько лет, необходимо закончить, но все-таки...

– Почему ты не рассказал службе безопасности? – шепотом спросила она, спускаясь по лестнице, такой же удобной и чистой, как все в доме Аранвенов. – Это ведь их дело.

– Не уверен, – отозвался Дарра, крепко и бережно поддерживая ее под локоть. – Служба безопасности изрядно себя скомпрометировала в последнее время. К тому же они однажды упустили Морстена. И это притом, что ими руководил Денвер, а он был хоть и отменным мерзавцем, но ищейкой замечательной. Теперь Денвера там нет, один из его заместителей тоже оказался замешан в заговоре, и, между нами, службу безопасности следует привести в порядок. Отдать им сейчас Морстена – рисковать тем, что он снова ускользнет.

– А лорд Эддерли?

Айлин все еще не понимала. То, что Дарра говорил про Службу безопасности, имело смысл, но ведь есть еще и глава гильдии. Бороться с преступностью среди магов-собратьев по дару – это его прямая обязанность.

– Я полностью доверяю лорду Эддерли, – помолчав, отозвался Дарра. – И глубоко его уважаю. Именно поэтому хотел бы избавить его от столь тягостных и неприятных обязанностей, как выжигание дара и казнь этого мерзавца.

Что-то в этих словах показалось Айлин глубоко неправильным, но, наверное, Дарре виднее. Главное, чтобы Морстен перестал убивать и расплатился за прежние преступления. И чтобы его брат обрел покой... Между прочим, а где он?

Айлин глубоко вздохнула, борясь с тревогой. Если ей не удастся призвать дух Кайла, как они смогут обвинить Шона? Разумников среди них нет, а негодяй наверняка станет все отрицать.

Лестница кончилась новым коридором, по которому Дарра уверенно повел их мимо нескольких наглухо закрытых дверей, снабженных артефактными замками. Остановился перед одной из них, на первый взгляд ничем не отличающейся, и приложил к замку ладонь. Тот щелкнул, и дверь открылась. Саймон снова заглянул туда первым, а потом решительно шагнул внутрь... За ним вошли Дарра с Айлин, а следом за ними в камеру потянулись притихшие Вороны.

Что это именно камера, Айлин поняла сразу, хотя никогда в жизни ни одной из них не видела. Деревянная кровать у стены, небрежно застеленная одним-единственным грубым одеялом, в углу комнаты – дыра, откуда едва заметно тянуло нечистотами, возле кровати – кувшин и большая миска с остатками какой-то еды... Человек, лежащий на кровати, при их появлении сел и глумливо улыбнулся, не выказывая ни тени страха или вины.

Айлин присмотрелась, пытаясь вспомнить юношу, с которым была знакома давно и совсем недолго. На вид узник был немного старше Саймона, а может, это просто казалось из-за одежды непривычного фраганского покроя и растрепанных длинных волос, обрамляющих худое лицо. Запястья Морстена охватывали толстые серебряные браслеты, испещренные магическими знаками и соединенные короткой прочной цепью. Айлин невольно глянула на свои манжеты, под которыми прятались уже привычные золотые цепочки – ничего похожего. Разница, как между рыцарским мечом и шпилькой. «Но и тем, и другим убить человека одинаково просто, – словно услышала она вкрадчивый голос Лучано у себя в голове. –

Безопасных вещей нет. Впрочем, как и людей... Вам ли этого не знать, ми синьорина?»

– Шон Морстен, – спокойно констатировал Дарра. – Вырос и слегка изменился, но узнать его, я полагаю, можно.

– Да... это он, – угрюмо подтвердил Саймон, а потом тихо пробормотал что-то непонятное на странном языке, больше похожем на птичий щебет, и Айлин вспомнила неуместную сейчас шутку про чинские ругательства.

Кажется, Саймону действительно не хватило дорвенантского. Или он все-таки помнил, что с ними Айлин...

– Встаньте, Морстен, – с едва заметной тенью безгливости велел Дарра.

– Если только ради дамы, – насмешливо отозвался мерзавец и, лениво поднявшись, отвесил Айлин изысканный поклон. – Добрый вечер, миледи. Как прекрасно вы сегодня выглядите! Почти так же хорошо, как щиты, которые столь старательно поставили ваши спутники. Жаль, что не могу оценить их в полной мере, – насмешливо добавил он, поднимая обе руки и показывая артефактные браслеты. – К слову, совершенно напрасная предосторожность, я бы и так не стал причинять вам вред. Наверное... – добавил он задумчиво, и Саймон злобно зашипел.

Айлин только сейчас заметила мерцание, окутавшее именно ее. За эти годы все Вороны освоили невидимые щиты, а магическим зрением она их разглядеть не могла, но в полумраке комнаты радужная дымка все-таки была заметна. А потом она увидела что-то другое, непонятное, жуткое... За спиной Морстена, будто выплывая из стены, медленно проявлялись прозрачные силуэты, наливаясь красками и становясь похожими на людей – но только внешне. В камере похолодало, а потом повеяло отчетливой вонью гнили и разложения. Айлин замутило. Столько призраков! Это ведь и правда были призраки, которые явились именно сейчас!

– Сколько же их... – проговорила она одними губами, но заблудшие души встрепенулись, услышав ее мысли.

«Вы нас видите?! – загомонили они разом у нее в голове. – Вы нас можете видеть?! Пожалуйста, миледи, помогите! Справедливости, мадам! Умоляем... Вы слышите нас? Покарайте убийцу, миледи... мадам... Двести флоринов золотом, всего двести флоринов!

Справедливости!.. Он убил меня!.. И меня... Пожалуйста! Чтоб вы сдохли все, проклятые некроманты! Это он убил... Мои дети, они остались без отца! Двести флоринов стоила моя жизнь... Я ничего плохого не делала... Я хочу к маме... Он убил... убил...»

«Хватит! – закричала Айлин про себя, в безмолвном ужасе глядя на этих людей, словно слившихся в одно ужасное многоликое, многорукое и многоногое существо. Богато одетые старики, изящные дамы, полные сил мужчины и даже двое или трое детей... – Хватит, прошу! Я вам помогу! Я здесь ради этого! Только не мешайте мне... нам... И вы получите справедливость!»

Она вглядывалась в эти лица, отчаянные, полные злобы, страха, боли – и не видела среди них Кайла Морстена. Наверное, все-таки придется звать его вслух. Как бы только это сделать, чтобы никто не понял?..

Пытаясь отвлечься от накатывающей дурноты, она посмотрела на Шона. Знает ли он, какой ужас его сопровождает?! Лучано понятия не имел, но он-то не был некромантом, а Морстен... Неужели он был уверен, что ему все сойдет с рук? Что разгневанные души тех, кого он убил, не смогут найти справедливость?!

Притихнув, призраки смотрели на нее жадными глазами, их рты беззвучно шевелились, а во взглядах было столько мольбы!..

– Насколько я понимаю, милорды и миледи, – с невероятным и отвратительным спокойствием сказал преступный некромант, – вы возомнили, что вправе меня судить. И кто же, позвольте узнать, меня обвиняет? И в чем?

– Ваш брат... – уронил Дарра, и Айлин торопливо добавила вслух, используя представившуюся возможность позвать призрака, не выдав себя:

– Кайл! Кайл Морстен!

– Кайл?

Шон приподнял брови, а посреди камеры между ним и Воронами соткался прямо из воздуха юноша, похожий на него как две капли воды, только... на пять лет моложе. Те самые пять лет жизни, которых у него уже никогда не будет. Лицо его горело лихорадочным нетерпением. Кайл уставился на брата и вскрикнул:

– Это он! Прошу вас, миледи! Скажите всем, что это он отдал меня убийцам! И всех этих людей – тоже убил!

Призраки безмолвно закивали, следя за происходящим алчными взглядами, переводя их с Айлин на живого Морстена и обратно.

– Прямо интересно, кто умудрился найти его останки? – поморщился Шон. – Я был уверен, что этого дурачка похоронили в общей могиле для бедных.

– Как видите, тайное стало явным, – пожал плечами Дарра. – Морстен, я могу прямо сейчас начертить звезду и призвать дух вашего брата. И он повторит свой рассказ, как вы хитростью заставили его переодеться в вашу одежду прямо перед приходом ваших бывших сообщников. Тех самых, что решили, в конце концов, избавиться и от вас...

«Призвать призрака, не имея его вещей или телесных частиц? – удивилась Айлин. – Дарра, конечно, силен, однако такое даже ему вряд ли удастся. Хотя... что я знаю о его настоящих возможностях? Или артефактах, которые есть у службы канцлера... Или тайнах аранвеновских подвалов... А может, он блефует? Просто пугает Морстена, чтобы тот утратил самообладание?»

– Да-да, так и было! – закивал Кайл и, стремительно оказавшись возле Шона, заглянул ему в лицо. – Ты меня слышишь?! Ублюдок! Упырь! Посмотри на меня! Услышь хотя бы теперь!

Он пытался сомкнуть руки на шее брата, но бесплотные пальцы проходили сквозь горло Шона, не причиняя тому вреда. Шон даже не знал, что рядом беззвучно кричит его несчастная жертва, и разглядывал Воронов с прежней насмешкой.

– Не вижу смысла, – отозвался он наконец. – Да, я это сделал. Ну и что? Как будто вы никогда не играли в арлезийские башни. Разменять пешку за более ценную фигуру – это разумно и правильно. Мой брат был всего лишь профаном. Жалким простолудином, который никогда не выбрался бы из грязи Северной окраины. А у меня дар. Передо мной была вся жизнь! Если бы Претемная Госпожа хотела, чтобы этот мальчишка жил, она бы пожаловала искру ему, а не мне. И вообще, в чем вы меня обвиняете? В том, что я разрешил собственному брату покрасоваться перед девчонкой в мантии адепта? Стра-а-ашное преступление... – Он издевательски улыбнулся. – Что ж, отправьте меня на суд гильдии. Можете даже допросить с разумником, за столько лет воспоминания поблекли, а я – научился пользоваться некоторыми любопытными артефактами... Вы ничего не сможете

доказать! Я просто вернулся домой, увидел своего брата убитым и... так испугался, что очнулся уже во Фрагане. Ну, вот такой я трус, уж простите.

Он весело усмехнулся, а Саймон, стоящий по другую руку от Айлин, выдохнул:

– Я его убью! Это же... не человек! Это упырь! Да нет, он хуже упыря!

– Легко вам быть честным и правильным, Эддерли, – ядовито огрызнулся Морстен. – Вы хоть раз в жизни ложились спать голодным? И не потому, что вас лишили ужина за проказы, а потому что в доме уже неделю нечего жрать. Ни куска хлеба, ни ложки пустой похлебки из горсти овса! Да я ненавижу своего брата, потому что каждую плесневелую корку, которую матери удавалось добыть, приходилось делить на троих! И вы еще смеете меня осуждать?! – Он повысил голос и заговорил с лихорадочной торопливостью, словно боялся, что его прервут, не дав высказаться: – Хотите понять, почему я это сделал? Найдите мой прежний дом и проживите в нем хотя бы одну зиму! Мы ели горячее раз в неделю, когда удавалось найти достаточно щепок, чтобы растопить очаг! Спали, прижавшись друг к другу и стуча зубами от холода, а утром разбивали лед в единственном ведре, чтобы умыться и напиться. И вы все смеете меня судить?! Я всего лишь хотел жить так же, как вы! Жрать досыта, спать в тепле, носить чистые целые рубашки и даже не вспоминать по Северную окраину... Денвер предложил мне это! Но он тоже предал. Потому что все предают, если только могут. Нет никакой верности и чести, это все ваши дворянские сказки! Они годятся только для сытых, ясно вам?!

Задышавшись, Шон замолчал, по-прежнему не видя отшатнувшегося от него Кайла. Сколько же ненависти и боли в нем накопилось... Айлин попыталась найти в себе хоть каплю жалости, но... не смогла. Она вспомнила Лучано, который тоже убивал за деньги, но у него не было выбора. К тому же его учили этому с детства, а Шон Морстен попал в Академию всего лишь на два года старше, чем был Лу, когда убил своего наставника. И разве он не мог найти другой путь?! Почти весь год Морстен проводил в Академии, возвращаясь домой только на вакации. Там его кормили, одевали и полностью содержали. Да, дома была нищета, но ведь Кайл как-то выживал! Грамотному Шону это было гораздо проще! Нашел бы какую-то работу, мог бы содержать и

себя, и брата... В конце концов, попросил бы помощи у магистра Эддерли!

«А разве ты стала об этом просить? – жестоко напомнила она себе. – Тоже ведь собиралась искать работу, но так и не нашла, потому что тетушка с Кармелем позаботились о тебе, глупом ребенке. Если бы не тот выигрыш в игорном доме, который помог тебе сохранить наивную детскую гордость, тетушка все равно не позволила бы тебе морить крыс по подвалам... Зато Драммонд морил, между прочим... Но наемным убийцей все-таки не стал! Нет, Шона не жаль. Каждый сам выбирает свою дорогу! Жалко Кайла, которому это не позволили!»

– Дворянские сказки?! – вскинулся в полной тишине Брайан Лохланн. – Ну и гнилая же ты тварь, Морстен! Что тебе мешало сбежать во Фрагану вместе с братом? Испугался Денвера на хвосте? Бросил ему вместо себя мальчишку-профана?! И ты еще хочешь, чтобы мы тебя пожалели? Да, Саймон не голодал! И я тоже. Но ты не единственный простолюдин в Академии! Маги не бросают своих! Ты всегда мог прийти к нам и попросить помощи, как я попросил у Аранвена, когда пришлось туго. Или как Драммонд, которому магистр Эддерли дал работу! Да только ты не захотел морить крыс или лазить по беспокойным кладбищам! Ты продал Денверу на жертвенник такого же адепта-простолюдина! И во Фрагане зарабатывал не честным ремеслом, а чужой кровью! Ты позор гильдии, Морстен! И еще смеешь открывать рот?! Вздернуть бы тебя на площади, как вешали мародеров...

Он задохнулся, губы побелели, и Эдгар Гринхилл молча положил ему руку на плечо.

– Считаете меня виновным – отправляйте в суд, – зло огрызнулся Морстен, обводя всех тяжелым взглядом. – Для этого и существуют законы, верно? Ищите свидетелей и улики! Брата я не убивал, это была всего лишь глупая шутка! Что касается остального, попробуйте доказать! Между прочим, я теперь фраганский подданный и имею право требовать суда короля Флоризеля, а Орден пусть еще докажет, что меня следует судить в Дорвенанте. Мне здесь перстень не выдавали!

– Улик и доказательств более чем достаточно, – негромко сказал Дарра. – Вы, кажется, не понимаете своего положения, Морстен. И его причин. Вас не предадут открытому суду только потому, что честь

Фиолетовой гильдии не заслужила еще одного позорного пятна. Вы можете быть подданным любого государства, однако первое свое преступление совершили здесь, в Дорвенанте, и этого хватит для суда по законам Ордена. Тем законам, над которыми вы поглумились, а теперь пытаетесь ими же прикрыться.

В голосе Дарры слышался ледяной гнев, тяжелый, как огромные острова из чистого льда, плавающие по северным морям. Айлин захотелось прикрыть ладонями уши, встряхнуть головой... Ее снова замутило, но теперь уже не от призрачной вони, которая так никуда и не делась, а от беспомощного ужаса перед происходящим.

– Иными словами, суда надо мной не будет? И десять сильнейших адептов Фиолетовой Гильдии собрались здесь, чтобы хладнокровно убить одного простолюдина, даже не полного мага? – с издевательской любезностью уточнил Морстен, скользнул по Айлин, а затем по Дарре с Саймоном небрежным взглядом и поправился: – Ах нет, два полных мага, семь адептов и одна... леди. Это, несомненно, меняет дело.

У Айлин перехватило дыхание от бессильной ярости. Она попыталась посчитать жертвы Морстена – сколько же их там, но сбилась на второй дюжине, а призраков осталось еще много! Спасибо Претемнейшей, что они хотя бы молчали...

Пытаясь успокоиться, она перевела взгляд на Дарру – и едва не вскрикнула!

За его правым плечом колебался, мерцал и дрожал, как марево над костром, полупрозрачный силуэт.

«Это не призрак, – изумилась Айлин. – Призрак казался бы мне плотным! Но кто это, в таком случае? И почему я никогда не видела его раньше?»

Она всмотрелась в силуэт и пораженно застыла – тот принадлежал мальчику лет восьми или десяти. Мальчик смотрел на Морстена, и его лицо было в точности таким же холодно-сосредоточенным, как у Дарры... Нет, просто – таким же, как у Дарры! Темно-серые глаза, бледно-золотистые волосы, тонкие губы, должно быть, именно так и выглядел Дарра, когда был ребенком! Разной была только одежда. Белоснежный, украшенный тонкой серебристой вышивкой камзол у Дарры – и темно-серый, траурный, без всякой отделки – у мальчика.

Ну и кто же это? На лекциях она ни о чем подобном не слышала! То есть... именно так для остальных некромантов, не имеющих ее дара, обычно выглядят призраки, так они являются обычным людям, но не ей! Надо будет потом узнать у Дарры... Словно почувствовав ее взгляд, мальчик обернулся и внимательно посмотрел на нее. Его губы едва заметно тронула улыбка – такая знакомая улыбка Дарры! – но глаза остались серьезными и печальными. А потом он вздохнул – совсем как живой! – и опять отвернулся к Шону.

Айлин с трудом отвела взгляд от странного призрачного мальчика и тоже перевела его на обоих Морстенов, живого и духа. Кайл с искаженным лицом всматривался в брата, беззвучно шевеля губами, то ли молился, то ли проклинал. Остальные призраки придвинулись ближе, окружив их ужасным безмолвным полукольцом, а Шон, не подозревая об их присутствии, стоял неподвижно, дерзко скрестив на груди скованные руки и улыбаясь прямо в лицо Дарре.

Он даже не думал раскаиваться, и пора было все это заканчивать, пока застрявшие между жизнью и смертью души его жертв не взбунтовались. Но... как? Айлин с холодной обреченностью поняла, что не сумеет, просто не сможет нанести удар. Да и как она бы это сделала?! Магия заперта браслетами, не вызывать же Морстена на фехтовальную дуэль! А главное, если она сама не в состоянии свершить правосудие, то как можно просить этого от любого из Воронов? Убить безоружного – это против правил дворянской и мажеской чести...

Айлин украдкой обвела взглядом названных братьев. Похоже, они думали точно так же.

Саймон кусал губы, два Оуэнна угрюмо смотрели в землю, Лохланн бессильно сжимал кулаки, Сэвендиш шевелил губами, сплетая какое-то заклятие, но то и дело сбивался и начинал заново... О, никто из них не побоялся бы выйти против равного соперника, или хоть против толпы демонов – в этом Айлин не сомневалась! Но беспомощный враг, пусть даже отъявленный мерзавец, был в полной безопасности.

Хуже всего, что он тоже это понимал. Губы Шона снова исказила издевательская улыбка, и он, чуть подавшись вперед, бросил:

– Хватит этой комедии, господа. Или отпускайте меня, или передавайте кому угодно для суда, но поскорее. Вы же не станете сами

марать свои ухоженные дворянские ручки, верно? Иначе получится, что вы ничем не лучше меня. Впрочем, вы, Аранвен, и так не лучше, как бы ни пытались прикрыться... белой мантией. На той высоте, где вы обитаете, чистеньких не бывает!

Айлин вдруг увидела, как рука Дарры, затянутая в белоснежную перчатку, шевельнулась, и пальцы сложились для какого-то аркана. Проклятие?! Или что-то еще? Неужели через принципы чести переступит безупречный Дарра?! И в то же мгновение вперед метнулся Драммонд.

Айлин даже не успела понять, что он собирается делать. Просто Драммонд взмахнул рукой – и через мгновение Морстен страшно и жалко булькнул перерезанным горлом, а потом осел на пол, разбрызгивая кровь во все стороны. Ловко отступивший от него Драммонд обернулся, сжимая ритуальный нож и жадно ловя взгляд Дарры. И сразу сник – Дарра, окинув взглядом сначала его, потом тело Морстена, брезгливо поморщился.

– Драммонд, вы позволили себя спровоцировать, – холодно изрек он, нарушив потрясенную тишину в камере. – Я собирался отдать мерзавца его брату, вызвав призрак и дав ему силы для свершения мести. В одном он был прав, нам не пристало самим пачкаться о подобную тварь. Мы его судьи, но не палачи. А вы поддались на насмешки, как первокурсник. Притом совершили казнь без вынесения приговора, и я никак не могу этого одобрить. Впрочем, – добавил Дарра, едва заметно смягчившись и взглядом указав на тело Морстена, от которого расплывалась кровавая лужа, – обратите внимание, господа, не слишком изящно, зато действенно. Перерезанное горло не позволило осужденному бросить предсмертное проклятие... Милая Айлин? Айлин?!

Не в силах оторваться, Айлин смотрела, как призраки окружают Морстена и склоняются над ним, закрывая собой, припадая к его телу, пытаясь что-то вытащить из него бесплотными руками... Их торжествующие вопли перекрыли голос Дарры, и она была почти рада этому, не зная, что ужаснее – исступленный вой жаждущих мести душ или это ледяное бесстрастное спокойствие. Дарра как будто сам был... неживым...

На мгновение в мешанине взлетающих рук, лиц и тел показалось искаженное лицо Морстена, но какого из них – Айлин понять не

успела. Голоса призраков слились в единый режущий уши звук, а потом над телом поднялся жуткий вращающийся клубок, в середине которого что-то мелькало... Что-то кричащее, пытающееся отбиться...

– Мой! – прорезал вой призраков ликующий звонкий вопль Кайла. – Теперь-то мы поговорим, братец! Спасибо, миледи!

– Спасибо, спасибо...

Вспомнив о ее существовании, призраки принялись оборачиваться и кланяться, не разрывая чудовищного хоровода, внутри которого метался Шон. То есть, конечно, его душа. Кровь уже не сочилась из перерезанного горла, в глазах застыл слепой нерассуждающий ужас, а призрачное тело... От него словно отхватили куски плоти вместе с одеждой, и Шон теперь выглядел помятым и порванным, как рисунок, в раздражении изодранный художником.

– Спасибо, миледи! Мое почтение, мадам! – Голоса призраков сливались воедино, в глазах сияла алчная радость. – Благодарю... Моя госпожа! Повелительница... Наша королева...

Поклоны, прижатые к сердцу ладони, лица... Взгляды! Страх не было, да и все остальные чувства вдруг исчезли, Айлин словно накрыли толстым теплым одеялом, и она почувствовала, как ноги подкашиваются. А потом вокруг стало темно. Она смутно слышала голос Дарры и удивлялась – друг что-то кричал. Впервые на ее памяти! Дарра... кричал! Что-то про целителей... Про леди Эддерли... Зачем ей леди Эддерли, она ведь не собирается рожать прямо сейчас... А потом исчезли все голоса, даже те, кто почему-то называл ее королевой. Стало темно и очень спокойно.

* * *

Портал открылся прямо в гостиной. И Саймон Эддерли вывалился из него с таким лицом, что у Грегора сердце превратилось в комок льда – разом, как от смертельного заклятия.

– Айлин... – с трудом выговорил он.

– Все хорошо, милорд! – отчаянно выкрикнул мальчишка, глянув на него и зачистил: – Все уже хорошо, клянусь! Матушка сказала, что опасности нет. Ну, почти нет, Айлин придется немного полежать, и перевозить ее в ближайший час нельзя. Я сразу к вам, клянусь! То есть сначала за матушкой, а потом – к вам! Велите заложить экипаж или так?..

Он кивнул на мерцание портала. Вскочив, Грегор бешено глянул на перепуганного Саймона – непонятно, в чем именно паршивец виноват, но одно ясно – с Айлин беда. И натворили что-то эти двое, Аранвен и Эддерли! Выпускники, Бар-ргот их побери! Полные орденские маги, сопляки дур-р-рные, заносчивые! Просто потому, что кто же еще?!

Не отвлекаясь на полные вины глаза Эддерли, Грегор шагнул в открывшийся портал, не заботясь о том, успеет ли за ним бывший ученик.

Эддерли успел. Выскочил вслед за ним и побежал вперед, указывая путь. Грегор пролетел за мальчишкой по гостиной Аранвенов, потом коридором – вглубь особняка... Распахнул дверь спальни, стремительно шагнул внутрь и...

– Вон, – уронила леди Эддерли, склонившись над постелью. И, не обернувшись, добавила: – Она жива, ребенок тоже. Но сейчас – вон. Все! И вы, Грегор, в том числе.

Тоже не оборачиваясь, Грегор сделал шаг назад, оттеснив Саймона. Сейчас он бы пренебрег приказом хоть короля, хоть покойного деда, хоть самой Претемной Госпожи, но не целительницы, которая лечит его жену. Его беременную жену! Которую он отпустил в самый безопасный дом в Дорвенанте! Под присмотр самых благонравных из известных ему людей! И которую... которая теперь...

Сглотнув стоящий в горле ком, он молча вытолкнул Саймона, сам вышел вместе с ним и аккуратно прикрыл дверь за собой, чтобы не побеспокоить Айлин. А потом взял мальчишку за воротник расшитого парадного камзола и спиной впечатал в стену рядом с дверью. Приблизил к нему лицо так, что увидел в огромных карих глазах свое отражение, и прошипел:

– Что вы натворили, Эддерли?! Что с моей женой?..

– Лорд Бастельеро? – раздался за спиной знакомый голос Аранвена-младшего. – Саймон ни в чем не виноват. Ответа вам следует требовать от меня, и я готов его дать.

Бросив Саймона, Грегор развернулся и яростно взглянул на подошедшего Дарру и прорычал, даже не пытаясь быть учтивым:

– Да уж будьте любезны, Аранвен!

– Прошу, идемте со мной, милорд, – попросил тот. – Леди Эддерли сказала, что Айлин нуждается в полном покое. Мы... говорим

слишком громко.

«Это я говорю громко, – понял Грегор. – Да, верно, в спальне все слышно. А если я сейчас кого-нибудь убью, то еще и некротические эманации будут. Целители всегда этим недовольны... Надо отойти подальше. На всякий случай...»

Он коротко кивнул и пошел вслед за Даррой, как всегда невозмутимым, словно мраморная статуя. Однако в гостиной, куда они вернулись, Аранвен-младший обернулся, и в его лице что-то дрогнуло, а в глазах появилось незнакомое Грегору выражение. Точнее, знакомое, но непредставимое у любого из Аранвенов – неуверенность.

– Во всем, что случилось, исключительно моя вина, – сказал Дарра, подтверждая его мысли и указывая на диван. – Не желаете присесть?

– К Барготу этикет! – выдохнул Грегор. – Что случилось?!

– Я был крайне беспечен и неосторожен, – бесстрастно отозвался сын канцлера. – Леди Эддерли уже объяснила, что я подверг опасности здоровье леди Айлин... Очень выразительно объяснила...

– Я думал, она в нас проклятьем запустит, – тихо и очень виновато сказал Саймон, проскальзывая мимо Грегора в гостиную и становясь поближе к Аранвену. – Ну то есть не проклятием, а что там у целителей бывает... Никогда не слышал, чтобы матушка такие слова использовала...

И его отчетливо передернуло. Дарра же на миг отвел взгляд, а потом снова посмотрел Грегору в глаза и ровно продолжил:

– Чтобы не было недомолвок, прошу принять к сведению, что мои родители, а также лорд и леди Эддерли тоже ни при чем. Они весь вечер были в особняке Эддерли и еще не вернулись.

– Я сначала домой портал открыл, – снова вставил Саймон. – Ну я говорил уже... И матушка сразу кинулась помогать Айлин, а леди и лорд Аранвен велели сообщить вам. Порталом, чтобы быстрее. Они сейчас тоже сюда перейдут, вот только портал подзарядится немного!

Это Грегор вполне понимал. Стационарный портал – вещь удобная, пользоваться им может даже профан, но порталный артефакт требует подзарядки. Сначала Саймон им воспользовался, чтобы кинуться домой, потом сюда вернулись он и Мариан Эддерли, потом Саймон ринулся в особняк Бастельеро, и опять они вернулись вдвоем.

– Я вас понял, – отрывисто сказал он. – Дарра, вы ввели меня в заблуждение! Я полагал, что на вечере будут присутствовать ваши родители!

– Разве я упоминал об этом в приглашении? – так же бесстрастно уточнил Аранвен. – Простите, милорд, мне очень жаль, что вы неверно поняли мое письмо. Это был исключительно мой праздник, и родители не захотели смущать моих гостей.

– И вы позвали мою жену... в дом, где не осталось ни одной взрослой женщины? – прошипел Грегор. – Аранвен, вы с ума сошли?! Она в положении! Я... я вам доверял! Да что, Баргот вас побери, случилось?! Ей стало плохо? Она упала?

– Милорд Бастельеро! – Темно-серые глаза Дарры сверкнули. – Она была в полной безопасности! Под десятком щитов! Прикрытая со всех сторон! Ей ничто не могло повредить! Я сам не понимаю, почему... Она же некромантка... С боевым опытом... Что такого она могла...

– Действительно, что такого могла увидеть беременная женщина, чтобы упасть в обморок? – прозвучал от двери бесконечно язвительный голос, и в гостиную вошла леди Эддерли. – Подумаешь, на ее глазах перерезали горло какому-то мерзавцу! С ней же это каждый день случается! Дарра, мальчик мой, вы болван! Если бедная девочка – некромантка, это не значит, что ее сердце и нервы из железа, как у вас! И если она смогла пережить Разлом и все, что к нему прилагалось, это не значит, что перенесенные испытания ее закалили. Скорее, они надорвали эти самые нервы! А сейчас, во время беременности, она уязвима как никогда! Как вам вообще в голову могло прийти подобное?! Я уже привыкла ожидать любой безумной глупости от собственного сына, но вы! И дайте мне карвейна, в конце-то концов!

Подбежав к столику, Саймон трясущимися руками налил карвейн в хрустальный бокал и поднес матери. Леди Эддерли махом выпила половину, поморщилась и села на диван, держа бокал в руках.

– Успокойтесь, Грегор, – сказала она уже мягче, посмотрев на него. – Мальчики прибежали вовремя, и опасности выкидыша больше нет.

– Но она была? – выдавил Грегор. В висках звонко стучали молоточки, а кровь бежала по жилам кипятком, толкая на... что-то

безумное. – Айлин могла... потерять ребенка?

«А может, и умереть! В деторождении я не понимаю ничего, но женщины иногда умирают при выкидыше, это всем известно. Айлин... могла умереть?! Из-за чего? Глупая шутка, проказа? Или... Что там леди Мариан сказала про перерезанное горло?! Кто его перерезал и кому?! На домашнем празднике в особняке Аранвенов?! Кто сошел с ума, я или все остальные?!»

– Женщина может потерять ребенка в любой момент беременности, – все еще сердито сказала Мариан Эддерли и искоса посмотрела на обоих замерших юношей. – Запомните это, молодые люди! Нет существа более стойкого и терпеливого, но и более уязвимого, чем беременная женщина! Айлин, бедная девочка, и так носит малыша очень тяжело, а такие переживания... Испуг привел к обмороку, а мог привести и к выкидышу! Вам очень повезло, что этого не случилось! Впрочем, еще неизвестно, что скажет лорд Бастельеро. Грегор, – снова обратилась она к нему, – в любом случае, все обошлось благополучно. Я сняла напряжение матки... Впрочем, вам это ни о чем не скажет, я полагаю. Айлин и ее ребенок в полной безопасности. Порталом им перемещаться нельзя, но каретой – можно. Желательно, на рессорах. И не раньше, чем через пару часов. Я бы вообще советовала подождать до утра.

– До утра... – повторил Грегор.

Злость причудливым образом мешалась в нем с искренней благодарностью. Если бы не леди Мариан! И все-таки какого Баргота они оставили этих юных мерзавцев одних?! Айлин... Благие Семеро!

Его зазнобило от ужаса, во рту пересохло, и Грегор отчаянно напомнил себе, что Мариан Эддерли – целительница с огромным опытом! Если она говорит, что все обошлось, значит, и вправду обошлось. Но страх не отпускал. Как будто смертельное заклятие пролетело мимо него, беспомощного, лишенного даже капли силы и не способного поставить щит. Опасность миновала, но дикий ужас остался. Не за себя, а за Айлин, с которой могло случиться страшное...

– Я прикажу подать экипаж, как только вам будет угодно, – тихо сказал Дарра. – Он на рессорах и ми... леди Айлин не потревожит тряска.

– Благодарю, – процедил Грегор и уже хотел отказаться, но вспомнил, что его экипажи не оборудованы этой новомодной

фраганской штукой. Завтра же велеть выпороть конюхов и заказать немедленно! – А теперь я хотел бы все-таки услышать, что здесь случилось. – Сияние портала посреди гостиной вспыхнуло вновь, и из него показались две фигуры в белом. – А, милорд Ангус! Вы вовремя!

... – Сын мой, вы меня разочаровали, – вздохнул Аранвен-старший примерно через четверть часа. – Бесконечно разочаровали.

И это все?! Грегор уже хотел возмутиться таким нелепым благодушием, но осекся, увидев, как Дарра опустил голову, потом поднял снова, и в его взгляде наконец-то проявилось что-то человеческое. Похожее на стыд настолько, настолько это возможно для Аранвенов!

– Да, отец, – покорно сказал он. – Я... виноват. Мне... так жаль.

– Когда я давал вам достаточные полномочия для использования тайной службы, – ровно продолжил канцлер, – я рассчитывал, что вы будете применять их разумно и осмотрительно. Как вам вообще пришло в голову назначить себя судьей этого мерзавца? И еще втянуть в это столько людей, включая леди Бастельеро?

– Я... виноват, – тихо, но очень упрямо повторил Дарра и бросил быстрый взгляд на Грегора. – Мне жаль. Это полностью моя вина, остальные... гости ни о чем не подозревали.

– Очень на это надеюсь, – сухо отозвался канцлер. – Как и на их благоразумие. Лорд Бастельеро, полагаю, лучше отпустить гостей моего сына, предупредив их о необходимости молчать. Если, конечно, они не подлежат какому-то наказанию по вашим орденским законам.

– Они? – Грегор досадливо дернул уголком рта. – С какой стати? Они всего лишь оказались свидетелями. Разве что Драммонд... Полагаю, мне придется поговорить с ним и объяснить, что дворянин не имеет права исполнять роль палача, для этого есть специально обученные люди. Впрочем, я могу понять, почему юноша не сдержался. Его, как и остальных, воспитывали по принципам чести, а эта тварь Морстен... И мне еще будут говорить про орденское братство... Впрочем, неважно. Саймон, сделайте одолжение, велите им ехать в Академию, а завтра перед занятиями явиться ко мне в кабинет. Надеюсь, вам эта отвратительная история тоже послужит уроком.

– Да, милорд.

Эддерли-младший поклонился, и Грегор увидел, что он искренне расстроен. Однако уходить не торопится, мнется на пороге, поглядывая то на бывшего наставника, то на Дарру, застывшего рядом с диваном, на котором сидят его мать и леди Эддерли. Боится, что Грегор его вызовет на дуэль? Правильно боится! Если бы с Айлин случилось непоправимое...

Впрочем, тогда Грегор его бы просто убил. И плевать на родовую вражду с Аранвенами в таком случае. Жизнь и здоровье женщины-дворянки неприкосновенны! А уж если она носит во чреве наследника рода, его будущее и надежду... Он сам виноват, что позволил Айлин рискнуть, приехав сюда, только поэтому Дарра останется жив и невредим. Но принять меры на будущее необходимо!

— Лорд Бастельеро, я смиренно прошу прощения за свое недостойное поведение. — Дарра под устремленными на него взглядами выговорил ритуальную форму извинения и низко поклонился. — Клянусь, что не имел намерений навредить леди Айлин и... вашему ребенку. Прошу вас великодушно забыть случившееся.

— Я присоединяюсь к этой просьбе, — негромко уронил канцлер. — Грегор, мне искренне жаль.

Грегор колебался всего лишь несколько мгновений. Сделать вид, что ничего не было? Ну уж нет! Это, конечно, не разрыв отношений с родом Аранвенов, но... Дарре в его доме определено делать больше нечего.

— Я не принимаю ваших извинений, милорды, — отрезал он. — Лорд Ангус, к вам у меня никаких претензий, но ваш сын подверг опасности мою жену и ребенка. Дарра, вы всерьез полагаете, что извинений будет достаточно? С этой минуты вы — нежеланный гость в моем доме. То же относится и к вашим соученикам, и я категорически, слышите, Аранвен? Категорически запрещаю вам искать встреч с моей женой или писать ей. Надеюсь, вам все понятно?

И с неожиданно острым мстительным удовольствием увидел, как побледнел младший Аранвен. Впрочем, он скорее посерел, даже бледное золото его волос на мгновение словно бы обернулось серебром седины.

— Да, милорд... — тихо выдохнул Дарра. — Я вас понял. Разрешите мне хотя бы принести извинения... когда леди Айлин очнется.

– Я передам их от вашего имени, – бросил Грегор и встал. – Лорд Ангус, мне придется просить вас о гостеприимстве в ближайшие несколько часов, пока Айлин не сможет выдержать поездку домой. И одолжить ваш экипаж, если позволите. Леди Мариан, примите мою искреннюю благодарность, я не забуду услугу, которую вы оказали моему роду. Надеюсь, вы понимаете, почему я собираюсь оградить жену и от встреч с вашим сыном тоже?

Поджав губы, леди Эддерли молча кивнула. Посмотрела на Саймона, который маялся у дверей живой аллегорией вины, на бледного Дарру и тяжело вздохнула.

– Не могу вас осудить за это, – сказала она тихо. – И все-таки помните, что лучшее лекарство для вашей жены – покой и радость. Бедная девочка уж точно не виновата в случившемся, и отнимать у нее друзей...

– Разве я в чем-то ее виню?! – изумился Грегор. – Поверьте, я сделаю все возможное, чтобы она скорее забыла этот ужас! И приложу все силы, чтобы обеспечить ей покой и порадовать, чем только смогу!

Глава 14

Перед грозой

– Так значит вы, лорд Фарелл, не знаете, кому поручить ваши земли и крестьян? – с доброжелательным пониманием уточнил почтенный батюшка Альса.

Роскошный обед был съеден, к столу подали шамьет и наливки. Карвейн в доме Вальдеронов не любили, гости тоже подобрались не из ценителей крепкого. Для месьора д'Альбрэ откупорили бутылку фраганского, а Лучано распробовал упоительно вкусный и душистый земляничный ликер, который благородная синьора Джанет делала сама. Альс, который потягивал вишневую наливку, фыркнул:

– Да какие там крестьяне? На тех землях только енотов полно. – Виновато глянул на Лучано и предложил: – Может, тебе другое поместье найти все-таки? А то очень уж хлопотный подарок получается, да и невыгодный... Подберем что-нибудь поближе к столице, а?

– Ни за что! – искренне воспротивился Лучано. – Подумаешь, еноты! Еноты – это беллиссимо! Главное, не ночевать рядом с ними. Зато какое озеро!

Он прикрыл глаза, вспоминая теплую серебристую воду, огромные деревья, покрытые бархатным изумрудным мхом, изящную обнаженную фигурку в ореоле рыжих волос... Ох нет, от последнего лучше отвлечься!

– Хочу дом возле самой воды, – признался Лучано, открывая глаза и неожиданно смущаясь. – Такое красивое место! Теперь, когда порталы работают, можно ведь там иногда отдыхать? Никаких огородов и полей, никаких лишних людей, только дом, чтобы приехать с друзьями...

– Охота в Озерном крае отменная, – одобрил синьор Вальдерон. – Еще и озеро. Рыбное?

– Не знаю, – пожал плечами Лучано. – Я там только уток видел.

– Значит, рыба точно есть, – успокоил его батюшка Альса и блеснул глазами, откинувшись на высокую спинку кресла. – Хм... Рыба...

– Да-да, рыба... – так же задумчиво отозвался старший лорд Бастельеро, тоже приглашенный к обеду. – Никогда не ловил в Озерном крае...

Оба пожилых благородных синьора взглянули друг на друга с искренним азартным пониманием, для которого слова не нужны. Альс опять фыркнул, а синьора Джанет, единственная женщина за столом, улыбнулась – мол, что возьмешь с этих мужчин?

– Вам нужен управляющий, – уверенно подытожил батюшка Альса. – Верный и знающий человек. Раз уж настоящее поместье вы пока заводить не хотите, можно срубить только охотничий домик в пару этажей и конюшни. Леса в Озерном крае хватает, а остальное дешевле заказать во Фрагане, да и мастера у них отменные. Сам-то дом и наши поставят, а на отделку выписывайте фраганцев, не ошибетесь.

И месьор д'Альбрэ, и грандсиньор Бастельеро-старший, и даже Альс одобрительно закивали, а Лучано только развел руками.

– Ничего в этом не смыслу, – снова признался он, сам не понимая, отчего так смущается.

Действительно, где и когда ему было учиться ведению хозяйства или, упаси Претемная, строительству домов? Да еще в лесу!

– У моего управляющего в поместье два сына, – задумчиво сказал Вальдерон. – Старший примет дела, когда старик уйдет на покой, но младший – парень тоже толковый. Лес он любит, даже думал пойти в егеря, но там не то жалованье, чтобы кормить себя и семью, как он привык. Если возьмете его на службу, он с радостью поедет на границу и займется строительством дома, а потом останется там жить и следить за хозяйством. Жена у него отлично готовит, дети тоже зря хлеб не станут есть. В любое время, как решите приехать, в доме будет чисто и натоплено, в конюшнях – свежее сено, а вам с друзьями устроят отменную охоту.

– Соглашайся, – добавил Альс. – Люди они надежные, которое поколение нам служат. А дом построить и обставить мы поможем, правда, батюшка?

Себастьян Вальдерон кивнул, улыбнувшись, и у Лучано встал ком в горле. Еще одна невидимая нить только что крепко привязала его к Дорвенанту. У Шипов не бывает семьи, ему и так незаслуженно и неизмеримо повезло расти у мастера Ларци. И всю жизнь он твердо знал, что семья с любящими родителями, братьями и сестрами,

непременными ссорами, но и особым родственным теплом – это не для него. Слишком большая роскошь. Куда большая, чем драгоценности или деньги, потому что купить такое нельзя. Но здесь, у Вальдеронов, его принимали так тепло, словно он был... своим. Синьора Джанет помнила, какие блюда он предпочитает, ее муж готов был помочь в строительстве дома...

Дом! Теперь, кроме городского палаццо, который Лучано отдал под королевскую службу, у него будет еще и дом? На берегу самого прекрасного в мире озера! И можно будет в любое время отправиться туда, взяв... да кого угодно! Пригласить Альса, его отца и матушку, месьора д'Альбрэ или грандсиньора Дункана... Да хоть Саграсса, что ли! Разве что синьорина с ними поехать не сможет, и эта мысль в очередной раз кольнула болезненно и тоскливо.

– Я, пожалуй, сам туда съезжу, – неторопливо добавил Вальдерон. – Присмотрю хорошее место, если доверитесь моему опыту, а пока мастера станут делать разметку, порыбачу. Не хотите ли присоединиться, милорды?

– С удовольствием, – живо откликнулся Бастельеро-старший. – Должен ведь кто-то показать вам, как следует удить в озерах!

Заулыбались все, даже Аластор, который сегодня многовато хмурился, но упорно молчал на осторожные расспросы Лучано. А бретер, покачивая бокал с благородным жидким золотом, лениво отозвался:

– Снова побывать в Озерном крае? С радостью! Наконец-то разгляжу эти дивные пейзажи, не отвлекаясь на ваших рейтаров и егерей. Хотя в соревновании по рыбной ловле позвольте не участвовать, не хочу позорить ма белль Фрагану.

– Благодарю, синьор Себастьян... – дрогнувшим голосом сказал Лучано. – Я... Благодарю! – И тут же поспешно уточнил: – Вы не сочтете за обиду, что я не смогу вас сопровождать? Монсиньор Аластор позволил мне уладить кое-какие дела в Итлии. Это не терпит отлагательства, но вернувшись, я смогу... полностью посвятить себя вашей прекрасной стране!

«Если вернусь, – подумал он. – Конечно же, если вернусь. Мои полгода подходят к концу. Альс тоже помнит об этом. Да, он мог бы заплатить гильдии и продлить контракт, но Дорвенант слишком беден, чтобы долго позволять себе такую роскошь. Я не хочу обходиться

Альсу так дорого! А мастер Ларци вчера сказал, что увидел все необходимое... Гильдия ждет. Я единственный Шип за ее историю, который стал дворянином чужой страны, принес присягу королю и попросил свободы... Пре-це-дент – кажется, так это называют законники? Уникальный и очень опасный для гильдии случай. Отказать королю Дорвенанта – не слишком хорошая мысль, но согласиться... Дело не в том, что гильдия не обойдется без одного-единственного младшего мастера! Дело в том, что какой-то Шип получит свободу. Значит, о ней задумаются многие. Даже самая крепкая стена рушится от первого вылетевшего камня. А Ларци молчит, и я даже не знаю, поддержит ли он меня».

– Да, Лучано нужно навестить... родственников, – снова хмуро сказал Аластор.

Его родители понимающе кивнули, как и лорд Бастельеро. Навестить родню – что может быть естественнее? Лучано поймал вопросительный взгляд бретера, осведомленного об истинном положении дел, и виновато улыбнулся. Гильдия – единственная семья, которая есть у Шипа. Во всяком случае, только она может потребовать ответа так, что уклониться невозможно.

– Съездим без вас, – благодушно махнул рукой лорд Себастьян. – Все равно вы, южане, плохо знаете, как строить у нас в Дорвенанте. Озерный край – это, конечно, не Дильмах или Невия, но и не ваша Итлия.

«Как же хочется вернуться, – с той же холодной тихой тоской подумал Лучано. – Увидеть этот дом, снова окунуться в озеро, где купалась она... моя синьорина Весна! Может, предсказание гадалки Минри все-таки останется несбывшимся? Вдруг моя судьба снова свернула с проложенной колеи? Не хочу умирать... Ни счастливым, ни несчастным! Хочу жить! С ними, для них... Мне теперь есть для кого жить, надо же! И ведь не расскажешь никому, не пожалуешься. Перед Альсом надо держать лицо, иначе с него станется натворить что-нибудь. А остальные... помочь они не смогут, значит, и говорить об этом незачем».

– А еще Лучано передаст письмо родным моей жены, – вздохнув, добавил Альс. – Они тянут с обещанным кредитом, хотя мы с Дунканом уже определили места для строительства первых мануфактур. Нужно до холодов заложить фундамент, чтобы весной

быстро достроить остальное. Дело за Риккарди. Но они, видимо, ждут, пока родится ребенок? Не понимаю, почему?

– Это как раз вполне понятно, – рассудительно сказал грандсиньор Бастельеро. – Риккарди расчетливы, не зря же их зовут торговыми принцами. Честь у них тоже скорее торговая, чем дворянская. Им трудно поверить, что вы, ваше величество, в любом случае исполните обязательства, даже если брак с ее величеством не принесет должных плодов.

– Вы что же, намекаете?..

Альс возмущенно уставился на отцовского гостя, и тот, виновато улыбнувшись, покачал головой:

– Ну что вы, ваше величество! Я всей душой желаю ее величеству благоприятного разрешения от бремени. Но выносить и родить ребенка – тяжелый труд, и он не всегда успешен. Я не устаю молиться Всеблагой о продолжении вашего рода, как и... моего.

– Айлин хорошо себя чувствует? – Аластор успокоился так же быстро, как вспыхнул, а в его голосе Лучано отчетливо услышал вину. – Во время нашей последней встречи ей стало нехорошо. Надеюсь, это прошло?

– Моя дорогая невестка – в высшей степени достойная и милая леди. – А вот в голосе Бастельеро-старшего прозвучала прямо-таки отеческая нежность. – Она действительно была не совсем здорова эти дни, но сейчас ей лучше.

– Бедная девочка, – сочувственно сказала синьора Джанет. – Она слишком молода и еще не оправилась от испытаний. Помню, я тоже тяжело носила первенца, хотя на мою долю не выпало ничего подобного. Дорогой лорд Аларик, не отвезете ли вы ей небольшой подарок? У нас в оранжерее расцвело миртовое деревце в горшке, его запах очень полезен дамам в положении, он лечит головную боль и тошноту. Впрочем, вы ведь без кареты? Тогда, боюсь, вам будет неудобно...

– Я могу отвезти, матушка, – быстро подсказал Альс. – Если лорд Бастельеро не против нашего визита.

Какой именно из лордов Бастельеро мог бы воспротивиться приезду короля, он уточнять не стал, и грандсиньор Бастельеро-старший почтительно склонил голову.

– Сочту за честь, ваше величество, – церемонно отозвался он, и сердце Лучано радостно дрогнуло.

Еще раз увидеть Айлин до отъезда! Конечно, наедине их никто не оставит, палатко ее мужа полно любопытных глаз и ушей, но хотя бы увидеть ее! Сказать несколько слов, посмотреть в самые красивые на свете женские глаза... Нет-нет, он ни за что не скажет ей, что эта встреча вполне может оказаться последней. Синьорине и так непросто нести тяжелую ношу нежеланного замужества и беременности. Зачем ей волноваться? Вот если Лучано и правда не вернется... Что ж, тогда он попросит у Претемной великую милость остаться в этом мире призраком. Айлин видит неупокоенные души, значит, живой или мертвый, он сумеет быть ей полезным!

– Я прикажу садовнику перевязать горшок сеткой, – кивнула синьора Джанет с полнейшим спокойствием, словно король, собравшийся ехать верхом в обнимку с цветущим миртом, самое обычное дело.

Вот интересно, Аластор заметил, что подарок его милая матушка посылает синьорине Айлин, а не собственной невестке, хотя в положении обе? Кажется, да. Вот и снова тень мелькнула во взгляде. Что же все-таки у них с Беатрис? Может, Альс постепенно прозревает? На музыкальном вечере его драгоценная гадюка была очень уж неосторожна. Даже странно... Неужели это беременность так действует? Раньше Беатрис ни на миг не позволяла себе снять маску безупречности.

Когда Аластор, взлетев в седло, невозмутимо принял у садовника этот самый горшок с пышным нарядным миртом, Лучано даже не стал скрывать улыбку.

– Может, пусть кто-нибудь из гуардо возьмет? – предложил он и покосился на очень серьезное лицо лейтенанта Минца. – Ладно бы везти букет, но целое деревце – это как-то чересчур, м? Тебе же поводья держать неудобно.

– Я все равно одними коленями правлю, – отмахнулся Альс. – Лучше скажи, ты уверен, что хочешь поехать? Может, просто... ну... продлим этот твой контракт?

И посмотрел с такой надеждой, что Лучано почувствовал себя полным мерзавцем. Никогда ему не стать порядочным человеком, если приходится врать лучшему другу. Но он уверенно отозвался:

– Не стоит, монсиньор. Мои родственники будут рады оказать вам услугу, так что я очень скоро вернусь.

Аластор глянул недоверчиво, но промолчал. Его Огонек фыркнул и стукнул копытом, не одобряя такой странный груз на своей благородной спине, а Донна потянулась мордой к цветущим веткам, явно намереваясь испробовать их на вкус.

– Прекрати немедленно! – возмутился Лучано. – Что за манеры? Ты же порядочная дорвенантская лошадь, зачем тебе южный мирт?

– А зачем твоему еноту монеты и пряжки? – немедленно кинулся на защиту гневной Альс. – Он их даже не ест! А Донна, может, жеребая!

– Жеребая?! – Лучано с подозрением взглянул на кобылу, которая ответила ему невиннейшим взглядом, точь в точь девица, что вернулась с гулянья к утру и уверяет папеньку, что вела себя безупречно. – Да нет, конюх бы мне сказал... Ведь сказал бы, правда?! И вообще, разве в конюшнях такое может быть? Я имею в виду – без позволения хозяина.

– Ну, я бы за наших жеребцов ручаться не стал, – хохотнул Альс. – Вряд ли они придут к тебе за разрешением, а конюх мог и не уследить. Поди потом разбери, кто виноват, да и вина это не сказать, чтобы большая. Ты же не собирался крыть ее каким-то определенным жеребцом?

– Да я вообще не собирался! – взвыл Лучано под понимающие ухмылки Аластора и всех остальных, включая гуардо. – Зачем мне жеребенок? То есть зачем ей жеребенок? Донна, девочка моя, нам ведь не нужны такие сложности, м?

Донна снова невозмутимо потянулась за миртом, и Аластор легонько хлопнул ее по носу. Кобыла оскорбленно фыркнула и отвернулась, сделав вид, что не очень-то хотелось, а Огонек осуждающе посмотрел на всех и ласково ткнул ее мордой в шею. Наверное, заверял, что если ей все-таки хочется малыша, то вот он, самый горячий и замечательный жеребец, рядом и готов на все!

«Даже у лошадей любовь, – про себя вздохнул Лучано. – Один я как идиотто... Схожу с ума по троим сразу, и ни с кем из них ни единственного шанса!»

Что ж, во всяком случае, до палаццо Бастельеро они доехали весело. Альс наотрез отказался расставаться с деревцем, и добрые жители Дорвенны, кланяясь маленькому королевскому кортежу,

кажется, даже не удивлялись. Раз король едет по улице с цветочным горшком в обнимку, значит, так и надо – его величеству виднее.

Так что мирт Аластор дотащил аж до самой гостиной и торжественно поставил на столик. Широко улыбнулся Айлин, торопливо спустившейся по лестнице, и поцеловал руку.

– Лу! Ал! – Сразу же смутившись, синьорина поспешно поправилась: – Ваше величество! Милорд Фарелл!

Виновато покосилась на свекра, который ответил ей легкой улыбкой, понимающей и умиленной, а потом негромко сказал:

– Как я рад, что вам лучше, мое дорогое дитя! – Повернулся к Альсу и Лучано и, так же улыбаясь, продолжил: – Ваше величество, лорд Фарелл, после гостеприимства лорда и леди Вальдеронов мне даже неловко предлагать вам угощение! Но, может быть, хоть бокал вина?

– Вы были у лорда Себастьяна и леди Джанет? – догадалась синьорина. – Ох, какая прелесть... Это мирт, правда? Я его видела в оранжереях Академии. Конечно, вы должны выпить немного вина. Или шамьета? Тильда? Тильда!..

Сияя, как весеннее солнышко, Айлин протянула руку Лучано, и он коснулся губами нежной прохладной кожи. Слишком прохладной... Синьорина мерзнет? Неудивительно. В этом огромном каменном палаццо, красивом, но таком темном и неуютном, она похожа на огонек свечи посреди храмового зала. Крошечный живой язычок пламени, колеблющийся от ветра и не способный рассеять холод и тьму вокруг...

– Синьорина... – выдохнул Лучано, поднимаясь и глядя ей в лицо. – Как ваше здоровье? Могу ли я... чем-то помочь?

Она не могла забыть их разговор! О, всего один намек! Или хотя бы взгляд! Разрешающий взгляд, за который он ухватится мгновенно, как приговоренный – за надежду на помилование! Ну зачем ей быть женой этого... кладбищенского ворона?! Перед отъездом в Итлию Лучано как раз успел бы...

– Спасибо, Лу, – ясно и нежно улыбнулась Айлин. – Все хорошо. Спасибо тебе.

Поняла. Точно поняла! Но не дала ни знака, ни позволения. И Лучано, еще раз поклонившись, отступил назад. Спohватившись, Альс предложил синьорине руку и помог сесть на диванчик. Немолодая

горничная в темном платье с белоснежным передником принесла поднос с бокалами и бутылку, вторая – какие-то закуски...

– Я только попробую, – вздохнул Аластор и уже привычно предупредил: – Пожалуйста, без церемоний. Позвольте хоть сегодня отдохнуть от дворцового этикета!

– Конечно, ваше величество. – Грандсиньор Бастельеро усмехнулся и лукаво добавил: – Я и не собирался принимать вас по большому королевскому протоколу. Он все-таки требует тщательной подготовки!

– Королевский протокол? – заинтересовался Альс. – Это что еще за зверь?

– Большой королевский протокол! – Бастельеро поднял вверх указательный палец и многозначительно сверкнул глазами. – Вы с ним не знакомы? Какое упущение лейб-церемониймейстера! Большой королевский протокол был разработан примерно... лет двести назад и применяется при встрече королевской персоны, решившей навестить одного из своих подданных. Согласно ему, при въезде королевской персоны в ворота над домом поднимается особый штандарт, извещающий всех, что здесь пребывает король. Разумеется, штандарт должен быть гербовый, алый с золотом. Далее все домочадцы выстраиваются по обеим сторонам дорожки, по которой пройдет король, и преклоняют колени, а специально приглашенный оркестр играет гимн. Если оркестр найти невозможно, в крайнем случае можно обойтись двумя герольдами в ливрее королевских цветов, которые должны трубить в трубы.

Айлин тихонько хихикнула, глядя на ошеломленное лицо Аластора. Лорд Бастельеро быстро покосился на нее и очень серьезно продолжил:

– Когда королевская персона под звуки труб подойдет к парадному входу, на крыльцо должны выйти лорд и леди, хозяйева дома, и преподнести королю хлеб и вино. Герольды прекращают трубить и ждут, когда король отведаст угощение, а затем трубят снова. Король в это время троекратно лобызает хозяев дома.

– Милорд, вы шутите! – не выдержал Аластор. – Целовать... – Он глянул на уже откровенно смеющуюся синьорину и жалобно добавил: – А если хозяйке дома лет восемьдесят? Про хозяина я уже и не говорю!

– Увы, королевский протокол исключений не делает, – безжалостно отозвался грандсиньор. – Затем королевскую персону следует провести в главный зал и поднести более значимое угощение, состоящее из семи перемен блюд – в честь Семи Благих, разумеется. Каждый раз при новой перемене кубок короля следует наполнять заново. Когда король отпивает из кубка, герольды снова трубят, а служители во дворе замка или особняка стреляют из пушки.

– Из... чего? – Альс даже головой помотал, а Лучано окончательно простил пожилому грандсиньору, что тот произвел на свет собственного сына. Потому что синьорина смеялась. Заливисто, звонко и совершенно свободно. У нее даже глаза разгорелись колдовскими зелеными огнями, а щеки порозовели. – Милорд, скажите, что вы шутите! Двести лет назад и пушек-то не было!

– Осадные кулевины были, – невозмутимо возразил грандсиньор Аларик. – Ну, конечно, от обычных дворян их наличия великодушно не требовали, но чтобы в особняке кого-то из Трех Дюжин не нашлось пушки?!

– Даже у вас? – поразился Лучано, старательно поддерживая общее веселье.

– Особенно у нас! – напоказ обиделся грандсиньор и щелкнул пальцами: – Руверс!

Появившийся в дверях человек мог быть только дворецким. Высокий, худой, затянутый в черное, он идеально сочетался с этим домом и его обстановкой.

– Руверс, когда последний раз чистили пушку? – осведомился Бастельеро-старший в наступившей азартной тишине. – Кстати, как часто ее вообще чистят?

– Как и положено, милорд, раз в три недели, – церемонно отозвался дворецкий. – Последний раз был десять дней назад, милорд.

Лучано показалось, что если велеть приготовить пушку к стрельбе, этот синьор с такой же невозмутимостью отправится исполнять распоряжение, даже не поинтересовавшись, в кого нужно стрелять. Хозяевам виднее!

– Туше, – признал Аластор и восхищенно покачал головой. – Нет, ну надо же, пушка! – И добавил с легкой завистью: – А у нас в поместье пушки нет... И большому королевскому протоколу меня не учили! Какое счастье...

– Ой, а я бы посмотрела, – снова хихикнула синьорина. – Батюшка Аларик, вы покажете мне эту пушку?

– С радостью, дитя мое, – улыбнулся пожилой грандсиньор и тут же мягко добавил: – Только давайте подождем, когда малыш появится на свет. Вы ведь наверняка пожелаете не только осмотреть пушку, но и выстрелить из нее?

«Какое прекрасное знание натуры синьорины! – молча восхитился Лучано. – Вот уж кого точно нельзя подпускать к артиллерийским орудиям. Она и без пушки-то способна таких дел натворить...»

– Кстати, по случаю рождения наследника это будет вполне уместно, – добавил Бастельеро, когда Айлин расстроено вздохнула. – Тоже старинный обычай. Уверен, когда вы пришли в этот мир, ваш батюшка выполнил его с радостью. Не вижу причины, чтобы мой сын отказал вам в этом пустяке.

– Хорошо, – снова солнечно улыбнулась синьорина и легонько коснулась живота быстрым рассеянным движением, характерным для беременных женщин – словно проверила, на месте ли он. – Уже не так долго ждать осталось...

Тут же смутившись, она перевела разговор на подарок, попросив Альса передать тысячу благодарностей милой леди Джанет.

– Конечно, – кивнул Аластор и спросил немного неуверенно: – Айлин, я могу пригласить тебя?.. То есть вас с мужем, конечно! На следующий музыкальный вечер... – И заторопился: – Мне очень жаль, что в этот раз так получилось! Беатрис передает тебе извинения, что была столь неделикатна. Она не подумала, что тебе будет неприятно слышать про... леди Ревенгар. И мне тоже очень жаль! Но... ты ведь пока еще можешь выезжать? Ну, хотя бы пару раз...

«Плохая мысль, Альс! – очень хотелось закричать Лучано. – Разве что ты попросишь грандсиньора Дункана не посещать эти вечера. Ведь в следующий раз Айлин может приехать не с милой синьорой Элоизой, которая, вообще-то, в трауре, а с мужем. Да, грандсиньор Бастельеро слепо влюблен в свою жену, однако этот сорт слепцов часто прозревает в самый неподходящий момент! Если бы он тогда был в гостинной, ты думаешь, он бы ничего не заметил?! Очень, очень плохая мысль! Не говоря уж о том, что королева может извиняться сколько угодно, и поверить в ее сожаления способен только ты. Она никогда не простит женщину, которая привлекает больше внимания,

чем сама блистательная Беатрис! В том числе и твоего внимания, Альс. Пусть даже братского, но...»

– Прости, Ал. – Синьорина смущенно и виновато улыбнулась. – Мне и правда больше не стоит выезжать. Я... едва не потеряла недавно ребенка, так мне было нехорошо. И... не могу рисковать. Прости, мне очень жаль...

– Да, конечно! – выдохнул Аластор. – Это ты меня прости! Ужас какой! Все ведь обошлось, да?

– Леди Эддерли – прекрасная целительница, – бледно улыбнулась Айлин. – Она очень мне помогает. Наша семья так ей обязана... Ничего, это ведь только... до весны?

«До весны? – удивился Лучано. – Срок ее родов на Зимнее Солнцестояние... Хотя да, кто-то говорил, что благородные синьоры не выезжают после рождения ребенка еще два-три месяца. Это вам не крестьянки, которые хорошо если пару дней могут отлежаться, а после младенца на перевязь – и в поле! С одной стороны, это прекрасно, что за Айлин будет отличный уход, и она сможет отдохнуть после родов. С другой... бедняжка же совсем зачахнет!»

– Я уверен, ты родишь прекрасного здорового ребенка, – очень просто и серьезно сказал Альс, глядя ей в глаза. – Если захочешь, я буду его приемником! И если твой муж согласится, конечно, – чуть поморщился он.

– Я была бы рада, – так же тихо отозвалась синьорина и протянула ему руку, которую Альс бережно поднес к губам.

Не слишком веселым, несмотря на все старания грандсиньора Бастельеро-старшего, вышел этот визит. Айлин вышла на крыльцо, чтобы проводить гостей, и Лучано молча пожалел ее, остающуюся в роскошном палаццо, больше напоминающем склеп. Тоже, конечно, роскошный! Уже заметная беременность сделала фигурку синьорины трогательно неуклюжей, и свекор бережно поддерживал ее под руку, когда Айлин прощалась с гостями.

– Ах да, – небрежно сказал Лучано, когда была его очередь целовать тонкие бледные пальчики, немного потеплевшие по сравнению с тем, что было час назад. – На днях я еду в Итлию. И привезу вам самых вкусных апельсинов, ми синьорина! Ярких, как солнце, и сладких, как губы прекрасной девушки!

Заставил себя посмотреть томно и весело, чтобы остаться в рамках приличия, но намекнуть, кого имеет в виду. Айлин старательно улыбнулась незамысловатой шутке, но тут же ее глаза тревожно распахнулись.

– В Итлию? – шепнула она, задержав руку в его пальцах. – Разве... полгода уже прошли?

«Помнит! – Нежность и благодарность будто тронули его сердце мягкой теплой лапкой. – Она помнит о сроке и беспокоится за меня. Ми аморе...»

– Я вернусь! – пообещал он, чуть заметно сжимая ее пальчики. – Подумаешь, всего неделя или две! Я обязательно вернусь.

Айлин молча кивнула. Присела в неглубоком реверансе и ушла в дом. Аластор взлетел в седло, снова мрачный, как утром, а Лучано вздохнул и подумал, что Дорвенант – ужасная страна! Меньше года назад он был бы счастлив отсюда убраться, причем навсегда! И вот – по собственной воле хочет вернуться! Ведь скажи он мастерам, что его шальное дворянство – просто забавная затянувшаяся шутка, а сам он – прежний Шип Фортунато, преданный только гильдии, и можно не бояться за свою жизнь. Его разве что поругают за привлеченное внимание, но не больше, чем нашкодившего кота... Дело сделано, королевская чета клиентов довольна, чего еще ждать?

И, может быть, он даже взойдет на новую ступень гильдейской иерархии, станет старшим мастером – предел мечтаний для очень многих! Будет прежняя вольная жизнь, будет уважение и страх в чужих взглядах, редкие посиделки с Фелипе – единственным, кого он мог назвать другом, самые сложные и интересные заказы... И чья-то смерть окончательно перестанет вызывать горькую оскомину, превратившись в деньги и славу. И когда-нибудь имя Лучано Фортунато встанет в один ряд с именами остальных. Ларци Смерть-с-улыбкой, Тино Темный Омут, Лоренцо Стиллет, Джакомо Удавка, Бертоло Длинные Пальцы... Сколько их было, грандмастеров гильдии, ныне канувших в смертную тьму? Исчезнувших из памяти всех, кроме нескольких стариков-наставников, которые рассказывают про самые лихие или самые неудачные заказы, чтобы натаскивать и воспитывать молодняк. Люди, которых помнят только чужой смертью.

«Но ведь я уже добился того, что меня запомнят иначе! – упрямо сказал себе Лучано, когда ехал к дворцу по правую руку хмурого

Альса. – Я сам, собственными ушами слышал, как дорвенантские мальчишки распевают песенку о принце, который победил демонов. Там был куплет и про рыжую магессу, что закрыла Разлом, и про итлийского наемника, что стоял на холме вместе с ними. Меня уважают гвардо и маги-боевики! Это меня-то, убийцу без чести и совести! Мне улыбаются порядочные девицы. И не для того, чтобы затащить в постель Шипа, которому все равно не на что больше потратить кровавое золото. А потому что их почтенные батюшки и матушки считают меня героем. Ну и королевским фаворитом, как же без этого... И все, что мне здесь досталось, я выбрал и заслужил сам. Каждый маленький шаг, что иной раз и не заметишь, как сделаешь, привел меня именно на эту дорогу, и я... не хочу обратно».

Глава 15

Рука короля

У главных ворот дворца навстречу их маленькому кортежу с радостным визгом выскочили принцессы. Оставив свиту далеко позади, они кинулись к Алу, и лицо друга невольно просветлело, а Лучано, воспользовавшись суматохой – просто удивительно, сколько суеты способны создать две маленькие девочки и их фрейлины! – как можно незаметнее развернул Донну к вторым воротам. В конце концов, у него еще осталось одно важное дело, не терпящее отлагательств!

Первым, кого он увидел, объехав дворец, оказался Флориморд. Личный королевский кот вальяжно прогуливался перед гвардейской караулкой, гордо задрав пушистый хвост. Один из гуардо умиленно пытался подманить его кусочком ветчины, но Флориморд, привыкший брать налог с королевской кухни, на ветчину и ее владельца обращал внимания не больше, чем сиятельный дож на нищих перед храмом.

Гуардо, однако, не терял надежды, и Лучано его понимал – через эти ворота во дворец проходили только доверенные люди, всего несколько за всю смену, а спать на посту, есть, пить или играть в азартные игры уставом строжайше запрещалось. Про котов гвардейский устав молчал, так что если бы Флориморд сжалился и подошел поближе, вояка вполне мог бы развеять скуку, потискав его. Однако мохнатый негодяй коварно прогуливался на тщательно отмеренном расстоянии, за которое гвардеец не имел права выйти. Очень по-кошачьи!

Хмыкнув, Лучано подхватил Флориморда на руки. Гуардо мгновенно подобрался, отсалютовал приложенной к сердцу ладонью, старательно изобразил, что никогда в жизни ни одним котом не интересовался, и рывкнул:

– Доброго здоровья, милорд Фарелл!

– Вольно, лейтенант, – разрешил Лучано, перебирая ухоженный серо-белый мех. – Вы лорда Саграсса не видели?

– Приехал час назад, – отрапортовал гуардо. – Велите за ним послать? Я мигом!

И с надеждой глянул в сторону караулки, откуда должен был вызвать сменщика, окажись у Руки короля какое-нибудь поручение.

– Сам найду. – Лучано с сочувствием глянул на едва заметно приунывшего вояку и сунул ему кота. – Вот. Советую чесать пузо, он это любит.

Флориморд мявкнул, возмущаясь предательством, но тут же покорился судьбе, развалившись в крепких, но нежных объятиях гвардейца, а Лучано прошел за караулку, на ходу соображая, что именно сказать Лионелю. Можно, конечно, просто оставить ему конверт, поручив передать его Аластору в случае... Ну да, в том самом случае. Он кривовато улыбнулся, благо в коридоре никого не было – можно не держать лицо. Но все-таки лучше объяснить. У Саграсса есть одна превосходная черта! Он боевик и прекрасно знает, что люди не всегда возвращаются. Из драки или поездки к «любящим» родственникам – неважно. Просто однажды кто-то уходит, и его больше нет. Предусмотрительные люди на этот случай оставляют распоряжения. Ну а почему Лионель?..

На этот вопрос Лучано и сам затруднялся ответить. Конечно, оставить завешание Аластору нельзя – друг и монсиньор переполошится. Синьорина – то же самое. Он хорошо помнил ее взгляд, когда сказал, что едет в Итлию. Лорд-канцлер Аранвен? О да, вполне достоин доверия, понимает ситуацию, да и письмо у него не потеряется. Благородный синьор Себастьян Вальдерон? Настоящий образец чести и доброты, неудивительно, что он смог воспитать такого сына, как Альс. Месьор д'Альбрэ? Почему бы нет, о смерти он всяко знает не меньше боевика. Дункан Роверстан? Ему Лучано доверил бы почти что угодно! Желательно, конечно, себя самого, но грандсиньор магистр сохранит и завешание...

«Меня окружают прекрасные люди, – с невеселой насмешкой над самим собой подумал Лучано. – Честные, отважные, великодушные и справедливые. Любому можно довериться. Любой из них меня поймет... Да вокруг меня никогда в жизни не было такого количества порядочных людей! Впору подумать, достоин ли я их общества? Мне следовало бы отдать это письмо мастеру. Он единственный, кто все поймет по-настоящему! Он знает, что если я чего и боюсь, так это Круга мастеров... И перед ним я даже могу не стыдиться этого страха! Но... вдруг он решит, что я ему не верю? Да, он не сказал ничего

определенного про встречу с грандмастерами, не сказал даже, что сам думает о моей просьбе... Но я всегда доверял ему и признавал его право распоряжаться моей жизнью. Вдруг он решит, что я сдался и больше не верю в его покровительство?»

Он прошел дворцовыми коридорами до своего кабинета, раскланиваясь с кем-то, отвечая на приветствия, улыбаясь, держа лицо. Главное – всегда держать лицо! Даже когда страшно так, что поджилки трясутся! И не мгновения, не часы, даже не дни, а недели напролет. Месяцы!

«Но почему Саграсс? – спросил он себя, садясь к столу и обмакивая перо в чернила. А потом сам себе ответил: – Потому что у всех остальных есть что-то еще. Они благополучные, почтенные, уважаемые люди. А Саграсс, несмотря на приговор Альса, до сих пор идет по канату над пропастью. Конечно, если я не вернусь, Аластор его приставит к какому-нибудь делу. Но я обещал этому человеку достойную королевскую службу и возвращение чести, а сам даже ни разу не подрался рядом с ним, попросив прикрывать мне спину. Если я не вернусь, он запомнит меня как человека, который спас ему жизнь, но не доверял ни в чем достаточно важном. А это... нехорошо. Для таких, как Лионель, конечно. Верных и гордых. Ну так пусть у него хотя бы останется память, что я доверился ему в таком важном деле. Это будет... справедливо. Я же и правда взял на себя ответственность за его жизнь и судьбу, значит, должен...»

Влажные чернильные строчки ложились на бумагу мягко и ровно. Красиво! Спокойно... Лучано даже залюбовался. Самое смешное, что ему и завещать-то нечего. Особняк, подаренный Беатрис, пусть отойдет королевской службе, и если его величеству будет угодно, пусть ее возглавит Лионель Саграсс. Разумеется, без Лучано служба получится совсем другой, но, возможно, не хуже. За эти месяцы Лучано оценил подаренного ему боевика в полной мере. Умный, честный, преданный. Только уверенности в себе пока не хватает, но Лионель стремительно ее возвращает...

Так, что там дальше? Поместье у озера? Ну, с ним Альс разберется. Найдет, кому пожаловать, такие земли не пропадут. Самое важное – не поместье, не особняк и не шкатулка с драгоценностями. Важно то, к чему он действительно привык, прирос душой за эти безумные, страшные и счастливые полгода. Поэтому... Донна? Пусть

Альс ее заберет себе – он точно лошадку не обидит. Перлюрен? Вот с ним сложнее. У мастера Ларци ему было бы хорошо, но если Лучано не вернется, Ларци в Дорвенанте лучше не показываться. Аластору не до шкодливого енота, он его разве что заботам придворных поручит и будет иногда гладить, а Перлюрену нужен свой человек... Хм, а что насчет белокурой синьорины Иоланды, подружки Айлин? Они, помнится, отлично поладили! Ну а если девица не захочет его забрать, тогда пусть Перлюрен остается у Альса. Всего одного енота дворцовый сад уж как-нибудь выдержит.

«Мою лютню «Ласточку» – продолжали бежать по листу строки, – передайте синьору Роверстану с наилучшими пожеланиями и низжайшими извинениями за доставленное беспокойство...»

Да, вот так – правильно. У грандсиньора магистра прекрасная старинная лютня не станет всего лишь украшением стены. И, возможно, слушая ее певучий бархатный голос, он хоть иногда вспомнит глупого итлийца... А вот ту безымянную, что в Вероккье, нужно заранее подарить Фелипе! Она ему давно нравится, но у простого Шипа на такую красавицу не скоро получится накопить. Будет либо память, либо просто славный подарок, если повезет.

Что же оставить Альсу и Айлин? Смешно и грустно! У него нет ничего, достойного этих двоих. Ну нельзя же оставить им свое сердце. То, что однажды уже отдал, во второй раз не подаришь.

Лучано отложил перо и, уронив голову в ладони, тихонько рассмеялся. Забавно, да, младший мастер Шип? Столько лет, столько чужих смертей, и ты не заработал ничего, что мог бы оставить действительно любимым людям! Разве что перстень Денвера и его же нож – на память о походе к Разлому. Только вот горькая память получится...

И все-таки он, решившись, торопливо подписал письмо. Как положено – Люцианом Фортунато Фареллом, ведь третье дворянское имя так и не успел придумать. А потом парой росчерков еще торопливее начертил: «Ваш Лу». Содрал с пальца трофейный перстень с аметистом, вытащил из потайных ножен некромантский стилетто. Сунул их в конверт и, до боли закусив губу, залил поспешно растопленным сургучом. Печатка – его гербовый перстень, подарок Альса. С этим кольцом он не расстанется, пусть хоть убивают с ним...

Из корзины в углу вылез Перлюрен, деловито вскарабкался ему на колени и принялся обнюхивать карманы.

– Прости, малыш, я забыл про печенье, – покаялся Лучано и запустил пальцы в шелковистую шерстку.

За лето енот вырос еще больше, а недавно начал толстеть, хотя Лучано старался его не перекармливать. И все-таки зверь округлился, спина и бока залоснились, а щеки приобрели особую мохнатость и ширину. Альс только посмеялся над беспокойством Лучано и сказал, что все правильно: Перлюрен готовится к спячке. Во дворце он, может, и не уснет, но всю зиму будет сонным и толстым, такова уж природа енотов.

Встав на задние лапы, Перлюрен положил передние на плечо Лучано и засопел ему в ухо, подергивая длинным черным носом. Полосатая шубка пахла свежестью – похоже, Дани его недавно искупал. Может, оставить Перлюрена ему? Сколько там звериного века, парень как раз успеет вырасти для других игр, взрослых.

«А может, хватит живьем в землю закапываться? – с неожиданной злостью спросил себя Лучано. – Ты-то знаешь, как там паршиво, ну и куда торопиться? Завещание написал? Долги раздал? Ну вот, а теперь попробуй выжить и сделать так, чтобы это письмо не понадобилось!»

Он сунул высохший конверт за отворот камзола и вышел из кабинета. Интересно, где носит Лионеля? Боевик нередко захаживал в гвардейские караулки потрепаться с кем-то из приятелей, но всегда ставил начальника в известность. А тут он во дворце уже второй час и пропал куда-то...

Дойдя до главного холла, Лучано остановился у перил второго этажа и глянул вниз. Подтянутой фигуры в мундире там не было, но в глаза вдруг бросился совсем другой человек, показавшийся смутно знакомым. Плотный, даже округлый, неуловимо схожий с набравшим жирок Перлюреном. Коротко подстриженные волосы, нарядный синий камзол, но дворянской цепи не видно. Вот человек свернул к выходу, пересекая холл, и Лучано увидел его лицо. Тренированная память Шипа радостно вытолкнула на поверхность нужное имя.

– Синьор Донован! – громко окликнул его Лучано.

Купец остановился и принялся крутить головой. Наконец разглядел Лучано и сощурился, приглядываясь.

– Синьор Донован! – улыбаясь, повторил Лучано. – Эй, постойте минутку!

И легко сбежал по лестнице в холл.

Смотреть на изумление Донована было приятно, что уж там. Купец оглядывал его так, словно глазам поверить не мог – и неудивительно. В их единственную встречу Лучано был приказчиком парфюмерного дома, сейчас же на нем красовалась дворянская цепь, у пояса висела рапира, на пальцах сверкали кольца... На миг Лучано почувствовал себя так, словно встретил давнюю возлюбленную, пройдя мимо нее под руку с первой красавицей Верокки – пустячок, но приятно!

– Сударь... милорд Фарелли?! – неуверенно поправился Донован, и Лучано кивнул.

– Вижу, вы меня вспомнили, – весело сказал он. – Только не Фарелли, а Фарелл – так вашим драгоценным соотечественникам оказалось проще меня называть.

На лице Донована медленно проступало узнавание. Понимание. И растерянность. Наверняка он слышал о королевском фаворите-итлийце, но, конечно, никак не связывал его со своим случайным знакомым. Ровно до этого момента.

– Милорд! Мое почтение!

Купец торопливо поклонился и замер, прижав руку к груди, а Лучано укоризненно покачал головой.

– Ну что вы, право, – отозвался он с тщательно отмеренной обидой. – Надеюсь, вы не очень спешите, синьор? Не откажите в любезности... – И щелкнул пальцами, подзывая пажа, который дежурил в холле. – Синьорино, бегите на кухню, пусть подадут угощение в малую зеленую гостиную.

Удобное все-таки место – королевский дворец! В любое время дня и ночи здесь можно потребовать что угодно. Еду, вино, ванну и чистую одежду, услуги лекаря и цирюльника, лютню или парочку рапир, карету с кучером или портал в Итлию, дюжину гвардейцев или придворного мага... Разумеется, вся эта роскошь доступна лишь тому, кто имеет на нее право, но лорд Фарелл как раз имел!

Паж опрометью бросился выполнять приказ, а Лучано подхватил Донована под руку и повел в малую гостиную, которая как раз предназначалась для подобных встреч. Дворец полон комнат, где

можно без помех поговорить с нужным человеком. У этих комнат есть свои секреты, но ничего тайного Лучано обсуждать не намеревался, просто воспользовался случаем возобновить приятное знакомство.

– Ах, сударь! То есть милорд! – снова поправился Донован. – Я еще тогда понял, что вы далеко пойдете, но чтобы настолько? Кто же мог подумать?!

– Да я и сам бы не подумал, – согласился с ним Лучано. – Судьба любит пошутить, синьор! А как ваши дела? Успешна ли торговля?

– Милостью Благих... – отозвался купец так любезно и непроницаемо, что Лучано вмиг заподозрил неладное. И тут же торопливо перевел разговор: – Вижу, камзол на вас из моей лавки, милорд? А приказчик, дурень, и не сказал, что у нас такие люди одеваются. Оштрафую подлеца, как есть оштрафую! Надеюсь, он хоть скидку вам предложил?

– Ну что вы, зачем штрафовать? – махнул рукой Лучано. – У вас очень любезные служащие и дело знают отменно. Садитесь, синьор! Нет-нет, прошу без церемоний! – повысил он голос, видя, что Донован бочком отходит за стол. – Ну право, мы же старые знакомые!

«Хоть и виделись всего раз, – усмехнулся он про себя. – И теперь, кажется, Доновану неловко вспоминать о том разговоре. Или даже чуточку боязно. Вдруг взлетевший на волне королевской милости мальчишка решил покуражиться?»

– Садитесь, синьор Эмерик, – мягко надавил он голосом и открыто посмотрел купцу в глаза. – Я и правда рад вас видеть! Кто знает, вдруг моя удача началась именно с нашего обеда?

– Ну, если так... – Донован сконфуженно улыбнулся и развел руками с явным облегчением. – Чем могу служить, милорд?

Тенью проскользнувшая в гостиную горничная быстро накрыла на стол: кувшин дымящегося шамьета, чашки, сливочник, вазочки с печеньем и блюдо разных пирожных. Лучано разлил шамьет и присел на диванчик, Донован опустился напротив него на стул и глянул вопросительно.

– Вы не поверите, синьор, но... ничем, – спокойно отозвался Лучано. – Мне действительно ничего не нужно, я просто увидел знакомого. Но, может быть, это я могу вам чем-то помочь? Какое дело привело вас во дворец, если это не тайна?

– Даже и не знаю... – Под взглядом Лучано купец явно замялся, потом вздохнул совсем уж обреченно и признался: – Может, и правда, мне вас Благие Семеро послали, но очень уж кстати это получилось. Даже как-то странно!

– Подозрительно, да? – усмехнулся Лучано. – Ну, настаивать не буду. Не то чтобы мне своих секретов не хватало. Если опасаетесь, просто выпьем шамьету за прежнее знакомство.

Он захрустел ореховым печеньем, наблюдая, как Донован мнетса, будто сидит не на удобном стуле с мягкой обивкой, а на горячей сковородке. Наконец купец вцепился в чашку, отпил еще горячего шамьета, судорожно вдохнул, выдохнул и признался:

– Ограбили меня, су... милорд! Натуральнейшим образом! Но такой человек, что на него в суд подавать бесполезно. А то и вовсе... – Он сделал еще глоток и мрачно уставился в чашку. Помолчал и, не поднимая взгляда, продолжил: – Вы ведь помните, чем я торгую? Сукно, шелка...

– Бархат и тонкая кожа, – сочувственно подсказал Лучано. – Отменный товар, синьор. Сейчас у вас торговля должна идти недурно. Траур вот-вот кончится, благородные господа и дамы шьют наряды к зимним балам.

– Истинно так, – закивал купец. – В самый корень смотрите! Его величество да их высочества, пусть им будет покойно в Претемных Садах, почти на Вишневую Ночь погибли, большого траура недели две осталось, но товар-то нужно загодя привезти! Придворное платье или камзол пошить – это не пара дней, швеи да портные уже месяц так работой завалены, что не разгибаются. А ведь еще и ткани нужно заказать модные! В этом году все дворяне голубое да синее требуют, потому что их величество Аластор эти цвета любить изволит. Ну, и фиолет разных оттенков в честь ее величества, так он из моды и не выходил, можно старыми запасами обойтись...

Лучано терпеливо ждал, понимая, что купцу нужно разговориться. С приказчиком Фарелли он держался бы свободнее, но лорд Фарелл торговцу не ровня.

– В общем, вез я из Итлии большой обоз, – как-то безнадежно выдохнул Донован и глотнул из чашки, пренебрегая сладостями. – Одного итлийского бархата сто пятьдесят тюков, арлезийского шелка –

двести, арлезийское же кружево, сукно... – Он жалобно посмотрел на Лучано, который сочувственно покивал и согласился:

– Много товара, синьор! Очень деликатный груз.

Привычная роль приказчика далась легко и, главное, сработала. Донован чуть расслабился и посмотрел с признательностью.

– Еще какой деликатный! Мы с обозами всегда по главному королевскому тракту ходим, как же еще? И порядок знаем, не первый год в деле! На таможене, как положено, пошлину за каждый тюк, а лордам – возовые! С каждого воза, значит. На благоустройство дорог.

Лучано, который прекрасно помнил дороги в Озерном крае, только хмыкнул. Не похоже, чтобы их чинили последние лет десять, а то и двадцать. Хотя дороги – вены страны, это понимал даже он, Шип. Ох, доберется рано или поздно Альс до грандсиньоров Озерного края. Погодите, а у кого там земли? На границе с Фраганой у Сазерлендов, а южнее, к Итлии... У Логрейна, кажется?

– Ну и вот на землях Логрейна... – услышал Лучано имя, о котором только что думал, и встрепенулся.

Ограбили Донована действительно там. Нагло и не без изящества. Сначала личная стража лорда Логрейна потребовала предъявить им товары – мол, у них тут в городе лавку обчистили, так не вывозит ли купец украденное по сговору со злоумышленниками? Донован, конечно, возмутился, но лорду не откажешь. И действительно, в одном из возов нашлась штука сукна, не указанная в пошлинной переписи и якобы принадлежащая ограбленному торговцу. А еще несколько мотков кружева и медный котелок с клеймом местного мастера. Котелок! Больше глупости, чем воровать котелки и пыльное лежащее кружево, Баргот знает сколько провалявшееся в той лавке, Донован даже придумать не мог. Да он бы этому кружеву не позволил даже рядом оказаться с драгоценным арлезийским, чтобы не запачкать свой товар!

Приказчика, который клялся, что ничего чужого в повозке не было, слушать никто не стал. Как и самого Донована, разумеется. Неважно, что стражники не подпустили их к повозкам во время обыска, неважно, что весь товар был тщательно упакован в холщовые мешки с печатями, среди которых котелок просто невозможно не заметить... Укрывательство краденого – серьезное обвинение! Чтобы не оказаться в городской тюрьме, Доновану пришлось отдать большую

часть товара. Оставшийся он сохранил только потому, что это было сукно для мундиров дворцовой гвардии, заказанное и оплаченное армейским ведомством, а значит, никаким арестам не подлежало.

– И вы приехали во дворец искать правды? – сочувственно подсказал Лучано.

Донован молча кивнул. Одним глотком допил оставшийся шамьет и тускло сказал:

– Раньше на землях Логрейна такого не бывало. Пока был жив прежний глава рода, он вел дела честно. Ну, накинёт иногда несколько лишних серебряных на каждый воз – мол, дороги в этом году дождями размыло... Так это дело житейское, все понимают и сразу этот расход в учет берут. Ну, подарок самому лорду и его семье сделать надо – как же без этого? Штуку лучшего камзольного сукна, по штучке шелка и бархата. Я и в этот раз положенное в замок отослал. Да только прежний лорд с войны шесть лет назад не вернулся. И леди, жена его, тоже вместе с сыном пропала. Мутное там какое-то дело было, милорд. Вроде как поехали они тело забирать, а на обратной дороге то ли разбойники, то ли фраганцы... Сгинула, в общем, вся прямая ветвь Логрейнов, кроме леди Клариссы, она еще совсем девочкой была. Дядюшка над нею взял опеку, а в этом году срок опеки-то и вышел. Ему перед Опекунским Советом отчет держать, как имуществом сироты управлял, и вот...

– Понимаю, – медленно кивнул Лучано.

Действительно, что непонятного? Если имущества поубавилось, целый обоз дорогой ткани может неплохо поправить дело. Продать его быстренько, положить деньги в семейную казну... Доновану еще повезло, что его самого там не пристукнули. Нет купца – некому пожаловаться, это, может, и понадежнее будет, чем ложное обвинение в воровстве... Или нет?

– Хорошо, что вы сами уцелели, синьор, – сказал он откровенно, и купец кивнул.

– Могли бы и повесить, – согласился он, а потом неожиданно ухмыльнулся. – Только лорду Логрейну, чтоб ему Безликий до конца дней одни кошмары посылал, не до меня оказалось. Он как раз решил племянницу выдать замуж. И не за кого-то, а за собственного сына. Ну, кузены нередко женятся, но тут девица такое учудила, что у всех волосы на голове дыбом встали! Она...

И принялся со вкусом, позабыв даже на время собственные горести, рассказывать невероятное приключение юной леди Логрейн, которую дядюшка не зря медлил представлять ко двору. Хотя Лучано теперь смертельно хотелось посмотреть на благородную девицу, способную устроить такой скандал!

— Что, прямо с плахи? — радостно изумился он. — А потом исчезли? А что же дядюшка и жених-кузен?

— Ищут их по всему Дорвенанту, — блаженно улыбнулся Донован. — Вот в суматохе и мы ухитрились взять ноги в руки, оставшийся обоз в охапку и... Да только толку? — снова помрачнел он. — В канцелярии лорда-канцлера мое ходатайство приняли, конечно, но сразу предупредили, что раньше пары месяцев на стол к его светлости оно не попадет. Нет, и платить бесполезно. У лорда Аранвена все строго, только не хватает его на всех, а дела такого порядка простому суду не доверишь — все-таки на лорда из Трех Дюжин жалоба!

— Понимаю... — в очередной раз отозвался Лучано. — Вот что, синьор Донован, а копия жалобы у вас имеется? Перечень товара?

— Как не быть? — кивнул купец и полез за отворот камзола. — Вот, королевским нотариусом заверена. Серьезное дело ведь...

— Идемте! — Лучано поднялся, с сожалением взглянув на оставшееся нетронутым печенье. Приказать, что ли, отнести к нему в спальню? Так Перлюрен же доберется... — Идемте, — повторил он. — Думаю, лорда-канцлера так заинтересует эта история, что он простит нас за беспокойство.

«Опять лезешь не в свое дело, идиотто? — весело поинтересовался внутренний голос, но Лучано ему резонно возразил: — Грандсиньор Аранвен и правда интересовался тем, что происходит у Логрейнов. Он уже не раз напоминал благородному синьору, чтобы тот привез ко двору племянницу, а если дело дошло до такого... Но до чего же безумная девчонка! И какая отважная... Хоть бы с ней все было хорошо. Сдается, они с моей синьориной могли бы стать подругами, но для этого нужно помочь леди Клариссе...»

— К самому лорду-канцлеру? — ахнул купец и заторопился: — Нет-нет, милорд, вы не подумайте! Я вам чистую правду рассказал! Благими клянусь! Допрос у разумника пройду, если надо! Но только

сам канцлер... Вдруг его светлость разгневается, что мимо канцелярии?..

– Ну, тогда пусть гневается на меня, – пожал плечами Лучано и добил Донована: – Или вы хотите, чтобы грандсиньор Логрейн оказался у канцлера первым? И рассказал все по-своему?

Поджав губы, Донован кивнул и вскочил. И тут Лучано понял, кого ему напоминает купец. Оттенок светлых волос, манера поджимать губы и выдвигать немного вперед подбородок, голубые глаза... И Донован же! «Идиотто, – выругал он себя. – Тебе ведь ее представляли!»

– Скажите, синьор, – спросил он, выходя за купцом. – Синьорина Иоланда вам не родственница?

– Иоланда? – Купец резко остановился и с подозрением глянул на него. – Дочь. А что?

– О, ничего такого! – отозвался Лучано. – Очень достойная синьорина, передайте ей от меня поклон. Мы познакомились в Академии, когда я лежал там в лазарете. Она подруга леди Айлин Бастельеро и часто ее навещала. Прекрасная девушка, синьор, такая учтивая и добродетельная!

– Иоланда – моя гордость, – успокоившись, признался Донован, когда они принялись подниматься по лестнице. – Первая магесса в нашей семье! И такой удачный дар – от самого Безликого! Скорей бы она уже закончила учебу, женихи на пороге так и толпятся. Верите, милорд, некоторые даже говорят, что готовы ее без всякого приданого взять! Ради одной крови да выучки. Образованная жена – это же какое подспорье в хозяйстве! Да только я на своей девочке экономить не собираюсь, – окончательно разоткровенничался он. – И денег, и утвари выделю как положено, чтобы муж ее ни словом попрекнуть не мог! Да я, собственно, из-за приданого тогда и...

Донован смутился и бросил виноватый взгляд на идущего рядом Лучано, который ответил улыбкой.

– Конечно, синьор, – согласился он. – Такой девушке нужно достойное приданое!

Что ж, теперь понятно, почему Донован, весьма не бедный negociant, все-таки отказался взять приглянувшегося итлийца на содержание. Как он тогда сказал? Вот если бы через несколько лет?..

Сначала нужно выдать замуж любимую дочь, тут не до красивого, но жадного мальчишки. Ну что ж, синьор Донован – прекрасный отец.

– Лорд Фарелл? – Голос Лионеля Саграсса, встретившего их в коридоре второго этажа, был странным – напряженным, звенящим. – Вы меня искали? Сударь Донован, доброго дня.

– И вам доброго дня, милорд.

Донован и Саграсс на миг застыли друг напротив друга, словно кошка с собакой, что решают, подраться или нет. Высокий плечистый боевик в щеголевато сидящем мундире, с прекрасной осанкой и армейской выправкой, – и коренастый плотный купец, одетый дорого, но каждой черточкой лица и тела видно, что простолюдин.

«Они друг друга знают! – сообразил Лучано. – И... не любят? Нет, здесь что-то другое...»

– Здорова ли сударыня Иоланда? – тихо и очень четко уронил Саграсс. – Будьте любезны передать ей мой поклон.

– Милостью Всеблагой дочь моя здорова, – учтиво, но сухо ответил купец. – А принимать поклоны от вашей светлости для нее слишком большая честь.

Саграсс чуть сузил глаза. На миг закаменел лицом, а потом коротко поклонился и перевел взгляд на Лучано.

– Милорд Фарелл? Жду ваших распоряжений.

«Иоланда?! – изумился Лучано. – Не может быть! Хотя... Почему не может-то? Синьорина мила, даже восхитительна, если кому-то нравятся сдобные булочки, начиненные оружейной сталью. Она бывала в лазарете, где лежал боевик... Да и раньше в Академии они могли видаться... Да, это вполне возможно... Тогда почему?! Чем это Донована не устраивает возможный зять-дворянин? Нет, даже не так! Чем ему мой Саграсс не угодил?!»

– Лионель, проводите нас с синьором Донованом к кабинету лорда-канцлера, – вкрадчиво попросил он. – А потом у меня к вам действительно будет поручение.

«Например, одеться в лучший камзол и отвезти одной прелестной синьорине букет из королевской оранжереи. И пусть только попробует отказать своему прямому начальству!»

Глава 16

Компаньонка

Самое неприятное, что лорд Бастельеро, хоть и был недоволен... да что там – был чудовищно разгневан, уж за пять лет Айлин превосходно выучила, что означают настолько потемневшие глаза и столь сильно сжатые губы! – все же ни в чем ее не упрекнул. А ведь именно она заслужила сколько угодно любых упреков, Дарра же всего лишь выполнял ее просьбу!

Вот только рассказать об этом она не могла – ведь тогда супруг рассердился бы еще сильнее. Именно за то, что Дарра об этой просьбе ему не сообщил. Ни как бывшему наставнику, ни как мужу Айлин... Ох, да она бы охотно попросила лорда Бастельеро о помощи, если бы только он чуть меньше ненавидел призраков. Если бы только не сказал, что сразу же упокоит любого, кто появится рядом с нею!

Она все-таки попыталась объяснить, что упала в обморок вовсе не от вида крови, и что Дарра позаботился о ее безопасности так хорошо, как только мог, а значит, винить его нельзя!

– Юный Аранвен виновен в том, что вообще пригласил вас к себе в отсутствие родителей, – мягко, но непреклонно возразил лорд Бастельеро. – Не говоря уже о том, что позволил вам спуститься в тот подвал...

– Но я сама попросила его! – запротестовала Айлин. – А Саймон не хотел меня брать, но я настаивала... мне было важно... о, милорд, простите! Конечно, я поступила ужасно, но мне на минуту показалось, что мы снова в Академии – и я...

– Я ни в чем вас не виню, дорогая! – поспешил уверить ее муж, и Айлин едва не закричала, что только ее и стоит винить!

Ведь глупо и безответственно поступила она, а вовсе не Дарра, значит, и отвечать за это следует именно ей, пусть даже она пока не магесса! Как несправедливо, что даже тот рывок к Разлому не убедил милорда Грегора, что она вполне способна сама принимать решения и расплачиваться за них. Пусть даже ее решения не всегда были взвешенными и осторожными... Да что там, почти никогда не были! И

все-таки нельзя ведь вовсе о них забыть?! А милорд как будто по-прежнему считает ее ребенком, за которого должны отвечать старшие!

– Но все-таки я хотел бы знать, отчего вы лишились чувств? – договорил лорд Бастельеро, и Айлин вдруг осенило.

– Я увидела призраков! – выпалила она и едва не рассмеялась – такое недоверчиво-пораженное лицо стало у милорда супруга, хотя уж это-то была чистая правда.

– Простите, дорогая? – переспросил он. – Вы видели кого?

– Призраков, – повторила Айлин, и мимолетное веселье исчезло, стоило снова вспомнить тот многоликий ужас. – За спиной Морстена. Они как-то вдруг... появились...

– А... – начал, было, лорд Бастельеро, запнулся, сглотнул и посмотрел на нее странно – словно на незнакомку, которую силится узнать, но безуспешно. – Покажите мне ваши браслеты, дорогая, прошу вас.

Айлин, ничуть не удивившись, – милорд Эддерли тоже первым делом осмотрел браслеты! – вытянула руки.

– Работают, несомненно, – пробормотал лорд Бастельеро, тронув их пальцем. – Вы уверены, что видели именно призраков? Вам случалось видеть их раньше? Во внеурочное время?

– Да, – торопливо откликнулась она. – Во время путешествия. За Л... лордом Фареллом, – спохватилась она. – Следовал один призрак. Такой гадкий! А за Морстеном их было больше двух дюжин – они появились, и стало холодно, да еще запах...

Айлин поморщилась, и милорд Грегор медленно кивнул.

– Значит, призраки... Что ж, пожалуй, младший Аранвен не так виноват, как мне казалось. Предусмотреть такое невероятное событие было невозможно. Что ж, в таком случае я приму его извинения и разрешу ему наносить нам визиты – разумеется, после того как родится ребенок. Вы ведь понимаете меня, дорогая?

Айлин кивнула, действительно понимая, что лорд Бастельеро и так проявил небывалое великодушие, и просить о чем-то большем неосмотрительно и попросту бессовестно. Она едва не потеряла ребенка! Другой муж после такого запер бы жену в пределах особняка и еще как-нибудь наказал... Во всяком случае, выразил свое недовольство и разочарование гораздо более явно!

– Милорд, – отважилась спросить она. – А почему они... эти призраки... Почему они вообще ходили за Морстеном? Не подумайте, я помню, что некоторые призраки могут преследовать своего убийцу, но их было так много, а ведь за лордом Фареллом следовал всего один...

– Очень хороший вопрос, – похвалил ее супруг, и Айлин сразу почувствовала себя так, словно сидит в Академии на занятиях особого курса. Это чувство она прекрасно знала и любила, даже настроение стало вдруг безоблачным, как небо за узким стрельчатым окном. – Видите ли, дорогая, существует несколько возможных причин. Лорд Фарелл, очевидно, не испытывал никаких недобрых чувств к тем, кто погиб от его рук. Это обычно для наемника, который сражается за деньги. Морстен же... – Супруг брезгливо поморщился. – Если он получал удовольствие от смерти своих жертв, это могло привязать к нему сколько угодно призраков.

Получал удовольствие? Айлин вздрогнула и согласилась, что, пожалуй... это очень похоже на правду.

– А другие причины? Вы сказали, их несколько, – несмело напомнила она, и лорд Грегор сосредоточенно нахмурился.

– Еще речь может идти о зарядке артефактов. Вы еще не начали изучать ритуальную некромантию и потому не знаете, что смерть, особенно мучительная, дает много силы, которую маг может использовать в своих целях. Именно на этом основаны жертвоприношения, – добавил он, и Айлин едва не заверила, что уж это-то ей прекрасно известно.

Конечно, ритуальную некромантию начинали преподавать только на седьмом курсе, но Дарра позаботился, чтобы все Вороны начали изучать ее куда раньше, чем это предусматривала программа. И как же он был прав! Если бы не его уроки, о которых не знал даже лорд Бастельеро, Айлин бы могла и не догадаться, что собирается сделать с ней и Аластором покойный Денвер...

– Ну а третья возможность состоит в том, что Морстен попросту был неспособен работать достаточно чисто. Насколько я помню, он был силен, однако для проклятийника, моя дорогая, как ни для кого другого важно умение, – закончил лорд Бастельеро, и Айлин померещились в его голосе самую малость самодовольные нотки. – Истинное проклятие, особенно смертельное, это высокое искусство,

требующее долгого изучения, а Морстен покинул Академию всего лишь третьекурсником... Сильным, способным и старательным, но недоучкой. Представьте себе небрежно вырванный из тетради лист, – предложил он вдруг тем самым тоном, которым обычно проговаривал задания для самостоятельной работы. – Если сделать это, приложив усилие, но не проявив аккуратности, кусок листа может остаться в тетради. Именно на это похоже смертельное проклятие, наложенное без должного умения, – человек погибнет, но значительная часть его души останется привязанной к этому миру... и своему убийце. Не удивлюсь, если дело было именно в этом. Впрочем, правды мы уже не узнаем. Вам так нравится янтарь, дорогая?

– Что? – поразила Айлин такому неожиданному вопросу и только теперь поняла, что все время беседы безотчетно гладила одной рукой Пушка, а другой – янтарную козочку, подарок Лу. – Ах да! Он такой... солнечный, – добавила она смущенно, подумав, что вряд ли лорд Бастельеро одобрит, что его жену куда больше радует не сам янтарь, хотя и очень красивый, а подарок друга...

– Солнечный? – поразился лорд Бастельеро и как-то по-новому осмотрел малую гостиную – отделанную темным деревом и столь же темным шелком в синих и фиолетовых тонах – очень изысканно, но сумрачно, как и все в этом доме. – Пожалуй, вы правы, дорогая... Солнечный, хм... Я подумаю об этом... А пока у меня для вас есть сюрприз! Я нашел вам компаньонку!

Он улыбнулся так довольно и радостно, словно сказал что-то очень приятное. Что-то, чему Айлин должна была обрадоваться не меньше, но она сразу насторожилась.

– Компаньонку? – переспросила она. – Но... зачем? Я ведь не буду выезжать в ближайшее время. А если возникнет срочная необходимость, можно попросить тетушку Элоизу... или Иоланду...

Она со стыдом вспомнила про горничную, которую зачаровал Дарра. Хоть бы бедную девушку не наказали, она уж точно ни в чем не виновата. Но теперь, пожалуй, супруг не станет посылать с ней обычную прислугу – и разве можно его в этом обвинить?

– Ваша тетушка все еще в трауре, – мягко напомнил ей муж то, о чем Айлин должна была подумать сама. – Неловко и некрасиво беспокоить ее слишком часто. А сударыня Донован не представлена ко двору, да и в некоторых домах ее могут не принимать. Во всяком

случае, как вашу подругу. Платная компаньонка – совсем другое дело. Это гораздо удобнее, дорогая.

Айлин нерешительно кивнула. Компаньонка она в своей жизни видела всего двух, одна была сухопарой и чопорной старой девой, которая для приличия сопровождала дочерей тетушки Мэйв. Вторая – немолодая вдова, приехала с юной леди Норвик, навестившей Айлин по поручению королевы после того злополучного вечера. Всем известно, что незамужние леди, впрочем, как и замужние, но молодые, не могут выезжать одни, но Айлин остро позавидовала Иоланде, которой только собственные родители могут запретить в одиночестве кататься по городу и наносить визиты, а им это в голову не приходит. Ну почему дочери купца позволено гораздо больше, чем аристократке?! Несправедливо... И теперь еще понятнее, почему тетушка Элоиза с ее характером предпочла мезальянс, выйдя за купца и получив столько свободы, сколько у леди быть просто не может!

– А что это за дама? – осторожно поинтересовалась она у мужа, пытаясь привыкнуть к мысли, что придется общаться с незнакомой женщиной. – Она будет сопровождать меня во время визитов?

– О, дорогая, но вы сами сказали, что визиты предстоят не скоро, – покровительственно улыбнулся лорд Бастельеро. – Я каждый день на службе, а вы наверняка скучаете... Вам просто необходимо общество, способное рассеять эту скуку! – Он тронул колокольчик на столе, а когда в дверях появился камердинер, приказал: – Пригласите сударыню Эванс!

Камердинер исчез, а еще через несколько мгновений, так быстро, словно ожидала где-то поблизости, в комнату вошла женщина в сером платье с белоснежным кружевным передником. Остановившись в паре шагов от двери, она сделала реверанс сначала лорду Бастельеро, затем, чуть повернувшись, Айлин. Выпрямилась и одарила ее взглядом, в котором Айлин почудилась неприязнь. Странно, почему? Они ведь никогда не виделись раньше! Или виделись?

Она присмотрелась к незнакомке как можно внимательнее – и невольно отметила, что женщина выглядит словно бы увядшей до срока. Платье – новое и ладно сидит на сухощавой фигуре, но кажется тусклым, даже нарядный передник не оживляет мышиный цвет тонкого сукна. Волосы дамы – густые и белокурые, приятного пшеничного оттенка, почти как у леди Джанет, но не блестят, и так

туго стянуты в низкий узел, что брови слегка приподнимаются. Глаза – большие и ясные, того оттенка, который бывает только у очень спелых темных вишен, смотрят холодно и сурово, а морщины вокруг них выдают привычку хмуриться. Губы сжаты в тонкую линию, и по обеим сторонам рта залегли резкие складки – в точности, как у супруга...

– Это племянница нашего дворецкого и ваша новая камеристка, – сообщил лорд Бастельеро. – Как я и сказал, она также будет выполнять обязанности компаньонки. Разумеется, вы можете счесть это не вполне подобающим, – добавил он виноватым тоном. – Но сударыня Эванс – магесса, хотя и не получила перстня. Все же она закончила шесть курсов Зеленого факультета, а значит, вы вполне можете появляться с нею в обществе, не говоря уже о том, что сударыня Эванс может присмотреть за вами в отсутствие леди Эддерли. Уверен, ее общество вам понравится!

«Не понравится», – поняла Айлин, еще раз всмотревшись в лицо почтенной дамы, столь кислое, словно она мучилась изжогой. Что ж, могло быть и так – но тогда непонятно, как сударыне удалось закончить целых шесть курсов у целителей!

– Могу ли я узнать, как зовут сударыню Эванс? – осторожно спросила она, ожидая услышать неизбежное «Тильда». Супруг, однако, замялся.

– Зовут... – несколько растерянно повторил он, и сударыня Эванс, склонив голову в четко отмеренном поклоне, кратко ответила:

– Эмма, миледи. Буду рада служить вам, чем только смогу.

– Вот и прекрасно! – радостно ответил лорд Бастельеро, пока Айлин с камеристкой-компаньонкой мерили друг друга настороженными холодными взглядами. – Теперь я совершенно спокоен за ваш досуг, моя дорогая!

В том, что появление Эванс определенно не доставит ей никакого удовольствия, Айлин убедилась этим же вечером. За два часа до ужина, когда она сидела в гостиной и мрачно вышивала под присмотром новой компаньонки, дворецкий объявил о приезде сударыни Донован.

– Иоланда! – восторженно вскрикнула Айлин и отложила рукоделие, надоевшее хуже целебных микстур. – Как хорошо, что ты приехала! Мне столько нужно... – Бросив искоса взгляд на хищно замершую над книгой Эванс, она добавила упавшим голосом: – Тебе рассказать...

– Какое совпадение, мне – тоже, – буркнула Иоланда и тоже посмотрела в угол, где затаилась компаньонка. – Сударыня, мое почтение.

Она присела в реверансе, и Эванс, встав, ответила тем же, а потом Иоланда наконец-то присела рядом с Айлин и обняла ее. Как и следовало ожидать, компаньонка на это воззрилась очень неодобрительно. Наверное, не одобряла вольного обращения между леди и простолюдинкой. Как успела убедиться Айлин, этикет эта дама знала безупречно и читала свято. Увы, это делало ее еще неприятнее. За обедом Айлин даже показалось, что она вернулась в родной особняк под присмотр леди Ревенгар. Во всяком случае, горничную, которая недостаточно ровно сложила салфетки, сударыня Эванс упрекнула именно таким тоном, а потом сообщила Айлин, что пюре из шпината очень полезно дамам в положении, и его следует подавать к столу как можно чаще. Шпинат, бррр! Айлин отвлеклась от ужасных воспоминаний о шпинате и очень учтиво обратилась к компаньонке:

– Сударыня Эванс, мне так неловко вас просить, но не могли бы вы нас оставить? Сударыня Донован – моя давняя академическая подруга, и у нас имеются темы разговора, которые... – Она проглотила просившееся на язык «не предназначены для чужих ушей» и вежливо закончила: – Будут вам неинтересны.

– Боюсь, миледи, я не могу себе этого позволить, – чопорно ответила компаньонка и выпрямилась еще сильнее, прямо-таки вытянулась в струнку, не опираясь на спинку кресла.

– Не можете? – поразила Айлин, и у нее в очередной раз неприятно засосало где-то внутри. – Но я вас прошу! И что в этом такого, я ведь не мужчину принимаю!

– Мои извинения, миледи. – Голос компаньонки стал чуть холоднее, оставаясь таким же учтивым. – Но ваш супруг дал ясное распоряжение, чтобы вы ни коем случае не оставались одна. Я имею в виду, наедине с кем-либо. Никаких исключений насчет сударыни Донован он не оговаривал. К тому же репутация этой юной особы мне неизвестна, как и то, позволено ли вам ее принимать.

– Что значит «позволено»? – выдохнула Айлин. – Это вы сейчас позволяете себе неизвестно что! Иоланда Донован – почти полная орденская магесса! Она из прекрасной семьи и известна добродетельным поведением! У слуг спросите, она постоянно бывает в

этом доме, и мой супруг не имеет ни малейших возражений! И вообще... Я должна спрашивать у вас позволения, кого мне принимать? Мне?!

Она задохнулась от подступившего гнева, и Иоланда осторожно тронула ее за руку, шепнув:

– Спокойнее, Ревенгар! Тише... Не надо так...

– А как – надо? – огрызнулась Айлин, чувствуя, что предательская краска заливает лицо. – Эта... дама знакома со мной всего несколько часов и уже оскорбила мою единственную подругу! Вот что, сударыня! Извольте сходить к моему супругу и рассказать ему обо всем. А нам велите подать шамьету, будьте любезны!

Приказывая компаньонке, словно горничной, она унижала Эванс совершенно сознательно и не стыдилась этого! Если бы эта навязанная мужем дама не смотрела на хорошенькую нарядную Иоланду с таким отчетливым желчным презрением и даже подозрением, для которого не было никаких оснований, Айлин тоже не стала бы подчеркивать разницу в их положении. Компаньонка должна быть подругой! Или хотя бы приятной спутницей... Да, ее можно просить об услуге, однако совсем иначе, учтиво и с пониманием, что это именно услуга. Но эта сама виновата! Сказать такое при госте?! Усомниться в репутации девушки?!

Слезы гнева и обиды пеленой в глазах скрыли от нее гостиную и лицо Эммы. Айлин только услышала, как компаньонка встала, прошуршав платьем, и церемонно присела в реверансе, а потом уронила:

– Еще раз мои извинения, миледи и сударыня. Пожалуй, мне и правда лучше вас оставить.

Когда прямая, как рапира, – «как метла!» – мстительно поправила себя Айлин – спина почтенной дамы скрылась за дверью, Айлин выдохнула:

– Какая же дура! Иоланда, прости! Мне так стыдно...

– Тебе-то с чего? – фыркнула подруга. – Это кто вообще?

– Компаньонка, – хмуро отозвалась Айлин. – Милорд супруг нашел.

Иоланда поняливо кивнула и, достав из сумочки платок, протянула Айлин, а потом сунула ей в другую руку коробочку с пастилками, велев:

– На вот, съешь конфетку! Что, сильно ругался? Кстати, ты как, в порядке? С ребенком же ничего не случилось?

Айлин даже не стала задаваться вопросом, откуда Иоланда, которой в тот злополучный вечер не было у Аранвенов, знает о случившемся. Наверное, Саймона допросила. А может, просто узнала у леди Эддерли, которая ей благоволит, что Айлин едва не потеряла ребенка... Неважно! Главное, что Иоланда знает! И... кажется, не винит ее в случившемся?! Ну хоть кто-то не читает нотаций и не ведет себя так, словно она, Айлин, беспросветная дура, не способная понять, что именно едва не натворила. Идиотта, как говорит Лу! Не про нее, конечно, а вот слово хорошее, выразительное такое... Идиотта она и есть.

– Я так испугалась! – Всхлипнув, она уткнулась в мягкое плечо Иоланды и глухо пожаловалась: – Мне так стыдно... так... стыдно! А он даже не сказал ничего такого... и не ругал меня... почти. Только запретил Саймону и Дарре сюда ездить! И остальным Воронам – тоже. Теперь лорд Аларик дает им уроки у лорда Себастьяна... ну, батюшки Ала. Им там выделили зал для занятий живописью... А ко мне никто не ездит! Никто, понимаешь? Только Ал и Лу, но у них... у них дела...

– Что, совсем никто? – сочувственно поинтересовалась Иоланда, обнимая ее и глядя по спине.

– Ну... ездят, – все так же всхлипывая, призналась Айлин. – Только... не те! Вот, леди Норвик приезжала, фрейлина королевы. Представляешь, фиалки засахаренные привозила! И о здоровье спрашивала. Ее величество, мол, привет передает... Нужен он мне, привет ее...

– Я надеюсь, ты эти фиалки есть не стала? – нахмурилась, судя по голосу Иоланда. – А то знаешь, от итлийских фиалок несварение бывает. Особенно у беременных.

– Что, правда?

Оторвавшись от плеча Иоланды, Айлин посмотрела на подругу округлившимися глазами.

– Ну, если тебе их присылает жена твоего... друга, – сделала Иоланда многозначительную паузу, – тогда их точно есть не стоит. Лучше мужу отдай. И ему приятно, и тебе польза. В любом случае.

Айлин неуверенно улыбнулась, потому что Иоланда была убийственно серьезна, только в глубине голубых глаз таился

насмешливый огонек. И все-таки... Подруга, конечно, любит пошутить, но если эта шутка не совсем шутка... Да нет, с чего Беатрис решаться на такое? Она ведь не девица-адептка, среди которых приняты еще и не такие пакости. Вон, хоть прыщавую порчу вспомнить... Или паутинное проклятие, которым Ида с Лионорой попытались наградить ее на пятом курсе. После него жертву постоянно преследуют все пауки, оказавшиеся рядом, и еще новые сползаются. Лезут в еду, одежду и постель, нороят ночью заплести волосы паутиной... Ничего страшного, но очень мерзко! К счастью, Воронов учили защищаться и не от такого. С паутинным проклятием у этой парочки ничего не вышло, а разозленная Айлин пообещала в следующий раз оттащить дорогих соучениц за косы прямо в главном холле Академии...

– Иоланда, а как там наш курс? – спросила она, вздохнув и старательно отгоняя мысль, что даже конфеты из фиалок теперь неспособна самостоятельно проверить на проклятие. – Иду все-таки жалко...

– Тебе давно пакостей не делали? – ехидно уточнила Иоланда. – Ида, знаешь ли, тем еще сокровищем была. Это с тобой она впрямую связываться опасалась, а младшие девочки, да и старшие, кто посмирнее, от нее натерпелись. Кажется, только Лионора о ней и жалеет. Кстати, эта из Академии ушла. Резерв кончился, да и с учебой перестало получаться. Раньше-то Ида ее тянула, а теперь некому.

– И Лионору тоже жалко, – вздохнула Айлин, которую из гнева кинуло вдруг в иную крайность, сочувственную. – Может, Ида не такая уж плохая была, если хоть одному человеку помогала просто так.

– Ну да, – фыркнула Иоланда. – Скажешь тоже! Морьеze просто нравилось, что на нее кто-то смотрит снизу вверх да с поручениями бегают. Нет, Ревенгар, ты это брось! И, кстати, если встретишь где-нибудь Лионору, держись от нее подальше. Она себе в голову вбила, что в смерти Иды ты виновата и остальные Вороны. Мол, если бы они тогда пораньше приехали... А тебя и вовсе не было! Дура, что тут еще сказать. Но даже дуры бывают опасные, а она хоть и слабенькая, но некромантка же. Ладно, хватит о них. У меня к тебе дело... важное. Поможешь?

– Конечно! – заверила Айлин и с тревогой посмотрела на Иоланду, внутри которой словно разом потух задорный огонек.

Подруга вздохнула и потеревила платочек, который Айлин ей вернула.

– Мне нужно встретиться с лордом Фареллом, – призналась она. – Помнишь, я тебе говорила?.. Теперь точно нужно. И как можно скорее. Я... Слушай, Ревенгар, кажется, я влюбилась.

– В Лучано?! – ахнула Айлин и даже головой затрясла.

Нет, ничего удивительного! Лу хорош собой, любезен, умеет ухаживать. И вообще... Но...

– Что?! Тьфу, нет! – Подруга возмутилась так, словно ее заподозрили в чем-то совершенно непристойном или глупом. – Сдался мне твой Фаррел! Он, конечно, красавчик, но... не в моем вкусе. Просто он знает одного человека...

Щеки Иоланды неотвратимо заливал румянец, пышная грудь под голубым корсажем, отделанным арлезийским кружевом, заколыхалась, и Айлин невольно улыбнулась.

– Про одного человека я уже слышала, – напомнила она. – Иоланда, миленькая, ну расскажи! Я никому, клянусь! Кто он?

– Боевик... – выдавила Иоланда и как-то необычно улыбнулась – растерянно, без обычной своей чуточку самодовольной и ехидной веселости. – Из Службы безопасности Ордена. То есть он раньше там служил, а после Разлома под суд попал. Да ты его знаешь! Это Лионель Саграсс, которого его величество лорду Фареллу отдал!

Айлин, вспомнив, что случилось на коронации, кивнула. Про Саграсса она слышала. И знала его брата Кайлана, своего однокурсника. Славный юноша, кстати. Умный, учтивый и веселый... А Иоланда, зардевшись, продолжала:

– Он в битве за Академию знаешь как дрался? Нас бы точно в лазарете демоны сожрали вместе с ранеными, а он... Потом с разодранным плечом там лежал. И не жаловался, как другие, только улыбался, когда я в палату заходила. Один раз улыбнется – и все, словно погаснет. Я уже после узнала, что его казнить должны были... А я, дура, ему то булочек принесу, то подушку поправить лезу и еще обижаюсь, что он на мои намеки все отмалчивается... Конечно, ему не до глупостей было! Только он мне все равно улыбался, понимаешь? А один раз я вошла неожиданно... Ну, без стука. Думала, в палате нет никого, хотела полы помыть, даже юбку подоткнула... повыше. А он там был. Увидел меня – и нож уронил.

– Нож? – не поверила Айлин. – Боевик уронил нож?!

– Столовый, – уточнила Иоланда. – Которым отбивную резал. И вилку с мясом мимо рта пронес, представляешь! Хотя юбку я всего-то до колена подняла. Подумаешь, подвязки с бантиком видно было, не панталоны же!

И она лукаво блеснула глазами.

– Да уж... – Айлин невольно хихикнула. – Ну а потом что? Его же освободили?

– Освободили, – вздохнула Иоланда. – И даже на службе оставили. Королевской! Хоть и назвали это каторгой для приличия. Но у меня на Красном факультете пара знакомых есть, они мне все-все разъяснили. И вообще рассказали про Лионеля... То есть лорда Саграсса.

Краснеть Иоланде уже было некуда, так что она снова вздохнула и, понизив голос, призналась: – Он каждые выходные мимо нашего дома ездить стал. Прямо под моим балкончиком, что на улицу выходит. Едет, на мое окно поглядывает, а жеребец под ним чуть ли не танцует. Нарядны-ы-ый!

– Кто, жеребец? – ехидно уточнила Айлин.

Иоланда, фыркнув, ничуть не обиделась. Напротив, возвела очи к потолку и мечтательно заявила:

– Жеребец там хоть куда! – Вернула Айлин насмешливый взгляд и добавила: – Оба нарядные! А неделю назад цветы прислал. И не розы с лилиями, которые все дарят, а фиалки, понимаешь? Мои любимые белые фиалки! Значит, что? Значит, узнавал! И стихийникам нарочно заказывал, осенью фиалки даже в оранжереях не растут. Карточку со стихами приложил – все как положено. Я на следующий день с утра на балкончике торчала, пока он не проехал!

– Ну? А дальше что?

Айлин видела, что с Иоландой творится неладное. Говоря о Лионеле Саграссе, подруга светилась изнутри, вспыхивая, как магический шар, а потом разом опять тускнела и мрачнела.

– А дальше папенька мне и думать о нем запретил, – сказала она тихо и ровно, снова перестав быть похожей на себя прежнюю. – Он же дворянин, понимаешь? А мы – купцы. Да, конечно, я через три года орденское дворянство получу... Да только родня моя никуда не денется, и кровь благороднее не станет. А Саграссы – фамилия старая,

хоть и фраганская. У них, вон, в семье целых три мага сейчас, и не самых слабых. Средний же с тобой как раз учился? – Айлин кивнула, а Иоланда, горестно помолчав несколько мгновений, продолжила: – Батюшка у них карвейн хлещет, как целая рейтарская рота, мне папенька все как есть рассказал, когда уговаривал дурью не маяться. Но это бы ничего, можно ведь своим домом жить. Приданого за мной столько дадут, что и на дом, и на обстановку хватит. Но только папенька никогда не позволит мне за дворянина пойти! Не ровня мы благородной крови... Пока в семье все хорошо, да приданого еще полные сундуки, может, и муж ласковый будет, а как деньги истратим или ссора какая случится, так мне сразу все припомнят. Если не муж, так родня его точно! Что купчихой родилась, что в семью благородную влезла, что папенька мой таких, как Саграссы, одевает, а сам при встречах низко кланяется...

– Иоланда! – запротестовала Айлин, тоже краснея. – Не все же дворяне такие! Вон, Саймон за тобой тоже ухаживал! И леди Эддерли вроде бы против не была...

– Эддерли – совсем другое дело, – махнула рукой подруга. – Им главное, чтобы невестка сыночка их могла держать в узде. Хотя бы пока он не поумнеет, а может, и всю жизнь. Ради этого они даже купеческую дочку в семью возьмут. Может, и не попрекнут никогда... Только мне муж нужен, а не резвое дитяtko, детей я сама потом нарожаю. Да и куда мне в Три Дюжины? Нет, за Саймона Эддерли я бы точно не пошла, даже если бы он предложение сделал. А вот Лионель... Только папенька вчера из дворца вернулся и сказал, что видел его там. Что просил за мной больше не ухаживать, не морочить голову и не отпугивать настоящих женихов. А мне запретил даже нос на балкон совать.

– Понимаю... – Айлин сочувственно взяла руку Иоланды в свои ладони. – И что ты теперь делать будешь?

– Как что? Для начала выясню, какие у него намерения. Если серьезные, то...

– Сбежишь?! – ахнула Айлин, глядя на решительное румяное лицо Иоланды. – Замуж без благословения?!

– Почему без благословения? – ответила ей Иоланда недоуменным взглядом. – Мне без благословения никак нельзя! Папенька же приданого тогда не даст! И как я семье мужа на глаза покажусь? Мало

того что простолюдинка, так еще и без ломаного флорина в кошельке? А жить на что? Ну, с голоду не пропадем, конечно. У него жалованье, я тоже сидеть сложа руки не привыкла. Но дом купить не сможем, придется снимать. А там дети пойдут... Нет уж, папенька меня любит, он такой жизни мне не захочет! Если Лионель и правда предложение намерен сделать, я такой скандал устрою! Два! Или три! А потом голодать буду... и плакать... – протянула Иоланда почти мечтательно. – Сестер подговорю, маменьку упрошу... Порыдаем вместе недельку, папенька все поймет, вот тогда я с ним и поговорю как с разумным человеком.

– Ох, Иоланда, – покачала головой Айлин, ужасаясь и восхищаясь одновременно. – Хоть бы у тебя получилось! А лорд Фарелл-то тебе зачем?

– Ревенгар, ну что ты как маленькая? – посмотрела на нее Иоланда с обидной жалостью. – Не самой же мне у Лионеля узнавать. Порядочные девицы так не делают! А так я лорда Фарелла попрошу, он вроде бы человек понимающий и секреты хранить умеет. Он с Лионелем поговорит как мужчина с женщиной и мне потом намекнет, чего ждать. Если предложения, так я хоть завтра батюшку готовить начну... – У Айлин мелькнул образ точно такой же серьезной, как сейчас, подруги, которая укладывает своего батюшку на сковороду, посыпает специями... Она едва удержалась, чтобы не хихикнуть, а Иоланда продолжила: – А вот если он под моими окошками ради развлечения ездил... Или чтобы перед приятелями потом любовницей похвалиться... А что, я же купчиха и даже не полная магесса еще, а он дворянин! Ну, тогда, значит, я дура и не в того влюбилась, а папенька прав.

– Понимаю! – Айлин решительно кивнула и тут же расстроилась: – Ой, Иоланда, прямо сейчас не получится. Лучано уезжает в Итлию! Ненадолго, на неделю всего! Может, немного дольше.

Иоланда, у которой даже губы дрогнули, выдохнула и с облегчением улыбнулась.

– Ф-фух, напугала! Неделя – это ничего, не страшно. У меня же занятия в Академии, я только на выходных домой поехать могу, и то не на всяких. Я тебе кое-что скажу... – понизила она голос, – но только ты никому! Меня магистр Волански обещал взять личной ученицей!

Не сейчас, конечно, а через три года. Но я постараюсь пораньше Академию закончить. Что я, глупее Эддерли? А магистр говорит, что у меня талант! И что мне дальше учиться надо. Папенька еще не знает, ему и обычные двенадцать лет учебы вечностью кажутся. А личный курс у наставника это еще лет пять-семь... Зато после можно не только свое дело открыть, но и в Ордене чего-то добиться... И замуж выйти это совсем не мешает! Конечно, если муж не против. Мэтресса Иоланда Саграсс – ух как звучит!

Она мечтательно вздохнула, и Айлин изо всех сил пожелала, чтобы у подруги все-все сбылось! И, особенно, то, что уже никогда не сбудется у самой Айлин. Выйти замуж за любимого человека, стать преподавательницей... Иоланда умная, добрая и талантливая, она этого так достойна!

– В общем, как приедет... – снова начала Иоланда, и вдруг ее глаза расширились. Возмущенно ими сверкнув, она сделала пальцем у виска жест, понятный любому адепту – обрисовала контур кошачьего уха – и указала взглядом на дверь.

Кто-то подслушивает? Но зачем? И... кто? Представить лорда Бастельеро в такой унижительной ситуации невозможно, а среди слуг магов нет. Зато есть... компаньонка! Чтобы освоить «кошачье ухо», полной магессой быть не обязательно! Это вообще-то целительское заклинание, которым они слушают сердце, но его осваивают почти все... Айлин его выучила вообще на первом курсе. И, конечно, его знает сударыня Эванс, магесса шести курсов обучения. Но Иоланда и правда сильна, если смогла его засечь... А что, если не сразу?! Это сколько же Эванс успела услышать?

– Кажется, мне нужно навестить супруга, – процедила Айлин, поднимаясь с диванчика. – Иоланда, милая...

– Уже уезжаю, – понятливо кивнула подруга. – Ты только не переживай, тебе вредно!

Не переживать? Вскочив, Айлин поднеслась к двери гостиной и резко ее распахнула. Убежать по длинному коридору Эванс не успела бы, но она и не пыталась. Сплетя пальцы поверх белоснежного передника, она посмотрела на Айлин с достоинством кошки, пойманной за неблаговидным делом вроде порчи хозяйской обуви, и процедила:

– Миледи...

– Кажется, шамьета мы не дождемся, не так ли? – почти пропела Айлин через алый гнев, застилающий глаза. – Какое счастье, что это была не леди Райнгартен, к примеру, иначе завтра уже вся Дорвенна знала бы, как в доме Бастельеро принимают гостей! Вы мне ничего не хотите сказать, сударыня Эванс?

– Мои извинения, миледи, – все с той же чопорностью, которую Айлин уже ненавидела, ответила компаньонка. – Горничная принесла шамьет по-итлийски, а дамам в положении он вреден, слишком пряный. Я отослала ее обратно и осталась, чтобы проверить новый. Но, кажется, ваша гостья уже уезжает?

– Да! – выдохнула Айлин. – Что неудивительно при таком приеме. К вашему сведению, я всегда пью шамьет по-итлийски! И леди Эддерли не видит в этом ничего опасного! А если вы считаете, что можете следить за моим здоровьем лучше, будьте любезны сказать об этом ей самой, а главное, убедить в этом моего мужа. Вдруг он откажется от услуг лучшей целительницы Дорвенанта и поручит здоровье своей жены и ребенка вам?!

Что-то внутри дрожало и пело, как натянутая струна. Айлин поняла, что идти в таком состоянии к лорду Бастельеро никак нельзя. Она лишь подтвердит его мнение, что нуждается в присмотре и защите, потому что не владеет собой. Поэтому Айлин решительно прошагала мимо компаньонки, а за ней, гордо вздернув подбородок, проплыла Иоланда, ухитрившись занять широкими шелестящими юбками почти всю ширину просторного коридора, так что Эванс пришлось посторониться. «Дура, – билось у Айлин в висках. – Мерзкая дура, которая еще и подслушивает! Да, ничего позорного или опасного Иоланда не сказала, но... Как же противно! И вот эту... компаньонку я должна теперь постоянно терпеть рядом с собой?!»

Она проводила Иоланду до самой кареты и обняла на прощанье. Подруга молча стиснула ее в объятиях, вспорхнула в экипаж и уехала. Когда за нею закрывали огромные ворота, Айлин жадно посмотрела на улицу, как будто лишь ворота отделяли ее от свободы. Увы... Никакие ворота и ограда не удержали бы ее, не будь Айлин связана невидимыми цепями обязательств. И все-таки... Это не причина обходиться с ней таким образом!

Обратно в особняк, а потом к кабинету мужа она шагала с мрачной решимостью. Лорд Бастельеро часто говорил, что исполнит

любое ее желание, так пусть это сделает! Она старалась принять правила и порядки его дома... Относилась с уважением ко всем его традициям, даже к дурацким, как общее имя для прислуги, например. Ну что ж, если горничные вполне довольны своим положением и даже между собой именуют друг друга Тильдами – Айлин сама слышала! – не ей влезать в чужие дела. Это не тот дом, который она хотела бы обустроить по-своему. Во всяком случае, пока не родился ребенок... Но Тильды и молчаливое неодобрение, с которым прислуга провожает каждый ее шаг, это пустяки. А вот унижительная слежка – уже нет!

Почтенная сударыня Эванс ей, по счастью, не встретилось. Хотя Айлин показалось, что шуршание платья мышинного цвета раздается где-то поблизости, в одном из гулких пустых коридоров особняка. «Крысиного, – мрачно поправила себя Айлин. – Крыса она мерзкая, и платье у нее крысиного цвета! Мыши, они все-таки не такие противные, вот из Иоланды в свое время получилась очень миленькая мышка...»

Она постучала в дверь и, дождавшись позволения супруга, вошла. В воздухе кабинета витал едва уловимый запах мятной эссенции, и Айлин, стиснув зубы, поняла, что сударыня Эванс ее опередила.

– Милорд супруг, – начала она, все-таки задыхаясь от злости, как ни пыталась успокоиться. – Мне нужно с вами поговорить.

– Конечно, дорогая!

Лорд Бастельеро встал при ее появлении, как делал это всегда и склонился к руке, которую Айлин с неохотой ему подала. Задержал губы на ее запястье немного дольше, чем положено, явно вдыхая запах кожи... Айлин про себя вздохнула. Ее спальню муж перестал посещать уже месяц назад, как только леди Эддерли сказала, что это становится бесполезно для ребенка, и уж в такой малости ему теперь отказать просто нельзя.

А супруг выпрямился, посмотрел на нее с обычной нежностью и предложил:

– Садитесь, дорогая! Вы зашли меня навестить? Я так рад! Сегодня удачный день, мне удалось распутать еще одно кольцо из тех, что составляют структуру известного вам проклятия. Право, мне так жаль, что я до сих пор не могу исполнить обещанное, но продолжаю исследования...

Он указал взглядом на рабочий стол, и Айлин действительно увидела несколько схем арканов, таких сложных, что у нее голова заболела при одном взгляде на них. Ужас! И вот это Лу носит вокруг сердца?!

Присев, она сложила руки на коленях и попросила, старательно сдерживаясь:

– Милорд супруг, вы не могли бы найти мне другую компаньонку?

– Другую? – Брови лорда Бастельеро слегка приподнялись. – А чем вас не устраивает сударыня Эванс?

– Она... – Айлин глубоко вдохнула и выдохнула, пытаясь обрести хоть каплю необходимого спокойствия. – Она имела... – На язык так просилось «наглость», но Айлин снова честно попыталась вести себя как леди. Она обещала! Самой себе, но это не причина изменять однажды данному слову. – Она имела нескромность подслушивать мой разговор с сударыней Донован!

– Я знаю, – преспокойно кивнул супруг. – Сударыня Эванс уже сказала, что вы ее неправильно поняли. Она случайно услышала ваш разговор и была обеспокоена его содержанием, но я уже сказал ей, что не вижу в нем ничего предосудительного.

– Предосудительного? – выдохнула Айлин. – В самом разговоре? А не в том, что она его подслушивала?!

– Случайно услышала, – мягко поправил супруг и, подвинув второй стул, сел напротив Айлин, взяв ее руку в ладони. – Послушайте, дорогая... Понимаю, вы расстроены. Я всем сердцем сочувствую вашей подруге. Действительно, сударыня Донован находится в неприятном положении. Если мужчина так явно ухаживал за ней, но еще не проявил серьезных намерений, девица вправе беспокоиться. К тому же ее батюшка, насколько я понял, против этого брака. Его можно понять, неравные браки редко бывают удачными, но сударыня Донован все-таки магесса, да и приданое у нее приличное, а семья лорда Саграсса небогата. В общем, если вам нужно мое содействие, я с радостью помогу вашей подруге. Например, выступлю сватом со стороны жениха. Конечно, если он действительно намерен жениться...

– Она вам все рассказала?! – вскрикнула Айлин. – Вообще все?! Мы же... мы никому... мы наедине... Эта женщина вообще знает, что такое стыд?!

– Она беспокоилась о вас, – еще мягче и нежнее сказал лорд Бастельеро, глядя Айлин в глаза. – И я тоже беспокоюсь. Вы совсем недавно попали в беду из-за своей доверчивости и неосторожности молодого Аранвена, вдруг ваш сегодняшний разговор мог привести к чему-то подобному? Но теперь я понимаю, что не ошибался в сударыне Донован, и она совершенно порядочная девушка. Узнать намерения предмета своих чувств – это очень правильный шаг! А сделать это так осторожно и деликатно – в высшей степени разумно. Она хорошо делает, что ищет помощи посредника. Хотя, по правде говоря, в надежности Фарелла я не совсем уверен. Все-таки он бывший наемник... Вдруг отнесется к репутации девицы без должной осторожности? Хотите, я сам поговорю с Саграссом? Как маг с магом и дворянин с дворянином.

Он был так мил и предупредителен, так старался сделать ей приятное, что Айлин едва не забыла про отвратительную причину этого всего. А вспомнив, едва не выдернула руку из ладоней мужа, но, сдержавшись, процедила:

– Я вполне уверена в умении лорда Фарелла беречь женскую репутацию. В конце концов, мою репутацию он берег свято, и до сих пор никто не слышал от него ни одного слова, способного ее опорочить. Простите, милорд супруг, но Иоланда вправе сама решать, кому доверить свою сердечную тайну.

«А вот ни вам, ни Эванс она ее доверять не собиралась», – так и просилось на язык, но Айлин снова сдержалась чудовищным усилием.

– Разумеется, – несколько суше сказал лорд Бастельеро, то ли вспомнив, что репутация Айлин тоже связана с молчанием лорда Фарелла о многих обстоятельствах похода, то ли... просто обидевшись. – Как вам будет угодно. Тогда не понимаю, чем я могу вам помочь.

– Уберите от меня сударыню Эванс! – все-таки не сдержалась Айлин. – Она... она мне противна! Эта женщина не просто выведала тайну моей подруги, но и рассказала ее чужому человеку! Милорд, я понимаю, что вы беспокоитесь, но... есть же какие-то пределы?! Хотя бы пределы чести! Она лезет в мои дела, вслух сомневается в репутации моих гостей и моем праве их принимать! Причем при этих самых гостях! Милорд, это оскорбительно и позорит не только меня,

но и... дом Бастельеро! С ее появлением я даже не вправе решить, каким шамьетом поить гостью! Вы считаете, это... допустимо?

Голос все-таки предательски сорвался на всхлип, и Айлин с отвращением почувствовала, что выглядит маленькой девочкой, которая жалуется на какие-то глупые и такие же маленькие детские обиды. Но неужели она не заслужила хоть немного сочувствия?!

— Милая... — Лорд Бастельеро поднял ее руку и нежно поцеловал кончики пальцев. — Не нужно так расстраиваться. Вам не нравится сударыня Эванс? Хорошо, я найду другую компаньонку. Но этого нельзя сделать быстро, я ведь должен доверять женщине, которая будет отвечать за мое величайшее сокровище.

— Я не могу... — всхлипнула Айлин. — Пожалуйста, милорд. Я не хочу! Я и так не выезжаю из дома, не принимаю почти никого, только тетушку и Иоланду... Зачем мне компаньонка? Еще и эта... эта... назойливая крыса!

— Ну хватит, дорогая, — голос мужа оставался таким же ласковым и терпеливым, но Айлин почти хотела услышать в нем гнев. Тогда и она могла бы дать волю своему, кипящему сквозь слезы. — Вы устали и расстроены. Отдохните, и все снова станет хорошо. Сударыня Эванс всего несколько часов в нашем доме. Я обязательно поговорю с ней и прикажу относиться к вашим желаниям с должным уважением. Обещаю! А очень скоро вы оцените по достоинству и ее, и услуги, которые она сможет вам оказать. Ну же, не плачьте...

В тоне лорда Бастельеро звенела растерянность. По лицу Айлин струились слезы, и останавливать их она не собиралась. Да, ей плохо! Обидно, гадко, больно! Она так старалась быть правильной, быть леди... И что же она получила? Недоверие и оскорбительную слежку! Омерзительную крысу в компаньонки! И заботу любящего мужа, который готов подарить ей весь мир, но только не то, что она действительно просит!

— Ненавижу ее! — выпалила Айлин, вскакивая и все-таки выдерживая руку. — И никакие услуги мне от нее не нужны. Очень вас прошу, милорд, озаботиться поисками новой компаньонки! Если уж вы считаете, что я в ней нуждаюсь!

— Простите, дорогая, но это действительно так. Мне очень жаль, что я вынужден каждый день оставлять вас, и я хочу быть уверен в вашей безопасности...

О, это бесконечное терпение. Как же Айлин его уже ненавидела! Гнев и обида kloкотали в ней, просясь наружу, но что толку? Можно противостоять насилию или чужой ярости, но как ответить злостью на эту невозможную любовь, сияющую в глазах мужа?

– Безопасности? – сказала она с горечью, смирив гнев, как рвущегося с цепи дикого зверя. – Милорд, простите, но даже забота бывает чрезмерной. Мне все чаще кажется, что я не под защитой, а под стражей, не в доме мужа, а в тюрьме. Прошу вас, подумайте об этом!

И, не дожидаясь ответа, стремительно вышла из кабинета. В коридоре было пусто, но Айлин напряженно ожидала уже знакомого шороха и мятного запаха... Однако Эванс нигде не было, ни здесь, ни в спальне... Упав на кровать, Айлин несколько минут лежала, бессильно глядя в потолок, обтянутый темным шелком. Почти как ночное небо... Еще бы звезды, костер и палатку рядом, голоса друзей, фыркание лошадей, стрекотание Перлюрена... Как же она была счастлива, сама не понимая этого! И как вернуть хотя бы тень этой свободы, исправив то, что сама натворила? Или придется вечно платить за ошибку? Да, принимая предложение лорда Бастельеро, она была уверена, что сможет это делать. У нее прекрасный муж! Нежный, любящий, заботливый... О, какой заботливый!

Из груди Айлин снова невольно вырвался всхлип. И тут же она положила себе руку на живот – ребенок зашевелился там, словно беспокоился. Это было не первым движением малыша, но раньше он двигался совсем тихонько... Впрочем, леди Эддерли утверждала, что все в порядке, и вскоре Айлин почувствует это по-настоящему. Вот – почувствовала!

– Милый, ты расстроен вместе со мной? – прошептала она. – Не бойся, тебя я точно буду любить. И никогда не позволю тебе вырасти таким же... Слышишь, никогда!

Она осеклась, понимая, что это звучит почти кощунственно. Отец ребенка – герой Дорвенанта, дважды спасший страну! Образец дворянина и мага! Безупречно честный, смелый, ответственный... Разве может кто-то назвать эти качества недостойными? Так почему же она так сильно, до отвращения, до слез не хочет, чтобы ее сын или дочь повторили характер отца?!

«Потому что безупречность может быть чрезмерной, – устало подумала Айлин. – От слишком сильной любви хочется сбежать почти

как от ненависти. Меня мало кто поймет, если я в этом признаюсь. Таких мужей боготворят! А я... я хочу не идеального мужчину, а любимого. Всего лишь... Как мало и как много я прошу от судьбы! Любви и свободы, от которых сама отказалась... Пожелав когда-то менять чужие судьбы, не справилась с собственной. Смогу ли что-нибудь исправить? Не знаю... Но попытаться должна...»

Глава 17

Надежды Лионеля Саграсса

Как Лучано и ожидал, грандсиньор Аранвен действительно не поставил им с Донованом в вину, что столь занятую личность оторвали от важнейших дел. Напротив, он выслушал купца с величайшим вниманием, задал несколько вопросов, на которые Донован ответил с истовой искренностью, а потом позвонил в колокольчик и велел секретарю:

– Мэтр Клодель, запросите в налоговом ведомстве все материалы по владениям лорда Логрейна за семь лет. Немедленно. Через час я жду у себя лорда Айронса, мэтра Орсона и лорда Шермана.

Лучано наострил уши. Начальник тайной службы канцлера, заместитель главы налогового ведомства и глава таможенной службы?! Мм-м, как интересно! А канцлер подумал еще несколько мгновений и добавил:

– Передайте капитану Роше, чтобы готовил отряд. Полсотни гвардейцев и десять чиновников, список которых он получит сегодня вечером, а вы – после моего разговора с вышеуказанными господами. Всех разыскать и предупредить, что отряд выезжает завтра.

Секретарь – новый, появившийся взамен отданного Альсу мэтра Вильмона, – поклонился и исчез, а Лучано молча восхитился скоростью ведения дел под началом грандсиньора Аранвена. Канцлер же обратил взор на них с Донованом.

– Милорд Фарелл, моя глубокая благодарность, – немного утомленно сообщил он. – Вы правы, это достаточно важное дело, чтобы заняться им немедленно. Но я бы предпочел, чтобы в следующий раз вы подавали предварительный доклад. Хотя бы моему секретарю, если обычный путь через канцелярию считаете слишком длительным.

Лучано встал и молча поклонился, а купец, тихонько стоявший за его стулом, виновато засопел.

– Что касается вас, сударь Донован... – Канцлер посмотрел на перечень конфискованного имущества и вздохнул: – Уверен, лорд Логрейн даст объяснения и... сочтет возможным вернуть вам

утраченное. Желаете подождать этого в столице или отправитесь с моими людьми?

– Если ваша светлость позволит, я бы поехал! – Купец на глазах оживал, в глазах сияла надежда, и Лучано его вполне понимал: пока еще из Логрейна вытрясут несчастный обоз, да и неизвестно, сколько тюков драгоценной ткани потеряется при этом. – Премного благодарен вашей светлости! Благослови вас Великий Безликий!

– Отряд отправится на рассвете, – сообщил канцлер. – Главная порталная площадка Дорвенны. Можете взять кого-нибудь с собой – за свой счет, разумеется. И подумайте, как переправить в столицу то, что вам вернут.

– Тем же порталом перешлю, ваша светлость, – твердо сказал Донован и вздохнул: – Дорого мне это обойдется, да что поделать? Зато в срок уложусь, не подведу партнеров.

Канцлер одобрительно кивнул и уронил:

– Тогда не задерживаю.

Поняв намек, Донован торопливо попятился из кабинета, а Лучано еще раз поклонился и уже собрался последовать за ним, но Аранвен его окликнул:

– Минуту, милорд. Полагаю, его величество уже передал вам письмо к Риккарди?

– Да, грандсиньор, – склонил голову Лучано. – У вас тоже для меня указания?

Одобрительно блеснув глазами, канцлер негромко уточнил:

– Скорее, просьба. Я буду чрезвычайно благодарен, если во время встречи с принцем Риккарди вы заверите его, что Дорвенант по-прежнему испытывает к Итлии дружеские чувства и благодарность, несмотря на...

– Несмотря на что? – приподнял Лучано бровь.

– Несмотря на лестные и чрезвычайно выгодные предложения Фраганы. – По тонким губам канцлера скользнула быстрая улыбка, и он многозначительно посмотрел на Лучано. – Несомненно, мы их рассмотрим. Но старые проверенные партнеры всегда имеют некоторое преимущество.

– Полагаю, грандсиньор, его высочество Риккарди знает, что это за предложения? – уточнил Лучано, пытаясь сообразить, о чем идет речь.

– Совершенно верно полагаете, – едва заметно склонил голову канцлер и уставился в бумаги, давая понять, что не намерен об этом распространяться.

«Ну и ладно, – хмыкнул про себя Лучано, – узнаю у самого Альса. Все-таки в положении фаворита имеется масса преимуществ!»

Поклонился и покинул кабинет, оставив канцлера погруженным в бесконечные заботы. Чудесный человек! Изумительный ум, прекрасная память, беззаветная преданность... Альсу определенно с ним повезло! Право, жаль, что грандсиньор Ангус уже немолод. А со следующим канцлером, которым станет его наследник, Альс вряд ли так поладит. Нет, в уме, памяти и прочих выдающихся качествах грандсиньора Дарры сомневаться не приходится, но вот преданность... Лучано часто видел его во дворце и всякий раз задавался вопросом, о чем думает синьор Ледяная Глыба и на какие чувства он способен?

В памяти неизменно всплывала подсмотренная коротенькая встреча в больничном коридоре. Удивительно! Двое мужчин влюблены в одну девушку, однако между ними не ревность, как легко было предположить, а почтение с одной стороны и едва ли не отеческая нежность с другой. «Милорд, мы соперники? Нет, мальчик мой...» Но если молодой Аранвен уступил свою любовь старшему другу и наставнику, значит ли это, что он смирился с выбором синьорины? На это Лучано и ломаного медяка не поставил бы! Во взглядах, которые Дарра Аранвен при встречах бросает на грандсиньора Бастельеро, теплых чувств не больше, чем у самого Лучано... ну, скажем, к мастеру Тино!

Забавно получается... Канцлер как-то упомянул, что их семья очень многим обязана грандсиньору Дункану. Разумник долгие годы был личным целителем и наставником юного Дарры. Значит ли это, что у наследника Аранвенов было не все в порядке с разумом? Конечно, грандсиньор Дункан и в обычной медицине смыслит побольше иного целителя, но... Лучано вспомнил, каким холодом всегда веет от молодого Аранвена – тут если не с разумом, то уж с душой точно большие сложности! А если такие благородные и гордые грандсиньоры уважают и привечают выслужившего дворянство простолудина, значит... услуги он и впрямь оказал немалые. Причем не те, за которые можно расплатиться золотом или протекцией. Тут что-то другое... возможно, тайное и опасное для любителей совать

нос... А если еще вспомнить, что грандсиньор Бастельеро, в свою очередь, магистр Белой гильдии терпеть не может...

– Скажите, Лионель, – спросил он Саграсса, послушно ожидавшего у приемной канцлера. – Почему лорд Бастельеро так не любит магистра Роверстана? От них ведь разве что искры не летят при встрече!

– Так и есть, милорд, – усмехнулся боевик, примеряясь к его шагу и сворачивая за Лучано в дворцовую галерею, ведущую к королевским покоем. – Его светлость Архимаг вообще не любит разумников. А еще – простолюдинов, пусть и бывших. И южан.

– Да это прямо три «шестерки» на костях! – восхитился Лучано. – Понимаю!

А если еще добавить высокие каблуки грандсиньора... И правда, как ему не возненавидеть красавца-южанина на голову выше себя, м?

– Когда я учился на младших курсах, – задумчиво добавил Саграсс, – Роверстан уже заканчивал Академию, а лорд Бастельеро отставал то ли на два, то ли на три года. И было очень заметно, кто всегда затевает ссору. Точнее, пытается ее затеять, потому что Роверстан неизменно отшучивался. Но вы ведь понимаете, милорд, не все могут принять шутку, если смеются не они, а над ними.

– Еще бы, – согласился Лучано. – Иногда шутка оскорбительнее удара.

– Так и есть, – кивнул Саграсс. – Беда в том, что они ни разу так и не подрались всерьез. Если бы лорд Бастельеро победил, думаю, он бы успокоился. Если наоборот... Все стало бы хуже, но понятнее и, пожалуй, честнее. А когда кто-то лезет в драку, а его соперник уворачивается, рано или поздно начинают смеяться над драчуном-неумехой, причем даже те, кто сначала был на его стороне. Помню, был один случай... Конечно, если вам интересно?..

– Очень! – заверил его Лучано, первым проходя в свой кабинет и сразу подходя к жаровне. – Прошу вас, Лионель!

Боевик опять усмехнулся и предупредил:

– Мне было тогда всего двенадцать. Пожалуй, я и запомнил все так хорошо, потому что был первокурсником. Только недавно попал в Академию, смотрел во все глаза и слушал во все уши! А Три Дюжины – они всегда на виду. Лорды Бастельеро и Эддерли считались гордостью Фиолетового факультета. У нас блистал Дориан Ревенгар,

мы, мальчишки, дрались за честь отнести его рапиру после тренировки или сбегать ему за водой. А Роверстан... Его никто не считал особенно сильным магом, разумники вообще силой не меряются, но... почему-то он всегда оказывался на виду! Не из самой богатой семьи, про знатность вообще молчу, да и хорош собой он тогда не был. Но держался так, словно все обстояло как раз наоборот! И вот этого ему многие не могли простить...

Опустившись в кресло, он откинулся на спинку, заложил руки за голову и, пару мгновений помолчав, принялся рассказывать:

...Муха жужжала.

Носилась кругами почти под самым потолком, спускалась к столам, время от времени присаживалась на край чьей-нибудь тарелки и принималась с издевательской вежливостью намыывать лапки. И жужжала, не переставая!

Грегор Бастельеро и Дилан Эддерли, друзья, однокурсники и соседи по комнате, сидели за столиком у окна. Там, за окном, шумели цветущие липы, их листва бросала в столовую кружевную тень, и день был прекрасен, однако юного лорда Бастельеро полет большой мухи явно раздражал, он то и дело морщился, следя за надоедливym насекомым.

Еще за мухой следила компания Дориана Ревенгара – от их стола то и дело веяло алой силой, и в сторону мухи летели уменьшенные до мушиного размера Молоты... хм... Молоточки Пресветлого, однако мерзкая тварь, словно издеваясь, уворачивалась от заклятий с возмутительной легкостью!

И тут Ревенгар запустил в муху сразу двумя Молоточками и досадливо выругался, когда она, насмешливо зажужжав, свечой взвилась вверх за миг до того, как Молоточки столкнулись. В воздухе вспыхнул сноп алых искр, привлечший внимание преподавателей.

– Ревенгар, ведите себя прилично, – резко потребовал мэтр Кристоф.

– Слушаюсь, мэтр, – нехотя проворчал Ревенгар и проводил насекомое неприязненным взглядом.

Дилан хихикнул и принялся сворачивать под столом что-то фиолетовое. Что именно, маленький Лионель Саграсс понятия не имел, но пара некромантов-шестикурсников покосилась на Эддерли с восторгом и испугом.

– Прекрати! – шикнул на него Грегор. – Твой отец на нас смотрит! Дилан вздрогнул, и наполовину готовое заклятие впиталось в его пальцы.

– Жаль, – тоскливо вздохнул он. – Вот бы утереть нос Ревенгару, а? Кстати, я читал, что в Чине так проверяют мастерство воина. Мол, кто поймает муху в полете, тот воин и совершенный человек. Ревенгар уже провалился!

– Ну и Претемная с ним, – отмахнулся Грегор, куда больше заинтересовавшись второй частью. – Совершенный человек, говоришь?

Дилан проследил за его взглядом и издевательски фыркнул – к дверям, видимо, уже окончив завтрак, шел Роверстан с Белого факультета. Высокий, костистый, с несоразмерно крупными для такого худощавого тела руками, он напоминал нечто среднее между длинноногим нескладным жеребенком и нахальной вороной. Наверное, из-за общей чернявости и веселого живого взгляда...

– Роверстан! – окликнул разумника Грегор, чуть привстав из-за стола. – Вы слышали? Говорят, совершенный человек способен поймать муху.

– Я чрезвычайно рад за этого достойного человека, – меланхолично сообщил разумник, не останавливаясь и даже не обернувшись, но так громко, что услышали, кажется, все присутствующие.

От столиков девушек донеслось сдавленное хихиканье, и Бастельеро вспыхнул. Его красивое надменное лицо дрогнуло, а скулы порозовели, что на белоснежной коже было особенно заметно.

– Как? – деланно изумился он. – Неужели это все? И вы даже не попытаетесь это сделать? Вы ведь у нас, по слухам, и певец, и музыкант, и даже стихоплет! Разве вы недостаточно совершенны?

– Об этом судить не мне, а тем, кому я посвящаю свои скромные умения, – невозмутимо отозвался разумник, наконец повернувшись и отвесив церемонный поклон в сторону девичьей половины столовой. – Что же до мухи, то будь я боевиком, несомненно, попытался бы ее поймать, а будь я стихийником – приручить. Увы, белая искра не оставляет мне шансов. Впрочем, если вы, милорд Бастельеро, найдете муху, ум которой будет столь развит, что на него подействует магия

разума, я охотно с ней побеседую. А пока, за неимением такой благоразумной мухи, готов продолжить беседу с вами...

Он улыбнулся так любезно и приветливо, что даже Лионель в свои двенадцать заподозрил неладное. Из-за столика боевиков-старшекурсников слышались смешки. Хихикали девушки, поглядывая лукаво и насмешливо. Молча улыбался мэтр Кристоф. От лица Грегора Бастельеро отхлынула кровь, и молодой некромант начал медленно вставать...

– Брось, Грегор! – Дилан Эддерли бесцеремонно потянул его за рукав, заставляя сесть. – Забыл, что Белых не переспорить?

– Это верно! – процедил Бастельеро, снова садясь и скрещивая руки на груди. – Жаль, что вся мудрость Белого факультета бессильна перед одной-единственной мухой, да, Роверстан?

– Ну, раз вы настаиваете...

Вздохнув, разумник подошел к ближайшему столику и... взял розетку с вареньем, которое подавалось к блинчикам. Капнул им на ладонь, а потом выставил руку перед собой. Столовая разом притихла. На кого-то из боевиков, едва открывшего рот, шикнул сам Ревенгар, и тишина стала безупречной, только слышалось жужжание барготовой мухи. Круг под потолком, еще один, и еще... Наконец муха села на ладонь неподвижного разумника, и Роверстан, не меняясь в лице, стремительно накрыл ее второй ладонью, а потом под восторженный рев адептов подошел к окну и выкинул муху на улицу. Ошалело гудя, та унеслась куда-то вдаль.

Первым заржал Ревенгар. Громко, заливисто и весело, как молодой жеребец. Боевики поддержали его дружным гоготом, и мэтр Кристоф снова улыбнулся. Смеялись девочки, жеманно прикрывая губы ладошками, ухмылялись те самые некроманты-шестикурсники... И даже Дилан Эддерли громко расхохотался, а потом склонил голову, признавая чужую победу. Грегор Бастельеро сидел за столиком молча, бледный и неподвижный, только на лице яростно горели глаза, и их синева стремительно набирала чернильную густоту...

– Дивная история! – восхитился Лучано, и Саграсс кивнул, улыбаясь так светло, что сейчас вряд ли кто-то узнал бы в нем того угрюмого боевика с обреченным взглядом, каким он был всего три месяца назад.

Он отпил глоток шамьета и тихо уронил:

– Не единственная, как вы понимаете, милорд. Был, к примеру, турнир поцелуев, о котором вспоминали еще несколько лет. Лорд Бастельеро тогда выиграл, и, как я слышал, весьма этим гордился. А девочки шептались, что устроившая его адептка-целительница... Как же ее звали? Ах да, Симмонс, Эмма Симмонс, первая красавица Зеленого факультета! Я не был с ней знаком, она ушла из Академии после шестого курса – говорят, перестало хватать резерва... так вот, девочки шептались, что она была влюблена в лорда Бастельеро с тех самых пор, как он поступил в Академию, а она – на второй курс. Разумеется, у нее не имелось ни единого шанса – ведь она родилась простолюдинкой. Вот и затеяла тот турнир...

– В таком случае, грандсиньору Бастельеро гордиться стоило не только победой, – поддержал Лучано наконец-то шутливый тон. – Но и самим турниром в свою честь. А уж в вашем прекрасном, но весьма чопорном Дорвенанте... Беллиссимо!

– Вы правы, милорд, – усмехнулся Саграсс. – Вот только гордости лорда Бастельеро хватило ненадолго. Ровно до того момента, пока он не узнал, что Белый факультет в турнире попросту не участвовал. Конечно, он не мог упустить возможности снова поддеть Роверстана и услышал в ответ, что тот не намерен стоять в очереди за поцелуями. Представляете?

– Мм-м... – Лучано даже глаза прикрыл и застонал от удовольствия, стоило представить гордеца-некроманта, получившего такую оплеуху. – И Роверстану это сошло... Поймите, не тогда ли его проклинали?!

– Именно, – кивнул Саграсс. – Был большой скандал, потому что проклятие Дилана Эддерли оказалось каким-то особенным, и обычный адепт за него вылетел бы из Академии. А Эддерли отделался годом работы на конюшне – для сына преподавателя и наследника лорда из Трех Дюжин это сочли достаточно суровым. К слову, именно после этого Дориан Ревенгар перестал искать случая для драки или дуэли с Роверстаном. И поверьте, вовсе не потому, что испугался подобной кары. Просто сказал, что не сможет гордиться победой, если одному из соперников грозит изгнание из Академии как простолюдину, а второй отделается всего лишь отработкой.

– Очень достойно, – с уважением отозвался Лучано. – И так похоже на синьорину... то есть леди Бастельеро. Сразу видно, что она

его дочь. Но, полагаю, лорд Бастельеро понял все по-своему?

Саграсс молча пожал плечами, а потом задумчиво сказал:

– Мне кажется, будь Роверстан дворянином по рождению, лорд Бастельеро считал бы его главными достоинствами именно то, что сейчас полагает недостатками. Ну, кроме южного происхождения, пожалуй. Но вот остальное... Дерзость и лихость – это ведь то, что прилично благородной крови, понимаете?

– Вполне, – согласился Лучано и в который раз отметил, что Саграсс весьма наблюдателен и очень умен.

Но боевик из тех людей, кто держит при себе то, что думает, и редко этим делится. Вроде простоватого на первый взгляд Фелипе, которого зачастую тоже стоило послушать.

– Разумников не очень-то любят, – продолжил тот. – Сама природа их дара плохо понятна остальным магам, и никогда нельзя сказать с уверенностью, на что они способны. Вот мысли, например, они без предварительных ритуалов не читают – это всем известно! И все-таки порой слишком догадливы. На магическую дуэль их тоже нельзя вызвать, потому что у разумников практически нет резерва, а накопители на дуэли использовать запрещено...

Лучано понимающе кивал, думая про себя, что насчет чтения мыслей господи магии ой как ошибаются! По крайней мере, один разумник, отлично это умеющий без всякой подготовки, ему известен. Это же какое преимущество в случае чего! И какой риск, если выдать себя... Неудивительно, что разумники так долго не входили в состав Ордена – кто из обычных магов захочет видеть рядом таких непредсказуемых и опасных людей?

– И потому большинство разумников стараются держаться в тени, – продолжил боевик. – А Дункан Роверстан всегда был слишком ярким. И вел себя так, словно не ниже любого из Трех Дюжин или магистров гильдии.

Лучано, вспомнивший, как грандсиньор разумник ломился к самому Барготу, поливая его бранью, снова только кивнул. Похоже, когда боги раздавали почтение к вышестоящим, Дункан Роверстан стоял в другой очереди – за лихостью, например. Или прочими многочисленными талантами.

– Но покойный магистр Кристоф его очень уважал, – добавил Саграсс. – И как-то сказал, что это старая кровь себя показывает.

Наверное, имел в виду матушку магистра, она ведь арлезийская дворянка, насколько мне известно. Лорд Бастельеро мог бы это учитывать, между прочим. Хотя неравные браки редко пользуются уважением.

Он явно помрачнел, и Лучано решил, что момент, конечно, не самый удачный, но другого для разговора уже не представится, ему ведь завтра уезжать.

— Лионель, простите мою бесцеремонность, — сказал он вкрадчиво. — Но сегодня при встрече с синьором Донованом я кое-что заметил...

— Я так и понял, милорд, — прохладно сообщил боевик и чуть ли не впервые за время их беседы отвел взгляд, а потом ровно добавил: — Прошу вас учесть, что это не служебное дело, поэтому я не обязан вам отчитываться.

— А с чего вы взяли, что я спрашиваю как ваш начальник? — тихо уронил Лучано и встал из кресла. Отошел снова к окну, поставил шэнье на жаровню и, засыпав новую порцию шамьета, мягко добавил: — Впрочем, если вы отказываете мне в праве считать вас другом...

— Милорд!

На этот возмущенный возглас Лучано не ответил. Молча и неторопливо доварил шамьет, давая Саграссу возможность перевести дух и подумать. Вернулся в кресло и как ни в чем не бывало разлил дымящуюся жидкость по чашкам. Заметил, глядя в окно поверх головы боевика:

— Прекрасная сегодня погода! Но в Итлии все равно лучше. Солнце у нас ярче, ветерок теплее, а девушки благосклоннее смотрят на мужчин. Хотите, я привезу вам из Вероккьи хорошенькую синьорину в служанки? Ваша матушка будет рада умелой швее или кухарке, а уж как ваши братья обрадуются! В доме, где живет пара юных синьоров, просто необходима умная красивая девица в услужении.

— Вы невозможны, милорд! — фыркнул Лионель, но за чашкой с шамьетом все-таки потянулся и снова с удовольствием захрустел печеньем.

Проснувшийся Перлюрен вылез из корзинки в углу кабинета и медленно, вперевалку подошел к Лучано. Залез к нему на колени, и

стало заметно, как зверек потяжелел.

– Ты же так скоро на кровать не залезешь, бандитто. – Лучано почесал его за ухом. – И где тогда будешь прятать свои сокровища, м?

По детской еще привычке самые вкусные лакомства и блестящие вещицы Перлюрен упорно совал ему под подушку. Наверное, надеялся, что там они будут в большей безопасности под охраной великого и могучего хозяина. Или просто доверял.

– Вы же сами слышали, – бесцветно сказал Саграсс. – Ее отец не одобряет мои ухаживания.

– А вы не ухаживайте за ним, – ухмыльнулся Лучано. – Ухаживайте за самой синьориной! Да не смотрите вы так, я все понимаю! Но если дело сладится, жить вам предстоит с нею, а не с ее батюшкой, так не все ли равно, что он будет о вас думать? Увидит, что его дочь счастлива, и привыкнет!

– Если бы все было так просто, милорд... – Саграсс покачал в пальцах чашку с шамьетом, заглянул в нее, вздохнул. – На Донована я не в обиде. Понимаю, что он хочет лучшей судьбы для дочери, а если откровенно, то что я могу ей предложить, кроме титула? Да, он будет наследным, а не магическим, но Донован – разумный человек, он понимает, что титул не всегда обеспечивает счастье. Моя семья практически разорена, у нас остался лишь ветхий особняк в столице, куда гостей стыдно позвать, не то что привести жену. Да еще крошечное поместье, доходов от которого я не увижу еще долго, потому что им распоряжается мой отец. А он...

Он отпил шамьет, поморщился и отставил в сторону, словно тот горчил. В любой другой момент Лучано бы смертельно обиделся, но сейчас понимал, что напиток ни при чем. Иногда горечью слишком сильно сочатся слова, которые должен сказать человек. Понимая, чего Саграссу стоит эта откровенность, Лучано сочувственно молчал. А боевик, помрачнев, сказал:

– Мой отец против этого брака. Он сказал, что если я женюсь на простолюдинке, будь она хоть трижды магесса, он лишит меня наследства и передаст титул Кайлану. Более того, меня он изгонит из рода. Вы понимаете, что это значит, милорд?! Мои дети будут простолюдинами, если только не унаследуют магического дара, но рассчитывать на это... И что я тогда смогу дать жене? Иоланда выросла в роскоши. Хоть она и дочь купца, но Донован богат, и для

любимой дочери он ничего не жалеет. Как я могу позвать ее замуж, если не в состоянии обеспечить жизнь, к которой она привыкла в отцовском доме? Видят Благие, я... люблю Иоланду. Но именно поэтому не могу сделать ее несчастной.

– Неужели милость богов ничего не значит для вашего батюшки? – поразился Лучано. – Синьорина Иоланда – магесса! Да и приданое... Ваша семья могла бы поправить дела уже сейчас, не дожидаясь совершеннолетия младших синьоров.

– Жить на приданое жены? – Саграсс даже передернулся. – Чтобы ее родня могла в любой момент попрекнуть нас этим? Муж должен быть главой семьи, а на содержании у жены это, знаете ли, трудновато. Что до моего батюшки, он слишком гордится старинной фраганской кровью Саграссов. Может быть, – добавил боевик с едкой горечью, – именно потому, что в этом поколении гордиться нам больше нечем. И я знаю своего отца. Он упрям, как... Если сказал, что изгонит меня и лишит наследства – он так и сделает, в этом я уверен. Мне иногда кажется, что он... во мне разочарован, – не без труда выговорил Саграсс и снова отвел взгляд.

– Разочарован? В вас? – не поверил Лучано. – Вы много лет содержите всю семью!

И осекся. Идиотто! Ну да, скорее всего, именно это синьор Саграсс-старший и не может простить собственному наследнику! Тот взял на себя ношу, которую должен нести отец! Это Лионель кормит и учит младших братьев, служит опорой матери... И насколько Лучано мог судить по обмолвкам собственного подчиненного, мать и братья его искренне любят и уважают. В отличие от батюшки... Ну как же простить такое, а?

«Отравлю, – спокойно и безразлично подумал Лучано, подливая себе и Лионелю шамьета. – Зря я раньше решил этого не делать. Но кто же знал, что все так повернется? Почему умница Лионель, благородный и отважный синьор на службе короны, почтительный и верный сын, заботливый брат... Почему он должен зависеть от упыря в человеческом обличье, который портит жизнь им всем?! Донована можно уломать, а вот как уговорить пьяницу, который почуял власть над старшим сыном и его судьбой? Возможность покуражиться над тем, кто многократно превосходит его умом, честью, силой воли... Мм-м, а что делать, если я не вернусь из Вероккьи?! Попросить Альса,

что ли? Нет, лучше мастера Ларци. В таком пустяке мастер мне не откажет в любом случае. Кто-нибудь из наших прогуляется в Дорвенант, повстречает синьора Саграсса в трактире или темном переулке... Лионелю просто ничего не нужно знать!»

– Но вы все-таки передавали поклон синьорине Иоланде, – сказал он вслух, не то спрашивая, не то напоминая.

– Передавал, – вздохнул Саграсс. – Я болван и надеюсь непонятно на что. Благие и так израсходовали на меня слишком много чудес, а я смею мечтать еще об одном. Даже о нескольких, если честно. Что леди Иоланде я небезразличен настолько, что она решится пойти против отцовской воли. Что она согласится отказать другим женихам, вполне достойным, кстати. Что будет ждать еще три года до своего магического совершеннолетия и надеяться, что я за это время смогу хоть как-то обеспечить семью. Что примет меня вместе со всеми моими сложностями, обязательствами перед семьей и долгом перед короной... По правде говоря, я не должен просить ее обо всем этом! Но...

– Но вы живой человек, Лионель, – закончил Лучано, видя неподдельное отчаяние на лице боевика. – А человеку свойственно надеяться на лучшее. Синьорина Иоланда стоит того, чтобы за нее побороться! Послушайте, когда я вернусь из Вероккьи, мы устроим это дело! Как вы думаете, если король выступит вашим сватом, синьор Донован сможет ему отказать?

– Король?! Но... его величество...

– Я сам его попрошу, – твердо пообещал Лучано. – Конечно, если синьорина питает к вам ответную любовь. Думаю, с вашим батюшкой мы тоже поговорим. И он поймет, что лишать вас наследства неразумно и несправедливо. Его величество бывает очень убедителен!

– О, вот в этом я нисколько не сомневаюсь!

По губам Саграсса наконец-то скользнула улыбка, и он посмотрел на Лучано ярко горящими глазами.

– Вы снова возвращаете меня к жизни, милорд! – проговорил он дрогнувшим голосом. – Конечно, такому сватовству никто не откажет! Но сначала я должен увидаться с леди Иоландой и узнать о ее чувствах.

– Узнавайте! – великодушно разрешил Лучано. – Время у вас есть. Кстати, о времени, окажите мне небольшую услугу!

– Все, что могу, милорд!

Вскочив, Саграсс вытянулся, и Лучано вздохнул. Ох уж эти привычки гуардо – все-таки они неистребимы. Достав конверт из-за отворота камзола, он небрежно положил его на стол рядом с чашками и пояснил:

– Это распоряжения на случай, если я задержусь в Вероккье. Скажем, если не вернусь через месяц. Тогда вы вскрыете этот конверт и передадите то, что там написано, лицам, которые там указаны. Если возникнут какие-то сомнения, уточните лично у его величества.

– Если вы задержитесь, – повторил Саграсс и искоса посмотрел на Лучано. Его красивое резкое лицо, недавно сиявшее радостью, снова потемнело, и боевик тихо уточнил: – А если вы не вернетесь?

– С чего бы? – Лучано равнодушно пожал плечами. – Я всего лишь намерен уладить родственные дела. Впрочем, если я вдруг подавлюсь вишневой косточкой на семейном обеде, вам об этом сообщат. Разумеется, тогда можете вскрыть конверт раньше и считать себя принадлежащим лично его величеству.

– Да, милорд.

Четко кивнув, Саграсс не торопился снова садиться, и Лучано опять вздохнул.

Слишком умный! Вон как настороженно глядит! Словно пес, которого мерзавец-хозяин привязал в лесу и велел ждать, чтобы тот не был вслед. Пес чует неладное, но не смеет отказать хозяину в доверии... Впрочем, псом Саграсс все-таки не был. И потому напряженно и очень ровно сказал:

– Милорд, если мои услуги могут пригодиться вам в Итлии, прошу, не стоит меня недооценивать. Я готов дать клятву молчания о любых ваших... родственных делах.

– Простите, Лионель, – вздохнул Лучано на этот раз с искренним и глубоким сожалением. – Благими клянусь, я бы доверил вам спину в любой драке! Но мои родственные дела... Они больше напоминают не бой, а попытку запустить руку в змеиную нору и среди клубка гадюк вслепую нашарить и вытащить нужную. Боюсь, ваше присутствие только сделает все гораздо сложнее. Но я ценю ваше предложение. И буду его помнить.

– Да хранит вас Пресветлый Воин, милорд.

На этот раз боевик поклонился гораздо ниже и почтительнее. Потом взял конверт и бережно убрал во внутренний карман мундира.

– Пусть хранит, – согласился Лучано. – А вы можете считать себя в отпуске с сегодняшнего... Впрочем, нет, сегодня у меня к вам еще одно поручение! Можете закинуть что-то вроде букета на что-то вроде балкона?

– Милорд! – оскорбился боевик и не без ехидства поинтересовался: – Чем именно закинуть? Чем-то вроде магии или чем-то вроде арбалетного болта?

Ну наконец-то! Все-таки даже благородные синьоры могут быть похожи на людей, если пробиться через панцирь этикета, хороших манер и почтительности к начальству.

– Болтом точно не надо! – поспешно уточнил Лучано. – В королевской оранжерее недавно распустились какие-то чинские цветы. Хри-зан-те-мы называются. Скажите садовнику, что я велел собрать вам букет. А потом отправьте его на балкон синьорины Иоланды. Или прямо в окно, если балкона у нее нет. Извольте выполнять!

– Слушаюсь, милорд!

Щелкнув каблуками, Саграсс восторженно глянул на Лучано, развернулся и вылетел из кабинета.

«А батюшку все-таки отравлю, – пообещал сам себе Лучано. – Против королевского приказа этот упырь пойти не посмеет, но спокойной жизни сыну и невестке не даст. Отравлю непременно. Никто не смеет обижать тех, кто мне нужен или дорог».

Глава 18

Прощание

Проводив Саграсса он подписал несколько бумаг, присланных управляющим особняка, собрал самые необходимые вещи – через порталы ходят налегке! – и поиграл с Перлюреном. Сходил в караулку и выпил шамьета с лейтенантом Минцем, выслушав последние дворцовые сплетни, поболтал с фрейлинами-воспитательницами, узнал от них, что ее величество сегодня снова не в духе, и нашел еще дюжину дел, которые непременно следовало завершить до отъезда. Ужинать не стал – кусок в горло не лез, просто взял книгу из написанного мастером Ларци перечня и заставил себя читать, пока дворец не притих в полуночной дреме, а после постучался в дверь соседней спальни.

– Альс, ты спишь?

Вопрос был данью вежливости, еще несколько минут назад Лучано слышал, как тот разговаривает с котом. Хотя магическая лампа возле постели уже оказалась потушена, и спальню озарял только бледный лунный свет – по деревенской привычке Альс упрямо не закрывал на ночь окно.

– Заходи, – откликнулся Аластор и сел, опираясь на подушки. – Что-то случилось?

– Нет, – вздохнул Лучано, проскальзывая в спальню. Присел на край кровати и погладил развалившегося на постели Флориморда. – Пришел попрощаться.

– Я бы тебя все равно завтра проводил, – хмыкнул Альс и тут же насторожился: – Погоди-ка... Прощаться?!

– Не в этом смысле, монсиньор, – улыбнулся Лучано. – Очень надеюсь, что не в этом!

Флориморд, разомлев от умелого чесания, принялся ловить его лапами за руку, и несколько мгновений Лучано делал вид, что полностью поглощен поединком с котом. Перед тем как идти к Альсу, он подобрал правильные слова, но отчего-то сейчас они казались насквозь фальшивыми и не шли на язык. Ясно было одно, нельзя дать

Аластору понять, насколько сам Лучано боится встречи с грандмастерами и решения своей судьбы.

– Лу... – начал вдруг Альс непривычно вкрадчиво. – Скажи, ты всех вокруг считаешь болванами или только меня лично?

– Что... Кем?..

– Болванами, – повторил Аластор с тяжелой мрачной ласковостью, от которой Лучано захотелось поежиться, и тронул лампу, заставив ее разгореться снова. – Идиотто, если тебе так понятнее. Я, по-твоему, совсем слепой, глухой и дурной вдобавок? Вот скажи честно, тебе страшно?

– Страшно, – выдохнул Лучано, словно шагая с крыши в пустоту – обычный его детский кошмар. – Альс, я...

– Ты мне не доверяешь, – тихо сказал Аластор. – Мы же друзья. А ты мучаешься сам и думаешь, что я ничего не пойму, да? Что меня надо беречь... Опять беречь!

В его голосе прорезалась злость, и Лучано виновато улыбнулся.

– Прости, Альс, – попросил он, пересаживаясь ближе и накрывая руку друга своей. – Ты мне очень дорог. Потому и не хочу добавлять неприятностей. Сделать ты ничего не сможешь, и от этого только сильнее станешь переживать.

– Я тебе уже говорил, – раздраженно буркнул Аластор. – Оставь мне самому решать, за что я должен переживать, а за что – нет. Скажи лучше, твой... мастер, он тебе обещал что-нибудь?

– Нет, – продолжал улыбаться Лучано. – Зачем? Я приму любое его решение.

– Лу! Нельзя же так! – Вскочив с постели так резко, что возмущенный Флориморд мявкнул, Альс бросился к окну и замер возле него, шумно дыша. Потом, немного успокоившись, обернулся к Лучано и выдохнул: – Почему ты ему так слепо доверяешь?! Он убийца!

– Я тоже, – тихо уронил Лучано.

– Это другое!

Альс раздраженно махнул рукой и прошагал от одной стены спальни до другой, потом обратно. Полотняная рубаша и широкие подштанники до колена в любое другое время смотрелись бы забавно, однако сейчас Лучано было не до смеха. И даже не до того, чтобы украдкой полюбоваться возмущенным Аластором – широкой грудью в

распахнутом ворота, мощными плечами, стройными мускулистыми икрами... Ну, почти не до того!

– Альс... – Лучано вздохнул. Что ж, этого следовало ожидать. Друг все-таки не понимает, с кем имеет дело и кто такие Шипы. – Присядь, я тебе расскажу, почему я так доверяю мастеру Ларци.

– Я знаю, – буркнул Аластор, падая в кресло. – Он спас тебя, когда ты... В общем, спас.

– И это тоже, – кивнул Лучано, мерно поглаживая мурчащего Флориморда. – Мастер отменил мой смертный приговор и забрал из казарм в личные ученики. С десяти лет он воспитывал меня и дал столько заботы, сколько не каждому родному сыну достается. Не всем, знаешь ли, везет как тебе с лордом Себастьяном. Бывают совсем другие отцы...

Мелькнула мысль, что надо бы рассказать про Саграсса, но Лучано отложил ее на потом. Ему и так нелегко давался рассказ о себе.

– Мастер Ларци учил меня не только убивать, – сказал он очень тихо. – Еще – читать и слушать музыку. Сам играть не умел, но водил меня на концерты знаменитых маэстро. А когда я захотел учиться музыке, нашел мне наставника. Для Шипа это не странно, уличный певец – отличная маскировка, но обычно мы просто можем побренчать на лютне или гитаре да спеть несколько куплетов. Ровно столько, чтобы дожидаться клиента, не привлекая внимания стражи. А мастер привел настоящего виртуоза, который поставил мне голос и руку. Не как Шипу, а как музыканту, понимаешь? Как будто у меня в жизни была еще какая-то цель, кроме умения убивать. Он позволял мне сколько угодно возиться в лаборатории и портить дорогие ингредиенты. Отправлял с поручениями в места, где я мог увидеть прекрасные картины и статуи, а потом расспрашивал, что мне запомнилось. Я даже в опере и театре бывал! А вечерами мы обсуждали прочитанные книги и все, что случилось за день. Альс, я тоже убийца, понимаешь? Но он позволил мне узнать, что в мире есть что-то еще, кроме чужих смертей, трактиров и борделей... А потом...

Лучано невольно осекся, но заставил себя продолжить, глядя на притихшего Аластора:

– Потом я сказал ему, что хочу быть младшим мастером. Чтобы подняться в гильдии на ступень выше, и чтобы меня перестали считать мясом для чьих-то рапир и живым инструментом для варки ядов. Я

знал, что мне многие завидуют – как же, личный ученик самого Ларци! И от меня ждали, что я себя проявлю, докажу, что гильдия не зря дала мне шанс. Я сказал, что хочу пройти положенные испытания, и плевать, что я слишком молод. Разве я не Фортунато – Счастличик? У меня не было ни одного неудачного заказа! Я не потерял ни одного напарника! Мог пройти во дворец дожа и украсть шпильку из волос его любовницы – или убить кого угодно под самым носом дворцовой стражи. Кто достойнее меня? Мастер... Он посмотрел на меня – и сказал, что экзамен на звание младшего мастера обходится очень дорого. Что переживает его один из трех претендентов, остальные умирают, либо сходят с ума, после чего их приходится убить. «Один из трех, понимаешь, мальчик?»

Лучано сказал это по-дорвенантски, но так, что сам услышал интонации мастера Ларци, а Аластор в кресле вздрогнул и поежился, хотя ночь выдалась теплая.

– Но я все равно его упрасивал... – продолжил он ровно, с каждым словом все глубже соскальзывая в темную бездну памяти и упрямо доставая то, что когда-то изо всех сил пытался забыть. – И мастер согласился. Понял, что я не отступлюсь. И что могу попросить об экзамене не лично его, а просто круг мастеров – и тогда уже мне точно не откажут. Он сказал, чтобы я подумал в последний раз. Всех претендентов на звание младшего мастера лишают возможности иметь детей.

– Что?! – ахнул Аластор. – Но ты же... Ты...

И покраснел.

– Не кастратто, – Лучано растянул губы в подобии усмешки. – Это совсем другое, Альс. Возможность разделить с кем-то постель остается. Просто в гильдии знают рецепт яда, от которого семя мужчины становится бесплодным. Навсегда. С полной надежностью. И это не лечится даже магией. А просто с кем-то спать – о, это сколько угодно! Нельзя же лишать осла одной из главных морковок, ради которых он тащит груз и терпит палку? У Шипов нет ничего, кроме самых обычных удовольствий – еды, вина, возможности побаловаться с красивой девицей или парнем. Отними это – и что останется?

– И ты...

Альсу тоже было нелегко, он мучительно краснел, но взгляда не отводил, и Лучано это оценил в полной мере. Переступить через

накрепко вросшие в душу понятия о правильном и достойном – особый сорт храбрости.

– И я согласился, – кивнул он. – А что я терял? Подумаешь, у какой-то случайной девчонки, которую я, может, и не увижу больше никогда, не родится бастардо. Это даже хорошо! Да что там, это просто отлично! Одним ребенком меньше на кладбище или в приюте – и неизвестно, что хуже. Мой сын или дочь не повторят мою судьбу – да это же беллиссимо!

Он все-таки сорвался на сухой рванный смешок, и Аластор подался вперед, словно хотел... что? Взять его за руку? Положить ладонь на плечо? Им даже прикосновения не нужны, восхитительное и страшное колдовство дона Раэна связало три сердца невидимыми нитями, и Лучано сейчас точно знал, что Альсу тоже больно.

– Я согласился, – повторил он. – Даже сам сварил для себя зелье – очень сложный рецепт, но такой интересный, мм-м! Выпил, провалялся в лихорадке неделю, как и положено – Всеблагая Мать очень недовольна, когда ее главный дар возвращают с такой непочтительностью! И сказал, что готов к испытанию. Понимаешь, Альс, оно ведь неизвестно заранее. Обычные Шипы ничего о нем не знают, от этого все гораздо страшнее. Поэтому если кто-то просит об экзамене, значит, решил без малейших сомнений. Но я был уверен, что выдержу. Мне было двадцать пять – молодому дерзкому идиотто...

Флориморд недовольно мявкнул, и Лучано понял, что слишком сильно потянул густую длинную шерсть, запустив в нее пальцы. Переведя дух, он ласково погладил кота и почесал ему шею. Флориморд, успокоившись, опять замурлыкал.

– Меня привели на кладбище, – тускло и тихо продолжил он в тишине комнаты, где слышался только его голос, да еще урчание кота – Альс даже дыхание, кажется, затаил. – И велели вырыть могилу. Кладбищенская земля пахнет по-особому, раньше я этого не замечал. И копать ее легче, чем обычную, но все равно пока выроешь – весь мокрый и задыхаешься. Раньше я не думал, что могильщики так тяжело работают. Но я справился, конечно. И когда в эту могилу опустили гроб, даже улыбался. Чем они меня решили напугать, м? Смотрел, как из-под гроба вытаскивают веревки, на которых его опускали, и все улыбался, идиотто. Даже решил потом, когда испытание кончится, стянуть кусочек этой веревки на удачу – есть у

нас в Итлии такая примета. Кто носит с собой кладбищенскую веревку или гвоздь из гроба, тому везет в игре... – Он вздохнул и усмехнулся по-настоящему. – А потом мастер протянул мне фляжку и сказал: «Пей, Фортунато. Пей и верь мне. Что бы ни случилось – верь мне, мальчик...» Я ему верил, Альс. Поэтому выпил все до капли, хотя сразу понял, что это снотворное. И все потемнело. А потом я услышал молитву Претемнейшей, которую читал мастер. И как стучит земля по крышке...

– Лу! – не выдержал Аластор, перестав краснеть. Напротив, теперь кровь отхлынула от его лица. – Это невозможно! Нельзя так с людьми... Живыми!

– Почему? – устало пожал плечами Лучано. – Можно. Это было самое обычное кладбище, только синьорам могильщикам заплатили, чтобы они одолжили пару лопат и отвернулись. Меня засыпали землей, и когда я очнулся, понял, что воздуха в гробу совсем мало. И что выбраться я не смогу. Крышка тяжелая, сверху – слой земли. И если испытание в том, чтобы спастись, я его провалил.

Теплая мурчащая тяжесть кота на коленях странным образом придавала уверенности. Лучано снова почесал его шею и сочувственно глянул на бледного Аластора. Вряд ли друг сможет представить, как это было. И хорошо, что не сможет! Незачем ему такое, не дай Великий Безликий, потом еще кошмары будут мучить, как самого Лучано несколько месяцев после экзамена.

– Я уже потом узнал, что в крышке есть отверстие, куда вставляют длинную жесткую трубку, и земля не может ее пережать. Поэтому задохнуться в гробу нельзя, откапают тебя живым, если только сам не умрешь от страха. Но дышать там сложно. Воздух сразу портится, становится горячим, тяжелым... И страшно так, что разум мутится. Сначала я ошупывал крышку и стенки изнутри, думал, что есть какая-то головоломка. Что стоит ее решить и подать сигнал, меня откапают. Что это и есть экзамен! Но стенки были гладкие, время тянулось, я задыхался, и ничего, ровным счетом ничего не происходило. И тогда я понял, что один из трех выдержавших экзамен – это всего лишь тот, кого откапали. Остальные двое так и остались в гробах, куда легли добровольно... И тогда я... Я сошел с ума. Понимаешь, м? Я вдруг подумал, что мастера Ларци заставили от меня избавиться. Что я был слишком дерзким, и гильдия решила, что такой младший мастер ей не

нужен. Что вот эти доски вокруг – это последнее, что будет в моей жизни. От которой я, идиотто, сам отказался и еще упрашивал сделать это со мной...

Он замолчал, заново переживая тот жуткий приступ страха, который оказалось невозможно преодолеть. Вспоминая, как бил кулаками по крышке над собой и пытался ее процарапать, обдирая руки в кровь. Как орал, умоляя пощадить его и обещая, что никогда больше не станет дерзить...

– Но они... они же тебя выпустили? – спросил Аластор с такой детской надеждой, что у Лучано язык не повернулся зло пошутить, что нет, конечно, он так и остался в гробу, а рядом с Альсом всего лишь призрак.

– Выпустили, – кивнул он. – Потом. Когда я уже успокоился. Понимаешь, Альс, я там бился, кричал... А потом понял, что это бесполезно. Что у меня больше нет власти над собственной жизнью. Я ее сам отдал Претемнейшей Госпоже и своему мастеру, причем даже не тогда, когда просил об экзамене, а гораздо раньше. Когда доверил ему решать, кем я буду и как проведу свою жизнь. И что теперь я могу сделать только одно – верить ему до конца. А он уже пусть решает, как ему со мной поступить. И стоило до этого додуматься, стало так просто и спокойно... Даже дышать оказалось легче. Воздух-то лучше не стал, но меня... будто отпустило. Я даже понял, что давно задохнулся бы, не окажись тут какой-то хитрости. Вытянулся, заставил себя дышать помедленнее, чтобы воздуха дольше хватило, и начал просто вспоминать. Каждый день с мастером Ларци, один за другим, все эти годы. Потом – рецепты, которым он меня учил... И яды, и благовония, и самую обычную еду. Не знаю, сколько это длилось, там время шло совсем иначе. Мне казалось, что я провел в этом гробу несколько дней... На самом деле нет, конечно. Часа два-три. Когда понял, что это не в ушах шумит от недостатка воздуха, а лопаты стучат сверху, я даже не обрадовался. Все чувства будто... закончились. Крышку сняли, гильдейский лекарь прыгнул вниз, полез мне зрачки смотреть и пульс щупать. А у самого в другой руке игла длинная, и ядом от нее несет...

Лучано вздохнул и признался:

– Хотел я его обложить по всем предкам, но даже этого не смог. Язык не ворочался. Вылез кое-как наверх, ноги подкашиваются. А

там... Солнце! Понимаешь, Альс? Меня-то закапывали утром, а когда откопали, был полдень. Золотой, как мед. Воздух сладкий, свежий, зелень и свет по глазам бьют, птицы поют так, что ушам больно... Лекарь все вокруг суетился, требовал, чтобы я сказал что-нибудь. Ну, я и сказал. Чтобы он, идиотто, в следующий раз иглу мазал чем-нибудь без запаха. Сам не умеет, пусть попросит – я сварю. Это же надо было додуматься, к подмастерью самого Ларци лезть с такой вонючей дрянью. Лишись я даже разума, чутье-то не пропало. И вздумай он меня уколоть, я бы ему точно шею свернуть успел. Мастер только хмыкнул. Потрепал лекаря по плечу, глянул так, что того перекосило, и сказал...

Лучано перевел дух и едва слышно проговорил:

– «Пойдем домой, мальчик», – вот что он сказал. И я ушел вместе с ним домой. Прямо по улицам, мимо лоточников с устрицами и булочками, мимо фонтанов и садов, мимо людей, экипажей, котов и собак бродячих... Каждый шаг до сих пор помню... Он мне рассказывал какие-то неважные забавные новости, а я шел, улыбался, как идиотто, нюхал воздух Вероккьи – на каждом шагу разный! – и знал, что...

Он замолчал, не понимая, как закончить, чтобы Альс понял. Знал – что? Что отныне навсегда принадлежит своему мастеру не только жизнью, но и сердцем? Что счастлив оттого, что выдержал, не поверил в его предательство, не утратил доверия к человеку, который его воспитал? Что после темного ужаса могилы жизнь показалась невыносимо сладкой, но и смерть – нестрашной?

– Я понимаю, – тоже едва слышно уронил Альс, и Лучано облегченно вздохнул, потому что поверил – действительно понимает.

– Поэтому я поеду в Вероккью, – закончил он совсем просто. – И постараюсь выторговать у гильдии свободу, но мастер... Он всегда останется тем, кого я был бы счастлив назвать отцом. Я знаю, что если судить по законам божеским и человеческим, мы с ним очень плохие люди. Но даже таким, как мы, нужно иметь в жизни что-то... настоящее... Что-то правильное. Иначе и вовсе никакой надежды не останется. У меня вот есть мастер Ларци. А теперь еще и вы с синьориной...

– И Перлюрен, – буркнул Альс с неловкой грубоватостью, стыдясь собственного смущения.

– И Перлюрен, – очень серьезно кивнул Лучано. – Так что если не вернусь... ну мало ли... ты просто знай, что мне было очень хорошо в Дорвенанте. Хотя страна у вас ужасная! Ни одного фонтана за пределами дворца!

– Ты вернись, а я, так и быть, фонтан построю, – все еще болезненно, но уже теплее усмехнулся Альс. – Не сразу, конечно, но как начнем получать приличную прибыль от мануфактур, так обязательно. Прямо на королевской площади между дворцом и собором. И назову в твою честь, хочешь?

– Беллиссимо! – восхитился Лучано, с облегчением возвращаясь к их привычному шутливому тону, только в глубине души все еще что-то саднило. Ну что ж, неудивительно, эту самую душу он только что ободрал до крови, выворачивая наизнанку. – Хочу, монсиньор! Собственный фонтан! Со статуей?!

– Конечно, со статуей, – уже весело подтвердил Альс. – Чем Дорвенант хуже Итлии и Фраганы? Нам тоже нужны фонтаны! И мануфактуры. И пушки... Мне тут его величество Флоризель в знак дружбы пообещал две дюжины мастеров-литейщиков, чтобы поставить плавильный завод. Покупать пушки у Фраганы – слишком дорого, чтоб их Баргот побрал. А у нас, оказывается, своя руда есть. Вот фраганец и предложил мастеров, которые могут наладить производство и обучить наших людей, а взамен...

– И что взамен, м? – наострил уши Лучано, вспомнив занимательный разговор с канцлером.

– Пошлинные льготы фраганским купцам на двенадцать лет. Ну и мирный договор, конечно. Аранвен говорит, что Фрагана опасается Итлии. У вас там королевская семья Джанталья друг друга перебила, и теперь многое зависит от того, кто возьмет власть в их городе. – Аластор вздохнул, расслабляясь в кресле, и пожаловался: – Терпеть не могу политику. Мне бы что-то привычное... Лошадей, хозяйство! Пусть даже пушки – все равно дело понятное. А как рассчитать, что сделают какие-то незнакомые люди? Фрагана хочет, чтобы мы прикрывали их от Итлии, и ради этого даже готова помочь нам с армией, чтобы стенка, значит, была попрочнее. Спрашивается, и зачем тогда было с нами воевать? Итлия хочет, чтобы мы не дружили с Фраганой, и тянет одеяло в свою сторону. Арлеза хочет под шумок урвать кусок торговых привилегий пожирнее, а ведь есть еще и

княжества, где тоже Баргот знает что творится, и Вольфгард, и Дильмах... Даже Невия – и та что-то хочет! А еще, представь, Карлония прислала послов и просит позволения у Ордена открыть собственную Академию! Мол, маги у них рождаются, но отправлять их сюда на учебу долго и дорого, а вот если к ним приедут преподаватели... Я-то здесь причем, а? Пусть об этом с лордом Бастельеро договариваются, он же Архимаг!

– Ты справишься, – сочувственно пообещал Лучано.

Альс, вздохнув, взял со столика рядом с кроватью какой-то документ и протянул ему, буркнув:

– Думал завтра отдать, но раз уж ты сам пришел, бери. Это от Беатрис. Она сказала, что хочет оказать услугу человеку, который меня спас.

– Ее величество меня уже наградила, – напомнил Лучано и взял лист опасливо, словно колбу с неизвестным веществом. Развернул, вчитался в мягком свете магической лампы. – Баргот меня побери...

Ровные строчки ехидно заплясали перед усталыми глазами, и он перечитал снова, боясь, что понял неверно. Нет, все так. Открытое платежное поручение торгового дома Риккарди. На предъявителя. С пустой графой на месте суммы. И личной золотой печатью одного из Риккарди. Точнее, одной. О, беллиссимо... Да это же... Это такая гиря на весы, которыми гильдия будет определять его судьбу! Этим он сможет вернуть все, что Шипы на него потратили! Разве что... кроме усилий мастера Ларци.

У Лучано снова тревожно кольнуло сердце. На все его отчаянные попытки узнать хоть что-нибудь, мастер ничего не отвечал. Но... если бы Лучано ему не доверял, он бы не пережил тот проклятый экзамен в здравом рассудке. Значит, остается ждать и надеяться. И верить. А этот лист... Мм-м, как интересно можно с ним сыграть!

«И что ее величество потребует за такую услугу? – оборвал он собственные восторженные мысли. – Что такого даст ей моя благодарность, чего не может дать страх? В любом случае, считать себя обязанным я не собираюсь. Беатрис Риккарди должна мне несравнимо больше, чем деньги».

– Бери, – сказал Альс, будто услышав его сомнения и хмуро добавил: – Это я должен был обеспечить тебя деньгами на выкуп. Не знаю, сколько понадобится еще, но дам все, что смогу.

— О, этого вполне достаточно, — заверил его Лучано, бережно сворачивая лист. — Если дело можно будет решить деньгами, поручительства Риккарди точно хватит. Лучше пусть платят они — не обеднеют. Альс, тебя... что-то беспокоит?

— Беатрис, — признался друг, отводя взгляд. — Она очень изменилась. Женщины в положении часто беспокойны, но с ней что-то не так. Она то просит, чтобы я был с ней каждую свободную минуту, то сама меня прогоняет. То хочет, чтобы я признавался ей в любви, то рыдает, что станет некрасивой, и я ее брошу. Лу, я стараюсь! Просто не знаю, как ее успокоить. Она прогнала нескольких фрейлин, потому что ей показалось, будто я на них поглядываю. Знаешь, как обидно?! Я же никогда, ни за что... Она заставила меня поклясться, что если умрет родами, я не отдам Алиенору с Береникой итлийским родственникам. Говорит, что там из них воспитают дорогой товар, как из нее когда-то... Я поклялся, но что за глупости?! Целители говорят, что нет никакой опасности, она легко носит дитя, да и прежние роды были быстрыми и легкими. Но с ней что-то не так, Лу, понимаешь? Вчера ей показалось, что она увидела морщинку! И она кинула щеткой для волос в молоденькую фрейлину, которая отвечает за эти... ну как их... притирания всякие! Обвинила ее в том, что девица подменила снадобья! И выгнала со службы, а девушка — сирота, и жалованье фрейлины — ее единственная возможность собрать себе приданое. И я даже вступить не могу, потому что... сам понимаешь.

— Понимаю, — пробормотал Лу, соединив то, что рассказывал Альс, с шепотками прислуги и фрейлин. — Действительно, если у женщины к сорока появляется аж целая морщинка, это крем подменили, как же иначе? Альс, ты ничего не сможешь с этим сделать, поверь мне. Ну разве что терпеть, пока она родит и вернет себе былую красоту, но и тогда... — Он запнулся, с тоской понимая, что объяснять такие вещи влюбленному бесполезно, и все-таки попытался: — Альс, она итлийка. Помнишь, я тебе говорил, что наши девушки расцветают рано? Увы, красота не вечна, южанки старятся раньше северянок. Ее величество очень хороша собой! И она еще долго будет казаться красавицей, но беда в том, что она не хочет быть просто красивой. Она хочет быть безупречной. Как раньше, м? Чтобы женщины завидовали, а мужчины сворачивали шеи, глядя ей вслед, и мечтали, мечтали... О, не думай, это не для измены! Наоборот, чем сильнее она будет

нравиться всем, тем больше надежды, что останется красивой для тебя. Ты моложе, Альс. У тебя впереди долгие годы расцвета красоты и мужской силы. А ее цветок распустился окончательно и скоро начнет терять первые лепестки... Поверь, нет ничего страшнее для женщины, которая всегда считала красоту своим мечом и щитом.

– Но я люблю ее, – тоскливо сказал Аластор. – И буду любить всегда. Она же моя жена, мать моего ребенка... Неужели можно разлюбить человека из-за какой-то... морщинки? Почему она мне не верит?

– Потому что раньше в ее жизни не было таких мужчин, – сказал Лучано, промолчав, что в этом он еще как понимает Беатрис. У него тоже не было таких. И как же больно, что не будет... – Родня выдала ее замуж, обменяв на купеческие льготы. Муж унижал и отвергал. Главный поклонник всю жизнь бесполезно страдал, а потом женился на другой и счастлив. Придворные льстили в глаза, но шептались за спиной. Как тут хорошо думать о людях, м? И тут появляешься ты! Принц, красавец, герой... И смотришь на нее, как... – Лучано проглотил просившееся на язык «влюбленный телок» и поспешно заменил его: – Истинный паладин! Она боится тебя потерять. Осторожнее, Альс. Такая женщина, как твоя жена, будет драться за свое счастье любыми средствами.

– Я поговорю с целителями, – вздохнул Аластор. – Пусть ей успокоительное назначат. Что тут еще можно сделать? Ну как я могу ее убедить, что не собираюсь изменять, если и правда не собираюсь? Спасибо, Лу!

– Всегда к твоим услугам, монсиньор, – улыбнулся Лу, вставая и подходя к дверям спальни. – Не трудись меня завтра провожать, я уеду рано утром. Лучше выпишь хорошенько.

– И на тренировку! – мечтательно сказал Аластор. – Чтобы хоть на часик все это из головы вылетело! Кстати, Лу, все забываю спросить, долго ты будешь звать меня «монсиньор»? Не подумай, мне нравится, и на людях это уместно...

– Всегда, – усмехнулся Лучано. – У меня ведь никогда раньше не было собственного синьора! Доброй ночи!

Он шутливо поклонился и отступил во тьму своей комнаты. Прикрыл дверь и привалился к ней спиной с другой стороны. Навалилась такая усталость, будто целый день отплясал на

тренировочной площадке с рапирой и дагой против кого-то из выкормышей грандмастера Лоренцо.

«Не могу же я звать тебя так, как мне хочется, – подумал он с горькой улыбкой. – Во всяком случае, вслух. А «монсиньор», если не прислушиваться, это почти «ми аморе»...

Глава 19

Беда

Утро выдалось не по-осеннему жарким и душным, словно собиралась гроза. И это при абсолютно ясном небе! А может, Аластору это лишь казалось из-за мучительной тревоги, поселившейся под сердцем. Уж слишком тихим и сосредоточенным выглядел при прощании Лу, когда Аластор все же вышел проводить его на рассвете, и слишком благостно улыбался его мастер, кланяясь на прощание и благодаря за радушный прием и милости, оказанные Фортунато.

Нет, Аластор и сам видел, что пожилой итлиец любит воспитанника, как родного, вот только не был уверен, что окажется сильнее – любовь или законы Шипов. К тому же синьор Фарелли – не единственный глава гильдии, кто знает, что решат остальные? Хочется надеяться, что вексель Риккарди склонит чашу весов в нужную сторону, но как невыносимо, когда есть только надежда! И как, скажите на милость, вникать в бесконечные государственные дела, если мысли то и дело возвращаются к другу, которому даже помочь нельзя, потому что нечем?!

Мрачно взглянув на небо, лениво золотящееся на востоке, Аластор направился к тренировочной площадке. Конечно, рановато, однако месьор д'Альбрэ уже наверняка там – он и в столице, как в поместье, встает еще до рассвета. А канцлер явится с докладом часа через два, не раньше – хватит времени, чтобы как следует проветрить голову.

Он угадал, наставник уже разминался с соломенным чучелом, а двое гвардейцев с восхищением впитывали глазами каждое его движение. Увидев Аластора, они поспешно поклонились и вытянулись.

– Вольно, господа, – кивнул Аластор и в свою очередь поклонился бретеру. – Доброе утро, месьор д'Альбрэ. Я не опоздал?

– О, ничуть! – отозвался тот. – Я как раз успел показать этим достойным молодым людям пару приемов.

– Премного благодарны, милорд! – слаженно рывкнули те и понятливо улетучились, а Аластор взял со стойки любимую рапиру – немного шире и оттого тяжелее остальных.

Видя, что разминаться он сегодня не намерен, месьор д'Альбрэ встал в позицию. Отсалютовал и сразу кинулся в атаку. Выпад, второй, третий... Наставник сегодня определенно был в ударе! Аластор едва парировал, полностью погрузившись в схватку. Мир вокруг сжался до размеров даже не тренировочной площадки, а всего нескольких шагов. Потом – еще сильнее! Глаза противника, пляшущее острие его рапиры... Нет, на рапиру смотреть нельзя, это Аластор знал давным-давно! Просто сегодня... что-то... слишком жестко... Он пропустил удар в грудь и закусил губу, понимая, что не выдерживает взятый фраганцем темп. Слишком засиделся в эти дни... за бумагами... Надо чаще... тренироваться... И бегать! Непременно снова начать бегать...

Тяжело дыша, он шагнул назад, и наставник, сбавив скорость, вопросительно поднял бровь, предлагая сделать перерыв. Аластор упрямо мотнул головой и, едва переведя дух, сам попер в атаку. Месьор д'Альбрэ одобрительно улыбнулся, едва заметно кивнул.

Выпад, еще... Аластор упрямо атаковал и через несколько мгновений понял, что втянулся. Тело разогрелось, дыхание выравнилось, а рапира заплясала в руке быстрее, но все-таки... все-таки не настолько, чтобы отразить новый укол – уже в живот, и следующий... проклятье, следующий! В горло! Да что же такое, он ученик бретера или итлийского танцовщика?! Для чего месьор ставил ему обе руки?! Разозлившись на себя, Аластор взмахнул левой, принимая на нее удар, зашипел, когда рапира хлестнула по предплечью – но, по крайней мере, не по горлу! Так себе повод для гордости, конечно.

– Вы только что потеряли руку, юноша, – неодобрительно поведаль д'Альбрэ, и Аластор возмущенно фыркнул.

– Я уже трижды убит, месьор! Не думаю... что в этом случае... стоит беспокоиться о руке... тем более левой!

Говоря, он шагнул вперед и закрутил хитрый финт, подсмотренный у Лучано еще в походе. Успел мысленно поморщиться – вышло не так быстро, как хотел...

И замер – закругленное острие рапиры коснулось рукава фраганца немного выше запястья. Аластор всем телом почувствовал, как оно уткнулось в твердые мускулы под тонким сукном. В следующий миг он поспешно дернул руку назад, пытаясь осознать, что случилось, и проваливаясь в невозможность этого.

– Туше, – спокойно произнес месьор в звенящей тишине, упавшей вдруг на площадку, и внутри у Аластора похолодело.

Пять с лишним лет он мечтал хотя бы однажды услышать это «Туше»! И даже предположить не мог, что, услышав, вместо радости испытает леденящий ужас.

– Месьор, – прошептал он, сжимая рукоять рапиры так, что заболели пальцы. – Месьор, что с вами?

– Да вы нахал, юноша! – фыркнул д'Альбрэ с такой привычной язвительностью, что Аластору непременно должно было полегчать – но почему-то не полегчало. – Вы всего лишь задели мою руку. Неужели я так плохо вас учил, что вы на это неспособны?

– Вы учили прекрасно, – твердо ответил Аластор. – И потому я точно знаю, на что способен. Чтобы задеть вас, мне пришлось бы учиться еще не один год, и то – если тренироваться как в поместье. Так что же случилось?

– Общение с канцлером и вашим итлийским другом принесло свои плоды. Вы стали отвратительно проницательны, – усмехнулся фраганец, опустив рапиру. – О, не бледнейте, я вовсе не болен неизлечимой болезнью и даже не проклят. Однако... я вынужден просить вас об услуге, ваше величество, – добавил он, почтительно склонив голову, и у Аластора екнуло сердце.

Месьор д'Альбрэ еще ни разу не называл его королем наедине! И никогда ни о чем не просил, хотя он рад был бы выполнить любую просьбу наставника.

– Я слушаю вас, – проговорил он каким-то чужим голосом.

– Я прошу предоставить мне отпуск, – отчетливо произнес д'Альбрэ, выпрямившись. – На год, а лучше на два. Я намерен провести их где-нибудь подальше от столицы и поместья вашего достойного отца.

– Отпуск? – поразился Аластор и наконец-то разжал пальцы. – На год? Месьор, но зачем?! То есть конечно... если таково ваше желание! Но как же... вы хотите меня оставить? Сейчас? И потом, я думал, что сударыня Арментрот... Да еще и подальше от столицы! Месьор, вы представляете, что будут говорить придворные?!

– Что я утратил ваше расположение? – подсказал фраганец, и Аластор молча кивнул, как-то вдруг растеряв слова. – И прекрасно. Пусть думают именно так.

– Почему? – упрямо спросил Аластор. – Зачем вам это нужно? Я... Простите! – поспешно добавил он. – Вы не обязаны отчитываться, но мне хотелось бы понять!

– Что ж, возможно, вам действительно следует это знать, – ответил д'Альбрэ, разглядывая свою рапиру так внимательно, словно никогда ее не видел. – Неделью назад у посла Фраганы сменился помощник. Вместо месьора де Гризе в Дорвенант прибыл Жером д'Альбрэ. Мой старший брат, глава нашей семьи. Он был чрезвычайно рад, узнав, какое положение я занимаю при вашем дворе, и выразил надежду, что я как наставник имею на вас определенное влияние.

– Вот оно что, – протянул Аластор, наконец-то все поняв и вдруг разозлившись. Не на месьора, конечно! На д'Альбрэ-старшего! – И чего же он хочет?

– Он надеется, что из почтения к наставнику вы благосклонно отнесетесь к предложениям месьора посла, – ответил д'Альбрэ без улыбки. – И, разумеется, я бы мог пренебречь его надеждами, будь Жером просто моим братом. Но он – помощник посла и имеет определенные полномочия, а я... я по-прежнему подданный Фраганы. Не знаю, известно ли вам это, но после заключения мира я просил об отставке, чтобы иметь возможность остаться в Дорвенанте и выполнить договор с вашим отцом. Фрагане тогда не было дела до простого пехотного капитана, и меня легко отпустили со службы. Но если теперь Жером потребует моего содействия не как старший брат у младшего, а как посол короля у подданного, боюсь, я не найду в себе желания это сделать. Отказов же не любит никто, и вряд ли его величество Флоризель – исключение. Зато вдали от вашего двора я бесполезен для интриг. Теперь вы понимаете причины моей просьбы?

– Вполне, – кивнул Аластор, про себя решив, что предложения посла непременно выслушает, но вот неизвестный пока месьор Жером крепко пожалеет, что так не вовремя вспомнил о своих родственных связях и решил их использовать. – Месьор д'Альбрэ... А что вы скажете о дорвенантском подданстве?

Бретер ничего не ответил, но его черные глаза выразительно блеснули, и Аластор понял, что такую возможность д'Альбрэ наверняка обдумывал. А еще – что у него всего один шанс изменить намерение наставника. Если уж месьор решил, что лучший способ избежать неловкой и опасной ситуации – вовсе избавить ученика от

своего присутствия, именно так он и поступит! А потом отпуск может затянуться, да и вообще, какого Баргота?!

Это его любимый учитель и друг! А Фрагане следовало вспомнить про свою потерю раньше. Месьору ведь даже никто не писал эти шесть лет! Не навестили ни разу, хотя Вальдероны были бы рады принять таких гостей.

— Я... слишком люблю вас, чтобы отправить в отпуск, больше похожий на опалу, — откровенно сказал он, ловя взгляд фраганца. — Будь это вашим собственным желанием, что поделать, я бы согласился. Но даже вся Фрагана не заставит меня расстаться с человеком, которого я... считаю вторым отцом.

— Мальчик мой...

Узкие губы месьора д'Альбрэ дрогнули, а взгляд разом утратил насмешливость.

— Прошу, месьор, подумайте! — с жаром продолжил Аластор. — Может, наша страна не такая теплая и красивая, как ваша белль Фрагана! Но мы умеем ценить друзей. Я хоть сегодня подпишу документы на ваше подданство и дворянство Дорвенанта. Наследное, разумеется. Из уважения к вашему происхождению и заслугам перед короной! А еще, — добавил Аластор в порыве вдохновения, — почему бы вам не открыть в Дорвенанте фехтовальную школу? Я подпишу вам королевский патент. Вы же личный фехтмейстер короля, но мы оба понимаем, что я научился всему, чему мог, и выше не поднимусь. А такой мастер, как вы, должен передать свое искусство настоящим ученикам!

— Ни слова о настоящих учениках, мальчик мой, — дрогнувшим голосом попросил фраганец, и в его глазах блеснуло что-то... уж не слеза ли? Которую он поспешно сморгнул. — Клянусь Пресветлым, настоящий и любимый ученик у меня останется один.

— Так вы согласны?! — возликовал Аластор и в порыве чувств обнял фраганца. — Остаетесь?! Ух, и поговорю же я с месьором послом! — протянул он мечтательно и хищно.

— Разве можно... отказать... — просипел д'Альбрэ, и Аластор поспешно его отпустил. — Ф-фух! Я говорю, разве можно отказать от такого великодушного предложения? — улыбаясь, повторил он и предусмотрительно отступил на шаг, одергивая камзол. — Значит, королевский патент? Юноша, а вы знаете, что даже во Фрагане всего

три школы учат фехтованию под покровительством королевского дома? Это огромная честь.

– Которой вы достойны как никто другой, – твердо сказал Аластор, у которого с плеч только что упал целый дворец, не меньше. – Итак, мы договорились? Считайте, дворянская грамота и королевский патент у вас в кармане. Поместье вы, наверное, захотите рядом с нашим?

– Ну, зачем мне поместье, мальчик мой? – вздохнул д'Альбрэ, все-таки сморгнув коварно блеснувшую слезинку. – В хозяйстве я ровно ничего не смыслю и не собираюсь на старости лет учиться, а если захочу поохотиться, ваш батюшка, надеюсь, всегда примет меня в гостях. Если хотите сделать мне подарок, пусть это будет сама школа – просторный дом в столице, который можно переделать для занятий.

– Решено, – радостно согласился Аластор. – Думаю, с тренировкой на сегодня хватит! Почему бы нам не выпить шамьета, пока лорд Аранвен не явился с докладом? И обсудим вопрос, в каком районе Дорвенны будет ваша школа. Если подходящего особняка не найдется, велю построить. – И добавил вкрадчиво: – Но вы, наверное, пожелаете что-нибудь поблизости от купеческих кварталов? Например, напротив Арментротов, чтобы некая особа могла вечерами слышать, как вы играете на лютне у себя на балконе.

– О, на этот счет можете не беспокоиться, – фыркнул дражайший наставник, ставя их рапиры на место. – Я совершенно не сочту за труд прогуливаться под балконом этой особы, как только она снимет траур. И, конечно, прихватывать с собой лютню.

Так, перешучиваясь, они вышли с площадки. Аластор скинул тренировочный камзол, оставшись в одной рубашке – день был все жарче. И плевать на этикет, к тому же привилегия королей – вести себя как хочется, а не как положено. В серьезных случаях он приличия не нарушает, но такие мелочи не стоят того, чтобы портить себе ими настроение.

Кивнув караулу у дверей своего кабинета, он провел месьора д'Альбрэ внутрь, дернул за шнурок, вызывая Джастина, и попросил у мгновенно появившегося камердинера шамьет. Жестом предложил наставнику присаживаться и пожаловался в шутку, но изрядная доля серьезности в этой шутке была:

– Лучано нет всего пару часов, а мне его уже не хватает! Все же так, как он, шамьет здесь никто не варит. Про его умение узнавать новости я и вовсе молчу.

– Ваш друг наделен многими талантами, – согласился месьор, опускаясь в кресло. – Искренне надеюсь, что его визит домой завершится успешно и достаточно скоро.

– Уже не беспокоитесь на его счет? – усмехнулся Аластор, отодвигая документы, которые подписал вчера вечером, но еще не успел отдать лично Аранвену. Самым важным из них был приказ лордам о передаче крестьян для строительства мануфактур на землях короны. – Что он меня убьет или дурно повлияет?

– Что убьет – нет, пожалуй, – задумчиво отозвался месьор д'Альбрэ. – Кажется, он действительно вам предан. Что дурно повлияет... Мальчик мой, я бы счел себя отвратительным наставником, если бы на вас, в вашем возрасте, с вашим умом и силой воли, можно было дурно повлиять кому угодно. К счастью, воспитание вашего почтенного батюшки и мои скромные усилия принесли должные плоды.

– Кажется, я за всю жизнь не получал от вас такого количества комплиментов, как за это утро. – От растерянности и смущения Аластор неловко пошутил: – Значит, вы считаете, что дурному влиянию я поддаться не способен?

– О, что вы, ваше величество! – с ехидцей отозвался бретер. – Как я могу сомневаться в ваших способностях? Готов присягнуть, вы можете что угодно! Даже поддаться дурному влиянию, если пожелаете! Но, надеюсь, исключительно по собственному выбору и тщательно обдумав последствия.

– Туше, – рассмеялся Аластор. – Один-один, месьор!

И нахмурился, сообразив, что звуки за дверью какие-то неправильные... Если можно так назвать громогласное поминание Баргота и его связей, столь непотребных, что Аластор начал краснеть. Ежи-то тут причем?!

Ругань стала еще яростнее и громче, разъяснив, что злополучных ежей Баргот лично использует для вразумления гвардейца, не желающего пропустить даму... Даму?!

Только теперь Аластор узнал голос за дверью и похолодел. Леди Мэрли?! Что должно было случиться, чтобы живое воплощение

придворного этикета повысило голос, да еще так?!

Тело думало быстрее – мысль еще не успела промелькнуть, когда он, вскочив, толкнул дверь, и та, хотя обычно открывалась медленно, распахнулась и ударилась о противоположную стену...

– Леди Миранда, что случилось?! – выдохнул Аластор. – Что-то с девочками?!

Леди Мэрли отчаянно замотала головой, ее прическа совершенно развалилась, на пол посыпались шпильки, со стуком рассыпаясь по паркету. Аластор отвлеченно удивился, что все его внимание вдруг приковало не мучнисто-белое лицо старой леди, и не ее дрожащие руки, а именно эти шпильки с жемчужными головками. Они катились так медленно, словно во сне...

– Ее величество, – прохрипела леди Мэрли надсадно, словно сорвала голос. – Она упала... на лестнице! Ваше величество, целители...

И, закатив глаза, осела на руки месьёру д'Альбрэ.

Бег по дворцу Аластор не запомнил. Просто мелькали коридоры и галереи, вытаращенные глаза, мучнисто-белые лица, красно-золотые мундиры стражи и черно-бело-серо-фиолетовые пятна прочих придворных. Цветная круговерть, в которой ничего не разобрать, да он и не пытался. Просто неся мимо, не думая, успеют ли ему уступить дорогу. Сердце стучало где-то в горле – не от напряжения, а от дикого, смертельного страха. И тем же страхом, что заменил сейчас разум, превратившись в звериное чутье, Аластор выбирал направление. Откуда-то он понял, что бежать нужно не к покоям Беатрис, а в комнаты целителей. Наверное, кто-то все же указал ему путь. Или же исступленный, рвущийся из Аластора зверь почуял ужас и боль, разлитые в воздухе, и поспешил туда, где они были гуще всего. Последний коридор! Зеленая дверь – чтобы даже человек, не знающий дворца, мимо не прошел, кто-то рядом...

– Нельзя, ваше величество!

Зверь внутри Аластора хрипло зарычал, удивляясь, как его смеют останавливать, но человек посмотрел – и узнал ту, что это сказала. Рывком смирил зверя и хрипло выдавил, с трудом вспомнив, как напрягать горло и губы для человеческих слов.

– Что... с ней? Миледи Немайн, что?!

– К ней нельзя, – повторила жена канцлера, вся в белосеребряном, как обычно, и безупречно аккуратная, но отчего эта изысканная величественность показалась Аластору глубоким трауром? – Ваше величество, мы вызвали леди Эддерли. Сейчас она лучшая из тех, кто занимается здоровьем беременных женщин и родами. Ваш личный лекарь тоже там. И магистр Бреннан со своим помощником. Этого достаточно, поверьте. Для ее величества сделают все возможное.

– Невозможное... – глухо поправил Аластор и пояснил, видя тень непонимания на ледяном лице леди Аранвен. – Невозможное нужно сделать тоже. Как... Что случилось? Кто виноват?!

– Никто, – тихо сказала Немайн Аранвен, взяв его за руку. Зверь внутри оскалился, но притих, жадно слушая. – Это не проклятие, не яд, не покушение. У ее величества закружилась голова на лестнице, она споткнулась и упала. Очень неудачно упала.

– Фрейлины... – так же монотонно выдавил Аластор, лишь бы сказать что-нибудь. – Почему с ней никого не было? Почему ей не помогли?

– С ней были две фрейлины, – еще тише сказала Немайн. – Все как обычно. Все как положено. Ее величество пожелала идти у перил, и место рядом с ней осталось только для одной девушки. Леди Норвик хотела взять ее под руку, но... ее величество отказалась. Ей не понравились духи леди Норвик. Она велела идти рядом с собой леди Тровери – девице шестнадцати лет. Невысокой и тонкой. Когда ее величество споткнулась, девушка ее не отпустила и пыталась помочь. Она просто... не смогла удержать ее величество и упала вместе с ней. Сломала руку в двух местах. Ваше величество, она не виновата... Фрейлина не виновата, клянусь вам!

– Я понял, – повторил Аластор. – Никто не виноват. Но моя жена упала. Беатрис, она... Она давно там?!

Он кивнул на зеленую дверь, из-за которой почему-то тянуло отчетливой паленой вонью и слышались голоса. Не крики, а просто тихие бубнящие голоса.

– Совсем недавно, – сказала Немайн так мягко и осторожно, словно стояла рядом с диким зверем. – Ваше величество, работа целителей бывает очень долгой. Не следует этого бояться. Ее величество жива, значит, ей помогут. Все остальное в воле

Милосердной Сестры... Вы можете подождать у себя... Вам сразу все скажут...

– Уйдите, – снова глухо сказал Аластор и, привалившись спиной к стене возле двери, сполз по ней.

Поставил локти на колени, уткнулся лицом в ладони и замер, пытаясь просто дышать – ровно, медленно, старательно. Нужно успокоиться. Вдруг его позовут к Беатрис? Он не имеет права сходить с ума от страха, если может ей понадобиться. Милосердная Сестра, что же так долго? Ах да, леди Аранвен сказала, что это правильно. Что так и бывает. Что там внутри хорошие лекари, самые лучшие. Магистр Бреннан – он ведь спас и самого Аластора, и Айлин с Лу. Это хорошо... Магистру Бреннану можно верить. И лейб-лекарю, имя которого Аластор вдруг забыл, тоже надо доверять. Просто так лейб-лекарем не становятся. Леди Эддерли – тоже хорошо. Лично ее Аластор не знал, но Айлин говорит, что целительница замечательная. Лучшие из лучших – они просто не могут ничего плохого допустить. Правда ведь, да?

Плечо Аластора стиснули чьи-то сильные пальцы, потом разжались, но ладонь осталась на плече. Аластор покосился и увидел знакомые черные бриджи, заправленные в короткие сапоги. Месьор... Ни одного лишнего сейчас слова, только молчаливая поддержка – благослови его все Благие разом.

Время тянулось так долго, как бывает лишь от страха или боли. Аластор предпочел бы второе, но ему досталось первое. Ужас накатывал волнами, и он пытался успокаивать себя тем, что для Беатрис действительно делают все возможное. За дверью стало совсем тихо... Это хороший признак или наоборот?!

Рука месьора на его плече исчезла, вместо черного пятна рядом появилось белое. Аластор не поднял головы.

– Мужайтесь, ваше величество, – сказал канцлер, склоняясь к нему. – Ваша супруга жива. Если бы она умерла, Немайн бы почувствовала. Но Претемная Госпожа еще не послала за ней Провожатых. Спокойнее...

Его голос растаял в безмолвии, которое окутало Аластора. Вокруг ходили на цыпочках, боясь шуршать одеждой или стучать каблуками. И время тянулось, тянулось, тянулось... Так мучительно и бесконечно, что, когда дверь распахнулась, Аластор не сразу это понял. Но миг – и

он вскинулся. Второй – взлетел на ноги! Едва не упал, потому что тело затекло и отозвалось тысячами муравьиных укусов, но плевать.

– Что?! – выдохнул Аластор, жадно смотря на лицо невысокой седовласой женщины.

Очень спокойное лицо, такое бывает у опытных игроков, у бретеров и лучших целителей. У всех, кто держит в руках нити судьбы...

– Ее величество жива, – сказала женщина, и Аластор покачнулся от немыслимого облегчения, потому что она тут же добавила: – Мы сделали необходимую операцию, кровопотеря велика, но ее жизни ничто не угрожает. Ее величеству придется пару недель провести в постели, но это...

– Это пустяки! – вырвалось у Аластора. – Она жива! Жива... А... ребенок...

Лицо пожилой целительницы дрогнуло, она всего на миг прикрыла глаза, и это сказало Аластору больше, чем любые слова.

– Мне жаль, – отозвалась она бесконечно просто и скорбно. – Мне очень жаль. Бедный малыш. На таком сроке он просто не мог выжить, даже если бы...

– Если бы что?!

– Если бы пережил это падение, – уронила леди Эддерли. – Ваше величество, вы должны понять, что королева выжила чудом. Нам пришлось провести очень, очень серьезную операцию. И... есть последствия, о которых я обязана вас уведомить. Но это может подождать. Сейчас вам ни в коем случае нельзя волновать жену...

– Я не собираюсь ее волновать! Но я должен... должен знать, что случилось... Ребенок, он точно?.. Ничего нельзя сделать?!

Думать об этом было так мучительно, словно Аластора изнутри кромсали ножом. Зазубренное лезвие запустили куда-то глубоко внутрь, и там оно рвало плоть, так что багровая боль заливала его, подступая все выше – к сердцу, а потом и голове.

– Уже ничего, – вздохнула леди Эддерли. – И нельзя было сделать с самого начала.

Его ребенок! Их с Беатрис... Беспомощный беззащитный малыш, которого она носила под сердцем, которого они оба так ждали! За что?! Милосердная Сестра, Всеблагая Мать, Претемная Госпожа, за что?! Вы же все – женщины?! Как вы могли так поступить с нами?!

Он безмолвно прокричал это и с трудом вынырнул из багрового тумана, грозящего поглотить его целиком. Ну почему рядом ни одного виноватого?! Никого, чтобы голыми руками разорвать на куски! Никто, совершенно никто не ответит за это?! Просто глупая случайность? Которая лишила их с Беатрис ребенка и едва не отняла у Аластора саму Беа?!

– Так... – сказал он, старательно собираясь с мыслями. – Я понял. Понял... Она потеряла... ребенка. Но это же... не смертельно, да? То есть она жива!

– И будет жива! – торопливо подтвердила целительница. – Опасности для жизни больше нет!

– Так... – повторил Аластор. – Значит, ничего... – Он не мог выговорить, что не случилось ничего непоправимого, потому что еще как случилось! Но что-то сказать все-таки нужно. Краем взгляда он видел застывшее лицо Аранвена и рядом с канцлером – его чуть более тонким отражением – такую же бледную Немайн. Ну что это они все? Зачем это? Беатрис жива, это главное! Она выздоровеет, и у них еще будут дети! Придется подождать, чтобы она полностью восстановила здоровье, но время есть... Еще несколько лет у них точно есть, значит, дети будут. Хотя бы один ребенок... Неважно, сын или дочь!

Он вдруг понял, что бормочет это вслух, а бесконечно усталое, просто до предела измученное лицо леди Эддерли становится еще бледнее, почти полупрозрачным. И застывшим, как тонкий лед, который тронь – и он хрупнет.

– Говорите, – приказал Аластор, слыша свой голос будто со стороны. – Говорите все как есть. Это приказ. Немедленно.

– Да, ваше величество, – ровно отозвалась леди Эддерли.

Леди Немайн едва заметно подалась к ней, и на миг Аластор почувствовал между собой и целительницей разлившееся в воздухе напряжение. Тугое, осязаемое даже ему, профану. «Магический щит, – опознал он это чувство. – Айлин его так ставила... Они что, боятся, что я... Чего они боятся?! Что я наврежу женщине, которая спасла мою жену?!»

– У ее величества Беатрис больше никогда не будет детей, – сказала целительница с тем же застывшим лицом, словно тоже готовилась к чему-то чудовищному. – Природа ее травмы была такова, что нам пришлось удалить значительную часть женских органов. Того,

что осталось, достаточно, чтобы забеременеть, но слишком мало, чтобы выносить. Высока вероятность, что беременность, если она наступит, убьет и мать, и плод, не позволив ему даже родиться.

Аластор поднял руку, и леди Эддерли мгновенно смолкла. А он пытался осознать то, что услышал. У них с Беа больше не будет детей. Никогда. Потому что нельзя. Потому что в Бездну все политические соображения, если ребенок будет стоить ей жизни.

— Это абсолютно точно? — спросил он вдруг прорезавшимся очень спокойным и даже рассудительным голосом. — Если я спрошу магистра Бреннана или какого-то другого мага?..

— Магистр Бреннан подтвердит мои слова, как только освободится, — бесстрастно сообщила целительница. — Ничего иного он не скажет, как и мэтр Бюзье. Что до остальных... Ваше величество, я прекрасно понимаю, что не могу запретить вам проверить мои слова самым простым путем. Просто повторю еще раз. Ваша жена более не способна выносить ребенка. Возможно, будь она моложе, мы могли бы провести ряд магических процедур, которые укрепили бы ее тело. Но ей почти сорок. Процедуры такого порядка займут несколько лет. И чем старше она будет, тем сильнее риск при беременности, понимаете? Решать вам, конечно, вы муж и вправе распоряжаться здоровьем жены, даже ее жизнью. Но если кто-то скажет вам, что может исправить случившееся, просто знайте, ради королевской награды он собирается убить вашу жену так же верно, как ядом или скальпелем, только гораздо мучительнее. Я ответила, ваше величество? Или хотите знать что-то еще?

Сквозь растерянность и злость Аластор не мог не почувствовать уважение к этой женщине, которая так четко и бесстрашно объясняла ему жуткие вещи. И он кивнул, выдавив снова пересохшим горлом:

— Я понял. Благодарю вас. И за жизнь моей жены, и... за честность. Когда я смогу ее увидеть?

— Вы же понимаете, что ей сейчас вредны любые переживания? — нахмурилась целительница, а дрожащий вокруг нее воздух стал обычным — леди Немайн сняла щиты так же тихо, как поставила. — Если вы скажете что-то, способное ее расстроить...

— Я скажу, что люблю ее, — твердо пообещал Аластор. — Что она ни в чем не виновата, что главное для меня — ее жизнь и здоровье. Что ей не нужно ни о чем беспокоиться, все будет хорошо!

Целительница одобрительно кивнула и отступила от двери, напоследок предупредив:

– Несколько минут, не дольше. Никаких объятий, самое большее – можете взять ее за руку. И только потому, что ей действительно нужно услышать это все.

Аластор, уже не слушая, рванулся мимо нее. Распахнул дверь и тут же опомнился, вошел в целительские комнаты на цыпочках, шагая так осторожно, словно шел по лесу, полному демонов, где хрустнувшая под ногой ветка будет стоить жизни. Стараясь не глядеть на длинный стол с ворохом окровавленных тряпок, прошел дальше, в небольшую комнату, похожую на спальню – невысокая кровать, столик возле нее, распахнутое окошко во внутренний садик, откуда веяло цветами...

Женщину на кровати он попросту не узнал. Черные волосы связаны в небрежный узел, не для красоты, а только чтобы не мешали. Лицо распухло, веки набрякли, губы, напротив, потрескались... Уродливая старуха? Но вот она распахнула глаза, вцепилась в руку магистра Бреннана, стоявшего у кровати спиной к Аластору, и взвыла, мешая дорвенантские слова с итлийскими:

– Нон! Нет! Уходи! Прочь! Престо... Умоляю, уведите его! Не смотри на меня! Ми аморе, не смотри, прошу!

Отпустив руку целителя, она попыталась прикрыть лицо руками, но Аластор все равно видел эти любимые глаза на измученном, больном, сразу постаревшем лице, и больше ничто не имело значения.

– Беа! Все хорошо! Слышишь меня? – попытался пробиться он к ее затуманенному разуму и подбежал к кровати, но Беатрис рванула на себя простыню, которой была накрыта, и под ней зарыдала, умоляя его уйти немедленно.

Она стонала, как умирающее животное, и плакала, как ребенок. И продолжала выкрикивать, что ему нельзя видеть ее такой. Что она не хотела, что все исправит, что виновата, о, как она виновата, но все исправит, пусть только он уйдет сейчас!

– Ваше величество! – Магистр Бреннан тоже выглядел измученным, как и мэтр Бюзье, подскочивший из следующей комнаты. – Вам лучше уйти. Поверьте, все будет хорошо.

– Беа... – горестно сказал Аластор, едва сдерживаясь, чтобы не схватить ее в объятия. Если бы не предупреждение леди Эддерли! – Я

люблю тебя, слышишь? Ты моя жена, моя единственная любовь, моя королева! Почему ты меня прогоняешь? Я просто хотел сказать, что люблю тебя! Милая, мне все равно, как ты выглядишь! Это же ты... Это всегда ты, и я люблю...

Но она не слышала, продолжая рыдать и без конца повторять одно и то же. И Аластор позволил неизвестно откуда взявшемуся Ангусу Аранвену взять себя за плечи и увести, тоскливо и горько не понимая, что сделал не так. Ну почему Беатрис его прогнала?! Он же хотел успокоить ее! Да разве он не понимает, что женщина после выкидыша и тяжелой операции не может выглядеть красавицей?! Он бы целовал ей руки, говорил, что все будет хорошо...

Выйдя в приемную целителей, он тяжело привалился к отделанной мрамором стене, прижавшись к ней лбом и ладонями. Холод мрамора должен был помочь, но не помогал.

– Идемте, ваше величество, – очень ласково сказал канцлер. – Вашей супруге нужно уснуть. Она не в себе, но это понятно – боль от потери ребенка нелегко перенести.

Голос канцлера плыл вокруг, увещевая, объясняя, пытаюсь успокоить, и помогал остудить голову гораздо лучше прикосновения к камню. Во всяком случае, был таким же прохладным, хоть и сочувственным. Аластор молча подчинился, позволив отвести себя в собственную спальню. Никогда раньше он не думал, что дворец такой огромный. Пустой – ни одного человека не попалось им навстречу, кроме вытянувшихся и вросших в стены караулов. И при этом полный шепотков за спиной, а стоит обернуться – и снова никого. Но он не оборачивался. Просто шел, подчиняясь твердой заботливой руке Ангуса, и думал, как плохо, что Айлин далеко, да и Лу уехал.

– Я прикажу принести вам шамьета с успокоительным, ваше величество, – сказал канцлер, заведя его в спальню и что-то коротко бросив Джастину. Тот охнул и кинулся прочь. – Прошу, не спорьте, вам это нужно. Потрясения такого рода губельны для здоровья, а вы нужны нам и королевству. И... мне жаль, поверьте.

Аластор кивнул. Ангусу жаль. И остальным, наверное, тоже. Он уже успел понять, что его красавицу и умницу жену любят при дворе гораздо меньше, чем ему сначала показалось, только до сих пор не знал почему. Неважно. Главное, что его ребенка ждал весь Дорвенант. Наследника Дорвеннов, продолжение священной крови. Теперь... все

будет сложнее. Особенно, когда станет известно, что Беатрис больше не может родить. Сложнее для нее, а значит, и для него. И для всего Дорвенанта – тоже. Потому что пройдет совсем немного времени, и от него потребуют развестись с ней, чтобы взять новую жену, способную обеспечить наследника. А он не сможет предать Беатрис. Ни как свою любовь, ни как жену, ни просто как женщину, не заслужившую это последнее и самое страшное предательство. И выхода нет, во всяком случае, Аластор его не видит.

«Я стал королем, – подумал он с ужаснувшимся его самого равнодушием, падая на постель. – Мой ребенок умер, моя жена кричит от сердечной боли и не хочет меня видеть, а я... я думаю, что теперь многое изменится. Я стал королем. И больше не могу позволить себе слабости, не могу прятаться от того, что происходит со мной и Дорвенантом. Я люблю ее, видят Благие, люблю! Но не знаю, как теперь защитить. Ничего, я придумаю. Потом. А сейчас нужно как-то пережить это все...»

Рядом неслышно появился Джастин с чашкой в руках, и Аластор послушно выпил горчащий шамьет. Снова вспомнился Лу. И Айлин. Хоть бы они не почувствовали его боли! Целители клялись, что связь достаточно ослабла. Дункан как-то обронил, что теперь даже смерть одного из них не окажется для остальных опасной. Вот и хорошо, не нужно Лу и Айлин это переживать! Но будь они рядом...

Он вдруг понял, что не хочет видеть никого, кроме этих двоих. Матушка и отец его бы утешили, но... Они не любят Беатрис. И ничего с этим не поделать. Вспомнилось, как матушка посылала миртовое деревце Айлин, хотя ее собственная невестка тоже носила дитя и была бы, наверное, рада подарку. Хотя бы в знак, что семья Аластора забыла прошлое и готова примириться ради сына и внука или внучки. Но деревце получила Айлин – с самыми лучшими и нежными пожеланиями. И хотя он верит, что матушка и отец никогда не порадуются несчастью Беатрис, делить с ними горе он не хочет. Только не это горе.

Дункан? Месьор д'Альбрэ? О да, они посочувствуют... Но это все не то! Один – друг и советник, второй – друг и наставник, но перед ними стыдно показаться слабым. Не способным справиться с горем. Отчаявшимся. Перед Айлин и Лу не стыдно. Они его видели всяким – в том походе, который их связал крепче, чем родных или

возлюбленных. Ни Айлин, ни Лучано он бы не постыдился. Но... Друг сейчас идет по канату над своей собственной пропастью, и Аластор скорее откусит себе язык, чем потребует помощи от того, кто и так рискует. Айлин мало того что замужем, и муж имеет право не отпустить ее из дома, она беременна! И для нее беда и горе Беатрис особенно ужасны. Нет, Айлин даже звать нельзя, ее нужно беречь.

Значит, что? Он справится и так. Ничего такого уж невыносимого, просто никого не хочется видеть. Беатрис не хочет видеть и слышать его, а он – всех остальных. Логично на зависть Аранвенам!

Джастин еще несколько раз появлялся, пытаясь напоить или накормить его, но Аластор терпеливо отсылал камердинера раз за разом. Тихо, спокойно, даже учтиво – старик не виноват, что переживает. Дважды приходил канцлер – ему Аластор тоже объяснил, что тревожить его не нужно. Разве что Беатрис позовет. Кстати, как она себя чувствует? Спит? Прекрасно. Беллиссимо, как Лу говорит. Проснется – пусть ей скажут, что Аластор просит разрешения зайти. А все остальное – подождет. И если еще раз кто-нибудь сунется с изъяснениями сочувствия... Аластор вспомнил чью-то отвратительную рожу, неведомо как пробившуюся мимо охраны, и поближе подтянул секиры. Да, ему вполне удобно сидеть на полу возле кровати. Нет, обедать он не станет. И ужинать – тоже. И вообще, неужели так сложно просто его не беспокоить?!

Кажется, Ангусу он тоже нагрубил. А может, наоборот, был слишком вежлив – почему-то эти понятия путались и совершенно не различались. Что он точно помнил, это как пообещал гвардейцам с другой стороны двери службу даже не егерях, а в свинопасах, если пустят кого-нибудь... кого-нибудь такого, в кого придется кинуть секирой, раз по-хорошему не понимают.

Слава Благим, канцлер больше не приходил. Джастин тоже где-то прятался, и только Флориморд ткнулся Аластору носом в руки и замурчал. Потом заполз к нему на колени, не переставая мурчать просто-таки исступленно, и замер там большим, теплым, пушистым комком. Аластору очень хотелось расплакаться, запустив пальцы в длинный мех, но слезы будто выгорели, как и весь он изнутри.

Потом за окном вроде бы стемнело. Аластор погладил кота и попытался сказать ему, что вовсе не обязательно сидеть на коленях столько времени. Джастин его покормил бы... Но Флориморд уходить

отказался, а звать ради этого камердинера не было ни сил, ни желания. Как и для того, чтобы разозлиться наконец на себя и сделать хоть что-нибудь. Оказывается, на злость нужно очень много сил.

А потом дверь в спальню открылась. Аластор хотел рывкнуть, что никого не звал, но шелест платья вдруг заполнил все вокруг, и каблучки простучали по паркету несколько раз, прежде чем ковер заглушил шаги. Она подошла, встала рядом, положила ему, сидящему с котом в обнимку, позорно скорчившемуся от боли, руку на плечо. И боль не прекратилась, но Аластор вдруг снова смог вдохнуть полной грудью. Он даже удивился, поняв, что раньше никак не получалось. А теперь – да!

– Я пришла, – сказала она и села на кровать прямо за его плечом, погладив Аластора по голове.

Аластор повернулся, не в силах удивиться этому чуду, принимая его с тихой безмерной благодарностью, – и уткнулся лицом в плотный шелк с самым родным и правильным запахом на свете.

Глава 20

Рецепты ссор и примирений

Слишком поздно Грегор понял, что ссора его жены с компаньонкой не завершилась даже после его обстоятельных и, казалось бы, убедительных объяснений.

Конечно, после разговора с Айлин он вызвал сударыню Эванс и велел ей впредь быть почтительнее к леди и к ее гостям. Если его жене угодно принимать сударыню Донован и считать ее ближайшей подругой, не компаньонке это оспаривать. Что касается пряного шамьета и прочих вещей, которые могут повредить его жене и ребенку, за этим нужно строго следить, но в сомнительных случаях следует осведомляться у леди Эддерли. А главное, компаньонка должна всеми силами развлекать его жену, стараться всячески ей услужить и заботиться, чтобы у миледи было хорошее настроение.

Заверив его, что все поняла и сожалеет, что вызвала неудовольствие милорда и миледи, Эванс отправилась к Айлин, чтобы принести ей извинения, однако вернулась ни с чем. Айлин не пожелала ее видеть. Впрочем, к ужину в тот день вышла совершенно спокойной, и только чуть припухшие глаза выдавали, как сильно она расстроилась. Но с компаньонкой держалась ровно, хоть и холодно, и Грегор решил, что все вскоре наладится. Айлин привыкла к свободе Академии, ей нелегко принять новую роль жены и будущей матери, взрослой женщины и хозяйки дома. Нужно быть снисходительным, она ведь так старается и капризничает очень редко!

А утром она впервые не позволила ему поцелуй на прощание!

Каждый раз, уходя на службу, Грегор касался ее щеки губами с чувством, больше всего похожим на благоговение. Разумеется, настоящие поцелуи допустимы только в спальне, он бы ни за что не оскорбил свою жену неуместным проявлением чувств там, где могут увидеть посторонние. Но этот поцелуй на прощание – такая милая вольность! И память о нем грела сердце весь день, пока Грегор снова не возвращался домой...

В это утро Айлин позавтракала с ним как обычно, однако потом, выйдя в холл, не подошла, а присела в реверансе, восхитительно

изящном, несмотря на уже заметную полноту. В реверансе! Словно... словно перед чужим человеком! Грегор так растерялся, что не сообразил ничего сказать, а его Айлин, продолжая демонстрировать безупречные, но ледяные манеры, благовоспитанно пожелала ему доброго пути и приятного дня, после чего сделала реверанс еще раз и... ушла! Ушла к себе, как и положено леди, исполнившей долг почтительной жены и проводившей супруга за пределы дома.

Впервые за все месяцы бесконечного и беспредельного счастья Грегор почувствовал себя обокраденным. Он и сам не представлял, как важен для него был этот маленький ритуал, подтверждающий их с Айлин супружескую нежность. Словно ежедневный обет любви и верности, который должен был хранить их обоих. Впервые его день начался с чего-то иного, правильного по форме, но совершенно неверного и чуждого по сути. И это оказалось так больно и обидно!

Неудивительно, что в Академию он уехал в преотвратном расположении духа, твердо решив, что вечером непременно помирится с женой. Она остынет, обдумает свое поведение... Айлин хоть и бывает легкомысленна, однако воспитана как леди и поймет свою неправоту. А он... Он извинится, разумеется, и постарается загладить этот неприятный случай. Да, решено, просто нужно показать, что ничего не изменилось, и он по-прежнему ее любит!

В задумчивости он прошел мимо башни Архимага и опомнился, лишь открыв дверь преподавательской комнаты. Что ж, возможно, это и к лучшему? Давно он не разговаривал с коллегами, как в старые добрые времена. Видеть их, правда, не хочется, но тем больше оснований не потакать дурному настроению, а исполнить долг Великого Магистра.

– Доброе утро, милорды, – поздоровался он и оглядел комнату.

Перед началом первого занятия компания здесь подобралась исключительно разнообразная. Большинство магистров и даже несколько обычных преподавателей. Грегор чуть нахмурился, заметив у окна Витольса, который негромко, но оживленно рассказывал что-то лорду Эддерли. Пожилой некромант слушал благосклонно, кивал и щурился, как сытый кот, а его губы то и дело тянула улыбка. Неужели этот выскочка не теряет надежды занять место на факультете некромантии?! Уж Эддерли как никто другой должен понимать бессмысленность профана среди магов!

– Милорд Бастельеро! Доброго утра! Милорд Великий Магистр! – раздалось сразу с нескольких сторон, и Грегору пришлось учтиво раскланиваться.

Девериан тут же вручил ему чашку шамьета, и Грегор из вежливости отпил, в который раз удивляясь, что все находят в этой гадости, которая бывает либо приторной, либо горькой, но одинаково невкусной. Эддерли, заметив его взгляд, улыбнулся и жестом пригласил на свободное место рядом с собой. Грегор покачал головой, но все-таки подошел поближе.

– Представляете, милорд, – сказал Эддерли прежним благодушным тоном, словно никакой размолвки между ними не было. – Саймон, оказывается, делает успехи в чинском языке. Мэтр Витольс продолжает с ним заниматься частным порядком, и они весьма продвинулись.

– Саймон?! – искренне поразился Грегор. – В чинском?!

Ах да, Витольс, устраиваясь на работу, что-то такое говорил. Чинский, вендийский... Интересно, почему он не использует свои таланты и познания в дипломатическом ведомстве? Дорвенант, правда, торгует с этими странами только через Итлию и Арлезу, но Аранвен наверняка нашел бы применение знатоку редких языков.

– Именно Саймон, и именно в чинском, – радостно подтвердил магистр Эддерли. – Я и сам, признаться, не ожидал. Мой шалопай не склонен к методичным занятиям, а чинский требует огромной усидчивости, насколько мне известно.

Действительно, Саймон – и усидчивость. Так же нелепо, как умертвие – и миролюбие, к примеру.

– Как вам удалось этого добиться? – спросил он у Витоляса не без интереса. – Молодой лорд Эддерли – юноша огромных талантов, но усидчивость среди них не значится, да простит меня его отец.

Мысли о Саймоне потянули болезненной обидой. Да, беспокойный и не слишком трудолюбивый, но, безусловно, блестящих способностей маг. Сможет ли Немайн Аранвен ограничить эти таланты должным образом? А под его, Грегора, руководством Саймон наверняка стал бы одним из самых блестящих некромантов своего поколения. Возможно, даже лучшим, потому что Дарру Аранвена ждет политическая карьера, которая не оставит ему много времени на науку...

– О, я всего лишь исходил из его личных склонностей, – усмехнулся Витольс, и Грегор заметил, что к профану многие прислушиваются, причем с интересом и доброжелательно. Удивительно, как иностранец и простолюдин без капли магической силы так быстро завоевал симпатии преподавателей? – Знаете, этот юноша очень жизнелюбив и ценит радости плоти. Понятные стремления в его возрасте. Однажды после занятий я оставил на своем столе трактат великого чинского мудреца Гао Шэ, повествующий про отношения между мужчиной и женщиной. Разумеется, раскрыв его на одной из самых интересных и богато иллюстрированных страниц. Юный Саймон немедленно сунул туда нос, его внимание привлекли сначала картинки, затем подписи к ним. Я объяснил, что трактат называется «Любовь тысячи красавиц», а подписи – это инструкции, которые позволяют изучить древнее искусство использования мужской силы. Признаться, давно я не видел у своих учеников такого старания! За пару недель юноша выучил столько чинских знаков, сколько другие учат годами – и все ради того, чтобы прочитать этот трактат!

Он шутовски поклонился лорду Эддерли, который негромко и одобрительно рассмеялся, а потом заметил:

– Совсем как я в молодости. Видят Благие, если бы мне кто-то подsunул такую занимательную книжицу, я бы тоже мог выучить хоть чинский, хоть вендийский.

– Крайне нужное искусство, – поддержал его Бреннан. – Послушайте, коллега, не расскажете ли моим мальчикам о медицине Востока? Хотя бы в общих чертах! Говорят, чинские врачи могут поставить диагноз просто по пульсу!

– По пульсу, языку и глазам, – поправил его Витольс. – Сочту за честь.

Бреннан расплылся в благодарной улыбке, а Грегор с невольной неприязнью подумал, что это уж слишком. С некромантией не вышло, так этот профан лезет в медицину? Претемная Госпожа, да чему он может научить магов-целителей?!

– Доброго утра, милорды! – ворвался в преподавательскую комнату жизнерадостный оранжевый вихрь и сразу направился к Девериану. – Вэйд, умоляю, сварите и на меня чашечку. Я, признаться, проспал и не успел позавтракать! Но не жалею, ничуть не жалею, хм... – Он улыбнулся сытой самодовольной улыбкой, обвел взглядом

присутствующих и, слегка понизив голос, пояснил: – Вчера мы с Мэнди поссорились. Вообразите, она устроила мне сцену из-за совершенного пустяка! Повар положил слишком много шалфея в суп. Ах, женщины в положении такие капризницы! Благодарю вас, коллега! – Он взял у Девериана шамьет и упал в кресло, которым пренебрег Грегор. – Так вот, о ссоре, да... Сначала Мэнди высказала, что наша прислуга совершенно распустилась. Потом заявила, что я бездушное чудовище, не способное позаботиться о жене, а потом разошлась так, что грохнула пустую супницу прямо о пол столовой!

«И он так спокойно об этом рассказывает? – поразился Грегор. – Что его жена устроила безобразный скандал, достойный не леди, а трактирщицы?!»

– Ну, а потом я заключил ее в объятия, – все так же самодовольно сообщил Райнгартен, – велел камердинеру принести серьги, которые купил про запас как раз для такого случая, и мы... помирились! Очень жарко помирились, милорды, смею заметить! Право, ради такого примирения можно каждый день бить по супнице!

– И дарить жене очередные серьги, вероятно? – чуть насмешливо подсказал Девериан.

– Ну, серьги от ди Амбруаза – это на особый случай, – признал Райнгартен, отпивая шамьет. – Но как не побаловать жену, если она вскоре подарит мне наследника? Все признаки указывают именно на это!

Он улыбнулся еще самодовольнее под одобрительные возгласы магистров, и Грегор закусил губу. Глупо принимать на веру чужой семейный опыт и искать в нем решения собственных трудностей. Айлин – истинная леди, она никогда не позволит себе такого безобразного поведения, как Амандина Райнгартен, в девичестве Вальдерон. Ничего удивительного, что эта женщина не умеет себя вести! Воспитанная в деревне, да еще такой матерью... Удивительно, что Райнгартен при этом кажется совершенно довольным! Но это его дело. А вот мысль о подарке... Он с самой свадьбы не дарил Айлин драгоценностей. Да, тот фраганский гарнитур хорош, и еще один ждет своего часа, но почему бы просто не порадовать жену чем-то красивым? В одном Райнгартен прав, беременным женщинам особенно дорого внимание!

– Вам следует быть осторожнее, Этьен, – мягко посоветовал Бреннан. – Срок ведь уже довольно большой? Не стоит мириться... хм... слишком бурно, иначе можете повредить жене и ребенку.

– Ну что вы, коллега! – махнул рукой стихийник. – Разве я не понимаю? К счастью, существует множество способов порадовать супругу и себя заодно. Я всегда удивлялся, что женщины находят интересного в итлийских и фраганских романах. А оказывается, если их внимательно читать, можно найти немало любопытнейших идей!

И он закатил глаза, всем видом изображая полное блаженство. Грегор попытался понять, о чем говорит стихийник, вспомнил предложение особых услуг, однажды еще в юности полученное в борделе, редкие обмолвки знакомых офицеров о итлийских и фраганских способах любви... И его накрыла волна омерзения. Принуждать к этому собственную жену?! Мать своего будущего ребенка?! Да как у Этьена хватает наглости такое делать, а потом еще и говорить об этом, словно о чем-то допустимом и даже правильном?!

И самое странное – почему остальные не видят в этом ничего особенного? Эддерли и Девериан, Бреннан и Ладецки, остальные... Одобрительные кивки, улыбки, усмешки... Это же отвратительно! Одна мысль, что он и Айлин... Что его жена, чистая, нежная, хрупкая... Он едва смог исправить то, что натворил их первой ночью, но теперь Айлин никогда не сможет пожаловаться на недостаток уважения с его стороны!

Он снова передернулся и вдруг поймал внимательный взгляд Роверстана. Разумник тянул свой шамьет с совершенно непроницаемым лицом, ничем не порицая и не одобряя Райнгартена, и Грегор впервые почувствовал к нему нечто вроде одобрения. Во всяком случае, Роверстан никогда не говорит о своих победах над женщинами – в этом следует отдать ему должное. Хотя девицы за этим полукровкой бегали всегда... Странно, что его сейчас так интересуется Грегор? Хочет о чем-то спросить?

Однако разумник почти сразу отвел взгляд, и Грегор, глубоко вздохнув, решил, что общения с коллегами с него на сегодня хватит. Почтенные люди, пример для всего Ордена, и о чем ведут разговоры? Профан Витольс напрямую похвастается, что едва ли не растлил Саймона Эддерли, подсунув ему непотребную книжицу, и лорд Эддерли не видит в этом ничего возмутительного! Райнгартен

рассказывает омерзительные подробности отношений с женой – и тоже никто не удивляется!

Конечно, Всеблагая Мать заповедала наслаждаться семейной жизнью и ее радостями, но есть же разница между чистой водой, утоляющей жажду, и нечистотами! Плотские отношения могут быть либо тем, либо другим, но не иначе, потому что всего одна капля нечистот делает безупречную воду грязной.

Нет, свою жену он обязан оградить от подобного. В итлийских и фраганских романах пишется о такой гадости? У Айлин он их не видел, и слава Всеблагой. Нужно дать дворецкому поручение просмотреть библиотеку и избавиться от этой дряни, если вдруг просочилась. И какое счастье, что Айлин не пожелала общаться с обеими леди Райнгартен! Действительно, что у нее может быть общего с такими женщинами? И это, между прочим, королевские сестры!

Он снова невольно вспомнил слухи, упорно ходящие о короле и его странной, слишком тесной близости с итлийским фаворитом. Услышанную однажды в толпе молодых придворных омерзительную шутку, что в темноте спальни итлийца с итлийкой не очень-то и различишь. И снисходительный ответ другого сплетника, что кровь Дорвеннов слишком горячая и бурная, чтобы держаться в рамках приличий, главное, что король всегда сверху, остальное молодому и пылкому мужчине не в укор.

И чего ждать от дворян, которым король показывает такой пример?! Даже от Трех Дюжин, где целомудрие всегда было главным требованием к жене! Королева-развратница и король, взявший ее на супружеское ложе, вот кто теперь служит образцом, отравляя нравственность Дорвенанта!

– Простите, милорды, – уронил он, – я вас оставляю. Желаю доброго дня!

И вышел, испытывая огромное желание принять ванну, чтобы смыть ощущение липкой грязи от подобных разговоров и мыслей. Как же ему повезло с женой! Одна-единственная ошибка, совершенная Айлин, совершенно не в счет. Не будь ее, Грегор никогда не узнал бы, насколько Айлин его любит! Но он сможет сторицей вернуть всю любовь, которой она заслуживает!

И чтобы это обещание самому себе не разошлось с делом, сразу после окончания служебного дня Грегор отправил домой известие, что

задержится, а сам отправился к порталной площадке Академии и попросил дежурного стихийника отправить его в Люрьецу.

Дальнейший путь был уже знаком, и в особняке ди Амбруаза слегка запоздалого гостя приняли радушно. Ювелир, за эти месяцы ничуть не изменившийся, такой же круглый, жизнерадостный и болтливый, немедленно пригласил его в кабинет, велел подать угощение и осведомился о здоровье и настроении мадам Бастельеро, а также о том, носит ли она гарнитур его работы. Узнав, что Айлин временно не выезжает по причине своего положения, уважительно поцокал языком и пожелал мадам счастливого разрешения от бремени, а Грегору – всех радостей отцовства.

– Моей супруге нравится янтарь, – перешел Грегор сразу к делу, из вежливости пригубив шамьет и тут же отставив чашку. – Ваши работы, месьор, действительно великолепны, и я надеюсь, что вы изготовите новый шедевр. Так быстро, как это только возможно.

– О, у мадам прекрасный вкус! – восхитился ди Амбруаз, в свою очередь отпивая шамьет с явным удовольствием. – Северный янтарь – удивительный камень, и он входит в большую моду! Его покойное величество Флоримон, вообразите, заказал целую янтарную комнату!

– Янтарную комнату? – насторожился Грегор, даже простив фраганцу пересказ местных сплетен вместо обсуждения заказа. – Что вы имеете в виду, месьор?

– Мозаичные панели для стен, – охотно принялся объяснять фраганец, загибая короткие пухлые пальцы. – Малая янтарная столешница, дюжина фигурок из янтаря, несколько резных панно, а также четыре рамы для картин. Самой искусной работы, поверьте! Все это должно было войти в приданое ее высочества Флоры. К несчастью, его высочество Франческо Джанталья, с которым принцесса была помолвлена, погиб. И заказ, только представьте, так и остался невыкупленным! Его величество Флоризель заявил, что батюшка был слишком неосторожен в расходах, и бюджет не предусматривает подобных трат в ближайшие несколько лет. Конечно, со временем он, возможно, и выкупит заказанное, но если я найду другого покупателя, возражать не станет.

Ди Амбруаз вздохнул и покачал головой, не смея осуждать короля, но явно не радуясь.

«Янтарная комната? Приданое принцессы? Сколько же она может стоить? Даже представить не получается! Но... Айлин наверняка придет в восторг, ей ведь так нравится та глупая статуэтка. Да и какой еще муж может преподнести жене такой подарок?» Да, это стоит любых денег, сколько бы ни запросил за сокровище жадный фраганский дракон. Если он уже не продал его кому-то другому, вот что было бы возмутительной неудачей! И хотя можно, разумеется, заказать новую – но сколько времени это займет? Не говоря уже о том, что соглашаться всего лишь на копию... неприятнейшая мысль!

– Вот как, – кивнул Грегор. – И что же сейчас вы делаете с этим заказом?

– Его приходится продавать по частям, – махнул рукой месьор ди Амбруаз. – О, я не жалею. Не так давно три благородных месьора выкупили стенные панели, а фигурки и вовсе пользуются большим успехом, хотя и продаются по одной-две...

«Значит, осталось не так много, – с досадой подумал Грегор. – Впрочем, Айлин любит картины, янтарные рамы ее наверняка порадуют. Как и панно... Да и столик для шамьета из янтаря тоже будет смотреться достойно и изысканно. Что ж, решено!»

– Я выкуплю оставшееся, – сказал он спокойно и с удовлетворением отметил, как пораженно блеснули глаза фраганца. – Полагаю, это очень украсит малую гостиную моей супруги.

– О, месьор! – всплеснул пухлыми ручками ди Амбруаз. – Поверьте, вы не пожалеете! Я завтра же пришлю к вам мастера с помощником...

– Мастера? – недоуменно переспросил Грегор.

– Разумеется, мастера! – энергично закивал ди Амбруаз. – Северный янтарь – удивительный камень! Восхитительный! Но, к сожалению, весьма хрупкий. Панно следует установить на стены, рамы для картин правильно повесить, и если вашим слугам не доводилось иметь дело с янтарем, лучше доверить это мастеру! Кроме того, – добавил он, чуть понизив голос, так что Грегор невольно прислушался. – Если пожелаете, присланный мною мастер предложит замену для мозаичных панелей. И такую, что комната будет казаться залитой солнцем даже в самый сумрачный день!

«Он такой... солнечный!» – вспомнил Грегор тихий голос жены и кивнул. Что ж, новая отделка одной-единственной комнаты не займет

много времени. Хм, а что, если?..

– Присылайте, – согласился Грегор. – Я оставлю необходимые распоряжения, пусть мастер все осмотрит и придумает замену панелям. Однако всю комнату нужно подготовить и обставить одновременно. Это должен быть сюрприз, – добавил он, неожиданно смутившись и злясь на себя за это смущение. – Об оплате позаботится мой поверенный.

– Конечно-конечно, – закивал ювелир. – Не сомневайтесь, месьор Бастельеро, это будет работа, достойная короля! Или, в вашем случае, королевы. Королевы вашего сердца, так сказать!

Он понимающе улыбнулся, и Грегор окончательно убедился, что сделал верный выбор подарка. Его жена должна быть окружена всем, что она любит, сколько бы это ни стоило. Приятно думать, что Бастельеро могут позволить себе больше, чем фраганский король. Нужно только намекнуть, что вскоре Айлин ждет сюрприз. А еще...

– И я хотел бы прямо сейчас приобрести что-нибудь готовое, – сказал он, снова борясь с непонятным смущением. – Украшение или какую-нибудь безделушку для туалетного столика. Что-нибудь... способное порадовать. – И добавил с неожиданной для себя самого и неприятно тянущей внутри откровенностью: – У меня с женой произошла размолвка...

– Ни слова больше, месьор! – Ди Амбруаз прижал руку к груди и снова блеснул глазами. – У меня есть серьги с изумительным янтарем как раз в тон ее волосам! Очень редкий оттенок!

«Это он про волосы или про янтарь? – не понял Грегор. – Хотя какая разница... Оказывается, иметь постоянного ювелира, который помнит, что идет его клиенткам, очень удобно».

– Есть и другая пара, – подсказал ди Амбруаз, неверно истолковав его молчание. – Изумруды под цвет глаз мадам. Или вы хотите не серьги, а что-то иное?

– Я возьму обе пары! – выдохнул Грегор, содрогнувшись при мысли, что придется выбирать.

Вдруг он не угадает, и Айлин понравились бы другие серьги? И потом, у нее так мало драгоценностей! Свадебный комплект слишком парадный, и Айлин с присущим ей вкусом не надевает украшения из него дома. Кажется, она вообще носит лишь пару перстней и скромные

жемчужные сережки – подарок своей тетушки. Это нужно немедленно исправить.

– Прекрасный выбор, – кивнул ди Амбруаз, в очередной раз блеснув глазами – теперь уже довольно. – Упаковать или желаете сначала взглянуть?

– Доверяю вашему вкусу, – махнул рукой Грегор. Ну не признаваться же, что он все равно ничего не понимает в дамских штучках? Настроение стремительно улучшалось, и он пошутил: – Кажется, покупать у вас украшения парами и не глядя, это уже традиция, не так ли?

Глава 21

Неприятные сюрпризы

По дороге домой он еще успел заехать за букетом, выбрав белые розы. Везти их на седле было неудобно и глупо, но цветочник заверил, что отправит покупку немедленно, так что корзина роз прибудет в особняк одновременно с милордом и в безупречном состоянии. Подумав, Грегор распорядился, чтобы букеты присылали к нему домой каждое утро. Айлин любит цветы, но в саду они уже опадают, а в оранжереях особняка выбор не слишком богат, в последние годы Грегор совершенно не интересовался, что там растет, и большую часть оранжерей пустили под зелень и ягоды.

Вот теперь все было в порядке. Да, он опоздал к ужину, но ведь предупредил, и дело того стоило! Корзина с розами, как и было обещано, встретила его у привратника. Грегор сам подхватил ее, не отдавая слугам, внес в особняк... Спohватившись, вложил обе бархатные коробочки среди пышных тугих соцветий, предвкушая, как Айлин их увидит... Хотя бы ее глаза поскорее загорелись радостью! Может быть, она даже забудет ненадолго про манеры и выразит чувства как-нибудь... живее? Бросится ему на шею, например... К Барготу супружеский этикет, это было бы так восхитительно!

Он вдруг представил, что вместо тяжелой корзины с тремя дюжинами роз держит в объятиях гибкое нежное тело, самое чудесное на свете, самое теплое, желанное, родное... И даже глаза на пару мгновений прикрыл – предательское воображение разом воскресило все остальное, к чему он уже успел привыкнуть за те месяцы брака, пока супружеская близость еще была позволена. Постыдное, но сладкое, невыносимо пьянящее, плавящее душу и тело.

Пожалуй, в этом он мог понять Райнгартена! Радость плоти и гордость обладания молодой красивой женой способны вскружить голову. И многие считают, что в мужской компании, притом приличной и доверенной, не грех похвастаться постельными успехами. Не упоминая подробностей, конечно... Да, Этьена можно понять. В целом. Но вот эти его откровения о итлийских и фраганских мерзостях!

Грегору тоже нелегко давалось воздержание, в первые месяцы он позволял себе визиты в спальню Айлин не реже двух раз в неделю, а иногда и чаще. Потом леди Эддерли рекомендовала сократить частоту исполнения супружеских обязанностей, после их близость и вовсе сошла на нет, но никогда Грегору в голову не приходило заменить обычное соитие, временно ставшее недозволенным, на что-то извращенное, оскорбительное для женщины.

Эти самые фраганцы, если верить слухам, не считают чем-то недостойным проводить время втроем, с любовником жены или любовницей мужа. О постельных привычках итлийцев и вовсе лучше молчать... И неважно, что там можно делать такого, что якобы не повредит женщине и ребенку. Грегор скорее согласился бы на вечное целомудрие, чем оскорбил Айлин подобным требованием. Уж потерпеть несколько месяцев без близости – это меньшее, что он может сделать для жены, которая носит их малыша!

– Миледи у себя или в гостиной? – спросил он камердинера, тенью возникшего в холле. – Она ужинала?

– Ее светлость не изволила выйти к ужину, – почтительно отозвался камердинер. – У нее болела голова, она приказала подать ужин наверх и съела немного цыпленка с овощами. Днем миледи тоже не покидала спальню и сказала, что не нуждается в услугах компаньонки, пока не спустится вниз.

– Она не обедала?

Грегор нахмурился. Неужели он ошибся, и обида Айлин не простой каприз? Или она рассчитывает таким образом заставить его отказаться от услуг Эванс? Но он ведь уже обещал ей, что найдет другую компаньонку, если эта решительно негодна! Ох уж эти дамы в положении... Действительно, кому суп без шалфея, кому другую прислугу... Одно радует, каприз – это так по-женски! Пусть Айлин устраивает ему сцены, пусть требует подарки и внимание, меняет компаньонку, перестраивает дом, в конце концов, только бы исцелилась от памяти о прошлом ужасе и привыкла к жизни жены и матери.

– Обедать миледи не изволила, – подтвердил его опасения камердинер. – Спросила, дома ли лорд Аларик, узнала, что он отсутствует, и пожелала, чтобы ей принесли из библиотеки какое-нибудь легкое чтение.

– Чтение? Легкое?!

– Я позволил себе смелость выбрать для миледи «Хроники капитана эль Сорро», – так же чопорно сообщил камердинер.

– А, прекрасно! – успокоился Грегор. – Дед, помнится, очень любил эту книгу. Кстати, пошлите в книжную лавку за списком интересных романов. И пусть кратко опишут содержание, я посмотрю, прежде чем заказывать.

– Да, милорд, – поклонился камердинер.

«Давно следовало это сделать, – подумал Грегор удовлетворенно. – Айлин любит читать, она не похожа на пустоголовых девиц, которых интересуют лишь балы и наряды. Должны ведь в Дорвенанте продаваться и приличные книги, верно? Какие-нибудь исторические исследования, мемуары знатных особ... Хотя мемуары, кстати, под большим вопросом! Среди этих особ всякие попадались, уж я-то знаю. Но пока она не может вернуться к практическим занятиям, а читать учебники ей утомительно, я постараюсь найти что-нибудь по ее вкусу».

– Кстати, а где лорд Аларик? – уточнил он, ставя корзину на пол.

– Изволил отбыть на охоту, – сообщил камердинер. – Предупредил, что вернется через пару дней.

Грегор кивнул, не без легкого раздражения подумав, что отец подзадержался в столице. Странно, что ему здесь делать столько времени? Неужели действительно увлекся преподаванием? Но Кэдогану и Галлахеру доступ в дом отныне закрыт, как и другим Воронам, где же они встречаются? Что ж, это его не касается, а если отец желает жить в столице и ведет себя пристойно, не Грегору отказывать ему в этой малости. К тому же Айлин приятно его общество. И вообще неплохо, что в отсутствие хозяина в доме есть старший родственник.

– Передайте миледи, что я прошу разрешения подняться к ней, – приказал он.

Камердинер поклонился и уже собрался исчезнуть, но тут со двора послышался шум, и появившийся в дверях лакей известил:

– Его светлость лорд Аранвен с визитом!

Аранвен? Дарра?! Грегор уже почти возмутился, но успел сообразить, что тогда оповестили бы о прибытии лорда Аранвена-младшего. Но что здесь делать канцлеру в это время?! Что могло

произойти такого, что Ангус приехал на ночь глядя?! Без предупреждения, письма, да попросту не пригласив Грегора к себе!

– Просите немедленно, – бросил он. – Вина и шамьета в малую гостиную. А леди предупредите, что я дома, но поднимусь к ней немного позже. Ей не нужно выходить к гостю, пусть отдыхает. Ангус! – обернулся он к канцлеру, появившемуся на пороге. – Благие Семеро, вы меня пугаете! Что случилось?!

– Ничего хорошего, – уронил тот и ограничился легким кивком вместо обычного поклона.

Невиданное нарушение этикета для Аранвена, но Грегор, присмотревшись, и не подумал ставить ему это в вину. Канцлер выглядел уставшим. Ничего заметного для того, кто недостаточно знает Аранвенов, но из тщательно уложенных длинных волос, перехваченных серебряным кольцом и лентой, выбилась прядь над ухом, а верхняя пуговица высокого ворота расстегнута.

– Вы меня пугаете, – повторил Грегор, жестом приглашая его в гостиную. – Только не говорите, что опять...

Он осекся, содрогнувшись от накатившего острого ужаса, но Аранвен качнул головой, проходя вперед и без приглашения опускаясь в кресло, словно ноги вдруг перестали его держать.

– Не Разлом, – сказал он действительно уставшим, совершенно бесцветным голосом. – Да помилуют нас Благие от подобного. Однако новость и вправду нерадостная. Королева потеряла ребенка.

– Что? Как?!

Грегор помотал головой. Беатрис? Потеряла будущего наследника?! Всеблагая Мать, это же... Хотя ничего удивительного, она уже немолода. Этот брак с самого начала был изрядно рискованным предприятием, даже если отвлечься от моральной стороны дела.

– Проклятие? – резко уточнил он, сообразив, зачем канцлер мог приехать именно к нему.

– Нет, насколько мне известно, – вздохнул Ангус. – Как вы знаете, королевский некромант еще не назначен, однако целители ручаются, что никаких следов магии не заметили. Я вызвал магистра Бреннана и леди Эддерли в дополнение к лейб-лекарю, а потом попросил еще Немайн и Дарру проверить. Ничего!

Хм... Ну, леди Эддерли – это понятно, она лучшая в области женского здоровья. Но вряд ли так уж хорошо разбирается в некромантии. С другой стороны, у Бреннана роскошный опыт в распознавании проклятий, в Академии постоянно кто-то оказывается в лазарете по этому поводу. И если в квалификации Немайн Аранвен Грегор весьма сомневался, то знаниям и чутью Дарры он, пожалуй, готов был довериться. В конце концов, Аранвена-младшего учил он сам и знал, насколько тот дотошен и въедлив. Да, если магистр Зеленой гильдии и лучший выпускник Академии в один голос утверждают, что проклятия не было, а к ним присоединяются еще три мага, не стоит искать умертвие там, где его нет. Хм, получается, что консилиум у постели королевы собрали без него... А ведь логично было бы попросить об осмотре королевы лучшего проклятийника Ордена. Наверное, он уже был в Люрье? Или король ему настолько не доверяет? Что ж, нужно предложить хотя бы из вежливости.

– Если хотите, я посмотрю, – сказал он, садясь напротив канцлера. – Но вашему сыну и магистру Бреннану вполне можно верить в этом вопросе. Кстати, назначьте уже королевского некроманта, я ведь подавал список подходящих кандидатур.

Правда, в этом списке было всего три имени, и принадлежали они пожилым магам, которые практиковали еще во времена Стефана Бастельеро, но, по крайней мере, в их надежности и выучке Грегор был уверен. Королевский дворец без некроманта – это же безобразие и позор! Хоть самому туда в лейб-некроманты просись. Впрочем, точно не при этом короле...

– Я тоже вполне доверяю Дарре, Немайн и остальным, – слегка кивнул Ангус. – Так что речь о проклятии не идет. И, разумеется, я уже проверяю ваши кандидатуры... Но сейчас не об этом. Грегор, я... приехал просить вас об одолжении. Очень большом одолжении, всю ценность которого прекрасно понимаю. Прошу, выслушайте до конца, не торопясь возмущаться и отказываться.

Канцлер потер виски и посмотрел на Грегора странным взглядом, то ли виноватым, то ли действительно просительным. Во всяком случае, ничего подобного Грегор у него еще ни разу не видел и не хотел бы. Растерянный Ангус Аранвен – это нечто, опровергающее основы мироздания!

– Это был несчастный случай, – снова вздохнув, заговорил канцлер. – Нелепый и потому невозможный для предотвращения. Ее величество оступилась и упала с лестницы. Ничьей вины в этом нет, просто роковое стечение обстоятельств. При падении она серьезно повредила себе и потеряла ребенка. Операция прошла успешно, жизнь королевы вне опасности, но... – Он осекся и закончил через крохотную паузу: – Вы же понимаете значение этого случая для королевства и... его величества.

– Понимаю, – кивнул Грегор. – Будущий принц или принцесса Дорвеннов не появится на свет. Согласен, это трагедия. Особенно, учитывая все обстоятельства.

А ведь Беатрис наверняка нелегко будет снова зачать, выносить и родить. После выкидыша целители рекомендуют женщине какое-то время восстанавливаться. Она немолода, времени не так уж много. Да, королю можно посочувствовать. Если Беатрис не сможет больше родить, он попадет в скверное положение. Либо новый брак и разрыв с Риккарди, грозящий разорением Дорвенанта, либо бесплодие королевы и... что тогда? Завести бастарда и признать его? Да что же законной крови Дорве так не везет?!

В гостиную скользнула горничная и быстро расставила на столике бутылку вина, бокалы, две дымящиеся чашки шамьета, сливочник и печенье... Вторая следом зачем-то внесла розы и поставила их на пол. Ах да, он же не успел отнести их Айлин... Так же быстро и молча девушки исчезли. Канцлер поглядел на угощение, кивком поблагодарил, но ни к чему не притронулся.

– Обстоятельства довольно сложные, – помолчав, согласился Аранвен. – Однако сейчас меня беспокоит не политика. Его величество очень тяжело перенес известие о потере ребенка и состоянии супруги.

– Тяжело? Как именно? – уточнил Грегор, и в памяти мгновенно вспыхнуло лицо Малкольма – опухшее, с налитыми кровью глазами, испещренное преждевременными морщинами и какими-то пятнами.

И самое страшное – потеря воли, характера, самой личности прежнего короля и друга...

– Он никого не желает видеть, – сдержанно уронил канцлер. – И есть основания полагать, что это состояние не пройдет само по себе, как обычное горе. Его величеству необходим человек, способный выслушать его, утешить и поддержать. А главное, человек, которого

король пожелает к себе допустить и откроет ему душу. Мне известны лишь двое, обладающие полным его доверием, но один уехал в Итлию по важнейшему делу. Даже если я за ним пошлю, его могут найти недостаточно быстро, либо он попросту не сможет вернуться. Остается второй. Точнее – вторая. Лорд Бастельеро... Грегор... Я вынужден просить... Леди Айлин должна поехать во дворец и поговорить с его величеством. Возможно, побыть с ним некоторое время... Недолго, час или два! Поверьте, это единственное средство, которое сейчас может помочь!

Он замолчал, и Грегор прикусил губу, чтобы не высказать все, что думает об этом предложении. Тащить беременную женщину во дворец, потому что его величество, видите ли, переживает?! И не может успокоиться без леди Бастельеро?! Да что ему Айлин – нянька? Матушка или сестра?! Кому вообще могла прийти в голову подобная глупость?! Неужели Аранвену?! Что-то не верится!

Ангус настолько хладнокровен, рационален и расчетлив, что скорее напоил бы короля успокоительным, окружил целителями и разумниками, а потом, когда тот придет в себя, постарался отвлечь государственными делами. Нет, наверняка это придумал сам мальчишка! И даже не соизволил передать личную просьбу, прислал Аранвена, словно канцлер ему паж на посылках! Проклятие, что там у них вообще происходит?! Зачем им Айлин? Может, все из-за этой непонятной и противоестественной связи? Но Грегор, беспокоясь о здоровье Айлин, спрашивал об этом Бреннана и Роверстана совсем недавно, и разумник с целителем в один голос заверили, что связь достаточно ослаблена и не влияет на его жену прямо.

Так причем здесь тогда Айлин?! Она недавно сама чуть не потеряла ребенка! Между прочим, по милости Дарры Аранвена в том числе!

Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и напомнил себе, что Аранвен-старший как никто другой понимает непристойность и бессмысленность своей просьбы. И наверняка выполняет приказ короля, за что его нельзя осуждать. Но даже король не имеет права требовать, чтобы беременная женщина слабого здоровья и с явными признаками своего положения неслась к нему, словно вызванная колокольчиком горничная!

– Я сочувствую их величествам, – сдержанно уронил Грегор, понимая, что Аранвен ждет от него именно этих слов. – Но должен признать, что не понимаю, причем здесь моя супруга? Если его величеству нужна помощь, вам следовало бы обратиться к разумникам, тем более что его величество явно благоволит Белой гильдии...

«Во всяком случае, ее магистру. Про которого говорят, что он гордость гильдии и лучший разумник в своем поколении – прекрасный случай это доказать!»

– Если же речь идет об утешении, – продолжил он, – то лорд и леди Вальдерон, насколько мне известно, по-прежнему пребывают в столице. Вы не находите, что гораздо уместнее обратиться именно к ним?

Холодное лицо Аранвена ни на миг не изменило выражения, а в голосе отчетливо зазвенели льдинки.

– Видите ли, лорд Бастельеро... Возможно, вам это неизвестно, однако порой человеку легче поделиться своим горем с друзьями, чем с родными.

– Вас его величество, кажется, тоже изволит считать другом? – ядовито поинтересовался Грегор. – Как и магистра Роверстана. И фраганского фехтмейстера. Полагаю, любой из этих достойных господ поможет его величеству куда лучше, чем беременная женщина. Не говоря уже о том, что есть ведь и иные способы утешиться!

– Вы совершенно правы, – любезно улыбнулся Ангус, и от этой улыбки повеяло пробирающим буквально до костей холодом. – Есть и иные способы. К примеру, карвейн...

Кровь бросилась Грегору в лицо так, что ему стало жарко. Да, рядом с Малкольмом не оказалось друга, способного утешить его! Да, ему пришлось искать утешения в карвейне, но это... это...

– Ангус, это нечестно! – выдохнул он. – Вы прекрасно знаете, что я... да меня тогда просто не было в Дорвенне!

– Но леди Бастельеро – здесь, – тихо уронил канцлер, и Грегор невольно скрипнул зубами.

– Простите, милорд Аранвен, но это невозможно, – сказал он чеканным от ярости голосом. – Полагаю, вы должны меня понять, особенно теперь, после того, что случилось с ее величеством! Рисковать собственной женой я не намерен. Если это не прямой приказ

доставить леди Бастельеро во дворец под конвоем, будто преступницу, а приглашение, вынужден отказать. Со всем почтением заверяю его величество, что я в полном его распоряжении. Но не моя супруга.

– Что ж, прошу прощения, что осмелился побеспокоить вас, лорд Бастельеро, – церемонно проговорил Аранвен после паузы.

Встал и склонился в полном большом поклоне. Замер ровно настолько, чтобы изысканная учтивость почти превратилась в столь же изысканное оскорбление, не переходя, впрочем, эту грань. Выпрямился, повернулся к двери, и тут с верхней галереи, выходящей в малую гостиную одним краем, раздался звонкий голос:

– Милорд Ангус, постойте, я еду с вами!

Грегор рывком обернулся. Она стояла у перил. Выпрямившись и каким-то чудом даже в просторном домашнем платье выглядя не как леди в положении, а как магесса, причем именно боевик. Что-то знакомое, безусловно узнаваемое... Ах да, поза! Некроманты перед боем стоят иначе, более расслабленно и вольно. Айлин чуть расставила ноги, развернув носки туфелек наружу, развернула плечи, едва заметно подалась вперед... Грегор на миг узнал в ней всех знакомых боевиков разом и даже головой встряхнул, пытаясь осознать, что услышал.

– Дорогая?

– Леди Айлин, мое почтение, – сказал Ангус и поклонился.

Его парчовый камзол в ярко освещенной гостиной сверкнул серебряным всполохом, и Грегору невыносимо захотелось развернуться на эту вспышку и залепить чем-нибудь вроде «Могильной плиты». Он с раздражением подавил это желание и уже набрал воздуха, чтобы мягко объяснить жене, как она неправа...

Айлин чуть повернула голову куда-то вбок и ровным голосом, не допускающим даже тени неподчинения, велела:

– Тильда, принесите мой плащ.

– Ми...милорд? – пискнула горничная, выступая из тени галереи и глядя на Грегора с ужасом.

– Вы меня не слышали? – так же бесстрастно уточнила Айлин. – Плащ. Немедленно.

Грегор сморгнул, надеясь, что ему все-таки кажется. Но видение, поразительно похожее на его жену во всем, за исключением того, что это не могла быть она, не исчезло. Горничная, не дождавшись от него

ни подтверждения приказа, ни его отмены, исчезла. Наверное, все-таки за плащом, потому что вряд ли кто-то из слуг осмелится не выполнить приказ, отданный таким тоном.

Но это же... Это невозможно! Это вообще ни на что не похоже!

– Дорогая, – медленно произнес Грегор, старательно сдерживая изумление и гнев. – Прошу вас вернуться к себе. Вы не едете, это не обсуждается.

– Это не обсуждается, – тихо повторила Айлин, и вдруг сверкнула глазами так, что Грегору снова показалось – на лестнице стоит не молодая беременная женщина, а взбешенный Дориан Ревенгар, готовый запустить Молотом Пресветлого или кинуться в драку. – Я еду! Прошу вас вспомнить, милорд, что я – глава рода Дориан, я присягала его величеству, и поехать с лордом Ангусом – мой долг! Не только перед моим другом, но и перед моим королем!

– Ваш долг – повиноваться супругу! – все-таки повысил голос Грегор. – Вы в первую очередь моя жена!

– Дворянский Кодекс и Устав Ордена в один голос утверждают обратное, милорд! – отчеканила Айлин. – Как леди Дориан я давала вассальную присягу его величеству, как будущая магесса я чту общую присягу Ордена королю Дорвенанта. Простите, милорд супруг, неужели я должна объяснять лорду Бастельеро, бывшему мэтру-командору и нынешнему Великому Магистру, подобные вещи?

Ангус Аранвен издал какой-то странный звук, но Грегор даже не покосился в его сторону. Не дай Претемная, это смешок, дуэли тогда точно не избежать! Но канцлер тут же смолк, и по гостиной растеклась вязкая тяжелая тишина. Грегор отчаянно пытался подобрать ответ, но все, что он мог сказать, ничего не значило по сравнению с этими простыми и четкими словами. Она желает исполнить свой долг перед королем. Как дворянка и магесса. И не просто имеет на это право, она обязана это сделать! Проклятье, с каких пор его, Грегора, жена дает ему уроки чести и долга?! И что на это вообще можно ответить?!

– Лорд Бастельеро, – тихо и тоже очень ровно произнес Аранвен. – Я лично отвезу ее во дворец. Миледи вернется обратно в самом скором времени. И за ее безопасность порукой мое...

– Ваша жизнь, Ангус! – выдохнул Грегор, все-таки оборачиваясь к нему. – Не слово, а жизнь, запомните это!

Канцлер молча склонил голову, признавая за ним право на такую грубость.

– Позовите сударыню Эванс, – велел Грегор в пространство, изнывая от стыда за пережитый только что на глазах Аранвена позор. – Впрочем, не нужно, я... сам поеду с вами.

– Его величество не желает видеть никого, – бесстрастно напомнил Ангус. – Сомневаюсь, что для вас он сделает исключение, а тем более будет откровенен в вашем присутствии. Разумеется, если вы согласны подождать леди Айлин в гостиной...

– Как паж или компаньонка? – тихо и бесконечно ядовито уточнил Грегор. – Благодарю, постараюсь обойтись без подобной чести. Возьмите тогда Эванс, дорогая.

– Я возьму Пушка, – уронила незнакомка, в которой Грегор пытался и не мог узнать свою жену. – Сударыня Эванс весьма услужлива, но недостаточно сдержанна, не будем снова подвергать ее искушению узнать чужие тайны. С Пушком и под опекой лорда Аранвена мне ничто не угрожает, а горничная в случае необходимости во дворце найдется, я полагаю.

– Очень мудрое решение, миледи, – поклонился канцлер с величайшей почтительностью и подсластил Грегору пилюлю: – В любом случае, я приехал в малом экипаже, и там попросту нет места для двух дам. Лорд Ульв может разместиться в ногах...

Что ж, Грегор проглотил и это. Ему только что дали понять, что его мнение и репутация его жены значат меньше, чем... собачий хвост! Может, канцлер и считает себя равноценной заменой компаньонки, но вряд ли сможет убедить в этом остальной двор!

– Приятного пути, миледи, – процедил он, и Айлин на лестнице сделала реверанс.

В точности такой, как утром. Идеально выверенный, безупречно почтительный и полностью соответствующий этикету. Образцовый! Совсем как их брак еще недавно!

Подбежавшая горничная накинула ей на плечи короткий легкий плащ, крепко взяла под руку и помогла спуститься по лестнице. Следом мелькнуло огромное белое пятно проклятого умертвия. До боли закусив изнутри губу, Грегор смотрел, как Аранвен подает его жене руку, как Айлин опирается на нее и идет к выходу... Даже не переодевшись! Впрочем, ни одно придворное платье она сейчас и не

наденет... Мягкие туфельки с маленькими каблучками, домашняя прическа, строгое бледное лицо... Едва слышный звук ее шагов резал Грегору сердце, а когда Айлин прошла мимо корзины с розами и спрятанными в ней подарками, глянув на нее словно с легким удивлением, но промолчав, Грегор почувствовал во рту вкус крови.

– Благодарю, милорд, – все-таки уронил на прощание Аранвен, и дверь закрылась, последним в нее выскользнуло умертвие.

Грегор остался стоять посреди гостиной. Слуги благоразумно попрятались, да ему и незачем было их звать. В ушах все стоял шелест ее шагов и платья, Грегор прикрыл глаза, пытаясь очнуться от этого нелепого отвратительного сна, но не смог. Его жена только что послушалась его! Пренебрегла прямым приказом остаться дома, осмелилась спорить и более того, обвинила его в неисполнении долга! Она... опозорила его перед Аранвеном! И снова втоптала свою и его репутацию в грязь, уехав к королю поздним вечером, без должного сопровождения, с непонятной целью! Во всяком случае, придворные сплетники тут же все перевернут в самом грязном смысле! Да как она... как она посмела?! Чем он заслужил такое оскорбление с ее стороны?!

Гнев рвался наружу, металлическим кровавым привкусом стоял во рту, застилал глаза алой пеленой. Грегор в бессильной ярости глянул на оставшуюся посреди гостиной корзину, накрытый столик... Шамьет все еще дымился, расписные чинские чашки издевательски блестели яркими красками и позолотой. А ведь Грегор лично запретил подавать этот сервиз гостям! Айлин следовало проследить за этим как хозяйке дома, но даже в такой малости она...

«Могильная плита» привычной восхитительной тяжестью на мгновение оттянула руку. А потом Грегор с неистовым наслаждением запустил ею в столик. Звон, треск! Резную полированную столешницу снесло мощным ударом в стену вместе со всем, что на ней стояло. Брызнули осколки стекла и фарфора, среди обломков по ковру растеклось багровое пятно? Кровь?! Нет, всего лишь вино...

И почти сразу, словно с порывом силы выплеснулась и ярость, Грегора отпустило. Он смог вдохнуть и даже почувствовать смесь запахов: шамьет, вино, розы... Медленно подошел к безобразию возле стены, непонимающе взглянул на испачканные обои, мешанину осколков и еды... На непослушных ногах зачем-то присел над этим всем и потрогал кончиком пальца самый крупный осколок, упрямо

блеснувший росписью. Безумно яркая сине-золотая птица несла в клюве алый цветок...

«Ее любимый сервиз, – отстраненно подумал Грегор, чувствуя, как на него снова накатывает, но уже не гнев, а тяжелый липкий страх. – Она всегда пила шамьет именно из него... Ну, подумаешь, одной чашки не хватало... Теперь – трех и еще сливочника с блюдами... И где я найду именно такие на замену?»

Мысли текли вялые и ленивые, будто пытались не пропустить в сознание другие, настоящие. Грегор встряхнул головой и по-новому глянул на то, что сделал. Поднялся, слегка пошатываясь. Странно, всего-то одна «Могильная плита» – это же пустяк с его резервом.

«Я бросил боевое заклятие в столик, – сказал он себе, словно объясняя. – В собственной гостиной. Потому что разозлился на жену. На Айлин... Мою Айлин...»

Осколки расписных чашек, тоненьких, полупрозрачных, сияли, отражая свет магических шаров. Возможно, артефакторы смогут их восстановить.

– А если бы я ударил не по чашкам? – прошептал Грегор, и его затрясло крупной лихорадочной дрожью. – Что со мной случилось? Глупо мстить вещам! Дед сказал бы, что я веду себя как простолюдин! Дворянин и маг обязан владеть собой. Срывать злость на том, что не может тебе ответить, это... пошло. Но это все неважно, совершенно неважно! Что, если в следующий раз я ударю магией что-то... иное? Кого-то?

Он стиснул зубы, не позволяя себе ни вслух, ни даже в мыслях произнести то, что пугало до тьмы в глазах. Чашки ведь были виновны лишь в том, что принадлежали Айлин, а она... она впервые вызвала его гнев. Который сейчас сменился ужасом перед тем, что не произошло, но вдруг?..

Глава 22

Такие разные принцы

Если сердцем Верокки была площадь с фонтаном Весны, то сердцем Джермонто Лучано сразу признал дворец Риккарди. Громадный и величественный, он казался таким легким, что вот подует ветерок – и белоснежное здание поднимется ввысь, будто воздушный змей! Мраморные стены выглядели тонкими, словно яичная скорлупа, узорные арки окон и дверей добавляли изящества, а эти барельефы... Лучано залюбовался переплетением сюжетов и опомнился, лишь услышав голос:

– Благородный синьор Фарелли? Прошу следовать за мной. Позвольте вашу рапиру?..

Нарядный паж лет шестнадцати почтительно замер перед ним, приложив руку с беретом к груди. Кивнув, Лучано отстегнул рапиру и протянул ее второму встречающему – bravому гвардо в форменном мундире Риккарди – черном с алыми позументами. Ничего оскорбительного, обычное соблюдение этикета. Оскорбительно было бы, если б его обыскали, невзирая на положение посла, но Риккарди – люди учтивые, поэтому неизменный любимый стилет Лучано остался в ножнах на его запястье, а такие же неизменные шпильки оружием и вовсе считаться не могли. Очень зря, между прочим.

– Прошу проследовать, – повторил паж, и Лучано проследовал.

Шагая по дорожке между великолепными розариями, он молча порадовался, что последние месяцы провел в королевском дворце, пусть и более варварской страны. Все-таки привык и к роскоши, и к положению благородного синьора, и к почтительности слуг. Летний камзол изумрудного шелка сидит как влитой, перстни давно уже не мешают, как и чужие взгляды, которые Лучано по-прежнему читал со всей настороженностью Шипа, но теперь куда чаще видел в них зависть, чем пренебрежение или опаску. Да, Дорвенант действительно стал для него прекрасной школой, пусть и не такой, как рассчитывал мастер Ларци. Прежний Фортунато трепетал бы перед встречей с одним из могущественнейших людей Итлии, однако нынешнему было безумно интересно – и все.

В полном молчании они прошли по парадной лестнице дворца – широкой, с огромными бронзовыми львами. Львы гордо возлежали на постаментах, держа в передних лапах позолоченные бронзовые корабли с полной оснасткой, и Лучано подивился искусству мастера, который превратил металл в тугие паруса, полные ветра. Знаменитый торговый флот Риккарди – основа их богатства и власти!

Бесконечные коридоры, анфилады комнат, вежливые поклоны-кивки встреченных мужчин, реверансы и очаровательные улыбки дам. Любопытные взгляды и от тех, и от других. Лучано их вполне понимал. По виду он явный итлиедец, но герб на его дворянском медальоне здесь совершенно неизвестен. К тому же о таких занимательных событиях, как приезд иностранного посла, нужные люди всегда знают заранее, и теперь по коридорам дворца Риккарди катится вал слухов, сплетен, предположений. Кто таков этот Фарелли, какие выгоды может сулить его расположение, и как бы к нему подступиться...

Шагая за пажом, он невольно потрогал большим пальцем правой руки железный ободок на указательном – кольцо младшего мастера Шипа. В Итлии оно снова вернулось на законное место по совету мастера Ларци – пусть Риккарди помнит при разговоре, что за его гостем стоит не только монарх Дорвенанта, но и гильдия, у которой на севере свои интересы. Железный бутон на шипастом стебельке плохо сочетался с драгоценными перстнями и оттого еще сильнее бросался в глаза. Лучано подумал – и согласился с мастером.

В очередном зале паж остановился и с низким поклоном отступил в сторону, а навстречу Лучано выступил высокий сухопарый синьор, немолодой, с острым взглядом темных пронизательных глаз и холеной бородкой. Он поклонился первым и церемонно произнес:

– Его высочество Франческо Риккарди рад приветствовать его величество Аластора Дорвенна в лице его посланника, благородного синьора Фарелли. Прошу следовать за мной. Мой господин примет вас в саду.

Вернув поклон, Лучано в очередной раз проследовал, а по дороге с удовлетворением вспомнил последний разговор с грандсиньором Аранвеном, когда не утерпел и все-таки спросил, какая необходимость посылать к Риккарди именно его, такого прекрасного, но ровным счетом ничего не понимающего в государственных делах? Разве у

Дорвенанта нет послов? Настоящих благородных синьоров, которые знают посольский этикет и в придачу множество нужных вещей, от пошлинных ставок до имени чьей-то любимой собачки?

Одобрительно кивнув, словно наставник, услышавший правильный вопрос, канцлер тонко улыбнулся и ответил:

– Милорд Фаррел, официальное посольство накладывает слишком много ограничений. Этикет, как вы верно изволили заметить, требует приема во дворце, вручения верительных грамот, подписания соглашений. Сейчас между государствами Эдора существует определенное равновесие, но Итлия и Фрагана традиционно опасаются друг друга. Если такая значимая сила как Дорвенант проявит слишком дружеские чувства к одной из сторон, вторая может посчитать себя обиженной и... обеспокоиться, скажем так. Много лет симпатии нашего государства склонялись в сторону Итлии благодаря брачному союзу с Риккарди и денежной помощи от них. Фрагана была нашим врагом, и если бы итлийские города-государства были способны на объединение, в Эдоре могла бы вспыхнуть куда более ужасная война, чем та, которую мы пережили.

– Но скорее дождь пойдет вверх, чем торговые принцы объединятся, – пробормотал Лучано. – Так у нас говорят. Простите, что перебил.

– Очень меткое выражение, – благосклонно кивнул канцлер. – Да, именно так. Сейчас положение дел изменилось. Новый король Фраганы не намерен воевать, а его величество Аластор весьма дружелюбно расположен к нашим фраганским соседям, за что им следует поблагодарить месьора д'Альбрэ, я полагаю. Если Флоризель не совершит какой-то роковой ошибки, у нас есть все шансы на полезный и долговременный союз. Как вы понимаете, это очень не нравится Итлии...

– Но монсиньор женат на Риккарди, – заметил Лучано. – Разве это не склоняет чашу весов на их сторону?

– До определенного момента, – снова одобрительно кивнув, отозвался канцлер. – Скажем так, если ее величество благополучно разрешится от бремени, позиции Итлии значительно упрочатся. Но если что-то пойдет не так... Будем откровенны, милорд, ее величество в том возрасте, когда деторождение представляет опасность. Так вот, если она не сможет произвести на свет наследника или хотя бы

наследницу, королю придется расторгнуть этот брак и выбрать между несколькими возможными партиями.

– Пьячченца... – уронил Лучано. – Не дай Благие...

– Да, это не самая удачная партия, – сдержанно подтвердил Аранвен. – Однако у короля Флоризеля две незамужние сестры. Молодые, очаровательные, в самом подходящем возрасте. Еще недавно о браке с ними не могло быть и речи, Фрагана слишком алчно смотрела на Озерный край, но Флоризель гораздо рассудительнее своего отца, и в целом... Конечно, это лишь в том случае, если ее величество Беатрис не исполнит свой супружеский долг, вы же понимаете!

– О да, грандсиньор! – пылко подтвердил Лучано. – Вполне понимаю! Но по-прежнему не могу уловить, почему именно я?..

– Потому что вы, милорд, второй фаворит его величества наряду с месьором д'Альбрэ, – сказал канцлер, ничем не выдавая раздражение от его непонятливости. Святой человек! – Противовес, если можно так выразиться. Не сомневайтесь, все заинтересованные лица прекрасно знают, что вы имеете на его величество довольно большое влияние, и ваше появление во дворце Риккарди воспримут как доказательство его благосклонности к этой семье. Очень весомое доказательство, но не слишком официальное, понимаете? Ничего, способного всерьез насторожить Фрагану.

– Политика, – вздохнул Лучано. – Я вас понял, грандсиньор. Скажите, вам самому не кажется нелепым, что судьба государства может зависеть от того, кто варит королю шамьет или фехтует с ним по утрам? Как-то это странно.

– Судьба королевства порой зависит от поразительных пустяков, милорд, – вздохнул Аранвен. – От красивого женского личика, от сказанного или, напротив, не сказанного слова. И даже от выпитой не вовремя бутылки карвейна. Судьбу страны творят люди, милорд Фарелл, а они редко руководствуются чистым разумом, гораздо чаще – чувствами. Так что почему бы и нет? Ваша скромная роль при дворе Дорвенанта никого не обманывает, ведь тот, кто варит шамьет, может лить не только напиток в чашку, но и слова в королевские уши. Признаться, я рад, что целых три нынешних королевских фаворита доставляют мне гораздо меньше хлопот, чем один прежний. И потому

искренне желаю вам удачи с улаживанием семейных дел и скорого возвращения.

– Благодарю, грандсиньор, – с искренним почтением и благодарностью поклонился Лучано, а про себя подумал, что у прошлого короля и вправду было не слишком хорошо с друзьями.

Всего один, если верить слухам, да и тот – грандсиньор Бастельеро. Право, лучше бы король завел еще дюжину котов, с ними хотя бы уютнее.

Услышав про сад, он понял, что канцлер как всегда оказался прав. Это настоящих послов положено принимать в тронном зале со всеми почестями и непременно пышной церемонией. Рядом с Аластором Лучано вдоволь насмотрелся на эту тяготину.

Одних только северо-восточных княжеств между Дорвенантом и Карлонией оказалось восемь штук, и каждое прислало своего человека! Альс всерьез предлагал принять их всех разом, чтобы не тратить драгоценное время, но грандсиньор Аранвен со вздохом сообщил, что хотя бы в начале правления этикет и традиции следует соблюдать. Княжества – соседи хоть и мелкие, но тем больше в них самолюбия. А за ними – стремительно растущая Карлония и хищная Фрагана, которые с восторгом возьмут любых обиженных под свою руку. Поэтому следует всячески лелеять гордость этих малышей и внушать им, что они должны жить сами по себе, в крайнем случае – по заботливым дружеским советам Дорвенанта, который искренне их уважает.

«Чем жижее похлебка, тем пышнее перо на шляпе, – улыбаясь, добавил грандсиньор Дункан. – Бывал я в тех княжествах, дыра удивительная, но у любого мелкого дворянчика гордости, как у Трех Дюжин».

– Прошу, синьор, – сказал его провожатый, выводя Лучано на просторную террасу, облицованную розовым мрамором.

Ветви огромной старой маслины почти касались ограждения, закрывая от палящего, несмотря на осеннее утро, солнечного жара, и Лучано с особой остротой почувствовал, что вернулся в Итлию. В Дорвенанте уже опадают листья, а солнце греет лишь днем, да и то ему не сравнить с местным...

«Местным? – с недоумением поправил он себя. – Я хотел сказать “родным”, верно?»

Оставив провожатого позади, он неторопливо прошел по кружевным пятнам солнца и тени до другого конца террасы и остановился перед небольшим столиком, за которым сидели два старика. Это что, загадка, м? И кто из них Риккарди?!

Одинаково богатая одежда – черные камзолы по моде полувековой давности, густо расшитые жемчугом и драгоценными камнями. Высокие воротники-стойки, резкие складки на жесткой ткани. И не жарко же почтенным синьорам! Впрочем, стариков, говорят, кровь плохо греет... Одинаково коротко подстриженные волосы блестят чистейшим серебром. Любопытно, почему короткие? Конечно, этих двоих даже слепой не примет за простолудинов, но что это, привычка к удобству? Или способ показать, что есть вершины, до которых этикет не дотягивается?

А вот глаза разные. У левого – ярко-черные и блестящие, живые. У правого – мутно-желтые, наполовину прикрытые тяжелыми веками. Левый из грандсиньоров смотрит пронзительно, изучающе, правый откинулся на спинку кресла и то ли дремлет, то ли просто болен. Этот рассеянный, обращенный куда-то в себя взгляд и морщинистое лицо напомнили Лучано черепаху, которая ненадолго высунула голову из панциря и хочет лишь одного – снова туда спрятаться.

– Грандсиньор Риккарди, – поклонился Лучано левому из стариков, уверенный, что угадал. – Грандсиньор... – поклонился он правому. – Мое почтение и самые лучшие пожелания от его величества Аластора.

Он сунул руку за отворот камзола и про себя усмехнулся, когда кусты за террасой тут же шевельнулись. Интересно, сколько человек расставлено по безлюдному, на первый взгляд, саду? А еще интереснее, в честь чего такая забота? Послы обычно убийствами не балуются, даже если они из Шипов. Это, в конце концов, дурной тон!

Достав конверт из жесткой воощенной бумаги, он медленно поднял его перед собой, чтобы невидимые наблюдатели хорошо разглядели, и замер.

– Какой вежливый молодой синьор, – одними губами улыбнулся левый старик. – Ну-ну, не извольте беспокоиться. Это мои дети и внуки уверены, что мне еще стоит чего-то бояться. Идите к нам, юноша, не стоит стоять, если можно присесть. Вы, конечно, еще

слишком молоды и резвы, чтобы это понимать, но если доживете до моих лет, непременно вспомните.

– Благодарю за приглашение, грандсиньор.

Снова поклонившись, Лучано приблизился и сел в единственное свободное кресло, внутренне передернувшись – обращенную к саду спину так и сверлили чужие взгляды. Отвратительно!

– Кладите ваш конверт, бумаги подождут, – махнул Риккарди унизированной перстнями рукой, которая больше всего выдавала его возраст и худобой, и темными пятнами. – А вот шамьет может остыть.

«Как будто по первому даже не щелчку пальцев, а взгляду не принесут свежий», – усмехнулся Лучано и положил конверт. Риккарди не стал звать прислугу, он сам наклонил кувшин над пустой чашкой, и темная душистая струя полилась в белоснежный чинский фарфор. Надо же, какая честь! И ведь не откажешься, неправильно поймут. Впрочем, как раз правильно, однако от этого не легче.

Лучано пригубил шамьет и покатал на языке первый глоток, вполне искренне наслаждаясь вкусом. Знакомый рецепт, простой, но очень выигрышный, с апельсиновыми корочками и корицей. И никаких, вроде бы, посторонних добавок, что особенно приятно. Хотя леденец-антидот, который он рассасывал, переходя порталом в Джермонто, все равно не лишний.

Наверняка у этой милой семьи есть собственный зельевар для деликатных поручений. Вот так выпьешь замечательного шамьета, а через несколько дней узнаешь, что теперь для долгой и счастливой жизни тебе нужно время от времени принимать лекарство. Которое, вот незадача, знает лишь один человек. Зато готов делиться им по первой просьбе, конечно, пока ты взамен оказываешь ему дружеские услуги. Нет-нет, хороший антидот еще никому не повредил! С ним как-то вкуснее! И вообще, когда собственный наставник угощает тебя подобной конфеткой перед визитом в чей-то дом, только идиотто откажется. Или тот, кого ничему не научило первое знакомство с Риккарди.

– Говорят, вы настоящий маэстро шамьета, юноша, – снова растянул Риккарди губы в улыбке, так и не затронувшей глаза. – Так что вряд ли мой повар вас чем-то удивит.

– Передайте ему мое искреннее восхищение, грандсиньор. Прекрасно сварено.

Что ж, нам тоже улыбок не жалко. Можно и шамьету выпить, и садом полюбоваться, и беседу поддержать. А все-таки, кто этот второй грандсиньор, которого Лучано не представили?

Словно отвечая на его мысли, Риккарди хмыкнул, плеснул тому шамьет и бесцеремонно позвал:

– Просыпайся, Бальтазар. Когда к нам еще занесет в гости такого интересного юного синьора? Говорят, он держал за хвост самого Баргота, пока другой синьор, тоже молодой и не менее интересный, отшибал бедняге рога.

– Богохульник, – не поднимая тяжелых век, скрипуче отозвался его собеседник. – Нет бы подумать, что скоро с ним встретишься, и придержать язык. Может, отделался бы котлом похолоднее.

– Ну что ты, не настолько я плохого мнения о грандсиньоре Барготе, чтобы верить, будто он карает за шутки, – ухмыльнулся Риккарди. – Опять же, если мне выделяют котел похолоднее, тебе же будет одиноко в том, что на самом дне.

И подмигнул Лучано.

Да-а-а... сразу видно давних друзей. Когда Лоренцо заглядывает к Ларци выпить молодого вина и сыграть партию в арлезийские башни, эти двое ведут себя точно так же. «Отравитель» и «кишкорез» – это самое частое, что можно от них услышать, а партия может длиться часами, потому что всем понятно, что совершенно не в ней смысл.

Лучано окатило изнутри завистью. Пожалуй, он хотел бы такую старость! Раз уж детей и, соответственно, внуков у него никогда не будет, то пусть хотя бы рядом окажется настоящий друг! Альс и синьорина...

Он поднес чашку к губам, и вдруг зависть сменилась чем-то совсем иным. Тревога... болезненная горькая тоска... Такая мучительная, что на несколько мгновений Лучано испугался – вдруг его все-таки отравили? Но нет, легкий привкус во рту подтверждал, что антидот работает как надо, шамьет казался чистым, просто... Да что ж ему так плохо-то?!

В глазах потемнело, и вслед за тоской накатил страх. Бессмысленный и от этого еще более мерзкий. Когда понимаешь, чего боишься, можно сделать хоть что-нибудь! Бежать, сопротивляться, разговаривать... А что делать, если страх приходит беспричинно?

Спина мгновенно взмокла. Лучано посмотрел в чашку, потом – на обоих грандсиньоров. Бальтазар, кем бы он ни был, снова погрузился в протрацию и дремал в кресле, Франческо Риккарди смотрел на гостя со спокойным веселым интересом, без тени злорадства или ожидания чего-либо. Так, словно понятия не имел, что с ним творится.

«Альс? – подумал Лучано с тошнотворным ужасом. – Или Айлин? Что-то с ними? Проклятье, мне нужно домой! Но... я не могу. Положим, этот визит ненадолго, но вечером встреча с мастерами в Вероккье! Спокойно, если в Дорвенанте что-то случилось, прямо сейчас я все равно ничего не смогу сделать. Пока выйду отсюда, пока доберусь до портала... Во дворце Лионель, он сообразит явиться за мной. Или канцлер пришлет кого-нибудь. Спокойно...»

Спокойствие не желало возвращаться. Никак. Разве что страх стал не острым, режущим изнутри, а глухим, тянущим, но от этого не менее мучительным. Лучано еще глотнул шамьета, понимая, что Риккарди этого показывать нельзя. Причастен он к этому или нет – в любом случае.

– Хотел бы я послушать о ваших приключениях, юноша, – вздохнул торговый принц, как показалось Лучано, вполне искренне. – Думаю, они того стоили. Мой вам совет, напишите мемуары. Если сами не сможете, найдите хорошего книжника и напишите обязательно. В старости и самому будет что вспомнить, когда память начнет подводить, и детям оставите. Вот если бы я не пошел по отцовским стопам, а стал кондотьерро, как мечтал в юности, у меня тоже было бы множество занимательных историй для внуков. А так, разве интересно им слушать, сколько кораблей за всю жизнь я встретил и проводил, сколько налогов собрал, скольких конкурентов разорил... Деньги хороши, когда их тратишь, а зарабатывать их – скучнейшее и пошлейшее занятие!

– Вам ли жаловаться, грандсиньор? – выдавил Лучано, любезно улыбаясь. – Думаю, ваша жизнь для многих может стать примером. А в том походе не было ничего такого уж интересного. Слишком долгая дорога, никакого веселья и много бесплатных убийств. Все как всегда, когда за дело берется дилетанто!

Риккарди вежливо посмеялся его незамысловатой шутке, которая и шуткой почти не была. Ну, в самом деле, из них троих разве что синьорина понимала, куда они идут и что там будут делать, да и то с

ней получилось как-то странно. Нет-нет, Лучано счастлив, что она вернулась! Но Бездна, она на то и Бездна, чтобы все, в нее попавшее, исчезало безвозвратно. Так что, сдается, синьорина тоже не слишком хорошо знала, чем все закончится. О них с Альсом и говорить нечего. Дилетанти, как есть дилетанти! Но Риккарди все это не объяснить, да и зачем? А ведь забавно, неужели торговый принц и правда хотел быть наемником?! Надо же... Он бы еще о карьере Шипа мечтал, право слово.

Лучано прислушался к себе – тоска и страх никуда не делись, они свернулись внутри, как огромный еж, и время от времени кололись острыми ядовитыми иглами. Солнце от этого казалось тусклым, и хоть по-прежнему грело, но уже не радовало. Ну, хоть дышать можно свободно.

Риккарди тем временем потянулся за письмом Альса, сломал алую сургучную печать с гербовым львом и пробежал документ глазами. Снова хмыкнул и поднял на Лучано задумчивый взгляд.

– Скажите, юноша, вам известно содержание этого письма?

– Понятия о нем не имею, – искренне признался Лучано. – Могу только предполагать. Заверения в родственных чувствах и просьба ускорить выдачу кредита до наступления холода, м?

– Верно, – посмеиваясь, признал Риккарди. – Ничего нового. Такие письма я получал и от прежнего короля Дорвенанта. Но кое-что отличается. Раньше моя дочь не писала мне, что счастлива в браке. Вот это и вправду приятная неожиданность. – Он замолчал, тоже отпив шамьета, а потом заговорил снова: – Мне всегда казалось, что у Дорвенанта есть нечто общее с Бездной. Сколько туда ни лей золота и сил, все пропадает. Я давно веду дела с синьором Аранвеном, он хороший партнер, умный и честный. Но его страна... За что Благие покарали ее прежним королем?

«А зачем ты выдал за него дочь?» – очень хотелось спросить Лучано, однако выйти от Риккарди живым и невредимым, а потом таким и остаться, ему хотелось гораздо больше, поэтому он промолчал.

– Я тысячу раз пожалел, что согласился на этот брак, – уронил торговый принц, снова поразив пронизательностью. Лучано даже вспомнил грандсиньора Роверстана. Ну точно, такое дается от Баргота и никак иначе! А Риккарди продолжил: – Сначала надеялся, что

стерпится-слюбится. Беатрис – умная девочка, редкий мужчина не подчинился бы ей. Но то мужчины, а то – животное. Моя дочь – принцесса, а не скотница, чтобы управляться с боровами... – Он брезгливо скривился. – Но она родила мне внуков – наследных принцев Дорвенанта. И сама отказалась вернуться домой, потому что не могла оставить своих мальчиков. Я предлагал. Я бы принял ее после развода. Она могла остаться дома или снова выйти замуж – с ее-то красотой! Да, развод – это позор, но плевать! Кому нельзя заткнуть глотку золотом, тому можно сталью, а у меня довольно и того, и другого. Но Беатрис осталась ради детей, надеялась, что сможет вырастить из них Риккарди, хоть и с половиной крови Дорвеннов. Не вышло... Когда я узнал, что отец прочит им браки с Пьячченца, снова пожалел, что ничего не предпринял за эти годы. Вы меня понимаете, юноша?

– Более чем, грандсиньор, – склонил голову Лучано. – Возможно, вам известно, что даже Шипы не хотят иметь дела с Пьячченца?

– Это всем известно, – подал голос незнакомый грандсиньор, чуточку оживившись. – Говорят, Пьячченца не заплатили вашей гильдии после резни в Капалермо.

– Ну что вы, грандсиньор, – улыбнулся Лучано. – Если бы Пьячченца не заплатили Шипам, уже бы не было никаких Пьячченца. Нет-нет, они выполнили договор до последнего скудо! Как и мы – до последнего мм-м... клиента.

– Но договоры с ними больше не подписываете, – уточнил Риккарди. – Забавно... Дорого бы я дал за эту историю. Настоящую историю, а не то, что рассказывают они.

– И что же они рассказывают, грандсиньор?

Шамьет уже остыл, и Лучано не стал допивать чуть горячий остаток. Вместо этого отщипнул от лежащей на блюде грозди и кинул в рот крупную виноградину, розовую, в цвет мрамора террасы, с тугой прозрачной кожицей, налитую так, что сразу лопнула на языке. Чужие взгляды все так же неприятно сверлили спину, и глухая ледяная тоска никуда не делась, но Лучано заставил себя отвлечься от всего, что могло помешать.

– О, какой-то бред, – фыркнул торговый принц. – Что резню в Капалермо устроил один-единственный человек. А после выставил семье Пьячченца добавочный счет за всех, кто не входил в

первоначальный контракт. Ну, допустим, про добавочный счет я верю, почему бы и нет? А вот про то, что один Шип, кто бы он ни был, за месяц избавился от сотни человек – и это лишь по основному контракту, не считая тех, кто подвернулся случайно... В это, уж простите, поверить не способен. Мы ведь говорим о человеке, а не о самом Барготе, верно?

Глава 23

Шипастая история

– Мм-м-м... – протянул Лучано, улыбнулся и кинул в рот еще одну виноградину.

Глаза старого Риккарди сузились, и он подался вперед, жадно вглядываясь в Лучано. Бальтазар тоже очнулся, но, напротив, поднял веки, и желтая муть его радужки просияла золотистым янтарем, а морщинистая кожа расправилась и натянулась на скулах. Лучано вдруг пораженно понял, что в молодости грандсиньор Бальтазар был отменно хорош собой. Словно мутное зеркало на несколько мгновений прояснилось, взгляд старика хищно блеснул и загорелся, плечи расправились, а руки, похожие на птичьи лапы, шевельнулись на коленях.

– Это было еще до вашего рождения, мальчик мой, – азартно мурлыкнул Риккарди. – И я расспрашивал многих, но все отмалчивались. У меня не брали такие деньги, от которых человек в здравом рассудке отказаться не способен. Если только не уверен, что эти деньги пойдут на его похороны. А вам, значит, эта история известна?

Пожав плечами, Лучано погладил пальцем левой руки перстень-розу на правой. Дождался, пока Риккарди остро блеснет глазами, увидев это, и небрежно заметил:

– Светлейший грандсиньор, я здесь по делам его величества Аластора Дорвенна. То старое дело в Капалермо к моим полномочиям никак не относится. Монсиньор Аластор передает вам изъясления самой искренней родственной любви и ждет ответа. Очень ждет...

– Ох, да получит он свои деньги, – махнул рукой Риккарди. – Моя девочка пишет, что этот мужчина сделал ее счастливой, а она хочет сделать счастливым его. Я очень много задолжал ей за эти два десятка лет. И если этот долг можно вернуть всего лишь деньгами, пусть будет так. В Претемные Сады с мешком золота не пускают, и остальные мои дети нищими не останутся. Он просит много... – Торговый принц быстро глянул на расправленную перед ним бумагу, словно не помнил, что там написано. Ага, как же! Потом, прищурившись, посмотрел на

Лучано и вкрадчиво сказал: – Он просит очень много, но я добавлю к этой сумме... скажем... десять процентов. За рассказ о Капалермо и человеке, поимевшем Пьячченца. Лично в подарок вам, синьор Фарелли. Или синьор младший мастер Фортунато, если вам так угодно.

– Грандсиньор, – укоризненно вздохнул Лучано. – Тех идиотто, что раскрывают секреты гильдии, Шипы Претемных Садов заживо скармливают крысам. Свой жизненный путь я хотел бы закончить иначе. Желательно, как-нибудь вот так! Поэтому пятнадцать процентов нравятся мне гораздо больше десяти.

И он обвел взглядом террасу, по которой от дуновения ветерка плясали кружевные тени, огромную маслину, накрытый стол и уходящий вдаль сад.

– Двенадцать, – хмыкнул Риккарди. – И заметьте, я ведь даже не могу проверить этот рассказ. Что помешает вам скормить мне красивую сказку?

– Ничего, – согласился Лучано, чувствуя себя так, словно играет с лучшим шулером Вероккии или пробует новинку мастера Ларци, на которую сам наставник смотрит озадаченно. – Ровным счетом ничего, грандсиньор. Больше того, я не назову ни одного имени. И очень советую вам не допытываться, кто все эти люди. Угадать их можно, но, поверьте, не нужно. Кстати, грандсиньор Бальтазар...

Он выразительно глянул в ту сторону, и Бальтазар искривил рот в подобии улыбки, а потом уронил:

– Соглашайся, Франческо. Иначе я дам этому мальчику двадцать, но с условием, что узнаю все, а тебе он не расскажет ни слова. Мне-то и вовсе не для кого беречь деньги.

– Ах ты, старый живодер! – выдохнул Риккарди. – Ты должен быть на моей стороне! Да ты хоть знаешь, сколько просит его покровитель? Я десять лет не увижу дохода с Лавальи!

Лавалья? Лавалья?!

Лучано растерянно выругал себя идиотто, и даже грызущая сердце тоска немного отступила. Риккарди назвал этого старика Бальтазаром! Это же старый Джанталья! Глава рода, оставшийся последним после смерти своих внуков. К которой, между прочим, Шипы имели самое близкое отношение! Но что он делает здесь, у Риккарди?!

– Можешь себе позволить, – равнодушно сказал Бальтазар. – Не все ли тебе равно, что будет через десять лет? Или ты рассчитываешь их прожить?

– Если я накину пятнадцать процентов на кредит без всякого обеспечения, то не проживу, разумеется, – сварливо отозвался Риккарди. – Меня удавят собственные внуки, и я даже не могу их за это осудить. Зачем жить тому, кто впал в старческий маразм и раздает семейное добро? Двадцать пополам, согласен? С такими деньгами этот мальчик может купить себе собственный городишко.

– Где его и убьют, – так же равнодушно сообщил Бальтазар Джанталья. – Ох, ну зачем тебе такие деньги, молодой синьор? Твой король тебе и так даст, сколько попросишь. За красивые глаза!..

И он осекся, странно хмыкнув. Потом потянулся прямо через стол, и не успел Лучано отшатнуться и возмутиться, поддел его подбородок жестким пальцем с неприятно царапнувшим ногтем, потянул вверх, так что пробившийся через листву луч ударил Лучано прямо в лицо, и каким-то слишком безразличным голосом повторил:

– Да, красивые... Кстати, мальчик, а откуда ты?

– Из сиротского приюта славного города Вероккьи, – очень любезно сообщил Лучано, отодвинувшись назад и едва сдержавшись, чтобы не вытереть подбородок салфеткой. – Как и любой Шип, грандсиньор. Нас там много таких, красивых...

Ярость кипела внутри, но рассудком Лучано понимал, что обидеть его старый мерзавец не хотел. Просто сделал то, что посчитал нужным – как всегда. Подобные люди редко спрашивают себя, нравятся ли другим их манеры.

– Двадцать пополам, – согласился Джанталья все тем же странным голосом.

Слишком спокойным и бесстрастным, словно блефовал в карты. И даже веки снова опустил, разом опять став похожим на черепаху, готовую вот-вот втянуться в панцирь. Только желтая муть залила узкие щели между веками.

– Получишь чек в банке Дорвенанта, – вздохнул Риккарди. – На твоё имя, разумеется. Хотя мне очень интересно, зачем тебе такие деньги в этой дикой стране? Там, говорят, их даже потратить не на что, кроме побрякушек.

– Фонтан поставлю, – невозмутимо отозвался Лучано и пояснил: – В Дорвенне такие скучные городские площади. Готов поспорить, ни один Шип еще не удостоился личного фонтана!

Два ошеломленных взгляда таких людей стали ему достойной наградой за весь устроенный здесь балаган, в котором ему отвели роль марионетто. Лучано немного помолчал, наслаждаясь эффектом, и раскусил еще одну виноградинку, а потом негромко заговорил:

– Итак, резня в Капалермо... Строго говоря, называть это резней не совсем верно, ведь примерно половина заказа была исполнена ядом. И это весьма важно, грандсиньоры. Все началось с того, что...

Он тоже чуть прикрыл глаза, восстанавливая в памяти каждое слово, каждую интонацию, с которой эту историю рассказывали ему самому. О, перед этой парой матерых крокодилов Лучано ничуть не лукавил, наказание за разглашение тайны гильдии действительно страшное. Но это не касается тех историй, которые Шипы пересказывают друг другу как легенды, и того, что ученикам рассказывают мастера. Выносить это за пределы гильдии строжайше не рекомендуется, но... именно в этой истории нет ничего позорного для Шипов. И если не называть имена...

– Все началось с того, что одного Шипа предпоследнего года обучения наказали, посадив на сутки в карцер. Казалось бы, не так страшно, только вот карцер в казармах Шипов, это каменный мешок на солнцепеке, а наказанным не дают ни еды, ни воды. К ночи наказанному стало совсем паршиво, за день он поджарился на солнце так, что едва дышал. И вот когда уже стемнело, в щель под дверь карцера чья-то рука просунула пару разломанных на дольки апельсинов. Большой риск, грандсиньоры! Узнай об этом наставники, такой добряк просидел бы в карцере неделю на одной лишь воде, а это не всякий переживет... Молодой Шип изучал яды, поэтому он первым делом обнюхал апельсин. Затем попробовал. А потом по очереди медленно высосал каждую дольку. И жить стало немного легче. Во всяком случае, распухший язык уже не грозил перекрыть горло, а в мыслях не мутилось. Он, конечно, не оставил никаких следов, и утром наказание закончилось. Шип ожидал, что ему предъявят счет за помощь – ну кто станет так рисковать даром? – но на следующий день никто из соучеников ничего ему не сказал. И тогда он решил сам узнать, кому придется вернуть долг. Я ведь говорил, что он изучал яды,

м? Люди часто недооценивают чутье. Слишком редко моют руки, одежду и вовсе не стирают, если на нее попали всего лишь капли апельсинового сока. Тому Шипу пришлось пройти все спальные комнаты в казармах, но он нашел того, от кого пахло его спасением. Позвал на разговор и прямо спросил, чем придется расплачиваться. Но другой Шип, его ровесник, предпочитающий клинки, лишь пожал плечами и сказал, что наказание показалось ему несправедливым. Долга нет, пустяки! «Я запомню», – сказал тот, кто учился варить яды. И на этом, грандсиньоры, все закончилось. Тогда закончилось...

Лучано перевел дух и отщипнул еще пару ягод. О, торговые принцы умели слушать! Риккарди подался вперед, лихорадочно блестя глазами, Джанталья, напротив, откинулся в кресле, ловя каждое слово. Говорят, скорее дождь пойдет вверх, чем торговые принцы объединятся. Могут ли они стать друзьями? Еще недавно Лучано сам бы посмеялся над столь бредовой мыслью. Но ведь грандмастера Шипов друзьями тоже не бывают.

Можно быть приятелями, как вот сам Лучано и Фелипе. Спать при этом с другим Шипом или нет, это неважно. Важно, можешь ли ты повернуться спиной к этому человеку или взять у него стакан воды. Но называть его своим другом нельзя совершенно точно. Кто-то обязательно донесет, и тогда вас разведут так, чтобы вы ни в коем случае не оказались на одном заказе вместе. Шип должен думать, как выполнить заказ, даже если придется пожертвовать собой. Если же вместо этого ты станешь спасать друга...

– Они закончили обучение через год, – продолжил он ровным голосом. – Первый попал в личные ученики к мастеру ядов и делал успехи, второй очень быстро стал младшим мастером клинков. Знаете, как у нас делают карьеру, грандсиньоры? О, это очень просто! Если ты хорош, можешь попросить об экзамене, пройти его и стать младшим мастером. Но старшим мастером тебя должен назвать кто-то из грандмастеров, причем с согласия остальных. С этого момента ты становишься его наследником, единственным или одним из нескольких. И дальше уже – кому повезет. Титул грандмастера – это награда за смерть того, кто его носит. Твоего бывшего наставника и покровителя. Младшие мастера часто живут рядом с грандмастером, прислуживают ему, ловят каждое слово, впитывают знания и опыт. Но став старшими мастерами, они покидают своего наставника. Ведь кому

захочется жить рядом с собственной будущей смертью и не знать, когда она нанесет удар? Поэтому грандмастера очень придирчиво выбирают тех, кто станет старшими мастерами. Они выбирают собственную смерть, быструю, милосердную, не очень скорую, приходящую со всем почтением как избавление от старости или болезни.

– Кровь Барготова, – замороженно прошептал Риккарди. – Убить того, кто тебя учил и опекал?..

Лучано кивнул.

– Тот молодой мастер клинков, он взлетел очень быстро. Слишком быстро, я бы сказал. Его наставник решил точно так же. Да, он мог просто не дать дерзкому юнцу звание старшего мастера и обезопасить себя, но рано или поздно пойдут слухи, а если совет гильдии решит, что грандмастер нарушает традиции такой трусостью, они могут и сами присвоить претенденту звание старшего мастера. И это будет позор... Он мог выиграть время, но не хотел жить в страхе. И когда глава рода Пьячченца пришел к нему и предложил большой дорогой контракт, грандмастер отдал ему своего лучшего ученика. «Это отличный выбор, – сказал он Пьячченца. – Мой мальчик так честолобив, что сделает невозможное». «Это твой шанс, малыш, – сказал он своему ученику. – Выполни для гильдии этот контракт, и я назову тебя старшим мастером». Пьячченца хотели одного Шипа на оговоренный срок – обычная практика. Тебя отправляют к клиенту, клиент дает имя или целый список. В разумных пределах, конечно. На исполнение заказа нужна подготовка, иногда очень долгая и сложная. Пьячченца выставили за контракт очень соблазнительную сумму и назвали условие: если Шип за оговоренный срок не исполняет заказ, контракт остается бесплатным. Убрал девять человек из десяти, но не успел последнего, оплаты не будет. «Беллисимо! – сказал грандмастер клинков Совету гильдии. – Он лучший, и он справится. Иначе какой разговор о звании старшего мастера?»

Лучано плеснул в чашку уже совсем холодного шамьета и промочил горло.

– Вечером грандмастер ядов вернулся домой и сказал своему ученику: «Нелегко придется этому парню. Пьячченца выжмут из него каждую каплю крови, а если он не справится, гильдия дождет остальное. Похоже, моему драгоценному собрату просто не нужен

такой резвый подмастерье за спиной. Жаль, способный был мальчик». Той же ночью молодой мастер ядов пришел к своему соученику и увидел, что тот совершенно спокоен, как спокойны обреченные люди, которые знают об этом. На столе у него лежал список, в котором было сто имен. Сто человек за месяц, вот что потребовали Пьячченца! Сотня богатых благородных синьоров, гуардо и чиновников, которые поддерживали главу городского совета Капалермо – человека, который хотел скинуть Пьячченца.

– Невозможно! – выдохнул Риккарди. – Я не Шип, но невозможно в одиночку за месяц убить сто человек! Их же охраняли, да и сами они понимали, с кем связались!

– Невозможно, – кивнул Лучано. – Вы совершенно правы, грандсиньор. Поэтому в Капалермо отправились двое, мастер ядов и мастер клинков. Кишкорез и отравитель, как у нас шутят... И вместе с ними в Капалермо пришла смерть. Провожатые, наверное, сбивались с ног, принимая души и сопровождая их в Претемные сады. Яд, ножи и арбалетные болты косили людей, словно траву. В первые же несколько дней погибли две дюжины заговорщиков, они собрались на тайную встречу в доме одного из них, и неосторожно выпили вина за успех своего дела. Больше таких удач у Шипов не было, но все сто человек, названных в списке, к концу месяца были убраны, а вместе с ними еще два с лишним десятка тех, кто просто случайно подвернулся под руку. Слуги, укравшие у хозяина глоток вина, охранники, провожавшие человека, домочадцы... Резня в Капалермо, так это называли.

– Ненавижу Шипов, – тихо и словно бы мечтательно сказал старый Джанталья.

– Странно ненавидеть оружие, а не руку, которая его держит, – пожал плечами Лучано. – Как человек я сочувствую вашему горю, грандсиньор. Но ваши родичи сами выбрали эту дорогу. Не будь нас, было бы то же самое, только еще грязнее и кровавее. Впрочем, я недорассказал историю. А конец весьма занимательный!

Он усмехнулся и дощипал остальные виноградины на кисточке. Проглотил сладкую свежую мякоть, полную сока, и заговорил опять:

– Вы же понимаете, молодой младший мастер не мог просто взять – и явиться на Совет гильдии с жалобой на своего наставника! Это очень дурной тон! Когда месяц истек, он представил Совету гильдии список тех, чью смерть Пьячченца не оплатили. Грандмастера, которые

прекрасно знали о резне в Капалермо, попросили у его наставника объяснений, но тот отговорился, что все было по закону. Пьячченца честно и щедро оплатили месяц работы, а что работа эта оказалась непосильной, то... Раз она все-таки сделана, значит, не такая уж непосильная!

— Ловко! — не выдержал Риккарди, и Джанталья медленно кивнул. — Каков мерзавец!

— Грандмастера переглянулись, — невозмутимо продолжил Лучано, — и мастер ядов сказал, что поспорить с этим трудно. Однако по справедливости, заказ был выполнен на уровне не младшего мастера и даже не старшего, а грандмастера — никак не меньше! Кстати, я говорил, что на Совете младшие и старшие мастера могут присутствовать лишь за спиной своего наставника? М? Исключительно из почтения к нему, разумеется! Грандмастер клинков, услышав это, возмутился и спросил: «Какого Баргота? Двух грандмастеров клинка быть не может! Кто сделает этого щенка грандмастером, если я еще жив?» И... через несколько мгновений захлебнулся кровью. Дерзкий младший мастер вынул нож из его тела, поклонился и сказал: «Простите, наставник, не мог же я послушаться всего Круга мастеров?»

— Ах... — выдохнул Риккарди будто в любовном экстазе. — И что? Что с ним сделали?!

— Мастера снова переглянулись, — сказал Лучано. — И грандмастер ядов, который на целый месяц посылал своего лучшего ученика с поручением в другой город, сказал: «Ну что же, все по закону. И хороший урок всей гильдии. Займи свое место, почтенный собрат, нужно еще многое обсудить. Предлагаю еще один урок преподать тем, кто думает, что может обмануть гильдию. Мы исполнили заказ высокородной семьи Пьячченца. Но если Шипы Претемных Садов уважают себя, этот заказ будет последним, что мы у них взяли. Соглашайтесь или отвергайте!» И все грандмастера как один бросили на стол белый платок согласия. С тех пор у гильдии — вот уже три десятка лет — не менялся мастер клинков. Мастер ядов, кстати, сменился, но через много лет после этого случая и с полным почтением его преемника. Ушел во сне, когда заболел так, что не могли помочь даже лучшие целители. И заказов у Пьячченца Шипы не станут брать, пока в Эдоре есть Шипы и есть Пьячченца. Ну что,

отработал ли я свои деньги, почтенные грандсиньоры? – усмехнулся он, подражая уличному рассказчику, привставая из-за стола и шутовски кланяясь.

В сердце снова кольнуло непонятной тоской, холодной и серой, как зимнее небо Дорвенанта. Лучано молча выпрямился и заметил, что оба торговых принца глядят пристально и опять очень странно. Будто пытаются рассмотреть что-то внутри него.

– С лихвой, – кивнул наконец Риккарди. – Передай своему королю, что я выполню все обещания в срок. Через две недели деньги будут у него, до зимы еще успеет пустить их в оборот. На хорошее дело и рачительному хозяину – не жалко. Да пусть отправит ко мне внучек в гости на День Солнцестояния! Покажу им настоящий итлийский карнавал, погрею на солнышке, проведу по дворцу...

Лучано увидел, как Джанталья молча сжал губы, превратив их в узкую линию, а мигом позже и Риккарди, глянув на него, осекся. Поднял руку, и почти сразу из-за края террасы показался тот же синьор, что Лучано привел.

– Мое почтение, грандсиньоры! – поклонился он снова уже прилично, поняв намек.

Оба принца кивнули так слаженно, словно долго тренировались это делать. Или просто очень долго и хорошо знали друг друга. Так долго и хорошо, что настроились друг на друга, словно струны лютни по одному камертону.

Лучано попятился на несколько шагов, прижимая ладонь к груди, у края террасы повернулся и пошел за своим проводником. Риккарди и Джанталья все это время молчали, и лишь в последний момент хозяин Джермонто бросил несколько слов, из которых Лучано уловил только «похож» и «Франческо». Что-то в этом показалось ему странным, но мысли тут же перескочили на кредит, о котором он привезет Альсу отличное известие! Если вернется, конечно... И уж фонтан тогда надо построить обязательно! Пусть Альс не тратит на это деньги, пусть он ставит свои мануфактуры и льет пушки, а Лучано украсит главную площадь Дорвенанта таким красивым фонтаном, что даже в Итлии позавидуют! Кстати, нужно навестить «Весну». Он ей обещал, да и соскучился...

Сердце радостно стукнуло, и показалось, что тоска немного отступила. Да что же это за дрянь такая, а? И уже подходя к portalу,

куда его проводили снова паж и гуардо, Лучано понял, что ему показалось непонятным в словах Риккарди. «Франческо», – сказал тот. С чего человеку называть себя самого по имени в разговоре с другом? Впрочем, это была такая мелочь, что она моментально забылась! День расцвел золотым итлийским полднем, Лучано ждала «Весна» и Вероккья, которых он не видел целую вечность! А вечером – Круг мастеров и место за спиной Ларци.

Глава 24

Долгая ночь трудного дня

– Кажется, я оскорбила мужа, – пробормотала Айлин, не глядя на лорда Аранвена.

Последним запрыгнув в карету, Пушок лег у ее ног, привалившись к ним, и Айлин рассеянно его погладила.

– Отнюдь нет, – мягко возразил канцлер и, протянув руку, задернул штору. Колеса экипажа застучали по мостовой, и Айлин показалось, что бешено бьющееся сердце отзывается им. – Вы не сказали ничего оскорбительного, миледи. Однако, – добавил он со вздохом, – боюсь, гордость лорда Бастельеро действительно уязвлена, хотя и не по вашей вине. Не сердитесь на него, миледи. Поймите, человеку, на которого возложена такая ответственность, порой трудно смириться с чужим своеволием. Должен признать, это свойственно и мне тоже, не говоря уж о моем сыне... но об этом вы знаете и сами, не так ли?

– Дарре, милорд? – поразилась Айлин и уставилась на лорда Ангуса, тщетно стараясь увидеть в его лице хоть малейший намек, что это шутка.

К ее безмерному изумлению, пожилой лорд выглядел совершенно серьезным и даже немного смущенным.

– В самом деле, я должен был подумать, что вас это не коснется, – отозвался он. – Вы и Саймон – его единственные друзья, с вами он смирял гордый нрав, присущий нашей семье. В таком случае, просто поверьте, что это действительно так. Ваш муж, к тому же, внук своего деда, а лорд Стефан управлял родом железной рукой и не прощал ошибок. В первую очередь – себе, но и к окружающим он был столь же суров и требователен.

– Думаю, я бы ему не понравилась, – откликнулась Айлин, вспомнив ледяное лицо и надменную речь лорда Стефана.

И сомневаться не нужно – еще как не понравилась, без всяких «бы»! Ох, узнай старый лорд Бастельеро, на ком женился его внук... Даже представить страшно, как бы он разгневался!

– А я не так в этом уверен, – тонко улыбнулся лорд Ангус. – Правда, супруга лорда Стефана, как и его невестка, были полностью вам противоположны, однако... Не знаю, известно ли вам, но лорд Стефан овдовел после десяти лет брака и по прошествии пристойного времени решил жениться снова. Его выбор пал на одну из фрейлин королевы Розаберты – прелестную девушку и очень... живую. Простите мне подобную вольность, но вы чрезвычайно на нее похожи. Нет, не лицом или статью – как раз ничего общего! Та девица была истинной арлезийкой, темноволосой, смуглой и черноглазой... – Канцлер чуть прикрыл глаза, словно восстанавливая облик девушки перед внутренним взором, и добавил: – Она по праву считалась одной из первых красавиц двора, но была скорее величественной, чем милой. Нет, я бы сказал, что ваше сходство в иных, куда более тонких признаках души. Живой взгляд, искренность, безупречное достоинство в манерах... Неудивительно, что даже Стефан Черный Глаз не устоял перед ее очарованием, как не устоял перед вашей прелестью... его внук.

Он сказал это с такой крошечной заминкой, что Айлин решила, будто ей это почудилось. Действительно, о ком еще лорд Ангус мог подумать? Но лорд Стефан Бастельеро – и девушка, похожая на нее?!

– И та леди согласилась? – любопытствовала она, коря себя за то, что интересуется пустяками, когда у Аластора такая беда.

«Но ведь лорд Ангус рассказал мне об этом, значит, не поддержать беседу попросту невежливо! – тут же возразила она сама себе. – И дорога за разговором пройдет быстрее!»

Заодно она попыталась вспомнить, видела ли в семейной галерее супруга портрет красавицы-арлезийки. Многие поколения Бастельеро с величайшей тщательностью сохраняли память о женщинах, которые входили в род. На портретах Айлин видела представительниц почти всех Трех Дюжин, даже тех семей, что уже исчезли в бездне времени. Были в галерее и портреты фраганок, итлик, девиц из княжеств... Но арлезийка?

– Нет, – качнул головой канцлер. – И лично я не могу ее в этом винить. Лорд Стефан тогда был гораздо старше, чем сейчас ваш супруг, а леди Кармеле едва исполнилось восемнадцать. Конечно, бывают браки с подобной разницей в возрасте, но счастливых среди них не слишком много. О различии характеров я и не говорю. Леди

Кармела отказала самым учтивым и достойным образом, что, впрочем, разъярило Стефана не меньше прямого оскорбления. Такой уж он был человек, не терпел малейшего непокорства ни в ком. А когда юная леди вышла замуж за королевского архитектора и удалилась от двора, лорд Бастельеро преисполнился к ней презрения... Полагаю, по его самолюбию невыносимо ударило, что ему предпочли простолюдина – человека образованного и достойного, но ничем, кроме мастерства, не выдающегося. Впрочем, это давняя история, и она забыта большинством людей, а что касается вас...

Канцлер на мгновение умолк, снова прикрыв глаза, и Айлин сочувственно подумала, каким же усталым выглядит лорд Ангус! Как будто долго-долго не спал, а теперь еще и это... Потерять наследника – это ведь страшная беда для всего Дорвенанта!

«А главное, для Аластора, – вздохнула она про себя. Бедный Ал, он так ждал этого малыша, весь светился от счастья и гордости. Представить страшно, как ему сейчас плохо! Да и королева... Какой бы она ни была – но ужасно жаль и ее тоже! Ала она действительно любит, это сразу видно... Кстати, а ведь получается, что лорд Стефан сватался к матушке Кармеля?! Ну да, точно! Имя, данное в ее честь, отец-архитектор, давний скандал... Какая изощренная и жестокая шутка судьбы! Внук лорда Стефана женился на чужой невесте, избраннице человека, чья мать отказала его деду... Ох, я бы тоже ему отказала! Такой неприятный старик – бр-р-р! Не дай Благие, чтобы мой супруг в старости был похож на него!»

Она снова погладила большую лобастую голову Пушка, задержавшись на ушах. Мягкий густой мех показался под пальцами теплым, словно у живой собаки, и Пушок тут же ткнулся головой в ее ладонь, призывая гладить и дальше.

– Да, что касается вас, – опять заговорил лорд Аранвен, открыв глаза и взглянув на Айлин так остро и внимательно, словно за эти несколько мгновений успел превосходно отдохнуть. – Моя дорогая леди, я должен просить у вас прощения. Вы ведь понимаете, что эта поездка нанесет непоправимый урон вашей репутации?

– Да, милорд, – послушно согласилась Айлин, и в самом деле это понимая. Если Ал не желает никого видеть... и они останутся наедине, как привыкли еще в детстве... Какие грязные сплетни можно

придумать! – Но ведь у вас не было другого выхода? Вы никогда не рискнули бы моей репутацией, не будь на это очень веских причин.

Взгляд лорда Ангуса смягчился, и канцлер едва заметно покачал головой.

– Должен признать, миледи, сейчас я как никогда понимаю, почему мой сын... – Он вдруг осекся, глубоко вздохнул и продолжил, как показалось Айлин, совсем не так, как собирался: – Считает вас ближайшей подругой. Клянусь, если бы лорд Фарелл не отправился в Итлию, я бы не осмелился потревожить покой вашего дома. Увы, судьба не предоставила нам выбора. И все же моя просьба поссорила вас с мужем. Должен признать, что я мог бы повести разговор иначе, и лорд Бастельеро отправился бы с нами, но... это не помогло бы избежать сплетен. Они просто стали бы другими.

– И еще более оскорбительными для моего супруга, – согласилась Айлин. – Говорили бы, что король уединился с фавориткой, которую привез ее собственный муж, да? Но вы не должны извиняться, милорд! Это ведь было мое решение. И я... я так вам благодарна за ваш визит! Я знала... чувствовала, что случилось что-то ужасное, только не понимала – с кем!

Это было чистой правдой. С самого утра Айлин мучилась острой болезненной тревогой. Она уговаривала себя, что просто проснулась в дурном настроении после ссоры с мужем, вот и кажется всякое. Ведь магический дар заблокирован, любые предчувствия ничего не значат.

Старательно борясь с этим ощущением, Айлин проводила лорда Бастельеро и закрылась в спальне, пытаясь отвлечься чтением, но тревога не проходила, а потом сменилась жуткой ледяной тоской – совсем как много лет назад, когда она ждала отца с его последней охоты! Правда, в этот раз у Айлин не было кошмаров, но оказаться запертой одновременно и в доме мужа под присмотром ненавистной компаньонки, и в собственном теле, неуклюжем, ослабевшем, лишенном магии – невыносимо! Совершенно непонятно, можно ли доверять своим ощущениям или это всего лишь капризы утомленного беременностью организма.

Поэтому появление лорда Аранвена она встретила с жадной надеждой наконец-то узнать в чем дело. А когда поняла, что муж решил не просто отказать канцлеру в просьбе, но даже не ставить в

известность о ней саму Айлин, вспыхнувший гнев толкнул на безрассудство...

– Мое милое дитя, – вздохнул канцлер. – Видят Семеро Благих, вы не заслужили ни единого пятнышка на своем добром имени. И мне мучительно стыдно, что так получилось. Могу только обещать, что постараюсь не дать хода слухам, насколько это вообще возможно. Увы, совсем скрыть ваш визит не получится. Дворец полон глаз и ушей, а если что-то пытаются утаить, это привлекает еще больше внимания. Вам остается лишь держаться с достоинством и ждать, пока слухи утихнут сами по себе. К счастью, в последнее время вы вели такой добродетельный образ жизни, что никакой другой пищи у сплетен попросту не окажется. Слухи быстро утихнут, и я надеюсь, что между вами и лордом Бастельеро не случится серьезного разлада.

– Я не собираюсь переживать о чьих-то грязных домыслах! И если мой муж – благородный человек, он тоже не станет беспокоиться об этом! – вспыхнула Айлин, но лорд Ангус взглянул укоряюще и негромко уронил:

– Вы не совсем правы. То, что в данном случае интересы короны разошлись с интересами лорда Бастельеро, не значит, что он не прав. Репутация очень важна для чести семьи. По вашим поступкам станут судить не только о вас, но и о ваших детях, не говоря уж о супруге. Вы ведь не хотите, чтобы вашего сына или дочь назвали безнравственными и плохо воспитанными, а мужа – слабовольным глупцом, потакающим недостойному поведению жены?

Несмотря на мягкий тон, слова канцлера были так безжалостно правдивы, что Айлин виновато опустила голову. Конечно, она и сама понимала это все! Ребенком она искренне и страстно хотела не быть леди, чтобы освободиться от уз этикета, но теперь-то она взрослая. И понимает, что этикет и репутация не зло, а инструменты, созданные, чтобы скрепить общество, состоящее из самых разных людей. Но как трудно найти баланс между тем, что требуют правила приличия, и тем, чего хочет сердце!

Сегодня ею управлял гнев на мужа, который принял за нее такое важное решение. Но ведь именно супругу придется защищать ее честь, если слухи все-таки окажутся слишком грязными. Вызвать кого-то на дуэль, рисковать жизнью... Да, он несравненный маг с огромным резервом, в его искусстве никаких сомнений, только вот с профаном

придется драться на немагической дуэли, а рапиры в руках мужа Айлин не видела... Да никогда, пожалуй! Вот и получается, что своим безрассудством она подвергла опасности не только репутацию супруга, но и его жизнь. А ведь есть еще и другие люди, которым она дорога и которые тоже не смогут остаться в стороне...

— Я поняла, милорд, — прошептала она, и канцлер удовлетворенно кивнул, а потом так же тихо и мягко заметил:

— Я всегда знал, что вы разумная девушка, несмотря на горячую кровь Ревенгаров и гордость магессы. Вашему супругу следовало бы внимательнее смотреть, кого он берет в жены, и не ждать от вас абсолютного послушания. Но у лорда Бастельеро поразительная способность закрывать глаза на то, что может прийтись ему не по вкусу, а потом возмущаться, что именно так и произошло.

Айлин едва не хихикнула, поразившись меткости этого замечания. И тут же снова устыдилась, подумав об Аласторе.

— Скажите, милорд, что с королем? — спросила она виновато. — Я... хотела бы понимать, к чему готовиться.

— Боюсь, этого я и сам не знаю, — вздохнув, ответил канцлер. — Его величество не желает никого видеть, ни с кем не разговаривает, не принимает пищу и полностью погрузился в себя. Кто-то может подумать, что я напрасно испугался происходящего, и что мужчине свойственно переживать, когда его ребенок погиб, а жена тяжело больна. Я бы и сам хотел верить, что все пройдет бесследно. Однако его величество Аластор — молод и крепок, у него удивительно здоровый разум, и такое поведение человека, пережившего испытание Разломом, меня... пугает.

Последнее слово замерло в наступившей тишине, и по спине Айлин пробежали мурашки. Напугать самого канцлера? Что же творится с Алом?!

— А разумники? — дрогнувшим голосом уточнила Айлин. — Знаете, когда я увидела смерть магистра Кристофа, со мной было нечто подобное. К счастью, рядом оказался магистр Роверстан и помог моему разуму перенести это. Вдруг он может помочь и Аластору?

Нечаянно назвав Ала по имени, она прикусила язык, но канцлер, словно Айлин не сказала ничего неподобающего, ровно отозвался:

— Увы, магия разумников очень плохо действует, когда пациент яростно сопротивляется любым попыткам помочь. Я посылал за

магистром Роверстаном, но его величество даже не узнал Дункана, а знаменитое упрямство Дорвеннов – отнюдь не пустой звук. Потомки Дорве ничего не делают наполовину. Мало кто сравнится с ними в стремлении к жизни, но если уж они решили себя разрушить, то действуют с полным самоотречением. Собственно, это было одной из причин, почему разумники не могли помочь его величеству Малкольму, который много лет злоупотреблял выпивкой. Король изо всех сил сопротивлялся любому вмешательству в разум. И точно так же сейчас поступает его величество Аластор.

Айлин вспомнила, как тяжело было Кармелю ставить блоки на разум Аластора и Лучано после Разлома, и молча кивнула. А ведь тогда Ал искренне хотел помочь разумнику!

– Именно магистр Роверстан и предложил мне привезти во дворец вас, если уж лорд Фарелл пока недоступен, – помолчав, признался канцлер. – Он сказал, что ваша связь никуда не делась, несмотря на блоки, и может послужить чем-то вроде ключа, который откроет разум короля. Если его величество Аластор позволит себе проявить хоть какие-то чувства, помочь ему будет несравнимо легче.

– Я поняла, – опять кивнула Айлин, у которой сладко и тоскливо потянуло внутри.

Кармель вспомнил о ней! Пусть только из-за Аластора, но он ведь и не может открыто проявить свои чувства. Если, конечно, они у него остались... Дни летят, складываясь в недели и месяцы, разлука жестока к любви, как засуха – к еще не окрепшему ростку, и разве может Айлин чего-то ждать или требовать? Но вдруг она увидит Кармеля во дворце?!

– А магистр сейчас остался с его величеством? – спросила она с замиранием сердца и изо всех сил стараясь говорить сдержанно.

– Он сказал, что его присутствие пока бесполезно, – спокойно откликнулся канцлер. – И попросил послать за ним, когда его величество скажет хоть одно слово. – Не успело сердце Айлин тоскливо и разочарованно замереть, как лорд Ангус рассудительно добавил: – Я предложил магистру заночевать во дворце, чтобы не пришлось тратить время на дорогу.

Так все-таки Кармель там? Ох, какая же она плохая подруга! Надо думать об Аласторе, который нуждается в помощи, а она?..

За шторами ярко вспыхнули огни королевского дворца, послышалась переключка гвардейского поста с кучером, и экипаж проехал в ворота. Вскоре карета остановилась, канцлер первым покинул ее и учтиво предложил руку. Опираясь на нее, Айлин медленно сошла со ступеньки, чувствуя себя отвратительно неуклюжей, и осторожно огляделась вокруг. Да, нечего и думать о том, чтобы сохранить этот визит в тайне. Два гвардейца на посту у парадного входа проводили их с канцлером взглядами, в холле мимо прошмыгнул кто-то из пажей, незнакомая леди выглянула из галереи и сделала реверанс. Если бы Аранвен хотел, чтобы Айлин никто не увидел, ему пришлось бы вести ее под иллюзией.

«Или нести нас с Пушком в мешке, – мрачно подумала Айлин. – Я все-таки пять лет прожила с иллюзорницей. И знаю, что абсолютно непроницаемых иллюзий не бывает. Самое меньшее, иллюзию может распознать другой иллюзорник. Или человек с артефактом. А тогда доказывать, что это была простая предосторожность ради репутации, точно будет бесполезно».

По-прежнему опираясь на руку лорда Аранвена, она прошла по удивительно тихому дворцу до арлезийской гостиной, вздрогнув при виде высоких дверей из полированного красного дерева, однако канцлер повел Айлин дальше, и вскоре они подошли к другим дверям – дубовым, украшенным резными гербовыми львами. Здесь тоже стояли два гвардейца, но уже в чине лейтенанта, и они на Айлин не смотрели, напротив, вытянулись и уставились поверх ее головы куда-то в стену.

– Я буду за дверью, – негромко сказал лорд Аранвен. – Что бы ни случилось, вам достаточно позвать.

«Он что, думает, будто Ал способен причинить мне вред? – поразила Айлин. – Я же не в клетку к дикому зверю вхожу! Он мой друг и король, он мне ближе брата!»

Удивленно глянув на бесстрастного канцлера, она подошла к двери, и один из гвардейцев, повинувшись жесту лорда Ангуса, распахнул ее. Пушок, внимательно глянув на Айлин и поняв, что особых распоряжений не будет, величественно лег в коридоре, положив голову на лапы и насторожив уши. Пара шагов – и когда дверь едва слышно закрылась позади, Айлин поняла, что попала в королевскую спальню. Огромную, полутемную, слабо освещенную единственным

магическим шаром, который приглушенно сиял над кроватью без балдахина. А на ковре рядом с этой кроватью согнулся, обняв колени и уткнувшись в них лицом, Аластор.

Ее шаги он должен был слышать, потому что ковер начинался не сразу от двери, а немного дальше, но Айлин пересекла всю спальню и подошла к кровати, а Аластор все не поднимал голову.

«Я не знаю, что делать, – растерянно подумала Айлин. – Что я могу ему сказать? Что вообще можно сказать тому, кто переживает такое горе?! Но... ведь лорд Бастельеро все-таки нашел для меня нужные слова, когда погиб отец. Как и Саймон с Даррой, и мэтр Киран... Все они не побоялись открыть мне душу, разделить со мной боль...»

Подойдя к кровати, она присела на нее, только сейчас разглядев, что Аластор обнимает Флориморда. Свернувшись большим серо-белым клубком, кот старательно мял его колени лапами и громко урчал. Слава Благим, хоть одно живое существо разделяло с Алом гнетущее одиночество этой роскошной комнаты, сейчас больше похожей на склеп.

– Я пришла... – негромко уронила Айлин и положила руку на голову Аластора в точности так же, как недавно гладила Пушка.

Запустила пальцы в светлые волосы, замерла, прислушиваясь к биению собственного сердца... Не говоря ни слова, Ал немного повернулся и уткнулся лицом в ее колени, замер, а потом как-то странно вздохнул, словно захлебываясь воздухом.

– Я... не знаю, что говорить, – честно призналась Айлин, продолжая гладить и перебирать длинные пряди волос, удивительно мягкие для мужчины. – Сейчас что ни скажи, будет только больнее. Когда умер мой отец, меня утешали тем, что мы встретимся в Садах, но твой малыш, он ведь так и не успел прийти в этот мир. Так что я не знаю, встретитесь ли вы там и сможете ли узнать друг друга... Но я точно знаю, что душа гораздо старше тела, она мудрее, и ей известно больше, чем мы видим и слышим здесь. Душа этого ребенка наверняка понимала, как вы ее любили и ждали ее рождения, и эту память о любви она заберет с собой в Претемные Сады. Ал, мне жаль, мне так ужасно жаль! Плохие вещи... иногда они просто случаются, и с этим ничего нельзя поделать. Может быть, именно этот ребенок еще

вернется к тебе в следующий раз, ведь он уже будет знать, что здесь он желанен и любим...

Ее голос оборвался, и рука соскользнула. Аластор перехватил ладонь Айлин и прижался губами к ее пальцам, все так же не говоря ни слова. Переведя дыхание, Айлин продолжила:

– Там за дверью лорд-канцлер Аранвен. Он так переживает о тебе! Не только как о короле, понимаешь? И магистр Роверстан – тоже. И все остальные... я уверена, весь Дорвенант скорбит вместе с тобой. Ты очень нужен ему, Ал. Нужен мне... И Лу, когда он вернется. И своей жене! Ее величество Беатрис... Ей очень плохо сейчас, кто еще сможет обнять ее, утешить, сказать, что она ни в чем не виновата... Она наверняка хочет...

– Не хочет, – перебил ее Аластор, и Айлин вздрогнула, услышав этот глухой и словно безжизненный голос. – Беатрис меня прогнала. Она думает, что я не должен видеть ее больной и некрасивой. Что я подлец, который может разлюбить ее из-за этого.

– Ей больно, – вздохнула Айлин, чувствуя на губах какой-то соленый привкус. Кажется, у нее потекли слезы, а она и не заметила. – Ал, ты же сам знаешь, когда человеку по-настоящему больно, не все могут попросить о помощи. Некоторые прячутся, как раненый зверь – в нору. Она тебя очень любит, просто сейчас ей слишком плохо. А для тебя она хочет быть самой лучшей и прекрасной, это же понятно.

– Нет, непонятно, – упрямо возразил Аластор, и в его голосе наконец-то начали прорезаться живые нотки. – Я же все равно ее люблю. Красивую или некрасивую, здоровую или больную – любую. Только знаешь... Я ее ни в чем не виню, честное слово! Просто я сейчас вдруг понял, что мы с ней видели друг друга... ну... ненастоящими. Когда бы я ни пришел, у нее всегда прическа – волосок к волоску, платье как на картине, драгоценности... Даже в постели – драгоценности! Когда уже ничего другого нет, а... Ладно, это тебе точно не нужно знать, прости! Но ты меня понимаешь? Я ведь и сам всегда старался показаться ей как можно лучше! Чистым, нарядным, готовым на что угодно, хоть комплименты говорить, хоть на руках носить... А теперь думаю, вдруг мы и не любили друг друга? Вдруг просто не видели друг друга такими, какие мы на самом деле? Вот с тобой все иначе. Я помню, какая ты спросонья, когда еще растрепанная, глаза припухшие, гребень в волосах застревает...

Помню, когда несчастная, испуганная, злая... И ты меня видела всяким. Да что там, ты же меня на коленях держала, когда из меня только что кишки не лезли! Мне... никаким перед тобой показаться не стыдно. Как и перед Лу, понимаешь? Вы меня оба... насквозь видели, не то что без парадного камзола! А я ее, свою жену, нет. Никогда. И она меня – тоже. Как будто я... ну не знаю... паладин, а она – принцесса. Только сказочные, из детской книжки или пьесы в уличном балагане. Все такое красивое, блестящее, а приглядишься – фальшивка. И она боится показаться мне настоящей. Как будто я узнаю о ней что-то такое, после чего разлюблю. Как будто наша любовь – она только для солнечных дней, а пойдя дождь – и ее смоем... И я знаю, что не должен о ней так думать, что Беатрис меня любит, всем сердцем любит, как только может! Она с ума сходит от любви ко мне, а я ее предаю такими мыслями. Но я ведь только хотел сказать, что тоже ее люблю! Успокоить! Пообещать, что всегда буду рядом! Разве это плохо? Разве для этого надо быть безупречной красавицей? Той самой Беатрис, по которой все сходят с ума? Зачем ей это сейчас?!

Он всхлипнул, и Айлин, у которой сердце разрывалось от жалости и нежности, крепче прижала к себе востропанную белокурую голову. Действительно, как можно ей стыдиться Аластора или Лу? Они же... родные. Как часть ее самой! Это все равно, что стыдиться собственных рук или глаз! А у королевы с Аластором какая-то совсем другая любовь... Понятно, что Аластору обидно. Он хотел помочь, поддержать! Он ведь и правда такой... паладин. Вечно пытается всех спасти, уберечь, окружить заботой. И для него самое страшное, что именно сейчас он совершенно ничего не может сделать. Вот совсем! А то, что пытается дать, его жена отвергает. Они как будто стоят на разных берегах реки и кричат друг другу, но не слышат, что отвечает другой...

– Все будет хорошо, Ал, – шепнула она, обнимая Аластора и покачиваясь вместе с ним, будто укачивая ребенка. – Все будет хорошо... Вы это переживете. Она тебя поймет, когда снова сможет думать, не задыхаясь от боли. И ты поймешь... Это все потому, что она тебя любит. Очень-очень любит! А мы просто будем рядом. И я, и Лу... Это ведь совсем иное, правда? Она твоя жена, а мы... мы твоя часть, как ты – наша. Я сама не знала, что так бывает. Прости, что натворила такое...

– Айлин, я бы с ума сошел, если бы ты не пришла, – сказал Аластор все еще чужим и странным, но уже живым голосом. – Просто сошел бы с ума. Наверное, это похоже на Бездну. Падаешь в нее и падаешь, а сделать ничего не можешь. Я не знаю, почему со мной такое было! Но это... жутко.

– Я понимаю, – кивнула Айлин. – Со мной – тоже. Когда у меня на глазах убили мэтра Кристофа. Да, и правда похоже на Бездну. Но сейчас уже легче, правда? Тебе бы разумника...

Она затаила дыхание, ожидая, что скажет Аластор. Мужчины так не любят лечиться! А к разумникам даже маги относятся с предубеждением, считая, что с собственным разумом и душой нужно справляться самим.

– Ну, разве что Дункана позвать, – рассудительно отозвался Аластор, и Айлин с облегчением перевела дух. – Другим я как-то не очень доверяю, а он и мастер отменный, и знает уже обо мне столько, что другого давно пришлось бы взять под стражу.

Он хмыкнул и совершенно как Пушок потерся щекой о ее ладонь. «Это он серьезно про стражу? – изумилась Айлин. – Или все-таки шутка? Благие Семеро, но какое счастье, что оживает! Теперь только не упустить момент, не дать ему опять провалиться внутрь собственного разума!»

– Конечно, позвать! – подхватила она, уже ласково и без опаски взъерошив Аластору волосы. – Обязательно! Хочешь, прямо сейчас?

– Не хочу! – Аластор мотнул головой, словно упрямый мальчишка, что отказывается от лекарства. – Посиди со мной еще немножко. Я так соскучился... – И тут же спохватился. – Айлин, а как же ты?.. Твой муж, как он тебя отпустил?! Беременную! На ночь глядя!

– Милорд Бастельеро? – удивилась Айлин, надеясь, что это вышло не совсем фальшиво. – Разве он мог меня не отпустить к моему королю и другу? Да еще и с самим лордом Аранвеном.

– М-да? – недоверчиво протянул Аластор. – Ладно, придется послать ему извинения. Хоть бы тебя никто не увидел...

«Мужчины, – горько усмехнулась про себя Айлин. – Он всерьез полагает, что такое можно скрыть? Только бы сама королева не подумала лишнего. Но мне перед ней оправдываться бесполезно. Во-первых, не поверит, а во-вторых, сейчас ей даже сам мой вид будет как нож в сердце».

– Еще несколько минут, хорошо? – тихо уточнил Аластор. – Я тебя не задержу, правда. – И, уложив голову ей на колени, пожаловался: – Я так устал! Больше, чем в том походе! Уже который месяц на троне, а никак не могу со всем справиться. Ну и наследство досталось... Хуже, чем в самом запущенном поместье! Как будто он... ну, ты понимаешь, о ком я... совершенно не занимался никакими делами. Ну, это ладно... Мне такого про него рассказали, что я даже не удивляюсь. Но ведь у него были сыновья! Помнишь принца Криспина, которого мы приняли за обычного юного лорда?

– Конечно! – заверила Айлин, невольно улыбнувшись давним воспоминаниям, а Аластор мрачно отозвался:

– Он был немногим младше меня. А я начал всерьез заниматься делами поместья в шестнадцать лет! И если бы с отцом случилось... что угодно, неважно что! Я полностью его заменил бы, понимаешь? Потому что отец хотел бы, чтобы Вальдероны процветали. Любой лорд этого хочет. А принц Криспин... он и не думал заменить короля! И принц Кристиан – тоже! А ведь у них был лорд Аранвен... На окраинах Дорвенны люди умирали от голода, а принцы играли в мяч! Ездили на охоту, танцевали на балах...

– У тебя тоже есть лорд Аранвен, – тихо напомнила Айлин.

– И я не устаю благодарить за это Семерых, – вздохнул Ал. – Он очень мне помогает. И Дункан тоже. Не представляю, что бы я без них делал. Наверное, даже спать не успевал бы. А еще, конечно, Лу. Даже когда он просто рядом, настолько легче! Скорее бы и ты смогла выезжать... Прости, я столько на тебя вывалил! Не хотел жаловаться, правда... Но иногда так накатывает, что даже с отцом и матушкой не могу поделиться... Стыдно быть слабым, понимаешь? Раз боги выбрали меня для всего этого, значит, я могу выдержать. Просто иногда устаю...

«А с женой поделиться этим не можешь, да? – поняла Айлин. – Иначе вдруг она заподозрит, что под сияющими доспехами паладина обычный человек? Что-то у вас неладно, Ал... Конечно, не мне вас судить, у самой семейная жизнь не задалась, но когда в тебе видят не живого человека, а сияющий образ, это жутко, уж я-то знаю!»

– Вот бы назначить тебя королевским некромантом, – мечтательно сказал Аластор. – Тогда мы бы часто виделись.

– А у тебя разве нет некроманта?! Ал, я не смогу! Я же в проклятиях очень плохо понимаю!

– Как мне сказали, лучше всего в них понимает лорд Бастельеро, – снова очень по-взрослому усмехнулся Аластор. – Но очень уж мы друг друга не любим. Извини, я помню, что он твой муж, но... Я скорее аккару позвал бы в королевские некроманты, чем его. А других подходящих как-то и нет. Вот разве что твои Вороны подрастут? Кого посоветуешь?

– Не знаю, – снова растерялась Айлин. – Дарра мог бы, но он же...

– Будущий канцлер, да. Взваливать на него еще и это... Даже для Аранвена как-то слишком. А лорд Эддерли-младший?

– Тогда вместо аккару у тебя в некромантах будет второй Перлюрен, – вздохнула Айлин. – Саймон очень сильный маг! Но он такой...

– Мальчишка, да? – проницательно подсказал Аластор, и Айлин кивнула.

– А почему бы тебе не попросить леди Немайн? – вдруг осенило ее. – Она очень сильная магесса! Дарра приносил нам на занятия ее конспекты, они потрясающие! А теоретическая магия очень близка к проклятиям! Она и плетения могла бы на дворец наложить...

– Леди Немайн? – с сомнением переспросил Аластор. – А она согласится? Все-таки возраст...

– Ну она уж точно лучше аккару! – заверила Айлин, понимая, что несет чепуху, но это ничего, лишь бы Аластор хоть немного отвлекся.

– И Перлюрена – тоже, – согласился Ал и зевнул. – Прости-и-и-и...

– Ничего, – сказала Айлин, чувствуя, как тело у ее коленей тяжелеет.

Еще несколько мгновений, и Аластор соскользнул на ковер, едва не придавив возмущенно мявкнувшего Флориморда. Подложил под голову ладонь и тихонько засопел, провалившись в самый обычный, насколько Айлин могла судить, сон. Подождав еще минутку, она осторожно встала и вышла, стараясь не стучать туфельками.

– Миледи...

Ох, неужели лорд Аранвен все это время ожидал в коридоре?! Во всяком случае, поклонился ей канцлер с таким почтением, словно она

была знаменитой целительницей, которая только что провела блестящую операцию.

– Его величество спит, – уронила Айлин и мучительно покраснела, глянув на застывших бесстрастными статуями гвардейцев. – Он изъявил желание встретиться с разумником, когда проснется.

– Миледи, – повторил лорд Ангус. – Не знаю, как вас благодарить! Позвольте, я вас провожу.

Пушок тут же вскочил, всем видом изъясняя, что тоже готов сопровождать, и с явным сожалением покосился на дверь в королевскую спальню. Мол, как же так, приехали в гости к Аластору и даже не повидались!

– В другой раз, – пообещала ему Айлин, принимая предложенную ей руку канцлера. – А теперь нам пора домой.

Взгляды гвардейцев сверлили ей спину, пока Айлин с лордом Ангусом не свернули за угол. И это лишь начало! Всеблагая Мать, как хорошо, что приличия прямо предписывают ей не выезжать, да и у себя можно никого не принимать, сославшись на здоровье. Пусть о ее поступке болтают при дворе, лишь бы этот вал грязных слухов и догадок прокатился в стороне от их дома!

– Насколько я понимаю, ваша миссия оказалась вполне успешной, – нарушил молчание канцлер. – Поверьте, мое дорогое дитя, вы снова оказали Дорвенанту неоценимую услугу! А, Дункан, добрый вечер! Как удачно, что вы остались! Его величество обычно просыпается на рассвете, вы сможете осмотреть его утром, раз уж он сам пожелал.

– Доброго вечера, милорд Ангус, – прозвучал мягкий низкий голос, от звуков которого сердце Айлин упало куда-то вниз и затрепыхалось там, как заячий хвост. – Донна Айлин, мое почтение.

«Донна... – с безнадежным сладким ужасом подумала Айлин, как завороченная протягивая руку шагнувшему к ней Кармелю. – Он говорил, что в Арлезе это обычное обращение к замужней женщине. Или к возлюбленной. Вот и гадай, что он имел в виду...»

– Доброго... вечера... милорд...

Горячие нежные губы коснулись ее пальцев. Голос позорно срывался. Сколько же времени они с Кармелем не виделись? Пару недель? Вечность?

– Не стоит беспокоить его величество, раз он уснул. В самом деле, подождем утра...

Айлин едва понимала слова, ловя каждую интонацию. Дура! Надеюсь, что чувство если не пройдет, то хотя бы ослабнет! Перестанет преследовать несбыточными надеждами и мечтами! Дюжину раз дура! От разлуки стало только хуже!

– Леди Айлин возвращается домой, – прервал ее мысли как всегда бесстрастный голос канцлера. – Милое дитя, вы позволите моему сыну отвезти вас? Конечно, если вы считаете это неподобающим...

Дарра?! Она увидится с Даррой! Какой роскошный подарок! Если лорд Бастельеро узнает, он будет в бешенстве. С другой стороны... а зачем ему знать? Лорд Аранвен увез ее из дома, лорд Аранвен ее домой и вернет! Кто там разглядит, который из Аранвенов сидит в карете? А она увидится с Даррой! Ох, если бы можно было продлить и встречу с Кармелем...

Сердце застучало совсем уж заполошно, и она молча помотала головой, потом, спохватившись, торопливо отозвалась:

– Ну что вы, милорд, я сочту это за честь! Милорд Роверстан?..

– Присоединяюсь к благодарностям лорда-канцлера, – снова растопленным медом полился его невозможный голос. – Ваши заслуги неоценимы, моя... донна. Доброй ночи.

Айлин поняла, что очень хочет увидеть Дарру. Очень-очень и прямо сейчас! Окунуться в знакомую учтивость, такую спокойную и бесстрастную, словно в прохладную воду после распарившей тело бани. Ну почему рядом с лордом Бастельеро она не испытывает и тени подобного? Почему сердце за один удар успевает скакнуть от сладкого страха к восторгу и обратно? И как ей жить с этим?!

Глава 25

Весна осталась в юности

– Дюжину букетов... – пробормотал Лучано себе под нос, выходя из портала и жадно вдыхая воздух Вероккьи.

Глупость, наверное, но ему действительно казалось, что пахнет здесь иначе, чем в Джермонто. То ли свободой, то ли родным домом, то ли просто привычнее – в воздухе нет морской соли и запаха водорослей, зато слышится речная сырость от близости Ромериньи.

– Я обещал Всеблагой Матери принести «Весне» дюжину букетов, если получится уговорить Айлин. Ну и что, если не получилось? Грандсиньору Всеблагую очень даже можно понять, я бы сам жутко обиделся, если бы у меня попросили благосклонности, а награду за нее пообещали потом. Чем я вообще думал, когда ляпнул этакое?! Известно же, сначала букеты, конфеты и прочие знаки внимания, а уж потом поцелуи и все остальное, если дело пойдет как надо. А я?! Идиотто! Как есть идиотто! Оправдаться могу только тем, что Всеблагую в любом случае почитаю от всей души, а уж в облике Весны!

Он с горячей истомой предвкушения подумал, что еще немного – и увидит свою первую любовь. Белоснежное воплощение чистоты и красоты, неподвластное ни времени, ни человеческим порокам. Весна... Недоступная, как и положено богине, но дарящая всему миру улыбку так искренне, что сердце замирает от счастья просто на нее смотреть. Совсем как на синьорину...

Лучано стремительно прошагал широкой улицей, ведущей к площади, прошел под аркой и, по-мальчишески оттягивая самый сладкий момент первого взгляда, торопливо повернулся к ряду цветочных лотков. Несмотря на позднюю осень, буйство красок здесь радовало взгляд.

Цветы на любой вкус и кошелек покрывали прилавки, торчали из плетеных корзин и деревянных ведер, прятались в ворохах влажной соломы, так что наружу торчали одни лишь яркие венчики, и надменно раскрывали пышные веера букетов. Розы, лилии, тюльпаны и новомодные чинские хри-зан-те-мы гордо предлагали себя

состоятельным клиентам, а фиалки, анемоны, колокольчики скромно ждали покупателей победнее. Всеблагая принимает любые дары, лишь бы они шли от сердца!

Бывало, что Лучано, бегом заворачивая сюда по дороге на рынок, приносил ей веточку цветущего апельсина, которым в Итлии не удивишь даже посудомойку из бедной trattoria – этих апельсинов на обочинах растет предостаточно, не говоря уж о садах. И знал, что его подношение, сделанное с благоговением и нежностью, будет принято так же благосклонно, как туго набитые розами корзины, ведь хозяйка всего живого смотрит в души, а не в кошельки.

Но это было в детстве, потом-то он на букеты не скупился, а сегодня и вовсе случай особый. «Прости, Всеблагая, что навещаю второпях, – повинился Лучано, оглядывая цветочный ряд. – Я бы пришел завтра со всем почтением и провел здесь побольше времени, да только не знаю, будет ли у меня это «завтра». А должником оставаться не хочется, да и повидать вашу милость я всегда рад, ведь если что – из Претемных Садов сюда уже не заглянешь. Какие же цветы поднести?»

– Фиалки, свежие фиалки! – загомонили цветочницы, увидев нарядного дворянина. – Лучшие розы для благородного синьора! Купите мои лилии – они так пахнут, что Всеблагая точно учует! А вот редкие цветы из самой Чины! Всего по скудо за штуку – ни одна дама не пройдет мимо такой красоты, даже Всеблагая Матушка! Купите хризантемы, благородный синьор, порадуйте нашу «Весну»!

У прилавка с хризантемами Лучано ненадолго остановился, огромные тугие шары белоснежных лепестков смотрелись изумительно. А вот запах ему не понравился – резкий и какой-то тревожный. Лилии лучше, но благоухают слишком сильно, одуряюще. Да и осыпаются быстро, вскоре от них останутся только голые венчики на длинных стеблях. А вот розы...

Роскошные поздние розы ало-белым облаком укрывали прилавок, за которым стояла миленькая синьорина в голубом платье под цвет глаз. Подошедшему Лучано она заулыбалась робко, без умелого кокетства, которым всегда славились цветочницы. Новенькая, наверное, вот и товар предложить стесняется.

– Почем розы, красавица? – улыбнулся Лучано в ответ.

– Полскудо за дюжину, – пролепетала девчонка и тут же умоляюще заторопилась: – Купите, благородный синьор! Я уступлю! Если возьмете три дюжины, отдам за один скудо!

– Да кому твоих роз надо целых три дюжины? – хмыкнула дородная тетка за соседним прилавком. – Вот деревенщина глупая, навезла кривуль целую телегу, нет бы подумать, что за день-два не продашь, без тебя цветов на рынке довольно. – И тут же добавила, заискивающе улыбаясь: – Возьмите лучше мои лилии, благородный синьор! Я вам такой букет соберу, сама Всеблагая zalюбуется.

Лучано, мельком глянув на нее, снова посмотрел на девчонку. Та мяла пальцами край белого передника и молчала, в голубых глазах плескалось отчаяние. Розы выглядели недавно срезанными, но соседка по прилавку права, побудут они такими пару дней, а что потом? У других цветочниц имеются всякие приспособления для сохранения свежести дорогого товара, а эти букеты стоят в обычных ведрах, ничем не прикрытые... Да и стебли не слишком ровные, и лишние боковые бутоны не выщипаны заранее, чтобы первый цветок вырос крупнее... Явно не из оранжереи розочки, а такого же деревенского происхождения, как и сама синьорина. И такие же свежие, налитые жизненной силой. Алые и белые вперемешку, а между ними кое-где попадаются золотистые, словно веснушки Айлин.

Он наклонился, вытянул из ведра первый попавшийся стебель с пучком атласных белых лепестков на макушке, уткнулся в него носом. Запах сразу заполнил весь мир вокруг – нежный, чистый, напоенный жарким итлийским солнцем...

– Беру... – выдохнул Лучано, выныривая из душистого марева и оглядывая прилавок. – Сколько их тут у тебя?

– Много, благородный синьор, – захлопала девчонка ресницами и с надеждой уточнила: – Вы дюжину возьмете? Или... больше?

– Все, – хмыкнул Лучано, с удовольствием глядя, как вытягивается физиономия тетки с лилиями, а в глазах девчонки разгорается огонек счастья пока еще пополам с неверием. – Считай, милая.

И запустил руку в поясной кошелек, выгребая монет, сколько поместилось в ладонь.

Взвизгнув от восторга, девчонка кинулась считать розы, связанные цветными шерстяными нитками по двенадцать штук.

Второпях ошиблась, принялась пересчитывать, Лучано с умилением наблюдал, как она тыкает пальцем в букеты, с опаской поглядывая в его сторону – вдруг уйдет или скажет, что пошутил? Потом вытащила счетную доску и, шепча себе под нос, начала перекидывать костяшки... Сбилась, едва не заплакала...

Лучано вздохнул и высыпал на прилавок целую горсть новеньких блестящих скудо, которыми предусмотрительно запасся у знакомого банкира. По самым скромным прикидкам, здесь было куда больше, чем стоили розы. Посоветовал:

– Спрячь подальше, милая, и одна по улицам не ходи, Вероккья – опасный город.

Наклонившись, выгреб влажные душистые пучки из ведер, набрав целую охапку – едва в руки поместились. Несколько стеблей упали под ноги – поднимать их Лучано не стал. Обняв огромный колючий ворох, пошел к «Весне», ничего не видя перед собой – к счастью, ноги знали здесь наизусть каждый камешек.

Цветочные ряды аж притихли от такой щедрости, только кто-то из мастеровых, что придиричиво выбирали рядом букетики фиалок, длинно присвистнул и то ли восхищенно, то ли издевательски заметил на всю площадь:

– Гляди-ка, Маттео, вот это благородный синьор нагрешил! Это что ж надо было сотворить, чтобы так замаливать?

– Дурак ты, Вито! – жизнерадостно отозвался невидимый Маттео. – Синьор, наверное, просит у Всеблагой невесту получше. За такую охапку можно и на принцессу облизнуться, если Всеблагая смилуется.

Вот сразу понятно, что из чопорного Дорвенанта вернулся в родную Вероккью, здесь хоть дожа, хоть принца приложат насмешливым словечком, если даст малейший повод. А то и без повода – просто для веселья.

– Так принцесс на выданье у нас вроде и нету, – усомнился Вито, пока Лучано, про себя от души желая синьорам заняться своим делом, тащил розы через залитую солнцем площадь. – Джанталья перемерли, у Риккарди и Солаццо все сплошь мальчишки, Гвадерини, говорят, в долгах и вот-вот разорятся, а от Пьячченца сохрани Семеро. Эй, благородный синьор, кого вы там сватать собрались?! Может, мы чего подсказем, если кружечку нальете? А то и сватами за вас пойдем!

Зубоскалы загоготали ему вслед, а Лучано внутренне передернулся. Сватать принцессу? Не дай Благие! Единственная знакомая ему принцесса, провалиться бы ей к Барготу, к счастью, замужем за другим, и это единственное, в чем Лучано горячо сочувствовал Альсу. Правда, есть еще девочки, ее дочери, но если на миг предположить, что Альс рехнулся и решил выдать одну из них за Лучано, то... Это же тогда Беатрис ему станет тещей! Нет-нет, подобного он даже своей грешной и преступной жизнью точно не заслужил! Уф-ф-ф-ф, а вот и подножье фонтана...

Выбрав место посвободнее, чтобы не заваливать чужие букеты, Лучано уронил охапку роз на мраморный парапет, за которым плескалась вода, и поднял голову. Привычно замер, вдохнув прохладный воздух, полный мелкой водяной пыли, посмотрел на белоснежное чудо, парящее над серебристыми тугими струями, и... задохнулся изумленным разочарованием.

На первый взгляд она была все такой же. Изящная, полная прелестной женственности, с лукавой улыбкой и летящим взмахом руки... Но каменная! Неживая!

Лучано стоял в облаке розового аромата, не слыша гудение площади вокруг, и едва сдерживался, чтобы не заплакать, слезы сами навернулись на глаза. Конечно, она и должна быть каменной, но всякий раз, приходя к «Весне», он чувствовал скрытую в ней жизнь. Она улыбалась как живая девушка, смотрела на него живыми глазами, ее ноги готовы были вот-вот сделать шаг, а руки – шевельнуться. Ему казалось, что пряди ее волос могут в любой миг разлететься по ветру! А теперь...

Хуже всего, что Лучано понимал и всю глубину своего самообмана, и его причину. Он мог сколько угодно считать «Весну» живой, пока не увидел действительно живое воплощение Всеблагой. И теперь понимал разницу. Той же самой, правильной, была только вода, но в ней должны были отражаться тяжелые мощные еловые лапы, превращая серебро в темный изумруд. И по берегам нужен был не белый мрамор, а заросли камыша, в которых трещала бы стеблями огромная собака... Собака-то где? Где огромный меховой сугроб, который будет плескаться в озере, поднимая неисчислимое количество брызг и обливая свою хозяйку?! Ну вот как Всеблагой без елок, без камыша и собаки, без узких лесных тропинок и запаха прелой хвои?!

И девушка... Да, фигура невероятно похожа, но тело слишком безупречное, гладкое, без единого пятнышка. Где веснушки? Где сливочная теплота кожи и чуть заметно выступающие косточки? Где мокрые рыжие волосы, разметавшиеся по плечам, золотые ресницы и брови над зеленью глаз, чуть припухлые розовые губы... Лучано на миг увидел синьорину так явно, словно какой-то зловредный иллюзорник пошутил над ним, заменив мраморный идеал на живую девушку, – и опять едва не застонал. Не то... Прекрасная, безукоризненная – и каменная.

«Простите меня, госпожа, – подумал он, не видя и не слыша ничего вокруг – только ставшую вдруг грустной улыбку статуи да пенье водяных струй вокруг нее. – Мое восхищение по-прежнему принадлежит вам. Но любовь... Любовь, кажется, уже нет. Я не могу любить камень, как бы он ни был безупречен. Может, именно потому и не могу. Я благодарен вам за все эти годы, когда ваш образ хранил мою душу. Но тот мальчик, что был влюблен в самую прекрасную на свете девушку... Он вырос и понял, что любить можно только живое. Пусть оно никогда не ответит на страсть. Неважно! Любовь, которая невозможна без обладания, это не любовь, а просто жадность. Но то, что любишь, непременно должно быть живым. Теплым, способным улыбнуться и уйти – а потом вернуться к тебе, если пожелает. Несовершенным, не вознесенным на пьедестал... Прости меня, «Весна»... Я по-прежнему не знаю ничего красивее тебя. Но оказалось, что одной красоты мало».

Наклонившись, он набрал в исколотые розами ладони воды из фонтана и плеснул в разгоряченное лицо. Потом еще раз и еще. Виновато улыбнулся «Весне» и постарался запомнить ее такой, как видел. Бесконечно прекрасной, молодой, не знающей печали и разочарований. Что богине мысли какого-то человека? Лучано уже давно не будет на свете, а «Весна» останется, восхищая и влюбляя в себя других. И, наверное, это правильно. Сказки должны оставаться в детстве, а любовь, закончившись, превращаться в тихую благодарность, а не в разочарование.

Снова улыбнувшись, глубоко вдохнув и выдохнув, Лучано повернулся и ушел от фонтана. Ему все время казалось, что пока он снова пересекает площадь, выходя к нужной арке, «Весна» глядит ему

вслед с мудрой, лукавой и грустной улыбкой без тени разочарования и обиды.

К палаццо мастера Ларци он шел в странном настроении, из всех сил пытаясь опять почувствовать себя дома. Оказывается, раньше он и не замечал этого чувства, как не замечаешь собственной молодости и здоровья, пока они с тобой, а стоит заболеть, сразу понимаешь, как прекрасно жил раньше.

Вот и сейчас он шагал по извилистым улочкам Вероккьи, поражаясь, что по-прежнему знает здесь каждый камешек, но почему-то родной и любимый город больше не кажется единственным местом на земле, где можно жить. Хотя дома здесь все равно красивее и ярче, чем в Дорвенне, сады – пышнее, разговоры прохожих и перекличка из окон – громче и забавнее. Так что все по отдельности намного лучше, а вот вместе... Почему-то он запомнил Дорвенну не нарядно-летней, а зимней, какой увидел впервые, серой и пасмурной, словно глаза Альса, когда тот сердится. Но ведь это же не причина, чтобы не любить его и в эти моменты, м?

На Мосту Поцелуев было по-прежнему шумно, журчала внизу серебристая гладь воды, и одуряюще пах товар лоточников, что выстроились вдоль ажурных каменных перил. Лучано сглотнул слюну, поняв, что чудовищно проголодался. Та чашечка шамьета и несколько виноградин в гостях у Риккарди – это все, что оказалось у него во рту за целый день. И этого было совершенно недостаточно!

«Меня, может быть, убьют сегодня вечером, а я думаю о еде? – язвительно спросил он сам себя и тут же ответил: – А что изменилось? Меня могли убить в любой день за эти двадцать шесть с лишним лет, начиная прямо со дня моего рождения. Думать о еде и прочих нужных и приятных вещах это мне никогда не мешало!»

– Купите жареных колбасок, благородный синьор! – оживились, как и положено, торговцы. – А вот пироги для вашей светлости! С вишней, с ревенем, с телятиной, с яйцом! Окажите милость, благородный синьор, попробуйте мое вино! Конфеты, медовые конфеты с орехами! Цукаты апельсиновые, вишня в амарилье! Щедрый синьор, купите корзинку конфет вашей прекрасной даме! А лучше – три корзинки! У такого красивого нарядного синьора не может быть всего одной дамы!

Последний аргумент Лучано искренне восхитил, хоть и заставил грустно усмехнуться про себя. Ну, положим, одну корзинку можно привезти в подарок Альсу – монсиньор обожает сладкое. Еще одну послать Айлин и не забыть добавить к ней апельсинов, как обещал. А третью придется разделить с Лионелем и Перлюреном. И никаких дам! Вот ведь как бывает. Ни молодость с красотой, ни титул с богатством, ни удачливость – ничто не служит залогом, что тебе непременно повезет в любви.

Конечно, сговорчивую красотку, чтобы успокоить кровь, можно найти и в Дорвенне, иначе Лучано за эти полгода уже на стену полез бы. Но это же так... почти как самому себя порадовать, только приятнее. А потом даже встречаться с этими девицами второй раз не хотелось, хотя они-то как раз были не против...

– Три так три, – хмыкнул он, снова запуская руку в кошелек, где еще оставалось прилично денег. – Насыпь-ка всего разного и побольше. Хм... пожалуй, даже четыре... Нет, пять! Набери пять корзинок!

Точно, одну надо послать Вальдеронам, а еще одну – грандсиньору Дункану. Он, правда, сладкое не очень любит, но наверняка найдет, кого угостить. Синьору Элоизу, например.

– О, благородного синьора ждет прекрасный вечер! – восхитился торговец, глянув на Лучано с искренним уважением. – Целых пять дам! Да поможет вам Всеблагая Мать, великолепный синьор! Осмелюсь посоветовать, тут на соседней улице есть аптека старого Гвальтерио, он делает особую настойку! Несколько капель, и ваши дамы останутся в полном восторге! Только умоляю, не заглядывайте ко всем пяти за одну ночь. Молодость молодостью, но сердце надо поберечь. Не хотелось бы потерять такого щедрого клиента!

Лучано, который умел делать эту самую настойку не хуже синьора Гвальтерио и прекрасно знал ее действие, только усмехнулся и кивнул, расплачиваясь.

– Благородный синьор прикажет куда-то отправить? – деловито поинтересовался кондитер, и стайка мальчишек, что околачивались неподалеку, наострила уши.

– Обязательно, – невозмутимо отозвался Лучано и вытащил еще пару медяков. – Эй, синьорино, кто знает палаццо мастера Фарелли?

Действительно, нет никакой необходимости самому тащить увесистые корзинки. День сегодня жаркий, шелковый камзол и так уже измялся, а еще эта рапира на боку... С одной стороны – удобно, никто тебя не толкнет в толпе, разве что кошелек срезать попытаются, но в Вероккье нет настолько тупых карманников, чтобы обокрасть Шипа, как бы он ни вырядился. С другой – рапира тяжелая, да и с пятью корзинами конфет будет смотреться попросту нелепо. О том, что благородные синьоры предпочитают ездить верхом или в карете, Лучано, оказавшись дома, забыл напрочь.

Вручив монету подлетевшему мальчишке, он пошел дальше, не обращая внимания на удивленный взгляд кондитера – тот явно не ожидал услышать этот адрес.

Так, снова пироги... Может, купить домой парочку? Лучано впервые задумался, кто носил мастеру Ларци свежую выпечку, пока его не было? Да, мясник, зеленщик и молочник у мастера свои, постоянные. Прекрасно знают вкусы почтенного клиента, продукты доставляют на дом. Но вот выпечка... Почему-то не хотелось думать, что Ларци достаточно попросить о том же пекаря. Все эти годы покупать хлеб и печенье было святой обязанностью Лучано, которую он любил и искренне гордился ею! И никогда не задумывался, как легко заменить его в доме мастера. Может быть, мастер уже взял нового ученика?! Должен ведь кто-то подметать ему двор, убирать в лаборатории, варить простые зелья и готовить ингредиенты для сложных?

Настроение начало портиться на глазах, как погода в Дорвенанте – с той же легкостью и стремительностью. И к знакомому булочнику Лучано подходил уже с желанием побыстрее разделаться с покупками, которые его и так никто не заставлял делать.

– О, синьор Фортунато! – встретил его почтенный хлебопек с немалым удивлением. – Давненько вас не было видно! А... разве сегодня где-то карнавал?

– Что? – растерялся Лучано. – Почему?!

– Ну как же... – Булочник со значением оглядел его с ног до головы. – Дело молодое, мой юный синьор, но вы бы поосторожнее. За незаконное ношение дворянской одежды можно и в колодки под плети угодить. Что, поспорили с кем-то? Или к девице собираетесь? Нехорошо, юный синьор, нехорошо... – повторил он с мягкой, почти

отеческой укоризной. – Выдавать себя за кого-то другого, еще и дворянина, последнее дело. Сняли бы вы этот камзол, юный синьор, да и перстни с рапирой тоже – подальше от греха! И послушайте совета старика – девушка, которой можно задурить голову фальшивыми драгоценностями да чужим камзолом, не стоит подобных стараний.

Несмотря на раздражение, Лучано едва не рассмеялся. Ну конечно! Для жителей Вероккьи, которые знали его раньше, он по-прежнему приемный сын и подмастерье обычного горожанина – не больше. И перстни на его пальцах фальшивые, как же иначе? И камзол – чужой. И понятно, что почтенный хлебных дел мастер, который при встречах с достоинством раскланивается с Ларци – таким же почтенным парфюмером, имеет право пожурить дерзкого мальчишку, что напрашивается на немалые неприятности.

– Спасибо за совет, мастер, – улыбнулся он, кланяясь. Правильно кланяясь, как подмастерье, а не как благородный синьор. – Обязательно переоденусь и больше не буду. Вы правы, с друзьями поспорил, что пройду по Вероккье в таком вот виде. – И развел руками под милостивый кивок булочника. – А теперь можно мне как обычно?

– Вот и хорошо, вот и славно, – одобрил тот, успокаиваясь. – А фокаччу с вафлями я уже утром отправил вашему мастеру! Булочки-то он не брал, пока вас не было... Да они, кстати, сегодня закончились, день-то к вечеру.

– Что, совсем закончились? – сам удивившись, что голос дрогнул, спросил Лучано.

Пекарь, увидев его расстройство, покопался в большой корзине и с триумфом заявил:

– Одна осталась! Прямо как вас дожидалась! Вот, берите, да не забудьте передать мой поклон мастеру Ларци.

– Непременно, – кивнул Лучано, забирая выпечку, завернутую в полотенце. – Непременно передам.

Глава 26

Грандмастерский гамбит

Легко сбежав по ступеням, он оставил Мост Поцелуев позади и свернул в нужный переулок. Дверь оказалась открыта, ключ доставать не пришлось, и от этого простого знака, что его ждали, на душе потеплело. Заперев за собой садовую калитку, Лучано пошел к дому, каждое мгновение ожидая, что вот-вот из кустов на него прыгнут, поймают мягкими лапами, заглянут в глаза – что ты нам принес с такой долгой охоты? Но кошек не было, и когда он подошел к дому, то понял почему. С террасы слышался негромкий разговор – мастер принимал гостя. И кошки, конечно, крутились там, причем не столько ради угощения, сколько из вечного любопытства, присущего этому племени.

– Грандмастер Лоренцо, мое почтение! – поклонился Лучано, входя на террасу. – Мастер...

Положив сверток с выпечкой на накрытый стол, он встал на колени и поцеловал руку Ларци, а потом замер, не торопясь выпрямляться.

– Ну-ну, мальчик мой, – улыбнулся Ларци, погладив его по слегка растрепавшимся волосам. – Вставай и садись к нам. Вижу – глаза голодные. Неужели их высочество Риккарди тебя не покормил?

– И не подумал, – наябедничал Лучано, подходя к умывальнику в углу террасы и ополаскивая руки. – Угостил только чашкой шамьета и разговорами.

– Бережливость – главная добродетель торговца, – усмехнулся Лоренцо, бесцеремонно разворачивая сверток. – О, мое любимое!

И сцапал булочку с корицей, от которой тут же откусил! Единственную булочку, с таким трудом найденную Лучано! Не съеденную им по дороге, хотя запах от нее был такой, что в глазах темнело, а в животе урчало! И только потому не съеденную, что Лучано собирался запивать ее шамьетом, который хотел сварить для себя и мастера!

Проглотив глупую обиду, он вытер руки полотенцем, а повернувшись, увидел, что мастер Ларци смазывает ломоть фокаччи

сливочным маслом, укладывает на него здоровенный кусок ветчины, сыр, зелень и накрывает еще одним слоем фокаччи.

– Балуешь ты его, Ларци, – хмыкнул Лоренцо, запивая остатки мгновенно съеденной булочки. – Молодых надо держать впроголодь, они от этого злее.

– Вот своих и держи, – добродушно парировал Ларци. – Мне мой ученик нужен сытым и здоровым, а от долгого голода портится желудок. Ешь, мальчик.

И подвинул этот слоеный ломоть к Лучано, который вцепился в роскошное угощение, изнемогая от благодарности.

– Да уж, натворил дел твой мальчик, – снова усмехнулся Лоренцо, откидываясь на спинку плетеного из лозы кресла. – Вляпался в Дорвенанте так, что о нем вся Итлия говорит. Хорошо еще у нас думают, что Фарелли-наемник из Дорвенанта и Фарелли-приказчик из Вероккьи – это два совсем разных Фарелли.

– Ну а с чего людям думать иначе? – пожал плечами мастер Ларци и отломил кусочек вафли. – Как будто в Итлии мало Фарелли! Ты ешь, Лучано, ешь. Совет мастеров – штука долгая, рано нас не отпустят.

У Лучано разом свело желудок, а очередной проглоченный кусок едва не застрял в горле. Он торопливо плеснул себе сангретты из большого кувшина, стоящего тут же на столе, и запил мягкий липкий хлеб.

Словно почувствовав что-то, из-под нависающих над краем террасы ветвей вылезла Мандрагора, подошла и потерлась об его ноги. Лучано погладил ее, посмотрел туда, где развалились на прогретом солнцем полу остальные кошки. Аконит лениво ловил лапой паука, уже лишившегося половины ног. Рыжая пушистая красавица, в которой с трудом можно было узнать прежнюю облезлую Наперстянку, подставила солнцу брюхо, бесстыдно раскинув лапы. А Белена выросла чуть ли не вдвое, став крупнее даже немаленького Аконита и превратившись в белый меховой шар, который напомнил Лучано дорвенантские сугробы. Конечно, до размеров Дона Леона ей было далеко, но такой большой кошки Лучано среди обычных городских мышеловок не встречал.

– А что, этот молодой король и правда так хорош с оружием? – лениво спросил Лоренцо, раскачиваясь на кресле. – Говорят, он сам

дрался с демонами и перебил их столько, что даже для слухов как-то чересчур.

– Дрался, – скупно уронил Лучано. – И перебил немало.

– Он хорош, – подтвердил мастер Ларци. – Северная кровь, причем старая, издавна породу видно. А натаскивал его бретер-фраганец. То еще зелье получилось, немудрено голову потерять.

И покосился на Лучано, который мрачно подумал, что это мастер не видел синьорину Айлин. И грандсиньора Дункана, который Альсу точно не уступит, хотя бы потому, что заматерел раньше и успел набрать полную мужскую силу и красоту. Было бы у него, Лучано, три головы, как у сказочного дракона, потерял бы все три и несколько этого не постыдился!

– Ну-ну, – врасстяжку проговорил Лоренцо, продолжая раскачиваться, так что кресло противно заскрипело. – Может, голова твоему мальчику не особо и нужна, а? Не похоже, чтобы он ею дорожил, если сует нос в политику. Кстати, Ларци, а ты знаешь, что твой ученик сегодня продал историю о резне в Капалермо за такие деньги, что двум торговым принцам пришлось ради этого скинуться?

Лучано похолодел. Сад! Значит, там были люди не только Риккарди?! Или, что проще, кто-то из них работает на Шипов?! Идиотто! Если мастер разозлится... И нужно же ему было распустить хвост перед этими старыми крокодилами!

– Неужели? – вскинул брови мастер Ларци и как-то по-новому посмотрел на обмершего Лучано. – Ну что ж, я приятно впечатлен. Запустить лапу в два таких кошелька и уйти с добычей – дорогого стоит. Надеюсь, мальчик, ты не собираешься принести этот жирный кусок его величеству Аластору, как Белена носит мне крыс на крыльцо?

Лучано молча помотал головой. Что, и это все?! Да, он действительно не совершил прямого преступления перед гильдией, но если посмотреть на дело так, как его подал Стилэт, выглядит все и вправду некрасиво. А главное, он же просто не успел рассказать все мастеру! Глупая детская обида на бесцеремонность грандмастера Лоренцо стремительно перетекла в холодную и уже вполне взрослую ярость. Какого Баргота Стилэт все время пытается его поддеть?! Что ему нейдет?! Может, недоволен намерением младшего мастера

покинуть гильдию? Но для этого достаточно высказаться на Совете, а такие вот уколы – как-то слишком мелко.

– Он собирается построить фонтан в Дорвенне, – сладким голосом подсказал Лоренцо и гнусно ухмыльнулся. – А я говорил, что от твоего воспитания добра не будет. Сначала он играет на лютне и поет, потом заводит собственного короля, а теперь вот, изволь посмотреть, грабит стариков Риккарди и Джанталью, чтобы построить фонтан в свою честь! Что дальше?

– Что, правда, фонтан? – уточнил Ларци, дождался, пока Лучано, стиснув зубы, кивнул, и рассудительно сказал: – Что ж, дело хорошее. Опять же, у кого еще ученик может построить целый фонтан, чтобы выкупать в нем енота?

– Кого? – пораженно переспросил Стилэт. – Какого еще енота?

– Собственного, – усмехнулся Ларци. – То есть про короля ты слышал, а про енота – нет? Сделай тогда внушение своим шпионам, плохо работают. Фортунато, мальчик мой, ты наелся? Солнце к закату, нас уже ждут.

– Подумаешь, пять грандмастеров дожидались, пока твой мальчик нагуляется и поужинает, – фыркнул Лоренцо, искоса глянув на Лучано. – Ты на него посмотри, у него же глаза горят и зубы щелкают! Какой Совет? Ему бы сейчас подраться или в чью-то постель завалиться...

– Ваша проницательность, грандмастер, просто поразительна! – выдохнул Лучано. – Может, хотите предложить мне свое общество? Позвольте только узнать, для первого или для второго?

И снова заледенел от ужаса, поняв, что сказал. Само сорвалось с языка! Извиняться уж точно бесполезно. Он даже не идиотто, просто самоубийца. Ведь не получится объяснить, что просто накопилось за день! Танцы с Риккарди и Джантальей, разочарование от встречи с «Весной», странная злая тоска, которая до сих пор не прошла совсем, затаившись где-то внутри, ожидание – о проклятое ожидание! И все вот это, скрутившись тугой пружиной, развернулось и наотмашь хлестнуло отчаянной глупой дерзостью человеку, который не прощает даже тени подобного.

Несколько мгновений на террасе было так тихо, что слышалось мурчание кого-то из кошек. Из Лучано словно выдернули мучительно ноющую огромную занозу, которую он до этого не замечал рассудком,

а вот теперь она пропала – и получилось свободно вздохнуть. Той свободой обреченности, о которой он рассказывал утром торговым принцам. Как забавно получилось... Сам бы посмеялся, но внутри оказалось совершенно пусто, никаких чувств. Он испортил все, даже не дожидаясь Совета. И винить некого.

– Нагле-е-е-ц... – медленно и с каким-то непонятым удовольствием протянул Лоренцо Стилэт. – Нет, Ларци, ты посмотри, каков наглец, а?! Может, мне тоже послать своих идиотти в Дорвенант? Я смотрю, там зубы хорошо отрастают. – А потом хмыкнул и уже совершенно обычным тоном, без тени издевки, которая звучала в нем все время, поинтересовался: – Ну что, полегчало?

Лучано посмотрел в прищуренные глаза цвета гречишного меда, блестящие под светлыми, словно выгоревшими бровями. Понимание, а вместе с ним чудовищный стыд навалились так же, как до этого – отчаяние. Действительно, если бы он вот так сорвался на Совете... Он встал из-за стола и согнулся в почтительнейшем поклоне, сказав:

– Спасибо за урок, грандмастер.

– Повзрослел, – уронил Лоренцо, обращаясь то ли к нему, то ли к Ларци. – Ну и чего мы тогда ждем? Поехали!

Палаццо, в котором собирались для Совета грандмастера гильдии, знал, разумеется, каждый Шип. Небольшое, но уютное, оно располагалось в приличном районе, где селились купцы и состоятельные мастера. Затейливая кованая решетка окружала сад, в глубине которого виднелся двухэтажный дом из красного кирпича с черепичной крышей. Посмотришь со стороны – и точно решишь, что живет здесь человек почтенный, любящий порядок и удобство. Вон как выметены дорожки между разбитыми по ниточке клумбами, как ровно подстрижены кусты, и даже сторожевая собака, что лениво гавкнула из будки во дворе, лоснится от сытости и довольства жизнью.

Почтенный немолодой синьор здесь действительно жил, в этом особнячок ничуть не обманывал. Для соседей он именовался Каспаром Руландом, негоциантом, отошедшим от дел, а для тех, кто знал истинное положение дел, грандмастером Каспаром, бессменным казначеем гильдии Шипов уже больше тридцати лет. И славу имел не менее мрачную, чем у Ларци Тысяча Ядов или Лоренцо Стилета, хоть и более тихую.

Это грандмастер Каспар решал, кого из покалеченных Шипов добить, а кто еще может принести пользу гильдии, служа на конюшне или на кухне. Это он выделял деньги на покупку новых приютских выкормышей, на лекарства и еду для учеников, на снаряжение и лекарей для взрослых бойцов. И он же платил палачам городской тюрьмы, чтобы неудачнику, взятому живым на задании, передали глоток милосердной смерти или попросту ткнули его ножом во время допроса. Только полный идиотто посчитал бы, что грандмастера Каспара стоит бояться и уважать меньше, чем того же Тино, к примеру.

И потому, когда Лучано почтительной тенью проследовал по безупречно чистым, аж вымытым садовым дорожкам за двумя грандмастерами, на душе у него скребли кошки. В Совете пять человек, а он даже мнение мастера Ларци до сих пор не знает, не говоря уже про остальных. И то, что Лоренцо оказал ему огромную услугу, приведя в чувство, ничего не значит!

Молчаливый слуга, встретивший гостей в холле, принял у них береты и протянул руку за рапирой. Лучано беспрекословно отцепил ее и отдал, но слуга, явно бывший Шип, выразительно оглядел его с ног до головы. Под смехок грандмастера Лоренцо пришлось расстаться со стилетом, спрятанным на запястье, со вторым – из поясного ремня – и даже выдернуть из волос шпильки, которые Лучано ревниво проводил взглядом.

– А вот во времена моей молодости таких строгостей не было, – насмешливо сообщил Стиллет, небрежно вытряхивая нож из рукава. – Ничего ни с кого не снимали!

– То-то мы помним, чем это закончилось, – сварливо сообщил Ларци.

Лучано поставил бы свой дворянский титул против корзины уличной торговли рыбой, что Лоренцо расстался с ничтожной долей того, что на самом деле на нем спрятано. Молчаливый слуга явно считал так же, судя по выражению лица, но настаивать и тем более обыскивать грандмастера не посмел. Вместо этого взял подсвечник с дюжиной свечей и пошел впереди, раскрывая одну за другой тяжелые резные двери. Лучано снова шел позади всех и старался не ежиться от ощущения взгляда в спину. Наверняка поверх арбалетного прицела смотрят! А грандмастерам хоть бы что...

– Ну наконец-то! – встретил их в очередном зале, на этот раз уютно освещенном, сварливый голос грандмастера Тино. – А вы не торопитесь, почтенные собратья! Можно подумать, у нас нет иных дел, как ждать вас!

– Что ж, – равнодушно пожал плечами Ларци, – значит, постараемся управиться побыстрее.

И первым сел в одно из двух кресел, оставшихся пустыми за круглым дубовым столом. Лучано торопливо скользнул ему за спину и бросил быстрый взгляд на три занятых. Прямо напротив Ларци в одном из них как раз и развалился Тино Темный Омут, неприятно оплывший, с болезненно-желтым лицом и тяжелым ледяным взглядом, под которым Лучано как всегда захотелось передернуться от смеси страха и безразличия, словно он коснулся ядовитой гадины.

По левую руку от Тино выпрямился, не опираясь на спинку кресла, сухопарый смуглый старик с глубокими залысинами – грандмастер Каспар. По правую – уютно устроился в кресле невысокий толстячок с добродушным лицом то ли опытного наставника, то ли просто любящего дедушки. Это был грандмастер Паоло Тарантул, пришедший на смену грандмастеру Джакомо, покровителю Алессандро. Насколько знал Лучано, грандмастер Паоло держался особняком, насколько это было возможно при его должности главного наставника, и в интригах остальных грандмастеров не участвовал. Предсказать, на какую сторону он встанет сегодня, Лучано не рискнул бы.

В последнее свободное кресло опустился Лоренцо Стиллет и расслабленно откинулся в нем, заложив руки за голову, словно по-прежнему сидел на террасе у мастера Ларци.

– Почтенные собратья, – скрипучим голосом произнес грандмастер Каспар. – Мы собрались по просьбе нашего собрата Ларци, чтобы обсудить и решить судьбу его ученика, Лучано по прозвищу Фортунато, Шипа Претемных садов, младшего мастера гильдии. Весной этого года Фортунато отправился в Дорвенант по заказу ее величества Беатрис на полугодовой контракт. Плата за его работу была достаточной и своевременной. И, насколько мне известно, ее величество осталась полностью довольна услугами.

«Еще бы нет, – мрачно подумал Лучано. – А вот я знакомством с ней – не слишком».

– Недавно собрат наш Ларци, – продолжил казначей все так же скрипуче и размеренно, – сообщил, что его величество Аластор Дорвенн, король Дорвенанта, желает выкупить Фортунато в полную собственность и осведомляется о цене. Однако Фортунато – личный ученик Ларци. Нечасто, но случалось, что гильдия отправляла на пожизненный контракт не только рядовых Шипов, но и младших мастеров, однако личного ученика грандмастера – никогда. Если Ларци откажет по праву наставника, то и говорить не о чем.

– Не откажу, – негромко и совершенно равнодушно уронил Ларци, а у Лучано, для которого эти два слова прозвучали отменой приговора, перехватило дыхание от восторга и благодарности.

Мастер его отпускает!

– О каком пожизненном контракте может идти речь? – бросил Тино, сплетая перед собой опухшие пальцы с узловатыми суставами. – Мальчишка решил, что ему все позволено? Поймал удачу за хвост, получил дворянский титул и забыл, чем обязан гильдии! Более того, он еще и прославился на весь Дорвенант! – В голосе Тино прозвучало столько ядовитого ехидства, что если бы Лучано мог его собрать – хватило бы отравить всех крыс Вероккьи. – Стал королевским побратимом и, по слухам, любовником. А главное, заработал чудное украшение, к которому прилагается магическая клятва верности. Не гильдии, как вы понимаете!

Вспыхнув, Лучано открыл рот, чтобы возмутиться, и... тут же сомкнул губы плотнее, от души возблагодарив грандмастера Лоренцо. Полезнейшее дело, оказывается, вовремя приоткрыть крышку кипящего котла, чтобы стравить пар. Главное, делать это в нужное время и с нужными людьми.

– Что-то не припомню, чтобы Шипам на задании полагалось хранить целомудрие, – фыркнул из своего кресла Стилэт, потягиваясь, как огромный кот. – Если даже мальчишка переспал с королем, кому какое дело? Значит, ему так было удобнее работать.

– Давать магическую клятву ему тоже было удобно? – все так же ядовито уточнил Тино. – Фортунато, красавчик, не покажешь ли нам свою руку? А заодно Расскажи, что эта прелесть означает!

– Простите, грандмастер, не могу, – бесстрастно отозвался Лучано, с трудом разомкнув губы. И тут же уточнил: – То есть показать – могу, а что там за штука – сам не знаю. Как и все маги, что

меня осматривали. Известно только, что я теперь связан с королем Дорвенанта. Когда его величеству плохо, я это чувствую. И наоборот.

Про синьорину он умолчал, раз уж не спрашивают. Хотя очень интересно, откуда Тино узнал про заклятие и что именно. Паоло, с интересом разглядывающий Лучано со своего места, заметил:

– Что ж, тогда понятно, зачем он королю. Если бы вас, почтенные собратья, связали с кем-то магией, вы бы тоже предпочли держать этого человека поближе. Почему бы нам не оказать услугу его величеству? Фортунато теперь слишком известен, чтобы гильдия могла его использовать. Еще немного, и его станут узнавать в лицо все, от гуардо до последнего нищего, какая уж тут работа? Хочет король его купить – пусть покупает, хоть что-то получим напоследок.

– А тайны гильдии мы продадим вместе с ним? – не унимался Тино. Он выставил в сторону Лучано палец с массивным перстнем и потребовал: – Кому в Дорвенанте известно, что ты – Шип?

– Его величеству Аластору и ее величеству Беатрис, – так же бесстрастно отозвался Лучано, безошибочно опознав артефакт правды – спасибо урокам Саграсса. – Грандсиньору канцлеру Дорвенанта. Двум ближайшим королевским советникам. И синьоре магессе, которая была с нами в том походе. Смею заметить, что никому из них, кроме короля, я об этом не рассказывал.

– Даже магессе? – фыркнул Тино и поглядел на перстень, который ровно светился, подтверждая, что Лучано говорит чистую правду. – Кто же ей тогда сказал?

– Мастер Алессандро, – с непредставимым удовольствием сообщил Лучано, наблюдая, как вытянулись лица сидящих напротив. – Тот самый, которого я убил в десять лет. Он, оказывается, все эти годы таскался за мной призраком и имел глупость выложить синьоре некромантке и про гильдию, и про мой заказ от ее величества. Синьора его, конечно, выслушала, а потом отдала Провожатым, которые мастера заждались.

– Удивительный человек, – в полной ошеломленной тишине пробормотал Стилэт. – Что от живого, что отдохлого сплошные неприятности. Ну и Баргот с ним. Думаю, почтенные собратья, канцлера и королевских советников Шипом не удивить, а если женщина шагнула в Бездну и вернулась из нее, то и она не так уж проста.

Давление трех взглядов, которое Лучано чувствовал прямо всем телом, слегка ослабло, и он незаметно перевел дух. Можно ли надеяться, что Лоренцо Стиллет на его стороне? Пока что все выглядит именно так, но... это же грандмастера! С ними ни в чем нельзя быть уверенным.

– Что ж, собратья, давайте вернемся к обсуждению, – сухо попросил грандмастер Каспар. – Ларци, правильно ли мы поняли, что ты не против расстаться с учеником? Прошу, подумай хорошо. Не ты ли утверждал, что Фортунато чрезвычайно талантлив и принесет гильдии большую пользу? Да, мы вряд ли сможем использовать его на контрактах, но от мастера ядов это и не требуется. Пусть работает у тебя в палатце. Ты ведь не молодеешь, пора назвать гильдии будущего преемника. Если Фортунато отправится в Дорвенант, уверен, что успеешь подготовить другого?

Лучано затаил дыхание. Стоя за спиной мастера, он не видел его лицо, но даже если бы видел... Если Ларци Смерть-с-улыбкой не хочет, чтобы по его лицу что-то прочитали, так оно и будет.

– Все в воле Претемной, – ровно отозвался мастер Ларци. – Фортунато и вправду хорош в нашем деле. Но если Госпожа пожелает, я успею подготовить кого-нибудь ему на замену.

– Еще дюжину лет или больше учить нового мастера ядов? – нахмурился Каспар. – Да мальчишка ингредиентов за эти годы потратил больше, чем заработал на контрактах. Ему всего двадцать шесть, останься он в гильдии, возместил бы расходы на свое обучение с лихвой. А так мы едва покроем убытки, даже если запросим с короля Дорвенанта двойную цену пожизненного контракта.

– Можно и не двойную, – уронил мастер Ларци, словно размышляя. – Фортунато, мальчик мой, скажи, кто именно за тебя платит и сколько.

– Дом Риккарди, – сказал Лучано в заинтересованной тишине и осторожно достал из внутреннего кармана камзола заветный лист, сложенный вчетверо. – Если грандмастерам будет угодно, я стану подарком королю Дорвенанта от его жены. Очень дорогим подарком.

Он аккуратно положил документ на стол, и мастер Ларци, не глядя, толкнул его дальше, в сторону казначея. Тот поднял, вчитался.

– Открытое платежное поручение, – сообщил он через несколько томительно долгих мгновений. – Сумма не указана, можно вписать

любую, насколько я понимаю. Весьма щедро. Что ж, тогда у меня нет возражений против пожизненного контракта для этого Шипа.

Еще одна увесистая гиря упала на невидимую чашу весов, и сердце Лучано опять дрогнуло в надежде, которой он суеверно не позволил расцвести.

– Позволение запустить руки в казну Риккарди и унести, сколько загребем? – поразился Паоло и расплылся в ухмылке. – Мальчик, что ты сделал, чтобы его заполучить? Поимел Беатрис Риккарди?!

– Нет, грандмастер, – почтительно поддержал Лучано шутку, про себя попросив прощения у Альса. – Я спас того, кто делает это гораздо лучше, чем смог бы я. Ее мужа.

Смешки Паоло и Лоренцо были ему ответом, Каспар только дернул уголками рта в подобии улыбки, Тино скривил губы.

– Ларци, ты избаловал своего ученика до безобразия, – бросил он желчно.

– Что поделать, – снова пожал плечами мастер. – Зато я все еще спокойно пью свой шамьет.

В его голосе слышалась улыбка, и Лучано снова напрягся, ловя каждый вздох, интонацию, взгляд людей, решающих его судьбу. Вот теперь, кажется, начинается настоящий разговор.

– Что ж, поглядим, будешь ли ты так спокоен, если он уедет в Дорвенант, – съязвил Тино.

– А ты думаешь, он перестанет быть моим учеником, всего лишь сменив дом, где живет? – безмятежно парировал Ларци.

– И руку, которая его кормит!

Тино даже вперед подался, вглядываясь в лицо Ларци, пока Лучано глядел на него самого с искренней холодной ненавистью.

– Тино, Тино, – покачал мастер Ларци головой и мягко добавил: – Ну откуда тебе знать, как ведут себя настоящие ученики? У тебя же их никогда не было. Давайте вернемся к делу, ребята. Наш почтенный казначей не против исполнить просьбу его величества Аластора. Я – тоже. Грандмастер Паоло?

Странно, что он не спросил сначала Лоренцо Стилета, но Лучано тут же признал, что это разумно. Всегда следует иметь что-то в запасе.

– Почему бы и нет? – хмыкнул наставник Шипов. – Пожизненный контракт – дело обычное. Нельзя упускать возможность ошипать Риккарди, раз уж они сами на это согласны.

– А я – против! – резко бросил Тино. – Ларци хочет отослать мальчишку, чтобы и дальше спокойно пить свой шамьет! Шестнадцать лет он морочил нам всем голову, заверяя, что Фортунато – будущая надежда и слава гильдии! Носился с этим наглецом, не брал других учеников, из которых могли вырасти мастера! Все мы помним историю с Капалермо, верно? Очень удобно отправить в Дорвенант единственного ученика, которого воспитал, и дальше рассказывать нам, что остальные ни что не годны. Кто виноват, если у нашего дражайшего Ларци даже коты управляются с ретортами лучше, чем будущие мастера ядов? Уж конечно, не Ларци, он ведь так старается ради гильдии!

– И чего же ты хочешь, Тино? – тихо и почти нежно спросил мастер Ларци в наступившей снова тишине. – Убеждать я тебя ни в чем не собираюсь. Но остальным советую хорошенько подумать. Что, если завтра эта их магическая клятва сделает Фортунато бесполезным для гильдии? Убьет его или сведет с ума? А мы откажем королю Дорвенанта, обидим Риккарди, которые пообещали ему подарок, потеряем огромные деньги... И все потому, что почтенный Тино заподозрил меня в трусости? В том, что я боюсь ученика, которого сам же взял в дом и растил шестнадцать лет? Я готов расстаться с ним ради гильдии, но Тино и этого мало, правда, друг мой? Так чего же ты хочешь на самом деле?

Лучано чувствовал себя взведенным арбалетом, с которого вот-вот слетит болт. Струной лютни, напряженной до предела. Кипящим зельем в запаянной реторте. О, как он понимал теперь Лоренцо, который пустил в ход нож прямо на Совете! Правда, будущий грандмастер Лоренцо убил своего наставника, а Лучано дорого дал бы за несколько мгновений наедине с мастером Тино!

– Что ж, если это не ради того, чтобы избавиться от мальчишки, – холодно сказал Тино, снова откидываясь в кресле, – пусть едет в Дорвенант. Но пусть отправляется туда старшим мастером. Должен ведь у гильдии появиться хоть один старший мастер ядов за четверть века?

– Ему двадцать шесть! – возмутился Лоренцо. – К чему эта спешка? Пусть учится дальше, хоть бы и на пожизненном контракте. Мало ли, как жизнь повернется! Может, королю Дорвенанта

разонравится иметь рядом Шипа, и Фортунато вернется к нам. Тогда и поговорим о звании старшего мастера.

– И это говоришь ты, Лоренцо? – Тино развернулся к нему в кресле со скоростью и гибкостью гадюки, несмотря на распухшее тело. – Смешно!

– Ну, давай посмеемся, – огрызнулся Стиллет. – Очень будет смешно, если новоиспеченный старший мастер захочет подняться еще на одну ступеньку. Из Дорвенанта это делать даже удобнее!

«Зачем он это говорит? – искренне поразился Лучано. – Неужели и правда так думает?! Что я – и убью мастера Ларци?! Ради чего? Ради титула грандмастера, который мне и даром не нужен?! Да не хочу я взваливать на себя такую ношу! Тем более сейчас! Я просто хочу в Дорвенант! К Айлин с Аластором, к новым друзьям, службе... К Перлюрену, в конце концов! К новой жизни, в которой смогу быть не убийцей, а хранителем порядка при лучшем на свете короле! И променять это все на проклятую лестницу гильдии?! Возможность и даже обязанность стать палачом своего наставника? Почти отца?! Не может грандмастер Лоренцо всерьез думать, что я этого хочу, он же меня знает!»

Глаза Тино блеснули пронзительно и хищно, но спустя всего мгновение грандмастер спрятал этот острый взгляд и растянул губы в улыбке, фальшивей которой Лучано вряд ли видел.

– Вот и поглядим, – сказал он, чеканя каждое слово, – чего стоит знаменитый выкормыш Ларци. Пусть едет. Но – старшим мастером. Со всеми положенными правами. Он ведь так предан своему наставнику, правда, мальчик?

– Да... грандмастер... – выдавил Лучано под снова обращенными на него взглядами. – Я предан... моему мастеру. И гильдии...

– Вот и чудно! – Тино хлопнул в пухлые ладоши. – Заодно не придется краснеть перед королем, почему мы отправили ему за такие деньги всего лишь младшего мастера! Собратья, вы согласны?

Казначей гильдии молча достал из кармана белый платок и уронил его на стол. Рядом опустился второй – от Лоренцо, и Лучано вздрогнул. Да что здесь творится?!

– Это... имеет смысл, – задумчиво подтвердил Паоло. – Прости, Ларци, но Тино прав. Никто из нас не вечен, а гильдия должна жить дальше. Ты сам сказал, что твой ученик – лучшее, что ты воспитал за

шестнадцать лет. Значит, кому как не ему быть старшим мастером? Если успеешь подготовить других – тем лучше. Вряд ли этот мальчик станет торопиться, ему пока и своих забот хватит. Верно, Фортунато?

Усмехнувшись, он достал и бросил на стол третий платок – тоже белый. Несколько мгновений – и рядом с ним появился еще один – брошенный Тино.

– Я?! Да никогда! – Лучано почувствовал, что краснеет, так невозможно фальшиво это прозвучало, хотя он был совершенно искренен. – Мастер, я...

– Поезжай в Дорвенант, Фортунато, – вздохнул мастер Ларци с горечью. – И да пребудет с нами воля Претемной. Я... согласен с моими почтенными собратьями.

Он медленно разжал занесенную руку, и последний клочок белой ткани опустился на стол, покачиваясь, как огромная бабочка, развернувшая крылья. Лучано до боли закусил губу. Разве не этого он хотел?! Почему же сейчас так больно?! Неужели мастер правда верит...

Глубоко вздохнув, мастер Ларци поднялся из кресла и поклонился.

– Благодарю, почтенные собратья, – сказал он торжественно. – Идем, Фортунато.

Лучано вышел следом, от обиды и отчаяния не замечая, кто идет за ними. И только когда сгреб свои ножи и шпильки, прицепил снова на пояс рапиру и, выйдя на улицу, распахнул перед мастером Ларци дверь экипажа, не выдержал:

– Мастер! Вы это всерьез?!

Ларци вздохнул, посмотрел на него знакомым взглядом и тихо попросил:

– Лезь в карету, идиотто.

– Да-да, сделай милость, лезь в карету, – раздался оттуда ехидный голос Лоренцо. – Сколько можно было тащиться, вы же вышли первыми. А я вас обогнал и дожидаться теперь не могу!

– Ну и ехал бы домой, – хмыкнул Ларци, залезая в экипаж и устраиваясь на скамье. – Представление кончилось, ничего интересного больше не будет.

– Как это? А физиономия твоего ученика? Эй, Фортунато, что ты там говорил о моем обществе для драки и постели? Пожалуй, самого

меня ты пока не заработал, – продолжал глумиться Лоренцо, пока Лучано мрачно забивался в угол рядом с мастером Ларци. – Но знаешь, пару своих ребят я тебе пришлю, так уж и быть. А для чего – ты с ними сам разберешься.

– Премного благодарен, – огрызнулся Лучано и повернулся к Ларци. – Мастер, я... – И осекся, увидев, что плечи наставника трясутся от беззвучного смеха. – Мастер?!

– Я тебе шестнадцать лет мастер, идиотто! – выдохнул Ларци, задыхаясь от прорвавшегося хохота. – И ты до сих пор... никак... Ох, какой же ты идиотто, мальчик! Неужели ты думаешь, что Тино согласился бы просто отпустить тебя в Дорвенант?! А вот подвесить над моей головой постоянную угрозу – совсем другое дело. Ну же, Фортунато! Подумай хорошенько!

– Да не умеет он пока думать, – фыркнул Лоренцо, отдергивая занавеску и выглядывая из окна тронувшегося экипажа. – Зато красивый и везучий. Может, потом научится, если доживет. А с тебя причитается, Ларци! У меня аж скулы болят – так хотелось рассмеяться Тино в лицо. Претемная и Пресветлый, какой же он болван! Хитрый и подлый болван, а считает себя величайшим умником!

«Они провели всех! – с тихим восторженным ужасом подумал Лучано. – Разыграли меня как пешку в арлезийских башнях, но самое главное – разыграли мастера Тино! Заставили его думать, что Ларци боится меня, как когда-то наставник Лоренцо боялся своего ученика. Боится – и потому держит при себе в младших мастерах! И Тино поверил! И согласился отправить меня в Дорвенант, повысив до старшего мастера, потому что теперь я имею законное право убить Ларци. Конечно, я должен ждать, пока он состарится или заболеет – по традиции. Но Тино не верит, что я стану ждать, как не верит в преданность своих учеников – потому и избавляется от всех, кого считает опасными. Как поверить в любовь, уважение и верность тому, кто сам давно убил в себе эти чувства? И теперь грандмастер Тино убежден, что я буду ждать удобного случая, чтобы избавиться от мастера Ларци. Мастер и Стиллет убедили его в этом. А я... я свободен!»

Он рассмеялся, но смех тут же перешел в отчаянный всхлип. Лучано сполз с качающейся скамьи, уткнулся лицом в колени мастера

Ларци, прижался щекой к его горячей сухой руке и замер.

– Ну-ну, мальчик мой... – Второй рукой мастер потрепал его по голове и снова вздохнул: – Только попробуй теперь не стать счастливым, паршивец этакий! Слушай, Лоренцо, как обычные люди ухитряются воспитать несколько детей, а потом еще вовремя выгнать их из дома? Тут с одним-то с ума сойдешь.

* * *

К экипажу лорд Ангус проводил ее сам, как и обещал. Помог подняться на ступеньку, еще раз поблагодарил и лично закрыл дверцу кареты, не позволив лакею увидеть, кто уже сидит внутри. Айлин едва дождалась, пока кучер тронет лошадей.

– Дарра! – воскликнула она, порывисто протягивая ему обе руки. – Как я скучаю! Мне так жаль, что получилось нехорошо...

– Милая Айлин, это мне следует сожалеть и просить у вас прощения.

Ладони, зятянутые в белоснежные печатки, осторожно приняли ее руки, и Айлин вздрогнула – даже через ткань кожа Дарры показалась ледяной. Она словно к умертвию прикоснулась!

– Дарра, ты ни в чем не виноват, – запротестовала Айлин и чуть сильнее сжала его руки, пытаясь их согреть.

Конечно, она знала, что Дарра часто мерзнет, в их с Саймоном комнате всегда стояла магическая жаровня, и даже летом камзолы и мантии Дарры были плотнее обычного. Но сейчас все как-то совсем плохо! И вид у него усталый, даже больной – бледное осунувшееся лицо, темные круги под глазами заметны даже в полумраке кареты, освещенной изнутри маленьким магическим шаром.

– Дарра, милый, ты нездоров? – спросила она невольно дрогнувшим голосом. – Может, не следовало беспокоиться ради этой поездки?

– Милая Айлин... – Узкие губы Дарры, сегодня не просто бледные, а какие-то обескровленные, дрогнули в его обычной улыбке, такой быстрой и сдержанной, что мало кто вообще ее замечал. – Поверьте, эта поездка – лучшее лекарство для меня. Если бы не запрет вашего мужа, я давно бы навестил вас и попросил прощения за случившееся. Леди Эддерли объяснила, какому риску я вас подверг, и как непростительно было мое легкомыслие...

– Дарра, ты – и легкомыслие? – Айлин покачала головой. – Это мне следовало подумать, что многое изменилось, и я не должна распоряжаться собой так же свободно, как раньше. Ты ни в чем не виноват! Я... так надеюсь, что скоро снова смогу видеться с тобой и Саймоном! Как он, кстати?

– Тоже переживает, – вздохнул Дарра. – Говорит, что ему, сыну целительницы, следовало больше думать о вашем здоровье. Нам действительно так жаль, милая Айлин...

Он продолжал держать ее ладони, которые тоже замерзли, словно руки Дарры были не человеческой плотью, а льдом, как у Снежной Девы из северных сказок. Но Айлин, несмотря на неприятное ощущение, ни за что бы их не бросила.

– Забудь, – просто сказала она. – И передай Саймону, что все обошлось. Я очень благодарна его матушке, она чудесная целительница. Тем вечером я сама была виновата, что испугалась...

Она запнулась, не зная, как описать ощущение мерзкого ужаса от призрачной свиты Морстена, но Дарра понимающе кивнул:

– Это моя вина. За годы нашей дружбы, милая Айлин, я привык видеть вас умелой и сильной некроманткой. Мне следовало помнить, что вы еще и благородная леди.

– В походе к Разлому я видела куда более страшные вещи, – тихо сказала Айлин. – Там, в подвале, я просто не ожидала...

Она положила руки на колени, чтобы удобнее было держать ладони Дарры, и заметила, что друг наклонился к ней, словно боясь разорвать это странное и, честно говоря, совершенно неприличное прикосновение. Ему давно следовало самому отпустить ее, но Дарра вдруг напомнил Айлин смертельно замерзшего человека, который нашел тепло и отчаянно пытается согреться.

– Ваш поход к Разлому – великий подвиг, – негромко сказал Дарра, не сводя с нее взгляда, который у кого-то другого Айлин назвала бы болезненно жадным. – Но я бы дорого дал, чтобы его никогда не случилось в вашей жизни. Рисковать собой – дело мужчин, его высочеству следовало обратиться за помощью к любому некроманту с достаточной силой и опытом. Уверен, никто из Ордена не отказался бы послужить Дорвенанту даже ценой своей жизни. Это чудо, что вы вернулись, а ведь могли бы...

Он осекся, словно сам испугался своих слов.

– У чуда, которое меня спасло, есть имена, – так же тихо, но твердо сказала Айлин. – Аластор Дорвенн, Лучано Фарелли, Дункан Роверстан. Это их заслуга в том, что я вернулась, но пойти к Разлому было моим решением. Дарра, неужели ты не понимаешь, почему я это сделала?

Ей впервые пришло в голову, причем совершенно неожиданно, что Дарра не гордится ее поступком так же самозабвенно и восхищенно, как Саймон, а... чуть ли не осуждает его. Только потому, что она женщина?! Но ведь Орден принимает присягу от магов и магесс на равных условиях! Или все дело в том, что Дарра за нее беспокоился? Наверняка так и есть.

– Потому что вы отважны и благородны, моя милая Айлин, – снова едва заметно улыбнулся Дарра. – Простите, я не хотел напомнить о тяжелых испытаниях.

«Да вы с лордом Бастельеро сговорились, что ли? – вспыхнула она про себя. – Он тоже то и дело твердит, что я должна все забыть, залечить душевные раны, стереть воспоминания о том ужасном времени. А если я не хочу забывать?! Если оно было не только ужасным, но и прекрасным временем тоже?! Ладно, лорд Бастельеро, но Дарра! Он же мой друг! Мы вместе проказничали, и он никогда не пытался запихнуть меня в рамки приличий! Когда все изменилось и почему? И как мне теперь быть с этим новым Даррой? Если еще и Саймон при встрече заговорит об этикете... Впрочем, я скорее поверю, что Перлюрен перестанет красть печенье и начнет исповедовать воздержание».

Она вдруг заметила, что руки Дарры немного потеплели, а еще через несколько мгновений он с изумлением глянул на них и поспешно убрал. Похоже, все-таки вспомнил об этих несчастных приличиях! Айлин же вспомнила кое-что, не дававшее ей покоя с того самого дня, и решила сменить тему:

– Дарра, могу я тебя спросить об одной вещи? Мне, право, неловко...

– Я полностью к вашим услугам, милая Айлин, – заверил ее друг, сплетя длинные пальцы на коленях перед собой и снова откидываясь на обитую бархатом спинку сиденья напротив.

– Тогда в подвале я заметила одну странность, – решила она. – Ты ведь знаешь, я вижу призраков как материальные объекты, разве

что с небольшими особенностями. Запах, ощущение холода... – Она дождалась кивка Дарры и ободренно продолжила: – Но когда ты разговаривал с Морстеном, я увидела за твоим плечом... призрака. То есть там был не сам призрак, а то, каким его видят другие некроманты. Полупрозрачное подобие человека. Совсем не такое, каким я их вижу обычно, понимаешь?

– Возможно... – чуть нахмурившись, уронил Дарра. – За моим плечом? И... что же это было за видение?

– Мальчик, очень похожий на тебя. Судя по внешности, тоже Аранвен, только лет семи-восьми. Глаза, волосы, черты лица... Знаешь, будь у тебя брат, он бы выглядел точно так же! – Айлин смутилась, вспомнив трагическую историю леди Этайн, и неловко закончила: – Извини, я не хотела...

– Вам совершенно не за что извиняться, милая Айлин, – отозвался Дарра своим обычным ровным тоном. – У меня нет брата, напоминание о котором могло бы стать неприятным. Хотя была сестра, как вам, конечно, известно.

Айлин поспешно кивнула. Об Этайн и Дилане ей рассказал Саймон, с небывалой деликатностью убедившись, что Дарра их не слышит. Но сам Дарра никогда о сестре не говорил, не считая того вечера, когда они с Саймоном пришли ее утешать после смерти отца.

– Я очень ее любил, – продолжил Дарра, и Айлин поразились – это «любил» прозвучало так равнодушно!

Видит Претемнейшая, о задачах по теоретической некромантии Дарра говорит с куда большей нежностью!

Она тут же одернула себя – конечно, дело в том, что ему больно вспоминать о так рано ушедшей сестре, как ей самой – об отце.

– Я понимаю, – шепнула она, однако Дарра ответил неожиданно странной улыбкой.

– Нет, не думаю. Простите, милая Айлин. Я почти не помню Этайн, хотя и понимаю, что она была похожа на наших родителей. Как бы там ни было, много лет назад я любил ее, и когда она ушла вслед за погибшим мужем, я не смог с этим смириться. Должно быть, ее смерть показалась мне чудовищной несправедливостью. Во всяком случае, у меня очень рано проснулся дар – от потрясения, как это случается не так уж редко. И тогда я совершил немыслимую глупость – попытался вернуть Этайн к жизни. Это и в самом деле было глупостью: сестра

упала с такой высоты, что удайся мне задуманное, и ее душа не продержалась бы в теле даже нескольких минут. Разве что поблизости оказался бы целитель, равный магистру Бреннану... Впрочем, нет; ни один целитель не в силах вернуть к жизни того, кто твердо решил умереть.

Айлин затаила дыхание, слушая этот ровный бесстрастный голос, а Дарра говорил так спокойно, будто всего лишь объяснял Воронам очередной сложный аркан:

– Оправданием моей недальновидности может служить разве что возраст, мне едва исполнилось восемь лет. Разумеется, мне не хватило ни сил, ни умения выполнить задуманное, однако... – Он на мгновение умолк, переводя дыхание, а потом снова наклонился вперед, взял руки Айлин, легонько их сжал и продолжил с лихорадочной торопливостью: – Я не помню ритуал. Не могу вспомнить, как ни стараюсь. Точно так же ускользает лицо сестры. Серые глаза, бледная кожа, тонкие губы – все это не лицо! Восьмилучевая звезда, руны, найденное в библиотеке заклятие – это все еще не ритуал. Нет, я не помню ничего, кроме темноты и холода. Помню только, что очнулся я через две недели после гибели Этайн. Первым, кого я увидел, был совсем молодой мэтр-разумник. Он показал мне руку и спросил, сколько пальцев я вижу? С этого момента я помню все; помню так ясно, словно это было вчера...

– Этот мэтр-разумник... – шепнула Айлин, и Дарра кивнул.

– Это был магистр Роверстан, тогда еще обычный преподаватель. Он поселился у нас на полгода и почти не оставлял меня, разве что когда отправлялся на службу. Мы много разговаривали, он рассказывал увлекательные истории и приносил мне задачки, которые просил решать. Некоторые были очень любопытными, а некоторые казались нелепыми или совершенно непонятными. Магистр мне объяснил, что некоторые задачи не имеют решения или, напротив, имеют несколько ответов – и все правильные. И что его заботит не столько то, смогу ли я их решить, сколько способ, которым я буду это делать. Еще мы занимались арлезийским и древними рунами, у меня почему-то стала гораздо лучше память. А может, я просто перестал отвлекаться на всякие пустяки во время уроков... Когда эти полгода прошли, магистр уехал из нашего дома, но продолжал часто меня навещать. Отец и матушка принимали его с исключительной любезностью, и случалось,

что магистр проводил у нас все вакации, кроме нескольких дней, когда навещал своих родных. Даже уроки у фраганского бретера, которого выписал отец, мы брали вместе, а когда я поступил в Академию, магистр сказал, что я могу в любое время обращаться к нему с любыми вопросами. Признаться, мне и вправду многое казалось непонятным, да и до сих пор кажется...

По его губам снова скользнула тень улыбки, на этот раз странной и задумчивой, а потом Дарра глянул на Айлин, словно пытаясь определить, как много она поняла из его рассказа.

– Вы должны знать, милая Айлин, – сказал он еще тише. – После ритуала, который я так безрассудно провел в детстве, во мне многое изменилось. Насколько я могу вспомнить, до него меня гораздо меньше раздражали окружающие люди. Еще меня не боялись лошади и собаки, с которыми сейчас мне нелегко иметь дело...

– Но Пушок тебя не боится! – запротестовала Айлин.

– Ваш пес – исключение, – согласился Дарра. – Возможно, дело в том, что он в принципе никого и ничего не боится, умертвиям не свойственно это чувство. Но собаки в особняке Эддерли при моем приближении обычно прячутся. Есть и другие признаки изменений. Когда я приехал в Академию, меня поселили с мальчиком моего возраста, и вскоре он заболел. Магистр Бреннан исключил возможность проклятия, мэтр Денвер тоже это подтвердил, но больному становилось все хуже, и болезнь исчезла только после того, как его положили в лазарет, а потом перевели в другую комнату.

– А Саймон? – выдохнула Айлин. – Саймон жил с тобой в одной комнате... сколько?!

– Десять лет, – все с той же слабой странной улыбкой подтвердил Дарра. – Он пришел в академию в следующем году, хотя ему было всего одиннадцать. Но на семейном совете мои родители и родители Саймона решили, что нам будет полезно учиться и жить вместе. Саймон... чрезвычайно энергичен. В детстве он был настолько неусидчив, что с огромным трудом осваивал все, что не было прямым объектом его личного интереса. Когда мы стали жить вместе, я... перестал постоянно мерзнуть, а он стал спокойнее настолько, что смог сосредоточиться на учебе. Некоторая потеря лишней жизненной силы весьма этому способствует.

– Дарра, погоди! – прошептала Айлин с ужасом, наконец-то понимая, о чем он так осторожно говорит.

Страх лошадей и собак, потеря жизненной энергии у окружающих вплоть до тяжелой болезни... А еще странный характер Дарры, слишком хладнокровный и сдержанный даже для Аранвенов... И разумник, который так долго его наблюдал, пытаясь определить изменение в мышлении... И еще множество мелочей за все эти годы, ранее просто странных, а теперь откровенно пугающих!

– Дарра, ты ведь не хочешь сказать, что...

Она замотала головой, боясь произнести это вслух. Дарра! Такой умный, благородный, справедливый! Лучший ее друг, ближе брата! Он просто не может быть тем, о чем она подумала...

– Я провел запрещенный ритуал по возвращению души, – последовал тихий бесстрастный ответ. – Неважно, что мне было всего восемь, ответственность за подобное не зависит от возраста или положения в обществе. Если магу достаточно лет, чтобы решиться на это, значит, он способен отвечать за свои поступки. Но ритуал остался незавершенным, а я потерял слишком много сил, чтобы самостоятельно вернуться в мир живых. Заблудился на сумеречных тропах между нашим миром и Претемными Садами. И неминуемо остался бы там, если бы меня не вернули. Увы, к тому времени я уже умер.

– Но кто?! Кто тебя...

Выдернув у него одну руку, Айлин тут же зажала себе рот ладонью. Нельзя такое спрашивать! Любому некроманту известно, что возвращение души в мертвое тело карается лишением всех прав, выжиганием магического дара и либо казнью, либо каторгой – по усмотрению суда Ордена. А оказаться рядом с маленьким Даррой и совершить подобное, рискуя жизнью и честью, могли всего два некроманта, либо лорд Эддерли-старший, либо леди Немайн, его матушка. Один – лучший в Ордене мастер призраков, а ведь что такое призрак, если не заплутавшая между бытием и небытием душа? Вторая – умелый и сильный маг, а главное – мать, которая кинется за ребенком хоть в Претемные Сады, хоть в Бездну. Но кто бы ни спас Дарру, он не смог вернуть его полностью...

– Вижу, вы поняли, – тихо сказал Дарра и отпустил ее вторую руку. – Моя матушка едва перенесла смерть Этайн и не смогла бы

вынести еще и мою. Она вернула меня, преступив законы короля и Ордена, человеческие и божественные. Конечно, ей помогли скрыть следы ритуала... У Аранвенов, к счастью, верные друзья и любящие родственники. Но тот, кто вернулся из Претемных Садов, уже был не совсем мной. Точнее, совсем не был. Вы же знаете, почему этот ритуал запрещен? Без позволения Претемнейшей Госпожи вернуть можно только личность человека, которая присуща ему именно в этом воплощении. Сочетание разума, характера и темперамента. Но бессмертная душа, которая перерождается из воплощения в воплощение, всякий раз выращивая новую личность, остается в Садах. И возвращенец оказывается лишен самой важной части человека – того, что именно и делает его человеком. Понятия о добре и зле. Того, что люди называют моралью, вкладывая в это слово свое понимание приличий, а на самом деле все гораздо глубже.

– Дарра... – прошептала Айлин, прерывая эту бесстрастную лекцию. – Но это не может быть правдой. Нам рассказывали о возвращенцах! Это чудовища, не способные чувствовать! А ты не такой! Ты дружишь со мной и Саймоном, любишь родителей и Эддерли, переживаешь о Дорвенанте! Ты столько лет заботился о Воронах! Как ты можешь быть чудовищем, не знающим привязанностей?!

– Очень просто, милая Айлин. – И снова эта быстрая странная улыбка, которая уже начала ее пугать. – Когда отец узнал, что случилось, он поставил условие, что я должен сохранить достаточно человеческого, чтобы жить среди людей. Иначе... прямой ветви Аранвенов пришлось бы пресечься. Но он любил меня даже тогда, поэтому нашел единственного человека, который разобрался одновременно в магии разума и медицине, причем на должном уровне.

– Магистра Роверстана... – прошептала Айлин.

– Именно, – кивнул Дарра. – Помните, недавно вы сказали, что у вашего чуда три имени? В этом мы с вами похожи, только мое спасение зовется именем одного человека. Матушка вернула мою личность, но если бы не магистр Роверстан, того Дарры, которого вы знаете, не было бы. Он заново научил меня быть человеком и преуспел в этом настолько, насколько вообще можно было преуспеть. Увы, я действительно не знаю разницу между добром и злом, в этом легенды о возвращенцах не лгут. Но магистр приучил меня руководствоваться

разумом и определенным кодексом этических правил. Не скажу, что это легко, но в большинстве случаев у меня получается. И хотя я не умею любить или ненавидеть... во всяком случае, как обычные люди... я знаю, что такое привязанность и верность. Теперь вы понимаете, почему я всегда считал своим единственным настоящим наставником Дункана Роверстана? Того, кто стал моим вторым отцом и первым другом.

– А как же... Ну хорошо, лорд Эддерли все знает, правда? Поэтому ты смог учиться в Академии... Но как же лорд Бастельеро?! Неужели он за все эти годы не понял, не распознал... Ведь должны же быть изменения в магической оболочке, признаки!

– Изменения и признаки, безусловно, есть, – согласился Дарра. – Но искра у меня осталась, это свойство тела и личности, а не души. И вы удивитесь, как много значит для людей словосочетание «родовая магия», если произносить его достаточно многозначительно. Возвращенцев не видел никто из ныне живущих, это, к счастью, огромная редкость, поэтому особенности магической оболочки легко объяснить кровью Аранвенов. А признаки... Чтобы их разглядеть, нужно быть внимательным и непредубежденным, способным поверить, что такое вообще возможно. Тот же лорд Бастельеро, вы думаете, он способен допустить мысль, что проглядел умертвие прямо у себя под носом? Не распознал его в адепте, с которым видится каждый день? Уверяю вас, даже сообщите ему кто-нибудь правду, лорд Бастельеро посчитал бы это совершенным бредом.

«Не увидел же он аккару в мастере Витольсе, – молча согласилась Айлин. – Потому что трактирщик не может быть легендарным чудовищем. Как и наследник Аранвенов».

– Так никто не знает? – растерянно уточнила она. – Кроме твоих родителей, лорда Эддерли и магистра Роверстана?

– Еще леди Эддерли, – педантично уточнил Дарра. – Когда стало понятно, что мое здоровье тоже изменилось, а для некоторых людей я стал представлять опасность, леди Эддерли научила меня некоторым приемам, которые позволяют управлять... я называю это «холодом». Не брать от людей больше силы, чем они могут дать без вреда для себя. И понимать, когда это становится опасным. Поверьте, милая Айлин, иначе я никогда не осмелился бы сесть в одну карету с вами... в вашем положении, – добавил он с болезненно искаженным лицом,

которое тут же снова стало непроницаемым. – Вы сказали, что я кажусь вам нездоровым, и отчасти это действительно так. Раньше мне достаточно было проводить время в вашем обществе или рядом с Саймоном, чтобы чувствовать себя хорошо. Но теперь вы живете в доме мужа, Саймон закончил Академию, и мы лишь иногда встречаемся. Для меня пришло время обходиться своими силами, и это... нелегко. Отец позволил мне увидаться с вами, потому что беспокоится о моем здоровье. Но я клянусь вам всем, что для меня важно – благополучием родных, дружбой с вами и Саймоном, расположением магистра Роверстана... Никогда, милая Айлин, я не видел в вас один только источник жизненной силы. Вы... всегда были для меня особенной...

Его голос прервался и дрогнул – Айлин никогда не слышала этого у Дарры. Решительно подавшись вперед, она снова взяла его руки в свои, сжала и ободряюще улыбнулась.

– Я ведь тоже вернулась из-за грани нашего мира, – сказала, поймав его взгляд. – Если это делает меня чудовищем, что ж... Зато ты всегда можешь быть уверен, что я понимаю тебя, как одно чудовище – другое. Ты мне очень дорог, Дарра! Я никогда не пожелала бы себе лучшего брата и друга!

– Брата и друга... – эхом повторил Дарра и глубоко вздохнул, а потом снова улыбнулся – и у Айлин отлегло от сердца, потому что это была прежняя улыбка прежнего Дарры, такого, каким он был в Академии. И резкие тени под глазами смягчились, почти исчезли, а руки наконец-то потеплели по-настоящему. – Милая Айлин, вы не представляете...

Склонившись, он коснулся губами одной ее ладони, затем – другой. Айлин хотела сказать еще много всего! Заверить, что все это неважно, что она всегда будет любить его и никогда не предаст. Но поняла, что ход кареты замедляется, а в краешек окна, не прикрытый занавеской, видны башни особняка Бастельеро. Еще пара минут – и придется расстаться!

– Дарра, я никогда! Никому! – торопливо выпалила она. – Обещаю!

– Я знаю, милая Айлин, – кивнул он, не выпуская ее руки и с каким-то отчаянным блеском в темно-серых глазах. – Вы же понимаете, это не только моя тайна, она способна погубить и мою

семью, и еще одного человека... который дорог нам обоим. Но не узнай вы ее от меня, ваш пытливый ум потребовал бы искать разгадку в другом месте. И вы могли нечаянно... Я не знаю, почему вы увидели то, что увидели. Этот мальчик... Он не может быть ничем иным, кроме как моей душой. Но он должен был оставаться в Претемных Садах, там, где ему навсегда восемь лет, пока мой жизненный путь не закончится, и я не стану снова цельным. Право, я не знаю – почему. Только прошу вас никогда ни с кем об этом не говорить. Особенно с лордом Бастельеро.

– Клянусь честью и своим даром, – кивнула Айлин и с горечью добавила: – Поверь, это не единственная тайна, которую я привыкла от него скрывать. Но... до встречи?

– До встречи, – эхом отозвался Дарра и с явным сожалением отпустил ее руки, а потом движением пальцев пригасил магический шар. – Простите, что не смогу вас проводить. В этом доме я нежеланный гость и не могу винить в этом никого, кроме себя. Но прошу вас помнить, что моя любовь... и дружба, – добавил он торопливо. – Они всегда принадлежат моей милой Айлин.

Сдерживая подступившие к глазам слезы, Айлин кивнула. Карета остановилась, и лакей распахнул дверцу. Дарра откинулся на спинку сиденья, в полумраке он был так похож на своего отца, что вряд ли чей-то быстрый взгляд распознает замену.

«Я научилась обманывать, – с болью подумала Айлин. – Скрывать свои и чужие тайны, умалчивать, откровенно лгать. Это и есть взрослая жизнь? И никогда-никогда я не смогу вернуться к себе прежней? К той Айлин, самой страшной тайной которой были проказы в Академии? Как же горько...»

– Милорд Грегор давно лег? – спросила она у дворецкого, снявшего с ее плеч накидку.

– Его светлость еще не изволил отойти ко сну, – сухо сообщил тот и очень неодобрительно покосился на часы, как раз показавшие половину первого.

– Тогда передайте ему, что я вернулась домой и немедленно иду спать, – бросила Айлин.

К Барготу все объяснения с обиженным и разгневанным супругом. Она, конечно, поговорит с ним утром и даже извинится, пожалуй, но третий напряженный разговор за эту ночь – уже слишком.

* * *

Ночная Вероккья пахла фиалками, речной сыростью, уличной грязью и свободой. Самый прекрасный запах в мире! Пожалуй, лучше пахнут лишь волосы синьорины и кожа Альса после тренировки. А еще – мокрый мех Перлюрена, шамьет с медом по любимому рецепту Аластора, чернила и сургуч в его, Лучано, личном кабинете, и земляничный ликер в особняке Вальдеронов... Скоро, совсем скоро все это снова будет принадлежать ему!

– Кошак весенний... – услышал он краем уха и вскинулся:

– Мм-м?!

– С ума, говорю, сошел, словно кошак весенний, – с удовольствием повторил грандмастер Лоренцо. – Нет, Ларци, ну ты посмотри на него, а? Глаза прикрыл, улыбается и ничего вокруг не слышит и не видит. Совсем идиотто!

– Завидуешь? – хмыкнул Ларци, пока Лучано краснел, надеясь, что в полутьме экипажа это останется незамеченным.

– Еще бы! – отозвался Стиллет. – Как не позавидовать молодому наивному идиотто, который думает, что все закончилось хорошо. И что теперь у него вся жизнь будет похожа на карнавал – сплошное веселье. Так ведь ты думаешь, верно, Фортунато?

Лучано промолчал. Только поразился, сколько едкой горечи слышалось в голосе грандмастера. Но тут же, словно опомнившись, Лоренцо хмыкнул и продолжил обычным своим слегка насмешливым тоном:

– Отпусти мальчика погулять, Ларци. Кольцо старшего мастера нужно хорошенько обмыть в подходящей компании. Есть у тебя такая компания, Фортунато?

– Есть, грандмастер, – уверенно отозвался Лучано, мгновенно вспомнив Фелипе.

– Вот и брысь туда! А мы с твоим наставником посидим за бутылочкой, помянем шестнадцать лет, которые он на тебя потратил без всякой пользы и прибыли.

– Иди, Фортунато, – кивнул мастер Ларци и едва заметно кивнул на дверцу замедлившего ход экипажа. – Лоренцо прав, попрощайся с Вероккьей и друзьями.

– Разве мне нужно ехать прямо завтра? – Лучано вдруг растерялся. Только что он предвкушал, как вернется в Дорвенант, увидит все, что

стало таким дорогим... Но осознание, что для этого придется расстаться с тем, что останется здесь, резануло по сердцу неожиданной подлой болью. – Мастер, я могу задержаться... ненадолго...

– Можешь, – кивнул Ларци. – Но поверь мне, мальчик, сколько бы времени ты здесь ни провел, такого вечера, как сегодня, у тебя больше не будет. Не трать его напрасно, наши с Лоренцо старые скучные физиономии ты еще увидишь. А последние часы твоей юности не вернутся никогда.

– Да что ты ему объясняешь? – фыркнул Стиллет. – Сам знаешь, такие вещи никогда нельзя понять вовремя. Их понимаешь потом, когда уже поздно. Брысь, говорю, кошка королевский, а то за шкуру выкину.

И медленно, с показной ленцой потянулся, делая вид, что собирается осуществить угрозу.

Лучано ухмыльнулся, протяжно мяукнул, толкнул каретную дверцу и выскочил в благоуханную сырую ночь, что разом обняла его со всех сторон, обрушилась звуками и запахами, пропитала насквозь. Экипаж, даже не замедлив хода, покатыл дальше, только хлопнула дверца, а Лучано, глупо улыбаясь, запустил пальцы в кошель, прикидывая, где сейчас можно купить лучшую выпивку и закуску. Фелипе живет совсем рядом – пару кварталов пройти! Надо было, конечно, заскочить домой за лютней, которую собрался ему подарить, но теперь уже самому не терпится увидеть приятеля. Хоть бы он сегодня ночью не работал!

...Окно в мансарде над ювелирной мастерской, где Фелипе иногда изображал примерного подмастерье, светилось ровным теплым сиянием. Лучано пригляделся к задернутой занавеске, дождался, пока за ней мелькнет расплывчатый силуэт, и запустил в окно мелкий камешек. Рядом загавкала собачонка, и Лучано прижался к забору, который перемахнул, не тратя времени на разведку, скользнул поближе к наружной лестнице, ведущей в мансарду. Но не поднялся, а шагнул в круг света от висящего на ней фонаря и негромко позвал в темноту:

– Фелипе! Иди сюда! Я это, я, можешь не приглядываться.

Ну, в самом деле, не ждать же, что опытный Шип спустится по лестнице, словно обычный подмастерье, даже не проверив, кто это его навестил. Дураком Фелипе никогда не был.

Быстрая темная тень метнулась к нему откуда-то сбоку, и не успел Лучано вздохнуть, как его стиснули, приподняли и двинули им в стену под лестницей. Дыхание перехватило, он только и успел, что перехватить крепкие руки, сжавшие его предплечья, а потом просипеть:

– Пиппо...

– Скотина! – яростно выдохнул Фелипе, оторвав его от стены и снова от души влепив спиной туда же. – Кошак блудливый! Я же за тебя, дурня, полгода с лишним боялся! А ты даже не писал, мерзавец! Если бы грандмастер Ларци не говорил, что ты еще жив... Я бы... Я бы... Тебя что, под замком все это время держали?! Не мог пару минут выбрать – весточку послать?! Ты... Ты... Верблюды ты мауритский, Фортунато!

– К-к-кто? – выдавил Лучано, мотаясь в руках друга, как тряпичная кукла, откуда только у Фелипе столько сил взялось? – Вер-р-рбля... Верблюды?!

– Это все, что тебя интересует? – ядовито осведомился Фелипе, на прощание встряхнул его так, что у Лучано зубы лязгнули, и отпустил. – Скотина это выючная и верховая! На тебя похож, такой же упрямый и наглый!

– В Арлезу работать ездил? – понял Лучано и тут же виновато взмолился: – Прости, Пиппо! Дурак, признаю! И мерзавец! И этот, как его... вер... вер... Осел, в общем! Прости, а?

Уже сам шагнув к другу, он крепко его обнял, слыша возмущенное сопение Фелипе и действительно горя от стыда. Надо было, надо было написать! И вправду скотина!

«Останусь у него сегодня, – решил Лучано, хотя настроения на любовные игры не было. – Надо же как-то загладить...»

– Барготовы подштанники, – ругнулся он, пытаясь скрыть неловкость. – Амарилия разбилась!

Действительно, корзину с выпивкой и закуской они нечаянно толкнули, и резкий запах крепкого ликера из апельсинов теперь плыл по двору.

– Думаешь, не найду, чем тебя угостить? – фыркнул Фелипе все еще обиженно. – Пойдем наверх, а то хозяин вылезет, начнет ругаться.

У пожилого ювелира Фелипе работал не столько подмастерьем, сколько охранником, доставляющим заказы. Непыльная работа, а если

ювелир и подозревал, где его охранник проводит большую часть свободного времени, то благоразумно помалкивал. В Вероккье все отлично знают, на что стоит закрывать глаза.

Подхватив корзину, из которой сочилась амарилья, Лучано вслед за Фелипе поднялся по лестнице, пятная ступени янтарными каплями, густыми, как кровь.

— Кстати, — вспомнил он. — А что там Вито? Голос вернулся?

— Не успел, — отозвался Фелипе. — Погорел Вито на заказе через месяц, как ты уехал. Сам лег и напарника в Претемные Сады прихватил. Если б не ты, Фортунато...

Договаривать то, что и так было понятно обоим, он не стал. Если б не заступничество Лучано, в Претемные Сады вместе с дураком Вито мог бы отправиться не другой Шип, а Фелипе. А Лучано узнал бы об этом только сейчас...

— Заходи. — Фелипе распахнул перед ним дверь и уже без упрека сказал: — Давно тебя жду, с того дня, как грандмастер Ларци в Дорвенант уехал. Что пить будем, амарилью или карвейн?

«С радости пьем или с горя?» — правильно понял Лучано этот деликатный вопрос и улыбнулся.

— Амарилью, — успокоил он друга и вытащил из корзины еду, раз уж бутылка приказала долго жить. — Между прочим, наши мастера сегодня тоже пить изволят. Отмечают шутку, которую сыграли над Тино. Ох, Фелипе, мне столько тебе рассказать надо!

Он расплылся в улыбке, чувствуя, что наконец-то вернулся домой. Точнее, в то место, которое тоже было его домом благодаря невысокому плечистому парню с некрасивым, но живым лицом и ручищами молотобойца. Лучано с умилением воззрился на Фелипе, и тот, хмыкнув, достал из шкафчика пару стаканов, тарелки и бутылку темного стекла.

— Что празднуем? — деловито осведомился, расставляя на небольшом столике у кровати.

Одобрительно глянул на копченое мясо, сыр и прочие закуски, принесенные Лучано, вогнал штопор в пробку и выдернул ее. Запах амарильи в комнате стал еще гуще, и Лучано с беспечным удовольствием подумал, что это славный запах для того, что им предстоит. И для разговора, и для любви. И что он, пожалуй, соскучился по Фелипе больше, чем сам думает. Присел на кровать,

потянулся порезать сыр и вскинулся, проводив мелькнувшее на руке друга кольцо потрясенным взглядом.

– Пиппо, ты... Младший мастер?!

– Надо же, заметил, – усмехнулся Фелипе, не переставая накрывать стол. – Ну да, пару месяцев назад кольцо получил.

– И даже... – начал Лучано и осекся. Он сам не писал Фелипе, а куда тот мог присылать письма? В королевский дворец? – Пиппо, ты же не хотел в младшие мастера, – сказал он растеряннo вместо того, что собирался сказать.

– Ну, не хотел, – пожал плечами Фелипе, наклоняя бутылку над стаканом. – А потом подумал хорошенько и захотел. Надоело совсем уж бесправной скотинкой быть. Да и мастер Лоренцо сказал, что пора.

– Кровь Барготова! – выдохнул Лучано. – Если б я знал! Я бы тебе про экзамен рассказал.

Рассказал бы! Ни на мгновение не задумавшись, что за такое нарушение правил гильдия карает сурово. Лишь бы Пиппо не пришлось проходить через такой же ужас, как ему в свое время.

– Зачем? – Фелипе закупорил бутылку, чтоб амарилья не выдыхалась. – Думаешь, я сам бы не справился?

– Нет! Что ты! Справился, конечно, просто...

Вот как объяснить, что хотел помочь, защитить от самого страшного? Лучано подавленно замолчал, понимая, что теперь-то его слова немногo стоят. Когда Фелипе уже вернулся из тяжелого безмолвия и душного мрака могилы.

– Да ладно тебе, Фортунато. – Фелипе улыбнулся и протянул ему стакан, полный жидкого янтаря. – Может, и хорошо, что не рассказал. А то ведь я потом всю жизнь думал бы, чего на самом деле стою без твоей помощи да подсказок. Да и перед мастером стыдно было бы. Как будто я ему не доверяю. А он сказал, что из молодых я единственный, кто заслуживает потраченного на меня времени. Понимаешь?

Лучано попытался соотнести тон друга, не просто почтительный, а благоговейный, точно такой, каким он сам говорил бы о мастере Ларци, с образом Лоренцо Стилета – резким, острым и ядовитым. Получалось не очень. Что Лоренцо мог найти в Фелипе? Славном, надежном, умном, даже мудром порой, но таком... простом парне. Или это Лучано в нем чего-то не видел, ослепленный собственной лихостью и удачливостью?

– Ну, за твое кольцо тогда! – сказал он от всей души, звякая стаканом о стакан. – Я рад, Фелипе! Претемной клянусь, от всей души рад.

А внутри снова потянуло неправильной и ненужной сейчас болью. Конечно, теперь никто не запретит ему навещаться из Дорвенанта в Вероккью. Навещать мастера Ларци, видаться с Фелипе. Но это все будет уже не то. Фелипе станет старшим над дюжиной-другой простых Шипов, у него появятся совсем новые заботы, а потом, чем Баргот не шутит, он может выйти и в старшие мастера, если уж сам Стиллет ему благоволит.

Или... безжизненным окровавленным телом остаться на мостовой Вероккьи, пытаясь выполнить очередной заказ – бывает с младшими мастерами и такое, даже с самыми умелыми и опытными. Или получить порцию яда от завистника, который решит, что Фелипе занял его место на невидимой лестнице гильдии. Или... Да мало ли что может случиться с Фелипе? Как и с самим Лучано, между прочим. И потому вряд ли их дружба переживет испытание временем, постоянной разлукой и такой разной жизнью, которая ждет обоих.

– Пиппо, я уезжаю. – Лучано глотнул густой терпко-сладкой амарильи и словно в холодную воду разом кинулся. – В Дорвенант. Насовсем. Старшим мастером. Ларци меня отпустил, гильдия – тоже. Буду служить его величеству Аластору.

На языке теснились сотни слов, бессильных описать Альса, объяснить, какой он и почему Лучано так страстно хотел именно этого исхода.

– Это хорошо? – уточнил Фелипе и, прочитав безмолвный ответ в его взгляде, улыбнулся. – Ну и славно, Фортунато. У нас говорили, что ты стал большим человеком. Благородный синьор, фаворит короля, герой! Не зря Ларци тебя приметил, ты всегда был особенным.

– Особенным идиотто я был, – с досадой признался Лучано. – Ничего не понимал про жизнь! Да и сейчас... Тоже, откровенно говоря, ничего не понимаю. Фелипе, я... скучать буду, – неловко выдавил он, чувствуя, как начинает краснеть. – Понимаешь, я ведь думал, что вот-вот вернусь, поэтому и...

– Не оглядывался назад, да? – подсказал друг, и Лучано снова поразился, как легко Фелипе видит его насквозь.

Именно, что не оглядывался. В дурацком суеверии не писал, не возвращался в Вероккью, не напоминал о себе, словно боялся, что невидимые узы дружбы и любви помешают сорваться с другой привязи, более прочной и жесткой, с привязи-удавки гильдии. Это как перед заказом нельзя говорить о том, что сделаешь, когда вернешься. Плохая примета.

– Фелипе, хочешь, я попробую тебя вытащить к себе? – решил он на первое, что мгновенно пришло в голову. – Сразу не получится, но если постараться...

Досадливо мелькнуло в мыслях, что раньше, пока Пиппо был рядовым Шипом, а не младшим мастером, такое могло получиться куда легче. В крайнем случае, можно было бы выкупить его на постоянный контракт – вот деньги Джанталья с Риккарди игодились бы! А теперь грандмастера наверняка увидят заговор там, где его и близко нет... Лучано поймал себя на том, что пытается придумать, как использовать подозрения Тино – в точности как сегодня это сделали Ларци с Лоренцо. А может, поговорить со Стилетом? Или со своим мастером? Ларци сам сказал когда-то, что Лучано понадобятся верные люди. Он-то имел в виду другое, но если в Дорвенант уедут два Шипа вместо одного, гильдия не обеднеет!

– Не хочу, – преспокойно заявил Фелипе, разбивая гору уже выстроенных им в мыслях интриг и хитросплетений. – Там, конечно, поспокойнее будет, от мастеров подальше. Но грандмастер Лоренцо перестанет меня учить. А еще мне Вероккья нравится. Арлезу с Фраганой я уже посмотрел, а в этом твоём Дорвенанте, говорят, ничего нет интересного, кроме магии. Ну так я-то не маг, что мне там делать? Рапирой махать? Этого добра мне и здесь хватает, но здесь я каждую улочку знаю, каждую девчонку-цветочницу. Может, у меня и не такая красивая жизнь, как у тебя, Фортунато, зато вся моя, насквозь понятная.

– Не твоя, а мастеров, – буркнул слегка уязвленный Лучано. – Так что в любой момент может закончиться.

– А твоя, будто, нет? – хмыкнул Фелипе, укладывая ветчину на ломоть хлеба. – Или король добрее грандмастера? Да сиди ты, – усмехнулся он вскинувшемуся Лучано. – Ладно, верю, к тебе он добрый и щедрый. Может, и побережет, если уж рядом держит. Но это к тебе, а я что ему, что грандмастерам нашим – разменная монета.

Только здесь я все-таки на своем месте, сам знаешь, никогда я другой судьбы не хотел. А там все чужое будет. Нет, Фортунато, повидаться с тобой я всегда рад, а уехать из Вероккьи... Не хочу.

– Ну, как знаешь, – вздохнул Лучано. – Только если передумаешь или жареным запахнет, не тяни, пришли весточку. Да я и сам постараюсь... ну, почаще.

Его все еще мучила неловкость за эти полгода, но Фелипе просто кивнул, принимая обещание как должное, и подлил амарильи в незаметно опустевшие стаканы.

– Слушай, – сказал он, азартно блеснув глазами, – а ты правда с демонами дрался? Какие они?

– Мерзкие. – Лучано передернулся. – Когти, зубы, шипы... А главное, быстрые и злые, словно... крысы. Да, точно, представь голодных помоечных крыс, только величиной с волка. Арбалетом хорошо снимать издали, близко подпускать не стоит. Доспехи они, пожалуй, не прокусят, но в доспехах от них и не отмашешься. В общем, гадость редкостная, я с ними пару раз всего дрался, и если бы не мои спутники, точно на обед этим тварям пошел бы.

Он запил амарильей привкус, появившийся во рту при воспоминании о мертвой деревне и барготовом холме. Фелипе слушал заворуженно, для него это явно было чем-то вроде страшной, но увлекательной сказки, и Лучано, вздохнув, заговорил опять:

– Представь себе самый серый город, который ты когда-нибудь видел. Совсем серый, понимаешь? Стены, дома, люди... Отовсюду пахнет гарью и страхом. Торговцы закрывают лавки, благородные синьоры ездят под охраной. Настоящей охраной, не парадной. А беднота делится на тех, кто грабит, и тех, кого грабят, пока горят окраины и торговые кварталы победнее. И магия, да, она везде. Только от этого не легче. Королевский дворец в трауре, коридоры и залы почти пустые. И королева – самая красивая на свете женщина – тоже в трауре. Опасная, как наша болотная гадюка, и такая же тихая...

Он говорил и говорил, снова выплескивая память о тех днях, но иначе, чем с мастером Ларци. Не менее откровенно и все-таки немного по-другому. Опять умолчал о проклятии Беатрис, но рассказал о своем пути через тлеющую пожарами и ненавистью Дорвенну. О виселице с телами мародеров, о бегущих из города людях и двуногих шакалах на тракте.

О рыжей девчонке, совсем не похожей на роковую красавицу, с двенадцати лет чарующую мужчин, чтобы использовать их. О плечистом парне, который хмурится и улыбается одинаково искренне. О белом пушистом умертвии, у которого внутри скелет – а у кого, между прочим, его нету? О бесконечной дороге, о тепле, которым с ним щедро делились, о ледяной мгле омута и багровой горячке болезни. О руках Айлин и Аластора...

А еще он говорил о мертвой деревне, трех ребятишках и старухе, о Денвере, который был страшен, но не страшнее всего остального, о слезах Аластора, когда тот добивал загнанного коня, и о договоре с Айлин. О еноте в котелке, о неправильном арлезийце, о легендарном аккару с его блинчиками и непристойно сладким вкусом, о последней ночи перед холмом и цветах в гриве гнедой лошади. О Барготе, который появился, чтобы спасти, а не погубить, о лазарете, где они были все еще единым целым, хотя остальные уже видели в них короля, благородную магессу и наемника. О том, что они этим целым и остались – что бы там ни видели остальные.

– Вот поэтому я уезжаю, понимаешь? – выдохнул он, поднимая на Фелипе глаза от незаметно опустевшего стакана. – Ты вот говоришь, что твое место здесь, а мое, получается, теперь там. Я и не думал...

Фелипе молча кивнул. А дальше все получилось само собой. Стакан Лучано поставил на стол, потянулся за второй бутылкой, непонятно когда появившейся из шкафа, но Фелипе потянулся туда же, и руки их встретились в воздухе. И когда ладонь Фелипе легла на предплечье Лучано, обжигая его через тонкую рубашку, словно клеймо, оказалось, что вторая бутылка уже и не нужна – можно подумать, им своей дури не хватит, чтобы занимать ее у амарильи.

Лучано привычно подставил губы, так же привычно ответил на поцелуй, позволил уложить себя на постель поверх тонкого покрывала. Успеют еще расстелить, а начать можно и так, пока кровь у обоих горит, и тело жжет изнутри желанием немедленной близости.

Умело и правильно выгибаясь, он принимал поцелуи и ласки, отвечал сам, прекрасно зная, как и что любит Фелипе. И в ответ получал тоже именно то, в чем так нуждался сейчас – восхищение, нежность, безусловное принятие и отчаянное желание порадовать. И все было хорошо, замечательно, горячо и сладко... И совсем-совсем неправильно! Не так! Не с тем... или не с той. Не с теми, в общем.

Задохнувшись на миг от этого простого понимания, Лучано не позволил себе даже вздрогнуть. Его ладони все так же ласкали крепкие плечи Фелипе, с которых он уже снял рубашку, а внутри нарастало странное чувство, что еще немного, и случится что-то отчаянно нехорошее. Будто он предаст кого-то. Понять бы только – кого?! Все хорошо, все по согласию! Все как раньше.

И вообще, у него же в Дорвенанте за эти полгода были любовные связи! Три дворцовые камеристки, две молодые вдовы-фрейлины из дальнего круга королевы, несколько девочек из «Страстоцвета» и даже один симпатичный гуардо, которому страстно хотелось попробовать мужскую любовь, а в бордель парень пойти боялся. И со всеми у Лучано замечательно получалось! Без осечек, с полным взаимным удовольствием, пылкими поцелуями на прощание и заверениями, что если милорду захочется новой встречи, то они всегда готовы! Даже гуардо, который распробовал забавы по-итлийски и был в полном восторге, что спать можно не только с женщинами.

А вот с Фелипе оказалось не так. Хотя уж ради него Лучано сейчас наизнанку вывернулся бы! Из чувства вины, из благодарности за все годы дружбы и нежности, и из любви. Того ее подобия, на которое Лучано только и был способен раньше. Пока не встретил Аластора с Айлин, он ведь искренне считал, что ничего другого не может быть между двумя разумными и приятными друг другу людьми, которым просто хорошо вместе. Ну а какая еще любовь может быть у Шипа, м?

Он прикрыл глаза, отчаянно убеждая себя, что сейчас эта внезапная дурь пройдет. С другими же и намека на нее не случилось! «Потому, – понял он с внезапной тоскливой ясностью, – что на них мне было плевать. Просто красивые лица и упругие тела, просто удовольствие, чтобы утолить потребности организма – ничего больше. Это не измена, если та, кого укладываешь в постель, безразлична тебе настолько, что окажись вдруг вместо нее в твоих объятиях другая, ты и ухом не поведешь, лишь бы замена была не хуже. Ну, в самом деле, мне бы в голову не пришло думать, что с той грудастой блондиночкой я изменяю синьорине! Или с тем гуардо – Альсу. Противно и смешно. А вот Фелипе... Он-то мне как раз не безразличен. И если кто-то заслужил, чтобы с ним я был целиком, и телом, и душой, то как раз он».

А дурь не проходила. Напротив, изнутри накатывала горькая тоска, и все сильнее мучило чувство, что все не то! Запах не тот, хотя пахнет от Фелипе приятно – чистым и здоровым мужским телом. Вкус не тот, хотя с чего бы? Амарилия на чужих губах Лучано всегда нравилась! Не то ощущение кожи под пальцами, не те руки его обнимают, не то тело рядом, даже горячее быстрое дыхание – неправильное! И что с этим делать, совершенно непонятно!

Не скажешь ведь любовнику, который уже стаскивает с тебя штаны, что вдруг передумал. Нет, просто любовнику можно сказать, но Фелипе – дело совсем другое. Нельзя делать ему больно. Даже если прямо сейчас отдал бы что угодно, лишь бы оказаться подальше от человека, лежащего рядом. Да хоть в ночной лес к демонам! Только бы избавиться от этой смеси вины перед другом, отвращения к самому себе, стыда перед теми, кто никогда ничего не узнает, но...

Лучано еще сильнее зажмурился и уткнулся лицом между плечом и шеей Фелипе, нашел губами такую знакомую ямку, что будь он скульптором, вылепил бы ее, не открывая глаз. Немного повернулся, чтобы удобнее было его раздевать, глубже вздохнул, поклявшись себе, что никакой разницы Пиппо не заметит и пусть получит хотя бы удовольствие, раз уж большего Лучано ему дать не может... И замер. Потому что руки, умело гладившие его тело, тоже замерли. А потом Фелипе обнял его уже как-то иначе, прижал к себе, уткнувшись лицом в макушку, и спокойно, даже слишком спокойно поинтересовался:

– Фортунато, ты меня совсем за осла держишь? Не знаю, с кем ты сейчас, но точно не со мной.

– Что? – выдохнул Лучано. – Пиппо, ты чего?!

– Идиотто, – хмыкнул Фелипе, обнимая его за плечи. – Слушай, я ведь не слепой. И мозги мне отшибло не совсем. Ну что ты мне тут старание изображаешь, а? У тебя на лице написано, что ты сейчас лучше с грандмастером Тино переспал бы, чем со мной.

– Пиппо!

– Ладно, насчет Тино, это я перегнул, пожалуй, – признал Фелипе, чуть отодвигаясь от него и вглядываясь в это самое лицо. – Но и со мной ведь точно не хочешь. Что случилось, Фортунато?

– Ничего, – тихо сказал Лучано, изо всех сил не отводя взгляда, потому что это сейчас было бы хуже, чем предательство, чем все, что он уже натворил до этого и собирался натворить сегодня. – То есть

случилось, но ты ни при чем. Клянусь, Фелипе, ты самый лучший! Это я, понимаешь? Я – никчемный идиотто, который сделал такое...

– Ну и что ты сделал? – невозмутимо поинтересовался Фелипе, поглаживая его по плечу ровным спокойным движением горячей ладони.

– Влюбился, – едва слыша сам себя, выдохнул Лучано. – Глупо, невозможно влюбился. Нельзя было! Только не в нее! И не в него... Не в них, в общем. Они никогда! Ни за что! А я не могу. Не могу перестать! Не думать о них не могу. Не мечтать – тоже не могу! И сделать не могу ничего, совсем ничего, Пиппо. Он не любит мужчин, она – любит другого. А я им просто друг, и это так много, ты не представляешь! Я такого не заслуживаю! Но мне все равно мало, и я не могу, не могу... Пиппо... Прости!

Он захлебывался словами и своей горячечной больной искренностью. Не плакал, но слезы текли сами, и облегчения это не приносило, однако не будь этих слез, и сердце, может, разорвалось бы пополам, потому что Лучано не знал, как такое можно чувствовать и оставаться живым, здоровым, обычным... Так больно ему было лишь однажды, когда он стоял, прижавшись к дереву, потому что ноги подкашивались, а два чистых негромких голоса выводили проклятый «Шиповник». Тогда Лучано был уверен, что рыжая девчонка с телом «Весны» и сердцем, полным любви, не переживет следующий день, а им с Альсом придется жить с этим остаток жизни, кому уж сколько отведено. И боль от этого казалась непереносимой. Он думал, что никогда не испытает ничего подобного.

Оказалось, еще как может испытать. Но, конечно, не потому, что его поманили, как ребенка, двумя лучшими в мире игрушками, но не дали ни одной, объяснив, что это не для таких, как он.

– Я люблю их, Пиппо, – снова горестно выдохнул он. – И знаю, что мне никогда ничего... Но дело-то не в этом! Я просто до смерти боюсь их потерять! До смерти... – Он болезненно усмехнулся, жалко растягивая губы. – Я их не заслуживаю! Только не я. Сколько жизней у меня на счету? Я же и сам не знаю, понимаешь? Я... просто не помню! Не считал никогда... И разве могу я заслужить их? Чтобы всегда рядом, чтобы на всю жизнь?! А если она умрет родами? А если его сбросит лошадь или убьет какой-то... вроде меня?! Он же король, у него столько врагов! А она благородная синьора, красавица, королева

ее ненавидит. А я ничего не могу сделать, потому что если кого-то хотят убить, его убивают, мне ли не знать! Я ничего не смогу сделать, если боги захотят их забрать, разве что кинуться следом в Сады, но какие мне Сады, а? Никогда я не жалел о том, что стал Шипом, а сейчас как подумаю, что мне с ними больше не встретиться... Они же такие... такие... Им в Садах точно лучшее место, а мне к Барготу... И никогда, никогда... А эта жизнь такая короткая, и если что-то случится...

Теперь он уже рыдал в объятиях Фелипе, захлебываясь и слезами тоже. Глупо, позорно выплакивая свои страхи, которые даже сам себе боялся назвать и встретить лицом к лицу. Что однажды окажется ненужным, несмотря на всю свою преданность. Или, что еще хуже и гораздо страшнее, бесполезным. Вокруг сотни опасностей! Тысячи! О которых эти двое даже не подозревают, наивные как дети. Потому что люди – жадные, жестокие, завистливые твари, для которых чужая жизнь дешевле... да чего угодно. Доли в наследстве, оскорбленного самолюбия, ревности или мести... Если бы Лучано мог, он бы рассыпался на сотню невидимых Шипов, чтобы уберечь этих двоих, чтобы не подпустить к ним никакую беду хотя бы в этой жизни, пока он еще может быть рядом. И плевать, что никогда ему не оказаться с ними в постели, как вот сейчас с Фелипе. Потому что любовь – она не об этом! Совсем не об этом...

– Осел ты, Фортунато, – вздохнул Фелипе, обнимая его и глядя уже совсем иначе, почти как мастер Ларци. – Вот уж точно верблюд мауритский, скотина упрямая. Что ж ты с собой делаешь, а? Ну с чего ты взял, что боги их заберут лично у тебя? Знаешь, не такая ты важная птица, чтобы аж целого короля и благородную синьору отправили в Претемные Сады. И зачем? Чтобы наказать одного несчастного Шипа? Идиотто! Возомнил о себе, понимаешь ли.

– Ты... думаешь? – пролепетал Лучано, которому такая простая мысль действительно в голову не приходила.

– А как иначе? – удивился Фелипе. – Люди, конечно, помирают и погибают, но это их судьба, а не чья-то. Если кого-то наказать, отняв у него любимого человека, это же несправедливо! Сам-то этот человек ни при чем. Нет, Фортунато, на такую дурость и подлость боги не способны, только люди. Вот они – сколько угодно. Сам вспомни, сколько у нас таких заказов бывает? Но если этих твоих кто-то закажет,

то уж точно не из-за тебя. Ты столько не стоишь, чтобы на другой чаше весов аж целый король оказался. Значит, что?

– Что? – с замиранием сердца спросил Лучано, не сводя с него взгляда.

– Значит, езжай в этот свой Дорвенант и делай, что можешь, – хмыкнул Фелипе. Отпустил его, потянулся за бутылкой и разочарованно покачал ее. – Ты теперь при короле вроде охраны, вот и охраняй. Только помни, что люди не всеильны, даже ты. И насчет Претемных Садов не загадывай. Может, найдется, кому за тебя словечко замолвить, а может, и сами боги решат по-своему. Дури в тебе много, Фортунато. И гордости – тоже дурной. Потому тебе в Шипах и не ужиться, правы наши мастера. Лоренцо ведь тоже за тебя сегодня был?

– Лоренцо твой – тот еще ядовитый аспид, – буркнул Лучано, чувствуя стыд пополам с невероятным облегчением. – Весь вечер надо мной издевался... И булочку мою съел, между прочим!

Сам нервно рассмеялся, почти всхлипнул, понимая, как это глупо и жалко прозвучало, но Фелипе только кивнул с удивительно серьезным лицом и сообщил:

– Это он может, ага. Вечно поесть забывает, а потом нет бы послать кого-то за едой, это ему невкусно. Неинтересно! Я нарочно на тренировку еды побольше беру, чтобы он половину забрать мог. А он ворчит, что я проглот, и если меня не спасти, то я так разжирею, что рапиру поднять не смогу. – И осекся. Смутился от нечаянно прозвучавшей в голосе нежности, которую Лучано услышал впервые, и выдавил: – Ты только ему не говори.

Лучано молча кивнул, пораженный так, словно на его глазах мастер Лоренцо исполнил непристойный танец из тех, что в борделе показывают. А Фелипе снова вздохнул и заявил:

– Ну что, одевайся и пошли.

– Куда? – растерялся Лучано.

– Пить будем, – пожал плечами Фелипе, надевая рубашку. – Раз уж остального не получилось. Я за кольцо младшего мастера проставлюсь, ты – за старшего. Хотя нет, надо сначала кольцо получить, а так не считается. Значит, сегодня пьем за мои.

– Мне Ларци с Лоренцо велели пить в хорошей компании, – пробормотал Лучано. – Так что я ставлю. За твое кольцо мы уже здесь

выпили, помнишь?

– Ну, как скажешь, – ухмыльнулся Фелипе и взлохматил ему волосы. – Эй, а я шутку придумал! Заходят как-то в тратторию старший мастер гильдии, благородный синьор и приказчик парфюмерного дома. А старый Беппо им и говорит: «Здравствуй, Фортунато!»

– Пиппо... – простонал Лучано, сгибаясь, пряча лицо в ладони и смеясь с немыслимым облегчением. – Я тебя люблю, мерзавец ты этакий! Барготом клянусь – люблю! Пошли пить!

В траттории у Беппо, о котором так вовремя вспомнил Фелипе, оказалось шумно. Лучано окинул наметанным взглядом два угла, в одном из которых гуляли кондотьерро из вольного отряда, в другом – гуардо из городской стражи, и понял, что драка – это лишь вопрос времени и того, кто первый начнет.

Их с Фелипе проводили взглядами, но двое парней, одетых как дворянин и как ремесленник, никого не заинтересовали. Мало ли зачем может завернуть в тратторию такая пара? К тому же, камзол с дворянской цепью Лучано оставил в мансарде, и благородного в нем теперь выдавали только отросшие ниже плеч волосы, рапира да перстни на пальцах, а их еще разглядеть надо, так что издали Лучано мог сойти за обнаглевшего наемника, к примеру.

– Драка будет, – подтвердил Фелипе его мысли. – Может, в другое место пойдем?

– Нет уж, – заупрямился Лучано. – Гулять так гулять!

И, подойдя к стойке, высыпал на нее все, что нашлось в кошельке, включая несколько золотых скудо. Беппо ловко накрыл их ладонью, сберегая от чужих взглядов, и вопросительно приподнял густые брови:

– Вы же столько не выпьете, мальчишки. За что?

– За беспокойство, – уверенно сообщил Лучано, немного подумал и добавил, вспомнив историю о загуле грандсиньора Роверстана, которой восхищенно делились в дворцовой караулке: – Ну и на ремонт, если потребуется.

– Заранее платишь? – восхитился Беппо. – Неужели сам додумался?

– Нет, у одного мудрого синьора научился, – невозмутимо ответил Лучано.

– О, ты начал общаться с достойными людьми, – одобрительно кивнул Беппо. – Идите за столик, а то все комнаты сегодня заняты. Что есть будете?

– Все! – Лучано вспомнил, что долгий-предолгий день ходил голодным, один перекус у Ларци и немного ветчины у Фелипе – это не в счет. Амариля, правда, сладкая, но аппетит разжигает еще сильнее. – А пить амарилю, раз уж с нее начали.

Снова кивнув, Беппо указал им на последний свободный столик ровно посередине зала. Фелипе только хмыкнул, еще раз оглядев по очереди обе развеселые компании. Когда они проходили мимо, наемники затянули разухабистую песню, после каждой строчки грохая кружками по столу, а гуардо заорали, чтобы хозяин траттории прикатил еще бочонок и послал за девочками.

– Какие им девочки? – тихо пробормотал Фелипе. – Лично я настолько жадных и отчаянных шлюх даже в портовых борделях не видел. Тут же скоро такое начнется... Вон, смотри, Беппо уже посуду убирает.

Действительно, невозмутимый трактирщик спокойно снимал со стойки и убирал подальше все, что могло разбиться. Однако о новых посетителях не забыл, через пару минут миленькая подавальщица выскочила из кухни и молниеносно расставила на их столике несколько больших тарелок. И тут же умчалась, потому что ее появление вызвало в зале прямо-таки пугающий восторг.

– О, колбаски! – обрадовался Фелипе, тоже алчно глядя на еду. – И курица жареная! Давай хоть поедим, пока не началось!

Беппо уже нес им амарилю – наверное, выпускать в зал девиц больше не решился. Поставил на стол слегка запотевшую бутылку и два глиняных стакана, блюдце с тонко нарезанным маринованным имбирем и орехами, открыл крышку на большом блюде, и оттуда немедленно поднялся ароматный пар.

– Морские гады! – выдохнул Лучано. – Барготом клянусь, как же мне их не хватало!

– Эй, хозяин, еще вина! – заорали гуардо, а Фелипе, разрезая сочащуюся горячим жиром колбасу, попросил:

– А Расскажи еще что-нибудь, а?

Лучано вздохнул, улыбнулся и разлил по стаканам жидкое золото.

...И вот сижу я, – говорил он уже заплетающимся языком спустя некоторое количество времени, две бутылки амарильи и опустевший стол. – И думаю, как к ним подобраться так, чтобы не погналы, а тут входит серая стража... ну, люди дорвенантского дожа, то есть канцлера. И сразу к их столику! Арестовывать, но со всем почтением!

– И что ты сделал? – любопытствовал Фелипе, глядя с восторженным ожиданием, точно ребенок в магателли.

Лучано мотнул головой и решил больше так не делать – закружилась она изрядно.

– Не я! Она... синьорина Весна. Там еще гуляли эти... медведи, вот! То есть вольфгардцы... И тут она как закричит...

Лучано сделал еще один глоток, осмотрелся. Гуардо как раз принесли очередной кувшин, наемники смотрели с откровенной завистью и недовольством, девицы в зале так и не появились... Ну что ж... Привстав, он ухватил обе пустые бутылки и разом швырнул их влево и вправо. Судя по звуку – попал, причем дважды. В обрушившейся на зал тишине глубоко вздохнул и завопил врезавшееся в память:

– Наших бьют!!!

После чего предусмотрительно нырнул под стол. С другой стороны туда же юркнул Фелипе. По полу загрохотали сапоги, где-то над головами прощально зазвенела бьющаяся посуда, воздух наполнился азартным ревом, и Лучано захотелось пониже натянуть скатерть, которая свисала с края стола всего лишь на половину его высоты.

– Вот! – удовлетворенно кивнул он, подняв перед собой палец и указывая им вверх через крышку. – Вот там тогда такое же началось! И-и-ик...

– Фортунато! – Фелипе безнадежно покачал головой. – Идиотто! И что мы теперь делать будем?!

– Как что? – удивился Лучано. – Выбираться. Нет, можно и подраться, если хочешь, но мне что-то лень. Отменные гады были, после такой еды лежа-а-ать бы...

Он зевнул под взглядом Фелипе, полным какого-то священного ужаса, но тут стол слегка приподнялся, и под него с двух сторон нырнули еще двое, в которых Лучано узнал Шипов из боевой ветви.

– Старший мастер Фортунато, младший мастер Фелипе, наше почтение! – Парочка ухитрилась поклониться, чуть приподняв спинами стол, а потом один из них что-то протянул на ладони и выпалил: – Грандмастер Лоренцо желает приятного вечера, шлет вам кольцо и... нас.

– Вас-то зачем? – в первый миг не понял Лучано, а потом вспомнил дневной разговор и взвыл: – Я же пошутил!

Да-да, он пошутил, а вот грандмастер Лоренцо – посмеялся. Можно не сомневаться, эта парочка и в самом деле согласна на все, вон как восторженно глядят, прямо-таки влюбленно. Как же, такой молодой – и уже старший мастер! Живое доказательство, что гильдия ценит лихость и преданность!

– Кольцо возьми, – нервно посоветовал Фелипе, приподнимая скатерть и пытаясь выглянуть в зал. – А то еще закатится куда-нибудь.

Лучано сгреб с чужой ладони железное кольцо – изящную колючую веточку с распутившейся розой. Не глядя, надел на палец, почувствовав, как оно село точно по размеру. Словно на него и ковалось. От кольца грандмастера кольцо старшего мастера почти не отличается. Роза на них одинаковая, только грандмастера носят кольца без шипов, потому что уже не выполняют заказы сами. «Потому что мы бедные и незащищенные старички, – словно услышал он глумливый голос Лоренцо и хихиканье Ларци. – Это молодым положены зубы, когти, шипы и прочие орудия силы, а нам остались только разум и опыт...»

– Опоздали вы, синьоры, – хмыкнул он, глядя в азартно блестящие глаза молодых Шипов, почти их с Фелипе ровесников, может, года на два-три помладше. – Пришли бы чуть раньше, выпили бы за наше здоровье, сколько влезет, а теперь здесь как-то неуютно.

Сверху что-то пролетело и разбилось с таким грохотом, что Фелипе поежился и предложил:

– Может, выйдем на воздух? Пока синьоры гуардо и кондотьерро не вспомнили, кто это устроил?

Один из Шипов выглянул из-под стола и тут же спрятался – над его головой опасно свистнуло лезвие рапиры. Мерзавца, нарушившего святой закон кабацких драк и обнажившего оружие, тут же покарала чья-то рука, но Лучано покачал головой, с неожиданной рассудительностью велел:

– Берем стол с собой! Мне моя голова дорога, да и за ваши не хотелось бы отвечать перед Стилетом. Не для того он вас мне одалживал. Раз, два, пошли!

Словно гигантский паук, стол приподнялся на восьми ногах, обутых в четыре пары башмаков, и двинулся к выходу, угрожающе размахивая скатертью. Кто-то заорал вслед, кто-то попытался преградить дорогу, но после первой же неудачной попытки их остановить стол набрал такую скорость, что остальные предпочли убраться с пути живого тарана. В дверях, правда, он неминуемо должен был застрять, но разошедшийся Лучано вовремя скомандовал, три выкормыша Лоренцо сработали с виртуозной четкостью, словно долго тренировались, и стол приподнялся, развернулся, намертво заклинил дверной проем, прикрывая их отход, а четыре Шипа выкатились из-под него на простор двора.

– Вырвались, – удовлетворенно сказал Лучано, поднимаясь на ноги, и вздохнул с неподдельной обидой: – Ну что за люди, а? Такой хороший вечер был, пока не началось! Ну что, Фелипе, еще погуляем или по домам?

В голове вдруг зашумело уже всерьез, он покачнулся и оперся на плечо мгновенно оказавшегося рядом Фелипе, который заглянул ему в лицо и ласково, со всем положенным почтением, но твердо сообщил:

– Синьору старшему мастеру уже хватит. Эй, парни!

Лучано даже возмутиться не успел. Впрочем, ноги подкашивались, а руки у ребят Лоренцо оказались крепкие и надежные. Фелипе маячил где-то поблизости, и Лучано с удовольствием расслабился, предоставив парням Стилета вести его с двух сторон в обнимку. Время давно перевалило за полночь, и только теперь Лучано полностью отпустили утренняя тоскливая тревога, напряжение дня и страхи вечера.

Шипы о чем-то спрашивали, и краем сознания Лучано понимал, что они хотят рассказов о его подвигах в Дорвенанте. Он даже ухитрялся отвечать – весело, разухабисто, лихо – именно так, как от него ждали. А как еще может вести себя Фортунато – Счастличик? Самый молодой старший мастер со времен Лоренцо Стилета, которого, конечно, не превзойти, да никто и не захочет себе подобного, зная о цене.

Только на миг его кольнула странная ледяная игла, когда прошли Мост Поцелуев, и два Шипа почтительно то ли свели, то ли снесли Лучано по ступеням, поддерживая так умело, что ему оставалось только ноги передвигать. Мраморные ступени ровно светились в лунном свете, и на Лучано вдруг повеяло цветущей вишней – невозможный, несвоевременный запах сейчас, осенью.

Он втянул воздух, пытаюсь понять, правда это или жестокая шутка памяти, однако ночь пахла сыростью Ромериньи, крепким мужским потом, амарильей, цепкими запахами траттории – и больше ничем.

И Лучано решил, что ему все-таки почудилось. Даже успешно себя в этом убедил, но, когда его уже довели до нужной калитки и уважительно попрощались на пороге, а внутрь с ним пошел только Фелипе, аромат вишни вернулся снова. Дыша им, Лучано ввалился на террасу и заявил двум грандмастерам, сидящим за столиком в тусклом круге света от масляного фонаря:

– А вот и мы! Добр-р-рой ночи...

– Доброй-доброй, – отозвался чей-то голос, про который Лучано под страхом остаться в Вероккье не сказал бы, кому из двоих он принадлежит: – Фелипе, мальчик мой, отведи его в спальню. И сам иди спать, это был долгий день.

Глава 27

Семейные сцены

Айлин снилась крыса.

Огромная, невыразимо отвратительная серая крыса в платье из серого же сукна, с белым кружевным передником. Густые белокурые волосы крысы были туго стянуты в низкий узел на затылке, и безукоризненную гладкость прически нарушали только стоящие торчком уши. В скрюченных лапках крыса держала пальцы с туго натянутой вышивкой, а из-под юбки тянулся по полу хвост – ужасно мерзкий, чешуйчатый, весь в каких-то пятнах... Крыса наклонилась над кроватью Айлин и зловеще усмехнулась, показав длинные желтые зубы.

– Пора вставать, миледи, – сообщила она голосом Эванс и наклонилась еще ниже.

Айлин отчаянным усилием прогнала мысль натянуть на голову одеяло – разве спрячешься под одеялом от такой гадости? И много ей чести, чтобы Айлин от нее пряталась... Осмотрелась, ища, чем бы запустить в крысу, и тут тихо стукнуло окно.

В его узкий стрельчатый проем не без труда протиснулась Иоланда – почему-то в золотистом придворном платье, завитая и надушенная. За спиной подруги трепетали огромные прозрачные крылья вроде стрекозиных, а в руках она сжимала длинную толстую палку, золоченую и увенчанную большой леденцовой звездой.

– Иоланда, – пораженно прошептала Айлин, от удивления даже на мгновение забыв про крысу. – Это правда ты?

Явление подруги во сне вдруг показалось удивительно правильным, ведь Иоланда – иллюзорница, а все знают, что иллюзорники способны управлять чужими снами!

Иоланда постучала себя кулаком по лбу.

– Ревенгар, ты что, совсем ку-ку? Разумеется, это не я, это всего лишь твой сон! Я же не мастерица грез, а снами управляют только они – это тема самого первого занятия! Чем ты ходила на основы иллюзий? – поинтересовалась она так проникновенно, что Айлин постыдилась признаваться, что основами иллюзий жертвовала в

пользу проделок с Саймоном и Даррой. Иоланда укоризненно вздохнула, перевела взгляд на крысу и сердито сообщила: – Ну и гадость! – Брезгливо потыкала в нее палкой и рявкнула: – Мутабор!

– Что? – пораженно переспросила Айлин, не в силах понять смысл этого странного слова.

А крыса отмерла, пискнула, совсем как крыса, и попыталась спастись бегством, но наступила на собственный хвост и с громким хлопком превратилась в блюдо с пирожками. Золотистыми пухлыми пирожками, присыпанными корицей и наверняка с вишней!

Иоланда подхватила блюдо и деловито ссыпала пирожки в поясную сумку, пробормотав себе под нос:

– Ну, вот и волшебная палочка пригодилась. Лионеля угощу, – пояснила она уже громче и, наставительно подняв палец, добавила: – Запомни, Ревенгар, путь к сердцу мужчины лежит через желудок, маменька всегда так говорит!

– А к разуму? – растерянно поинтересовалась Айлин. – Мне его сердце даром не нужно, до разума бы достучаться!

– Это к мозгу, значит? – уточнила Иоланда и почему-то сменила собственный голос на голос Лучано, с вкрадчивыми интонациями и итлийским акцентом сообщив: – Говорят, что в этих случаях очень помогает настой цикуты, влитый в ухо. Но лучше не надо, трудно рассчитать все обстоятельства. Если нужно добраться до мозга, то лучше старой доброй спицы в то же самое ухо еще ничего не придумали.

Пока Айлин ошарашенно хлопала ресницами, пытаясь понять, зачем ей эти удивительные знания, Иоланд направилась к окну, уже у самого подоконника обернулась и вздохнула.

– Эванс твоя та еще крыса! Но в одном она права – вставать и в самом деле пора. Доброе утро, Ревенгар!

– Доброе утро, Иоланда, – согласилась Айлин и проснулась.

Спускалась к завтраку она в виновато-воинственном настроении. Конечно, вряд ли супруг пожелает объяснить ей, как она неправа, прямо перед отъездом на службу, но и надеяться, что вовсе об этом забудет, тоже нечего. Что ж, Айлин, конечно же, сама извинится перед ним за резкость, но не за то, что поехала с лордом Аранвеном. Извиняться за то, что сделала бы снова – глупость или лицемерие!

Лорд Бастельеро ожидал ее за накрытым столом, и Айлин насторожилась, увидев, что одет супруг в домашний камзол, чуть менее строгий, чем те, что он носил на службе, но, главное, без Звезды Архимага. Он что, не собирается уезжать? Она тут же одернула себя – если и так, это, конечно же, его дело. А хорошей жене менее всего подобает огорчаться, если супруг пожелает провести день дома. Да и вдруг милорд найдет чем заняться и без ее общества?

Присев в малом реверансе, единственно допустимом для женщины в ее положении, она заняла свое место и поинтересовалась:

– А сударыня Эванс не присоединится к нам за завтраком?

Прежде, чем ответить, супруг бросил на нее непроницаемый взгляд и, едва разжимая губы, уронил:

– Мне казалось, вам неприятно ее общество.

– Вам совершенно правильно казалось, – согласилась Айлин. – Но я не хотела бы доставлять вам неудобства, связанные с поиском новой компаньонки. Если сударыня Эванс сделает выводы из того, что случилось, я готова мириться с ее обществом из уважения к вам, милорд.

Она сама не поняла, что ее толкнуло на это внезапное решение, но спустя миг Айлин убедилась, что оно оказалось правильным. Лицо мужа смягчилось, он склонил голову и сказал куда более теплым тоном:

– Благодарю, дорогая. Я рад, что вы дали этой женщине возможность заслужить ваше расположение. Уверен, она постарается оправдать доверие.

«Уверена, что нет, – подумала Айлин. – Крыса она и есть крыса. Но сейчас я не могу себе позволить выглядеть истеричной и взбалмошной девчонкой. Придется потерпеть Эванс еще какое-то время. Но если она снова устроит что-то подобное... Что ж, вот тогда можно будет поговорить с супругом совсем иначе. Что ему, в конце концов, важнее, спокойствие жены и будущей матери его ребенка или сударыня Эванс?»

Она благодарно улыбнулась и отломилась ложечкой кусок творожной запеканки, политой ягодным сиропом. Положила кислосладкую массу в рот, но притихшая за последние дни утренняя тошнота мигом напомнила о себе, и Айлин вздохнула, понимая, что выдержать совместный завтрак будет труднее, чем она ожидала.

– Правильно ли я поняла, что вы решили сегодня остаться дома? – спросила она, запивая с трудом проглоченную запеканку шамьетом.

– Да, дорогая, – кивнул муж. – Хочу немного отдохнуть от службы и уделить время домашним делам. В Академии снова полный штат преподавателей, они вполне справятся без меня один день.

– Вы правы, милорд. – Айлин сделала еще глоток шамьета, с ненавистью глянув на запеканку, но тут уж делать было нечего.

О необходимости есть достаточно творога, сыра и нежирного мяса ей сказала лично леди Эддерли. Собственно, список почтенной целительницы включал не один десяток самых нужных и полезных продуктов, но Айлин в жизни столько не съела бы, даже не будучи беременной. А вот шпината там, кстати, не было! И это к лучшему, запеканки и печеночных котлет вполне достаточно, чтобы сделать утро не слишком добрым.

– К тому же мы могли бы провести сегодня больше времени вместе, – добавил ее муж, и Айлин, стараясь не передернуться от восторга, вспомнила кое-что важное:

– О, конечно! Я как раз надеялась...

– Да, дорогая?

– Я надеялась, что вы расскажете мне, как продвигается работа по избавлению лорда Фарелла от проклятия.

– Я помню, что обещал вам, – процедил лорд Бастельеро. Потер виски пальцами и неожиданно виновато признался: – Однако это оказалось сложнее, чем я думал. Нет, снять само проклятие возможно, ключ к этому я уже нащупал. Сложность в том, чтобы объект проклятия остался при этом живым. А без этого задача, как вы понимаете, не имеет решения.

– У этой задачи есть имя, милорд, – тихо сказала Айлин, не сдержавшись. – Имя человека, который спас мне жизнь. Прошу вас учитывать это.

– О да, я помню, что вы чрезвычайно цените своих друзей, – последовал вежливо-ледяной ответ. Не успела Айлин выругать себя за то, что разозлила человека, от которого зависит жизнь Лучано, ее супруг тем же невыносимо учтивым тоном добавил: – Не сомневайтесь, если это проклятие в принципе возможно снять, не убив лорда Фарелла, я найду способ это сделать. Как вы верно заметили, это

дело чести, и я меньше всего хочу, чтобы моя жена была обязана какому-то сомнительному итлийцу.

«Итлийцу, который гораздо честнее и великодушнее вас, – очень хотелось сказать Айлин. – Несмотря на происхождение и ремесло убийцы. Вы думаете, ему, пережившему столько, легко было сохранить эти качества?»

Но она лишь снова склонила голову, подумав, что потеря ребенка вряд ли добавила ее величеству Беатрис доброты и хорошего настроения, так что даже полезно, что Лучано проведет какое-то время в Итлии. Только Аластора жаль...

– Не угодно ли вам пройти в гостиную, милорд супруг? – предложила Айлин спустя несколько минут, прекратив размазывать по тарелке запеканку. От напряженного молчания, повисшего в столовой, в ужасе исчез бы и самый лютый голод, не то что аппетит, которого и без того не было. – Нам необходимо поговорить, а шамьет могут подать прямо туда.

– Разумеется, дорогая, – со странной поспешностью согласился лорд Бастельеро и, быстро поднявшись, протянул ей руку, которую Айлин приняла, промедлив всего мгновение.

В гостиной пахло розами. Белыми фраганскими розами, большой букет которых стоял сейчас на столике, и Айлин вспомнила, как вчера прошла мимо этого самого букета, едва обратив на него внимание. Что ж, вчера ей в самом деле было не до цветов, а сегодня она искренне восхитилась – розы оказались очень красивыми!

Лорд Бастельеро усадил ее в кресло у столика и сел напротив, взглянув внимательно и ожидающе.

Что ж, он прав, ведь извиняться-то следует ей, даже если она вовсе не чувствует себя виноватой!

– Милорд, я прошу прощения, что была столь резка с вами вчера, – тихо сказала Айлин, и лицо супруга просияло.

– О, дорогая, разумеется, я прощаю вас! – счастливо выдохнул он. – Дайте слово, что подобное не повторится, и забудем об этом!

Запах роз вдруг показался Айлин таким горьким, что свело скулы. Что ж, ведь она и не ожидала, что будет совсем уж легко?

– Не могу, – твердо сказала она, глядя в синие глаза супруга, в которых нежность сменилась недоумением, и торопливо заговорила, боясь, что если промедлит хоть немного, ей не хватит духу сказать то, что непременно нужно сказать. – Прошу вас, милорд, выслушайте меня и постарайтесь понять! Я – ваша жена, но еще я – дочь своего отца, и он... уверена, он первый осудил бы того, кто отказал бы в помощи другу только потому, что испугался осуждения! Я – подруга его величества и обязана ему жизнью, а разве это не важнее того, что подумает худшая... – Она осеклась и, мгновение подумав, решительно подтвердила: – Да! Худшая часть придворных! Потому что только недостойные подумают плохо о том, кто так убит горем! И еще я – дорвенантская дворянка, и моя честь требовала именно того, что я сделала – и я сделала бы это снова! И сделаю, если кому-то из моих друзей будет нужна моя помощь. Я не смогу... просто не смогу поступить иначе, милорд!

– Причины ваших поступков более чем благородны, – согласился милорд Бастельеро похрустывающим от сухости голосом. – Однако вы должны понимать, что любое пятно на вашей репутации пачкает честь нашего рода, и я не могу допустить...

Кажется, он говорил что-то еще, но Айлин его уже не слышала – от ярости у нее зазвенело в ушах, причем все громче с каждым ударом сердца. О да, лорд Аранвен говорил вчера почти то же самое – но куда учтивее и сочувственнее, может быть, поэтому с ним было так легко согласиться! А Кармель... Айлин невольно вспомнила, что он сам предложил ей остаться в палате Ала и Лу, а ведь тогда она была его невестой! Он ее понимал! А она выбрала другого, не способного услышать и понять то, что для самой Айлин ясно, как день! Значит, пачкает честь рода? Сомнительная же это честь, если ее могут запачкать злые слова кучки бездельников!

– Когда вы сделали мне предложение, милорд, – вымолвила Айлин стылым от бешенства голосом. – Вы сказали, что моя репутация не имеет никакого значения. Поклялись, что сумеете защитить меня от сплетен! Сказали, что даже если кому-то хватит глупости и наглости оскорбить вашу жену, он точно не сделает этого дважды. А потом и остальные поймут, что я недосыгаема для слухов! А теперь вы говорите мне о запятнанной репутации?! Разве я не говорила вам о ней же? Может быть, вам стоило прислушаться ко мне в тот день?!

«И отказаться от желания жениться на той, кто отказал вам трижды!» – едва не выпалила она, но вовремя прикусила язык. Если лорд Бастельеро узнает о Кармеле... если только заподозрит!

– Я никогда не пожалею, что... – начал супруг, но в этот момент его прервал деликатный стук в дверь.

– Войдите! – рявкнул лорд Бастельеро.

Дверь бесшумно приоткрылась, и дворецкий почтительно сообщил:

– Милорд, миледи, у ворот экипаж, а в нем две особы, которые утверждают, что приглашены милордом. Леди фраганского происхождения и ее спутник.

– Претемнейшая, я совсем забыл! – выдохнул лорд Бастельеро. – Просите их пожаловать.

– Гости? – Айлин приподняла брови, про себя искренне радуясь окончанию разговора и удивляясь личности визитеров.

– Прошу прощения, дорогая. Мне следовало вас предупредить. Если желаете, можете подняться к себе, я извинюсь перед гостями за вас.

– Ну что вы, милорд! – заверила его Айлин самым сладким тоном, на который сейчас была способна. – Я понимаю, что отправлять меня наверх, словно ребенка, уже вошло у вас в привычку. Но если нас посетила дама, то мне следует принять ее как хозяйке.

– Но... – начал снова лорд Бастельеро и смолк.

* * *

– Демуазель Дельфинэ ди Амбруаз и господин Жак Мерле! – провозгласил дворецкий, и Грегор впервые в жизни обрадовался появлению фраганцев.

Как удачно, что он оказался дома и сможет объяснить мастерам, что от них требуется. А еще удачнее, что их появление прервало неприятную сцену. Но... демуазель? Демуазель ди Амбруаз?! Ювелир обещал прислать мастера с подмастерьем, а вместо этого приехала его дочь или племянница? Еще и с мужчиной вместо положенной даме компаньонки?

Он снова повернулся к Айлин, сдержанно признавшись: – Дорогая, это должно было стать сюрпризом, но я не подумал, что его будет весьма трудно скрыть.

– Сюрприз? – переспросила его супруга как-то очень уж настороженно, словно ожидала чего-то неприятного.

– Я заказал новую обстановку для вашей любимой гостиной, – поспешно уточнил Грегор. – Простите, что не посоветовался с вами, но... вы позволите мне сохранить в тайне детали? Конечно, если вам что-то не понравится, потом это всегда можно будет переделать.

– Разумеется, – кивнула Айлин. – Потом. Я вас поняла, милорд. Надеюсь, этот сюрприз... Впрочем, неважно. Я вам очень благодарна, дорогой супруг.

И с безупречной учтивостью улыбнулась вошедшей в гостиную паре, пока Грегор с неприятным чувством обиды гадал, действительно ли это был намек на Эванс, или ему просто показалось.

– Месьор Бастельеро, мадам Бастельеро! – пропела черноволосая пухленькая девица, приседая в реверансе, ее спутник поклонился, а Грегор понял, что восторги по поводу изящества и красоты фраганок сильно преувеличены.

Не знай он имени этой особы, все равно догадался бы, с кем она в родстве, по необыкновенному сходству. Невысокая круглолицая девица, одетая в темно-голубое платье для визитов, была копией ди Амбруаза-старшего. Такая же смуглая и приземистая, с пышными формами, крупным носом и слишком пухлым ртом. Хороши у девицы ди Амбруаз были только глаза – большие, темные и яркие, опущенные роскошными ресницами и блестящие, как слюда. Увы, общего впечатления не могли исправить даже они, и Грегор мимолетно пожалел ювелира. Неприятно, должно быть, думать, что мужчины скорее очарованы приданым твоей дочери, чем ее прелестями.

– Миледи, сударь! – Грегор поклонился, ожидая, что гостья подаст руку для поцелуя, но Дельфинэ, словно тут же забыв о нем, обратила на Айлин любопытный быстрый взор, в котором немедленно вспыхнуло восхищение.

– Мадам будто соткана из солнечного света, – пробормотала она по-фрагански и тут же спохватилась на дорвенантском: – О, прошу прощения! Для меня большая честь быть принятой в вашем доме.

– Благодарю, вы очень любезны. – Айлин смущенно улыбнулась в ответ и протянула руку, которую господин Мерле, молодой, долговязый и скромно одетый, почтительно поцеловал. – Супруг не

предупредил меня, что мы ждем гостей, я прошу прощения за домашний наряд.

Она тронула колокольчик и велела появившейся горничной принести шамьет, а Грегор, пока гости усаживались в кресла, невольно залюбовался женой. В легком утреннем платье и с простой прической, она выглядела такой милой, так старательно, изящно и учтиво исполняла долг хозяйки дома! Ну почему так не может быть всегда, разве он многого хочет? Ох уж эти ее странные идеи о долге и дружбе... Они, конечно, весьма хороши, когда не противоречат иному долгу, более важному – жены и будущей матери.

– Ну что вы, мы все понимаем! – заверила девица ди Амбруаз. – Мадам ожидает ребенка, это так чудесно! Ваш муж заказал в нашем ювелирном доме большой как это... презент... подарок для мадам. О, это должен быть сюрприз! Я так рада! Мы с Жаком будем вместе работать над этим заказом. Позвольте представить вам Жака, моего жениха.

Она стрельнула взглядом в сторону смутившегося юноши, а Грегор про себя неприятно удивился. Он ведь даже не маг! Неужели ди Амбруаз не мог найти для дочери лучшую партию?!

– Жак – лучший подмастерье моего отца! – тем временем гордо заявила фраганка. – Он очень талантлив.

– Подмастерье? – Грегор все меньше понимал в происходящем. – Ваш почтенный батюшка обещал прислать своего лучшего мастера.

– Ну да, – невозмутимо заявила девица ди Амбруаз. – Так и есть, месьор Бастельеро. Его лучший мастер перед вами. Это я. А Жак – наш с ним подмастерье.

Грегор изумленно воззрился на эту странную пару. Да что там странную – просто невероятную. Девица – мастер ювелирного ремесла?! Дворянка – невеста простолюдина-ремесленника?! Ди Амбруаз точно сошел с ума, такое нарушение приличий неслыханно! В сравнении с этим даже возмутительные слухи о том, что у фраганцев принято принимать дома любовницу мужа или любовника жены, не кажутся такими уж нелепыми.

– Вы такая чудесная пара. – Айлин улыбнулась, словно не услышала ничего особенного. Семеро Благих, его жена – чудо деликатности! – Я всей душой желаю вам счастья, демуазель

Дельфинэ, сударь Жак. Но я не знала, что бывают женщины-мастера. То есть не маги, я имею в виду.

– Да, батюшка предпочел бы передать свое искусство сыну, – преспокойно кивнула Дельфинэ, пока тенью скользнувшая в гостиную горничная накрывала стол заново. – Увы, Всеблагая Мать подарила ему лишь меня, а ди Амбруазы не отдают свои секреты на сторону, мы учим только членов семьи. Признайся, Жак, ты ведь именно поэтому решил на мне жениться?

Она заулыбалась, показывая зубы, ровные и белые, но тоже слишком крупные. Похоже, Всеблагая, создавая девицу ди Амбруаз, отмерила ей с лихвой всего, кроме приличной для девушки скромности и застенчивости. Грегора внутренне передернуло от такой вольной шутки, которая слишком явно граничила с правдой, однако по губам Жака скользнула улыбка, и молодой фраганец мягко отозвался:

– Ну что ты, дорогая, я бы сделал тебе предложение, даже будь ты булочницей. Бриллиант сияет в любой оправе, и плох тот ювелир, что не может его распознать.

– Лстец, – довольно фыркнула Дельфинэ и снова повернулась к Айлин. – Мадам, я правильно понимаю, что речь идет именно об этой гостиной? Тогда прошу прощения, если после шамьета мы с Жаком попросим оставить нас здесь наедине. О, кажется, это как-то неприлично прозвучало...

Айлин хихикнула, ее глаза заблестели, и Грегор скрепя сердце простил фраганке столь явное вульгаритэ.

– Так вы помогаете своему батюшке делать украшения? – спросила его жена у гостыи, и та энергично кивнула.

– Мы предпочитаем разные материалы, – тут же уточнила она. – Мой батюшка – поклонник эмали. И драгоценных камней, разумеется. А я работаю с янтарем, жемчугом и перламутром.

– Дорогая, месьор ди Амбруаз делал твой свадебный гарнитур, – уронил Грегор, надеясь, что фраганке не придет в голову заговорить про второй сюрприз, ожидающий своего часа – эмалевых бабочек в альвийском стиле.

– О, он прекрасен, – с вежливой рассеянностью отозвалась Айлин и оживилась: – Янтарь? У меня есть любимая вещица из него. Резная статуэтка козочки, которая тянется к дереву.

– Могу я на нее взглянуть? – живо заинтересовалась Дельфинэ.

Грегор пригубил шамьет, с умилением наблюдая за Айлин. У нее даже щеки порозовели, а глаза разгорелись пламенем, который он давно не видел. Не тем ледяным гневом, что испугал его вчера, а живым радостным огнем, лучше всяких слов говорящим о том, что сейчас все хорошо. И ведь это правда. Его жена сидит в гостиной, пьет шамьет, хрустит печеньем и болтает с гостьей на извечную и святую женскую тему – о безделушках и драгоценностях. Наконец-то все как надо! Всеблагая, продли эти минуты!

Кивнув, Айлин снова тронула колокольчик и велела принести янтарную статуэтку с туалетного столика. Грегор снова похвалил себя за верный выбор подарка и с томительно-сладким предвкушением подумал, как обрадует жену целая янтарная гостиния. Пригубил шамьет, который обычно не пил, но показать это при гостях – дурные манеры...

Дверь снова отворилась, но вместо горничной в гостиную вошло умертвие. Процокало когтями по паркету, мягко прошагало по ковру и остановилось напротив столика, с фальшивой умильностью виляя хвостом.

– Какой великолепный пес! – восхитилась фраганка. – Его можно погладить? Хочешь печенье, красавчик? Ой, у него глаза светятся синим!

– Он не ест печенье. – Айлин с улыбкой покачала головой. – Погладить можно, если только вы не боитесь. Пушок... не совсем живой.

– О, как жаль. – Девушка Дельфинэ искренне огорчилась, но тут же пожала плечами: – Что ж, у каждого свои недостатки.

И протянула руку к умертвию. Грегор не успел сказать, что его жена слишком уж уверена в безопасности этой твари, как фраганка запустила пальцы в длинную белую шерсть и принялась перебирать ее, мурлыкая на родном языке какие-то милые глупости. Умертвие щурилось, подставляло голову под ее руку и даже высунуло язык, совсем как живая собака. Грегор снова передернуло от неприязни. Как Айлин может не замечать этой фальши? Мертвое должно оставаться мертвым, все остальное нарушает священный порядок мироздания.

Он снова глотнул шамьета, который уже остыл и начал горчить. Кстати, надо бы уточнить у леди Эддерли, действительно ли

беременным можно тот вид напитка, из-за которого Айлин обиделась на компаньонку.

Вернувшаяся горничная поставила на столик статуэтку, и фраганка радостно вскрикнула:

– О-ла-ла! Я так и знала! Это же моя работа! То есть копия, конечно, но неплохая. Батюшка продал нескольким ювелирным домам право копировать мои работы. Вам в самом деле нравится?

– Да, очень, – улыбаясь, кивнула Айлин. – Это подарок моего друга. Он говорит, что эта козочка... – Она заговорщицки понизила голос и даже наклонилась к фраганке, таинственно сообщив: – Похожа на меня.

Девушка ди Амбруаз прыснула, едва не подавившись шамьетом. Рассмеялась в голос, окинула Айлин бесцеремонным взглядом и заявила:

– У этого месьюра острый глаз. Он художник?

А Грегор нахмурился, пытаясь безуспешно скрыть раздражение. В каком смысле его жена похожа на это... животное? Не много ли кое-кто себе позволяет? Он попытался вспомнить, кто именно подарил Айлин эту безделушку, не смог и разозлился еще сильнее. Право, и вот эту дружбу она ставит выше священных уз брака?! Такое вот... неуважение?!

– Нет, – покачала головой Айлин. – Но сходство и правда есть, не так ли?

И они с фраганкой разом улыбнулись как давние подруги. Грегор вздохнул, пытаясь в очередной раз смириться с тем, что его жена предпочитает общаться с людьми, чье общество никак нельзя назвать безупречным. Иоланда Донован хотя бы хорошо воспитана, хоть и рождена в купеческом сословии. А Дельфинэ ди Амбруаз – дворянка, но по ее манерам этого никак не скажешь. Определенно, не самое удачное знакомство. Айлин еще слишком молода, чтобы это понимать, однако...

Что ж, они увидятся всего раз или два, а потом Айлин начнет выезжать и заведет себе подруг при дворе. Должны же быть в Дорвенне умные, воспитанные и милые дамы, общение с которыми будет ей интересным и принесет пользу?

– Простите, мы, наверное, задерживаем вас? – Видя, что гости допили шамьет, и Дельфинэ хищно оглядывает гостиную, Айлин

поднялась из кресла. – Если вам что-нибудь понадобится, прошу, не стесняйтесь. Мы ведь еще увидимся? – добавила она почти жалобно.

«Надеюсь, что нет, – искренне пожелал Грегор. – Моя жена – чудо, но так легко поддается чужому влиянию! Пожалуй, им определенно не стоит встречаться больше необходимого».

– О, мадам, я так рада знакомству! – пропела фраганка, тоже вставая и приседая в реверансе. Жак, разумеется, торопливо вскочил следом и поклонился. – Если решите навестить ла белль Фрагана, мы с батюшкой будем счастливы видеть вас в нашем доме! И как клиентку, и как дорогую гостью!

– Я пришлю вам дворецкого, – сухо сообщил Грегор, подавая жене руку. – И прошу извещать меня при любом затруднении. – Он вывел Айлин из гостиной в холл и попросил, желая сгладить неприятное впечатление об утреннем разговоре: – Дорогая, вы позволите погулять с вами в саду? Конечно, если вы не очень устали от приема гостей.

– Нисколько, милорд, – отозвалась Айлин. – Миледи Дельфинэ такая милая! И они с женихом так любят друг друга!

– О, дорогая, – вздохнул Грегор, снисходительно умиляясь этой наивности. – Вполне допускаю, что юная леди могла увлечься молодым человеком, с которым проводит много времени. – Про то, что у девицы ди Амбруаз вряд ли богатый выбор женихов, с ее-то внешностью, манерами и неподобающим для женщины занятием, он великодушно умолчал. – Но для сударя Мерле это слишком выгодный брак, чтобы я мог поверить в его полную искренность. Сами посудите, отец леди Дельфинэ не имеет сыновей, и муж дочери станет его наследником и продолжателем дела. Для простолюдина это невероятная возможность. Правда, боюсь, после этого брака их перестанут принимать в большинстве приличных домов, но...

Грегор осекся. В конце концов, что он знает о положении семьи ди Амбруаз? Возможно, у девицы Дельфинэ уже такая репутация, что брак с подмастерьем отца для нее единственная возможность выйти замуж хоть за кого-нибудь? Ну как иначе объяснить этот странный выбор ювелира? Он ведь мог просто найти дочери подходящего мужа, а ювелирные секреты завещать внукам!

– Вы совсем не верите в любовь, милорд? – спросила Айлин дрогнувшим голосом, и Грегор себя немедленно выругал.

Благие Семеро, ей же всего восемнадцать! Разумеется, у нее в голове полно красивых волшебных сказок, в которых королевские дочери выходят за бедных рыцарей. А то и за пастухов, если вдруг у кормилицы Ревенгаров было совсем плохо с соображением. Айлин чиста и романтична, как любая знатная девушка ее воспитания, так чиста, что не всегда понимает, чем могут обернуться ее поступки, вспомнить только... Нет-нет, об этом он думать не станет!

– Конечно, верю, дорогая! – заверил он, поднося ее руку к губам и целуя тонкие пальчики. – Но любовь – нежный цветок, который требует... подходящей почвы и должного обращения. Заключать браки следует между равными, которые способны друг друга понять.

– Способны понять... – эхом отозвалась Айлин и вздохнула.

Они шли по широкой дорожке увядающего сада, однако на клумбах все еще виднелись яркие осенние цветы, а деревья не совсем лишились листвы. На Грегора повеяло запахом прелых листьев и сырой земли, и он содрогнулся, вдруг отчетливо вспомнив давний сон, который так странно сбылся наяву. Претемная сделала ему подарок! Восхитительный дар, намного превосходящий то, что он у нее просил. Он умолял о забвении прежней любви, о надежде на новую жизнь, а она подарила ему Айлин! Каким же слепцом он был все эти годы, когда девочка росла и расцветала, лелея в сердце любовь к нему!

Но этот запах! Грегор вспомнил и свою тогдашнюю мысль о том, что так будет пахнуть, когда он умрет... Он ведь настолько старше Айлин! Сколько бы ни отвела им судьба, следует наслаждаться каждым днем, не тратя ни минуты на глупые ссоры, а он... И страшнее всего думать о том, как она останется одна. Без его защиты и покровительства, такая наивная и простодушная!

«Но Претемная ведь сказала, что это случится нескоро, – попытался он себя утешить. – В роду Бастельеро все отличаются крепким здоровьем. И если не умирают насильственной смертью, то живут подолгу. Нас ждет еще много лет, а когда для меня наступит время преклонить колени перед Претемнейшей, Айлин станут оберегать наши дети...»

– Вы думаете, муж и жена всегда способны понять друг друга? – спросила Айлин, помолчав, и ее рука в ладони Грегора показалась ему слишком прохладной.

Наверное, зря он повел ее гулять в сад! Это в Академии лучшим средством сохранения здоровья считается холодная вода, свежий воздух и простая пища. А ему следовало помнить, что ее телесные силы подорваны проклятым путешествием, душевными ранами и беременностью. И что он-то вышел из дома в плотном камзоле, а на ней легкое платье!

– Вы не замерзли, дорогая? – Он поискал взглядом слугу, который должен был всегда дежурить поблизости во время прогулки хозяев по саду. – Эй, плащ для миледи! – И спохватился, что не ответил на ее вопрос: – Конечно, иногда у супругов возникает... недопонимание. Уверен, это случается даже в самых дружных и любящих семьях. Но если муж и жена помнят и чтут заветы Всеблагот Матери, их сердца всегда найдут путь к общему счастью.

– Всегда? – тихо спросила Айлин, и Грегор уверенно кивнул.

Они дошли до конца дорожки, когда рядом появился лакей. Грегор забрал у него плотный мягкий плащ, сам накинул его на плечи жены и укутал ее, ругая себя за непредусмотрительность. Может быть, стоит отвести ее в дом? Но на бледном личике Айлин расцвел румянец, она с удовольствием дышала прохладным воздухом и даже сорвала с клумбы несколько стеблей с лохматыми оранжево-красными головками, которые пышно цвели, словно насмехаясь над увядшими нежными розами.

– Иногда для этого нужно время, – сказал он, понимая, что ей самой неудобно за утреннюю сцену. – Мы слишком недавно женаты, дорогая, но, поверьте, я сделаю для вашего счастья все возможное!

– А что, если... – Она запнулась, но с усилием продолжила, и Грегор затаил дыхание, стараясь не спугнуть такой редкий миг откровенности. – Если мы просто не подходим друг другу, милорд? Возможно, мы настолько разные, что нам... следовало найти других спутников жизни? Кого-нибудь более подходящего... Ну, вот как леди Дельфинэ и сударь Жак. Я имею в виду, – добавила она поспешно, – что они тоже очень разные, но так понимают друг друга...

– Это... не слишком удачный пример, дорогая, – сказал Грегор насколько мог ласково. – Если бы отец леди Дельфинэ больше думал о семейной чести, этот союз никогда не смог бы состояться. Конечно, муж и жена и не должны быть слишком похожи! Законы божественные и человеческие предназначают мужчину и женщину для разной жизни.

Долг мужчины – защищать, беречь и любить свою жену, а ее долг – уважать мужа и повиноваться ему. И оба они должны хранить семейное счастье. Вот как мы с вами! Именно поэтому наш союз останется нерушимым, крепким и счастливым. Разве может быть иначе?

– А если вы обманываетесь, милорд? – Айлин не смотрела на него, ее взгляд упорно не отрывался от дорожки, что ложилась им под ноги, и букета ржаво-рыжих цветов, вызывающе ярких на фоне ее светлого платья. – Вдруг вы думаете обо мне не так... не то, чем я являюсь? Или не знаете чего-то важного? Вдруг я... способна любить другого и разрушить наш брак?

Ее голос дрожал, и Грегор задохнулся от нежности и благоговейного желания прижать ее к себе и не отпускать – никогда! Чтобы изгнать из этого верного и пылкого сердца все глупые девичьи страхи и сомнения, чтобы убедить ее в своей любви раз и навсегда!

– Вы? – Остановившись, он коснулся рукой волос Айлин и заглянул в ее глаза, с испуганным недоумением обнаружив, что они полны слез. – Моя милая, любимая, бесконечно дорогая жена! Вы – и способны на измену? Скорее я поверю, что Баргот способен раскаяться, или небо вот-вот упадет на землю. Вы – и бесчестие?! Предательство того, кому дали клятву перед алтарем? Клянусь, любовь моя, никогда я не поверю в такую отвратительную глупость! И никому не позволю омрачить наше счастье ни тенью подозрения, ни словом, ни поступком. Не плачьте, умоляю! Вы расстроены из-за слухов, которые теперь пойдут при дворе? Боюсь, даже я не смогу их пресечь. Но поверить им? Ни за что!

– А если бы они были правдой? – продолжала настаивать Айлин в странном упрямом отчаянии. – Если бы я в самом деле любила другого?! Нет, не его величество, разумеется! – торопливо заверила она. – Просто – другого мужчину!

– Тогда... – Ладонь Грегора снова погладила ее волосы, а сердце замерло от щемящей нежности. – Тогда мне пришлось бы вспомнить, что мой долг – защитить нашу любовь и семейную честь любой ценой. Хоть на дуэли, хоть на плахе. Но даже тогда, клянусь, я не посмел бы винить в этом вас. Только того негодяя, который смутил ваше сердце и попытался отнять вас у меня. Но не вас, любовь моя!

– Вы... очень великодушны, милорд... – после молчания уронила Айлин.

Дойдя по тропинке до конца, они вернулись по ней же обратно к дому. Кутаясь в плащ, Айлин шла, неловко сжимая в той же руке простенький нечаянный букет, и Грегор заметил, что венчики цветов уже поникли.

– Выбросьте его, дорогая, – посоветовал он. – Эти цветы хороши только на клумбе. Как осторожно их ни срежай, слишком быстро вянут.

– В самом деле? – Айлин с грустью посмотрела на растрепанные рыжие лохмотья. – Жаль. Если бы я знала, не стала бы губить их понапрасну. Все равно, пусть их поставят в моей комнате, это меньшее, что я могу для них сделать. Прошу прощения, милорд, мне пора отдохнуть.

Деликатно вынув ладонь из его руки, она ушла, и Грегор вздохнул ей вслед. Его жена – святая! А капризы и странные стремления – это пройдет. Если подумать, самые крепкие и дружные семьи, которые ему известны, это Аранвены и Эддерли, но их браку множество лет, и кто знает, какие бури гремели там поначалу? Айлин нелегко смириться с новой жизнью, но он сам виноват! Как ему вообще пришло в голову шесть лет назад попросить об опеке над нею Саймона и Дарру? Юношей – присмотреть за девочкой! Да, тогда он боялся за ее безопасность, но потом-то мог сообразить, к чему это приведет?! Вот и получилось, что к буйному характеру и упрямству Ревенгаров добавилась самоуверенность тех, кому Айлин пыталась подражать. Быстро с этим теперь не справиться! Но такой алмаз, как его жена, стоит любой, самой длительной и тщательной огранки!

Он взглянул на открытую дверь гостиной и решил проверить, как там идут дела у фраганцев. Дворецкий, который умел предугадывать его желания с такой скоростью и точностью, что Грегор однажды даже проверил его на искру, возник рядом и прошелестел:

– Гости его светлости попросили принести ящик, который они привезли с собой. Приложили к стенам несколько образцов тканей, измерили все тщательнейшим образом, изволили о чем-то спорить пофрагански. Пожелали еще кувшин шамьета, но без другого угощения.

– Прекрасно, – кивнул Грегор. – Когда соберутся уходить, сообщите им, что моя жена отдыхает, а я, к сожалению, не смогу их проводить – буду работать в кабинете.

– Да, ваша светлость, – поклонился дворецкий и ускользнул.

Грегор уже прошел мимо распахнутой настежь гостиной, откуда слышались голоса, как собственное имя, произнесенное с фраганским акцентом, привлекло его внимание.

Несколько мгновений он колебался. Дворянину не пристало подслушивать, тем более гостей! Однако Дельфинэ ди Амбруаз опять уронила что-то про «мадам», и Грегор отогнал стыд подальше. В конце концов, это им следовало подумать, что в чужом доме их может услышать кто угодно! Если эта девица, вернувшись во Фрагану, намерена чем-то опорочить Айлин... Он потянулся «кошачьим ухом»...

– Мадам Бастельеро восхитительна! – донесся из гостиной певучий голос девицы ди Амбруаз, и Грегор поморщился. Фраганский язык он понимал свободно, однако все равно не любил. – Так мила и любезна! Жак, ты можешь представить, чтобы нас так принимала мадам Лассомбаль? Ну, по крайней мере, раньше, пока был жив его величество Флоримон?

– Мадам Лассомбаль? – ответил ей такой же невидимый Жак. – Пожалуй, не могу. Там нас вряд ли пригласили бы за стол. Но почему именно она?

– О-ла-ла, – рассмеялась фраганка. – Стыдно не знать таких вещей, милый! Особенно о клиентах! Можешь попасть впросак. Наша милая мадам, сама похожая на солнышко из янтаря, не только жена Ворона Дорвенанта, но и фаворитка его короля. Другая бы лопалась от гордости! Не говоря уже о подвиге, что она совершила... А мадам зовет нас пить шамьет и шутит, как с давними друзьями. Клянусь Всеумелым Мастером, Жак, я намерена превзойти сама себя с этим заказом! Утереть нос нашим глупым спесивым гусыням, которые считают себя образцом вкуса! Пусть у дорвенантки будет салон, который даже мадам Лассомбаль заставит позеленеть от зависти!

– Но возложить расходы на ее мужа восхищение женой тебе не помешает, верно? – усмехнулся Жак. – Подай мне лоскут номер восемь, птичка моя.

– Нисколько, – подтвердила Дельфинэ. – Поверь, он может себе это позволить. В жизни не видела такой неподходящей друг другу пары!

– То ли дело мы с тобой, верно? – поддел ее Жак. – Ай, убери циркуль!

Кипя от бешенства, Грегор убрал заклятие. Так вот что о нем подумали эти двое?! Что его жена – фаворитка короля, а он сам – покладистый муж, прикрывающий... Нет! Проклятье, он ведь только что обещал Айлин, что не оскорбит ее подозрением даже в мыслях! Но... это ведь он... Он так и не думает, какие бы гнусные шепотки ни ползли вокруг, подобно ядовитым змеям. Он верит Айлин... А слухи, между тем, добрались даже до Фраганы! И уж там, в этом прибежище разврата, никто не поверит, что связь короля и леди Бастельеро совершенно целомудренна... Да королю даже итлийца приписывают, что уж говорить об Айлин! И это еще о сегодняшней ночи мало кому известно, однако вскоре...

«Проклясть бы, – с холодной злой тоской подумал Грегор. – Хотя бы этих наглецов, которым дела нет до чужого доброго имени! Но... нельзя. Вымещать зло на женщине так же бесчестно, как драться с простолудином! Однако в моем доме после окончания работы ноги их не будет! А если кто-то при дворе хотя бы раскроет рот... Вот там и тогда меня уже ничто не остановит!»

Глава 28

Красота бывает страшной

– Ваше величество, ее величество смиренно просит вас навестить ее, – с обычной степенностью изрекла леди Мэрли, и Аластор, вскочив из-за стола, от волнения неловко взмахнул рукой.

Чернильница опрокинулась, заливая чернилами нижайшее прошение лорда Логрейна – что-то о розыске бесчестного злодея – убийцы, контрабандиста, похитителя невинных девиц и казны Логрейнов. Точнее суть документа Аластор едва ли смог бы определить, если на предельно кратких и точных докладах службы канцлера ему еще удавалось сосредоточиться, то одолеть послание лорда Логрейна, запутанное славословиями, хвалами и мольбами, у него никак не получилось. Ну и к Барготу Логрейна! В конце концов, ловить злодеев на землях лорда – обязанность самого лорда, а если он на это не способен, то стоит подумать, не нуждаются ли земли в другом опекуне!

Выбросив на этом Логрейна с его похитителем из головы, Аластор выскочил из кабинета и поспешил к жене. Беа! Наконец-то она пришла в себя и готова... готова разделить с ним свое, нет, их общее горе! Наконец-то поверила, что он никогда не обвинит ее...

Видит Всеблагая, сейчас он искренне стыдился тех слов, что вырвались у него вчера, когда лорд Аранвен привез Айлин. Как он мог так ошибаться? Конечно же, их с Беатрис любовь выдержит все!

Изнывая от облегчения и сострадания, он распахнул дверь в спальню Беатрис и замер на пороге, словно окаменев.

От вчерашней убитой горем старухи не осталось ни следа! Беатрис полулежала в постели, опираясь спиной на высоко взбитые подушки, ее золотистая кожа словно светилась в солнечном луче, одном-единственном, пробившемся сквозь неплотно сдвинутые тяжелые занавеси. Аластор невольно подумал, что луч пробился как-то слишком удачно, освещая Беа, как драгоценный алмаз в витрине знающего ювелира, и оставляя в бархатном полумраке остальную комнату. Он тут же одернул себя – как можно так думать о собственной жене, только вчера пережившей страшную потерю?! Но его взгляд

невольно выхватывал все новые детали: свежие цветы на столике у кровати – маленькие белые розы, в точности как те, что стояли в Розовой гостиной, когда Беатрис предложила ему брак; еще одна роза в гладко зачесанных волосах жены – так же она была причесана в день их свадьбы; кружевной воротник просторного платья, словно заключающий совершенное лицо в столь же совершенную раму...

Аластор глубоко вздохнул, ощутил аромат любимых духов жены, и по его спине пробежал холодок. О, сейчас Беатрис была прекраснее, чем когда-либо! Само совершенство! Вот только в этом совершенстве Аластору неумолимо чудилось что-то неестественное. Словно в бархат и кружева нарядили золотую статую, совершенную, но неживую. Мать, потерявшая ребенка, должна выглядеть совсем иначе!

– Беа! – выдохнул он умоляюще, сам не зная, чего хочет.

Может быть, броситься перед ней на колени и молить ее стать настоящей? Правильной? Живой женщиной, а не произведением искусства?!

– Ваше величество, – улыбнулась она и протянула к нему руки. Бросила взгляд на замерших у постели фрейлин и коротко бросила. – Оставьте нас!

Сделав реверанс так слаженно, как это возможно лишь после долгих тренировок, те потянулись к двери, и Аластор поспешно отступил, невольно подумав, что и фрейлины выглядят... Странно. В точности как механические куклы в тех фраганских часах, что прежде загромождали королевскую спальню, а после были отправлены в подарок лорду Бастельеро. И снова одернул себя – нашел время думать о всяких... глупых мерзостях!

– Беа! – повторил он, когда за последней фрейлиной... леди Норвик, кажется, захлопнулась дверь. – Я... я так...

– Я так рада видеть вас, мой король... Аластор, – снова улыбнулась она, и Аластор подумал, что ее губы... тоже какие-то слишком яркие. – Умоляю о прощении за ту безобразную сцену, что устроила вчера...

Она глубоко вздохнула, пена кружев колыхнулась томительно и маняще, но Аластор едва заметил это. Безобразная сцена? Прощение?.. Как она может говорить так?!

– Беа! – выдохнул он с мучительной тоской. – Беатрис... любовь моя, ты... Клянусь, я не виню тебя ни в чем! Если бы я только мог тебе

помочь... Я так хотел быть рядом с тобой, ведь мы же клялись... в счастье и в горе...

Слова, теснившиеся в горле, невозможно искренние, идущие от самого сердца, вдруг показались какими-то фальшивыми, и Аластор с ужасом понял, что бормочет все тише и бессвязнее.

— О, я не сомневаюсь в этом, ми аморе, — шепнула Беатрис дрогнувшим голосом. — И все же молю о прощении. Я так испугалась... испугалась взглянуть тебе в глаза... увидеть там осуждение! Ведь я не уберегла наше дитя... О, как я была малодушна! Но, — добавила она, нежно коснувшись его руки, — я счастлива, что у тебя есть друзья... верные друзья, которые помогли тебе...

«Кто-то сказал Беа про Айлин? — с холодным ужасом подумал Аластор. — Какой же я болван! Опять забыл, что дворец не поместье, и что здесь непременно найдется пара-другая внимательных глаз и длинных ушей! А уж злых языков и глупых голов и вовсе, наверное, не сосчитать... Бедная Беа, представляю, что она подумала! И это после того... После того, как ею пренебрегал ее бывший муж!»

— Беа! — умоляюще проговорил он, поймав руки жены и стиснув их. — Я клянусь тебе, Айлин... Мы просто разговаривали! Она мне как сестра! Я бы никогда...

— О, я знаю, — ласково согласилась Беатрис. — Конечно же, так и есть. И я никогда бы не подумала о тебе недостойного, ми аморе! Разве я не уверена в твоей любви? Разве не ты доказывал ее множество раз? Я благодарна милой леди Бастельеро за ее отвагу, с которой она пренебрегла недовольством мужа. И за ее чуткость... И не премину должным образом поблагодарить ее, поверь. Однако...

— Однако? — вскинулся Аластор, и Беа улыбнулась ему мягко и успокаивающе.

— Однако мы должны поговорить о другом. Более важном...

Она глубоко вздохнула, и ее дивные глаза блеснули... слезинка повисла на ресницах, Беа поспешно смахнула ее кружевным платком — и это движение, пугающе грациозное, снова заставило Аластора похолодеть. Он вдруг вспомнил, как однажды застал в слезах матушку — тогда Мэнди и Лоррейн, забравшись на ледник, слопали большую миску мороженых сливок с фруктами, приготовленных к приезду гостей, и свалились со страшным жаром. Матушка плакала

совершенно иначе! Аластор хорошо помнил ее покрасневшие глаза, дрожащие губы, и руки у нее тоже дрожали, а Беа...

«Перестань! – одернул он себя. – Она просто хочет, чтобы ты ей восхищался! Разве это не естественно для любой женщины? А то, что твоя жена хороша собой даже в слезах – и вовсе редчайший дар! Да любая женщина позавидовала бы такому, а любой мужчина – тебе, неблагодарному глупцу!»

– Целители сказали, – продолжила Беатрис, слава Всеблагой, не подозревая о его мыслях. – Что я... Что я больше никогда не смогу выносить ребенка...

Ее голос дрогнул от сдерживаемой боли, и Аластор нежно сжал ее ладони. Слова утешения застряли в горле, да и какое утешение тут можно придумать? Сказать, что целители ошибаются? Но ведь это будет не просто наглостью, а еще и опасной ложью!

– И я... я счастлива, что ты не осуждаешь меня, ми аморе. Но тебе... тебе нужен наследник, – с трудом вымолвила Беатрис. – О, не бойся, я не стану препятствовать... Было бы прекрасно объявить, что он рожден мной, но... слишком многие люди уже знают... о моей беде. Нам не удастся скрыть, что я не способна родить... Ми аморе, ты должен выбрать женщину... или девицу, которой окажешь эту честь. А когда малыш родится, ты признаешь его законным ребенком, а я... Клянусь Всеблагой Матерью, я буду любить его, как любила собственных сыновей! Как люблю моих дорогих bambini... Конечно, его мать получит любую милость, какую только пожелает! Я не стану запрещать ей видеться с ребенком, она будет осыпана почестями...

– Что?! – выдохнул Аластор, не веря своим ушам. – Беа, прошу тебя, замолчи! Ты говоришь немыслимые... невозможные вещи!

«О, еще как возможные! – возразил он себе с полной безжалостностью. – И даже безупречно правильные... Королю нужен наследник, и почему бы не сделать наследником бастарда, особенно когда сам король – бастард? Но... Всеблагая Мать, я не хочу... Я же не жеребец, которому приводят кобыл для случки!»

– Я не буду ревновать, ми аморе, – шепнула Беа, прижав его руку к щеке, а потом к губам. – Клянусь, я никогда не усомнюсь в твоей любви ко мне! И ты... ты сможешь выбрать любую девицу, хоть бы и из Трех Дюжин... О, если бы ты знал, что они говорят о тебе... даже

мои фрейлины! Их мечты о тебе столь нескромны, но сейчас это даже кстати. Я прошу тебя только об одном...

– О чем? – едва слышно уронил Аластор, борясь со странным и отвратительным желанием вскочить и выбежать за дверь, лишь бы не слышать этих безупречно рассудительных, но таких отталкивающих слов.

– Это не должна быть леди Бастельеро, – умоляюще взглянула на него Беатрис. – Любая другая... кто угодно...

– Беатрис!

Аластор все-таки отшатнулся и вскочил на ноги. Воротник рубашки показался слишком тесным, и он рванул его, пытаясь вдохнуть больше воздуха.

– Поклянись! Ми аморе, я молю тебя! Поклянись, что это будет не она! Не леди Бастельеро... А если я умру...

Наконец-то она ожила, как ему и хотелось. Глаза сверкали, голос утратил безупречную мелодичность, и даже на щеках показались некрасивые неровные пятна, пробиваясь через искусно наложенную пудру.

– Беа!

– Если я умру, – упрямо продолжила она. – О, ми аморе, если ты не прислушаешься... если у тебя не будет наследника, я умру! Тебя вынудят развестись со мной, и я не переживу этого! А если ты откажешься, меня отравят по приказу Аранвена или проклянут... Думаю, лорд Бастельеро сделает это с радостью... Обещай, что если я умру, ты не женишься на... ней! Она замужем, но и ее муж не вечен, особенно если так пожелает король!

– Беа, – пробормотал Аластор, ненавидя себя за явственную дрожь в голосе. – Беа, милая, любимая, ты сошла с ума! Я бы никогда... Айлин мне как сестра! Кому придет в голову жениться на сестре?

– Как сестра, но не сестра! – отчаянно выкрикнула Беатрис, приподнимаясь в подушках. – И если ты не думал... если не думаешь о ней... что мешает тебе поклясться?!

– То, что эта клятва оскорбительна и для нее, и для меня! – крикнул Аластор – Если ты не веришь моим словам сейчас, то какой смысл клясться?

И осекся, увидев, как погасли глаза жены, а лицо, только что бывшее живым и страдающим, снова превратилось в совершенную золотую маску.

– Вы правы, мой возлюбленный супруг, – проговорила Беатрис тоном, из которого словно ушли все краски. – Я и в самом деле позволила себе неподобающую дерзость. Прошу вас простить меня и поверить, что это говорила не я, но мое горе. Теперь же я хотела бы отдохнуть.

– Беа... – беспомощно пробормотал Аластор, не зная, что ужасает его больше – отчаяние Беатрис и ее безумные мысли или это... ледяное равнодушное совершенство.

– Целители сказали, что мне нужно беречь себя, – уронила она и опустилась на подушки, закрыв глаза.

Аластор молча смотрел на нее несколько минут, но она не пошевелилась, и он молча вышел из комнаты. Аккуратно притворил дверь и со всей накатившей вдруг болезненной яростью впечатал кулак в стену.

– Ваше величество... – кинулся к нему в коридоре кто-то из придворных, но тут же отскочил и поспешил исчезнуть.

Аластор даже не понял, кто это был – лицо показалось неузнаваемым пятном.

Гвардейцы, стоящие у покоев королевы, влипли в стену, боясь встретиться с ним взглядом и даже, кажется, дышать. Аластор скрипнул зубами и рванул по коридору быстрым шагом, почти переходящим в бег. Проклятье! Да что же все так неправильно?! Он же честно хотел как лучше. И да, хотел быть честным. Но сорвался в собственную обиду пополам с непониманием, что происходит, наговорил лишнего. Что ему мешало поклясться, лишь бы Беатрис была спокойна?!

Разумеется, он даже не думает об Айлин как о женщине!

Так почему его жена, которая должна быть ему самым близким человеком, несколько ему не доверяет? Почему она сомневается в его верности, чести и даже уме, если уж на то пошло! Что может быть глупее и подлее, чем разрушить изменой собственную семью и погубить Айлин, которую он тоже любит, просто иначе?!

Стремительно прошагав несколько залов, он вышел на галерею, опоясывающую нижний этаж дворца. Как и всегда, здесь было полно

народу, но Аластору, разумеется, уступали дорогу, кланялись, приседали в реверансах, тревожно заглядывали в лицо. Обычное почтение, к которому он постарался привыкнуть за эти месяцы, сейчас неимоверно злило! Эти люди, которые сейчас гнут спины, за его собственной спиной с наслаждением станут обсуждать мерзкие слухи о нем, о Беатрис, об Айлин и Лучано... Благие Семеро, хвала вам, что хотя бы месьора д'Альбрэ и Дункана не приписывают!

– Ваше величество... – поклонился кто-то, оказавшийся ближе остальных, и взгляд Аластора выхватил знакомое лицо, а рядом с ним еще одно – неизвестное, но явно кого-то напоминающее чертами.

Ах, вот это кто! Очень кстати!

– Месьор де Брюа? – Аластор растянул в улыбке непослушные от ярости губы. – Доброго дня. Извольте представить мне своего спутника.

Мало ли, вдруг все-таки ошибка?

– Конечно, ваше величество! – дежурно просиял посол. – Месьор Жером д'Альбрэ – к вашим услугам.

Оба фраганца снова изящно поклонились, а потом мерзавец, возмутительным образом похожий на друга и наставника Аластора, радостно сообщил:

– Счастлив видеть ваше величество! Премного наслышан о вашей доблести и...

– Я тоже, – кивнул Аластор. – Наслышан. Вон!

– Простите, ваше величество?

Посол, почуявший неладное за пару мгновений до этого, побледнел, а в глазах Жерома еще металось недоумение, и Аластор с наслаждением повторил, слыша, как шушукаются в толпе придворных:

– Вон из Дорвенанта, месьор... Жером. И если задержитесь дольше, чем нужно, чтобы собрать вещи, вас поторопит моя стража.

Кажется, посол был близок к обмороку. Переведя взгляд на него, Аластор выдохнул и уже спокойнее сказал:

– Месьор де Брюа, прошу вас не принимать это на свой счет. Я по-прежнему полон дружеских чувств к его величеству Флоризелю и высоко ценю вашу службу при моем дворе. Но если вот этот... господин останется на должности вашего помощника, я буду считать это личным оскорблением.

– Ваше величество! – воспрянул посол, яростно глянув на помощника, который мгновенно обогнал его в бледности. – Если месьор д'Альбрэ чем-то вызвал ваше неудовольствие...

– Определенно вызвал, – снова кивнул Аластор. – А чем именно – полагаю, он сам вам расскажет.

И прошел мимо бледного до серости д'Альбрэ-старшего, хватающего ртом воздух, больше не глядя на обоих фраганцев.

До самого выхода из дворца в сад его никто не решился побеспокоить. Очень благоразумно со стороны господ придворных! Аластор прошел на тренировочную площадку и с облегчением заметил там сразу трех вольфгардцев. Ярл Ольвар показывал какой-то прием с секирой, и соломенное чучело должно было вот-вот потерпеть сокрушительное поражение.

– Доброго дня, господа!

Аластор на ходу стянул камзол, оставшись в рубашке и штанах, поправил пояс и с некоторым сожалением посмотрел на туфли, не слишком подходящие для тренировки. Ну, ничего, не страшно.

– И тебе доброго дня, конунг, – прогудел Ольвар и сообщил с истинно северным простодушием: – Слышал про твою жену. Большое горе, пусть ваша Претемная госпожа примет нерожденного малыша обратно и даст ему лучшую долю. Не печалься, ты еще молод и в полном здравии, будут и другие дети.

Про то, что эти дети родятся от другой женщины, ярл то ли не знал, то ли умолчал, проявив небывалую для него деликатность, и Аластор благодарно кивнул, а потом попросил:

– Не помашешь ли со мной секирой, славный ярл? Отвлечься хочу.

– А, это дело! – оживился Полтора Медведя и хлопнул его по плечу тяжелой лапищей. – Для мужчины лучший отдых – добрая драка! Потом, конечно, пир и девки, но сначала – драка! Все-таки ты наш, конунг, в этом вашем Дорвенанте только старая северная кровь еще помнит, как правильно лечить горе и праздновать радость. Пойдем помашем, тебе сейчас на пользу. Ингвар, подай конунгу секиру!

Аластор поудобнее перехватил теплую от чужой ладони рукоять, повел плечами, будто сбрасывая с них тяжесть... Глаза Ольвара хищно блеснули, и два молодых вольфгардца поспешно отошли по сторонам.

«Да в Бездну все! – выдохнул про себя Аластор, выпуская на волю ревущего внутри зверя, но указывая ему правильный путь, вместо жажды крови – к яростному напряжению всех сил души и тела. – Дункан вчера был прав, я ничего не мог сделать, чтобы помочь Беа и ребенку! Если ей так уж нужна эта дурацкая клятва, что я не женюсь на Айлин, ладно, дам ее, когда Беатрис придет в себя. Но не потому, что она требует, а просто...»

В глаза блеснул солнечный зайчик, прыгнув с лезвия чужой секиры, и все лишние мысли разом кончились.

...К себе он вернулся часа через полтора, вымотанный до подгибающихся ног и дрожи во всем теле, но умиротворенный и спокойный. Еще бы залечь в ванну с чашкой шамьета, который варит Лу, а потом попросить друга размять плечи... И слушать, закрыв глаза, как Лучано рассказывает дворцовые сплетни. А потом поехать к родителям или к Дункану... Еще лучше – навестить Айлин, нагло пренебрегая этикетом. Королю в приеме не откажут, а лорд Бастельеро пусть подавится желчью!

Еще можно зайти к Аранвену и обсудить с ним странное прошение Логрейна, выяснив наконец, кто там лорда обокрал. Аластору упорно казалось, что в прошении указано имя всего одного негодяя и не упоминается никакой отряд, но не может ведь один человек упереть и благородную девицу, и целый обоз ткани, и налоги за полтора года... Прямо захотелось поближе познакомиться с этим выдающимся человеком.

Придворные все так же поспешно расступались с его пути, когда Аластор шел дворцовыми залами и коридорами, но их лица больше не сливались в бесконечное светлое пятно, а кровь перестала стучать в висках. Великое дело – хорошая тренировка! Кстати, вечером надо непременно пригласить месьора д'Альбрэ на прогулку и показать ему особняк, присмотренный под фехтовальную школу...

Он кивнул гвардейцам у входа в свои покои, и бравые усачи облегченно выдохнули, поняв, что король больше не в гневе.

– Лорд Фарелл не вернулся? – поинтересовался Аластор больше для проформы.

Вряд ли Лучано уладит свои дела так быстро.

– Никак нет, ваше величество! – отрапортовал лейтенант Минц, и Аластор, вздохнув, прошел к себе.

В спальне было тихо и прохладно. Слишком прохладно. Открытая створка окна покачнулась от легкого ветерка, и Аластор нахмурился. Вроде бы он оставлял окно закрытым, а Джастин тоже не бросил бы его без присмотра.

Он уже потянулся к колокольчику, чтобы вызвать камердинера, но в углу у кресла вдруг послышался шорох, и тихий детский голос шикнул на кого-то.

– Так... – Аластор бросил камзол, который так и принес перекинутым через руку, на спинку кресла. – Дани?

За креслом затаились. Доверчивый и послушный Дани наверняка вылез бы, а оттуда слышалось недоверчивое сопение. Аластор пригляделся к ковру под креслом и заметил предательски выбившийся из-за шторы край синего бархатного подола, отороченного светлым кружевом.

– Алиенора? Береника? Вылезайте.

– А вы не будете ругаться? – поинтересовалась, несомненно, Алиенора и поспешно добавила: – Ваше величество!

Еще пару дней назад он для них был просто «братец Аластор». И Беатрис, хоть и хмурилась на это обращение, все-таки не препятствовала Аластору общаться с девочками, как он считал нужным. А им нравилось звать его именно так, нараспев, звонкими голосами с тягучим итлийским выговором. Что же изменилось теперь?

«Со вчерашнего дня? – горько усмехнулся Аластор. – Слишком многое».

– Не буду, – пообещал он. – Вылезайте и не бойтесь. Таким взрослым девицам не к лицу прятаться, если это не игра.

– А если игра? – немедленно уточнила Алиенора, первой показываясь из-за шторы.

– Тогда можно, – разрешил Аластор и опять нахмурился.

Лица у девчонок были чистыми, и слезы не оставили на них следов, но глаза распухли, а Береника и сейчас шмыгала носом.

– Так... Идите сюда! – Аластор сел на кровать и похлопал ладонью рядом с собой.

Девчонки замерли, не решаясь приблизиться. Алиенора смотрела исподлобья, Береника потупила глаза, уставившись на носки туфель.

– Что случилось? Вас кто-то обидел?

Аластор покосился на раскрытое окно, понимая теперь, как девчонки проникли к нему в спальню мимо охраны.

Принцессы замотали головой так старательно, что толстые черные косы, перевитые жемчужными нитями, взлетели в воздух и опять упали им на плечи.

– Девочки... – Аластор протянул им руки, и девчонки подошли медленно, как пугливые зверьки, бесшумно ступая по ковру мягкими замшевыми туфельками и замерев в шаге от кровати и сидящего на ней Аластора. – Вы расстроились из-за болезни матушки? Она уже поправляется, все будет хорошо.

Береника так и глядела в пол, Алиенора же бросила на Аластора быстрый взгляд и очень осторожно поинтересовалась:

– Ваше величество, можно спросить?

– Можно, – кивнул Аластор, решив пока не выяснять, с чего вдруг снова стал «величеством».

Девчонки еще помялись, Береника даже вцепилась в подол, нещадно терзая кружевной передник тонкими пальчиками, но потом Алиенора все-таки решилась:

– А кто такая леди Бастельеро?

– Что? – растерялся Аластор, не сразу сообразив, что речь об Айлин – о ком же еще? И тут же спохватился: – Это... очень хорошая леди. Храбрая, верная и добрая. А... что?

Алиенора взглянула на него с явным сомнением, но потом все-таки решилась:

– А фрейлины маменьки сказали, что она бесстыжая мерзавка. – И заторопилась, глядя на Аластора умоляюще, в то время как на глаза Береники снова навернулись слезы и уже прочертили по щекам светлую блестящую дорожку. – Мы не хотели подслушивать, честное слово! Мы... просто играли в прятки в саду! Они думали, что мы не слышим, и говорили, что леди Бастельеро вчера ночью приезжала во дворец. И что матушка может умереть, а эта леди... что она заберет тебя... вас, ваше величество... И ты не будешь больше нас любить, потому что у вас будут свои дети... братец... то есть простите, ваше величество... Совсем другие дети, не от маменьки! Потому что маменька больше не может иметь детей, и ты... вы ее разлюбите! Даже если она не умрет, все равно разлюбите. А если ее, значит, и нас тоже! А леди Бастельеро нарочно приехала, чтобы вы теперь любили только

ее. Братец Аластор! Ваше величество! Вы же... не разлюбите нас с маменькой?! Не отошлете в Итлию?!

Горячая ярость, которая вроде бы вся кончилась на тренировочной площадке, снова плеснулась внутри Аластора. Ну что за мерзавки! Говорить такое при детях... о детях! Неважно, что они думали, будто принцессы их не слышат, нужно же иметь хоть немного соображения и доброты! И это благородные девицы, лучшие в Дорвенанте, самые добродетельные! Вот кого стоит отправить подальше от двора!

– Алиенора, милая, кто из фрейлин об этом говорил? – спросил он, стараясь, чтобы голос не сорвался в рычание.

Не хватало еще сильнее напугать девочек.

– Вы их накажете? – проницательно спросила главная из близняшек, и Аластор заколебался.

Злость на болтливых дур требовала выгнать их из дворца с позором, но девочки уже достаточно взрослые, чтобы сделать из этой истории самые разные выводы. И не стоит воспитывать в них желание ябедничать. Наверняка они говорят правду, но подслушать чужой разговор и рассказать о нем, это не самый похвальный поступок для дворянки. А виноват Аластор, это же он их спросил. Но и оставить это дело так нельзя...

– Если ваша матушка услышит подобные разговоры, она очень сильно расстроится, – сказал он чистую правду. – А она болеет, и переживать ей нельзя. Поэтому я строго поговорю с этими фрейлинами, но если они поймут свою вину, то наказывать не буду. Просто мне нужно знать, кто говорит такие... гадкие глупости.

– Леди Райнгартен, – выпалила Алиенора, и у Аластора потемнело в глазах.

Лоррейн?! Разумеется, Лоррейн, Мэнди ведь не выезжает из-за беременности. Проклятье, да за что же Благие наказали его такими дурами-сестрами?! Одна доложила Беатрис о поездке Аластора с Айлин к portalу, теперь вторая отличилась?!

– Ты уверена? – переспросил он, и девочка решительно кивнула, а Береника тихо подала голос: – Она говорила другой фрейлине, что сама видела леди Бастельеро во дворце ночью. И рассказала об этом маменьке... – Помолчала и добавила: – Маменька так плакала... А потом всех выгнала, кроме куафера и горничной по притираниям, закрылась с ними на два часа и стала такая красивая! Только грустная.

Поцеловала нас с Алиенорой и отправила гулять в саду, вот мы и гуляли...

– Идите ко мне, – позвал Аластор, распахивая объятия, и сгреб робко приблизившихся девчонок.

Прижал к себе, обнял худенькие плечики, вдохнул сладкий детский запах – Алиенора с Береникой пахли, как чистые котята, которых выкупали с душистым травяным мылом. Уткнулся лицом сразу в две детские макушки, чувствуя, как девчонки напряженно замерли под его ладонями. Несколько мгновений заталкивал поглубже злость, а потом пообещал:

– Я всегда буду вас любить! Никому не верьте и не слушайте всякие глупости! Вы мои милые сестрички, как же я могу вас бросить или отослать?

Ему показалось, что он слышит, как колотятся их сердца. Потом девчонки расслабились и доверчиво прильнули к нему, Алиенора даже ухитрилась обнять за шею, а Береника просто засопела ему в плечо.

– А если у тебя будут другие дети? – спросила она дрогнувшим голосом.

– И тогда – тоже! Клянусь! – опять пообещал Аластор, смутно удивляясь, что эта клятва слетела с губ легко и уверенно, в отличие от той, которую требовала Беатрис. – Вот что, я сейчас предупрежу леди Мэрли, она даст нам кого-нибудь в сопровождение, и мы поедем в гости.

– В гости?! – ахнули разом обе принцессы. – Куда?! К леди Бастельеро?!

– Нет, не к ней, – успокоил Аластор, отпуская их. – Леди Бастельеро сейчас не может принимать гостей, но вы не должны думать о ней плохо. Она очень добрая и хорошая! Она... как Лучано, только леди!

Пару мгновений девчонки пытались сообразить, как может леди быть похожа на Лучано, которого они обожали за шутливую галантность и забавные фокусы, потом Береника неуверенно заулыбалась, а Алиенора хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

– Мы поедем к моим батюшке с матушкой, – сказал Аластор. – У них особняк в столице, там можно кататься на качелях, лазить на яблони в саду и кормить уток на птичьем дворе.

– Уток... – заворожено прошептала Береника, Алиенора же радостно закивала.

«Ну что ж, вечер с родителями ничуть не хуже вечера с Дунканом и месьором д'Альбрэ, – вздохнул про себя Аластор. – Даже лучше, пожалуй. Мне просто необходимо посоветоваться с матушкой, что делать с этими дурами, моими родными сестрами. Видеть их не хочу! А девочкам нужно отвлечься и успокоиться, они так перепугались, бедняжки... Раз уж я решил быть им братом, нужно заботиться о малышках и надеяться, что хоть эти вырастут умнее Мэнди с Лорри».

Глава 29

Заказ для старшего мастера

– И не забывай писать! – уже в четвертый раз напомнил Фелипе, и Лучано закатил глаза.

– Пиппо! Ты бы мне еще напомнил, что нужно надевать двое штанов и теплые носки!

Посмотрел на озадаченное лицо приятеля и почувствовал себя непоправимым идиотом – в самом деле, откуда Фелипе знать, что порой жизнь без пары теплых носков теряет всякую привлекательность? Да и не стоило насмехаться над напоминанием, пусть даже четвертым кряду – в конце концов, Фелипе имеет право на беспокойство. И пусть приятель и не подумал обижаться – напротив, тихо, но заразительно рассмеялся – Лучано все же решил заговорить о другом. Вот только ничего подходящего, как назло, не шло в голову.

– Пиппо, а как ты сдал экзамен? – выпалил он первое, что подвернулось на язык, и мысленно поморщился.

Да что же на него нашло? Идиотом, как есть идиотом! Нашел тоже подходящую тему... Можно подумать, самому приятно об этом вспоминать, а уж рассказывать!

– Да как все, – пожал плечами Фелипе, и Лучано поразился – так равнодушно это прозвучало. – Очнулся, понял, где нахожусь, и уснул обратно. Помнишь, как нас учили засыпать по собственному желанию? Ну вот. И даже сон посмотрел, да такой дурацкий! Будто грандмастер Лоренцо велел мне нарезать апельсинов для ликера и чтобы непременно кубиками. Мол, кубиками – оно сочнее получается.

– Заснул? – оторопело повторил Лучано. – Вот просто так взял – и заснул?! В могиле?!

– А что еще мне делать оставалось? – удивился Фелипе, перекладывая из руки в руку тяжелую корзину с подарками, которую вызвался нести. – Ты же помнишь, какой там воздух паршивый? Если орать да брыкаться, можно задохнуться, не дождавшись, пока тебя откопают. Опять же, если не откопают, куда как лучше во сне помереть потихоньку.

– Благие Семеро! – Лучано покачал головой, со стыдом подумав, что всегда считал себя лихим парнем, а Фелипе – простаком. Вот это урок! – И ты так легко об этом говоришь... Насчет Дорвенанта не передумал?

– Поживу пока здесь, – усмехнулся Фелипе. – Но если запахнет жареным, так и быть, прибегу к тебе.

Он вручил Лучано корзину, крепко его обнял, а потом отступил, смутившись, и буркнул:

– Давай, не тяни. За лютню спасибо, и вообще...

– Это тебе спасибо, – тихо сказал Лучано и поспешно отвернулся.

Не хватало еще прослезиться! Теперь они точно не на всю жизнь прощаются! Вот станет совсем холодно, и можно будет сбегать сюда из Дорвенанта порталом хоть каждую неделю – погреться!

Он шагнул в голубоватое марево над порталной площадкой, уже привычно его сдавило, стиснуло, подняло и закрутило... а потом опустило уже на другой пол, бросив под ноги знакомые серые плиты. Лучано удержал равновесие, выпрямился, держа в одной руке корзину, а в другой – сумку с немногими пожитками.

– Милорд? – вежливо окликнул его пограничный чиновник, тот же самый, что встречал полгода назад. Итлийца-приказчика он наверняка давно забыл, но к дворянину проявил должное почтение. – Как вас позволите записать?

– Люциан, лорд Фарелл, – равнодушно бросил Лучано и, выйдя из таможенного здания, огляделся в поисках экипажа.

Вот и весна сменилась осенью, а Дорвенна осталась такой же невзрачной, холодной, неудобной. Летом было хоть немного повеселее.

«Как же я здесь буду жить? – спросил он самого себя и тут же ответил: – Как сам выбрал, так и буду».

Колеса экипажа застучали по неровной старой мостовой, и Лучано вздохнул, глядя в окно на пасмурное небо и высокие каменные дома, больше похожие на крепости, причем выдержавшие осаду, иначе откуда эти сколы карнизов, щербины на кладке и неровности крыш?

«Зато у меня будет озерный дом, – утешился он. – Да и во дворце не так уж плохо, вполне можно пережить зиму. А если станет совсем грустно, мастер Ларци всегда меня ждет...»

Он вспомнил сегодняшнее утро. Тихое, прохладное, полное особенной предрассветной чистоты и свежести. Чтобы не будить

мастера, проходя по первому этажу, Лучано махнул во двор прямо через окно второго. Вдохнул полной грудью, медленно выдохнул, оглядываясь по сторонам. Небольшой закрытый двор-патио был пуст, лишь на перилах террасы лениво развалился Аконит, подергивая кончиком хвоста и делая вид, что вон та стайка воробьев его совершенно не интересует.

Лучано пожелал коту хорошей охоты, получил равнодушный взгляд зеленых глаз и посмотрел на окна спальни мастера. За ними было тихо и темно, не горела магическая лампа – один из немногих предметов роскоши, который Ларци себе позволял, потому что зрение нужно беречь. Не темнел знакомый силуэт напротив окна за письменным столом... Значит, мастер точно спит. Ну что ж, они еще успеют позавтракать вместе и попрощаться, а сейчас...

Он укоризненно покачал головой, глядя на цветную плитку, которой был вымощен патио. Несколько облетевших листьев, тонкие веточки, несколько перышек – похоже, прошлая кошачья охота оказалась удачной. И это у Ларци, обожающего аккуратность! Да, вот так уедешь всего на полгода, а тут уже такое!

«На целых полгода, – поправил он себя. – И если у тебя время летело в приключениях и заботах, то для мастера оно текло совсем иначе. А ты, паршивец, бросаешь его снова».

Чтобы хоть немного отвлечься от неприятных мыслей, он взял метелку, стоящую в углу террасы, и принялся наводить порядок. С превеликой тщательностью подмел все до соринки, оборвал засохшие веточки розмарина в каменном вазоне, вытер стол и поменял масло в подвесной лампе. Принес свежей воды в умывальник и вылил застоявшуюся под апельсиновое дерево, росшее у террасы. Апельсины! Он же обещал Айлин!

Лучано критически оглядел те несколько штук, что яркими пятнами светились в ветвях, и решил их не рвать. Пусть как можно дольше украшают вид с террасы, радуя Ларци. А он лучше наберет апельсинов в саду, там их пять деревьев, и два как раз поздние, самые сладкие.

Подхватив пустую корзинку из того же угла, куда вернул метлу, он прошел по тропинке в сад и... остановился. Среди деревьев мелькала темно-синяя рубашка мастера. Ларци рвет апельсины? Сам?! Зачем?!

– А, мальчик! – завидев его, обрадовался мастер. – Ты как раз вовремя! На вот, отвезешь своей синьорине и монсиньору. Да Перлюрену не забудь выделить!

На земле у дерева стояла корзина, полная отборных апельсинов. Лучано шагов за десять почуял от нее дивный аромат.

– Благодарю, мастер! – выдохнул он. – Не стоило вам утруждаться, я бы нарвал...

– Не велик труд, – хмыкнул Ларци. – Пойдем-ка приготовим завтрак, не отпускать же тебя голодным. Будешь омлет?

– Конечно!

Лучано подхватил корзину, едва не наступив на Белену. Та вывернулась из-под кустов прямо под ноги и возмущенно мявкнула. Ну что, мол, такое? Ходят, мешают утренней охоте, не дают порядочной кошке поймать воробушка.

– Я тебе кое-что собрал в дорогу, – промолвил Ларци, пока они возвращались на террасу. – Набор ингредиентов на первое время и десятка три готовых препаратов. Давно не пополнял, наверное?

– Давно, – вздохнул Лучано и подумал, что первым делом стоит освежить шпильки, если в наборе найдется что-то подходящее.

Разумеется, оно нашлось, причем именно то, чем он обычно пользовался. Ларци только хмыкнул, глядя, как Лучано свинчивает головки, прочищает крошечные механизмы длинной иглой, а потом капает внутрь свежие зелья.

– Готовый мастер, – сказал он то ли с удовольствием, то ли с сожалением. – Ну что, мне уже пора проверять свой шамьет?

– Хотите, чтобы я ушел прямо сейчас? – тихо спросил Лучано дрогнувшим от обиды голосом.

Оставив шэнье с дымящимся шамьетом на жаровне, Ларци подошел к нему и вклеил крепкий подзатыльник, от которого Лучано привычно даже не подумал уклониться.

Только поднял голову от разложенных на столе шпилек, взглядом спрашивая за что.

– Не показывай свои слабые места, идиотто, – нравоучительно сказал Ларци. – Никому, даже мне. Даже если твое слабое место – это я. – Помолчал и добавил еще тише: – Особенно если это я.

Лучано опустил голову, признавая его правоту, помолчал и уже спокойно спросил:

– Как думаете, Тино пошлет ко мне соглядатаев?

– А как иначе? Он был бы дураком, если бы не сделал этого.

– Тогда мне нужен кто-то, чтобы приставить его к Тино, – буркнул Лучано, возвращая шпильки в волосы.

Ларци одобрительно кивнул и уронил:

– Я поищу для тебя подходящего человека.

Остаток завтрака они провели молча. Пока Лучано убирал со стола и мыл посуду, Ларци ушел в дом, но вскоре вернулся.

– Кстати, где твоя нарядная лютня? – поинтересовался он.

– Фелипе подарил, – признался Лучано, и мастер снова кивнул.

– Он собирался тебя проводить, – заметил как бы ненароком. – Хороший парень, Лоренцо не зря взял его на примету. Не забудь конфеты, а то мне вредно столько сладкого. И не вздумай бросать занятия зельями. Дела делами, но хоронить талант – великий грех. Не всем достается магия, но таких, как ты, мальчик, еще меньше.

– Куда мне до вас, мастер, – смущенно улыбнулся Лучано, собирая тарелки.

– Ну, так тебе и лет поменьше, – резонно заметил Ларци и как-то нехорошо усмехнулся. – Знаешь, мальчик, я иногда думаю, как бы у меня пошла жизнь, если бы меня в свое время не заметил в приюте мастер Гвальтерио. Может, я смог бы стать аж подмастерьем аптекаря или целителя! Варил бы мази и притирки в чужой лаборатории, потихоньку слеп от паров, а потом просил бы милостыню у храма... Гильдия дала мне единственное, чего я хотел. Возможность учиться, а потом создавать зелья. Да, конечно, это были яды и противоядия. В основном. Но полсотни новых лекарств тоже на моем счету, и этими рецептами я делился со всеми, кто способен был их понять. А там уж пусть боги взвешивают, сколько жизней я спас, а сколько погубил.

Он помолчал, глядя куда-то мимо замершего Лучано, и тихо продолжил:

– Мы ведь просто хотели заниматься своим делом. Я – придумывать и пробовать новые препараты, Лоренцо – учить фехтованию. В итоге я готовил отравителей, а он – головорезов. Но наша ли вина, что другого нам не позволили? Что мы, с нашими талантами, оказались нужны только Шипам?

– Мастер... – начал Лучано, понятия не имея, что можно сказать в ответ на такое.

— Запомни, мальчик. — Взгляд Ларци стал невыносимо тяжелым. — Вина в этом все-таки наша. У нас не хватило смелости рискнуть и сбежать куда-нибудь в Карлонию, подальше от гильдии. Затаиться там, начать новую жизнь, пока мы были еще молоды и сильны, пока могли поддерживать друг друга как настоящие братья, а не фальшивые родичи по гильдии. Да, было бы тяжело. Да, нас могли бы выследить и убить в наизидание остальным. Но мы с Лоренцо прожили бы свою жизнь, а не чужую, навязанную нам. И я рад, что хотя бы ты решился это сделать. Пусть и с моей помощью, но ведь первый шаг сделал сам и готов был идти до конца. Значит, хотя бы тебя я воспитал как надо.

— Мастер...

Лучано опустился на колени и поцеловал руку с единственным железным кольцом. Каждый листик на стебле без шипов был ему знаком так, что Лучано мог бы нарисовать его с закрытыми глазами. А теперь точно такое кольцо и на его руке, только стебель шипастый. Когда-то Лучано мечтал о нем, эти мечты отравляли его мысли и душу, но сегодня утром, проснувшись, он глянул на вожденный знак старшего мастера — и не почувствовал ровным счетом ничего. Разве что удивление, что вот этого он так страстно хотел. Но если подумать, разве может сравниться это кольцо, долгожданное, вымоленное у судьбы и такое теперь ненужное, с другим, тоже шипастым, которое черной вязью обвивает его предплечье? Непрошеным, но дорогим как жизнь!

— Я запомню, мастер! — глухо сказал он, больше всего на свете жалея, что даже сейчас не смеет назвать Ларци отцом. — Я запомню все...

Встал и обернулся, встретившись взглядом с Фелипе, который почтительно замер у входа на террасу. Кивнул ему:

— Пойдем?..

...Вздвогнув, Лучано вынырнул из воспоминаний и с недоумением воззрился на выросшие впереди дворцовые стены. Надо же, как быстро!

— Приехали, ваша светлость, — почтительно подсказал извозчик. — Позвольте ваши вещи донести?

— Найдется, кому донести, — отозвался Лучано, видя, как от главного входа к нему уже спешит кто-то из пажей. — Вот, возьми.

Бросил извозчику монету и выскочил из экипажа. Холодно-то как! Надо было брать закрытую карету, но возле таможни их не нашлось, только эти легкие пролетки. Потому что у благородного синьора или дамы должна быть собственная карета с кучером, заранее вызванная к нужному месту. А экипажи без верха — для состоятельных ремесленников и купцов. Ох уж этот дорвенантский этикет и традиции!

— Лорд Фарелл! — обрадовался ему паж и подхватил корзину, чему Лучано, разумеется, не стал препятствовать. — Вы вернулись! Как хорошо! Его величество постоянно о вас осведомляется! Можно я ему первый скажу, что вы в Дорвенне?

— Сколько угодно, синьорино, — усмехнулся Лучано, понимая, что мальчишка рассчитывает на королевскую благодарность, а то и награду. — Только вещи мои донеси. Какие новости при дворе? Здоровы ли их величества?

— Ой, вы же не знаете?! — Паж остановился и едва не уронил корзину, таращась на Лучано. — Милорд Фарелл, вы совсем-совсем ничего не знаете?!

— Так... — По спине Лучано пополз холодок. Он сунул руку в кошелек, не глядя, выудил монету — золотую по весу. Сунул ее пажу и велел: — Быстро рассказывай.

Паж судорожно закивал и со смесью восторга и ужаса заговорил, то и дело косясь на дворцовые двери:

— Ее величество потеряла ребенка! Она с лестницы! Чуть жива осталась! А его величество... А леди Бастельеро... Во дворец! Ночью! С самим канцлером! Целый час в спальне сидели!.. Без канцлера! А ее величество... А его величество помощника фраганского посла взашей! Вот его вообще непонятно за что! И к родителям уехал!

— Кто, помощник посла? — уцепился Лучано, пытаясь осознать весь этот бред, случившийся всего-то за пару дней, пока его не было!

— Да нет, его величество! — отчаянно уточнил паж. — Принцесс взял и уехал! К лорду Вальдерону в особняк! А ее величество не встает, целители запретили. Говорят... говорят, она не просто ребенка потеряла, а совсем, понимаете?.. А еще говорят, что теперь его величество с ней разведется и снова женится! Говорят, на леди Бастельеро! И что ребенок у леди от него, а не от мужа, только родов

ждут, чтобы на родовом камне его проверить и объявить признанным бастардом!

«И об этом болтают даже пажи?!» – яростно подумал Лучано, достал еще одну монету и ласково спросил:

– Кто говорит?

– Все говорят! – уверенно объявил паж, посмотрел на монету в его руке, жалобно вздохнул и понизил голос: – А больше всех говорит...

– Ну-ну? – ободрил его Лучано, улыбаясь любимой доброй улыбкой мастера Ларци, та как-то сама собой вышла, он прямо чувствовал ее на губах. – Не бойся, я никому не скажу.

– Леди Райнгартен, – тихо выдохнул разом побледневший паж и умоляюще попросил: – Ваша светлость, только вы же... Она ведь сестра его величества...

– Не бойся, – кивнул Лучано, протягивая ему вторую монету. – Да и какой с тебя спрос, если всем об этом известно, верно? Ты молодец, носи вещи ко мне. А если услышишь еще что-то интересное, то знаешь, где получить пару флоринов, правда?

– Конечно, ваша светлость! Я всегда! Только вам! Первому!

Счастливый паж уволок тяжелую корзину, а Лучано дошел до гвардейского поста, поманил лейтенанта Минца, отвел его на несколько шагов от караулки и поинтересовался:

– Друг мой, а кто дежурил у королевской спальни вчера вечером?

– Лейтенант Эрмин и я, – разом помрачнел Минц. – Мы в полночь сменились, как раз после отъезда леди. Ох, милорд, вы не представляете, что с его величеством до этого было. Клянусь Пресветлым Воином, мы тут все струхнули. Ладно бы он секирами кидался, что ж мы, не понимаем? Весь Дорвенант этого ребенка ждал! А он... Милорд, с ним совсем плохо было... А как леди приехала, они в спальне поговорили, и его величество успокоился. – Лейтенант понизил голос и сказал, глядя Лучано в глаза: – Семерыми клянусь, не было там ничего, да и быть не могло. Плакал он, понимаете? Так рыдал – сердце разрывалось слушать. Мы с Эрмином и под присягой это скажем, если надо. А если бы даже было... Я его лицо видел, когда он от королевы вернулся. Я последний, кто леди Бастельеро осудит. Раз уж ему помогло, благослови ее Семеро, Странник и все добрые боги, какие есть на свете. Жалко бедняжку. Она ведь к нему

приехала... как сама Милосердная Сестра! А о ней теперь такое говорят!

– Я вас понял. Благодарю...

Лучано кивнул и пошел в сторону главной дворцовой лестницы, чувствуя, как улыбка приросла к губам. Пришлось провести по ним рукой, чтобы убрать судорогу. Беатрис потеряла ребенка! Паж сказал, что в этом никто не виноват, обычный несчастный случай. Хотя правды он может и не знать. Зато грандсиньор канцлер знает наверняка. И раз Альса сейчас нет во дворце, стоит сначала заглянуть к Аранвену...

А ведь похоже, что у Аластора с ее гадючьим величием случился первый настоящий разлад. Раз уж Альс утешался в обществе синьорины, а не законной жены. Благие Семеро, да ведь доброе имя Айлин теперь треплет каждая поломойка! Причем с помощью благородной синьоры Райнгартен, чтоб ее... дуру проклятую! Интересно, Альс очень расстроится, если у него станет меньше сестер? Ладно-ладно, совсем ее травить не стоит, она вроде бы еще не родила мужу наследника. Но вот зелье, которым он в свое время угостил Вито, как будто для нее создано! Может, муж синьоры даже спасибо скажет за такой подарок судьбы! Рожать-то оно не мешает, а вот молоть языком – да.

И как же жалко Альса!

А еще теперь понятно, что за странная злая тоска накрыла его на завтраке у Риккарди! Это была боль Аластора! И если самому Лучано досталась лишь ее тень, пробившаяся через преграды, поставленные грандсиньором Роверстаном, то представить страшно, каково было самому Альсу. Всеблагая Мать, благослови синьорину!

Он стремительно пересек очередную галерею, направляясь в сторону королевских покоев, и уже почти свернул в нужный коридор, как его окликнули:

– Лорд Фарелл! Прошу вас, ваша светлость!

Лучано остановился и нашел взглядом говорившего. Благородный синьор Ольстон, секретарь королевы...

– Прошу, милорд! – сказал он торопливо, кланяясь Лучано. – Ее величество велела вам зайти к ней, как только вы вернетесь во дворец. В любое время, невзирая на часы приема.

– Ее величество? – переспросил Лучано. – Я всемерно чту ее волю, но... я только приехал. А она нездорова... Я не смею явиться к ней в дорожной пыли, не приведя себя в порядок. Синьор Ольстон, передайте ее величеству мое низжайшее почтение, я только сменю...

– Немедленно, милорд! – Ольстон надавил голосом, из которого разом исчезла вся любезность. – Ее величество особо указала, что вы должны явиться немедленно. Не беспокойтесь, никто вам не поставит в вину дорожный наряд.

«Проклятье, как же некстати! Не знаю, для чего я нужен коронованной гадюке, но точно не жду ничего хорошего! Ладно, незачем оттягивать неизбежное. Раз уж я так понадобился королеве, меня, чего доброго, к ней и силой отволокут. Тем более Альса нет во дворце...»

– Повинуюсь желанию ее величества! – поклонился он. – Ведите, синьор!

– Прошу! – взмахнул рукой Ольстон, снова становясь учтивым. – Ее величество у себя в покоях. Это несчастье...

– Да-да, – подхватил Лучано, надеясь услышать еще что-нибудь, но Ольстон, в отличие от многих, рот держать на замке умел, так что до покоев Беатрис они дошагали в полном молчании. Там Ольстон обменялся парой слов с дежурной фрейлиной, которая скользнула в спальню, почти сразу же вернулась и объявила, что ее величество ждет лорда Фарелла для беседы наедине.

– Прошу, – повторил секретарь, распахивая перед Лучано дверь спальни и оставаясь снаружи.

«Остаться наедине с королевой? Какая великая честь! И с каким удовольствием я бы без нее обошелся!» – мрачно усмехнулся про себя Лучано, приближаясь к высокой кровати с поднятым балдахином на положенные три шага и опускаясь на колени.

В спальне Беатрис он еще не был, но сейчас даже любопытство спряталось глубоко внутри, вместо себя оставив тревогу, которая становилась все сильнее.

– Ты вернулся, мастер Шип, – уронила Беатрис. – Очень вовремя. Подойди ближе.

Поднявшись, Лучано сделал еще три шага и хотел встать на колени перед самой постелью, но королева сделала легкий жест рукой.

– Итак, ты свободен от гильдии? – спросила она тем же ровным спокойным голосом.

– По решению грандмастеров теперь я принадлежу его величеству, – почтительно ответил Лучано, совершенно не исказив правду. Всего лишь утаив ее часть. – И всей душой благодарен вам за оказанную милость.

– Прекрасно, – разомкнулись алые, искусно накрашенные губы. – У тебя есть возможность это доказать.

– Ваше величество... Чем я могу?..

Лучано низко поклонился, не торопясь выпрямляться. По его спине снова пробежал холод, переходя в дрожь.

Такой он Беатрис еще не видел!

Она показывалась ему коварной, обольстительной, расчетливой, злой и фальшиво великодушной, но не мертвенно бесстрастной. Тварью, гадиной, однако полной жизни, планов и желаний! А сейчас перед ним была кукла... Впрочем, нет!

Он все-таки осмелился посмотреть ей в лицо и содрогнулся. Безупречно нанесенная косметика почти скрывала припухлости под глазами, которые он с трудом различал тренированным взглядом Шипа. Ресницы были пушистыми и длинными, брови – идеально очерченными, губы алели от помады, наверняка нанесенной поверх раздражающего зелья, чтобы сделать их более пухлыми. Кожа сияла золотом, волосы, распущенные по плечам, вились крупными локонами. Как есть кукла, если бы только не глаза! Черные омуты, провалы в Бездну, полные боли, ярости и ненависти.

– Можешь, – снова уронила она тихо, глядя на него в упор. – Тебе это будет легче, чем... кому-то другому. Ты уже слышал новости, мастер Шип?

– Мои глубокие соболезнования, – опять поклонился Лучано. – Скорблю всем сердцем.

– Эта путта... приехала к нему ночью. Как и положено падшей женщине. Шлюхе, для которой нет ничего святого.

«Она потеряла ребенка, но волнует ее только это?! Хотя... если учесть слухи, которые уже ходят при дворе... да, можно понять. Гадюка сходила с ума от ревности, когда для этого не было никаких причин, сейчас она и вовсе обезумела. А еще она боится. Настолько, что не может мыслить здраво. Чтобы жениться на синьорине, Альсу

нужно убить ее мужа – только убить, иначе ничего не выйдет. Положим, эту услугу я ему с радостью окажу, но Дорвенанту по-прежнему нужны деньги Риккарди, это привязывает Альса к Беатрис надежнее якорной цепи. А еще Аластор никогда не позволил бы женщине, ждущей от него ребенка, выйти за другого. Он бы никогда не бросил ту, что отдалась ему до брака. Неужели Беатрис так плохо знает своего мужа?!»

– Вам солгали, моя королева, – сказал он как только мог убедительно. – Я говорил с гвардейцами, стоявшими на часах этой ночью. Они клянутся всеми богами, что не слышали ничего предосудительного, и в этом им можно верить. Об обратном болтают те, кого там даже близко не было. Ваш супруг чист перед вами.

– Во имя Баргота, Шип! Не будь полным идиотом! – Беатрис чуть подалась вперед и проговорила это таким свистящим шепотом, что Лучано невольно попытался рассмотреть ее язык – не раздвоен ли он. – Я знаю, что мой муж верен мне душой и телом! Пока еще верен... Но все может измениться. Целители говорят, что я больше не смогу иметь детей. Ты понимаешь, что это значит?!

«Хоть в чем-то слухи не солгали. Правда, это слабое утешение».

– Вполне, моя королева, – кивнул он. – Но я также понимаю, что ваш отец любит вас всем сердцем. Он желает, чтобы вы были счастливы, и готов проявить ради этого щедрость, достойную Риккарди. Кто еще может осыпать Дорвенант таким золотым дождем? А дети... Всегда можно признать бастарда от какой-нибудь бедной дворяночки. Которая потом благоразумно уедет в Арлезу или Фрагану с богатым приданым и никогда в жизни не покажется вам на глаза.

– Ты умен, Шип. – Беатрис откинулась на подушки и утомленно прикрыла глаза. – Но ты не понимаешь. Аластор любит меня. Сейчас у меня нет соперниц. Он пришел в ужас от одной мысли зачать ребенка с кем-то еще. Но она... эта мерзавка... она занимает слишком много места в его сердце! Канцлер к ней благоволит, фавориты моего мужа ее обожают. Не спорь! Я видела, как они смотрят на нее! Все! И фраганец, и надменный дурак Кастельмаро, и хитрая лиса разумник... И даже ты! Проклятье, что это за магия, Шип? Ты должен знать, ты же провел с ней целый месяц! Она спала в ваших объятиях, а мой муж считает ее чудом чистоты! Да что там он, Бастельеро женился на ней и готов убить любого, кто на нее косо посмотрит! Чем она вас всех

причаровала?! Я бы поняла, если бы вы ее хотели, но вы же... вы просто ее любите! Как в той сказке про золотого гуся, который приклеивал намертво каждого, кто его коснулся. Стоит ей коснуться мужчины – и он принадлежит ей!

«Женщины ее тоже любят, – заметил про себя Лучано. – Грандсиньора Немайн с ней ласкова, хотя синьорина разбила сердце ее сыну. Синьора Вальдерон к ней относится как к родной дочери, если не лучше. Золотой гусь? Чары? Разве что чары доброты и искренности, но как это объяснить той, что считает подобные чувства слабостью?»

– Она никогда не затмит вас в сердце монсиньора, – сказал он, по-прежнему стараясь быть убедительным. – Никогда не даст Дорвенанту того, что даете вы. Никогда...

– Она должна умереть... – прошипела Беатрис, опять подаваясь к нему из подушек. – Умереть, Шип! Никогда мне не будет покоя, пока мы с ней дышим одним воздухом. Пока мой муж смотрит на нее с такой любовью и доверием, пока ищет утешения в ней, а не во мне. Пока он зовет ее сестрой, не понимая, что эта сестра в любой момент может стать возлюбленной! Я не молодею, Шип, а она свежа и мила. Я не могу родить, а она может! Я могу дать Дорвенанту только деньги, но Аластор не Малкольм, он не станет продаваться ни за какие кредиты! На мне он женился потому, что его сердце не противоречило разуму, но теперь все изменится! Рано или поздно он разлюбит меня! Постаревшую, подурневшую, не давшую ему ребенка. А деньги... Мужчины не любят быть обязанными. Наступит день, когда за кредиты моей семьи он возненавидит меня еще больше! Но пусть... Я буду готова. Я больше не допущу таких глупых ошибок! Я стану ему верной подругой, помощницей, наставницей в политике и делах. Я окружу его такой заботой, какой не знал ни один мужчина! Я сама буду находить ему любовниц, потому что ни одна путта не сравнится со мной, и от каждой из них он станет возвращаться ко мне! Возвращаться довольным, благодарным и знающим, что я никогда его не предаю! Но этой... этой не должно быть рядом с нами! Ее не должно быть в нашем мире, Шип! Потому что она единственная, кто может украсть его сердце.

– Она беременна! – выпалил Лучано, не зная, что еще сказать.

– Ее муж не стар, он женится на другой и заведет хоть дюжину детей. А младенец... – Лицо королевы исказилось хищным

торжеством, жутким и уродливым, несмотря на прекрасные черты. – Мне второй день твердят, что моего бамбино ждет лучшая судьба, когда он снова вернется в этот мир. Что никто не умирает насовсем, что Претемная Госпожа милостива... Вот и пусть проявит милость к ее ребенку, раз меня лишила моего! Хватит отговорок, Шип. Ты не забыл, кому принадлежишь?

– Мне было бы трудно это забыть, моя королева.

Лучано поклонился, пряча взгляд, и услышал:

– Это должно быть похоже на болезнь или несчастный случай. Лучше всего ей было бы умереть родами... Но это слишком долго! Я не выдержу столько, Шип. Я задыхаюсь от мысли, что они снова встретятся!

«Нужно убедить ее в моей покорности, – с тошнотворным ужасом подумал Лучано. – Выиграть время. А потом кинуться к Аластору, признаться ему всем, привести сюда разумника... Это как раз по его части, она же явно безумна!»

– Вы не боитесь, ваше величество? – сделал он последнюю попытку достучаться до разума королевы. – Тройное заклятие все еще действует. Вчера в Джермонто я чувствовал боль его величества, когда он переживал потерю...

– О нет! Сам подумай, Шип! – Лицо Беатрис опять исказилось улыбкой. – Я ведь тоже не идиотта! Ты мог не вернуться из Верокки, но старая лиса Аранвен отпустил тебя туда! Будь малейший риск, что Аластор не переживет твою смерть, канцлер запер бы тебя под надежной охраной на всю жизнь! Даже Шипы не доберутся в подвалы тайной службы. А раз он рискнул тобой, значит, связь достаточно ослабла. Ее обязаны были ослабить на случай, если ты свернешь себе шею или эта мерзавка не переживет роды! Так что иди и займись своим делом. Я так много слышала о твоём искусстве, прояви его наконец! Ты же хотел свободы. Выполни этот заказ, и, клянусь, он будет последним.

«Вот в это я охотно верю, – согласился Лучано. – После такого только полная идиотта не уберет и меня, чтобы спрятать концы в воду. Смерти Айлин Аластор ей не простит, как бы ни был влюблен. Бежать, скорее бежать к нему!»

– Да, ваше величество, – отозвался он вслух и с ужасом понял, что мастер Ларци прав.

Он разучился держать лицо! Разучился скрывать свои слабые места и страхи, а сейчас он боялся за жизнь Айлин, как никогда не боялся за свою!

– Что такое, Шип? – ласково спросила Беатрис, поймав его взгляд своим. – О, только не говори, что тоже подпал под ее чары. Только не ты, верно? Твое ремесло – смерть, сколько ты убил таких, как она? Глупых ненужных девочек... Не разочаруй меня, мастер Шип. Очень тебя прошу.

– Ваше величество, я исполню любую вашу волю, – проговорил Лучано непослушными губами. – Сегодня же начну... Прямо сейчас...

И промахнулся. Глупо, бессмысленно и безнадежно. Словно прятал в рукав отравленную иглу и вместо манжета воткнул ее в собственное запястье. В глазах Беатрис мелькнуло понимание, и Лучано осознал, что она тоже догадалась.

– Иди, мастер Шип, – сказала королева почти нежно, глядя на него неестественно яркими и блестящими глазами. – Ты прав, не стоит требовать слишком многого, а ты и так славно послужил мне. Я должна достойно тебя вознаградить, а этот заказ... его найдется, кому исполнить. Иди, ты свободен, обещаю!

«Я могу убить ее прямо сейчас, – холодно и отстраненно подумал Лучано. – Одна беда, ничего медленно действующего у меня при себе нет. Как-то не рассчитывал, что понадобится на аудиенции у такой особы... А если я выйду отсюда, оставив позади труп королевы, то даже из дворца не выберусь. И до плахи, пожалуй, не доживу, Аластор меня сам убьет. Но, возможно, я успею рассказать ему, почему это сделал? Одна беда, вряд ли Риккарди с пониманием отнесется к тому, что его дочь убил королевский фаворит. Наверняка он отзовет кредиты, и тогда бедный Дорвенант, бедный Аластор... Нет, сейчас убивать Беатрис нельзя. Но она же меня приговорила! А вот это уже мои сложности, если я такой идиотто. Хотя бы сейчас держи лицо! Вдруг у нее поменяется настроение? Вдруг ее просто что-то отвлечет? В конце концов, ей же нужно послать за проклятым ожерельем, а потом остаться с ним наедине! Чуть-чуть времени у меня есть. Если повезет, успею добраться до Альса живым. Если не очень... что ж, расскажу все синьорине призраком...»

– Благодарю, ваше величество.

Проклятое самообладание, предавшее его пару минут назад, вернулось так же внезапно, как исчезло. Всего-то и надо было – понять, что обречен. А обреченному чего бояться?

Лучано даже улыбнулся, кланяясь и прикладывая руку к груди. Потом распрямился и вышел, пятась, как положено по этикету. Прикрыл за собой дверь и невозмутимо сказал Ольстону:

– Ее величество желает, чтобы ее не беспокоили. Она чувствует себя лучше, но еще слишком слаба.

– Бедняжка, – всхлипнула фрейлина, промокнув платочком совершенно сухие глаза. – Какое несчастье! Мы все так переживаем за ее величество.

– О да, я тоже! – согласился Лучано.

Чинно вышел за дверь, едва ли не отсчитывая драгоценные мгновения, и сразу сорвался на бег, не обращая внимания на удивление придворных.

Глава 30

Невезение черного кота

Бесконечные коридоры, залы, галереи то пролетали перед глазами, то застывали вокруг, словно Лучано увяз в кошмаре, который никак не хотел его выпускать. Чьи-то удивленные лица, чьи-то голоса в спину – все потом! Если, конечно, это «потом» у него будет.

Он выскочил на галерею над главным холлом и почти добежал до лестницы, сердце молотило сумасшедшим стаккато, требовало пришпорить послушное тело! Миг – и Лучано слетел бы по лестнице, но тут взгляд выхватил внизу что-то странное и важное! Очень важное! Чернильное пятно в красочных переливах. Сначала – силуэт, потом – лицо. Лицо человека, которого в Дорвенне просто не могло быть! В Итлии – сколько угодно. В Арлезе и Фрагане – пожалуй. Но не здесь. И все-таки это был он. Высокий, худощавый, затянутый в черное, с щегольскими усиками и короткой бородкой. Знакомый настолько, что Лучано разом остановился, едва не повиснув на перилах.

Фредо Черный Кот – вот как его звали, и прозвищем он весьма гордился. Всегда носил черное, а еще имел привычку встречаться с жертвой, чтобы перейти ей дорогу. Отнимал удачу, так сказать. Когда-то Лучано завидовал Коту. Злился, что сам не придумал такой красивый и требующий лихости ритуал. Конечно, Счастливчик – прозвище не хуже, но, возможно, чего-то эдакого ему не хватало. А встретиться с младшим мастером Фредо, умельцем по несчастным случаям и любимцем Тино, насколько Омут мог иметь любимцев, это для кого угодно редкое невезение. Смертельное, как правило.

Черный Кот во дворце?! Совпадение? Или... Лучано глубоко вдохнул и выдохнул, сердце не желало успокаиваться, но голос этого не выдаст.

– Мастер Фредо? – окликнул он сверху, опираясь на перила, и тот замедлил шаги, нахмурился, задрал голову, посмотрев недовольно и вопросительно.

Действительно, мало ли под каким именем подручный Тино здесь гостит! Разрушать маскировку другого Шипа – серьезный проступок.

Особенно если почтенный собрат на задании... Губы Фредо тронула тень улыбки – наверняка он уже предвкушал, как пожалуется грандмастеру.

Лучано ласково улыбнулся, и самодовольство во взгляде Кота сменилось недоумением. Да-да, кое-что изменилось. А Фредо, получается, не успел об этом узнать? Удачно!

Он еще раз окинул нарядный костюм Лучано цепким взглядом и поклонился:

– Доброго дня, благородный синьор!

– Доброго дня, – кивнул Лучано и приглашающе махнул рукой.

Опираясь на перила и старательно дыша, он смотрел, как Фредо идет к лестнице. Да что ж ты так медленно, ублюдок?! Останавливается в паре шагов от подножия, снова вопросительно смотрит вверх... Что он здесь делает?! Ответ, пожалуй, очень прост. Беатрис ведь не знала, когда Лучано вернется. И... нашла замену. Должно быть, вызвала заранее и держала про запас, как положено рачительной хозяйке.

Но чужаку подобраться к беременной, не покидающей дом, гораздо сложнее, чем ее другу. Вот Беатрис и обрадовалась! Решила, что проверенный Шип, да еще связанный проклятием, надежнее. А он так обманул ее надежды.

Что же делать?! Ну, несколько минут наверняка есть. Вряд ли королева разбудит проклятие прямо сейчас. Пока ей принесут ожерелье, пока она сможет отослать горничных и фрейлин под благовидным предлогом... А если ей не нужно ожерелье, чтобы спустить проклятие с цепи?! Нужно что-то решать – и делать это очень быстро!

– Как вам Дорвенант, мастер Фредо? – любезно поинтересовался он. – Дворец, конечно, не такой нарядный, как у нас в Вероккье, но что поделать, для мрамора здесь слишком холодно зимой...

Болтовня давалась нелегко. Губы словно стыли на холоде, но Лучано упрямо продолжал изображать ленивое спокойствие. Опытный мастер Шип – это даже не королева, его обмануть посложнее. А обмануть – надо! Если Черный Кот заподозрит неладное, он мигом ускользнет. Надо понять, успела ли Беатрис дать заказ!

– Прошу прощения, – еще сильнее нахмурился Фредо. – Я бы охотно поболтал с вами, благородный синьор, но очень спешу.

– Настолько спешите, что забыли одно из главных правил? – еще ласковее поинтересовался Лучано, медленно спускаясь по лестнице, пока его и Фредо не разделили всего несколько ступенек. – Любопытно, какие дела для вас важнее, чем доложить о себе старшему и попросить разрешения на работу в чужом городе?

Хорошо, что сейчас он полностью в своем праве! Младший мастер обязан представиться старшему, а новоприбывший – тому, кто приехал раньше! Шипы уезжают из Вероккьи только на заказ, но иногда охота бывает очень долгой. Случается, что жертву нужно выслеживать несколько недель, а то и месяцев, неосторожный или слишком рьяный новичок, приехавший по другому заказу, может все испортить.

– Старшему? – Фредо чуть приподнял брови и, оглядев совершенно пустой холл, усмехнулся, сбросив маску простолудина, который разговаривает с благородным. – Не знал, что ты успел сменить кольцо.

На вторую часть упрека он старательно не обратил внимания, и Лучано стер улыбку со своего лица.

– Теперь знаешь, – уронил он, кладя руку на перила.

Фредо глянул на перстень с розой, и его загорелое лицо с холеной бородкой закаменело.

– Прошу прощения, старший мастер Фортунато, – очень почтительно сказал он, сорвал берет и поклонился. – Я действительно понятия не имел!

– О, пустяки! – милостиво кивнул Лучано, добавляя в голос торжествующего самодовольства.

А что еще может испытывать юнец, которому протекция грандмастера позволила смотреть свысока на тех, кого он обогнал? Ведь так думает Фредо? Белиссимо, пусть думает и дальше! Время! Как же его мало! Каждое мгновение бесценно, а приходится тратить их на этого... упыря!

– Жаль, что тебя не успели предупредить, – продолжил он. – Круг мастеров позволил мне жить в Дорвенанте и приглядывать за этим городом.

«Шах и мат!» – как говорят игроки в арлезийские башни.

Фредо плотнее сжал губы, в его глазах мелькнула злость пополам с беспокойством. Конечно, вряд ли Тино накажет любимчика по

просьбе выкормыша Ларци, но если Лучано пожалуется Кругу, Фредо ждут неприятности.

– Теперь все заказы в Дорвенанте проходят через меня, – добил его Лучано, ступая на опасную тропу лжи.

– Грандмастер Тино мне не говорил! – возмутился Фредо.

– Зато говорил мне, – снова ласково улыбнулся Лучано. – Заказ от ее величества Беатрис, верно? Помощь нужна?

– Благодарю, нет, – поспешно заверил Фредо. – Я вполне справлюсь сам.

Боится, что придется делить награду? Да, похоже... Лучано сделал еще шаг по натянутой над пропастью веревке и равнодушно бросил:

– У дамы очень заботливый муж, который тщательно ее бережет. Между прочим, он могущественный маг-некромант. Поэтому к ней не так-то легко подобраться. А я вхож в ее дом. Один из немногих, кому это позволено, – подчеркнул он, глядя в глаза Фредо, который заколебался, но упрямо выдохнул:

– Я справлюсь! Я узнавал, их палаццо прекрасно защищен от магии, в остальном охрана самая обычная, а дама часто гуляет в саду. В ее положении это полезно. – И снова усмехнулся: – Получится двое по одной цене, но королева щедра.

– О да, очень, – ослепительно улыбнулся Лучано. – Что ж, тогда не смею задерживать.

Он повернулся, делая вид, что поднимается. Даже шагнул на одну ступеньку вверх... Фредо, безупречно отыгрывая роль простолюдина, который беседовал с благородным синьором, согнулся в поклоне, выпрямился... Лучано слышал едва уловимый шелест его камзола, слишком легкого для осеннего Дорвенанта – наверное, все итлийцы поначалу ошибаются здесь с одеждой. И со многим другим – тоже.

Первое мгновение – обернуться. Вцепиться взглядом в полоску голой кожи над темным отложным воротником.

Второе – пальцы метнулись к волосам, выхватив шпильку. Длинную, с изящной головкой-цветочком, но главный секрет в остром кончике. Претемная, благослови мастера Ларци, что яд свежайший!

Фредо приоткрыл рот, собираясь что-то сказать...

Третье мгновение – согнуть упругий металл и тут же разжать пальцы. Шпилька серебристым росчерком мелькнула в полете –

сколько часов Лучано потратил, чтобы научиться! Дважды это спасало ему жизнь. Сегодня спасет нечто большее.

Фредо удивленно глянул на него, медленно поднял руку, тронув ужаленную шею, даже успел выдернуть шпильку. Его губы шевельнулись уже беззвучно, и Лучано легко прочитал: «За что?»

А потом подручный Тино так же медленно и плавно, словно неумелый актер, который боится упасть на сцене, опустился на сияющий паркет перед лестницей. Всего раз дернулся в длинной тягучей судороге, вытянулся и застыл.

– За нее, – бросил Лучано и, сбегав по лестнице, заглянул в мертвые глаза.

Подобрал шпильку, снова воткнул в волосы привычным движением, приложил руку к шее Фредо, проверяя пульс. Вдруг мерзавец пил противоядие, способное вернуть к жизни после укола «Черной осы»? Сам Лучано такое зелье знал, а боги иногда любят пошутить. Нет, все хорошо, Фредо мертв! Кстати, а когда она дала Коту заказ? Выходит, что сегодня утром, узнав о визите Айлин... Это важно? Еще бы! Один ядовитый клык удалось вырвать, но вдруг Тино послал двух мастеров? Или даже больше? А еще Фредо говорил, что узнавал про охрану палатки и Айлин... Значит, о цели Беатрис ему сказала уже давно. Указала, направила к ней, но все-таки колебалась. До сегодняшнего утра...

– Первый раз вижу покойника во дворце! – заметил чей-то смутно знакомый голос неподалеку, и Лучано вздрогнул, но не вскочил, а только поднял голову. – Когда-то я думал, что люди здесь вообще не умирают. Но этому сударю явно помогли. Лорд Фарелл?!

– К вашим услугам, грандсиньор!

Встав, Лучано торопливо поклонился молодому Эддерли, который таранился на него с галереи, и про себя выругался – как некстати! Хотя... Да это же подарок судьбы! Беатрис не должна знать, что Фредо мертв, иначе она попросту закажет еще одного Шипа! А его Лучано может и не успеть перехватить... Но пока она думает, что Фредо выполняет заказ, у Айлин есть отсрочка!

– Какой интересный покойник! – провозгласил некромант, прыгая вниз по лестнице сразу через две ступеньки. – Свеженький совсем. За что вы его, Фарелл? И... чем?

Никакого возмущения в голосе благородного юноши не было, только живейшее любопытство и почти радость – как у охотника за редкостями, которому попался прекрасный экземпляр для коллекции. Ну и сколько правды ему можно сказать?

– Шпилькой, – признался Лучано. – Отравленной шпилькой. Я же итлиец. Он, как изволите видеть, тоже.

– Старые счета? – понимающе поинтересовался Саймон. – Фарелл, вы же теперь дворянин, следовало использовать не шпильку, а рапиру. Ах да, он-то простолюдин... – И немедленно загорелся: – А шпилькой – это как? Покажете?!

– Обязательно, но чуть попозже, – пообещал Лучано, борясь с желанием вытереть пот с совершенно сухого лба. Время снова полетело слишком... престо, как говорят музыканты. Даже престиссимо. Быстрее, чем Лучано мог за ним успеть! – Грандсиньор Эддерли, это не старые счета, а дело государственной службы. Этот человек – наемный убийца! Я знал его раньше, а когда встретил здесь... Он собирался убить знатную даму...

На этой интригующей подробности он осекся, не упоминая Айлин. Синьор Саймон ей друг, но вряд ли он умеет молчать. А легче всего сберечь тайну, которую не знаешь!

– Убить женщину?! – возмутился Эддерли-младший. – Каков негодяй!

– Грандсиньор, вы мне поможете? – вкрадчиво попросил Лучано. – Необходимо скрыть смерть этого мерзавца, чтобы проверить, есть ли у него сообщники. Если я просто позову охрану, поползут слухи...

– Это да, – согласился Саймон. – Непременно поползут. Я бы даже сказал – полетят! Что поделать, это же дворец. Тут все сплетничают. Я как раз сегодня одному такому болтуну язык приморозил к зубам, чтобы подумал... Ну ладно, неважно! – Он помрачнел, словно вспомнил что-то неприятное, и уточнил: – Так чего вы от меня хотите?

– Можете вывести его в сад как живого? – выпалил Лучано. – Синьорина Айлин однажды сделала нечто подобное. Если его спрятать в какой-нибудь беседке, туда можно тихо позвать стражу!

– Послушайте, Фарелл! – Молодой некромант искоса глянул на него и заметил с неожиданной рассудительностью: – Не подумайте, ради Претемной, что я вам не верю! Но дело, согласитесь, весьма

подозрительное. Вряд ли вы знаете, но дворец опутан сетью защитных чар, а они ловят не только проклятия, но и некротические эманации. Ну, тот выплеск жизненной энергии, который случается во время смерти. А королевским некромантом с сегодняшнего дня назначена леди Аранвен! Моя личная наставница, между прочим! Вы не представляете, что она со мной сделает за участие в сомнительной истории и поднятие трупа посреди королевского дворца!

– Леди Аранвен? Узнает об этом?! – Саймон кивнул, и у Лучано с плеч гора упала. – Беллиссимо! Клянусь, ничего я так сильно не хочу, как чтобы об этом узнали Аранвены! И как можно скорее!

– Ну, если так... – Саймон заколебался, а потом просиял. – Я могу сам его допросить! Если я скажу леди Аранвен, что выполнял ваше распоряжение, она поймет! Потом я тихонько выведу его в сад, и мы вызовем охрану. А то и правда нехорошо, еще наткнется на него какая-нибудь дама.

– Допросить? – Морозной дрожью по спине ощущая, как летят бесценные мгновения, Лучано обреченно кивнул и тут же уточнил: – А вы не могли бы оставить в тайне имя женщины, которую он собирался убить? Ее репутация...

Как именно угроза смерти может испортить репутацию, Лучано понятия не имел, но за месяцы при дворе уже привык, что это волшебное слово, когда дело касается женщины. Вот и сейчас Саймон понимающе кивнул и отозвался:

– Конечно! Репутация! Еще начнут болтать всякое! – И опять неуловимо помрачнел. Впрочем, тут же деловито наклонился над трупом и поинтересовался: – Не знаете, как его зовут?

– Фредо ди Вероккья по прозвищу Черный Кот. Боюсь, это все, что мне известно.

– Хватит! – успокоил его Саймон и хохотнул: – Черный Кот? Ну что ж, больше он никому не перейдет дорогу! Эй, Фредо, ответь мне!

Щелкнул пальцами и что-то забормотал, глядя на тело. Лучано слегка замутило – Фредо вдруг повернул голову и уставился на некроманта застывшими глазами. Самого Лучано он словно не замечал.

– Фредо! – сказал Эддерли неожиданно спокойным и властным голосом. – Ответь мне! Кто ты такой?

– Я... Фредо Черный Кот... – хрипло отозвался мертвец. – Младший мастер гильдии Шипов.

– Какой гильдии? – растерялся Саймон, и Лучано торопливо подсказал:

– Спросите, зачем он здесь?

А про себя подумал, что если грандсиньор все-таки узнает лишнее, то молчать его заставят и забота об Айлин, и – наверняка! – приказ Аранвенов.

– Зачем ты здесь? – надавил голосом Саймон, и мертвец покорно отозвался:

– Исполнить заказ. Я должен был убить женщину. Жену одного грандсиньора, беременную их наследником.

– Женщину? Беременную?! Отправляйся к Барготу, тварь! – выдохнул некромант, взмахнув рукой, и мертвец упал на пол, глухо стукнувшись головой.

А Лучано возблагодарил Семерых, что у грандсиньора некроманта такой горячий нрав. Можно не сомневаться, окажись на его месте сын канцлера, уж он бы с превеликим тщанием допросил и покойника, и, пожалуй, самого Лучано. А что не выяснил от них, о том догадался бы сам.

Радости ему хватило ненадолго, потому что Саймон вытер руки платком, снова сунул его за манжет, обернулся к Лучано и преспокойно, очень холодно и ясно поинтересовался:

– С Айлин все будет хорошо? Или я должен еще что-то сделать для ее безопасности?

Оторопев, Лучано уставился на юного грандсиньора, вдруг осознав, что не так уж тот и юн. Ровесник Аластора и немногим младше его самого. А с круглого улыбчивого лица с ясными золотистыми глазами только что слетела маска веселого идиотто, не умеющего думать ни о чем, кроме девиц, шалостей и конфет.

«Кажется, идиотто здесь только один, и это я. Да что же это такое?! Все оказываются не теми, кем я их считал! Фелипе, мастер Ларци... Теперь вот этот Перлюрен в человеческом обличье вдруг показал недурные зубы... Впору порадоваться, что Беатрис как была гадюкой, так и осталась – никаких сюрпризов!»

– Как вы поняли? – спросил он тихо.

Саймон скривился и хмыкнул:

– А что, это было сложно? Или при дворе много дам, за которых вы, милорд, готовы убивать с таким лицом? Рука короля – это же не палач, насколько мне известно, а следователь. Вам бы его отволочь на допрос, напоить зельем правды или позвать разумника. И вы бы наверняка так и сделали, но слишком испугались за беременную леди, на которую он охотился. За Айлин. Я прав?

Лучано молча кивнул, а некромант ударил себя ладонью по лбу и с искренней досадой воскликнул:

– Я болван! Так и не спросил, есть ли у него подручные! Ну, ничего, сейчас мы припрячем в саду тело, как вы и предложили, а потом Дарра или мой батюшка еще раз призовут его душу. Я могу и сам, но у них это точно получится лучше, особенно у отца.

Под взглядом Лучано он глубоко вздохнул и сделал обеими руками напряженный жест, будто поднимал с пола что-то большое и тяжелое.

– Встань, – велел сразу охрипшим голосом, и Фредо, покачиваясь, поднялся на ноги.

Лучано вспомнил покойницу из колодца, которая двигалась так же медленно и неуклюже. Пожалуй, он не смог бы сказать, что страшнее: тот полуразложившийся труп, который и сослепу не перепутаешь с живым человеком, или вот это... совершенное и оттого жуткое подобие жизни.

– Какой красавчик, а?! – восхитился Саймон Эддерли, мигом возвращаясь к прежнему тону, легкомысленному и самодовольному. – Нет, вы только посмотрите! Спорим, я могу провести его по всему дворцу, и никто ничего не заметит? Ну разве кто-то из моих братьев по гильдии. А профаны или другие маги – ни за что!

Он снова щелкнул пальцами, потом плавно повел рукой, явно наслаждаясь послушанием трупа, который покорно выпрямился и замер, уставившись на некроманта застывшими глазами. Лучано замутило. Он, который убил столько людей, что хватило бы на собственное маленькое кладбище, передернулся, глядя на этого безмятежного мальчишку, такого чистого, холеного, златокудрого и ясноглазого, будто облитого глазурью, как сдобная булочка, и совершенно, отвратительно беспощадного. Даже не от злости, а от полного непонимания, что такое боль и смерть. Некромант, который не чтит смерть! Противоестественная мерзость!

– Идемте в сад, – попросил он, стараясь не выдать своих чувств.

Саймон с готовностью кивнул, и Фредо заковылял рядом с ним, с каждым шагом двигаясь все ровнее и легче. Лучано последовал за ними к выходу из дворца, тоскливо понимая, что упускает время. Время, которого у него и так нет! А он впустую тратит его на дохлого Черного Кота!

Кажется, Эддерли-младший пришел к тому же выводу, потому что у выхода на парадное крыльцо жизнерадостно заявил:

– Послушайте, лорд Фарелл, зачем нам непременно таскаться вместе? Обещаю, что доведу этого красавчика до укромного уголка и присмотрю, чтобы его никто не обидел. – И он снова хохотнул. – А вы можете сходить за стражей, послать кого-нибудь к леди Немайн, в общем, делать, что вам положено по должности. Идет?

– Благодарю, грандсиньор! – выдохнул Лучано и снова сорвался с места, теперь в сторону караулки.

К Альсу! Немедленно! Только бы успеть сказать, что Айлин в беде! Но к Вальдеронам путь не близкий, а проклятие может застать в дороге. Значит, надо взять с собой кого-то из гвардейцев... А может, лучше бежать в кабинет и написать письмо синьорине? Или канцлеру? Нет, все-таки к Аластору! Вдруг получится выжить...

Он выбежал на аллею, ища взглядом пажа или слугу, чтобы послать на конюшню. И тут удача снова улыбнулась. Возле караулки стоял Саграсс. Непривычно нарядный в светло-сером камзоле и зеркально начищенных туфлях вместо обычных сапог, с уложенной прической и таким отчаянно-решительным лицом, что сразу стало ясно, куда именно собрался доблестный боевик. Что ж, браво, но не сейчас, немного позже!

Заметив Лучано, Саграсс поклонился, и Лучано торопливо кивнул в ответ, свернув к нему. Голова почему-то слегка закружилась. Слишком резко кивнул, что ли? Да нет, чушь какая... А вот встреча – это хорошо. Это беллиссимо! Сейчас он все объяснит Лионелю и пошлет его за Альсом, а сам...

– Милорд, как вы себя чувствуете? – с явным беспокойством спросил боевик.

«Прекрасно», – хотел ответить Лучано, но не смог произнести ни звука. Язык вдруг окаменел, во рту пересохло, а под ребрами – он почувствовал это! – развернула кольца скользкая гадина проклятия.

– Милорд? Милорд Фарелл?! Лучано!

«Надо же, научился звать меня по имени, – умилился Лучано, понимая всю неуместность этой мысли. Ноги стали мягкими, как тесто, и он осел прямо на руки подбежавшему Лионелю. – А Минри все-таки не солгала... Я мог умереть несчастным, думающим только о том, как несправедливо уходить молодым, полным сил, не успевшим ничего, о чем мечтал... Но я же Фортунато – Счастливчик! Я все сделал верно! У меня есть отец, хоть и приемный, он любит меня! А еще Фелипе и Лионель, которым я смог помочь... Я служил лучшему на свете королю и стал его другом... Я успел сделать что-то хорошее, и меня запомнят не как Шипа, а как героя. И я непременно предупрежу Айлин! Она будет жить... все, кто мне дорог, будут жить!»

Счастье, похожее на горячее итлийское солнце, на сладкое вино, на аромат цветущего сада, переполнило его, а скользкая гадина, обвившая сердце, неслышно зашипела – и ужалила. Последним, что Лучано увидел, было искаженное ужасом лицо Лионеля, а потом и оно расплылось, провалилось в темноту, которая заполнила весь мир, и стало совсем не больно. Кажется, навсегда.

* * *

У самой двери дробно простучали шаги, и Грегор недоуменно нахмурился. По обычаю, заведенному еще дедом, подходить к кабинету, когда там работал хозяин дома, строго запрещалось. Сосредоточение может сбить любая мелочь, и хорошо, если результатом будут всего лишь неудавшиеся чары! Нет, разумеется, запрещать что-либо Айлин Грегору и в голову не пришло бы – хотя дед не делал исключений даже для него! – но Айлин ушла отдыхать. Да и что ей делать в кабинете Грегора?

Дверь распахнулась.

«Уволю без рекомендаций!» – поклялся себе Грегор, твердо намереваясь не сделать исключения ни для одного мерзавца, посмеявшегося так нагло нарушить его уединение. А ведь он уже почти смог расплести еще одну петлю!..

И осекся – на пороге замерла Айлин, до того бледная, словно только что встала из... Проклятье, нет! Даже думать об этом – преступление!

Грегор вскочил, глядя на жену с ужасом и недоумением, выхватывая все новые детали: капли пота над верхней губой, сами

губы истончились, побледнели, рука оттягивает высокий воротник платья, словно Айлин не хватает воздуха...

– Дорогая, – пробормотал Грегор, чувствуя себя невыносимым болваном, понимая, что следует спешить за целительницей, но не в силах этого сделать. Проклятье, где Эванс?! Он же приказал ей находиться при Айлин неотлучно! – Вам плохо? Я позову целителей...

– Не мне! – крикнула жена, отчаянно замотав головой, пошатнулась и схватилась за ручку двери. – Милорд, со мной все хорошо, беда с Алом! Или Лу, я не знаю точно! Это аркан, понимаете? Я чувствую, плохо кому-то из них... Милорд, прошу вас, отправляйтесь во дворец, прямо сейчас, немедленно!

«Аркан, – мелькнуло в голове у Грегора. – Бреннан, помнится, говорил, что могут сохраниться некие... побочные эффекты. Но не предупреждал, что они будут такими!»

В следующий миг сжавший сердце ужас развеялся: с Айлин все в порядке! Да и с королем, наверняка, тоже – в конце концов, сейчас во дворце разве что самую малость меньше целителей, чем в Академии. Разумеется, они занимаются Беатрис, но и короля без присмотра не оставят. А Фарелл и вовсе в Итлии! Не говоря уже о том, что эта внезапная тревога вполне может быть вызвана беременностью. Райнгартен, кстати, упоминал о чем-то подобном. И даже если допустить, что аркан в самом деле предупреждает о беде, случившейся с кем-то из... двух вершин треугольника, то что может сделать Грегор?

Впрочем, отчего бы и не съездить во дворец, если Айлин это успокоит?

– Разумеется, дорогая, – произнес он мягко. – Я немедленно прикажу оседлать лошадь и...

– Немедленно! – яростно повторила жена, глядя на него умоляюще и требовательно. – Услышьте меня хоть сейчас! На лошади будет поздно! Я прошу... Нет, я требую!

Она шагнула вперед, луч солнца, пробившись через щель в шторах, упал на ее лицо, и Грегор едва не передернулся. Яркая чистая зелень ее глаз помутнела, исказилась, превратилась в болотную трясину, как у одержимой... Некстати вспомнились глупые, совершенно нелепые подозрения Райнгартена... Да нет, это всего лишь неудачный отблеск! Вот Айлин мигнула, и глаза ее стали совсем прежними, только яростно-гневными и умоляющими одновременно.

А еще через мгновение его замутило обычным телесным нездоровьем, неприятно екнуло сердце, отзываясь родовой защите особняка, и Грегор понял, что кто-то только что построил портал в его дом.

Без предупреждения, без разрешения!

Он резко встал и направился к двери, обойдя Айлин. Кто бы это ни был, ему лучше иметь очень вескую причину!

Будто отзываясь на его мысли, из гостиной раздался многократно усиленный магией рев:

– Милорrrrrрд Арrrrrррхимаг!

Дворецкий вбежал на верхний этаж парой мгновений позже и пролепетал, задыхаясь:

– Милорд, прошу прощения, к вам... вас...

– Я слышу, – не скрывая раздражения, ответил Грегор и сбежал вниз, надеясь, что этому болвану хватит ума остаться с Айлин, а еще лучше – немедленно найти Эванс.

В холле его ждал человек, которого Грегор точно не думал увидеть у себя дома. Не потому, что этого не могло случиться, а просто по обстоятельствам. Саграсс, опальный боевик, которого король подарил своему фавориту, словно дорогого охотничьего пса. Фавориту... Так Айлин права?! Что-то с Фареллом?!

Грегор одним взглядом окинул тяжело дышащего гостя, который шагнул к нему и потребовал... потребовал!

– Милорд Бастельеро, вы должны немедленно проследовать во дворец! С лордом Фареллом что-то случилось... Я подозреваю проклятие!

– Точнее, милорд, – сухо сказал Грегор. – Я полагал, работа в Службе Безопасности Ордена учит ясности мыслей или хотя бы речи. Что именно случилось? Симптомы?

Симптомы того, что могло случиться с Фареллом, всплыли перед глазами так ясно, словно Грегор не покидал своего кабинета, где уже в который раз бился над проклятием, шаг за шагом приближаясь к разгадке. Неужели не успел?! Как жаль... Он ведь обещал Айлин!

– Внезапная бледность, обморок и остановка сердца, – с тихой злостью сообщил Саграсс, явно сдерживаясь. – Примерно четверть часа назад. Лорд Фарелл был совершенно здоров по виду, он вышел из дворца, явно куда-то торопился, подошел ко мне, хотел что-то сказать,

побледнел и упал. Я кликнул караульных, и мы отнесли его к целителям. У него остановилось сердце!

– Тогда не понимаю, чем я могу помочь, – еще суше отозвался Грегор. – Вы же не думаете, что я нарушу божественные законы жизни и смерти? Или вам напомнить, чем карается возвращение души?

Он проглотил язвительную фразу, что вряд ли король устроит его на каторге с такими же удобствами. Саграсс и сам был бледен, напряжен и... в отчаянии! Боится, что смерть Фарелла отправит его на настоящую каторгу? Или умудрился привязаться к итлийцу? Да какая разница! Если Фарелл мертв, нужно немедленно успокоить Айлин! Она...

– Целители пытаются его спасти! – крикнул Саграсс, делая еще шаг с таким лицом, словно собирался ударить Грегора. – Но они не знают причину! Это не яд и не болезнь. Что еще это может быть, как не проклятие?! Бастельеро, вы должны помочь! Вы же мастер! Лучший!

«Именно поэтому я понимаю, что помочь Фареллу нельзя, – молча возразил ему Грегор. – Это проклятие останавливает сердце. Теоретически, если жертва вовремя попадет к очень хорошему целителю, сердце можно запустить снова. Проклятие срабатывает однажды, оно не станет останавливать сердце снова и снова... Но за время, необходимое для этого, душа успевает уйти в Сады. А это приговор! Во всяком случае, для некроманта, который захочет вернуть ее обратно... Четверть часа? Если у целителей получилось, если Фарелл откажет Провожатому, если у него есть какое-то незаконченное дело, способное удержать его душу здесь... Да, есть шанс! Такой крошечный, что его почти нету, но... Айлин! Она должна знать, что ее муж сделал все возможное...»

– Пресветлого ради! – выдохнул боевик, делая к нему еще один шаг, последний. – Да хоть проклиняйте меня потом! Только его спасите!

И, вцепившись в Грегора хваткой матерого пса, снова открыл портал.

Глава 31

Родно не выбирают

Душившая Аластора злость на дуру сестру почти улеглась по дороге, и поблагодарить за это следовало Алиенору и Беренику. Девочки то и дело выглядывали из окна кареты, Береника – робко, тут же прячась обратно, Алиенора – норовя высунуться как можно дальше – и на их личиках был написан такой восторг, словно их впервые в жизни взяли на ярмарку... Кстати, почему бы и в самом деле не показать им настоящую ярмарку? Конечно, не сейчас, да и откуда в Дорвенне приличная ярмарка? С балаганом и праздничным столбом, на самой верхушке которого заманчиво и вроде бы совсем недалеко от земли покачиваются призы? С горячим глинтвейном, который варят прямо там и сразу же разливают по кружкам? И даже с джунгарами, без которых не обходится ни одна ярмарка! Интересно, понравится ли девочкам дрессированный медведь, который имеется у каждого второго табора?

Мысли о том, как порадуются девочки такому приключению, были столь приятными, что Аластор почти успокоился, но стоило въехать во двор особняка Вальдеронов, как злость вернулась, еще сильнее, чем раньше. У самого каретного сарая стоял новенький, лаково блестящий изумрудной зеленью и серебром герба экипаж Райнгартенов! Мэнди или Лорри? Неважно! Очень кстати!

Аластор выскочил из кареты, не дожидаясь, пока лакей откроет дверцу, и подал руку немолодой фрейлине, которая сопровождала девочек и всю дорогу пыталась им внушить, что истинные леди так себя не ведут. Конечно, истинным леди неприлично высовываться из окна, болтать без умолку, ссориться за единственный апельсин, взятый в дорогу, спорить, кто будет кормить уток, и вообще вести себя как живые дети, а не картинки из учебника хороших манер. Но Аластор был так счастлив, что девчонки хоть немного отвлеклись от происходящего во дворце и оттаяли, что простил бы им даже более страшные с точки зрения этикета прегрешения.

Леди бросила на него испуганный взгляд, но руку приняла и с достоинством выплыла из кареты, не переставая причитать:

– Благодарю, ваше величество! Вы так любезны! Принцесса Алиенора, принцесса Береника, извольте...

Близняшкам Аластор подал сразу обе руки, и девочки, схватившись за них, ухитрились выпрыгнуть из кареты одновременно.

– Ваши высочества! – горестно воскликнула фрейлина, но девчонки тут же исправились, чинно присев в идеальных реверансах и слаженным дуэтом пропев:

– Спасибо, дорогой братец, ваше величество.

И с любопытством заозирались по сторонам, оглядывая каретный двор и уходящие за него конюшни, ведущую к саду и особняку дорожку, высокие деревья, посаженные три или четыре поколения Вальдеронов назад...

– Прошу в дом, миледи, – сказал Аластор, отгоняя жгучую злость на других близняшек, намного старше, но, кажется, гораздо глупее. – Мои матушка с батюшкой будут вам рады.

– Братец, а вы раньше жили здесь? – спросила Алиенора, с изяществом прирожденной кокетки беря его под руку. – До того, как приехали во дворец?

– И здесь тоже, – заставил он себя улыбнуться и подал вторую руку Беренике. – Но больше всего времени я проводил в усадьбе. Когда-нибудь мы и туда непременно съездим в гости, а сейчас...

– Ваше величество! – Месьор д'Альбрэ торопливо подошел к ним со стороны дома. – Ваши прекрасные высочества! Мадам...

Он с сочувствием посмотрел на Аластора и поклонился.

– Месьор! – обрадовался Аластор. – Позвольте вас попросить! Не могли бы вы показать моим сестрам и леди Розамунде сад?

– И уток... – тихонько подсказала Береника и тут же потупилась, будто испугавшись собственной дерзости.

– И уток на птичьем дворе, – немедленно добавил Аластор. – Я обещал, что сам отведу их покормить уток и покататься на качелях, но...

– Сочту за честь и удовольствие! – снова поклонился фраганец. – Если мадам и юные demuазели позволят их проводить, мы заглянем на кухню и возьмем хлеба. Утки очень любят хлеб. А потом я покажу вам дерево, на котором его величество любил сидеть с книгой...

– Сидеть с книгой на дереве?! – ахнула Алиенора и ринулась к фраганцу. – Пойдемте скорее, прошу вас! А можно нам тоже

попробовать? Береника, быстрее! Ну что ты там?..

Однако Береника, не отпуская руку Аластора, потянула ее на себя, поднялась на цыпочки и, дождавшись, пока Аластор наклонится к ней, шепнула ему в ухо:

– Спасибо, братец! Вы такой хороший! Самый лучший братец на свете!

И тут же, бросив его руку и заливаясь краской, отбежала к сестре.

У Аластора что-то защемило в груди. Понятно, что Малкольм не любил дочерей Беатрис, видя в них живое свидетельство своего позора. Но как же Криспин с Кристианом?! Девочки простодушно рассказывали, что старшие братья никогда не обращали на них ни малейшего внимания. Да, разумеется, с такой разницей в возрасте у детей мало общих интересов. Но есть же семейные праздники, да и просто можно заботиться о сестрах, даря им приятные мелочи, говоря комплименты, при встрече осведомляясь о их делах и успехах... Батюшка с матушкой всегда строго следили, чтобы Аластор и Мэнди с Лорри были как можно внимательнее друг к другу!

«Все равно не помогло, – мрачно подумал он, проводив принцесс, наставника и фрейлину взглядом. – Да простит меня Всеблагая Мать, но будь Мэнди и Лорри кобылами, я бы ни за что не пустил их в разведение! Красивая статья – это еще не все, любому существу нужно быть умным. И как Райнгартены не боятся испортить семейную породу?!»

Он стремительно прошагал к дому, взбежал на крыльцо и бросил дворецкому в холле:

– Их высочества с фрейлиной и месьором д'Альбрэ гуляют в саду. Накройте для них стол в беседке и принесите дамам теплые шали. Кто у нас в гостях?

– Миледи Лоррейн и миледи Амандина, милорд, – поклонился дворецкий. – Ваша матушка принимает их в малой гостиной.

Обе? Прекрасно! Беллиссимо, как говорит Лу!

Аластор напомнил себе, что с Мэнди нужно быть помягче, она уже доживает срок. И в этот раз ничем не провинилась. Однако послушать его разговор с Лоррейн ей будет очень полезно!

Не дожидаясь, пока слуги объявят о его приезде, он сам распахнул дверь гостиной и влетел внутрь. Здесь, как всегда, было уютно, пахло осенними цветами, стоящими в любимой вазе матушки, шамьетом и

свежей выпечкой. Матушка, одетая по-домашнему, нарядная Лоррейн и круглая, словно булочка, Мэнди в просторном бархатном платье сидели вокруг столика...

– Аластор, милый, присаживайся! – воскликнула матушка, протягивая обе руки, которые Аластор, подойдя, почтительно поцеловал. – О, дорогой мой, мне так жаль! Хорошо, что ты решил приехать! Мы с Себастьяном и твоими сестрами так переживаем... Садись, прошу! Я велю принести еще одну чашку и свежего шамьета...

– Это подождет, матушка, – сказал Аластор, выпрямляясь. – Я обязательно выпью с вами шамьета, но немного позже. Кстати, я привез Алиенору с Береникой, они в саду с месьюром д'Альбрэ. Им нужно было отвлечься.

– Бедные девочки, – вздохнула матушка, и Мэнди с Лорри усердно закивали, словно две разряженные фарфоровые куклы из Чины. – Конечно, они тоже переживают. Как себя чувствует твоя жена?

Аластор вспомнил еще одну кукольную красоту, увиденную сегодня, но не глупую, как у Амандины с Лоррейн, а страшную, с горьким оттенком то ли отчаяния, то ли безумия, и внутри него снова плеснуло яростью.

– Моя жена... – повторил он, поворачиваясь к сестрам, сидящим рядом. – О, матушка, это прекрасный вопрос. Но лучше задать его не мне, а нашей дорогой Лоррейн. Что скажешь, сестрица?

– Ее величеству уже лучше, – пискнула Лоррейн. – Я навещала ее сегодня утром и...

– Вот именно! – Аластор оскалился, чувствуя, как в груди клокочет самое настоящее рычание. – Ты была так любезна, что кинулась навестить ее даже раньше меня, ее мужа. И всем сердцем ей посочувствовала, верно?! А теперь, полагаю, ты приехала сообщить нашим родителям новости? Не смущайся, я и сам охотно их послушаю!

– Мальчик мой? – с испуганным беспокойством взглянула на него матушка. – Случилось что-то еще?

– О да! – согласился Аластор, не сводя взгляда с Лоррейн, которая явно почувствовала себя неуютно и даже открыла рот, но Аластор безжалостно ее перебил: – Оказывается, я собираюсь развестись с супругой, только что потерявшей нашего ребенка, а потом отослать ее

в Итлию вместе с дочерьми. И жениться снова на леди Бастельеро, которая, вообразите, матушка, носит дитя от меня, а вовсе не от собственного мужа! Не слишком понимаю, куда в этом случае денется сам лорд Бастельеро – возможно, я планирую все-таки его казнить. Или он благородно покончит с собой? Что скажешь, сестрица?

– Лоррейн сказала тебе все это? – тихо спросила матушка, и Аластор покачал головой, в упор глядя на бледную Лоррейн и Мэнди, приоткрывшую рот.

– Она сказала все это Беатрис! А потом и всему двору! Я... узнал обо всем от девочек. Алиенора и Береника были просто в ужасе! Во имя всех Благих, Лоррейн, ты же никогда не была злой или подлой, как тебе только пришло в голову наговорить таких мерзостей Беа?!

– Я... – снова пискнула сестрица, кашлянула и повторила: – Я должна была открыть ее величеству глаза! Ты ничего не понимаешь, а маменька говорила, что порядочные женщины не рушат чужие семьи! А эта мерзавка специально приехала, чтобы ты...

Звонкая оплеуха оборвала ее слова. Глаза Лоррейн потрясенно округлились, налились слезами, и сестра прижала дрожащую руку к мгновенно покрасневшей щеке. А матушка снова опустилась в кресло, из которого привстала.

– Матушка... вы... меня ударили... – выдохнула Лоррейн неверяще.

Аластор и сам не поверил бы! И матушка, и отец могли быть строги, но никогда не поднимали руку ни на него, ни тем более на девочек. И вдруг! Впрочем, Лоррейн еще как это заслужила!

– Ударила, – сухо подтвердила матушка. – И очень жалею, что никогда не делала этого раньше. Это не прибавило бы тебе ума, но, возможно, научило бы держать язык за зубами. Леди Бастельеро несколько раз спасала жизнь твоего брата! Наша семья обязана ей стольким, что жизни не хватит, чтобы вернуть этот долг! А ты смеешь говорить о ней подобные мерзости?

– Спасала?... – пробормотала Лоррейн, переводя наполненный ужасом взгляд с матушки на Аластора, на Мэнди и снова на матушку... – Но я... мы... нам никто не говорил! Матушка?..

– За что, по-твоему, леди Бастельеро наградили Орденом Льва? – тихо спросила матушка, и Лоррейн заморгала, став поразительно

похожей на рыбу в яркой оранжевой чешуе, а потом дрожащим голосом промолвила:

– За то, что она поехала... потому что палатка... и они вместе... я же не знала! Все говорили, что они... в палатке...

– Все говорили... – эхом отозвалась Мэнди и тут же под взглядом Аластора испуганно зажала себе рот рукой.

– За то, что поехала... – повторил Аластор, закрыл глаза и тщательно, проговаривая каждое слово, досчитал до двенадцати, как советовал Дункан. Болезненные удары крови в висках не прекратились, но разум перестал тонуть в горячей алой бездне. – Я запрещаю тебе появляться при дворе. Слышишь, Лоррейн? С этой минуты ты там не появишься.

– Но это... опала? – пробормотала сестрица, побледнев так, словно вот-вот упадет в обморок.

– Надо же, тебе хватило ума это сообразить! – зло воскликнул Аластор.

– Ты не можешь не пускать Лорри ко двору! – взвизгнула Мэнди, очень не вовремя убрав руку ото рта. – Она хотела как лучше! Мы же сестры короля, как мы можем быть в опале?! Матушка, скажите ему!

Матушка медленно покачала головой, словно изумляясь этой невозможной тупости, и Аластор повернулся ко второй сестре.

– Вы – сестры короля, – повторил он. – И вы решили, что это ваша заслуга? Мэнди, сестрица моя любезная, ты помнишь, как тоже распустила язык перед королевой? Как раз в тот день, когда мы отправились к Разлому... Тебе не говорили, к чему это привело? Это из-за тебя лорд Бастельеро послал нам вслед отряд солдат. Из-за тебя был ранен месьор д'Альбрэ, а мог и погибнуть. Из-за тебя мы с Айлин лишились сопровождения, которое могло спасти ее репутацию. Да что там репутация, мы лишились вообще всего, кроме лошадей! У нас даже паршивого котелка не было, пока Лучано нас не догнал! Если бы не он, мы с Айлин месяц ночевали бы под открытым небом! Если вообще смогли бы доехать до портала через метели, демонов и людей канцлера. И все потому, что ты доложила королеве о том, о чем тебя просили молчать!

– Аластор, я...

Она опять прижала ладонь ко рту, и Аластор невероятным усилием заставил себя говорить тише.

– Я не желаю видеть при дворе вас обеих, – сказал он устало. – Ваших мужей опала не касается, так им и передайте. Но вам будет полезнее посидеть дома, пока хоть немного не поумнеете. Просите Всеблагую, чтобы добавила вам разума, и не вздумайте надоедать матушке просьбами заступиться. Узнаю – и ко двору вы больше не вернетесь вообще, слово короля!

– Это и моя вина тоже, – негромко сказала матушка и тяжело вздохнула. – Я слишком берегла их. Старалась воспитывать, как положено воспитывать леди, ограждая от всего страшного, неприятного и неприличного. Но это было ошибкой. Мне следовало научить их, что жизнь бывает подлой и несправедливой, что репутация – это не главное, что следует знать о человеке, и что глупость может стоить жизни, своей или чужой. Аластор, мальчик мой, прости. Я... тоже виновата. Если бы Амандина и Лоррейн больше знали о ваших целях и о том походе, возможно, они...

Ее голос прервался, и она снова сокрушенно покачала головой.

– Братец, простите нас... – прошептала Мэнди, глядя на него огромными глазами. – Я... не смогу сказать мужу, что навлекла на себя опалу... Я так старалась быть хорошей женой! Он же... вдруг он разлюбит меня?..

Аластор хотел сказать, что хорошей жене вовсе не обязательно появляться при дворе, и лорд Райнгартен наверняка это понимает. Но дыхание вдруг перехватило, он встал, покачнулся и толкнул столик, который жалобно зазвенел.

– Аластор?! – В голосе матушки слышалась тревога. – Что случилось?

Он помотал головой, пытаясь прийти в себя. Случилось... Что-то определенно случилось! С Айлин или с Лу – вот в чем вопрос! Неужели Лучано все-таки погиб? Или умирает прямо сейчас... Неужели его мастер не уберег Лу?! Или это Айлин плохо? Она недавно едва не потеряла ребенка, она может снова... А это опасно для женщины! Кто же из них... Главное – чем помочь?!

– Матушка, присмотрите за девочками... – с трудом вымолвил он, как нарочно слыша за окном в саду звонкие детские голоса. – Я пришлю... за ними...

– Конечно, дорогой мой! Боги, ты белый, как снег! Аластор! Целителя!

«Не надо целителя», – хотел сказать Аластор, но трудно было даже дышать, не то что говорить.

Рванувшись к выходу из гостиной, он едва не врезался в стену, потом все-таки попал в дверь, выбежал в холл, а затем на крыльцо.

– Ваше величество?!

Один из шестерки гвардейцев, сопровождавших карету, оказался рядом, заглянул в лицо, ахнул.

– Коня, – едва ворочая языком, приказал Аластор.

Удушье отступило, сердце тоже перестало колоть, но навалилась острая ледяная тоска, рвущая его изнутри. Плохо, как все плохо, и хорошо уже не будет. Никогда не будет! Прямо сейчас он теряет часть своей души, и если это случится, шрам не заживет, он будет болеть вечно, потому что душа не может жить разорванной на части!

– Ваше величество, вам нельзя ехать! Извольте в карету! – взмолился гвардеец, отступая на шаг.

Умом Аластор понимал, что тот прав, но карета не сравнится с верховым!

– Коня! – приказал он и добавил, скрипнув зубами: – Не с-с-меть перечить королю! Быс-с-стро!

Ну почему он не взял с собой Огонька?! Хоть бы в поводу приказал за каретой вести, когда ехали сюда... Почему до конюшен так далеко, а вокруг никто ничего не понимает...

Отмахнувшись от кого-то, он рванулся в сторону конюшен. Едва не сбил конюха, и – о счастье! – один из отцовских жеребцов оказался оседлан! Рядом кто-то просил, умолял, чуть ли не пытался встать между ним и конем, но Аластор сделал шаг, второй – и помеха отлетела в сторону, а третьим шагом он взлетел в седло.

– Ваше величество! – послышался отчаянный крик позади, когда Аластор, пригнувшись, вылетел из конюшенного двора. – Догоняйте, болваны!

Дробно простучали копыта, гнедой под Аластором вытянулся в струнку, собрался снова в комок – и перемахнул ограду, вдвое сократив путь к воротам.

– Давай, Рассвет! – крикнул Аластор, вспомнив, как зовут жеребца. – Давай, хороший мой!

Перед воротами на улицу жеребец встал на дыбы, привратник кинулся отворять тяжелую створку. Едва та отошла, Аластор пустил

коня в широкую щель, едва не ободрав ноги. Снова пригнулся, давая шенкелей, и жеребец, возмущенно взвизгнув, рванул по улице. Копыта снова застучали наперегонки с сердцем. Навалилась слабость, Аластор, ругнувшись, одной рукой вцепился в поводья, другой – в лошадиную гриву.

Позади послышался стук еще нескольких копыт, не четырех, а побольше – стучало вразнобой. Рядом вдруг оказались двое гвардейцев. Лица напряжены, рты распялены в оскале – то ли что-то кричат, то ли просто дышат, ловя воздух. Аластора опять мотнуло, но не родился еще тот Вальдерон, что живым вылетит из седла, напомнил он себе.

– Держитесь, ваше величество! – рявкнул один из гвардейцев, и две крепкие руки протянулись к плечам Аластора, не давая ему упасть, даже съехать набок. Кони всхрапнули, как один, и пошли рядом так ровно, словно тело у них было одно на троих, только дюжина ног мелькала, отбивая подковами безумный танец.

– Во двор-рец, – прохрипел Аластор, вдруг поняв, куда именно ему надо.

– Так точно, ваше величество! – донеслось то ли слева, то ли справа и тут же улетело с ветром, который безумно хлестал в лицо. – Не извольте... сомневаться...

«Титул обоим, – подумал Аластор, мотаясь в седле, как смертельно пьяный, потому что тело вдруг перестало слушаться. – А, они и так дворяне! Гвардия... Значит, чин и награду. Только бы успеть! Куда?! Зачем?! Не знаю... Но надо!»

Улицы летели мимо, какие-то люди успевали отскакивать из-под копыт, но если бы нет – Аластор не остановился бы, просто не смог. Только частью затуманенного сознания отметил, что еще двое каким-то чудом вырвались вперед и теперь неслись, подхлестывая коней и разгоняя криками прохожих и повозки. Надо же, кони лучше отцовского! Или просто всадников самих пришпоривает страх, что король сломает шею...

Так Лучано или Айлин?! Тянет его во дворец, но если беда с Лучано, то почему в Дорвенанте? Если с Айлин, то почему во дворце?! Аластор отчаянно пытался уловить хоть что-нибудь, понять, но ледяная серая тоска застилала взор, и хотелось плакать, рыдать и кричать в голос, бить кулаками о стену или биться о нее самому...

Дворцовые стены выросли впереди так медленно, что Аластор побежал бы впереди коня, если бы мог. Гнедой Рассвет под ним уже храпел, но хода не сбавлял, удила покрылись пеной, а копыта стучали так же ровно и чисто. Аластор молча взмолился, сам не зная кому, жеребец проскочил через караулку в поспешно открытые ворота, птицей влетел на дворцовую аллею. Двое, скакавшие рядом, едва успели расступиться, чтобы всем вместе не столкнуться в этих воротах. Еще двое, что мчались впереди, подали коней в стороны, и Аластор осадил жеребца у парадного дворцового крыльца. Спрыгнул с него, крикнул неизвестно кому:

– Выводить хорошенько, не смейте поить!

И кинулся по широким ступеням вверх, с омерзением понимая, каким медленным и непослушным кажется собственное тело. Верхом он был с конем одним целым...

Вот и дверь. Огромная дубовая дверь, открыта всего одна створка, как и положено для всех, а вторую для него – короля – распахнуть не успели. Аластор вломился в холл, как его предок – в захваченную крепость. И снова люди разбежались от него, но кто-то все же оказался рядом и выдохнул в самое ухо, схватив за плечо:

– Ваше величество! Не извольте беспокоиться! Лорд Фарелл уже у целителей! Лорда Бастельеро вызвали, он тоже там. Не извольте беспокоиться, ваше величество!..

Он говорил что-то еще, но Аластор, как ни пытался вслушаться, не мог. Слова уплывали, ускользали от него, стерты вернувшейся ледяной тоской. Аластор закрыл глаза, потянулся куда-то и заорал изо всех сил, понимая, что из горла не вылетает ни одного звука, но крик его при этом слышен невыносимо далеко. Невозможно далеко для обычного человека:

– Фарелли! Лучано! Не смей умирать, Паскуда! Я тебя не отпускаю, слышишь?! Лу, ты мне клялся! Ты не можешь уйти! Не смей!

– Лу, милый! – зачастил рядом знакомый голос. Аластор не видел Айлин, но откуда-то знал, что она стоит, опираясь на комод в собственной комнате, закусив губу от старания дозваться, пробиться через эту же густую серую пелену. – Не уходи, пожалуйста! Держись, ты ведь можешь! Ты справишься, Лу! Не уходи! Ты нам нужен, слышишь? Держись! Иди назад, Фортунато! Возвращайся, Лу!

— Возвращайся! — крикнули они вдвоем, и что-то дрогнуло в непроглядной серой мгле, изменилось, соединило их троих, и Аластор вцепился в это ощущение, как вцепился когда-то в самого Лучано, выволакивая из реки.

Упрямо, понимая, что лучше сдохнет сам, чем отпустит. Через боль и слабость, через всю эту непонятную тоску, Баргот ее дери, да плевать на нее! От тоски не помирают, а Паскуду он вытащит и сам прибьет за такие фокусы! За то, что напугал их с Айлин. Точно прибьет! А потом заставит жить еще много-много лет, чтобы не думал бросить их, свалить в одиночку, разбить целое, которым они стали... Баргота ему под одеяло, а не Сады! Подождет Претемнейшая, все у нее будем, но только не сегодня, только не Лу!..

Глава 32

Полынь, лаванда и кот

...Странная серая тропа стелилась ему под ноги с такой готовностью, словно упрашивала – ну иди же! Скорее! Тебе туда, в непроглядную даль, что прячется за глыбами плотного тумана. Они закрывают тропу с обеих сторон, не давая разглядеть ничего вокруг, но тропа приведет куда нужно, ты только сделай по ней шаг!

Лучано шагнул, замороженно глядя, как под ногами серая мгла, не похожая ни на камень, ни на золу, ни на сухую землю, вспыхивает серебром. Словно подтверждает, что он все делает верно. А теперь еще шаг! И еще! Умница...

«Идиотто! – вспыхнуло в мыслях, разом оттеснив блаженное теплое чувство, что уж теперь-то все будет хорошо, все правильно будет... – Какое хорошо и правильно?! Ты же умер!»

– Эй... – попытался сказать Лучано, растерянно оглядываясь по сторонам и понимая, что не может отличить верх от низа, а левую сторону от правой.

Нет, под ногами вроде бы утоптанная земля, а над головой – низкое небо, мглистое, затянутое тучами, через которые не пробьется ни один луч. И правую руку с левой он не перепутает, уж настолько смерть ему соображение не отбила. Но все это какое-то непонятное, ненастоящее. Так и кажется, что если перевернуться и встать на руки, чтобы небо оказалось под ногами, то ровным счетом ничего не изменится. А право или лево – какая разница, если по сторонам никого не видно и не слышно?

– Ну и тоска... Эй, кто-нибудь?!

Тот же голос рассудка, что напомнил о случившемся, вкрадчиво поинтересовался, а зачем, ему, собственно, этот «кто-нибудь» нужен? Вроде бы как раз наоборот! Конечно, если ты умер, тебя должен встретить Провожатый и отвести в Сады Претемной, но...

– Но мне туда не надо, – пробормотал Лучано, снова пытаясь оглядеться. – А куда надо? Вот незадача...

А надо ему найти Айлин! Только как это сделать?!

Пытаясь собраться с мыслями, он оглядел себя и даже ущипнул пальцами правой руки кожу на левой. Получилось, но тоже как-то странно – ни боли, ни прочих ощущений, да и пальцы, кажется, частично прошли через плоть. Потянулся за шпильками – и обнаружил, что они на месте, крепко держатся в волосах, но... не вынимаются, будто слились в одно целое с его головой.

– Я умер... – повторил сам себе Лучано, удивляясь, что не испытывает ни страха, ни отчаяния, только легкую неприятную досаду. Мысли, ощущения, чувства – все это казалось приглушенным, как во сне. – Что ж, я ведь знал, что так и будет, м? Жалко, что рано, столько не успел. И мастер – как он без меня? Айлин с Альсом, Лионель и Фелиппе, моя служба... Дом построить не успел, а еще подарки в комнате – кому они теперь достанутся? А Перлюрен решит, что я его бросил... Ох, какие глупости в голову лезут!

Он встряхнул головой, будто пытаясь избавиться от этих самых глупостей, и волосы не разлетелись, как всегда, пушистыми прядями, а остались неподвижными... Мелочь, но от нее Лучано впервые стало страшно. Вот это и есть смерть?! Когда ты больше никогда не изменишься, что бы ни делал? И уже не будет ни любви, ни ненависти? Он помнил, что любит Айлин и Аластора, что ненавидит королеву и опасается грандмастера Тино, однако все это было таким... неважным.

– Ну уж нет! – громко сказал Лучано, чтобы услышать собственный голос, но туман вокруг и это украл, приглушив звук. – Я – это все еще я! Живой или мертвый, но я знаю, чего хочу! Э-э-эй! Господа Провожатые! Или кто-нибудь еще! Я здесь! Идти с вами я не собираюсь, но можно вам пару вопросов задать, благородные синьоры?

Почему он обратился к Провожатым именно так, Лучано сам не знал, но вежливость еще никому никогда не повредила, м? Вот наоборот – сколько угодно.

Серая мгла вокруг отозвалась безмолвием, таким плотным, что если бы Лучано мог испугаться, непременно это сделал бы. Что, если он так и застрянет в этой туманной невидали на целую вечность? Пожалуй, времени здесь нет так же, как всего остального, зато с ума сойти можно запросто!

– Ладно... – проговорил он упрямо. – Если никто не хочет меня встретить, сам этим займусь. Но куда идти? Если впереди – Сады Претемнейшей, то не попробовать ли вернуться? Со всем почтением к моей Госпоже, вдруг получится?

Он оглянулся, но плотный туман сомкнулся стеной, ясно показывая, что дороги назад нет.

– Ясно... – вздохнул Лучано. Точнее, попытался, но обнаружил, что дышать не получается.

Просто нет необходимости, и даже непонятно, как раньше он это делал. И этот пустяк, который уже ни на что не влиял, оказался почему-то последней каплей.

– Ну, ладно же, – процедил Лучано и решительно зашагал по единственному пути, который ему остался, то есть вперед.

Словно обрадовавшись его решению, тропа вспыхнула сильнее, будто каждый шаг выбивал из нее тысячи крошечных серебряных искр. Удивительно красиво и пугающе тревожно... Поворот, еще один... Новые и новые глыбы тумана вокруг, а может, и старые, потому что в какой-то момент ему показалось, что тропа петляет, возвращается, кружит на месте. И никаких ориентиров! Отметина, которую он попытался сделать на сверкающем серебре тропы, тут же затянулась, перстень, который Лучано хотел бросить на тропу, слился с пальцем воедино, с волос не удалось сдернуть шнурок, а с пояса – снять пряжку.

Шаг, еще один, следующий...

Сколько он их уже сделал – непонятно. Крики вязнут в глухой серой мгле, время даже по дыханию не определить, а начав считать вслух, он тут же сбился. Хуже того – осознал, что не понимает, зачем считать. Кстати, а куда ему нужно? Он хотел кого-то увидеть... Кого? Почему?

«Айлин! – отчаянно напомнил себе Лучано. – Я должен ее найти. Рассказать, что ей угрожает опасность, попросить передать Альсу, что я любил их обоих... Я должен! Проклятая серая мгла! Память в ней теряется, мысли путаются... Подлость какая! Еще немного – и что от меня останется? Вечно блуждающая здесь тень?! Не хочу! Должен быть какой-то выход! Не хочу забыть, кто я, куда иду и зачем, кем был когда-то... Не хочу себя потерять!»

Злость и страх смешались воедино, слабые, всего лишь тень прежних чувств, но Лучано обрадовался даже им. Они заставляли его помнить, что такое быть человеком. Держаться за ненависть оказалось так же сложно, как за любовь, но все-таки можно... Беатрис – он ее ненавидел и не собирался этого забывать. Как и мастера Алессандро, Баргот его побери. А на другой чаше весов с трудом, но все-таки всплывали родные и любимые лица: Ларци, Айлин и Аластор... Фелипе и Лионель Саграсс, грандсиньор Дункан и Лоренцо Стиллет... Будто круги, расходящиеся по воде, но состоящие из голосов, запахов, прикосновений... Кстати, здесь и запахов нет – отвратительно!

Подняв руку, он попытался щелкнуть пальцами – не получилось. Не вышло ни плюнуть на тропу, ни вырвать у себя волосок... Сон! Тяжелый вязкий сон, в который проваливаешься все глубже, вот на что это было похоже. И тогда, испугавшись наконец всерьез, черпая силы в этом диком ужасе, что еще немного – и серая мгла поглотит его полностью, Лучано побежал.

Нелепо, отчаянно, утопая в серой блестящей пыли, которая стала вдруг вязкой, но упрямо выдирая ноги и думая только об одном – найти что-то, за что можно зацепиться. Что угодно! Если это дорога в Претемные Сады, здесь должны быть Провожатые! В мире людей каждое мгновение столько смертей – куда деваются все эти души? А если это Бездна, где демоны?! Да хоть Баргот пусть на пути попадет, лишь бы случилось уже хоть что-нибудь! Лишь бы прервался бесконечный бег, от которого не сбивается дыхание и не болит тело, потому что нечему сбиваться и болеть!

И тут за очередным поворотом на него повеяло таким знакомым, что Лучано едва не всхлипнул от счастья. Запах! Непроглядные глыбы тумана были все такими же непроглядными, но в отвратительной пустоте без красок, прикосновений и звуков до него донесся запах! Аромат самой обычной полыни, да будет она благословенна во веки веков!

Лучано изо всех сил рванул вперед. Закрыв глаза, будто это могло помочь, и толкнул себя, как во сне, когда шаги тем быстрее, чем сильнее ты хочешь достичь цели и веришь в то, что можешь это сделать. Только бы не потерять и не потеряться... Божественная полынь! А еще – отголоски запаха горячей земли... Самой обычной земли и трав, словно рядом залитое летним солнцем поле... Не

удержавшись, Лучано открыл глаза. Туман вроде бы стал реже. И не таким серым, будто через него проглянули солнечные лучи.

– Айлин! – крикнул Лучано. – Аластор! Я помню!

Помню, слышите?! Э-э-эй!

Голос терялся, плыл глухим тусклым звуком, но солнце светило все сильнее, а к запаху полыни и разнотравья добавился явственный аромат лаванды. Лаванда! Настоящая лаванда, точно! Ну, если в этом вашем Запределье есть лаванда, итлиец тут не пропадет!

Очередную глыбу тумана он огибал так торопливо, что вцепился в нее руками, стремясь побыстрее оказаться на шаг дальше. И поразился – ощущения вернулись! Туман оказался теплым и слегка влажным, плотным, как тесто, а дальше за ним... Там была пустота. Простор! Чистое синее небо, и столько солнечного света, что его хотелось пить, купаться в нем, захлебываться им! И проклятая серебряная тропа исчезла, а под ноги Лучано бросилась утоптанная земля, обычная сухая земля, закаменевшая от жара, покрытая выгоревшей на солнце травой. Тоже настоящей, путающейся в ногах, дурманно пахнушей... О-о-ох!

– Осторожнее, мальчик, – хмыкнул кто-то, в кого он врезался с разбегу.

– Мои извине...

Не договорив, Лучано запнулся. Неизвестный, с которым он столкнулся, стоял так близко, что носом Лучано почти уткнулся в его белую полотняную рубашку между плечом и основанием шеи. Нет, почему почти?! В это определенно стоило уткнуться по-настоящему!

– Дубовый мох... – замороженно прошептал Лучано, наконец-то вдыхая полной грудью такое богатство запахов, словно был умирающим с голоду, которого позвали на роскошный пир. – Дягиль... синий тысячелистник... Ладан... Мирра... шалфей... сандал и пачули... гальбанум... и еще что-то... не пойму никак...

– Ну, это меня не удивляет, – хмыкнул неизвестный синьор, терпеливо ожидая, пока Лучано придет в себя. – Удивительно, скорее, другое...

– Еще мгновение! – взмолился Лучано, бесцеремонно положив ему ладони на плечи, приняхиваясь жадно, блаженно, восторженно и бормоча через вдохи. – Пару мгновений, синьор, умоляю! Кто вам делал духи? Это же... грандиозо... мм-м-м... Да, мирт, определенно!

Иссоп, аир... полынь... персиковая? Или горькая? Или их смесь? Да, точно, смесь! Но это же не все, м? Да постойте вы еще немного, синьор, жалко вам, что ли?!

– Мне? Жалко? О, не думаю, – снова усмехнулся неизвестный где-то поверх его головы. – А ты забавный, мальчик. Откуда ты здесь?

– Не знаю, – признался Лучано, с трудом отрываясь носом от рубашки и разогретой солнцем кожи под ней. – Я просто шел... шел... И сам очень хотел бы узнать, здесь – это где? И... о, синьор, простите, но все-таки – кто ваш парфюмер?! Кто делал эту дивную... невозможную... чудесную прелесть?! Я должен увидеть этого грандмастера! Этого виртуоза! Не сейчас, потом, но... Мне обязательно надо!

– Ну, считай, что далеко тебе идти не придется, – вздохнул незнакомец, вежливо, но решительно снимая его ладони со своих плеч и отступая на шаг. – Любопытно... Очень любопытно!

– Это вы, да? – замороженно прошептал Лучано, глядя в бездонную чистую зелень глаз. Радужка цвета весенней листвы переливалась ярче изумруда, и, ошеломленный этим сиянием, он не сразу разглядел остальное. Узкие губы с приподнятыми вверх уголками, словно незнакомец постоянно улыбался, зачесанные назад и собранные в хвост прямые светлые волосы, тонкий породистый нос, высокие скулы и бледную тонкую кожу. Надо же, явный северянин, а так чисто говорит по-итлийски! И глаза в точности как у Айлин... – Вы их делали?

– Я... – Незнакомец чуть приподнял брови в удивлении, словно рассчитывал услышать что-то другое, и негромко рассмеялся. – Да, мальчик, эти духи сделал я. Это все, что тебя интересует?

– Не все, – честно признался Лучано. – Еще рецепт. Мне нужен их рецепт. О, грандсиньор, я понимаю! Мне нечего предложить, но если вам когда-нибудь понадобится услуга... или помощь...

Он осекся, вдруг вспомнив, где оказался. И почему. И что до сих пор не выполнил обещание, важнее которого ничего не может быть.

Незнакомец глядел на него уверенно, насмешливо и лукаво, вокруг звенела на ветру сухая трава, одуряюще пахла целая корзина лаванды немного в стороне, и Лучано мельком поразился, как смог различить в его духах столько компонентов, не потерявшись в тяжелом смолистом лавандовом мареве.

– Мне нужно вернуться к людям, – сказал он отчаянно дрогнувшим голосом. – Умоляю, синьор, подскажите мне дорогу! Я должен найти одну синьорину и кое-что сказать ей. А потом я обязательно разыщу вас опять, все равно никуда не денусь, м? Не знаю, как тут все устроено, и куда меня отправят, но если вдруг вам нужен подмастерье...

– Подмастерье? Мне?

Пару мгновений незнакомец глядел на Лучано, а потом звонко расхохотался. Где-то далеко, за горизонтом, скрытым в серо-голубых тучах, ворчливо отозвался гром, и Лучано смутно удивился.

Садами Претемной Госпожи это все никак не могло быть. Где, собственно, сами сады? Где бесконечные кущи дивных деревьев, на которых одновременно распускаются цветы и висят спелые плоды, оттягивая ветви? Где праведные души, которые чинно гуляют между ними, рассказывая друг другу свою жизнь?

Однако на Бездну цветущие поляны вокруг тоже не были похожи. Скорее уж на окрестности Вероккьи, где Лучано и сам собирал пару раз дикую лаванду. Да у него даже корзина была именно такая! И если уж на то пошло, кто этот незнакомец в простой полотняной одежде, похожий на лекаря или сборщика душистых трав? Откуда ему взяться в Запределье?

– Нет, мальчик, прости, но подмастерье мне пока не нужен, – отсмеявшись, сообщил незнакомец, все еще растягивая тонкие губы в лукавой обаятельной улыбке. – На твое счастье, не сомневайся. Да и вообще, разве тебе не пора? Таким, как ты, здесь делать нечего, – почти повторил он мысли Лучано, перевернув их на свой лад. – Разве тебя не зовут?

– Зовут? – глупо переспросил Лучано, окончательно теряя понимание, что с ним происходит. – Кто?

– Ну как же... – Незнакомец мягко развернул его за плечи от себя и шепнул на ухо: – Слушай, мальчик. Слушай не ушами, а сердцем. Ты можешь, я знаю. Иначе тебя здесь не было бы. Но раз уж сумел добраться, то и вернуться сможешь, просто иди на голоса.

Голоса? Лучано изо всех сил попытался прислушаться, и в нем что-то болезненно дрогнуло, а потом зажглась безумная надежда. Голоса! И вправду!

– Лучано! Не смей умирать, паскуда! Я тебя не отпускаю, слышишь? Ты мне клялся! – доносилось издалека.

И рядом с голосом Альса, отчаянно требовательным, но все-таки обычным, человеческим, звенел голос Айлин, источая безусловную власть, которой – Лучано ощущал это всем своим существом! – нельзя было не подчиниться:

– Лу, милый! Ты справишься... Не уходи! Ты нам нужен, слышишь? Иди назад, Фортунато!

– Альс... – выдохнул Лучано одними губами, не в силах сдвинуться с места, боясь поверить. – Айлин... Я хочу к ним! Домой!

– Хочешь – иди, – пожал плечами, судя по движению рук, незнакомец. – Запределье не дает бессмысленных надежд. Если ты их слышишь, значит, они держат твою душу на привязи. Советую поторопиться, здесь нет времени, но там-то оно есть.

– Вернуться? – со священным ужасом переспросил Лучано, почему-то замерев в этих горячих ладонях, которые не удерживали его, но странным образом сбросить их небрежную тяжесть тоже не получалось. – Но как?! Да, я не дошел до Садов Претемнейшей, но... я же все равно умер! Разве так можно?!

Он вдохнул запах незнакомца, к которому стоял, прижавшись спиной, и почувствовал, что тот стал иным. Все компоненты были прежними, и краешком сознания Лучано торопливо запоминал их, словно прекрасную поэму, которая звучит прямо сейчас и не повторится больше никогда. Изменилось что-то в самом результате их слияния, теперь аромат обволакивал плотным облаком, пах грозовой тучей, пожаром, жирной черной землей, кровью на прелых листьях, сталью и ядом, усмешкой сквозь гримасу боли, ненавистью и отчаянием... И страхом, только Лучано не понял, чужим или его собственным, когда он сообразил...

– Нельзя, – весело согласился тот, чье имя Лучано боялся произнести даже про себя. – Конечно, нельзя, мальчик мой. Поэтому как хорошо, что я – бог нарушения правил.

И толкнул его в спину вроде бы небрежно, но от этого тычка Лучано полетел, выставив руки вперед, по намертво вбитой привычке пытаюсь правильно сжаться в мягкий упругий ком. И не долетел! Не врезался в жесткую землю, а провалился куда-то сквозь нее, упал в бездонное, темное, бесконечно глубокое подобие колодца, вопя от

ужаса и восторга... И выгнулся в чьих-то руках, тут же обмякнув и упав спиной на твердую кушетку.

– Дышит! – завопил у него над головой кто-то с не меньшим восторгом. – Дедушка, он дышит!

«Дышу, – молча согласился Лучано, с упоением хватая ртом самый вкусный воздух на свете – прохладный, пахнувший лекарствами и жизнью. – И правда – дышу! Семеро, благословите... Баргота?..»

Глупый нервный смешок вырвался из груди сам собой, Лучано тут же закашлялся, но упрямо втянул воздух снова, наслаждаясь возможностью это сделать. Боги, кем бы вы ни были, хорошо-то как!

– Очнулся? – Заслонив нежно-зеленый потолок, над ним склонилось лицо, от неожиданности показавшееся огромным, но Лучано проморгался и узнал старого знакомого. – Вот и прекрасно! Послушайте, милорд, неужели вам так понравилось у меня в пациентах, что вы решили продолжить? Нет уж, молчите! Рта не извольте открывать, разве что хотите сказать, что с вами случилось!

Нахмурившись, грандсиньор Бренанн положил ему руку на грудь и прислушался. Лучано замер, настолько прикосновение тяжелой горячей лапицы к обнаженной коже под распахнутой рубашкой было похоже на другое касание, недавнее. Но было ли оно, то другое? Или это всего лишь бред?

– Что случилось? – прошептал он, удивляясь, как слабо звучит голос.

– Остановка сердца с вами случилась, – сварливо отозвался Бренанн. – Везунчик вы, милорд! Ухитрились помереть прямо рядом с лазаретом, полным лучших целителей Дорвенанта. И я сейчас не о себе, а вот об этом мальчишке, что вас с того света вытащил!

– Милорд дедушка! – возмутился стоящий рядом с ним юноша в нарядном придворном камзоле, но с закатанными по локоть рукавами.

Не выдай он себя этим обращением, Лучано все равно не усомнился бы в их родстве. Парень был точной копией грандсиньора Бренанна, только на голову выше, в два раза тоньше и лет на сорок моложе. И все равно – невероятно похож. Не только чертами решительного веснушчатого лица, но и цепким взглядом, который тут же устремил на Лучано, быстро спросив:

– Что вы помните, милорд? Знаете, почему с вами это случилось?

«Еще бы не знать, – усмехнулся про себя Лучано. – Проклятая гадюка! Но это получается, что они... что я... Проклятие сработало, но я выжил?!»

– Я... жив... – просипел он, переводя взгляд с одного на другого, и увидел, что Бреннан неуловимо помрачнел, да и внук его как-то не особо радостен. – Что... случилось?

– Вот именно, милорд, вы живы, – сдержанно уронил старый целитель. – И это пока главное. А остальное... О, милорд Архимаг! Вы... очень вовремя. Очень.

Лучано повернул голову к стремительно вошедшему Грегору Бастельеро, и внутри тревожно екнула мысль, что просто выжить – мало. Надо еще, чтобы это не сочли непростительным преступлением.

* * *

Перемещения порталом прямо во дворец невозможны, Грегор не успел об этом напомнить, но Саграсс верно задал координаты, так что переход открылся возле дворцовой караулки. Под удивленными взглядами гвардейцев боевик тут же отпустил Грегора и, тяжело дыша, кивком указал на дворец, просипев:

– Лазарет, милорд...

Не ответив, Грегор раздраженно пошел в указанном направлении, оставив позади бледного и покачивающегося Саграсса. Да, боевики не слишком хороши с порталами, а Саграсс, получается, построил их то ли три, то ли четыре один за другим. Последний – еще и на двоих! Изумительный резерв, жалко, что служба безопасности потеряла такого сильного мага.

Он стремительно прошагал до самого лазарета, и редкие придворные торопливо уступали дорогу, перешептывались за спиной, но окликнуть его никто не посмел. Тем лучше для них, Грегору точно было не до светских разговоров. Ах, как же нехорошо вышло! Он обещал Айлин, и теперь это обещание – свадебный подарок! – останется неисполненным. И Айлин расстроится, она, кажется, искренне привязалась к этому итлийцу. Бедная девочка считает, что у нее перед ним долг жизни! Хотя это Фарелл должен считать немыслимой удачей, что вовремя попал в такое общество и оказался причастен к величайшему подвигу. Еще и награду получил поистине королевскую...

«Особенно от королевы, – мрачно съязвил Грегор про себя, распахивая дверь в приемную лазарета. – Интересно, что скажет король, когда узнает, что его любимчик умер по воле его жены? Хотя узнает ли? Фареллу уже все равно, а ссориться с Риккарди Дорвенанту вряд ли стоит...»

За второй дверью, ведущей уже в сам лазарет, слышались приглушенные голоса. Грегор, не задумываясь, поставил «кошачье ухо» и изумленно застыл, нескольких шагов не дойдя до двери. Итлиец жив! Поразительно! Но как?! Значит, это было не проклятие в ожерелье?! А что-то другое? Фарелл многим мешал, занимая лакомое место королевского друга... Что ж, тем лучше, Айлин нельзя расстраиваться.

Он постучал, но за дверью не услышали. Тогда Грегор торопливо распахнул дверь, зная, что некоторые проклятия очень коварны и могут срабатывать столько раз, сколько нужно, пока окончательно не убьют жертву.

– А, милорд Архимаг! – Бреннан, стоявший над кушеткой с расprostертым на ней телом итлийца, взглянул на Грегора с облегчением. – Вы очень вовремя. Очень!

– Насколько я вижу, ваш пациент жив, – бросил Грегор, подходя и вглядываясь в бледное лицо Фарелла. – Что случилось, милорд магистр?

– Остановка сердца, вызванная неизвестной причиной, – четко доложил Бреннан. – Признаков яда нет, насколько я могу судить. Кровь мы еще не исследовали, но я готов поручиться своей звездой магистра, что это не яд. Разве что кто-то изобрел яд, который действует несколько мгновений, а потом молниеносно распадается в теле. Это... очень маловероятно, милорд Архимаг.

– Вам виднее, – кивнул Грегор. – Может, все-таки редкая болезнь?

– Телесных нарушений в сердце нет, – уверенно продолжил целитель. – На редкость крепкое сердце, всем бы такое. Никаких признаков болезни. В этом и странность, понимаете? Молодой человек прекрасного здоровья, бодрый и веселый, вдруг упал замертво, потому что его сердце встало. Никаких видимых причин! Я, конечно, проверил его на проклятие, но...

Бреннан развел руками, и Грегор понял, что немолодой целитель с огромным опытом искренне обескуражен. Юноша за его спиной

переводил взгляд то на Грегора, то на Фарелла, который молча прислушивался к разговору, но выглядел вполне живым и даже здоровым, насколько Грегор мог судить. Ни синюшных губ, ни налитых кровью глаз, ни одышки... Только бледен, что при его смуглой коже выглядит нездоровой желтизной, но даже это на глазах проходит.

– Милорд Фарелл? – обратился к нему Грегор. – Что вы можете сказать?

– Только то, что уже сказал грандсиньор Бреннан, – отозвался итлиец очень вежливо. – Я и сам ничего не понимаю, благородные синьоры. Вернулся из Итлии порталом, посетил ее величество, чтобы передать привет ее светлейшего родителя, вышел во двор и...

В его глазах, по-кошачьи желто-зеленых, обычно насмешливых и нахальных, сейчас не читалось ровным счетом ничего. Грегору, впрочем, сказанного было достаточно. Больше для Бреннана, чем действительно по необходимости, он наклонился и провел рукой над обнаженной грудью итлийца. Ни малейших следов проклятия. Что и понятно, на счастье Фарелла это проклятие из тех, что срабатывают один раз, а больше и нет необходимости.

– Проклятия нет, – уронил он.

Фарелл порывисто вздохнул, но снова промолчал, только в его глазах все же что-то блеснуло. Однако для человека, которому только что отменили смертный приговор, он был на редкость спокоен. Может, еще не осознал?

– Милорд магистр, – повернулся Грегор к Бреннану. – Вы уверены, что остановка сердца имела место?

Бреннан нахмурился, а брови его молодого помощника возмущенно взлетели вверх, но мальчишка промолчал, только дернул уголок рта.

– Понимаю, простите, – кивнул Грегор. – Но это значит, что лорд Фарелл некоторое время пробыл мертвым, так?

– Несколько минут, не больше, – сухо подтвердил целитель. – К слову говоря, это смертельно опасно для работы мозга, я удивлен, что лорд Фарелл так успешно перенес лишение воздуха. Скажите, милорд, вы когда-нибудь тренировались надолго задерживать дыхание?

– Да, грандсиньор, – с легким недоумением отозвался тот. – Я очень люблю плавать и отлично ныряю. Конечно, если вода теплая, как

у нас в Итлии. Да и в лаборатории, когда работаешь с чем-нибудь едким...

Он осекся, но Бреннан уже понимающе кивнул.

— Это все объясняет, — сказал он. — Человеческое тело при должной тренировке способно на удивительные вещи. Не сомневайтесь, милорд Архимаг, его светлость Фарелл действительно умер, и это вызывает следующий неприятный для всех нас вопрос...

— Он не мертвое, — нетерпеливо бросил Грегор. — И не возвращенец. Его душа полностью при нем. Это вполне возможно, если... Фарелл, что вы помните? Вы потеряли сознание, я понимаю, но все же?

— Я... помню тропу, грандсиньор, — неуверенно ответил итлие. — Серую тропу в тумане. Когда я на нее ступил, она стала серебряной и начала светиться... Вокруг ничего не было видно, туман скрывал все, было только небо, закрытое тучами, и эта тропа под ногами. Я шел по ней и чувствовал, что все забываю... Кто я, чего хочу... Я едва не забыл, что умер! — добавил он с таким искренним возмущением, что Грегор едва не улыбнулся.

— Темные пути, — сказал он. — Вы умерли, но почему-то отправились не обычным путем навстречу Провожатым, а ступили на Темные пути. Странно... Хотя... Вы чего-нибудь хотели, когда умирали? Сильно, очень сильно!

— Да, грандсиньор. — Губы итлийца тронула едва заметная улыбка. — Определенно, я кое-чего хотел.

«Месть Беатрис, — понял Грегор. — Что еще это может быть? Ну что ж, я его точно за это не осужу. Но Темные пути?! Он же профан! Невозможно... Совершенно невозможно... Я и магов-то не знаю, чтобы могли пройти Темными тропами и не потерять на них рассудок! Впрочем, нет, знаю. Айлин! Она прошла ими, спасая бастарда. Но Фарелл, он-то почему? Неужели все дело в этом проклятом аркане?

— Что ж, возможно, дело именно в этом, — сказал он вслух. — Ваше желание послужило незавершенным делом, которое отправило вас Темными тропами... кстати, куда?

— В какое-то странное место, — удивленно сообщил Фарелл. — Я очень хотел выбраться с этих... троп, грандсиньоры. Там так... мерзко. — Он поежился. — Я шел и шел, старался изо всех сил, и они... просто кончились. А я вышел на какое-то поле вроде того, что

окружает мой родной город. И там было небо, солнце и травы... А потом... я услышал голоса! Монсиньор Аластор и синьора Айлин звали меня. Я побежал на эти голоса и... очнулся.

– А я говорил, что этот прелюбопытный аркан еще преподнесет массу неожиданностей, – хмыкнул Бреннан, и Грегор молча кивнул, а потом пояснил, видя три вопросительных взгляда.

– Он действительно умер, но вернулся достаточно быстро, чтобы не успеть добраться до Претемных Садов. Так что невиновен перед законами божественными и человеческими. Я готов поручиться в этом своим словом и даром. Но чтобы не было лишних слухов, советую вам, лорд Фарелл, помалкивать о своей невероятной удачливости.

Итлиец торопливо кивнул, и Бреннан тут же добавил:

– Полностью согласен. Мы с Диланом тоже обещаем хранить молчание, как и велит наша клятва Милосердной Сестре. Милорд Бастельеро, моя глубокая благодарность! Если вы больше ничего не хотите сказать...

– Оставьте нас ненадолго, Бреннан, – попросил Грегор. – Я еще раз проверю лорда Фарелла, вдруг это все-таки проклятие? Ваша магия будет мешать.

– Разумеется, милорд, – согласился целитель, прекрасно знающий, что чужая сила действительно создает в подобных случаях помехи. – Идем, Дилан. Мы будем в соседней комнате, вам достаточно только позвать.

Едва дождавшись, пока они выйдут, Грегор нетерпеливо спросил:

– Что вы собираетесь делать со всем этим? Если королева пожелала вас убить, она вряд ли остановится, потерпев неудачу. Признаетесь королю?

– А вас только это интересует, грандсиньор? – вкрадчиво спросил итлиец, и Грегор вспыхнул гневом, родившимся из неловкости и даже некоторой вины.

– Я помню, что обещал вам снять проклятие, – раздраженно сказал он, потом спохватился и повел рукой, накрывая место, где они стояли, магическим куполом от подслушивания. В Бреннана, пожалуй, можно быть уверенным, но вот насчет его помощника – кто знает. – И клянусь Претемной, что не оставлял попыток это сделать. Не успел – признаю. Если смогу как-то иначе вернуть вам долг за спасение моей жены, непременно это сделаю.

– О, грандсиньор, не беспокойтесь насчет долгов, – криво усмехнулся итлиец. – Я задолжал синьоре Айлин гораздо больше, чем она – мне. И речь о другом. Как вы думаете, почему королева решила от меня избавиться?

– Понятия не имею, – сухо сообщил Грегор. – Еще пара месяцев, и я нашел бы способ избавить вас от проклятия, не рискуя при этом вашей жизнью. Если помните, я предупреждал, чтобы вы старались не вызывать ее неудовольствия.

– Премного благодарен вам за это предупреждение, грандсиньор, – отозвался Фарелл с явной издевкой. – И тоже клянусь Претемной, что старался изо всех сил. – Его глаза потемнели и сузились, еще сильнее став похожими на кошачьи, если только бывают коты, способные убить человека, с такой ледяной яростью глядел итлиец. – Что ж, позвольте все-таки это сказать. Возможно, вам будет интересно, что королева приказала мне убить вашу жену.

Несколько мгновений Грегор просто не мог осознать то, что услышал, а потом, подавшись к Фареллу, с истовой уверенностью выдохнул:

– Вы лжете или бредите! Она не могла!

– Неужели? – с тихой ядовитой ласковостью поинтересовался итлиец. – После того, как заподозрила ее в связи с королем? Мы ведь говорим о Беатрис Риккарди, м? О Беатрис, которая выгоняет фрейлин даже не за взгляд в сторону короля, а за то, что ей этот взгляд почудился. О Беатрис, которая только что потеряла ребенка и больше не сможет родить, тогда как синьора Айлин беременна. О Беатрис, которая приближается к сорокалетию, а синьоре Айлин... восемнадцать, м? И она, родив, снова расцветет со всей силой юности. Мы говорим о Беатрис, которая влюблена в своего мужа до смерти и так же ревнива – до чьей-то смерти, разумеется! И она не могла?

Каждое слово обжигало Грегора, как пощечина. Еще миг – и он швырнул бы в наглеца порчей молчания, но Фарелл и сам замолчал, только скривил губы, глянув куда-то мимо Грегора.

– Она королева, – сказал Грегор, отчаянно стараясь поверить в собственные слова. – Да, она ревнива, но... Убить беременную женщину – разве другая женщина способна быть таким чудовищем?

– Можете и дальше утешаться этой мыслью, грандсиньор, – процедил итлийский мерзавец. – К счастью, у синьоры Айлин есть

друзья...

«Друзья, способные ее защитить, если муж этого не хочет», – безошибочно услышал Грегор не сказанное вслух.

– Фарелл, вы... – проговорил он непослушными от ярости губами. – Послушайте, если это какая-то интрига... Если вы решили моими руками отомстить Беатрис...

– Как скажете, – устало отозвался итлиец, опять рухнув на подушку, с которой приподнялся. – Видят Семеро и Баргот, я больше ничего не собираюсь доказывать. Простите, что побеспокоил.

И этот равнодушный тон убедил Грегора быстрее, чем могли бы убедить самые страстные признания.

– Я узнаю правду, – сказал Грегор очень тихо. – И если она такова, как вы говорите, я знаю, что мне делать.

Развернувшись, он пошел к двери, чувствуя, как вокруг сжимается кокон тугой чернильной тьмы, мешая свободно дышать, как его разум тонет в этой черноте, и только одна мысль пробивается через тьму. Назойливая мысль, бьющаяся в висках...

Уже дойдя до двери и толкнув ее, Грегор поймал наконец эту мысль и остановился.

– Почему вы отказались? – резко спросил он и скорее почувствовал обострившимся до предела чутьем, чем услышал судорожный вдох и выдох итлийца.

– Синьорина спасла мне жизнь, – сказал позади него Фарелл. – Полагаете, мне чужда благодарность?

Чернота, грозившая вот-вот сомкнуться над Грегором, вдруг отступила, словно испугавшись слов итлийца, оставив вместо себя острое недоумение и почти мучительный стыд.

«Так я и полагал, – мелькнула мысль, полная изумления. – Именно так. Благодарность простолюдина, наемника... никогда не думал, что она может быть такой! Рисковать жизнью за деньги – их работа, но отдать жизнь просто так, без всякой выгоды, без хитрого расчета?!»

– Простите, – вытолкнул он из сведенного судорогой горла, обернувшись и встретив прямой взгляд ярких желто-зеленых глаз. – Простите, Фарелл. Видит Претемнейшая, я думал о вас куда хуже, чем следовало. Простите, что не сдержал обещания. Я ваш должник... И клянусь Претемнейшей, – договорил он с трудом, горло сводило все

сильнее, – что выполню любую вашу просьбу, если это хоть немного искупит мою вину...

– Не говорите его величеству о проклятии, – еле слышно попросил Фарелл. – Он слишком любит ее, чтобы об этом знать.

– Простите, – повторил Грегор в третий раз, толкнул дверь и, выйдя в коридор, привалился к стене, закрыв глаза.

Этот итлие! Он защищал короля от правды об этой твари, как когда-то самого Грегора защищал от нее Малкольм! Защищал целых двадцать лет!

«Кольм, ради Благих, прости меня! Если бы я только знал, что это за змея... Но теперь я сделаю то, что должен был сделать уже давно... Я не смог уберечь от нее тебя, но, по крайней мере, спасу свою жену и твоего сына. Может быть, ты хотел бы этого, Кольм?»

– Бастельеро! – рявкнул у него над ухом знакомый голос. Голос Малкольма! Грегор в ужасе вздрогнул и открыл глаза. Но это, разумеется, был не тот король. – Что с Лучано? Вы нашли проклятие?

– Простите, ваше величество, – выдавил Грегор, – но я не могу найти проклятие, которого нет.

Правда на грани лжи обжигала нутро и губы. Никогда он не лгал королю! Ни Малкольму, ни... этому. А сейчас...

«Но я поклялся Фареллу, – возразил сам себе Грегор. – Я не могу нарушить эту клятву. И не могу рисковать тем, что меня попросту не допустят к Беатрис. О, если она все-таки невиновна!.. Нет, я сам себя обманываю. Но правду все равно узнаю, а для этого мне нужно попасть к ней...»

– Как это нет? – поразился король, сжимая кулаки, словно собирался ударить Грегора. – Мне сказали, что это не яд, что еще это может быть?!

– Ваше величество. – Грегор отодвинулся от стены, выпрямился, вздернув подбородок, но все равно смог взглянуть в яростные голубые глаза только снизу. – Я клянусь честью, что на лорде Фарелле нет ни проклятия, ни каких-либо следов от него.

«Потому что оно, исполнив свое предназначение, бесследно растворилось, – добавил он про себя. – Боги, я ведь даже не лгу, почему так мерзко на душе? Потому что ложь бывает разная, и глупо обманывать самого себя».

– Если моего слова вам недостаточно, – добавил он, заранее вспыхивая от возможности такого чудовищного оскорбления, – можете привести к Фареллу любого некроманта, которому доверяете. И если он найдет проклятие или его следы, отправляйте меня хоть в опалу, хоть на плаху.

– Простите, – хмуро сказал король, разжимая руки и опуская взгляд. – Я не хотел вас обидеть, милорд. Это все беспокойство.

От чудовищного стыда Грегор закусил изнутри губу, пока не почувствовал соленый вкус крови, и только боль немного его отрезвила.

– Всегда к услугам вашего величества, – поклонился он и, дождавшись короткого кивка короля, торопливо вышел из лазарета.

Глава 33

Правда Дорве, книга мастера

Дверь за грандсиньором Бастельеро закрылась, и Лучано в изнеможении откинулся на подушку, прикрыв глаза. Но тут же встрепенулся, прислушиваясь – из коридора донесся голос Альса. Некромант ему что-то раздраженно ответил, Аластор настаивал... Похоже, бесполезно, потому что голоса смолкли, дверь в лазарет снова распахнулась, и торопливые шаги Альса остановились рядом.

– Лу! – выдохнул он. – Живой!

Лучано сглотнул пересохшим горлом, боясь открыть глаза и встретить взгляд друга. Стыд, вина, боль... Все навалилось разом, и на мгновение он малодушно пожалел, что в Дорвенанте такие замечательные целители. Вот не вытащили бы его с того света, не пришлось бы сейчас врать. Глупости! Чего ему стыдиться?! Что стравил одну ядовитую гадину с другой? Спас Айлин, не говоря уже о самом себе? Избавил Аластора от женщины, которая готова была распоряжаться его жизнью? Нет, это все не причина мучиться! А вот ложь... Как же не хочется лгать! Нутро так и скручивает мучительными спазмами, не имеющими отношения ни к яду, ни к проклятию...

«Хватит, – сказал он сам себе. – Хотя бы сейчас не будь идиотом! Иначе чего стоят все твои клятвы беречь его и Айлин? Один раз уже не справился, выдал себя – и к чему это привело? Второго раза допустить нельзя, Бастельеро нужно время, чтобы добраться до королевы. Значит, будешь врать. Хоть узлом завяжись внутри от собственной подлости, но терпи! А потом... потом видно будет!»

– Альс... – Он вымученно улыбнулся, поднимая тяжелые веки. – Прости.

– Живой... – повторил Аластор, падая рядом с кроватью на одно колено и хватая руки Лучано в огромные горячие ладони. – Живой! Ты... Что случилось?!

– Моя глупость случилась, – продолжая виновато улыбаться, спокойно соврал Лучано. – Я встретил кое-кого из прошлой жизни. Надо было позвать охрану, а я решил, что справлюсь сам. И справился.

Но вот... не рассчитал немного. Похоже, он мне оставил подарочек напоследок.

– Так это все-таки был яд?! – выдохнул Аластор. – А ты сказал целителям?!

– Ну а что еще это могло быть? – так же безмятежно ответил Лучано и даже плечами слегка пожал. – В гильдии нет магов, зато полно тех, кто умеет варить всякую дрянь. Мы стояли слишком близко, я ничего не заметил, когда его убивал, но... Идиотто, да.

– Еще какой! – рявкнул Аластор, вскакивая. Руки Лучано он при этом выпустил, а жаль. Даже эти несколько мгновений близости подарили удивительное чувство теплоты и безопасности. – Да я чуть с ума не сошел! Едва коня не загнал, пока сюда мчался! Ты больше не Шип! Ты Рука короля! У тебя полный дворец охраны! Гвардейцы, люди канцлера, маги! А ты полез к ядовитой гадине, как дурной мальчишка!

– Идиотто, – устало повторил Лучано, снова чуть прикрывая глаза. – Сам знаю, правда. Я... не привык еще...

– Ну так привыкай, – буркнул Альс, останавливаясь и тревожно вглядываясь в него. Помолчал и уже совсем другим голосом спросил: – Сильно болит? Как ты вообще?

– Жить буду, – опять улыбнулся Лучано, изнемогая от виноватой благодарной нежности. – Здесь очень хорошие целители. Грандсиньор Бреннан и этот... молодой виртуозо, его внук... Если бы не они... Кстати, а как я сюда попал?

– Саграсс тебя приволок, – вздохнул Аластор. – Ты же ему прямо на руки свалился. Они с Минцем тебя сюда и притащили, а потом Саграсс порталом кинулся в Академию за Бастельеро. Там ему сказали, что Архимаг сегодня на службе не был, и твой драгоценный каторжник вломился к нему домой. Приволок чуть ли не в охапке!

– Мм-м... – протянул Лучано. – Я запомню! Альс, я же тебе ничего не рассказал. Я... У нас получилось! Меня отпустили. То есть не совсем отпустили, но... Я теперь твой. – Он все-таки заставил себя посмотреть другу прямо в глаза, и Аластор сел рядом на кровати, снова взяв его ладони так спокойно и естественно, будто постоянно это делал. – Совсем твой, понимаешь? Гильдия назначила меня старшим мастером и... отпустила. К тебе. В Дорвенант. Насовсем. И

Риккарди... Он обещает прислать кредит очень скоро! Только хочет повидаться с внучками на Солнцестояние...

Аластор молча смотрел на него, словно видел в первый раз, и Лучано торопился рассказать сразу все! То есть не все, а самое важное, конечно, потому что все рассказать нельзя, да и не нужно. Аластор просто не поймет, что означает кольцо старшего мастера, и как важно, что Ларци все-таки не отказался от своего непутевого идиотто. И про Весну рассказывать странно, хотя вот это, может быть, и стоит... Но потом. После...

«Если он узнает, что я убил его жену – да, несколькими словами, а не ядом или ножом, но убил! – никакого «потом» у нас не будет, – беспощадно сказал он сам себе. – Альс не простит. А кто бы простил?! Он ее любит. И если даже поймет, что иначе я не мог, это навсегда разлучит нас. Что ж, бывает, что правильного выбора просто нет. Что ни выбери, все равно ошибешься. Но я так не хочу, чтобы ему было больно!»

– Это подождет, – сказал Аластор, сжимая его ладони, будто пытался их согреть. – Подождет, Лу. Ты только не вздумай опять...

– Не вздумаю, – старательно улыбнулся Лучано и опустил ресницы, чтобы не выдать себя взглядом. – Не бойся за меня. Я же Итлийский Кот его величества, а у всякого кота девять жизней. И я свои еще не потратил.

– Вот про кота это верно, – фыркнул Альс и вдруг с удивлением посмотрел на руки Лучано в своих, словно только сейчас их увидел. Торопливо отдернул их и явно смутился. – Ладно, целители сказали, чтобы я тебя долго не мучил. Тебе отдыхать надо. Я потом зайду, вечером.

– Конечно. – Лучано опустил ресницы еще сильнее, намекая, что устал, и Аластор все понял верно. Встал, пошел к двери. Когда он уже взялся за ручку, Лучано все-таки не выдержал. Глупо! Но если не спросить сейчас, потом... Ох, да хватит думать про «потом»! – Альс, а почему «паскуда»? Что это такое, м?

– А? Ты о чем?

Аластор оглянулся и покраснел. Точно покраснел!

– Я слышал твой голос, – объяснил Лучано, тоже чувствуя, как кровь приливает к лицу. – Когда уходил... Я остался, потому что вы с Айлин меня звали. И ты кричал...

– Ах, это! – Светлую кожу Альса от бородки и до самых ушей залило румянцем. – Это не что, а кто. Ты... кое на кого похож...

– Ты говорил, – согласился Лучано, вспомнив давний разговор в походе. Такой давний, будто целая жизнь прошла. – Но не сказал, на кого.

– Я вас познакомлю, – очень смущенно сказал Аластор, пряча взгляд. – Обязательно. Вот поправишься – и непременно!

И выскочил за дверь, словно мальчишка, пойманный на шалости.

Лучано посмотрел ему вслед и вздохнул. О каких же глупостях они болтали! Только бы не сказать друг другу самого главного, того, в чем всегда так тяжело признаваться. Почему человек так устроен, что слова ненависти даются ему легче слов заботы, благодарности, нежности? Никто не боится ненавидеть, но любить так страшно!

– Больше никаких посещений, – сварливо предупредил Бреннан, входя в комнату. – Я вам сейчас дам успокоительное, извольте его выпить.

– Премного благодарен, грандсиньор, – отозвался Лучано. – А можно мне повременить с этим полезным и важным делом, пока не доберусь до своей спальни?

– С ума сошли, юноша?! – Седые брови целителя взлетели в непритворном возмущении. – Какая еще «ваша спальня»?! Вас недавно с того света вытащили! И вы хотите остаться без наблюдения?!

– Грандсиньор, мне очень нужно! – Лучано прижал руку к сердцу, умоляюще глядя на целителя. – Обещаю вести себя тихо! Выпью лекарство и лягу спать, Всеблагоей клянусь! А рядом с королевской спальней мне будет гораздо спокойнее, чем здесь!

– Вздор! – отрубил Бреннан. – Никого лишнего я и сюда не пущу. А если у вас опять сердце остановится?!

– Не остановится, – уверенно сказал Лучано, поймав взгляд Бреннана. – Вот увидите. Это была трагическая случайность, которая больше не повторится.

– Ах, вот как, значит... – протянул тот. – Какая любопытная случайность... А если вы ошибаетесь, милорд? Готовы поставить на это свою жизнь?

– Уже поставил, – усмехнулся Лучано и попытался встать с кровати.

Получилось не очень, под хмурым взглядом целителя он смог только сесть, но с каждым движением силы возвращались так быстро, словно серая мгла запредельных дорог ему просто привиделась.

– Так, погодите-ка!

Бреннан подошел к нему, снимая что-то с шеи, и накиннул на Лучано тонкую цепочку с круглым зеленым камешком размером с фалангу пальца. Скосив глаза, Лучано рассмотрел недурной хризолит, повисший у него на груди поверх все еще расстегнутой рубашки.

– Будете носить это, не снимая, – прежним сварливым тоном распорядился целитель. – Нигде не снимая, понятно? Ни в спальне, ни в ванной. Помочь вам эта вещь не поможет, но даст мне знать, если с вашим организмом снова случится что-то недопустимое. И очень вас прошу хотя бы в ближайшие несколько дней никуда не выходить без сопровождения. Вот хотя бы боевика своего берите, для Красной гильдии он на редкость толковый парень.

– Согласен, грандсиньор, – кивнул Лучано, поймав камешек ладонью и с любопытством его разглядывая. – Это амулет?

– Это магия, юноша, – фыркнул Бреннан. – Хорошая профессиональная магия, а не шарлатанство, которое продается на ярмарках. Это у них амулеты, а у нас – артефакты. Кстати, советую обзавестись магическим щитом, вы же совершенно уязвимы перед любым проклятием. Странно, что раньше об этом не подумали.

– Благодарю за совет, грандсиньор, – снов кивнул Лучано очень почтительно. – Непременно им воспользуюсь.

– Завтра в полдень пожалуйста ко мне на осмотр, – все еще хмуро сообщил целитель и позвал: – Дилан! Проводи милорда до спальни и скажи гвардейцам, чтобы не пускали к нему никого.

Уже знакомый ему юноша вышел из соседней комнаты, держа в руке флакон темного стекла.

– Тридцать капель на стакан воды, – буркнул Бреннан. – И если станет плохо, извольте не разыгрывать героя и сразу зовите охрану. Любое недомогание, понятно вам? Тошнота, головокружение, слабость, мельтешение в глазах, боли – особенно в левой руке! Необычная жажда, сухость во рту, жжение под ложечкой...

Лучано добросовестно выслушал перечисление всевозможных симптомов, одновременно застегивая рубашку. Внук грандсиньора подал ему туфли и внимательно проследил, как пациент их застегивает

все еще непослушными пальцами. Потом протянул руку, и Лучано встал, опираясь на нее.

– Может, мне подежурить в вашей спальне, милорд? – спросил Бреннан-младший, когда они вышли в коридор. – Хотя бы до завтрашнего утра. У вас был очень странный и опасный приступ.

– О, не беспокойтесь, дорогой синьор, – улыбнулся Лучано. Убедился, что голова не кружится, и решительно забрал у юноши руку. – Я бы с радостью продолжил наше знакомство, но дежурство в моей спальне это, право, лишнее. Не хотелось бы испортить бы вам репутацию в благодарность за вашу помощь и заботу.

– Мою репутацию? – хмыкнув, уточнил Дилан, идя рядом. – Я же целитель, а не девица. Или вы о слухах, которые могут пойти? Насчет итлийской любви и всякого такого?

– Именно, – кивнул Лучано, косясь на парня, который преспокойно заявил:

– Это было бы весьма неосторожно с чьей-то стороны. У целителей, конечно, нет привычки швыряться проклятиями или Молотом Пресветлого, но и в обиду мы себя редко даем. Вот так скажешь гадость про скромного безобидного лекаря, а потом придется идти к моим почтенным коллегам, чтобы вылечить пульпит в простате.

– Пульпит... где?!

Лучано даже остановился, с ужасом взирая на юношу и надеясь, что не расслышал. Или что знает дорвенантский язык не настолько хорошо, как ему казалось.

– Пульпит – это же... воспаление зуба?! Но... там нет зубов!

Он потряс головой, пытаясь представить непредставимое!

– А это пока вы целителя не обидели, – лучезарно улыбнулся юноша и подмигнул ему. – И заметьте, милорд, это не проклятие, так что законам Ордена неподсудно. Чистая целительская магия! Вырастить человеку здоровый зуб – что в этом плохого? А где именно это будет, и что с ним дальше случится, на все воля Милосердной Сестры.

– Какой кошмар, – искренне сказал Лучано, передернувшись. – Охотно верю, что у вас нет явных врагов, синьор... О, Лионель! Как я рад вас видеть!

– Я тоже, милорд! – Боевик, ожидавший в холле неподалеку от лазарета, вскочил ему навстречу. – Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно, – сообщил Лучано. – И помню, кому этим обязан. Если бы не вы и синьоры целители... Лионель, я перед вами в долгу!

– Пустое, милорд. – Губы Саграсса тронула смущенная улыбка. – Если мы начнем считаться долгами, боюсь, даже моим потомкам с вами не расплатиться. Доброго дня, сударь Дилан, – обратился он к молодому целителю.

– И вам доброго дня, милорд, – поклонился тот. – Если у вас дело к лорду Фареллу, я могу вас оставить, но после разговора ему придется отправиться к себе и хорошо отдохнуть.

– Нет-нет, я только хотел узнать о его здоровье!

Боевик еще сильнее смутился, и Лучано заметил, что сияющий праздничный вид он изрядно утратил. Парадный камзол измят, волосы встрепаны, хотя заметно, что их пытались опять привести в приличное состояние, но то ли наспех, то ли неумело. Ах да, бег по дворцу с Лучано на руках, а потом порталы и притащенный в охапке грандсиньор Бастельеро. Тут кто угодно испортит прическу!

– Вы ведь куда-то собирались, Лионель? – подсказал он виновато. – Простите, что задержал, но теперь вы совершенно свободны. Грандсиньор Бреннан прописал мне оставаться в постели хотя бы до завтра, и если у вас дела...

– Я... немного опоздал, милорд. И теперь мои дела придется отложить на неопределенный срок. – Саграсс пожал плечами и вздохнул, но тут же торопливо добавил: – Ничего страшного! Уверен, что смогу все объяснить. Вы позволите проводить вас?

– Не позволю, – решительно сказал Лучано. – Если это дело, о котором я думаю, немедленно займитесь им. Со мной уже все хорошо, я под присмотром целителей, а прекрасные синьорины не любят ждать! И если вас спросят о причине задержки, ради Всеблагой, не вздумайте стесняться и скажите, что спасали мою жизнь – это ведь чистая правда!

– Благодарю, милорд! – Глаза боевика радостно блеснули, и он поклонился. – Вы совершенно правы. Я должен извиниться за опоздание!

И он исчез так быстро, что Лучано только удивился, как это возможно без магии. И ладно бы для него, Шипа, но чтобы дворянин!

Больше по пути им никто не встретился, дворец притих, словно перед грозой, ожидая, чем все закончится.

– Скажите, синьор, вы и королеву лечили? – вежливо поинтересовался Лучано, сворачивая в сторону королевских покоев.

– Ну что вы, милорд, мне это не по чину, – улыбнулся юноша. – Здоровьем ее величества занимаются лейб-лекарь и леди Эддерли. Ну и мой дедушка, разумеется. А я всего лишь адепт Академии. Правда, последнего курса, но все-таки адепт.

– О, не сомневаюсь, вас ждет блистательная карьера, – мурлыкнул Лучано. – Эти ужасные слухи... они правдивы?

– Уверен, милорд, вам бы не хотелось, чтобы я с кем-то обсуждал ваше здоровье.

Усмешка Бреннана-младшего стала самую чуточку ехиднее, и Лучано пришлось признать, что его только что элегантно и вежливо щелкнули по носу.

– Вы совершенно правы, – признал он со вздохом, подходя к дверям своей спальни. – Доброго дня, господа!

– Доброго дня, милорд! – Оба гвардейца, стоящих на часах, расплылись в улыбке, и один из них радостно заявил: – А нам сказали, что вы умерли! И что вас Лионель Саграсс пытался вернуть, да только ничего у него не вышло, он же боевик. Тогда он самого Архимага притащил и поклялся, что вину на себя возьмет. Ему-то какая разница, он и так на каторге! Милорд, а вы точно живой, не мертвое? Вы не подумайте, нам-то все равно, любопытно просто.

– Эм-м-м...

Глядя на эти довольные усатые физиономии, Лучано растерялся, не зная, что сказать, и тут из-за его плеча молодой целитель сдержанным тоном сообщил:

– Слухи о смерти его светлости сильно преувеличены. Лорд Бастельеро приезжал во дворец не для того, чтобы вернуть душу лорда Фарелла, а чтобы проверить его на предмет проклятий. Таковых, кстати, не обнаружилось. Так что никаких особых происшествий, господа, обычный приступ нездоровья из-за частого пользования порталом. Бывает, сами знаете. Кстати, лорду Фареллу предписан полный покой, и к нему велено никого не пускать.

«Какой умница! – искренне восхитился Лучано. – Портальная болезнь, м? Отличное оправдание, жаль, что я сам не додумался!»

– Так это... – растерялся в свою очередь говорливый гвардеец. – Мы не пустим, разумеется, но милорда уже ждут. И такой гость, что

ему не откажешь! – Указал взглядом на дверь спальни и прошептал: – Его светлость лорд-канцлер. Несколько минут назад пришел!

– Уже? – вырвалось у Лучано. Неужели Аранвен обо всем знает?! Однако он тут же опомнился: – О, какая честь! Грандсиньор пожелал осведомиться о моем здоровье! Не будем заставлять его ждать!

Он обреченно вошел в спальню, целитель последовал за ним, а гвардейцы смолкли, опять приняв чинный бравый вид, но Лучано бы не поручился, что их сомнения полностью развеяны. Этого еще не хватало, кстати! Всем известно, что возвращенцы – опаснейшие твари, которые подлежат уничтожению или пожизненному заключению под стражу. Очень любопытно, это кто-то так неудачно пошутил или совсем наоборот? Хорошо, что грандсиньор Бастельеро в случае необходимости готов подтвердить обратное, но плохо, что слухи все-таки пошли.

– А, Фарелл! – Аранвен, сидящий в кресле у окна, поднял голову от какого-то документа. Лучано у себя бумаги такого вида не помнил, похоже, что канцлер принес ее с собой. – Рад видеть вас живым и, надеюсь, в добром здравии? А вы, юноша, внук магистра Бреннана? Дилан, верно?

– Счастлив, что вашей светлости известно мое имя. – Целитель низко поклонился. – И прошу прощения за дерзость, но умоляю не слишком утомлять лорда Фарелла беседой. Ему предписано выпить лекарство и лечь спать как можно быстрее.

– Я за этим прослежу, – благосклонно кивнул канцлер. – Через несколько минут.

И перевел на Лучано требовательный взгляд, под которым так и хотелось поежиться, а потом признаться вообще во всем, даже в том, о чем грандсиньор Аранвен точно не мог знать.

– Да, ваша светлость, – снова поклонился юноша, ставя флакон на столик. – Тогда позвольте вас оставить?

– Передайте привет вашему деду, сударь, – снова кивнул Аранвен, дождался, когда за молодым целителем плотно закроется дверь, и снова перевел взгляд на Лучано. – Прошу, садитесь, милорд. Право, мне весьма неловко, что я явился без приглашения, да еще когда вы не здоровы.

– О, пустяки, грандсиньор! – Лучано сел на кровать и покосился в угол, где стояла корзина с апельсинами и конфетами, честно

доставленная пажом. Неужели прошла всего пара часов?! – Мне уже гораздо лучше! – И осторожно добавил, еще не зная, что именно скажет, но прекрасно понимая, что врать стоит как можно меньше: – Синьор целитель полагает, что это был приступ порталной болезни.

– Ах вот как! – Лорд-канцлер слегка приподнял брови. – Какое невезение.

– Да, грандсиньор! – выдохнул Лучано. – Просто ужасное. Но не сомневайтесь, я выполнил ваше поручение. Принц Риккарди заверяет его величество в своей дружбе и родственных чувствах, а обещанный им кредит вскоре поступит на счета в итлийских банках Дорвенны.

– Я несколько не сомневался в ваших дипломатических талантах, милорд. – Лицо канцлера хранило такое спокойное доброжелательное выражение, что у Лучано мороз по спине пробежал. – Но сейчас меня интересуют несколько иные результаты вашего возвращения. В частности, некий труп, найденный охраной в обществе младшего лорда Эддерли. Который утверждает... Лорд Эддерли, конечно, а не труп! – Канцлер издал сухой смешок. – Что вы просили присмотреть за этим покойником и, по возможности, оповестить о нем меня.

– Так и было, грандсиньор! – истово выдохнул Лучано. – Я собирался известить вас! Но...

– Оказались несколько заняты, – любезно подсказал канцлер. – Понимаю. Видимо, у вас очень опасная форма порталной болезни. Следует больше себя беречь.

– Непременно, грандсиньор, – одними губами улыбнулся Лучано. – Буду беречь. А что касается этого покойника, его личность мне известна. Признаюсь, не ожидал встретить его в Дорвенанте, тем более во дворце. Мы с ним не поняли друг друга...

– И это привело к обострению порталной болезни? – невозмутимо уточнил канцлер. – Опасному для жизни, как мне доложили?

Лучано закусил губу. Потянулся к стоящей на полу корзине, взял из нее апельсин и сжал его между ладонями, внимательно разглядывая. Знакомый с детства запах напоминал о привычных вещах. О Вероккье, о палаццо мастера Ларци, о годах учебы и о том, что все это осталось в прошлом. А будущее теперь связано с Дорвенантом и, в том числе, с этим высоким сухопарым стариком, всегда одетым в белое, всегда невозмутимым, расчетливым и очень опасным. Конечно, не для всех, а

только для тех, кто имеет глупость вызвать его неудовольствие. Лучано, пожалуй, рискнул бы это сделать, появившись у него мысль, что интересы Альса не совпадают с интересами канцлера. Но так ли это?

– Скажите, грандсиньор, – сказал он негромко, не отрывая взгляда от апельсина. – Вы ведь знаток законов... Как в Дорвенанте наказывают за убийство благородной особы, если некто сделал это не своими руками, а нанял убийцу?

Канцлер нахмурился.

– Полагаю, – медленно сказал он, – вас это интересует исключительно теоретически? В целях ознакомления, так сказать?

– О, исключительно в целях ознакомления! – подхватил Лучано. – Из чистейшего любопытства!

– Убийцы подлежат казни, – просто ответил грандсиньор. – Как наниматель, так и нанятый им человек. Закон не видит между ними разницы, если только наемника не принудили к этому поступку. Колдовством, например, или каким-то иным подлым способом.

– А если заказ исходил от очень влиятельной особы? – осторожно уточнил Лучано. – Стоящей настолько высоко, что закон обычных людей вряд ли туда дотянется? Например, к подножию трона или...

– Или выше? – уронил канцлер с непроницаемым лицом.

– Или выше, – обреченно подтвердил Лучано. – Вы же помните, грандсиньор, мы все еще говорим теоретически, м? – Он дождался молчаливого кивка канцлера и продолжил, чувствуя, что ступает по тончайшему льду, да и тот уже трещит под ногами с каждым словом. – Так вот, предположим теоретически, что некая особа, столь влиятельная, что обычные законы перед ней бессильны, пожелала смерти другой особы, чуть менее влиятельной, но тоже весьма знатной. Предположим... О, только предположим, грандсиньор! Предположим, что жертвой убийцы должна была стать дама, жена некоего благородного синьора, к тому же именно сейчас беременная их первым ребенком, наследником рода...

Он остановился, чувствуя, как молотит сердце.

– Продолжайте, – очень спокойно сказал канцлер.

– Даже не знаю, что еще сказать, грандсиньор, – немного помолчав, признался Лучано. – Разве что спросить, какими средствами закон позволяет защищаться этой даме и тем, кто пожелает встать на ее защиту?

— Любыми, — уронил канцлер. И через несколько невыносимо долгих мгновений размеренно заговорил снова: — «Королевская правда» — закон, который Дорве даровал стране и лордам, гласит, что нет ценности выше, чем благородная кровь, текущая в жилах тех, кто последовал за своим вождем. Их жизни — в воле короля, но сохранение их рода — долг короля перед богами и людьми. Если неженатый лорд из Трех Дюжин, последний в своем роду, осужден на смерть по приказу короля, он вправе просить отсрочки казни. Его следует обвенчать с благородной девицей, невинной и способной родить по заключению целителей, а потом содержать его под стражей и каждую ночь допускать к нему жену, пока она не понесет. Если этого не случится за три года, значит, сама Всеблагая против продолжения этого рода. Тогда лорда казнят, а его земли отходят короне за исключением вдовьей доли. Если же его супруга понесет и родит, следует выждать, пока ребенку исполнится год, и после казнить отца, а сына или дочь оставить наследником и передать под достойную опеку. — Негромкий голос канцлера чеканил каждое слово, и Лучано охватил ужас, будто он слышал не человека, а глас кого-то из богов. — Если женщина любого сословия, беременная от мужчины из Трех Дюжин, совершила преступление, следует ждать, пока она разрешится от бремени, не причиняя ей никакого вреда и заботясь о ней как должно. А после родов следует передать ребенка на попечение родни и считать его невинным и не подлежащим наказанию за грехи матери, с женщиной же поступить сообразно ее преступлению вплоть до казни. — Несколько мгновений канцлер молчал в такой жуткой тишине, словно даже стены спальни прислушивались к его голосу, а потом закончил: — Если же кто-то посягнет на жизнь женщины, которая носит ребенка золотой крови, и вина его будет доказана, должно взыскать с него кровь за кровь и казнить отсечением головы, если это благородный человек, простолюдина же пытаться, а затем четвертовать при скоплении народа с объявлением их вины. За жизнь такого святотатца нельзя взыскивать виру, и не позволено мстить за него ни словом, ни делом, но после казни должно считать, что его род не отвечает за этот грех, противный богам и людям. Я ответил на ваш вопрос, милорд?

— А если преступление не успело совершиться?! — выдохнул Лучано, и канцлер утомленно пожал плечами, сообщив:

– Карается преступный замысел, удался он или нет. Если стрела выпущена, но пролетела мимо, стрелок должен быть наказан так же, как если бы он поразил цель, ведь он хотел этого. Исключений из этого правила быть не может и не должно, потому что перед «Королевской правдой Дорве» равны все. Более того, карается даже смерть, причиненная ненамеренно. Известен случай, когда королю Кристусу Первому пришлось казнить родного брата, случайно убившего беременную леди Эдалан. Принц выпил лишнего и сбежал по дворцовой лестнице, толкнув женщину. Она упала, падение оказалось роковым. Король предложил главе рода свою сестру-принцессу в жены, однако лорд отказался и потребовал казни виновного.

– И его казнили?! – поразился Лучано, пытаясь представить нечто подобное в Итлии.

– Казнили, – кивнул канцлер. – Главы Трех Дюжин почти единогласно воззвали к древней «Правде», и принцу отрубили голову. Потом, правда, род Эдалан попал в королевскую опалу под явно надуманным предлогом и постепенно захирел, но прецедент, как говорят законники, был создан.

Апельсин в руках Лучано стал неприятно теплым. Разжав ладони, Лучано посмотрел, как тяжелый оранжевый мячик падает на ковер и катится куда-то под кровать. А потом заставил себя поднять голову и встретить взгляд канцлера.

– Сегодня утром королева Беатрис приказала мне убить синьорину Айлин, – сказал он, слыша свой голос будто через чудовищную толщу воды, таким глухим и тихим он казался. – Не зная, когда я вернусь, такой же приказ она отдала Шипу по имени Фредо. Я убил его. А королева убила меня. С первого дня в Дорвенанте я жил под проклятием, которым она хотела обеспечить мое послушание. Она уже приказывала убить синьорину, когда впервые посчитала ее опасной соперницей и отправила меня к Разлому. Я должен был проследить, чтобы в столицу вернулся только Аластор...

– Но вы этого не сделали, – тихо подсказал канцлер.

– Не сделал, – согласился Лучано. – Сослался на аркан, который нас троих связал, уверил ее, что синьорина Аластору как сестра, и королева согласилась отменить приказ. До поры. До сегодняшнего утра. Когда она поняла, что я снова не исполню ее волю, она меня

убила. И если бы не связь между мной, синьориной Айлин и монсиньором, если бы не Лионель Саграсс и целители...

Его голос все-таки осекся, потому что воздух вдруг закончился, и на Лучано повеяло едва уловимым ароматом полыни и лаванды. То ли предупреждение, то ли напоминание.

– Вы очень везучий человек, милорд, – задумчиво сказал канцлер. – Хотя ваше везение лишь следствие других, более глубоких обстоятельств. Если бы в походе к Разлому вы не стали другом леди Айлин и его величества, она не связала бы вас арканом. Если бы вы не проявили милосердие к осужденному на смерть, а после не относились к нему так великодушно, кто-то другой, не обладающий его опытом и сообразительностью, не успел бы спасти вас. Полагаю, сегодня в поединке с бывшим собратом вам тоже повезло. Тем везением, которое результат мастерства и готовности идти до конца. Вас не зря прозвали Счастливым, юноша, но ваше счастье не подарок судьбы, а заслуженная плата... Хорошо, я вас понял. Кто еще знает об этом?

– О первом приказе королевы убить синьорину знает сама Айлин и грандсиньор Дункан. Теперь еще и вы. О том, что случилось сегодня, я, вы и... грандсиньор Бастельеро.

Канцлер закрыл глаза и беззвучно шевельнул губами. Лучано показалось, что он распознал самое короткое и грубое из дорвенантских ругательств, но этого, разумеется, не могло быть. Ведь не могло же?

Он затаил дыхание, ожидая, и через несколько долгих вдохов Аранвен открыл глаза и медленно уронил:

– Так... Фарелл, вы... Впрочем, нет. Вы были правы. Если это выплывет в ближайшее время, я не завидую нам всем. Королю, вам, Дорвенанту. Хорошо, пусть будет так. Но больше не должен знать никто. Никто, вы слышите?

– Я не самоубийца! – возмутился Лучано. – Разумеется, я буду молчать. Грандсиньор, Претемной клянусь, будь у меня больше времени, я бы попросил совета у вас и грандсиньора Дункана! Но у меня было всего несколько минут, я не знал, что делать, а потом... Признаюсь, потом я просто не выдержал. Это же он подарил ей проклятое ожерелье! Вы меня осуждаете?

– Осуждаю? Нисколько. Но если бы я знал эти обстоятельства заранее, я бы попросил вас подождать, – с ледяной убийственной

прямотой сказал Аранвен. – Мануфактуры строятся в долг, итлийские деньги еще не пришли, и если Риккарди отзовет кредит, мы рухнем в пропасть. Но если Три Дюжины узнают, что королева покусилась на жену и наследника Бастельеро... Королю придется ее казнить, иначе случится бунт. Если целители и разумники докажут, что она действовала во временном безумии, возможно, удастся обойтись расторжением брака и высылкой. Но лишь в том случае, если вы будете молчать о том, первом приказе. В Дункане я уверен. Леди Айлин... полагаю, она тоже осознает последствия, в этой девочке благородства больше, чем мы все заслужили. Если Бастельеро хватит ума действовать осторожно, все может обойтись малой кровью. Но, увы, в этом деле кровь неизбежна в принципе. Как ни жаль, но следует думать не о чувствах короля, а о спасении Дорвенанта. Вы меня понимаете, Фарелл?

– Да, грандсиньор, – склонил голову Лучано. – Я буду молчать, пока это все так или иначе не разрешится. Спасения Беатрис я хочу меньше всех, а грандсиньор Бастельеро, следует признать, имеет право на месть. Как и я, но я готов уступить ему эту честь. Умоляю только, постарайтесь, чтобы Аластор пострадал как можно меньше. Мне сказали, он едва перенес потерю ребенка. Второй удар может оказаться ему не по силам.

– Тогда будьте рядом с ним, – уронил канцлер, вставая. – Однажды связавший вас троих аркан уже спас его душу и разум, хотя это спасение дорого обошлось леди Айлин. Постарайтесь, чтобы это было не зря. И если у вас получится, можете считать, что я ваш личный должник, а платить долги Аранвены умеют.

Лучано хотел сказать, что сделает это не ради выгоды, а ради Альса, но промолчал. Последние дни были полны уроков, и одно он запомнил твердо: лишних должников не бывает. Кто знает, когда и для чего ему понадобится благосклонность грандсиньора Аранвена? Время ученичества кончилось, больше не будет никаких скидок, подсказок и защиты мастера. Ты хотел свободы, Фортунато, получай же ее полной мерой и не захлебнись!

– Я постараюсь вас не разочаровать, грандсиньор, – сказал он, и канцлер одобрительно кивнул.

Прошел к двери и уже возле нее остановился, обернулся, взглядом указав на столик.

– Не забудьте выпить лекарство, милорд, – попросил он с искренней заботой. – Я обещал юному Бреннану проследить за этим, надеюсь, вы будете благоразумны. Кстати, приглядитесь к юноше. Он умен, честолобив и, говорят, исключительно талантлив. Мэтр Бюзье уже немолод, рано или поздно его величеству понадобится новый лейб-лекарь.

– Вы думаете, это будет зависеть от меня? – удивился Лучано. – Я полагал, что таким важным делом, как выбор королевского лекаря, занимается ваша служба.

– Верно полагаете, милорд. – По губам канцлера скользнула странная улыбка, едва заметная и быстрая, как тень. – Но я надеюсь, что моему преемнику не придется заниматься всеми делами Дорвенанта и королевского двора в одиночку. Видят Семеро, это тяжкое бремя. И если часть забот удастся переложить на чьи-то надежные и верные плечи, тем лучше, милорд, тем лучше. Не верьте, когда вам скажут, что Аранвены жаждут власти. Мы просто несем ее как привычную ношу, потому что каждый должен исполнять свой долг. Дорвенны – править, мы – стоять за их трон. И каждый из нас надеется, что преемнику повезет больше, и страна получит умного, великодушного и сильного короля, под рукой которого наконец расцветет. Я тоже надеюсь на это, милорд. Ведь не могут же на троне Дорвенанта вечно сидеть подобные Малкольму?..

Он выплыл за дверь, бесшумный, грациозный и величественный, сияющий серебром от макушки до кончика длинной косы, от высокого воротника до подола длинного одеяния, больше похожего на мантию. И только тогда Лучано выдохнул, уткнулся лицом в ладони и сидел так, размеренно дыша, пока в мыслях не прояснилось. На сердце все равно было паршиво, но его вдруг накрыло простым и тяжелым осознанием, что предсказание Минри свершилось. Оно свершилось! Он умер счастливым, как и говорила чинка, потому что сделал верный выбор! И выиграл, получив обратно жизнь, причем свою собственную, которую теперь может строить сам! Да, у него не будет семьи и детей, для Шипов, даже бывших, это непозволительная роскошь, ну и что?! Ему ли жаловаться на судьбу?!

«Пусть только закончится эта история с Беатрис! – взмолился он неизвестно кому. – Неужели Аластор не заслужил счастье?!»

В углу послышалось сопение, и Лучано, встав, заглянул туда. Невольно улыбнулся, потом и вовсе тихо рассмеялся. В корзинке, тщательно застеленной пледом, спал Перлюрен, обнимая лапами крупный апельсин. Еще три тугих душистых плода он подгрёб и почти накрыл толстым брюшком, а на мордочке читалось неописуемое блаженство и уверенность в том, что мир, где енотам достаются апельсины, безоговорочно прекрасен!

– Сладких снов, бандитто, – пожелал ему Лучано, вернулся к постели и потянул свою сумку, которая неведомыми путями тоже оказалась в спальне.

Расстегнул ее, заглянул внутрь... Мелочи, которые он собрал в Вероккье, были на месте, как и кожаный футляр с препаратами – подарок Ларци. А это еще что такое?

Лучано осторожно потянул что-то коричневое, вытерто-замшевое, знакомое так, что дыхание перехватило...

«Где твоя лютня?» – вспомнилось ему. Мастер заходил к нему в комнату, иначе не знал бы, что лютня пропала. Лучано не придавал этому значения, мало ли что мастеру понадобилось... А Ларци положил ему в сумку свою тетрадь с рецептами! Яды, противоядия, безобидные косметические средства и лекарства... Итог многолетней работы! Наследство! И высший знак доверия, который возможен между учеником и учителем. Нет, между отцом и сыном! Потому что многие яды в этой тетради – Лучано это знал как никто другой! – не имеют вкуса и запаха, а главное – противоядия. Совершенное оружие, которое мастер доверил ему, не боясь, что Лучано обратит его против самого Ларци. Лучший ответ насмешкам Тино. И признание в отцовской любви...

Сидя на кровати и сжимая в руке толстую тетрадь в потертом замшевом переплете, Лучано беззвучно заплакал. Это было больно и сладко одновременно, и только сейчас он в полной мере понял слова Лоренцо о том, как кончается юность.

Как она уходит через прыжок в неизвестность, через ужас смерти, которая не страшнее сделанного назло ей выбора, через надежду – глупую и отчаянную. Через понимание, что уходящего не вернуть, но что-то идет ему на смену. Через боль, свою и чужую, через любовь, которая не приносит счастья, но дает что-то более важное и нужное. Через чьи-то вовремя сказанные слова и нанесенный удар, через

полынно-лавандовый аромат запредельных троп и тихое сопение мохнатого зверя, через тепло чужих... нет, родных рук и голоса, на звук которых можно вернуться даже из небытия! И если все это у него было и есть, значит, остальное случилось не зря.

Не выпуская из рук тетради, он открыл флакон, оставленный целителем, понюхал зелье, капнул на тыльную сторону ладони и лизнул, определяя состав. Снотворное было отличным, действенным и вполне безопасным. Раньше Лучано ни за что не стал бы пить то, что приготовил кто-то другой, не он или мастер Ларци. Но сейчас почему-то отмерил положенные тридцать капель в стакан, долил водой, размешал и выпил. Быстро раздевшись, завалился в постель, прижимая тетрадь мастера к себе, словно ребенок – любимую игрушку. И слышал приближающееся сопение. Перлюрен тяжело взобрался на кровать, привалился к его боку – мохнатый, теплый, пахнувший чистым мехом и апельсинами. Что-то проскулил, жалуясь на долгую разлуку – целых два дня! Требовательно сунул нос ему под мышку и замер, пока Лучано чесал пушистую макушку и шею, проваливаясь в сон, такой же теплый и меховой, как уснувший рядом зверь.

Глава 34

Тени прошлого

Только подойдя к покоем королевы, Грегор сообразил, что его ведь могут попросту не пустить. Беатрис больна и вряд ли принимает посетителей. Ну что ж, придется сослаться на необходимость осмотреть ее величество. Может ведь он беспокоиться о ее здоровье, как положено добропорядочному и преданному подданному? О, еще как может и даже обязан! А проклятийников, хотя бы приближающихся к его уровню мастерства, в Дорвенанте осталось слишком мало. И если лорд Фарелл, побывав у ее величества, свалился замертво, то кто поручится, что он не стал жертвой хитроумного покушения на королеву, случайно получив предназначенное ей проклятие?

Да, причина слишком сложная и не очень-то правдоподобная для любого, кто в этом разбирается, но целители вряд ли станут спорить с Архимагом, особенно в том, что касается некромантии.

От необходимости лгать почти мутило, но Грегор напомнил себе, насколько важен этот разговор. Если Фарелл сказал правду, Айлин в смертельной опасности!

– Ваша светлость! – Секретарь королевы, сидевший в приемной, вскочил и торопливо поклонился. – Простите, ее величество не говорила, что ждет вас...

– Тем не менее, будьте любезны обо мне доложить, – велел Грегор. – Я постараюсь не утомить ее величество, но увидеться с ней мне необходимо.

– Да, милорд. – Снова поклонившись, секретарь исчез за дверью, чтобы через несколько минут вернуться и сообщить: – Ее величество вас примет.

– Премного благодарен, – кивнул Грегор и прошел дальше.

Давно же он здесь не был. Кажется, целая вечность прошла с их последнего разговора, когда Беатрис откровенно предложила ему себя в жены, а корону Дорвенанта – в приданое. Но тогда его принимали в гостиной, а сегодня молоденькая фрейлина в траурном лиловом платье сделала реверанс и провела его мимо знакомой двери дальше, в

спальню, где Грегор не был вообще никогда. Где мечтал оказаться целую жизнь назад. Где никогда не оказался бы, если бы пришел как дворянин, а не как мастер проклятий, которые, как известно, сродни целителям...

– Ваше величество, – заглянув за дверь, сказала девица негромко, словно боясь потревожить спящую. – Его светлость лорд Бастельеро.

– Проси! – послышалось из спальни, фрейлина почтительно отступила в сторону с очередным реверансом, и Грегор шагнул через порог.

Здесь было тепло и сумрачно, высокие окна задернуты плотными бордовыми шторами, ковер сливочного цвета скрадывал шаги, и Грегор, пройдя немного, остановился перед большой кроватью с поднятым пологом балдахина. Поклонился и взглянул на королеву. Беатрис лежала, опираясь на горку бархатных подушек, ее лицо нежно белело в полумраке спальни, освещенное лишь одним канделябром у кровати. Высокая прическа, больше уместная на балу, изящно обрамляющие овал лица локоны, огромные глаза и нежно розовеющие губы...

«Она даже больной не выглядит, – желчно подумал Грегор. – А ведь Бреннан заверял, что королева едва выжила. Какая магия подвластна этой необыкновенной женщине?! И за что Всеблагая Мать одарила ее милостями, в которых отказывает Айлин? Почему моя жена каждый день мучается тошнотой и слабостью, а эта... Право, не будь королева совершенно точно из Риккарди, я бы сказал, что носит она легко, как простолюдинка. Впрочем, уже не носит, но лишь потому, что случилось несчастье. И, если верить Бреннану, ее дитя никогда не сядет на трон Дорвенанта. Возможно, это и к лучшему. Кровь развратницы и убийцы – что хорошего может эта кровь дать наследнику короны?»

– Ваше величество! – Он поклонился, спиной чувствуя присутствие фрейлины, которая неслышно скользнула следом. – Могу ли я просить вас о разговоре наедине? Дело очень важное, иначе я бы ни за что не осмелился вам докучать. Еще раз прошу прощения за нескромность просьбы!

– О, милорд! – Губы Беатрис тронула благосклонная учтивая улыбка. – О какой нескромности вы говорите? Если я не могу доверять вам, кому же мне тогда доверять? Корделия, оставьте нас.

Фрейлина вышла, и Беатрис, продолжая улыбаться, осведомилась:

– Как здоровье вашей милой супруги? Я слышала, она недавно была во дворце с визитом, чтобы выразить соболезнования их величеству. Передайте ей мою глубокую благодарность!

«Она... чудовище, – подумал Грегор, не в силах оторваться от ее лица – совершенного в каждой черте, гордого, завораживающего даже сейчас – после всего, что он о ней узнал! – Настоящее чудовище, если не страдает... Проклятье, как она смеет не страдать, потеряв ребенка?! Если бы я видел, что она мучается от своей утраты, я... я понял бы, почему она хотела убить Айлин! Боль и бессилие толкают на безрассудство, кому знать об этом лучше меня? Но она... Видят Благие, ведь она... издевается!»

– Фарелл жив, – сказал он вслух, с удовлетворением отметив, как на глазах побледнела королева, и расчетливо добавил: – Он рассказал мне все.

Лицо Беатрис окаменело всего на несколько мгновений, но Грегору хватило одного взгляда на нее, чтобы увериться в искренности итлийца. Ну почему Фарелл не солгал?! Грегор никогда не простил бы Беатрис ее распутства, и все-таки... как ни отвратительно для женщины быть шлюхой, быть убийцей для нее куда страшнее! Женщина создана дарить жизнь, а не отнимать ее. Какая чудовищная насмешка над Всеблагой Матерью! Какая неблагодарность! Ведь Айлин спасла короля, которого Беатрис якобы любит! Полно, да разве эта тварь может любить? Разве есть место для любви в таком черном сердце?!

– Что ж, – проговорила Беатрис после долгого молчания, и от ее певучего голоса у Грегора закололо виски. – Полагаю, вы не вломились бы сюда, не будь у вас полной уверенности... Значит, моя судьба решена? О, какой дивный подарок вы сделаете Дорвенанту, уничтожив бесплодную королеву... – Она улыбнулась, глядя с такой унижительной смесью насмешки и жалости, что проклятье едва не сорвалось с его губ само собой. – И какой прекрасный подарок вашей нежной, вашей целомудренной женушке! Эта счастливица разом избавится и от угрозы смерти, и от постылого муженька! Я восхищаюсь вами, Грегор, видят Всеблагие и Баргот! Кто еще из мужей мог бы оказать своей жене такую услугу?!

– Как вы смеете?! – выдохнул Грегор одним горлом, вцепившись в первое, что подвернулось под руки... ах да, спинку кресла у туалетного столика! – лишь бы не поддаться дикому, неистовому желанию уничтожить ядовитую гадину. – Как вы смеете марать имя моей жены?!

– Как я смею? – серебристо рассмеялась Беатрис, и головная боль Грегора усилилась, превратила ее смех в тяжелые колокола, загудевшие под черепом. – О, как же я смею говорить правду? Как я смею видеть, что ваша жена любит другого? Как я смею видеть, что она желает другого так, что это желание сделало бы честь даже итлийке? И как я смею думать, что все это не помешает ей занять мое место, когда вы убьете меня и подставите свою голову под топор палача? Эта милая девочка однажды уже вышла замуж за одного, страдая по другому, почему бы ей не проделать это еще раз? Или вы думаете, что Аластор не сделает ее королевой? Бедную невинную бедняжку, чей муж оказался убийцей и клятвопреступником? А ведь вы клялись мне в верности, Грегор... И как влюбленный, и как подданный!

– Не вам, – уточнил Грегор немеющими от ярости губами. – А той женщине, которую когда-то любил. И которой вы, оказывается, никогда не были. А присягал я своему королю. И вы правы, я должен оказать ему услугу...

Ядовитые слова Беатрис против воли вызвали в его памяти сегодняшнее утро, странные вопросы Айлин, ее непонятную настойчивость. «Что, если я люблю другого?» «Я вас не люблю», – сказала она, когда Грегор просил ее руки... Проклятье, что за подлые мысли? Неужели он поверит этой... дряни, что даже стоя одной ногой в могиле пытается навредить им с Айлин?! Нет, никогда!

Но почему Беатрис не зовет на помощь? Не тянется к витому золоченому шнурку прямо рядом с рукой, не кричит... Неужели не верит, что вот-вот умрет? В ее глазах, таких же прекрасных, как всегда, горящих ненавистью и презрением, не было ни тени страха. А ведь она права в одном.

Нет, не в том, что Айлин ему изменяет. Об этом даже помыслить нелепо и подло.

Но если король казнит убийцу своей жены, Айлин останется вдовой. Беззащитной и одинокой матерью ребенка, который никогда не

увидит своего отца. Еще, возможно, и в королевскую опалу попадет! О долге перед леди Бастельеро король вряд ли забудет, но благоволить наследнику или наследнице человека, которого терпеть не мог? И как сыну или дочери Грегора жить с клеймом на имени? Конечно, если обстоятельства станут известны, ни один человек чести не осудит того, кто защищал свою жену! К тому же беременную... И если бы не огласка, Грегор мог бы просто выйти отсюда и потребовать правосудия. Не у короля, так у Совета Трех Дюжин!

Только вот огласки допускать нельзя. Злые языки мгновенно распускают слухи, что у ревности королевы была причина. Нельзя еще сильнее пачкать репутацию Айлин!

Может быть, королева подумала о том же, потому что в ее глазах сверкнуло торжество. Чуть подавшись вперед, она глянула ему в глаза и мурлыкнула:

– Нелегкое решение, мой Грегор, не так ли? Ах, прости, я уже не вправе считать тебя моим. Неужели ты оставишь милую женушку вдовой, а своего ребенка – сиротой. Или, думаешь, никто не посмеет тебя обвинить? Никто не догадается, почему я умерла? Конечно, ты грандмастер своего искусства... Но Аластор любит меня, он не успокоится, пока не найдет убийцу, а я... даже из Садов Претемной я буду свидетельствовать, что это ты меня убил. Призраки не могут лгать, не так ли?

И снова улыбка тронула ее губы. Нежные, безупречно очерченные, юные... Грегор содрогнулся. Закусил губу изнутри, пытаясь прийти в себя, но даже боль помогла плохо, железный обруч мучительно стиснул голову... Беатрис опять откинулась на подушки и посмотрела на него с презрительным сочувствием, а потом уронила:

– Мне кажется, милорд, наша беседа затянулась. Простите, что нездоровье не позволяет мне уделить вам больше времени. И... ах да, я уже передавала привет вашей жене, верно? Посоветуйте ей беречь себя и даже после родов повременить с визитами ко двору. У бедняжки слабое здоровье, а придворная жизнь так утомительна! Мы ведь не хотим потерять ее в столь юном возрасте? Пожалуй, лучше всего для нее была бы жизнь в усадьбе подальше от Дорвенны. Тихая, спокойная, безопасная... Что скажете, милорд?

В ее улыбке появился новый оттенок, и Грегор понял, что ему предлагают перемирие. Даже нет, не перемирие, а пощаду! Ту самую,

что Беатрис когда-то предложила Малкольму, и он отослал Джанет, выдав ее за немолодого провинциала. Она прожила в усадьбе пятнадцать лет, не показываясь ко двору, зато избежала смерти, вырастила сына и дочерей... И Айлин, несомненно, может так же! Какое восхитительное великодушие! А если король пожелает навестить ее? Или велит бывать при дворе?! Тогда – что?! Эта женщина, которая решает, жить его жене или умереть, щелкнет пальцами и отправит к ней нового убийцу?

– А вы не боитесь, что Фарелл действительно не станет молчать? – спросил он, уже не колеблясь, как поступить, но расчетливо стараясь выиграть время.

Всего несколько мгновений!

– Вот уж это не ваша забота, милорд, – равнодушно бросила Беатрис. – Если наш дорогой Итлийский Кот распустит язык, найдется, кому его укоротить. Вам следует беспокоиться не о нем. Так мы договорились?

«Фарелла она уже приговорила, – отметил Грегор. – И его чудесное спасение считает чем-то вроде досадной промашки. Которую исправит, как только представится возможность. Что ж, ему я тоже должен, кстати».

– Да, ваше величество, – бесстрастно сказал он вслух и не удержался: – Это очень великодушно с вашей стороны.

– Больше, чем вы думаете, милорд, – прошипела Беатрис, невольно показав из-под маски насмешливой любезности истинный змеиный нрав. – Гораздо больше! А теперь...

Она взглядом указала на дверь, и Грегор поклонился. Отступил, не поворачиваясь, тщательно соблюдая правила этикета. О да, при дворе можно быть кем угодно! Развратником, убийцей, предателем... Но этикет изволь соблюдать! Один шаг, второй, третий... Позади не скрипнула дверь – кто бы ей позволил скрипеть в королевских покоях, только чуть потянуло прохладой, и прошелестело платье фрейлины, а потом она возникла рядом бесшумно, словно призрак. Изящно склоненная белокурая головка, скромно опущенный взор. И никакой магии, разумеется. Обычная профанка благородного происхождения, миленькая, но какая-то бесцветная...

– Корделия, проводите милорда.

«И даже это удачно, – удовлетворенно подумал Грегор. – Девушка сможет подтвердить, что не видела ничего подозрительного. Магия – это ведь заклятия, ритуалы, артефакты. То, что можно увидеть и услышать! Но у богов есть пасынки, а есть – любимые дети, которым всегда позволено больше. Например, проклинать одним лишь намерением».

У самой двери он снова посмотрел на Беатрис. Долго, внимательно. И мягко сказал, поймав взгляд мгновенно расширившихся черных глаз:

– Желаю вам скорейшего выздоровления, ваше величество. Невозможно представить королевский двор Дорвенанта без вашей красоты. Надеюсь, все несчастья остались в прошлом.

«В прошлом... – загудело в висках, срываясь в полет, проклятие. И в тот миг, когда его незримая черная тень накрыла Беатрис, впиталась в ее кожу, волосы, глаза и губы, Грегора передернуло от острой вспышки наслаждения, почти любовного, только сильнее, острее и до боли ярче. – Несчастья... в прошлом... несчастья...»

«Это ничего не значит! – сказал он себе. – Конечно, я рад. Потому что больше она никому и никогда не причинит вреда! И в этом чувстве нет ничего постыдного, я же знаю, что прав. Это как раздавить ядовитую гадину, что уже бросилась, промахнулась и готовится к новому укусу! Это... правильно!»

Он глубоко вдохнул, переживая короткий экстаз освобождения от гнева, и медленно выдохнул. Претемная, какое блаженство! Как долго он нес груз ненависти, отвращения, презрения к этой женщине! И какое счастье – стать наконец орудием справедливости! Даже головная боль прошла.

– Б-благодарю, м-милорд... – ответила Беатрис, не отрывая от него слепой остановившийся взор.

И тут же опомнилась, вздрогнула и даже улыбнулась, ничего не понимая, растерянной, почти детской улыбкой, так не похожей на ее обычную усмешку – прекрасную и острую, как хорошо заточенная рапира.

В последний раз поклонившись, Грегор вышел. Кивнул в приемной секретарю, которого явно мучило любопытство, но расспрашивать Архимага тот, разумеется, не посмел.

«Видишь, дед, я помню твои уроки, – устало подумал он, спускаясь по ступеням главной дворцовой лестницы. – Я знаю, как наложить проклятие столь тонкое, чтобы не потревожить защитных плетений. Помню и то, что достойный человек не позволяет себе поддаться безрассудному гневу, его решения продиктованы принципами чести. Но если решение принято, его следует исполнять любой ценой, не дав себя остановить ни страху, ни ложному милосердию. Заслужила ли она смерть? О да! Покушение на жизнь благородной леди, к тому же беременной наследником рода! Королю пришлось бы либо казнить ее, вызвав ненависть Риккарди, либо нарушить один из величайших законов Дорвенанта. Я действительно оказал ему услугу. Эта женщина недостойна носить корону и титул супруги Дорвенна! Клянусь честью, если бы не было другого выхода, я бы убил ее открыто и пошел за это на плаху. Впрочем, и сейчас еще могу пойти, если кто-то распознает проклятие. Но вряд ли. Оно старое, такое старое, что уже почти забыто и сохранилось только в паре гримуаров, недоступных кому попало. И хорошо, пожалуй, что недоступных. В этот раз оно послужило справедливости, но если попадет в чужие руки... «Тень прошлого» – так его называл дед. Оно же «Кошмар наяву». Никаких видимых следов, и жертва даже не может позвать на помощь, ничего не понимая. Просто ее худшие воспоминания оживают и кажутся явью. Бесконечной, невыносимой, беспощадной явью, от которой нет спасения, кроме безумия, а затем скорой смерти. Дед говорил, что это проклятие «рассвета и заката». Если его наложить днем, жертва не доживет до ночи, и наоборот. Что ж, посмотрим...»

Отблеск уже испытанного удовлетворения снова коснулся его, но в этот раз Грегор его решительно отверг. Наслаждаться убийством? Недостойно мага и дворянина. Он всего лишь совершил то, что должно, защищая свою любовь и семью!

* * *

«Отвратительный день, – устало подумал Аластор, выходя из лазарета. – Впрочем, какой он еще должен быть? Утром этот неприятный разговор с Беа, от которого до сих пор на душе осадок, потом несчастье с Лучано, и хоть бы на этом вся дрянь, которую решили вывалить нам на головы Семеро Благих и Баргот, закончилась.

Ну сколько можно, а? Давно у меня не было такой паршивой недели... Да со времен Разлома, пожалуй!»

– Ваше величество! – Взволнованный секретарь, которому по должности полагалось находиться в приемной королевского кабинета, выскочил из-за угла, и Аластор на ходу развернулся к нему.

– Ну, что еще?!

– Новая мануфактура в северных предместьях, – доложил секретарь, преданно и виновато глядя в глаза. – Ночью случился пожар в недостроенных цехах, его удалось потушить, но огонь перекинулся на склад древесины, и тот выгорел дотла. Простите, ваше величество, вы велели сообщать обо всем, что касается мануфактур!

– Велел, – мрачно кивнул Аластор. – Причину пожара установили?

Ну да, верно, день еще не закончился!

– Еще нет, ваше величество. Его светлость канцлер отправил туда своих людей, но они пока не вернулись. Извольте что-нибудь приказать?

«Ага, изволю, – очень хотелось сказать Аластору. – Найдите того, кто отвечает за эту дрянь, и дайте мне секиру... Эх, и почему все нельзя решить так легко и просто?»

– Поезжайте в особняк моих родителей, – сказал он вместо этого вслух. – Я уехал отсюда в спешке, передайте им мои извинения и объясните случившееся нездоровьем лорда Фарелла. Что касается их высочеств Алиеноры и Береники... – Он задумался, стоит ли возвращать девочек во дворец прямо сейчас. Беатрис явно плохо себя чувствует, неизвестно, что она может наговорить дочерям в таком... странном расположении духа. Сначала нужно поговорить с ее целителями и... Дунканом, пожалуй. Да, именно с ним! – Они могут остаться в гостях до завтра. Только возьмите дюжину человек охраны для их высочеств и передайте милорду Себастьяну, что я прошу прощения за доставленные неудобства. А завтра я лично приеду в особняк. И... после этого можете быть свободны. Сегодня я больше не намерен заниматься делами.

– Да, ваше величество, – поклонился секретарь и умчался выполнять приказ.

Аластор вздохнул ему вслед и подумал, что смертельно хочет вымыться и сменить одежду. А еще надо бы лично поблагодарить

гвардейцев, которые помогли ему добраться до дворца. Всех шестерых, включая того, которому досталось в конюшне. Все-таки бедняга пострадал не по дурости, а за служебное рвение. И сделать это нужно прямо сейчас, потому что потом непременно навалятся срочные дела, а обещания следует выполнять.

Зайдя в караулку, Аластор увидел этого самого шестого. Мда... Глаз заплаыл, скула разбита...

– Мои извинения, милорд, – с некоторым смущением кивнул ему Аластор, напомнив себе, что нужно выучить имена охраны. – Прошу не держать зла.

– Да что вы, ваше величество! – прямо-таки взвыл гвардеец. – Как можно?! – И добавил, сверкая неподбитым глазом с истовым восторгом: – Ох и могучая рука у вашего величества! Уж приложили так приложили, истинно по-королевски!

Аластор только снова вздохнул. Странные люди – его подданные. Никак не получается привыкнуть, что от короля даже оплеуха считается милостью. Конечно, когда она не просто так, а вроде бы за дело...

Из караулки он вернулся во дворец, но не пошел к себе, а направился к Аранвену. Что вообще происходит?! На окраине горит мануфактура, по дворцу шляются какие-то мерзавцы, покушаясь на королевского фаворита... И неважно, что фаворит сам способен за себя постоять, все равно непорядок! Охрана куда смотрит?!

– Добрый день, ваше величество. – Канцлер поднял глаза от лежавшей перед ним стопки бумаг и с обычным доброжелательным равнодушием спросил: – Что вас интересует в первую очередь, наш итлийский гость или сгоревшая мануфактура?

Ну вот что за человек, а?! Впору подумать, что мысли читает!

Аластор упал в кресло и буркнул:

– Можно по порядку, милорд.

– Тогда гость, – снова кивнул канцлер. – Моя дорогая супруга, которую вы милостиво назначили лейб-некромантом, вызвала его душу и допросила. Покойник сообщил, что при жизни звался Фредо Черный Кот, вольный горожанин славного города Вероккья, младший мастер гильдии Шипов. Прибыл в Дорвенну, чтобы совершить убийство, но, к счастью, наш отважный лорд Фарелл первым успел нанести удар.

– А сообщники? – нахмурился Аластор. – У этого негодяя были сообщники? И как он вообще попал во дворец?

– Как обычно попадают в подобные места подобные люди? – Аранвен слегка пожал плечами. – Под видом торговцев, ремесленников, прислуги или приказчиков, исполняющих поручение. Увы, ваше величество, несмотря на бдительность охраны, любой дворец полон людей, и не все из них добропорядочны. Фредо ди Вероккья носил личину приказчика итлийского торгового дома, как и лорд Фарелл в начале вашего знакомства. Правда, представлялся не парфюмером, а ювелирных дел мастером, у охраны на воротах он записан в книге именно так. Поскольку подкупа или недосмотра не было, наказывать гвардейцев я считаю несправедливым.

– Ну, раз вы так считаете...

– К счастью, – мерно продолжал канцлер, – как показал допрос, негодяй действовал в одиночку. Сообщников у него не было, на этот счет лорд Фарелл может быть спокоен.

– Значит, все-таки старые счета, как Лу и говорил? – Аластор не то чтобы успокоился, но от сердца немного отлегло. Враги – это понятно, у кого их нет, а уж с прежним ремеслом Лучано подобное и вовсе неудивительно. – А что там с мануфактурой? Целый склад ценной древесины сгорел!

– О, не извольте беспокоиться, ваше величество. – Канцлер улыбнулся своей тонкой быстрой улыбкой, которая появлялась на его губах, когда Аранвен был чем-то доволен. – Сгорела не деловая древесина, предназначенная для строительства, а гнилая пересортица, нарочно заказанная и привезенная именно для этого. Хорошей древесины там был только верхний слой, чтобы никто не заподозрил подмены.

– Подмены? – вскинулся Аластор. – Вы что, знали, что она сгорит?!

– Разумеется, – словно бы удивился канцлер. – Ваше величество, вы полагаете, что ваши нововведения и планы нравятся безусловно всем? Есть некоторые лорды, что не одобряют вашу политику и изъятие крестьян для королевских нужд. А еще есть торговые гильдии Фраганы, Арлезы и Итлии, для которых мануфактуры Дорвенанта означают непереносимые убытки. Ведь они продавали нам товар, который мы теперь намерены производить сами. Конечно,

мануфактура просто обязана была сгореть или повредиться как-то иначе.

— А охрана? — растерянно спросил Аластор. — Можно ведь было поставить охрану...

— И рисковать гораздо большими убытками, когда цеха будут построены? — В голосе канцлера появился легкий оттенок назидательности. — Нет, ваше величество, уж лучше сгорит некоторое количество дешевого гнилого леса, чем склад готового сукна, к примеру. Зато теперь у нас в подвале сидят три арлезийца, пойманных на месте преступления, и наперебой признаются в содеянном, вымаливая каторгу вместо казни. Их показания позволят нам поторговаться при заключении следующего контракта с самым крупным торговым домом Арлезы. Ведь мануфактуры заработают в полную силу не сразу, еще пару-тройку лет чужое сукно нам очень пригодится.

— Так... — Аластор потер виски, пытаясь осознать, что именно только что услышал. — То есть вы нарочно дали им спалить склад? Поймали на приманку? Надеюсь, при пожаре никто не погиб?

— Не беспокойтесь, ваше величество, из нужных людей — никто. Разве что два сторожа из простонародья, которым эти молодчики перерезали глотку, но оставь мы склад без охраны, негодяи могли заподозрить неладное. А теперь мы поставим настоящую стражу из солдат, и мануфактура будет в полной безопасности.

Он снова удовлетворенно улыбнулся, и Аластор понял, что канцлер действительно не видит ничего особенного в том, что случилось. Подумаешь, два простолюдина! Какое значение имеет их жизнь в сравнении с выгодным государственным контрактом на арлезийское сукно? Простолюдинов как грязи, а войска нужно одевать.

Аластор сглотнул отчетливый привкус чего-то гнилого во рту и тихо спросил:

— Скажите, милорд, а настоящие короли... законнорожденные... они появляются на свет с этим умением извлекать выгоду для страны из любой грязи и крови? Или этому можно научиться?

Канцлер снова поднял на него взгляд от бумаги, которую бегло просматривал, и так же негромко уронил:

— Увы, ваше величество, большинство королей учиться этому попросту не желают. Хотя умение это чрезвычайно полезно.

– А быть королем, оставаясь хорошим человеком, никак нельзя?! – не выдержал Аластор.

– Отчего же, ваше величество? – Улыбка канцлера, и без того узкая и бледная, стала острой, как лезвие ножа. – Если вы согласитесь кому-то доверить решения, которые невозможны без крови и грязи, как вы изволили выразиться. Собственно говоря, для этого у королей и существуют министры. Мы – перчатка, которая защищает ваши руки от всего, что способно их испачкать. Но следует помнить, что за действия рук, в перчатках они или без, отвечает все равно голова.

– Я запомню, – пообещал Аластор, поднимаясь. – Благодарю вас за очередной урок, милорд. И... за то, что вы делаете для Дорвенанта. Сейчас и много лет до этого...

Аранвен молча склонил совершенно седую голову с гладкими, тщательно заплетенными волосами, и Аластор не мог не подумать, что пожелай эта голова надеть корону, наверняка это могло случиться. И, возможно, даже пошло бы Дорвенанту на пользу. А может, и нет.

Что ж, а вот теперь – точно в купальню! Сейчас ему это просто необходимо!

Глава 35

Ало-золотое

В купальне – хоть и не арлезийской, о которой с той памятной вечеринки вспоминалось с легкой завистью, но тоже неплохой, – Аластор почувствовал себя куда лучше. Теплая душистая вода словно смыла и тревоги, и липкий тяжелый ужас, и усталость, и даже сердце, кажется, забилось ровнее...

Да и вообще, в горячем бассейне было так хорошо, что Аластор плескался, пока курившийся над водой парок не стал оседать, а сама вода изрядно остыла. Кажется, он даже вздремнул там немного, сквозь сон чувствуя, как вода теплеет снова, подчиняясь действию артефакта. Час, а может и два... Ужасно бестолковая трата времени, но... даже король может иногда отдохнуть!

Джастин тенью скользнул в купальню, положил стопку свежей одежды на длинную скамью и протянул белье.

– Спасибо, Джастин, – благодарно кивнул Аластор и осторожно поинтересовался: – Не слышно ли чего-нибудь о самочувствии Фарелла?

– Помощник магистра Бреннана проводил лорда Фарелла в его комнату, – почтительно откликнулся старик-камердинер. – Там лорд Фарелл имел краткую беседу с лордом Аранвеном, после которой уснул. Полчаса назад он пробудился, велел принести закуски для себя и молока для енота, который тоже проснулся.

– О, значит, и я к нему зайду! – обрадовался Аластор, одеваясь. – Моя супруга ничего не передавала?

– Фрейлины ее величества сказали, что у нее чрезвычайно болит голова, она взяла у лейб-лекаря зелье и никого не намерена принимать.

– Понимаю, – кивнул Аластор, испытывая малодушное облегчение.

После утренней ссоры разговаривать с Беа не хотелось совершенно. Конечно, она больна, это все объясняет, но глупая обида не желала отпустить и грызла где-то внутри, напоминая, что Беатрис и до этого ужасного происшествия в последнее время сильно

изменилась. Нелепые придирки, непонятные смены настроения, странные претензии – вспомнить хотя бы случай с Дани.

«Зайду к ней после ужина, – пообещал он себе, надевая мягкие домашние туфли. – Головная боль наверняка пройдет, мы сможем спокойно поговорить, я ей все объясню! Заодно попрошу приструнить фрейлин, чтобы не болтали лишнего и не расстраивали девочек».

Из комнаты Лучано упоительно, прямо-таки вызывающе пахло шамьетом. Втянув носом это благоухание, Аластор обрадовался и возмутился одновременно. Целители ведь говорили, что Лу нужен покой! А этот паршивец варит шамьет, как будто с королевской кухни его пить невозможно!

Постучав и по привычке сразу приоткрыв дверь, он уже хотел высказать все, что думает о таком пренебрежении здоровьем, но осекся. У жаровни стоял Дункан, а Лу развалился на постели, почесывая блаженно подставившего пузо Перлюрена. Рядом с енотом расположился Флориморд, алчно поглядывая на столик, уставленный закусками. Кажется, рулетики из семги, запеченной в сливочном соусе, находились в нешуточной опасности.

– Ваше величество! – Дункан, который заметил его первым, поклонился, не выпуская из рук шэнье. – Вы как раз вовремя! Я только что собрался ставить вторую партию шамьета. Или вы предпочтете шоколад?

– Я предпочту что угодно, лишь бы побыстрее, – признался Аластор. – И что-нибудь съесть, если позволите. И зовите меня Аластором, в конце концов, мы же не в тронном зале.

– Альс! – Лучано привстал с постели, и Перлюрен, которого он спихнул, недовольно хрюкнул. – Присаживайся! Будешь итлийские сладости? Апельсин? О, попробуй котлеты из утки, тебе должно понравиться. И семгу, да?

– И семгу, – согласился Аластор, пока Лучано торопливо накладывал ему закуски. – Дункан, как хорошо, что вы приехали! Я собирался за вами посылать, а вас будто Благие привели!

– В этот раз роль Благих, при всем моем уважении к ним, исполнил магистр Бреннан, – улыбнулся разумник. – Он попросил меня осмотреть лорда Фарелла, который долгое время был без сознания. Более того, его сердце остановилось, а это чрезвычайно вредно для работы мозга. Сам магистр при осмотре никаких

нарушений не нашел, но разумники смотрят несколько иначе, чем целители. Поэтому мы решили не пренебрегать никакими возможностями. А лорд Фарелл был так любезен, что согласился на осмотр, но слишком разнервничался, вот я и решил, что чашка шамьета не помешает.

Он снова лукаво улыбнулся, выразительно посмотрев на Лучано, который тут же напоказ вздохнул и заявил:

– Видят Благие, я бы охотно позволил вам любой осмотр своей персоны! Даже самый... пристальный! Но все эти манипуляции с разумом... Дорогой магистр, вы же понимаете, что подвергаетесь нешуточной опасности увидеть наконец мои истинные чувства к вам!

– О, милорд, не беспокойтесь, – не остался Дункан в долгу, пока Аластор пытался не фыркнуть, чтобы не подавиться семгой. – Наивные юношеские фантазии я обещаю не трогать. Пусть остаются в вашем полном распоряжении.

– Туше, – признал Лучано, и Аластор все-таки фыркнул.

Магистр, тоже усмехнувшись, поставил на жаровню шэнье и принялся отмерять в нее шамьет. Его светло-бежевый камзол, расшитый тонкой золотой нитью, блеснул в солнечных лучах, льющихся из окна, и Аластор поймал взгляд Лучано. Тоскливый и восхищенный, как у Флориморда, любующегося семгой. Вот ведь неугомонное дитя Итлии! Магистр сколько раз давал понять, что Лу не на что надеяться, а тот все не уймется. Впрочем, кажется, Дункана это скорее развлекает, чем оскорбляет. А еще он до сих пор носит зеленый шелковый платок. И вряд ли только потому, что зеленое ему удивительно к лицу.

Подумав про Айлин, Аластор невольно перескочил мыслями дальше.

– А после того как осмотрите Лу, – начал он осторожно. – Разумеется, после! Не согласитесь ли вы... Дункан, я прошу вас, осмотрите еще и Беа! Понимаете, она... у нее...

– Ее величество несколько не в себе? – понимающе подсказал разумник, и Аластор закивал.

– У нее такие странные мысли, если бы вы только знали! Она... она ревнует меня к Айлин! К Айлин! Как это вообще возможно? – добавил он, мучаясь такой беспомощной растерянностью, что самому стало противно.

– У ее величества, несомненно, есть к этому основания, – невозмутимо подтвердил разумник и поднял ладонь, перебивая возмущенно вскинувшегося Аластора. – Я вовсе не имею в виду вас, как и леди Айлин. Но ее величество – итлийка, хотя и прожила половину жизни в Дорвенанте. В Итлии дружба – величайшая драгоценность, столь редкая, что баллады о ней слагают не реже, чем о любви, причем иногда гораздо чувствительнее. Не так ли, милорд?

– И даже гобелены ткут про дружбу, – подтвердил Лучано. – Во дворце дожа Вероккьи висит гобелен, изображающий графа Эзелино, который клянется в дружбе принцу Гвадерини. Очень трогательная история!

– А Ревенгары ничего не умеют делать наполовину, – добавил Дункан, благодарно кивнув. – Они скоры на гнев, но и щедры на дружбу больше, чем кто-либо другой из Трех Дюжин. Они готовы на все ради тех, кого зовут друзьями. Таким был лорд Дориан, а леди Айлин... вы знаете и сами. Итлийке же трудно понять – как можно делать для друзей то, что она сама готова была бы сделать лишь ради возлюбленного.

– Не все итлийцы таковы, – тихо заметил Лучано.

– Не все, – спокойно подтвердил Дункан.

– Беа меня любит, – пробормотал Аластор. – Как можно сомневаться в том, кого любишь? Это же... противоестественно!

– Ее величество, – мягко возразил разумник, – несомненно любит вас, но ее любовь... Она близка к одержимости. Как и... любовь лорда Бастельеро, – добавил он с явной неприязнью. – Клянусь Благими, я не хотел бы расстроить вас, Аластор, но возможно, что вашей супруге действительно нужна помощь целителей. Она пережила тяжелое потрясение, это правда, но ее личность сложилась задолго до этого несчастья. Как бы объяснить... Представьте себе вазу, для которой тщательно отобрали глину, вылепили ее на гончарном круге, расписали, обожгли. Потом эту вазу можно наполнить водой, молоком, чем угодно, понимаете? Но суть вазы останется неизменной. Беда, которая случилась с ее величеством, наполнила вазу ее души горечью. Эту горечь можно вылить и заменить чем-то более приятным, но сама ваза останется той же самой. Ее можно переставить в другое место, украсить цветами, заботиться о ней, но глину, из которой ее вылепила

жизнь, не превратить в золото или мрамор. Ее можно либо принимать такой, какая она есть, либо...

– Разбить... – тихо подсказал Лучано, и Аластор вздрогнул.

– Либо разбить, – невозмутимо согласился Дункан. – Но будем надеяться, что до этого не дойдет. А вот и шамьет готов!

– Мне что-то не хочется, – пробормотал Лучано, поежившись, как в ознобе. – Милорд магистр, вы уверены, что этот осмотр не может подождать? Не подумайте, я очень ценю, что вы ради меня приехали во дворец, но... Может, отложим?

– Никаких «отложим»! – возмутился Аластор. – Лу, что ты как ребенок? Да после такого от тебя целители отходить не должны, а ты боишься какого-то осмотра? Кстати, канцлер сказал, что тот мерзавец был один, никаких сообщников. Леди Немайн его допросила. Явился из Итлии нарочно для тебя, представляешь?

– В самом деле? – уточнил Лучано с каким-то застывшим лицом. – Благие Семеро, благословите грандсиньора Ангуса и грандсиньору Немайн. Так... любезно с их стороны это выяснить. Ладно, давайте проведем осмотр, только побыстрее, – добавил он чуть ли не отчаянно.

– Мне выйти? – Аластор запил крошечную котлетку остывшим шамьетом Лу, в который раз удивляясь, почему итлиец пьет такую гадость, если умеет варить великолепный сладкий напиток. А у самого ни капельки меда в чашке нет! – Лу, на тебе лица нет, может, и правда позвать целителей?

– Одну минуту. – Дункан присел на кровать и положил руку Лучано на лоб. – Это не займет много времени.

Пытаясь не смотреть в сторону друга, напряженного, как лошадь перед прыжком, Аластор перевел взгляд на Флориморда. Как раз вовремя, чтобы шлепнуть по пушистой наглой лапе, потянувшей с блюда оставшийся там кусочек семги. Флориморд укоризненно глянул в ответ, всем видом изображая, что голодает уже неделю.

– А в спальне вчера в углу мышь скреблась, – безжалостно сообщил ему Аластор. – Может, мне Перлюрена попросить ее поймать? Только тогда и сливки с королевской кухни ему отдам. Ты хоть вид сделай, что ловишь, у меня половина придворных этим занимается, их я тоже кормлю за умильную морду и за то, что по дворцу красиво ходят.

– Ну вот и все, – негромко сказал Дункан, встряхивая руку, которую снял со лба Лучано. – Никаких оснований для беспокойства, мозг прекрасно функционирует. Магистр Бреннан провел замечательную работу! Кстати, я второй раз в жизни вижу человека, который побывал на Темных Путиях и сумел вернуться.

– Темные Пути? – удивился Аластор. – Что это?

– Отвратительное место, – пробормотал Лучано. Заглянул в свою опустевшую чашку, глотнул шамьета из чашки Аластора и тут же поставил ее на место. Дункан молча подвинул к нему свою, к которой Лу жадно припал, осушил почти полностью и благодарно улыбнулся разумнику:

– Вы меня снова спасли, грандсиньор. Что поделать, ну не люблю я столько меда в шамьете.

– О, для вас что угодно, Лучано. – Дункан несколько мгновений полюбовался на радостно-изумленную физиономию итлийца и с едва уловимой ехидцей добавил: – Почти что угодно, вы же понимаете?

Хм, Лучано?! Дункан же только что звал его лордом Фареллом! Иногда, кстати, зовет по родовому имени, как это принято между коллегами, соратниками или просто близкими знакомыми, но чтобы просто по имени?! Что за эту пару минут изменилось?!

– Темные Пути – страшное место, – согласился Дункан, делая последний глоток из своей чашки. – И вы, Лучано, по праву можете гордиться этим приключением и своей силой духа. Говорят, они ведут напрямую на изнанку нашего мира, минуя Бездну. В нашем мире вход на Темные пути и выход из них находятся в зеркалах. Именно поэтому, кстати, зеркала принято закрывать, если в доме покойник. Давнее суеверие, которое хранит частичку настоящего знания о том, что душа может потеряться на Темных Тропах. А во плоти ступить на них способны лишь некроманты, но даже из них почти никто не может оттуда вернуться. Впрочем, мы все знаем невероятную особу, которой это удалось. Помните, ваше величество, как она явилась за вами из Академии, чтобы спасти?

– Айлин?! – в голосе Лучано слышалось неподдельное изумление. – Но... как?! Не поймите неправильно, милорд... простите, Дункан. Она великая магесса! Но... Ладно – я! Не хочу хвастаться, но я прошел недурную школу, которая закалила мою душу. А она – совсем юная девица! Добрая, чистая, нежная...

– Готовая шагнуть в Разлом ради того, кого любит, – в тон ему подсказал Дункан, и Лучано осекся. – И заметьте, любит именно по-дружески! Что возвращает нас... хм... к недавнему разговору о дружбе.

– Все равно не понимаю, – вздохнул Лучано. – Дело ведь не только в решимости. Эти Темные Пути, они... выжирают разум и душу, высасывают, как паук – муху. Так что только пустая оболочка остается! Как она могла пройти ими?

– Да потому что коза упрямая, – бросил Дункан полураздраженно-полувосхищенно, и Аластор не поверил своим ушам.

Лучано, судя по вытаращенным глазам, тоже.

– Ну что вы на меня так смотрите? – усмехнулся разумник. – Я сказал именно то, что хотел. В жизни не встречал такого упрямого, не поддающегося ничьему влиянию, не признающего авторитетов, не понимающего опасностей, лукавого и безнадежно озорного существа. Или вы со мной не согласны? Или можете придумать сравнение получше?

Лучано нервно хихикнул, Аластор вспомнил янтарную безделушку, которую Лу подарил Айлин, и тоже не смог сдержать улыбки. Коза, как есть коза!

– А может, навестим ее? – предложил он осторожно. – Ради этого я даже перед Бастельеро извинюсь за вчерашнее. Дункан, вам не обязательно, конечно, но если хотите...

Он не договорил и смешался, понимая, что ни скажи, все равно выйдет плохо. Слишком больно и для Айлин, и для Дункана. Неизвестно, что хуже, месяцами не видеть любимую женщину или навестить ее в доме человека, который хуже, чем враг. Того, кто даже не понимает, что держит Айлин в заточении! И если бы она хоть раз попросила о помощи, дала знать, что несчастлива, хоть пожаловалась...

– Благодарю за предложение, – помолчав, отозвался Дункан. – Но позвольте им не воспользоваться. Ваш визит наверняка доставит леди Айлин огромное удовольствие, а мой только разбередит еще не зажившие раны. Но можете не сомневаться, я очень благодарен и никогда не забуду...

Смотрел он при этом почему-то на Лучано, и тот улыбнулся чуть кривовато, будто что-то скрывая.

— Тогда идемте к Беа. — Аластор решительно поднялся из кресла. — Лу, ты можешь остаться. Тебе же вроде велели лежать в постели?

— Мне велели никуда не выходить без сопровождения! — запротестовал тот. — Рядом с таким опытным целителем я точно в безопасности! Провожу вас, а потом вернусь в постель, обещаю! Возьму что-нибудь почитать в библиотеке, попрошу синьору Катрину подогреть молока с булочками...

— Ладно, идем, — сжалился Аластор и цапнул последний рулетик из семги перед носом Флориморда, проводившего лакомство скорбным взглядом. — Тебя послушать, так ты от скуки умираешь! Дня не прошло, как переместился порталом из Итлии, подрался с убийцей, умер, вернулся с того света и поднял на ноги весь дворец! Вполне можно провести вечер в постели с теплым молоком и булочками!

— Не вижу ничего плохого в теплом молоке, — поддержал его Дункан. — Очень полезное питье, особенно в холодное время года. Уроженцы теплых стран с трудом привыкают к погоде Дорвенанта, хотя на севере, говорят, намного хуже. Лично я предпочитаю хотя бы выходные проводить в Арлезе, благо порталы снова доступны. Теплое море, виноградник...

— А дон Леон составляет вам компанию? — оживился Лучано, когда они вышли из королевского крыла в общие залы, разделяющие покои короля и королевы. — Кстати, передавайте ему привет!

— Непременно передам, — кивнул Дункан. — Разумеется, разделяет. И вообще считает, что в Арлезу я отправляюсь исключительно ради него. У него отличный мех, он бы и в Дорвенанте зимой не замерз, но терпеть не может снег и холод. Истинный арлезиец, что поделать! Ну и кошки, сами понимаете. Местные кошки не подходят ему по размеру, и Дон Леон ужасно страдает.

Две леди, разговаривающие у окна, повернулись к ним и присели в реверансе. Аластор на ходу кивнул им, потом еще кому-то, не вглядываясь в лица. Вот и поворот к покоям Беатрис. Отсюда видно окно ее спальни. Солнце скоро зайдет, но пока его янтарные лучи заливают мир золотистым светом, таким нежным и мирным... Если целители разрешат, можно пригласить Беа погулять в саду перед ужином. Хотя нет, ей вряд ли можно вставать. Какой же он болван, даже букет с собой не захватил!

– О, а я бы мог познакомить его с подходящей кошкой, – заулыбался Лучано. – Но для этого благородному дону придется посетить Итлию. Эту даму зовут Белена, и она снежно-белая...

– Ваше величество! Ваше... Кто-нибудь, скорее магов! Гвардию! Пошлите за его величеством!.. галерея! Она на галерее!

Мимо промчалась фрейлина из свиты Беатрис, за нею еще одна...

Похолодев, Аластор кинулся к окну, мимо которого они как раз проходили. Широкому окну, выходящему на маленький балкончик, откуда как раз открывался вид на галерею вокруг третьего этажа. «Во дворце по-королевски высокие потолки, – почему-то разом вспомнилось ему. – Каждый этаж – как два этажа у нас дома... А галерея еще приподнята. И сейчас там уже никто не гуляет, холодно. Особенно, когда северный ветер. Зачем Беа?..»

Он выскочил на балкончик, вцепился в перила, взгляделся... Одно пустое окно в галерее, второе, третье... Беатрис стояла на подоконнике четвертого. Высокое окно со стрельчатым верхом, плавно сужающимся до острия, темнело вокруг, будто рама старинного зеркала. И снова некстати вспомнилось про Темные Пути, выход на которые как раз в зеркалах... Да нет же! Не может она!

Где все?! Фрейлины? Охрана? Болваны придворные, которых везде полно, когда не нужно! Кто ее пустил на галерею?! Почему не остановили? Сердце молотило в сумасшедшем ритме, словно Аластор прямо сейчас мчался туда, где его жена стояла над брусчаткой двора на высоте в десять человеческих ростов. Но не успеть! Никак не успеть! Нужно пробежать весь второй этаж до выхода на галерею, потом...

И как же она была прекрасна! Феникс, волшебная птица из старых сказок! Ало-золотое платье развевалось на ветру, обвивало ее, словно огненные языки, огненными искрами вспыхивали рубины на запястьях, на шее, вот кроваво полыхнуло в волосах – шпильки? Нет, диадема. Ее любимые драгоценности, подарок Бастельеро...

– Ваше величество! – донесся из окна истошный крик какой-то дамы.

Дрожа от страха, Аластор задохнулся, зажал обеими руками рот и проклял дуру. Зачем орать?! Подойдите потихоньку, оттащите... Ведь стоит ей сделать одно-единственное движение...

Звонкий, но безумно залиvistый, неостановимый смех полетел над застывшим в ужасе дворцом. С галереи он раздавался так ясно и

громко, что даже заткни Аластор уши, слышал бы каждый звук.

Это смеялась Беатрис. Порыв холодного вечернего ветра пошевелил ало-золотую ткань ее платья, чудовищно похожего на флаг Дорвенанта. Закат залил лицо кровавым отблеском...

Всплеснув руками, словно крыльями, поднявшись на носочки, вытянувшись струной, она повернулась на узком подоконнике, словно танцуя...

И полетела вниз, не перестав смеяться. Прямо на брусчатку дворцового двора.

Аластор услышал чей-то крик и даже не понял, что кричит сам. Просто в горле вдруг встал колющий ком, стало трудно дышать. А в следующий миг его оттащили от перил, сгребли в охапку, прижали к чьему-то здоровенному телу и зашептали в самое ухо:

– Не надо, Аластор. Не смотри! Не смотри, мальчик мой... Все, уже все, слышишь? Ты ничего не мог сделать, ты не виноват... Запомни, ты – не виноват!

– Отпусти! – продолжал кричать Аластор, не понимая, кричит на самом деле, или это только кажется в жутком красно-золотом безмолвии, которым обернулся мир вокруг. – Дункан! Отпусти! Я должен! К ней! Да пусти же!!!

И лишь когда понял, что отпускать его никто не собирается, что биться бесполезно – это ему-то, с его огромной силой! – потому что объятия магистра крепче медвежьих, что ничего и правда сделать нельзя, потому что он опоздал, снова опоздал, как тогда на холме, как на проклятой лестнице, где его не было рядом, как сейчас... Лишь тогда он обмяк и зарыдал, уткнувшись лицом в плечо Дункана и не думая ни о чем, кроме одного – если бы он не отказался дать ей эту дурацкую клятву, Беатрис наверняка не сделала бы этого... Она разуверилась в его любви, она была больна, а эта глупая нелепая клятва... Ну почему он ее не дал?! Да он тысячу раз поклялся бы в чем угодно, только бы...

– Нельзя остановить того, кто хочет умереть, – шепнул ему на ухо Дункан. – Никакой клятвой, никакой силой. Ты не виноват, слышишь? Бедный мой мальчик... ты ни в чем не виноват...

– Альс... – всхлипнул рядом знакомый голос, и Аластор потянулся туда, но вырваться не смог. Правда, его тут же обняли сзади, и Лучано простонал:

– Альс, ми аморе... Дункан, помогите ему! Всеблагая, он так рыдает... Разве можно человеку так рыдать?! Сделайте же что-нибудь! Усыпите его...

– Не сейчас, – тихо отозвался разумник. – Только не сейчас. Пусть плачет. Хвала Благим, что он может плакать... Пусть его сердце истекает слезами, иначе оно истечет кровью.

Кровь? Как они могут говорить о крови? Ало-золотое пятно на темном камне, алый ореол... Аластор не успел увидеть Беа, но ему и не нужно было. Он видел ее глазами того самого сердца, которое сейчас истекало кровью, пусть наружу и видны только слезы. Она умерла, умерла, умерла... И он ничего не смог поделать!

Глава 36

Правда не во спасение

– Ваша светлость, пора пить лекарство.

Айлин вздрогнула и обернулась. Эванс, по обыкновению явившаяся неслышно и незаметно, присела в реверансе и вид при этом имела исключительно почтительный и благонравный. А сны... Что ж, это слишком зыбкое основание, чтобы всерьез считать человека крысой в человеческом обличье, не так ли? Компаньонка изо всех сил пытается быть полезной, значит, нужно хотя бы попытаться с ней поладить.

Вздохнув, Айлин кивнула и потянулась за коробочкой с пилюлями, оставленными леди Эддерли. Бросила в рот и старательно рассосала сладковато-мятную таблетку, от которой тут же приятно закололо язык и захотелось пить.

– Воды, миледи? – подсказала компаньонка, прекрасно знавшая действие пилюль, и Айлин снова кивнула.

Горничная с подносом, на котором стоял стакан воды, появилась так быстро, что вряд ли здесь могло обойтись без магии.

«Или просто Эванс оставила ее за дверью, – возразила себе Айлин. – Здесь все слуги приучены угадывать желания хозяев, даже не высказанные. – Она пригляделась к молоденькой девчонке, светловолосой и веснушчатой, в тщательно наглаженном темно-коричневом платье и белоснежном переднике. – А горничная-то новенькая. Глаза еще живые, любопытные и застенчивые. Те, кто давно служит в доме Бастельеро, сами похожи то ли на умертвия, то ли на ожившие статуи. Ни одного лишнего взгляда, ни одного слова, лица непроницаемые, как маски, на которых сверху нарисовано почтение и желание услужить. Благие Семеро, как же я устала от этого...»

Она выпила воду и спросила:

– Как тебя зовут, милая?

– Дженни, миледи! – выпалила горничная, но тут же распахнула голубые глаза и торопливо поправилась: – То есть Тильда. Простите, миледи! Конечно, Тильда!

Присела в реверансе и застыла, боясь подняться, косясь на Айлин снизу вверх.

– Ты здесь недавно, да? Встань, милая, – вздохнула Айлин. – Не бойся. Дженни ничуть не хуже Тильды, поверь мне. Откуда ты?

– Так из деревни, миледи, – растерянно отозвалась девчонка и добавила с наивной гордостью: – Вы не подумайте, я не коровница какая, усадебные мы. Матушка всю жизнь при господских покоех служила и меня учила, а как она весной померла, господин управляющий велел меня в город отправить, милорду и миледи служить... Я уже третий месяц тут, сначала при прачечной была, а как увидели, что я тонкое белье хорошо стираю, меня в покои перевели. Ой, простите, мне же велели много не болтать!

– Ничего страшного. – Айлин ободряюще улыбнулась девочке, поставила стакан на поднос и велела: – Скажи экономке, что я велела приставить тебя к моим покоям. Будешь моей личной горничной, и я разрешаю тебе зваться Дженни.

– Спасибо, миледи!

Девчонка распахнула глаза еще шире, хоть это и казалось невозможным, и умчалась, едва сдерживаясь, чтобы не взвизгнуть от восторга, и придерживая стакан, чтобы он не упал.

– При всем уважении, миледи, из нее вряд ли получится хорошая горничная, – заметила Эванс. – Девица явно еще плохо обучена, и у нее ужасные манеры.

– При всем уважении, сударыня, я вполне способна определить, кого именно хочу в горничные. – Айлин старательно скопировала любезно равнодушный тон тетушки Элоизы, удивившись, как легко у нее это получилось. – Манеры можно со временем приобрести, вот искренность – гораздо сложнее. Лорд Бастельеро еще не вернулся?

– Нет, миледи. – Эванс поджала губы, понимая, что ей дали отповедь, причем вполне заслуженную. Конечно, очень многие дамы обсуждают с компаньонками все, включая прислугу, но... не в этом случае. – Желаете обедать?

«Всего лишь обед? – удивилась Айлин. – Ах да, часы в главном холле недавно пробили два раза большим колоколом и потом еще прозвенели малым колокольчиком. Время накрывать на стол, я должна приказать это дворецкому, он передаст приказ экономке и горничным, а те – на кухню. Конечно, все давно готово, и огромный штат прислуги

ждет одного моего слова, но... к чему это все? Я же опять съем совсем немного, а остальные блюда вернут на кухню, могли бы и не трудиться приносить. Разве что батюшка Аларик пожелает обедать?»

– А лорд Аларик дома? Если да, спросите, желает ли он обедать?

Эванс опять едва заметно поджала губы. Она удивительно быстро прониклась правилами особняка, которые гласили, что обед накрывается ровно в половине третьего, чтобы в три хозяева могли сесть за стол. Исключение делается, если никого из хозяев нет дома, в таком случае пища ожидает их горячей в любое время дня и ночи.

Между прочим, рыба подается дважды в неделю, в день Всеблаготворительности Матери и Всеумелого Мастера, сладкий пирог – только к шампету, горошек и бобы не подаются к столу никогда, лорд Стефан их не одобрял, а лорд Грегор не изволил отменить запрет. Обед непременно должен состоять из семи горячих блюд – в честь Семи Благоухающих, гренки могут быть только к завтраку и только в четные дни недели, в нечетные следует завтракать омлетом. Конечно, миледи может заказать любое блюдо, его просто подадут вместе с гренками и омлетом. Никаких ягод на ужин, тушеная баранина всегда готовится с розмарином, а кролик – с тимьяном. Если миледи желает кролика с розмарином, его, приготовят, разумеется, и подадут к столу вместе с другим кроликом, правильно тушеным с тимьяном... За несколько месяцев жизни здесь Айлин выучила все эти правила и тихо их ненавидела. Примерно как кролика с тимьяном, которого раньше очень любила. До того, как тимьян стал в этом блюде обязательным.

– Его светлость Аларик приехал четверть часа назад и сказал, что обедал в городе со своими учениками. Они передали вам поклон и какие-то... этюды.

Губы сударыни Эванс стали еще тоньше, выражая ее мнение о молодых людях, которые смеют что-то передавать замужней даме. Увы, поскольку сделано это было через старшего родственника дамы, этикет не мог стать преградой подобному безобразию.

Два Оуэна! Батюшка Аларик обедал с Кэдоганом и Галлахером, они помнят о ней и даже что-то передали!

Губы Айлин против ее воли растянулись в счастливой улыбке.

– Передайте на кухню, что обед накрывать не нужно, – сказала она. – Я выпью шампета в гостиной, только сначала увижу лорда Аларика.

— Да, миледи.

Эванс присела в реверансе и отправилась исполнять поручение, всей спиной выражая страдание и неодобрение. Сама виновата, между прочим! Ей никто не мешал вызвать для этого горничную, но если компаньонке хочется показать, как ею пренебрегают и заставляют ее выполнять работу прислуги, то Айлин ей мешать не намерена.

И все-таки, что же творится во дворце? Лорд Бастельеро отправился туда около полудня... Почему он так задерживается? Значит, дело серьезное?

Она с отчаянием посмотрела в окно, за которым торчали уже почти облетевшие ветви, среди которых виднелись вороньи гнезда. В саду холодно и сыро, хотя день ясный. Но если накинуть шаль, можно прогуляться. Или пойти в библиотеку? Что угодно лучше, чем просто сидеть на месте и ждать, ждать, ждать... Лучано... С Лучано беда, и неизвестно, не ударит ли это по Аластору?

А она торчит здесь, безобразно расплывшаяся, слабая, беспомощная и бесполезная! Не способная ни на что, кроме капризов и тошноты! Когда на несколько мгновений показалось, что она может дозваться Лу, Айлин сделала это всей душевной силой, на которую была способна, всем отчаянием и любовью! Но эти мгновения прошли, и она даже не узнала, принес ли ее порыв какую-то пользу...

Ребенок внутри шевельнулся, и Айлин привычно положила руку на живот, виновато подумав, что зря позволила себе расстроиться. Малыш все чувствует, леди Эддерли не перестает об этом говорить. Поэтому нужно есть вкусную полезную пищу, читать приятные книги, много гулять и любоваться произведениями искусства. Например, галереей фамильных портретов Бастельеро, чтобы будущий маленький лорд и леди еще у матери под сердцем проникались величием славного рода, к которому имеют счастье принадлежать.

Про величие — это слова Эванс, разумеется. Айлин честно старалась любоваться портретами, мужчины и женщины на них были прекрасны, но мрачны, будто их рисовали перед казнью или во время ужасного несварения желудка. К счастью, батюшка Аларик знал про каждого из них множество увлекательных историй, от которых компаньонка бледнела и краснела попеременно, но не смела и слова сказать поперек. В конце концов, это были предки лорда Аларика, а не сударыни Эванс.

Кстати, из всех портретов он молчал только про один, всегда проводя Айлин мимо. С полотна смотрела красивая девушка с фамильными чертами Бастельеро и гордым лицом, которое портили только капризно изогнутые губы и странный взгляд, слишком пристальный и настороженный. Заметив необычное отношение свекра к этой даме, Айлин невольно заинтересовалась портретом, который был подписан «Валери Амелия Мэделайн Реджина Бастельеро, девица». И годы жизни, по которым выходило, что девица Валери умерла всего лишь семнадцати лет отроду, бедняжка. А было это, кстати, не так уж давно, в год рождения лорда Грегора, так что батюшка Аларик должен был ее знать. Наверное, сестра или кузина, неудивительно, что эта потеря до сих пор болезненна, и лорд не хочет о ней говорить... Кстати, не в ее ли честь лорду Грегору дали одно из имен – Валериус? Наверное, Валери очень любили в семье, раз так почтили ее память.

Конечно, спрашивать об этом батюшку Аларика Айлин не стала, чтобы не напоминать о грустном. У нее самый замечательный свекор на свете! Самый добрый, внимательный, чуткий и заботливый! Может, попросить его съездить во дворец и узнать новости?

О, а вот и он, кстати! Знакомая фигура мелькнула в саду, и Айлин поспешно вышла из комнаты, чувствуя себя отвратительно неуклюжей. Какое счастье, что беременность длится только девять месяцев, иначе можно сойти с ума, представляя себя уткой, которая проглотила пушечное ядро!

– Милое дитя! – Завидев ее, лорд Аларик поднялся со скамьи и распахнул Айлин объятья. Ласково обнял ее, взгляделся в лицо и мягко сказал: – Дорогая, вы бледны. Надеюсь, вы хорошо обедали? Могу я что-нибудь для вас сделать? Кстати, ваши бывшие соученики передавали вам поклон и прислали несколько приятных пустяков. Они у меня в комнате, хотите, я прямо сейчас пошлю за ними? Или лучше подождем, пока вы вернетесь в дом? Живописью лучше любоваться в тепле и уюте, поверьте работы этих юношей того стоят.

– Спасибо, милорд, – улыбнулась Айлин, чувствуя, что улыбка тоже вышла бледновато. – Я так ценю ваши старания меня порадовать. Обязательно посмотрю рисунки, но немного позже... У меня к вам небольшая просьба... Впрочем, нет, неважно.

Ей вдруг пришло в голову, что лорд Грегор почему-то не слишком любит своего отца. О, в присутствии кого-то еще он безупречно вежлив, но холод – его не спрячешь. Странно, почему? Батюшка Аларик такой замечательный! Но в их отношениях вообще много странностей и тайн. Почему лорд Стефан, дедушка ее мужа, сделал наследником внука, а не единственного сына? Почему Аларик столько лет провел в поместье, ведь его вовсе не раздражает столичная жизнь, у него здесь есть знакомые, а теперь друзья и ученики... Все эти вопросы никак не хотели обзаводиться ответами, но расспрашивать мужа Айлин не хотела, а свекра – жалела. Он просто не может быть плохим человеком, но в его прошлом явно есть какое-то темное пятно. И, кстати, не связано ли оно с призраком леди Аделин, которая раньше следовала за лордом Алариком?

Ясно одно, если лорд Грегор почему-то решит, что его отец чем-то нарушил семейный этикет, он может попросту отослать Аларика обратно в поместье. И вдруг он будет недоволен, если Айлин попросит свекра съездить во дворец? Нет-нет, она не станет так рисковать! Наверняка супруг скоро вернется...

– Как скажете, милое дитя, но я всегда рад услужить вам, – склонил голову лорд Аларик. – Хотите прогуляться?

Он подал ей руку, и Айлин с благодарностью ее приняла. Почему-то рядом с Алариком она не чувствовала себя неуклюжей и некрасивой, как бы ни кричало об этом зеркало. В его глазах не было слепого восхищения ею, как у лорда Бастельеро, но именно так, насколько Айлин помнила, на нее смотрел отец. И рядом с ним было так же тепло и надежно.

– Можно задать вам вопрос, милорд? – вдруг решилась она. – Боюсь, он покажется бестактным. Вы, конечно, вправе не отвечать!

– Сколько предупреждений, – улыбнулся лорд Аларик, бережно и неторопливо ведя ее по аллее именно так, как Айлин было удобно. – Спрашивайте, дорогая, и посмотрим, смогу ли я ответить.

– На свадьбе я кое-что увидела, – смущенно отозвалась Айлин. – Понимаете, милорд, мой дар таков, что я вижу призраков. Без ритуалов, без вызова, просто... вижу.

– Понимаю, – кивнул лорд Аларик. – И догадываюсь, что именно вы увидели. Точнее, кого. Лорд Эддерли говорил мне, что это вам я обязан невероятной удачей получить весточку от женщины, которую

любил и люблю до сих пор. Простите, моя дорогая девочка, мне следовало раньше сказать вам об этом и выразить благодарность. Сам не знаю, почему до сих пор этого не сделал...

— Так вы смогли с ней встретиться? — Айлин обрадовалась, несмотря на печаль, с которой лорд Аларик говорил об этой женщине. Наверное, потому что печаль эта была светлой и очень искренней. — Это ведь была ваша жена, матушка лорда Грегора, я правильно поняла?

— Это была моя дорогая Аделин, — подтвердил лорд Аларик. — Она погибла много лет назад, но я всегда чувствовал, что она рядом. Впрочем, как я теперь понимаю, не потому, что ее душа меня незримо сопровождала. Знаете, когда лорд Эддерли устроил нам встречу, мы поговорили, и Аделин смогла наконец уйти в Сады, для меня ровным счетом ничего не изменилось. Ну в самом деле, что могло измениться, если она теперь там, а я по-прежнему здесь? Я всегда чувствовал, что она как будто уехала далеко, но где-то в этой немыслимой дали она любит меня, как и я — ее. И мы обязательно встретимся.

— Мне так жаль, милорд, — прошептала Айлин, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. — Вы так ее любили...

— Я ее люблю до сих пор, — мягко поправил ее лорд Аларик. — У нас, Бастельеро, есть ужасная черта. Если мы влюбляемся, то всем сердцем, душой и разумом, не говоря уж о теле. И мы, как правило, однолюбы. Очень плохая черта... Иногда эта любовь делает нас счастливыми, но чаще губит. Не зря в нашем роду так мало счастливых браков. Я был уверен, что уж мне-то повезло, мы с Аделин полюбили друг друга взаимно, ничто не стояло между нами, ни сословные предрассудки, ни деньги, ни родовая вражда. Идеальный брак и по сговору родственников, и по сердечной склонности... Оказалось, этого всего недостаточно. Иногда плохие вещи... просто случаются. Даже с самыми любящими людьми.

Он замолчал, и несколько минут Айлин шла с ним под руку в полной тишине. Наконец лорд Аларик снова заговорил:

— Простите, моя девочка, я вас расстроил. Не печальтесь. Иногда смерть — это не конец, а начало чего-то другого. Полагаю, вы знаете об этом больше меня, не так ли? В любом случае, я вам очень благодарен. Никто не мог предположить, что Аделин осталась призраком. У нее было очень простое незаконченное дело, она всего лишь хотела сказать, что любит меня и никого не винит в своей смерти. Для

призраков время течет иначе, и года, которые прошли для меня, стали для нее не испытанием, а чем-то вроде тихого сна, от которого она очнулась, когда рядом появились вы – единственная, кто смог ее увидеть. После разговора она сказала, что будет ждать меня, и обрела покой. Наконец-то обрела покой, – повторил он задумчиво.

– Я... рада, – выдавила Айлин. – То есть тому, что смогла помочь... И мне так жаль! Несправедливо, когда любящих что-то разлучает! Да, я некромантка, я знаю, что мы снова встретимся в Садах, если будем этого достойны. А потом вернемся в этот мир, чтобы выучить новые уроки, и, возможно, встретимся здесь опять... Я знаю, что так и будет! Но я так не хочу разлучаться с теми, кого люблю...

Ее голос дрогнул, а слезы все-таки полились по щекам. Станным образом после этого стало легче, словно высказать тревогу вслух было именно тем, что могло принести освобождение от нее.

Подведя Айлин к скамейке, лорд Аларик скинул короткий плащ и расстелил его на полированном дереве.

– Милорд! – запротестовала Айлин. – А как же вы?

– Не спорьте, девочка моя, – пожурил ее свекор. – Все-таки я деревенский житель, охотник и рыболов, для меня это не холод, а приятная свежесть. Вы – дело другое. Женщине должно себя беречь.

– Иначе я не смогу рожать, да? – насупилась Айлин.

– Иначе вы простудитесь, и ваш миленький носик покраснеет, – с улыбкой покачал головой лорд Аларик, и Айлин почувствовала себя маленькой глупой девочкой.

Ей даже на руки захотелось взобраться к батюшке Аларику, но это уже была совершенная глупость. Поэтому она села, плотнее закуталась в собственный теплый плащ и взглянула на свекра, набираясь смелости спросить, почему ее муж так не любит...

– Вот вы где... – Хрустящие по сухим листьям шаги и такой же хрусткий голос раздались рядом так неожиданно, что Айлин вздрогнула и зажмурилась. – Милорд Аларик, я вам очень благодарен за внимание и заботу к моей жене.

– Не стоит благодарности, – послышался над головой Айлин такой же ровный и бесстрастный голос свекра. – Моя невестка – чудесная милая девушка, мне только в радость быть с ней рядом.

– Не сомневаюсь в этом, милорд.

Хрусткие шаги обогнули скамью, на которой Айлин сидела, зажмурив глаза, и она подняла тяжелые веки, заставив себя посмотреть на мужа. Лорд Грегор остановился перед скамьей, и его лицо было каким-то странным. Словно он только что закончил сложный ритуал, к которому долго готовился, или сбросил с плеч огромную тяжесть... Или узнал что-то важное, после чего жизнь уже никогда не станет прежней, или...

Айлин сбилась с мыслей. А супруг сел рядом, взял ее руки в свои, холодные и жесткие, поднес к губам, будто стараясь согреть, и попросил:

– Милорд Аларик...

– Я вас оставлю, – поклонился свекор. – Только не держите долго миледи на холоде. Мы долго гуляли, она может озябнуть.

И ушел в сторону дома, как всегда прямой и спокойный, истинный Бастельеро, но, почему-то, изгой в собственной семье.

Впрочем, думать об этом Айлин больше не могла. Тревога всколыхнулась в ней с новой силой.

– Милорд Грегор! – не отнимая у супруга рук, она потянулась к нему, пытаясь заглянуть в глаза. – Что случилось? Его величество, лорд Фарелл... Они живы? В безопасности?

– О, в полнейшей, – отозвался ее муж с легким удивлением, словно не ожидал этого вопроса, а потом вздохнул. – Дорогая, я должен просить у вас прощения. Я обещал снять проклятие с лорда Фарелла, но... не успел. Нет-нет, не беспокойтесь, умоляю! Он жив и совершенно здоров! Проклятие сработало, но Фарелла удалось спасти. К сожалению, это не моя заслуга. Так что я по-прежнему должен вам любой подарок, какой только пожелаете, раз уж этот не удался.

Он говорил с такой искренней досадой, что Айлин, едва она осознала сказанное, захотелось крикнуть что-то неприличное и треснуть этого человека хотя бы кулаком, если Молот Пресветлого недоступен. Подарок не удался – это единственное, что его беспокоит?! А что Лучано едва не погиб?!

– Он точно жив? Проклятие не может сработать еще раз? – спросила она, замерев и даже дыхание затаив в ожидании ответа.

– Исключено, – уронил лорд Бастельеро. – Совершенно исключено, клянусь искрой. Это проклятие из тех, что при срабатывании разрушается, так что на Фарелле его больше нет. И у

меня есть основания полагать, что второй раз королева не сможет им воспользоваться. Слишком... затруднительно. Простите, дорогая, я так устал...

Он посмотрел на Айлин до дрожи знакомыми синими глазами, которыми она когда-то так восхищалась, от одного взгляда которых трепетала и страдала... А сейчас – ничего. Хотя это на нее теперь смотрит, как на воплощение божества, самый завидный мужчина Дорвенанта. Будто слыша эти мысли, лорд Грегор вдруг сделал невозможную вещь.

Он соскользнул со скамейки и встал перед Айлин на колени. Уткнулся лицом ей в подол, прямо в теплый шерстяной плащ – фамильных цветов, разумеется, черный с серебряной оторочкой-позументом. И повторил бесцветным тихим голосом:

– Я так устал, дорогая. Но это ничего не значит. – Поднял голову, заглянул Айлин в глаза и... улыбнулся. Светло, искренне, невероятно радостно! Словно усталость вдруг смыло с его лица этой улыбкой. А потом сказал: – Я люблю вас, моя дорогая Айлин, моя леди, моя единственная любовь... И никому никогда не позволю вас обидеть. Никому.

Глядя в его сияющие глаза, полные любви и заботы, Айлин почему-то захотелось отвернуться, а еще лучше – вскочить и закричать, убегая по безупречным дорожкам старого сада. Но бежать было некуда, и она обреченно закрыла глаза снова. Вот сейчас они еще немного посидят, совсем чуть-чуть, и она встанет, вернется в особняк, прикажет подать шамьет... Нет, теперь нужно будет накрывать на стол, раз вернулся супруг. И сидеть с ним рядом весь бесконечно долгий обед...

Но потом она возьмет этюды, присланные Оуэнами, уйдет к себе, отговорившись нездоровьем, и будет рассматривать их, положив руку на живот и тихонько рассказывая малышу, что нарисовали ее друзья. И все будет хорошо, только бы побыстрее забыть этот взгляд, будто чужой, будто отражение чьего-то иного взгляда, только вместо ненависти – любовь, но такая же беспредельная и беспощадная.

– Я люблю вас, миледи, – повторил Грегор, и в его голосе Айлин слышалось отчаяние.

И вопрос. И мольба.

Но солгать она не смогла.

– Я знаю, милорд, – прошептала она. – Я ни на мгновение не сомневаюсь в вашей любви.

С тихим вздохом лорд Грегор склонился и благоговейно коснулся губами ее ладоней, а потом прижался к ним щекой. Айлин заставила себя сидеть спокойно и ждать.